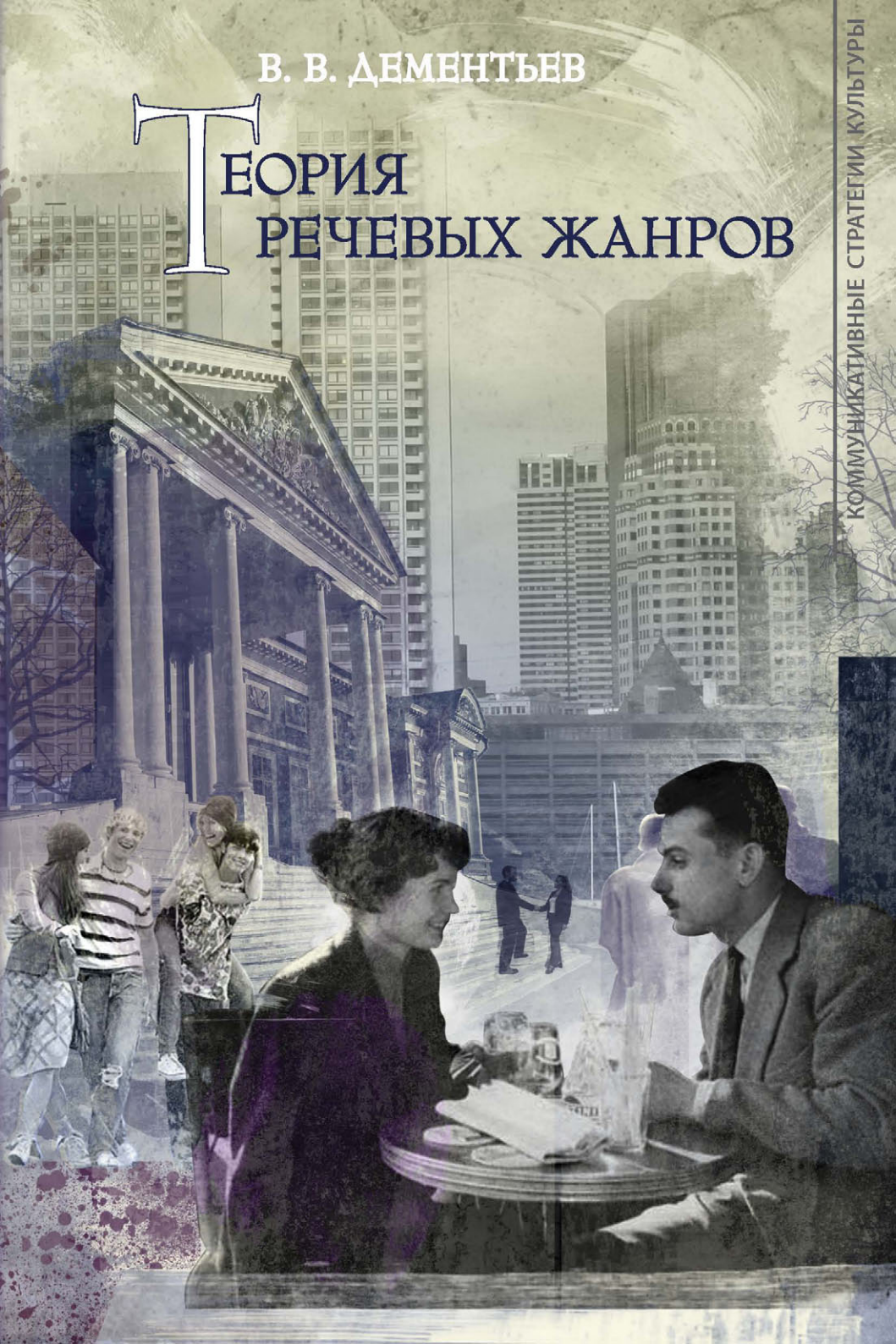

В. В. ДЕМЕНТЬЕВ

Т ЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ КУЛЬТУРЫ

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ КУЛЬТУРЫ

В. В. ДЕМЕНТЬЕВ

ТЕОРИЯ
РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 801.161.1
ББК 83.3Р
Д 30

Редакционный совет серии:

М. М. Гиришман (Донецкий ун-т, Украина), *М. Н. Дарвин* (РГГУ, Москва),
И. В. Силантьев (председатель, Ин-т филологии СО РАН, Новосибирск),
Ю. Л. Троицкий (РГГУ, Москва), *В. И. Тюпа* (РГГУ, Москва),
Ю. В. Шатин (Новосибирский гос. ун-т), *В. Шляйд* (Гамбургский ун-т)

Дементьев В. В.

Д 30 Теория речевых жанров. — М.: Знак, 2010. — 600 с. — (Коммуникативные стратегии культуры).

ISBN 978-5-9551-0409-6

В монографии обсуждаются основные положения теории речевых жанров: место жанра в речевой системности, отношение речевого жанра к коммуникативному жанру, речевому акту, речевому событию, речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия, классификация речевых жанров. Много внимания уделяется речжанровым идеям М. М. Бахтина и их развитию в современном жанроведении.

Рассматриваются новые направления теории речевых жанров: когнитивное и культурологическое жанроведение, изучение жанров новых сфер общения.

Самостоятельные исследования посвящены четырем жанрам русской речи — разговору по душам, светской беседе, флирту, анекдоту семидесятых годов.

Для лингвистов, преподавателей и студентов-филологов.

ББК 83.3Р

В оформлении переплета использован рисунок А. В. Муллиной

ISBN 978-5-9551-0409-6

© В. В. Дементьев, 2010
© Знак, оригинал-макет, 2010

Содержание

Введение. Задачи жанроведения и задачи этой книги	7
ГЛАВА I. Лингвистика XX в.: от текста к жанру и от жанра к тексту (историографический очерк)	17
1.0. О принципах периодизации жанроведения	17
1.1. «Без Бахтина»	21
1.2. Жанры речи и Бахтин	33
1.3. Формальные и содержательные тенденции в теории речевых жанров	43
1.3.1. Лингвистическое изучение РЖ (генристика)	43
1.3.2. Прагматическое изучение РЖ (жанроведение)	52
1.4. Центры и школы изучения речевых жанров	55
1.4.1. Жанры речи и «Жанры речи» (Саратов)	55
1.4.2. Изучение речевых жанров в Волгограде	66
1.4.3. Другие центры (Пермь, Екатеринбург, Орел, Воронеж, Новосибирск, Иркутск)	71
ГЛАВА II. Место жанра в речевой системности	77
2.0. Постановка проблемы	77
2.1. Понятия речевой системности и речевого аттрактора	83
2.2. Речевой жанр и параметризация речи	103
2.3. Место РЖ по отношению к смежным явлениям речевой системности	123
2.3.1. Речевой жанр и коммуникативный жанр	123
2.3.2. Речевой жанр и речевой акт	124
2.3.3. Речевой жанр и стиль	130
2.3.4. Речевой жанр и речевое событие	137
2.4. «Расширяющая» и «сужающая» тенденции в определении речевого жанра	143
ГЛАВА III. Классификация речевых жанров	155
3.1. Основания классификации речевых жанров	155
3.2. Противопоставление первичных и вторичных жанров	164
3.2.1. Разные определения жанровой вторичности	164
3.2.2. Диады	174

3.3. Противопоставление жанров по шкале «жесткость vs. свобода»	185
3.3.1. Тексты и жанры жесткой и мягкой формализации	185
3.3.2. Жанры в парадигме прямой и непрямой коммуникации	197
3.3.3. Косвенные речевые жанры.....	206
3.4. Внутренняя классификация и отдельные типы речевых жанров	209
3.4.1. Фатические речевые жанры	209
3.4.2. Жанры разных социолингвистических типов дискурса	236
ГЛАВА IV. Жанроведение в XXI в.: перспективные направления	247
4.1. Когнитивная генристика: внутрикультурные речежанровые ценности.....	248
4.2. Аспекты проблемы «жанр и культура»	258
4.3. Речевые жанры новых сфер общения.....	273
ГЛАВА V. Изучение отдельных речевых жанров	287
5.1. Жанроведение как «энциклопедия речевых жанров»	287
5.2. Предлагаемые материалы к энциклопедии	304
5.2.1. Разговор по душам.....	305
5.2.2. Светская беседа.....	340
5.2.3. Флирт.....	398
5.2.4. Анекдот семидесятых (текст и жанр)	434
Заключение	493
Список использованных сокращений	499
Библиография	500
Предметный указатель	565
Указатель речевых единиц	577
Указатель имен	584

Введение

Задачи жанроведения и задачи этой книги

Теория речевых жанров (далее — ТРЖ) в ее современном виде, несомненно, стала одним из наиболее актуальных и значимых направлений дискурсивной лингвистики. История ТРЖ ознаменовалась целым рядом важных достижений на пути осмысления функционирования языка и речевой системности. ТРЖ влияет на многие смежные дисциплины, которые используют положения данной теории для достижения своих специальных целей (например, при реконструкции национально-языковых картин мира и систем коммуникативных ценностей), а также при решении задач, являющихся общими для всех речеведческих дисциплин (например, осмысление того, как строится и воспринимается речь на естественном человеческом языке в разных формах, сферах, регистрах).

Антропоцентрическое языкознание опирается на понятие речевого/коммуникативного жанра в качестве одного из наиболее эффективных объясняющих механизмов при изучении ситуаций использования языка, механизмов порождения и интерпретации речи. Теория речевых жанров становится одной из немногих действующих на практике моделей коммуникации, учитывающих такие важнейшие параметры, как ситуация и сфера общения, стиль, интенциональный фактор, форма речи, в том числе способы оформления начала и конца речи, передачи инициативы в диалоге, а также стратегии и тактики ведения коммуникации. В этом состоит выгодное отличие понятия речевого жанра от единиц языка, осмысляемых вне ситуации общения, и от речевых актов, осмысляемых как элементы этой ситуации.

Жанровое оформление коммуникативного поведения относят к основным постулатам коммуникативной лингвистики, представляющим собой обобщение концепций, разработанных в различных областях науки о языке [Карасик, Слышкин 2007: 336].

В России сформировалось несколько центров (Волгоград, Екатеринбург, Краснодар, Красноярск, Москва, Новосибирск, Омск, Орел, Пермь, Санкт-Петербург, Саратов, Тверь), где последовательно и весьма успешно осуществляются описание и систематизация речевых жанров, а также разработка специального метаязыка для описания РЖ.

С середины 90-х г. прошлого века появилось много серьезных работ в данной предметной области, например докторские диссертации В. А. Салимовского «Жанры речи в функционально-стилистическом освещении: Научный академический текст» (2002) и И. Н. Борисовой «Русский разговорный диалог: структура и динамика» (2001), монография М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой «Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект» (1999 и 2004), циклы статей М. Ю. Федосюка, А. Г. Баранова, К. Ф. Седова (названные и другие работы будут подробно представлены в первой, историографической главе настоящей монографии).

В то же время, несмотря на очевидную актуальность, даже необходимость обобщающей книги о речевых жанрах в России для современной антропологически, когнитивно и коммуникативно ориентированной лингвистики, такой книги до сих пор никем не было написано. Говоря «никем не было написано», мы имеем в виду именно обобщающую, итоговую работу, где были бы учтены и систематизированы все значительные теоретические идеи по речевым жанрам в России и опыт практических исследований (анализ речи в аспекте жанровой организации в целом и изучение отдельных жанров), а также история ТРЖ и динамика ее взаимодействия со смежными лингвистическими направлениями и школами.

Что же препятствовало настоящей систематизации и генерализации? Мы видим по крайней мере четыре вполне объективно существующие трудности.

Первой из таких трудностей стало, как ни странно, то, что та методика, которая опирается на концепцию речевого жанра М. М. Бахтина и разработанные им принципы и приемы осмысления и анализа речевых жанров, является исключительно широко востребованной в современных исследованиях по дискурсу. То, что «коммуникативное» изучение РЖ в его современном виде (а это большинство работ по речевым жанрам) заложено Бахтиным, не вызывает сомнений: коммуникативная природа жанра прямо вытекает из самого понятия речевого жанра как форм, в которые отливаются «живые» (т. е. погруженные в реальную ситуацию общения «Говорящего» и «Другого») высказывания. (Ниже нами будет подробно освещена эта часть, по сути, прагматической концепции «высказывания» М. М. Бахтина, а также другие его идеи.) Но и следующее по значимости и распространенности направление изучения РЖ — когнитивное — тоже, по сути, идет от М. М. Бахтина, давшего определение

жанра как типичной модели высказывания: М. М. Бахтин определял речевой жанр фактически как фрейм, хотя, естественно, не пользовался данной терминологией. Таким образом, исследование речевых жанров практически во всех его направлениях не могло быть и не было некогнитивным.

В современном жанроведении стало уже фактически общепризнанным, что смежные речеведческие (и даже языковедческие) дисциплины — коммуникативная лингвистика, теория дискурса, а также когнитивная лингвистика и концептология — не могут успешно справляться со своими задачами без учета положений ТРЖ. В соответствующих параграфах и разделах монографии нами будут подробно освещены отношения, существующие между данными дисциплинами, а также истоки и линии взаимного притяжения и взаимного отталкивания. В то же время мы, естественно, не ставили целью представлять здесь все металингвистические, метатеоретические и историографические отношения — им не место в настоящем исследовании; кроме того, не хочется пересказывать абсолютно, вполне или даже частично общеизвестные истины.

Следует отметить, что в зарубежных и тех российских исследованиях, которые ориентируются на западные концепции и методики изучения речи, имя Бахтина и российские работы, развивающие его идеи, оказались значительно менее востребованными. Такое положение вещей может показаться естественным, однако при ближайшем рассмотрении альтернативность этих названных (прежде всего западных) концепций распространяется преимущественно на внешнюю атрибутику — методику и терминологию, но не на дух и идеи. В этом смысле большинство из них, точно так же как и современные российские работы, можно считать дальнейшим развитием тех идей, которые — пусть не в виде полностью разработанных, эксплицированных в лингвистической терминологии, апробированных на конкретном материале концепций, а в виде отдельных соображений, замечаний «к слову» — были высказаны М. М. Бахтиным. В этом отношении особенно ценными нам представляются, например, исследования РЖ новейших сфер общения.

Насколько нам известно, до сих пор появилось только одно направление изучения речевых жанров, принципиально отличное от всего того, что когда-либо было высказано самим М. М. Бахтиным либо его непосредственными последователями: это идущее от А. Вежицкой и получившее апробацию в ее исследованиях и исследовани-

ях созданной и возглавляемой ею Семантической школы в Канберре кросскультурное изучение РЖ [Wierzbicka 1987; Вежбицкая 1996; Вежбицкая, Годдард 2002]. При этом, по нашему мнению, менее существенной для собственно речежанрового изучения речи является идея универсального семантического метаязыка для описания жанров. Нисколько не умаляя значения данной концепции, мы считаем ее, с одной стороны, менее оригинальной (идея семантических примитивов была разработана для описания лексики и позже перенесена на описание более сложных языковых и культурных явлений, в том числе речевых жанров), с другой стороны, малоприспособленной для описания синтактики РЖ, или «композиции», которую Бахтин считал важнейшей составляющей речевого жанра, — см. ниже. Более существенной (и более востребованной в целом ряде современных сопоставительных, типологических, кросскультурных, а также общетеоретических исследований) мы считаем идею сравнения национальных культур через посредство наборов разных универсальных и национально-специфичных речевых жанров.

Вторая трудность, с которой сталкивается жанровед-теоретик, в каком-то смысле противоположна первой, в каком-то — является ее логическим продолжением. Речь идет о том, что при достаточно широкое понимании речевого жанра теория речевых жанров фактически совпадает с основными положениями дискурсивной теории, главной задачей и сущностной идеологией которой являются поиск и осмысление дискурсивной системности. Показательно, что почти все виды обнаруживаемой дискурсивной системности могут быть возведены к жанровым, так что само понятие РЖ оказывается в каком-то смысле избыточным. (Во второй главе настоящей монографии будут подробно рассмотрены некоторые ключевые для ряда соответствующих дискурсивных концепций типы дискурсивной системности, частично или полностью пересекающиеся с моментами системности речежанровой.) Представлять же все дискурсивные, текст-лингвистические, риторические, стилистические или прагматико-лингвистические исследования, в той или иной степени опирающиеся на понятие речевого жанра и речежанровой системности, естественно, было бы невозможно, ибо это были бы без малого все современные исследования по лингвистике речи.

Третьим объективно существующим препятствием на пути к созданию одной обобщающей концепции РЖ — и одновременно источником громадного множества работ по речевым жанрам

в целом — стало то, что на протяжении 15–20 последних лет даже в тех исследованиях, которые, казалось бы, шли непосредственно за Бахтиным, само понятие *жанра* относилось к числу наиболее многозначных и неопределенных терминов-понятий. Так, даже в пределах одного тематического сборника «Жанры речи» оказались представлены существенно различающиеся концепции жанра. На это справедливо указывает В. Е. Гольдин в предисловии ко второму выпуску сборника: «Понятие жанр речи “втиснуто”, если можно так выразиться, между понятиями речевого акта, текстового типа, тональности общения и некоторыми другими» [Гольдин 1999: 5]. При этом далеко не всегда специально объясняют свое понимание жанра и терминологию даже те исследователи, кто, несомненно, имеет законченную концепцию жанра.

Закономерным следствием из названной разнородности и противоречивости концепций стала разнородность и противоречивость речежанровой терминологии. Увы, исследователь жанровой системности речи теперь должен начинать с разработки и детального объяснения «своей» терминосистемы (даже базовых терминов), вместо того чтобы просто опираться на уже существующую, непротиворечивую и адекватную материалу и методике анализа систему.

Наконец, **в-четвертых**, с того времени, когда Бахтин ввел в филологический обиход концепцию речевого жанра, до настоящего момента жанроведение, увы, не намного приблизилось к выполнению своей программы-максимум — дать адекватное представление всего пространства речевого общения в единой плоскости и на основе объясняющей теории, методики и терминологии РЖ построить энциклопедию (точнее, многие национальные энциклопедии) речевых жанров.

Оказалось, что аутентичный речевой материал настолько хаотичен, многообразен и вариативен, что в скором времени пришлось скрепя сердце признать бесперспективными попытки превратить «неточные» — разрозненные, незавершенные, не оформленные в виде четких положений лингвистической теории — идеи Бахтина в стройную формулу или набор формул, которые позволили бы систематизировать все названное речевое разнообразие в таком виде и объеме, как это было принято в структурно-лингвистических концепциях: непротиворечиво, всеобъемлюще и просто. «Исправления», «уточнения» идей Бахтина в названном направлении, как это часто случалось с подобными структурными моделями, выглядели убедительными и стройными в теории. Первые же попытки использовать их на прак-

тике, при работе с реальным речевым материалом выявляли недостаточность данных моделей — негибкость, неадекватность реальной «жизни» речи и речевых единиц. Кроме того, модели оказывались с неизбежностью протирочивыми — поскольку протирочив, чрезвычайно разнороден был сам анализируемый материал.

Все это привело к тому, что исследования по речевым жанрам, осуществляющиеся в последнее время, в значительной степени отказываются от глобальных объясняющих моделей и не ставят целью показать общую картину, все отдельные участки которой управлялись бы одними и теми же законами. Жанроведы обычно ограничиваются фиксацией системности именно на отдельных — как правило, достаточно маленьких — участках речежанрового пространства. Для каждого такого исследования создается локальная объясняющая модель, не претендующая на то, чтобы адекватно объяснять другие участки.

Нарисованную нами картину трудно, конечно, назвать оптимистической: по сути отказ от глобальных теоретических задач означает, что в результате мы будем иметь столько же объясняющих моделей, сколько отдельных участков картины (отдельных жанров или даже отдельных компонентов внутри одного речевого жанра — например, внутрижанровых стратегий и тактик) будет выделено — или сколько будет осуществлено отдельных исследований. Следует отметить, что в ряде работ авторы вообще отказываются от собственно речежанровой теории и терминологии и объясняют моменты речежанровой системности посредством других методик (например, концептологической).

Впрочем, будучи сдержанными оптимистами, мы верим, что когда-нибудь все трудности (или, по крайней мере, главная часть трудностей) будут преодолены и универсальные и национальные энциклопедии РЖ будут созданы.

Однако практическим выводом из сказанного следует, по-видимому, считать необходимость более осторожной и реалистичной формулировки **задач теории речевых жанров**. Рассмотрим эти задачи, среди которых можно выделить те, которые уже решались (и являются в какой-то степени уже решенными) в осуществлявшихся исследованиях, и те, которые, по нашему мнению, должны быть поставлены в будущих исследованиях.

Относим к главным теоретическим проблемам речевых жанров поиск и осмысление форм и видов **системности**, или упорядоченности, **речи**, а также поиск тех **аспектов**, или **параметров**, **текстово-**

речевого общения, которые подлежат упорядочению (ориентироваться в которых помогают речевые жанры). Таким образом, первая главная теоретическая и практическая проблема речевых жанров непосредственно связана с одной из наиболее актуальных проблем современной лингвистики речи, речевого общения, социолингвистики — параметризацией речи, которая предполагает выявление значимых параметров ситуации общения и их связей и взаимообусловленностей имплицативного типа. Разные типы жанров структурируют разные параметры.

Понятие *жанр* в этом отношении встает в одну парадигму с целым рядом **языковых и речевых феноменов**, рассматриваемых другими лингвистическими дисциплинами и имеющих (как обычно считалось в соответствующих дисциплинах) другую коммуникативно-речевую природу: это, во-первых, *высказывание, речевой/коммуникативный/иллокутивный акт*, а также *интеракция, диалогическое единство, сверхфразовое единство, речевой ход* и т. п.; во-вторых, *речевое/коммуникативное (простое и сложное) событие, поступок* и т. п.; в-третьих, *(функциональный) стиль, тональность речи* и т. п.; в-четвертых *фрейм, (коммуникативный) концепт, когниция*.

Соответственно, второй задачей теории речевых жанров будут **разграничение и систематизация** данных (и других выявленных) феноменов — коммуникативно-речевых / деятельностных / когнитивных явлений, которые «отвечают» за разные аспекты и стороны речевого общения и, естественно, должны рассматриваться через посредство разных концепций, методики и терминологии, но которые тем не менее, по нашему мнению, обнаруживают гораздо больше сходства, чем различий, — сходства, проистекающего из того, что все это «определенные типы высказываний, отличные от других типов, но имеющие с ними общую словесную (языковую) природу» [Бахтин 1996: 160]. Конечно, для решения этой задачи необходимо расширительное понимание речевой/коммуникативно-дискурсивной системности — она выходит за пределы монолога, за пределы одного только внешне-речевого проявления (дискурсивная системность внутренней речи), а также за пределы речевого/языкового/деятельностно-социального мышления.

Третья задача ТРЖ — построение **типологии речевых жанров**. Эта задача является логическим продолжением двух первых, поскольку выделение (в разных жанрах и видах речи) параметров, в каком-то смысле особо значимых, всегда означает переход от внутренней (вну-

трижанровой) системности речи к внешней. Следует подчеркнуть, что жанроведение решает типологические задачи и в случае систематизации отдельных жанров внутри типа, выделенного в соответствии с каким-либо из параметров речевого общения. Так, например, внутри общего пространства *художественных* речевых жанров еще в Античности выделялись *роман, повесть, рассказ* и т. п.; внутри, например, *дисгармонических фатических жанров* — *скандал, ссора и выяснение отношений; положительно эмоционально воздействующих* — *лесть, комплимент и похвала* и т. д.

Учитывая, что параметры ситуаций общения/дискурса/событий чрезвычайно многообразны — а следовательно, точно так же многообразны будут и соответствующие типы жанров, — мы можем назвать не так уж много безусловно выявляемых **типов**. Несомненно, для общей типологии речевых жанров будет чрезвычайно существенным деление жанров на *художественные* и *нехудожественные*, *письменные* и *устные*, *монологические* и *диалогические*, *простые* и *сложные* (критерии «сложности» при этом могут очень существенно варьировать — подробнее см. ниже), *прямые* и *косвенные* (естественно, о критериях косвенности можно сказать то же самое), *спонтанные* и *риторические*, *персональные* и *ритуально-институциональные*... Как видим, типология жанров в каком-то смысле стремится к тому, чтобы совпасть с используемыми во многих дискурсивных теориях классификациями дискурса (на разных основаниях и при различных определениях дискурса и подходах к нему).

Справедливости ради следует отметить, что многие (но далеко не все) классификации дискурса предполагают дальнейшее выделение и более или менее дифференцированное изучение соответствующих жанров; так, противопоставив *информативную речь* и *фатическую речь*, Т. Г. Винокур (вклад которой в типологизацию устных жанров в целом и дальнейшее осмысление и типологизацию фатических жанров мы считаем очень существенным) не стала говорить об отдельных *информативных* и *фатических речевых жанрах*: это сделали уже ее последователи; выделив *персональный дискурс*, В. И. Карасик выделяет далее, по нашему мнению, очень существенную оппозицию *бытовых* и *бытийных* типов персонального дискурса, однако о конкретных *жанрах* данных разновидностей персонального дискурса ничего не говорит, предоставляя эту возможность другим исследователям.

Автор считает своим долгом предупредить читателя, что старался быть объективным в оценке разных речежаровых концепций и школ, но, поскольку сам достаточно активно занимается жанрами на протяжении 20 лет и смотрит на историю отечественного жанроведения «изнутри» (во всяком случае, автор никак не отделяет себя от «саратовского жанроведения», а отчасти, пожалуй, и «волгоградского»), возможно, в некоторых случаях это могло не самым лучшим образом сказаться на его объективности. Не ставя, естественно, задачи анализировать все разнообразие современных работ по дискурсу, мы сознательно значительно ограничиваем материал своего аналитического обзора — основная часть работ, представляемых здесь, выполнена в русле современной теории речевых жанров. Конечно, наше исследование (особенно эта обзорная часть) могло быть значительно обширнее, богаче и, возможно, интереснее, однако мы считаем, что и представление одной только российской ТРЖ само по себе уже является достойной задачей.

В процессе написания книги ее главы и параграфы, а также отдельные идеи обсуждались с Л. В. Балашовой, О. Б. Сиротининой, В. И. Карасиком, В. Е. Гольдиным, К. Ф. Седовым, В. А. Салимовским, Е. И. Шейгал, которым автор выражает искреннюю благодарность.

ГЛАВА I

Лингвистика XX в.: от текста к жанру и от жанра к тексту (историографический очерк)

1.0. О принципах периодизации жанроведения

Развитие теории речевых жанров в последнюю треть двадцатого века не было, конечно, свободно от общего состояния лингвистической (шире — филологической) науки и более активного развития отдельных ее направлений. Собственно, взаимодействуя с новым направлением науки, ТРЖ каждый раз раскрывалась в новых своих аспектах и гранях. Периодически появлялись работы, посвященные новым, не рассматривавшимся ранее аспектам речевых жанров, у ТРЖ усматривали новые объяснительные возможности (ср. исследования последних лет: [Кравченко 2003; Маркова 2003; Горошко, Саенко 2005; Слышкин 2005; Степанов 2005; Алефиренко 2007]). В целом такие явления свидетельствуют о здоровье науки: актуальности и динамичном развитии, хотя, к сожалению, названные попытки далеко не всегда приносили по-настоящему убедительные результаты и не всегда сопровождались по-настоящему адекватным осмыслением сущностной природы взаимодействующих в данном случае научных дисциплин, их индивидуальных объясняющих возможностей и специфики.

Известно, что нечто подобное (десятилетием-двумя раньше и, пожалуй, в более явном виде) произошло с теорией речевых актов, прагматикой, прагмалингвистикой.

Становление прагмалингвистики прошло под знаком трепетной надежды лингвистов на то, что эта новая, максимально приближенная к «живой жизни» языка внешнелингвистическая дисциплина наконец-то сдернет завесу тайны с многих давних «тайников» языка и речи. Так, по мнению И. П. Сусова, интегративное толкование предмета прагматики делает понятие с е м о т и к и, делящейся, согласно Ч. Пирсу и Ч. Моррису, на синтактику, семантику и прагматику, вообще излишним, поскольку «абстрактная, или теоретическая, прагматика нередко претендует на универсальный характер, стремясь показать возможность применения формального аппарата к прагматической интерпретации естественных языков, в частности

логики действия и математической теории игр» [Сусов 1983: 6–9]. Тогда задача-максимум прагмалингвистики состоит в том, чтобы изучать соотношение типов дискурса и типов личности, задача-минимум — построение типологии языковых личностей [Сусов 1989: 15]. Объясняющие потенции прагмалингвистики были использованы чрезвычайно разносторонне и широко — тоже гораздо шире, чем это предполагалось в то время, когда основные положения теории речевых актов еще только начинали разрабатываться: со временем ТРА становится действительно наиболее разработанной и точной методикой анализа речи, ее методика и терминология доводятся до отточенности, филигранности — и... ТРА начинает вырождаться. На смену универсализму приходят атонизм, схематизм без учета психологического состояния каждого из коммуникантов, крен в сторону одного иллюкутивного компонента речевого акта по сравнению с локутивным и перлокутивным, господство формальной логики и как следствие потеря собственно текста, реального говорящего, реального общения — все это привело прагматику, как писала Т. Г. Винокур [Винокур 1993а: 20–21], к определенному кризису, когда в центре внимания оказались модели и прагмалингвистика перестала соответствовать своему назначению — быть наиболее личностно-ориентированной и наиболее связанной с действительностью внешнелингвистической дисциплиной.

В случае ТРЖ, впрочем, мы имеем несколько другое: по-видимому, настоящей «потери реальной речи» все же не произошло, однако энтузиазм, присущий первым исследователям, постепенно схлынул, ибо реальные результаты оказались все же скромнее, чем это представлялось лет 15–20 назад.

Если попытаться охарактеризовать развитие теории речевых жанров после выхода статьи М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров» в наиболее общем виде, можно сказать, что, во-первых, теория речевых жанров очень значительно менялась вместе с общей научной парадигмой в лингвистике, однако практически при каждой новой научной парадигме ТРЖ была востребована.

Во-вторых, постоянно способствовали развитию каждого из новых направлений лингвистической науки и ТРЖ сама по себе, и выделение понятия речевого жанра (или сходных с ним речевых явлений) в качестве базовой единицы/одной из базовых единиц данной теоретической концепции.

Это верно уже по отношению к зарождавшейся в 20-е г. концепции М. М. Бахтина (книга Бахтина/Волошинова «Марксизм и философия языка») и складывавшейся в те годы научной парадигме в лингвисти-

ке. Обычно концепцию РЖ Бахтина по ее пафосу и месту в советской и мировой лингвистике двадцатых годов определяют как антиструктуралистскую (и в этом смысле как бы преждевременную и поэтому не востребованную современниками в настоящем виде). Касается это и гораздо более четко разработанной в собственно лингвистической терминологии концепции речевого жанра Бахтина начала 50-х г. (статья «Проблема речевых жанров»). В это время общий пафос научной деятельности Бахтина был во многом направлен против виноградовского структурализма: общий формально-структурный крен в лингвистической науке уже совершенно очевидно стал фактором, активно препятствовавшим настоящему осмыслению настоящего положения дел.

В то же время высказывания Бахтина о виноградовской лингвистике (и системно-структурной лингвистике в целом) этого периода уже гораздо более сдержанны, чем, например, работы Бахтина/Волошинова 20-х г. в статье «Проблема речевых жанров», по мнению В. М. Алпатова, очевиден отход от максимализма «волошиновского цикла», где язык в сосюрловском смысле рассматривался как фикция, ограниченно полезная в целях обучения языку, а идеологичность приписывалась любым языковым явлениям [Алпатов 2005: 313]¹. Уже в самом начале статьи «Проблема речевых жанров» мы читаем: «Использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных или письменных) участников той или иной области человеческой деятельности» [Бахтин 1996: 159]. Из этой цитаты видно, что язык, по М. М. Бахтину, — не абстракция: использоваться может что-то реально существующее. Ср. также: «Язык, как система, обладает, конечно, богатым арсеналом языковых средств — лексических, морфологических и синтаксических — для

¹ Следует отметить, что в современной лингвистике, филологии и философии существуют разные традиции прочтения творческого наследия М. М. Бахтина, в частности его цикла работ по речевым жанрам. Так, автор комментариев к собранию сочинений М. М. Бахтина Л. А. Гоготишвили считает, что главная отличительная особенность его текстов — так называемое двойное дно, «чужой голос» (в том числе в работах, написанных и изданных под именем самого М. М. Бахтина) [Гоготишвили 1996: 537–538].

Полемизируя с Л. А. Гоготишвили, В. М. Алпатов полагает, что статья «Проблема речевых жанров» и другие работы, написанные в Саранске, — отражение не «чужого», а «прямого слова» автора, который не обладал заранее истиной, которую пытался затем завуалировать для неподготовленного читателя, а искал ее и далеко не всегда мог найти [Алпатов 2005: 294].

выражения эмоционально-оценивающей позиции говорящего» [Бахтин 1996: 188]. Очевидно, что язык понимается здесь в традиционном смысле, уточненном Ф. де Соссюром.

Выделив «абстрактный объективизм» и «субъективный идеализм» в лингвистической науке, Бахтин теперь определяет сущность и место РЖ следующим образом: а) РЖ объективно е с т ь, как и язык; б) как и язык, РЖ могут изучаться либо с позиций абстрактного объективизма, либо с позиций субъективного идеализма — хотя, конечно, субъективный идеализм всегда был ближе Бахтину.

В конце 1970-х, когда в СССР выходит первая книга Бахтина «без маски» со статьей «Проблема речевых жанров», изучение речи в лингвистической научной парадигме в целом определялось: а) советской/зарубежной коллоквиалистикой/методикой конверсационного анализа (для советской школы изучения разговорной речи этого периода, в частности, серии коллективных монографий «Русская разговорная речь» (Москва), характерен поиск особой речевой системности, отличной от языковой); б) теорией речевых актов: как и лингвистика на Западе, российская лингвистика в это время успешно использует положения и методiku прагматики и теории речевых актов Остина — Серля. В постструктуралистской лингвистике становится актуальным рассмотрение человеческого фактора в языке, компонентов коммуникативной ситуации и дискурса. В то же время эти внешнелингвистические исследования осуществляются с опорой на глубокое осмысление единиц и системных отношений, или значимостей, языка, присущее предшествующей — системно-структурной — научной парадигме.

Прежде всего через призму данных теорий тогда и была встречена концепция речевого жанра М. М. Бахтина: первые попытки ее практического использования отмечены значительным сближением ее положений именно с коллоквиалистикой и теорией речевых актов — тем более что для лингвистики речи этого времени характерны, с одной стороны, общая прагматикализация научного аппарата, с другой — поиск базовой единицы, в формальном и особенно содержательном отношении превосходящей предложение/речевой акт (поиск ведется на пересечении общей теории коммуникации, коллоквиалистики, стилистики, прагматики, лингвистики текста). В получившей широкую известность статье А. Вежбицкой «Речевые жанры» [1997 (первая публикация — в 1983 г. на польском языке)] отразилось именно это состояние лингвистики речи.

Отмеченные особенности в полной мере присущи и последующим этапам развития теории речевых жанров.

Так, к концу 80-х — началу 90-х положения ТРЖ подвергаются дальнейшей прагматикализации, методика теории речевых актов (отсюда — формальной логики) в жанроведческих исследованиях этого времени (генристике) господствует, в результате ТРЖ с неизбежностью становятся присущи все названные выше недостатки ТРА.

Примерно в это же время (в некоторых положениях — значительно раньше) концепция РЖ была востребована в функциональной стилистике, идущей, как известно, от В. В. Виноградова (см. в следующей главе о функционально-стилистическом жанроведении). (Данный факт, кстати, доказывает, что идея РЖ сама по себе совсем не была антивиноградовской.)

К середине — концу 90-х годов, вместе с общей семантизацией и когнитивизмом лингвистических концепций в российской и мировой лингвистике, исследования по речевым жанрам тоже становятся все более семантическими и когнитивными, на первый план выходит содержательная сторона речевого жанра, а само понятие «жанр» в значительной степени взаимодействует и пересекается с понятием «концепт». Показательно, что РЖ вновь становится (в другом смысле) базовой единицей: а) когнитивного анализа дискурса; б) изучения коммуникативной компетенции и (коммуникативных) концептов; в) национально-культурной (языковой и коммуникативной) картины мира; г) портретирования языковой личности и д) лингвокультурных типажей.

Дальнейшая семантизация научного аппарата лингвистики ознаменовалась, с одной стороны, усилением внимания к содержательной стороне языковых единиц, с другой — вовлечением в лингвистический обиход содержательных явлений сложной природы, которые раньше не подвергались систематическому изучению в лингвистике (манипуляция, (полиинтенциональный) намек, ирония и другие аспекты непрямой коммуникации). При лингвистическом изучении данных явлений вновь — в несколько другом виде — оказываются востребованными объясняющие потенции речежанровой модели.

1.1. «Без Бахтина»

В данном параграфе мы не будем, естественно, представлять классический структурализм, против положений которого был прежде всего направлен полемический пафос работ и Бахтина, и Бахтина/Волюшинова (и позже — А. Вежбицкой): то было явно не лучшее время для изучения речевых жанров — как и речи в целом.

Нас интересует уже постструктуралистское состояние лингвистики, где исправлялись издержки структурализма (в первую очередь невнимание к речи и тексту), — то состояние лингвистики, когда она уже созрела для того, чтобы теоретически и практически благосклонно воспринять идеи Бахтина, высказанные 20, 30 и даже 50 лет назад.

Если принять за условную точку отсчета 1978 г., когда в СССР впервые выходит статья «Проблема речевых жанров» М. М. Бахтина (или 1979 г. когда она выходит в полном виде), к этому времени «жанроцентризм» (по выражению Т. В. Шмелевой [Шмелева 1992: 5–8]) уже становится одним из основных подходов к исследованию устной диалогической речи (наряду со звукоцентризмом, словоцентризмом и риторическим направлением).

Так, говоря об общем развитии речеведческой науки в России, М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова вспоминают, что «уже в первой хрестоматии русской разговорной речи корпус текстов был организован по жанровому принципу» [Китайгородская, Розанова 1999: 21], а основания для выделения типов речи уже тогда, по сути, представляли собой жанровые параметры: «Часть компонентов КА (коммуникативного акта. — *В. Д.*), которые были признаны значимыми для выделения разновидностей устной речи, фигурируют в качестве существенных, влияющих на ее жанровую дифференциацию (характер коммуникации, вид коммуникации, число участников, их коммуникативные намерения и др.)» [Там же].

В добахтинской литературе представлено множество определений жанра. В целом эти концепции можно разделить на две группы.

Первую группу составляют концепции, опирающиеся на классическое определение жанра (Аристотель, Н. Буало). Однако такой подход, по-видимому, малопригоден для лингвистического изучения речи, поскольку лишен необходимой гибкости и динамизма. В этом случае жанр понимается или очень узко (например, в БСЭ — только применительно к произведениям художественной литературы и искусства), или, наоборот, слишком широко. Так, в энциклопедии «Русский язык» (1979) и в коллективной монографии «Русская разговорная речь» [РРР 1973] речь идет лишь о жанрах монолога, диалога и полилога (впрочем, в последней работе перечислены «распространеннейшие жанры диалога — дружеская беседа, непринужденная болтовня, разговоры двух лиц в семье, с соседом и т. д.» [РРР 1973: 35]). К сожалению, упрощенное представление о речевом жанре характерно не только для

добахтинского жанроведения — точно такое же определение речевого жанра представлено на страницах Лингвистического энциклопедического словаря [Винокур 1990: 381] (в том числе при его переиздании в 1998 г.).

Вторая группа исходит из описания отдельных аспектов жанровой организации речи. В этих работах, безусловно, содержится много ценного, однако в них нет целостной и четкой концепции РЖ. В частности, отмечается существование стереотипов, устойчивых форм речи и речевого поведения [Шведова 1960; Скребнев 1985; Тарасов 1977; Соковнин 1974]; соответствие речевых действий типу действительности [Верещагин, Костомаров 1976: 152; Лаптева 1976; Белл 1980]; структурность [Демьянков 1981; Ромметвейт 1972]; вторичность составных элементов базовой единицы [Пешковский 1938, Жинкин 1982: 108–194]; отношение к интерпретации и классификации (В. Я. Пропп — для фольклорных жанров [Пропп 1976: 34–35]), [Демьянков 1981; Колшанский 1983; Леви-Стросс 1983]; связь с речевым этикетом [Гольдин 1978; 1983].

В целом такой подход характерен для социолингвистов, психолингвистов, философов, этнографов и антропологов, а также для тех лингвистов, которые изучают с разных сторон разговорную речь. Прежде всего это касается «д и а л о г и ч е с к о г о е д и н с т в а».

Диалогическое единство (далее — ДЕ), согласно Н. Ю. Шведовой, — это сочетание реплики-стимула и реплики-реакции «по определенным правилам синтаксической зависимости» [Шведова 1960: 281]. ДЕ было выделено исследователями русской разговорной речи на рубеже 50–60-х гг. и вначале рассматривалось исключительно со структурно-грамматической точки зрения [Святогор 1960: 19; Орлова 1968; Лаптева 1974]. По мнению Н. Н. Гастевой, при таком подходе ДЕ «вырывались из диалогической структуры, в которую они входят» [Гастева 1990: 17]. К концу 70-х гг., когда в результате активного изучения РР было доказано, что (в РР) смысловая организация высказываний гораздо важнее формальной (принцип превалирования смысла над формой В. Барнета [Barnet 1970]), стали считать возможным выделение ДЕ на основе и/или только (вместе со структурной) смысловой связи [Девкин 1979: 25; Колшанский 1984: 93]. С 80-х гг. большинство исследователей в качестве основного признают прагматический критерий [Комина 1984; Макаров 1990; Матвеева 1990]. При таком подходе ДЕ усложняется до многочленного (оно больше, чем просто сочетание «стимул—реакция») и необязательно

должно иметь вопросительную исходную реплику [Гастева 1990]. Это вновь чрезвычайно сблизило понимание ДЕ с концепцией РЖ Бахтина.

В целом место РЖ в коллоквиалистике определяется самой логикой ее развития с начала 60-х г. XX в.: вопреки распространенному системно-структурному подходу, который, как известно, отрицал наличие системы в речи («на оси времени»), были выявлены многие системные особенности разговорной речи (см., например, мнение авторов коллективной монографии «Русская разговорная речь» [PPP 1973]). Изучение русской разговорной речи, осуществляемое в Саратовском университете под руководством О. Б. Сиротининой, исходит из того, что это система иного типа, нежели система языка: это очень нежесткая система, в любой речи присутствует очень значимое несистемное начало.

Разностороннее изучение русской разговорной речи прояснило многие значимые свойства ее жанров. Было установлено, что речевые жанры являются неотъемлемой частью и основным средством организации разговорной речи сложного коммуникативного феномена, чаще всего характеризующегося непосредственностью, спонтанностью, неофициальностью, постоянным активным участием слушающего (как следствие частой сменой тем, коммуникативных ролей, непредсказуемостью).

Принципиально важные положения для развития теории речевых жанров, на наш взгляд, разработаны в двух фундаментальных исследованиях синтаксических аспектов PPP, выполненных на рубеже 80–90-х гг. под руководством О. Б. Сиротининой: докторской диссертации М. А. Кормилицыной и кандидатской диссертации Н. Н. Гастевой.

В работе М. А. Кормилицыной [1988] доказывается, что развертывание PPP часто осуществляется по правилам, отличным от норм формального синтаксиса. Даже простое предложение в PPP, как правило, имеет сложный для понимания характер, поскольку говорящий стремится передать коммуникативно значимую информацию максимально экономными средствами, опуская все «лишнее», малоинформативное. В РР имплицитные высказывания далеко не всегда могут быть дополнены до соответствующих эксплицитных с тождественным смыслом (ср. широкое использование в РР косвенных номинаций события конкретными именами в пропозитивном значении, компликаторов с двусторонними семантическими связями и др.).

В кандидатской диссертации Н. Н. Гастевой, посвященной диалогическим единствам в РР [1990], доказывается, что кроме собствен-

но языковых аспектов связности, являющихся основой вопросно-ответного единства, в РР существуют очень значимые диалогические единства, связь реплик в которых обусловлена коммуникативно-прагматическими факторами: «⟨...⟩ в более или менее длительном разговоре» реакции на повествовательные высказывания «типичны, характерны для ведения диалога, они принципиально обязательны... и отражают его (диалога. — В. Д.) сущность» [Гастева 1990: 96]. Ср. вопросно-ответные ДЕ с грамматической связью: — *А куда делся этот старшина? — Она его застрелила*; вопросно-ответные ДЕ без грамматической связи: — *Как определяются грамматические ошибки? — Вопрос* [Там же]. При таком подходе диалогическое единство усложняется до многочленного (оно больше, чем просто сочетание «стимул—реакция»). Это сближает понимание диалогического единства с концепцией речевого жанра М. М. Бахтина. К несомненно сильным сторонам диссертации можно отнести прагматическое основание выделения ДЕ и анализ отдельных реплик с точки зрения их роли в целом ДЕ: так, Н. Н. Гастева называет, опираясь на И.П. Святогора [1967] и частично переосмысляя его, виды реагирующих реплик (в порядке убывания частотности): 1) согласия, подтверждения; 2) оценка; 3) уточняющие вопросы; 4) несогласия, возражения; 5) «подхватывы»; 6) переспросы; 7) сопоставления («а у нас...»); 8) «уяснения» («а-а, вон оно что!») [1990: 101–103].

Повторяем, несмотря на то что отсутствие четкого и общепринятого представления о речевом жанре отрицательно сказывается на «жанроцентризме» в изучении речи тех лет, положение о настоящей, сущностной связи реплик в таких диалогах, по сути, чрезвычайно сближается с бахтинским учением о «содержательной завершенности» высказывания, границы которого определяются именно возможностью занять по отношению к нему ответную содержательную (по сути, прагматическую) позицию (например, выполнить приказание) [Бахтин 1996: 178].

Исследование ДЕ не стало менее активным после публикации и распространения идей Бахтина. Напротив, можно сказать, что изучение ДЕ (прежде всего с прагматических позиций) еще больше активизируется. Исследователи строят оригинальные объясняющие модели, выделяют новые значимые аспекты ДЕ и связности реплик, входящих в его состав.

Следует отметить представляющееся важным для изучения диалогической речи понятие «прагматической валентности», которое вводится (по аналогии с понятием синтаксической валентности в синтаксисе) в кандидатской диссертации Н. А. Коминой [1984],

посвященной коммуникативно-прагматическому изучению английской диалогической речи. Исследовательница устанавливает, что прагматическая валентность определяется в первую очередь иллокутивным типом реплики-стимула и может быть сильной (*директив, вопрос, комиссив, экспрессив, констатив*) и слабой (*декламация и вокатив*). В 90-е г. коммуникативно-прагматические аспекты связности ДЕ продолжают активно изучаться в ряде школ по лингвистике текста, в частности в Перми, в рамках общего изучения синтаксической деривации под руководством Л. Н. Мурзина.

В целом представляется вполне закономерным, что наиболее значительные перемены как в количественном, так и в качественном отношении к этому времени происходят в прагматике и теории речевых актов (см. в следующей главе о генетической близости понятий «речевой акт» и «речевой жанр»). Именно данная предметная область в результате в наибольшей степени сближается с рядом важных положений жанроведения.

По мнению А. Вежбицкой, популярность теории речевых актов (например, по сравнению с идеей языковых игр Л. Витгенштейна) связана с аксиоматичным признанием существования какого-то, возможно, конечного набора речевых актов — «маленьких и разнообразных единиц, близких традиционным объектам языкознания» [Вежбицка 1997 (1983): 102]. Выбор структурных элементов РЖ из этого набора соотносим со «стилем РЖ» Бахтина.

Существует довольно много классификаций РА, построенных на различных основаниях. Наиболее распространенным является иллокутивно-перформативный критерий, впервые примененный в ставших классическими типологиях Дж. Л. Остина [Остин 1986], Дж. Серля и Д. Вандервекена [Серль, Вандервекен 1986: 180]; см. также [Почепцов 1981; Апресян 1986: 208–233] и др.

К классификациям, основанным на других критериях, относятся, например, таксономии Дж. Лича, Т. Баллмера и В. Бренненштуль, Д. Г. Богушевича, У. Стайлза.

У. Стайлз разрабатывает 8-классную таксономию, основанную на трех принципах: источнике опыта (отражает ли высказывание идеи, сведения, чувства и поведение говорящего или адресата), структуре референции (описывается ли говорящим опыт со своей точки зрения или с точки зрения, которую он разделяет с адресатом), фокусе (знание или незнание говорящим опыта или структуры референции адресата) [Stiles 1981].

Т. Баллмер и В. Бренненштуль строят таксономию по многоступенчатому иерархическому принципу. Выделяются шесть общих «моделей»: волонтактивная (воздействие на другого), языковой борьбы, дискурсная (внешняя организация разговора, типы разговора), текстовая (производство, получение, манипулирование текстами) и др. [Ballmer, Brennenstull 1981: 131].

Данные модели, учитывающие адресата высказываний, имеют дело с последовательностями (хотя бы на уровне последовательности «стимул—реакция») и объясняют не только парадигматику, но частично и синтагматику РА как структурных элементов РЖ. Абсолютное большинство исследований последней посвящено именно двухчленным единствам, и прежде всего вопросо-ответным [Чахоян 1979: 67; Гак 1982: 75; Бырдина 1985; Орлова 1968].

Основатель «теории сложных речевых актов» В. И. Карабан, анализируя возможные отношения между иллокутивными целями (включенность: $РА_1 \rightarrow РА_2$, тождество: $РА_1 = РА_2$ — и отношение способствования: $РА_1 \rightarrow \emptyset \rightarrow РА_2$, по Л. Ельмслеву), выводит три типа сложных (двухчленных) речевых актов: 1) комплексный акт с отношением субординации между компонентными простыми актами; 2) композитный акт с отношением координации между компонентами; 3) составной акт, в котором компонентные акты связаны отношением специфического способствования [Карабан 1989: 13–14].

Поскольку ДЕ «стимул—реакция», как уже было сказано, с неизбежностью вырывается из структуры целого диалога и отражает лишь одну локальную и однонаправленную связь между двумя линейно последовательными репликами, на рубеже 70–80-х г. ведутся активные поиски другой единицы диалога, более содержательной и соответствующей сути диалога. Поиски эти идут в нескольких направлениях.

Часть лингвистов отмечают соотносительность ДЕ со сверхфразовым единством в монологической речи [Москальская 1981; Киселева 1978; Ковалева 1980; Серкова 1978; Бурвикова 1981; Борботько 1981]. Сюда же можно отнести работы Н. Д. Тамарченко, предлагающего исследовать отпечатки диалогичности (внешняя адресованность, семантическая двойственность) о т д е л ь н ы х реплик, входящих в диалог [Тамарченко 1982: 40]. Эти исследователи изучают диалогические тексты в категориях последовательности, главы (абзаца), ключевого слова. Однако большинство исследователей исходят прежде всего из диалогической сущности разговорного текста.

В начале 1990-х г. А. Н. Баранов и Г. Е. Крейдлин публикуют в «Вопросах языкознания» свой ставший с тех пор широко известным цикл статей об **иллокутивном вынуждении** в диалогических единствах. Исследователи вводят термин «**минимальная диалогическая единица**» (МДЕ): «МДЕ, или минимальный диалог, — это последовательность реплик двух участников диалога — адресанта и адресата, — характеризующаяся следующими особенностями: (i) все реплики в ней связаны единой темой; (ii) она начинается с абсолютно независимого и кончается абсолютно зависимым речевым актом; (iii) в пределах этой последовательности все отношения иллокутивного вынуждения и самовынуждения выполнены; (iv) внутри данной последовательности не существует отличной от нее подпоследовательности, которая удовлетворяла бы условиям (i) — (iii) [Баранов, Крейдлин 1992: 82–84]. РА является независимым, когда его производит человек согласно своим интенциям; РА зависим, когда его появление в ы н у ж д а е т предшествующий РА. С а м о в ы н у ж д е н и е имеет место, когда первая реплика первого автора вынуждает вторую того же автора (например, реплики *Встать! Суд идет!* связаны самовынуждением, а в ДЕ (1) — *Знаешь что?* (2) — *Что?* (3) — *Федор вчера вернулся* (4) — *Ну да?!* отношения между репликами значительно сложнее: здесь есть вынуждение между (1) и (2), (2) и (3), (3) и (4) и самовынуждение между (1) и (3).

Изучением закономерностей **вынуждения** появления РА (предыдущим(и) РА, собственной прагматической валентностью, контекстом ситуации, а также социальными и психологическими мотивами каждого из коммуникантов) занимались многие исследователи независимо от Бахтина — например, Н. И. Жинкин (**уровни развертывания текста**) [Жинкин 1982], Т. А. ван Дейк (понятие **текстового структуратора**) [Дейк ван, Кинч 1988].

В. Г. Гак, разработавший учение о «**номинационной цепочке**» [Гак 1972], Н. И. Серкова [Серкова 1978], И. Э. Давкова [Давкова 1994] и исследователи семантической когерентности текста (в том числе разговорного) из бывшей ГДР [Harweg 1968; Steinitz 1968; Isenberg 1968; Viehweger 1976; Heinemann 1982] опираются на понятия «**основной предмет речи**», «**семантическое сходство**» (часто — тождество) и «**отражение**» высказываний в тексте, «**тематическая пегля**», «**подтема**». Т. В. Матвеева предлагает заменить термин «**номинационная цепочка**» В. Г. Гака термином «**цепочка хода мысли**» [Матвеева 1990: 22] и добавляет к «**линейным**» текстовым категори-

ям (к которым относятся цепочки) «**полевые**» и «**объемные**» [Матвеева 1990: 16–20].

Существует обширная литература о **темо-ремагическом** развитии диалога, опирающаяся на идеи В. Матезиуса. О. Йокояма предлагает описывать развитие последовательности высказываний при помощи шкалы **импозиции**, т. е. навязывания собеседнику неадекватной темы разговора [Йокояма 1992: 95–98]. Исследовательница использует понятие **коммуникативного динамизма** Я. Фирбаса — способность данного элемента способствовать развитию дискурса, то, что «толкает» его вперед [Firbas 1971: 135–136]. Чем более контекстуально независим элемент, тем выше его степень коммуникативного динамизма.

Развивая оригинальную концепцию Ф. Данеша [Daneš 1970], изучением **тематических прогрессий** занимаются Л. Н. Мурзин [Мурзин, Штерн 1994: 31], М. Л. Макаров [Макаров 1990: 44], Н. И. Теплицкая [Теплицкая 1984] и др. Так, выделяются кустовые прогрессии $T_1 \rightarrow P_1; T_1 \rightarrow P_2; T_1 \rightarrow P_3 \dots$ типа: *Дом был новый. Он стоял на косогоре* — и цепочечные прогрессии $T_1 \rightarrow (P_1 = T_2) \rightarrow (P_2 = T_3) \rightarrow P_3 \dots$ типа: *Дом был новый. Новизна его бросалась в глаза*.

Осмысление речевой системности, отличной от языковой, успешно осуществлялось в Саратовской лингвистической школе в конце 1990-х г. в исследованиях по психологическим, социологическим, текстovým особенностям PPP [Вопросы стилистики 1998, 1999], и прежде всего в исследованиях по **синтаксису речи**. В выполненных под руководством О. Б. Сиротининой диссертациях: докторской Т. Н. Колокольцевой [2001] и кандидатской Е. Ю. Викторовой [1999] выявляются текстообразующие потенции **коммуникативов** — вербальных реакций собеседников на реплику, не содержащих предикативности (*О! Слушай/ какие у тебя цветы-то// у! Это откуда у тебя цветы такие? <...> — Пряж весенние — Ой!//*).

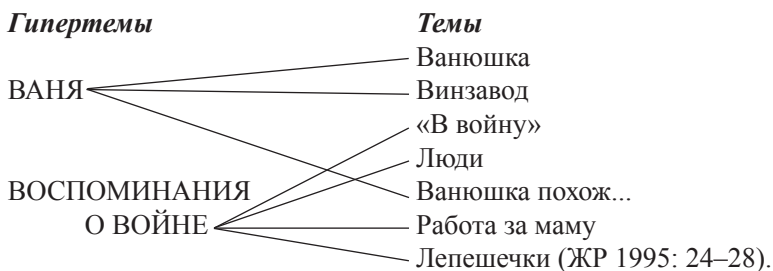
Концептуально ближе к идее РЖ (фрейма) «вертикальные» текстопорождающие модели [Одинцов 1980; Ballmer, Brennenstuhl 1981; Дейк ван 1989; Макаров 1990], обеспечивающие **цельность** текста. Коммуникант вначале выбирает определенный РЖ, в рамках которого он собирается вести коммуникацию. Избранный РЖ предоставляет в распоряжение коммуниканта корпус «своих» РА и некоторые предписания относительно их последовательности. Таким образом, коммуникант отбирает средства не просто из континуума коммуникативных актов, но из хранящихся в виде особых параметров фрейм-модели РЖ наборов (классов) средств, объединенных общностью

(прагматической) роли в организации дискурса соответствующего речевого жанра, — обязательные и факультативные речевые акты, порождающие и непорождающие и т. д. Понятие порождающего РА используют М. Л. Макаров [Макаров 1990], С. Н. Черемисина (текстообразующая функция тезиса в композиционно-речевой форме *рассуждение*) [Черемисина 1990], Н. Н. Гастева («ДЕ-образующая» функция реплик) [Гастева 1990]. Это положение явно соотносится со словами Бахтина из книги «Творчество Франсуа Рабле...»: «во всякую эпоху есть свои слова и выражения, употребление которых воспринимается как известный сигнал говорить вольно, называть вещи своими именами, говорить без умолчаний и эвфемизмов...» [Бахтин 1990: 207]. Обязательные РА также можно разделить на конституциональные и неконституциональные. Конституциональные РА выражают сущность РЖ, их прагматическая семантика без остатка входит в прагматическую семантику РЖ, например РА *приказ* в РЖ *приказ*.

Следует отметить, что тематическая организация разговора традиционно относилась именно к «горизонтальным» моделям, обеспечивающим только связность, но не цельность текста, а следовательно, данный тип системности как бы априорно объявлялся далеким от собственно жанрового.

Этих ограничений удалось избежать И. Г. Сибиряковой, которая в своей кандидатской диссертации [1996] рассматривает **тематическую организацию разговорных текстов** именно как модель вертикального типа, что становится возможным благодаря выделению не только тематической структуры текста (которую составляют темы и подтемы), но и прежде всего гипертематической структуры текста (которую составляют гипертемы — классы, явления иерархически более высокого порядка, чем конкретные темы). Гипертематическая структура в значительной степени базируется на ведущей роли Я-темы и ТЫ-темы, а также МЫ-темы, которые выделяются И. Г. Сибиряковой вслед за Т. В. Матвеевой.

Так, И. Г. Сибирякова выделяет в реальных записях разговорной речи (материалом исследования послужила хрестоматия «Живая речь уральского города» [1995], далее — ЖР 1995) монотематически ориентированные текстовые блоки, объединенные общей гипертемой. При этом наличие в целом разговоре больше чем одной гипертемы делает возможной нелинейную организацию последовательности конкретных тем и тематических блоков, например:

На порождение/структурирование текста ориентированы наиболее разработанные **психолингвистические** модели с центральной проблемой реализации целей и плана говорящего в конкретных условиях коммуникации в соответствии с определенной композиционной схемой [Ахутина 1989; Зимняя 1976; Леонтьев 1969; Щедровицкий 1975].

В 80-е гг. все более популярными становятся модели порождения текста «с **прагматическим фокусом**» — прежде всего тематического типа [Fritz 1982: 51; Müller 1984; Viehweger 1984; Gülich 1985; Lindemann 1987; Макаров 1990].

Понятие **динамической структуры РЖ** впервые встречается у Т. Баллмера и В. Бреннентуль, предлагающих структурную модель речевого общения в виде типичной последовательности речевых ходов «*hat*» ‘шляпа’ (рис. 1).

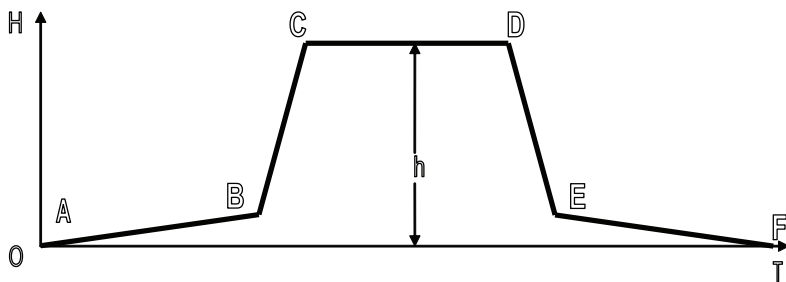

Рис. 1

Взаимодействие в рамках РЖ развивается по схеме «*hat*» «порождение — нарастание до высшей точки — спад до завершения РЖ победой, поражением, сотрудничеством или началом другого РЖ» [Ballmer, Brennenstuhl 1981]. К обязательному в динамической структуре РЖ относятся не только РА, но и их порядок.

Соглашаясь с Баллмером и Бренненштуль в том, что взаимодействие в рамках РЖ развивается по схеме «порождение — нарастание до высшей точки — спад до завершения РЖ победой, поражением, сотрудничеством или началом другого РЖ», мы склонны рассматривать их модель лишь как частный случай развития РЖ. Начало спада возможно в любой точке отрезка CD (так как величина h не фиксирована), так же как начало инерционного движения с сохранением достигнутого напряжения. Количество ступеней произвольно. «Движение вверх» возможно и после того, как один или несколько раз начиналось движение вниз.

Наиболее релевантными для РЖ (если факультативны величина h , длина отрезков и даже само их наличие) являются точки А и В. РА в точках А и В, изменяющие направление и напряжение коммуникации, назовем по аналогии с механикой **векторами-ускорениями**. Векторы-ускорения наличествуют в динамической структуре большинства РЖ. Именно вектор-ускорение является той силой, которая заставляет слушающего включиться в систему координат данного РЖ и актуализировать хранящиеся в коммуникативной компетенции (метажанре) классы конституциональных, порождающих и прочих РА данного РЖ.

Обязательными на отрезках ВС и DE, где коммуникация характеризуется определенным направлением, считаем РА-**векторы**, направляющие коммуникацию в русле синтагматики РЖ, оформляющие соответственно нарастание и спад РЖ, на отрезке CD — РА-«**инерцию**», продвигающие РЖ к началу спада либо к началу следующего нарастания при неизменном напряжении коммуникации. Факультативными на отрезках АВ, ВС, CD, DE, EF считаем РА-«**балласт**», не совпадающие с направлением РЖ, но и не задающие коммуникации нового направления и не изменяющие ее напряжения. Векторы, не совпадающие с направлением РЖ, считаем **факультативными векторами**, или **антивекторами** (последние противоположны направлению РЖ в данной точке). Факультативный вектор, как правило (но не всегда), как-то изменяет направление коммуникации, при этом его автор не обязательно понимает объективную роль своего РА. Автор антивектора, как правило понимая развитие и стадию РЖ, сознательно портит или меняет его. И факультативные векторы, и антивекторы суть факультативные РА. (Данная модель использовалась в моей кандидатской диссертации [Дементьев 1995].)

Показательно, что, несмотря на значительные различия, существующие между конкретными направлениями и школами, большинство из них осознанно или неосознанно приближаются к концепции РЖ Бахтина, предполагающей изучение различных аспектов диалога, (коммуникативного) синтаксиса, когнитивных аспектов коммуникации.

1.2. Жанры речи и Бахтин

Проблеме РЖ Бахтин, как известно, собирался посвятить большую книгу, но не осуществил этого замысла. Теоретические представления о РЖ изложены им в основном в статье «Проблема речевых жанров», вошедшей в книгу «Эстетика словесного творчества», кроме того, в более ранних работах («Проблемы поэтики Достоевского», «Творчество Франсуа Рабле...», в вышедшей под именем В. Н. Володинова книге «Марксизм и философия языка»).

По данным В. М. Алпатов: «⟨...⟩ уже 18 октября 1950 г. М. М. Бахтин выступал на объединенном заседании кафедр русской и зарубежной литературы Саранского пединститута на тему «Труды И. В. Сталина и литература»; до нас дошло лишь резюме его выступления, где кроме всего прочего упомянута проблема жанра, неразрывно связанная с проблемой языка. Затем начинают появляться черновые наброски и конспекты работ, в значительной части ныне опубликованные [Бахтин 1996: 207–286]. Эти тексты писались в течение 1951 и 1952 гг. Они посвящены прежде всего двум связанным между собой проблемам: диалогу и речевым жанрам. При этом поначалу в данных текстах основное внимание уделялось диалогу, но в 1952 г. на первый план все более выходила проблема речевых жанров» [Алпатов 2002: 93–94].

Согласно М. М. Бахтину, человеческая речь в типичных ситуациях отливается в готовые формы РЖ, которые «даны нам почти так же, как родной язык» [Бахтин 1996: 181]. Богатство и разнообразие РЖ так же необозримо, как неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности [Там же: 159].

Типическими для РЖ являются: коммуникативная ситуация, экспрессия и экспрессивная интонация, объем (приблизительная длина речевого целого) [Там же: 181], концепция адресата и концепция «над-адресата» [Бахтин 1979: 305].

Следует отметить прагматичность концепции Бахтина. В статье «Проблема речевых жанров», написанной в начале 50-х г. —

примерно в то же время, когда Дж. Л. Остин разрабатывал свою концепцию, — высказываются идеи, очень близкие по духу идее речевого акта. Высказывание (по М. М. Бахтину, базовая единица речи, противопоставленная предложению как единице языка) — это предложение, погруженное в ситуацию общения и наполненное многими коммуникативными смыслами, которых лишено абстрактное («ничье») предложение. Бахтин не только разработал учение о РЖ, связь которого с теорией речевых актов сегодня общепризнана (см. ниже §§ 1.3.1 и 2.3.2), но и выделил такие признаки высказывания, как целенаправленность, целостность и завершенность, непосредственный контакт с действительностью и непосредственное же отношение к чужим высказываниям (через оппозицию «автор — адресат»), смысловая полноценность (способность «быть действием», в том числе определять активную ответную позицию «другого») и, конечно, типичная воспроизводимая жанровая форма. Таким образом, Бахтин фактически охарактеризовал все основные признаки речевого акта.

РЖ как раз являются «типической формой высказываний»: «Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [Бахтин 1996: 159]. В то же время РЖ в определенном смысле «безличны», поскольку являются именно «типической формой высказываний, но не самими высказываниями» [Там же: 192]. Однако РЖ «в общем гораздо гибче, пластичнее и свободнее языка» [Там же: 181].

В. М. Алпатов обращает внимание на то, что «высказывание» и его жанровые формы по-разному определяются М. М. Бахтиным для диалога и монолога: «В диалоге (...) высказывание равно реплике одного говорящего. Сложнее оказывается ситуация в монологическом (прежде всего в письменном) тексте, в котором другие речевые субъекты в явном виде не присутствуют. Реально в РЖ (статье «Проблема речевых жанров». — *В. Д.*) речь идет о связанном и законченном тексте, что проиллюстрировано примером с романом или трактатом. Однако что представляет собой, например, сборник рассказов или научных статей одного автора, особенно в случае если это не единый цикл? Здесь ясности нет» [Алпатов 2005: 316]

РЖ характеризуется триединством тематического содержания, стиля и композиции высказываний [Бахтин 1996: 159–160].

Понимание Бахтиным темы, стиля и композиции также отличается от традиционного лингвистического — оно прагматично.

Порождение (употребление) РЖ, согласно Бахтину, происходит так: вначале появляется **замысел**. С одной стороны, он определяет, **предмет речи** и его границы, предметно-смысловую исчерпанность и сочетается с предметом речи как субъективный момент высказывания с объективным в неразрывное единство, очевидно и являющееся **темой** РЖ. С другой стороны, замысел определяет выбор жанровой формы: «Этот выбор определяется спецификой данной сферы речевого общения, предметно-смысловыми (тематическими) соображениями, конкретной ситуацией речевого общения, персональным составом его участников и т. п.». Затем происходит обратное влияние: замысел сам корректируется избранным жанром, «складывается и развивается в определенной жанровой форме». В результате этого взаимного влияния складываются стиль и композиция. Наряду с этим моментом существует второй — экспрессивный, т. е. «субъективное эмоционально оценивающее отношение говорящего к предметно-смысловому содержанию своего высказывания» [Там же: 187–197]. Экспрессия также оказывает влияние на стиль и композицию. Оба этих момента чрезвычайно осложняются влиянием чужих высказываний, или «диалогическими обертонами» [Там же: 197–204].

Как видим, **тема** — первый аспект триединства, ближе всех стоящий к замыслу, — существенно отличается от предмета речи, поскольку она, если можно так выразиться, уже почти готова быть высказыванием. Это предмет речи, который в результате отбора, построения и организации стал таким, что по отношению к нему возможна ответная позиция (говоря современным языком, тема прагматична). **Стиль** РЖ — это модель, типическая форма, в которую отливается индивидуальный стиль высказывания, выражающий индивидуальность автора, и экспрессия, с которой стиль непосредственно связан. Стиль также прагматичен: он существует не в языке, а в конкретных высказываниях, включенных в контекст конкретной ситуации. Стиль — это как бы «почти выраженная» экспрессия, стиль, как и тема, готов к выражению определенной (экспрессивной) позиции говорящего и к определению, вынуждению ответной позиции.

В. М. Алпатов также отмечает, что «Если о речевых жанрах в РЖ говорится достаточно подробно, то о стилях сказано меньше, а какого-либо определения стиля не дается» [Алпатов 2005: 324]; «Отношение между (речевым) жанром и стилем развивается лишь в одной фразе: “Переход стиля из одного жанра в другой не только меняет звучание стиля в условиях несвойственного ему жанра, но и

разрушает или обновляет новый жанр» [Бахтин 1996: 166]. Ясно, — пишет В. М. Алпатов, — что это отношение не взаимно однозначно и может меняться со временем, но относится ли стиль к языку, из этой цитаты не ясно» [Алпатов 2005: 325]. В. М. Алпатов отмечает также, что бахтинское определение «стиля» не дает ответа на два вопроса: «Во-первых, стили относятся к сфере языка или к сфере высказывания? Во-вторых, коллективен стиль или индивидуален?» [Там же: 324].

Третий аспект — **композиция РЖ**, — согласно Бахтину, является «определенными типами построения целого, типами его завершения, типами отношения говорящего к другим участникам речевого общения» [Бахтин 1996: 164]. Видимо, «композиция» — это о р г а н и з а ц и я целого, своеобразный метатекст, сеть (метатекстовых) перформативов, которая и способствует связи высказывания с действительностью (хотя, как мы только что показали, и тема, и стиль сами по себе уже связаны с действительностью). Композицию, конечно, совершенно недопустимо понимать как лишь формальную и потому наименее важную сторону высказывания. Композиция, как не раз отмечал Бахтин, — важнейший аспект РЖ.

Очевидно, что дальнейшее развитие жанроведения невозможно без настоящего осмысления наследия М. М. Бахтина. Именно недостаточное осмысление (а часто даже недостаточная прочитанность) работ Бахтина стало причиной фактических слабостей, недочетов и противоречий при осмыслении конкретного речевого материала во многих современных исследованиях. Работы Бахтина долгое время были неизвестны за рубежом, кроме того, даже в отечественных исследованиях устной речи опыт Бахтина учитывался весьма слабо и непоследовательно (увы, во многом такое положение вещей сохраняется до сих пор). Многие теоретические идеи Бахтина дошли до нас в виде набросков, тезисов к будущим работам. Особая трудность связана с тем, что не всегда ясно, когда нужно, отталкиваясь от Бахтина, идти вперед, а когда — **в о з в р а щ а т ь с я** к нему: например, с большим трудом удается составить из упоминаемых в разных работах Бахтина речевых жанров что-то вроде таксономии РЖ. Нуждается в глубоком осмыслении идея первичных и вторичных РЖ.

К. Ф. Седов отмечает, что статья «Проблема речевых жанров» развивает коммуникативные идеи, принципиально важные для целостной гуманистической философии М. М. Бахтина, и является одной из немногих чисто лингвистических работ М. М. Бахтина. Возможно,

поэтому жанроведы-лингвисты конца 80-х — начала 90-х г. опирались в основном на одну эту работу, связь ее с другими работами (прежде всего с книгой «Марксизм и философия языка») учитывалась скорее редко и непоследовательно. Между тем бахтинская философия языка представляет собой лишь одну из граней его целостного учения о культуре, а статья о жанрах — один из аспектов этой философии. В частности, изучение жанровой структуры речевого поведения требует от языковедов выхода за пределы своей науки в смежные с ней области знания, рассматривающие человека в самых разных его проявлениях.

Уже в конце 20-х г. Бахтин критиковал недостатки подхода к языковым явлениям, игнорировавшего связь языковых проявлений с областью социально-психологического бытия людей. «Словесный компонент поведения, — писал он в одной из своих ранних книг, — определяется во всех основных существенных моментах своего содержания объективно-социальными факторами. Социальная среда дала человеку слова и соединила их с определенными значениями и оценками, социальная же среда не перестает определять и контролировать словесные реакции человека на протяжении всей жизни» [Бахтин 1927: 85]. Один из путей развития гуманитарного знания ученый видел в создании науки о знаковом (и в том числе словесном) взаимодействии людей — общественной психологии. М. М. Бахтин считал, что «общественная психология — это и есть прежде всего та стихия многообразных *речевых выступлений*, которая со всех сторон омывает все формы и виды устойчивого идеологического творчества: кулуарные разговоры, обмен мнений в театре, на концерте, в различных общественных сборищах, просто случайные беседы, манера словесного реагирования на жизненные и житейские поступки, внутрисловесная манера осознавать себя, свое общественное положение и пр. и пр. Общественная психология дана по преимуществу в разнообразнейших формах “высказывания”, в форме маленьких *речевых жанров*, внутренних и внешних, до сих пор совершенно не изученных» [Бахтин 1929: 23–24].

Жанры разговорной речи Бахтин относил к области «жизненной, или житейской, идеологии». Он подчеркивал, что в этой сфере «жанровое завершение (...) отвечает случайным и неповторимым особенностям жизненных ситуаций. Об определенных типах жанровых завершений в жизненной речи можно говорить лишь там, где имеют место хоть сколько-нибудь устойчивые закрепленные бытом и об-

стоятельствами формы жизненного общения. (...) Каждая устойчивая бытовая ситуация обладает определенной организацией аудитории и, следовательно, определенным репертуаром маленьких житейских жанров. Всюду житейский жанр укладывается в отведенное ему русло социального общения, являясь идеологическим отражением его типа, структуры, цели и социального состава» [Бахтин 1929: 106–107.] В этом смысле уместно (как это, например, делает в своем исследовании бытового поведения в русской культуре XVIII в. Ю. М. Лотман [1992]) говорить о жанрах поведения, которым соответствуют те или иные речевые жанры. (Подробнее об этом см.: [Дементьев, Седов 1998: 4–17].)

Сейчас, на наш взгляд, ничто не мешает «возвращению» Бахтина. Прделана огромная подготовительная работа. В частности, большую роль в развитии отечественного жанроведения сыграли архивные, текстологические, биографические разыскания исследователей-бахтинистов. Результатом этой работы стали выходящее сейчас шеститомное собрание сочинений М. М. Бахтина под ред. С. Г. Бочарова и Л. А. Гоготишвили (на данный момент вышли первый, второй, четвертый, пятый и шестой тома), серия книг «Бахтин под маской», Бахтинские сборники и другие издания московского издательства «Лабиринт» под ред. И. В. Пешкова и В. Л. Махлина, а также журнал «Диалог. Карнавал. Хронотоп», выходящий в Витебске под редакцией Н. А. Панькова.

«Бахтинистика уже превратилась в самостоятельную научную дисциплину, выходящую за рамки истории науки в обычном смысле и до некоторой степени приобретающую эзотерический характер», — пишет В. М. Алпатов [Алпатов 2005: 9].

Лингвистика, осваивающая творческое наследие Бахтина, получила еще одно ценное приобретение — книгу В. М. Алпатова «Волошинов, Бахтин и лингвистика» (2005), в которой лингвистические работы В. Н. Волошинова и М. М. Бахтина рассматриваются в связи с общим развитием мировой лингвистики XX века. Значительная часть книги посвящена бахтинской теории речевых жанров. Книга стала продолжением ряда широко известных в настоящее время публикаций автора [Алпатов 1995, 1998, 2002] — некоторые из них были также непосредственно посвящены речевым жанрам в концепциях Бахтина.

Теория Бахтина спустя относительно короткий промежуток времени начинает значительно влиять на лингвистику, вызывая к жизни или полностью определяя собой целый ряд новых концепций [Арутю-

нова 1992; Земская 1988; Карасик 2002, 2007; Макаров 1998; Слышкин 2004; Шейгал 2000а; Шмелева, Шмелев 2002]. Не имея возможности рассмотреть все, отметим, что для многих таких концепций был характерен полемический задор, который в полной мере проявлялся в критике предшественников — и в значительной степени успокаивался, «припадая к Бахтину».

Одной из самых значительных концепций, испытавших явное влияние Бахтина, стала **лингвистика языкового существования** Б. М. Гаспарова.

Б. М. Гаспаров, который является убежденным противником того, чтобы считать «модель инвариантно-вариантного типа» адекватным способом представления языковых образований, предлагает в книге «Язык, память, образ» масштабную критику позитивистского, «рационального» языкознания XX в., ставящего во главу угла абстрактные виртуальные схемы и их «реализацию» [Гаспаров 1996: 146–147]. По мнению Гаспарова, речевой материал оформляется отнюдь не по принципу «виртуальная схема — ее реализация»: должен существовать особый, принципиально иной «контролирующий механизм, который позволял бы упаковывать разрастающуюся языковую ткань в ⟨...⟩ целостную конфигурацию» [Там же]. Гаспаров формулирует ряд требований, которым должен отвечать данный механизм: главное, он не должен быть независимым от оформляемого речевого материала, его содержания и коммуникативного тонуca. Для этого он должен включать три составные сущности: **ритмико-интонационный образ** (который позволял бы складывать в динамическое целое все интонационные повороты и акцентные точки), **опорные выражения** (поскольку именно они делают «коммуникативный контур высказывания» не абстрактной/виртуальной схемой, а вполне конкретным эскизом конкретного высказывания), **композиционные лакуны** (принципиальное отличие которых от «пустых позиций» в синтаксической схеме заключается в том, что лакуна, так сказать, очень явно подразумевает, что в ней «будет»). Лакуна — это не пустая позиция, которая может быть заполнена фактически любым подходящим по форме материалом, а просто не вполне воплощенные, размытые коммуникативные фрагменты. Лакуне чуждо твердое различие между «заполненностью» и «незаполненностью» [Там же: 191–197]. Примечательно, что, по мнению Гаспарова, этим требованиям не отвечают структурная и генеративная модели, зато отвечает бахтинское «высказывание», определяемое триединством «тема—стиль—композиция».

Теперь книга «Марксизм и философия языка», и прежде всего многие содержащиеся в ней идеи по речевым жанрам, осмысляются в общем контексте философских, филологических и лингвистических идей М. М. Бахтина.

Определенную роль в развитии жанроведческих идей в России сыграла статья Анны Вежбицкой «Genry powu», опубликованная в 1983 г. на польском языке (в 1997 г. перевод этой статьи на русский язык вошел в первый выпуск сборника «Жанры речи»). В статье поставлена проблема соотношения речевых жанров и речевых актов, которая впоследствии стала основой целого направления в российском жанроведении.

Можно составить обширный список жанроведов нового поколения, которые определяют сегодняшний облик жанроведения. Эти ученые опираются на концепцию РЖ М. М. Бахтина и развивают ее: А. Вежбицкая, Ст. Гайда, Т. В. Шмелева, М. Ю. Федосюк, В. Е. Гольдин, К. Ф. Седов, Т. В. Матвеева, Н. В. Орлова, В. А. Салимовский, А. Г. Баранов, И. Н. Борисова, К.А. Долинин, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова и др. «Где-то здесь» надеется занять свое место и автор настоящей монографии.

Сейчас понятие РЖ относится к числу важнейших теоретических представлений **прагмалингвистики, лингвистики текста, стилистики, социолингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии** (впрочем, следует отметить, что в каждом случае в понимание РЖ, как правило, вносятся свои коррективы).

В частности, понятие речевого жанра связывается с общими вопросами **коммуникативно-речевой компетенции, фреймовой организацией знаний** [Минский 1979; Филлмор 1988; Дейк ван 1989]: когнитивные знания о РЖ организованы в концептуальные системы, которые в последнее время активно описываются в терминах фреймов [Борисова 2001; Баранов 1997; Маркова 2003].

Кроме того, понятие РЖ связывается с **внутринациональными речевыми культурами** (практическое владение набором основных РЖ считается существеннейшим аспектом речевой компетенции, а согласно В. Е. Гольдину и О. Б. Сиротининой, — каждой из шести «внутринациональных речевых культур» [Гольдин, Сиротинина 1993; Сиротинина 2003]), а также с понятиями **языка социального статуса** (согласно В. И. Карасику, «владение речевым жанром есть одна из статусных характеристик личности» [Карасик 1992: 135]) и «**хорошей речи**».

Понятие «хорошей речи» чрезвычайно плодотворно для риторики, а также собственно лингвистического осмысления речевых правил и образцов. В коллективной монографии «Хорошая речь» под редакцией О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной отмечается, что владение жанрами, правильное использование их есть необходимая составляющая хорошей речи: «⟨...⟩ представление о “хорошей речи” в рамках нежестких ситуаций речевого общения связано с умением соблюдать общую тональность, задаваемую гипержанром, использовать разнообразные жанры речевого взаимодействия в рамках общего события, определяющего гипержанр, и, наконец, гибко применять тактики внутрижанровой интеракции в ходе развития коммуникации» [Хорошая речь 2001: 117]. РЖ РР являются средством ориентации в многообразии диалогических (передаваемых и принимаемых) коммуникативных смыслов, участвуют в становлении коммуникативной компетенции языковой личности, при этом, как отмечают авторы коллективной монографии «Хорошая речь», овладение жанровой системностью предшествует овладению языковой системностью [Там же].

ТРЖ продолжает активно развиваться: последовательно и весьма успешно осуществляются описание и систематизация речевых жанров, а также разработка специального метаязыка для описания РЖ. Исследуются различные аспекты речевых жанров, число их множится: **лингвистические аспекты РЖ** [Балашова 2009; Дымарский 2009; Левонтина 2009; Норман 2009], **текстовые особенности РЖ** [Борисова 2001; Матвеева 1996; Сибирякова 1997], **стилистические аспекты РЖ** [Векшин 2009; Кожина 1999а, 1999b; Орлова 1997; Салимовский 1999а, 2001, 2002а], **психолингвистические аспекты РЖ** [Седов 1999], **культурологические аспекты РЖ** [Балашова 2007; Вежбицка 1997; Вежбицкая, Годдард 2002; Горбачева 2006, 2007; Карасик 1996, 2002; Привалова 2007; Рябцева 2007], **речевые жанры и концепты** [Алефиренко 2005; Дементьев, Фенина 2005; Никитина 2005; Слышкин 2004, 2005], **речевые жанры и риторические жанры** [Сиротинина 1999; Анисимова 2000; Ярмаркина 2001], **РЖ и педагогика** [Горбач, Минеева 2000; Ладыженская 1986], **РЖ и история** [Балашова 1997; Васильева 2001; Зотева 2001; Матюхина 2004], **РЖ и гендер** [Горошко, Саенко 2005; Дементьев 2004b]. В современной ТРЖ намечаются тенденции к обобщению, создаются концепции, расширяющие понятие жанра, применяющие его не только к вербальной и невербальной коммуникации, не только к общему языковому существованию личности, но и к национальной и общечеловеческой культуре в целом. Так, закономерности жанровой организации речи рассматриваются в связи с общими зако-

нами коммуникативной и некоммуникативной деятельности [Гольдин 1997а; Салимовский 2000; Холквист 1997].

Исследователи активно изучают самые разнообразные жанры. Увлечение идеями ТРЖ приводит к тому, что в терминологии ТРЖ начинают объяснять все новые, неожиданные явления. Так, К. Ф. Седов считает речевым жанром *болтовню* [1999], В. И. Шаховский — *ложь (вранье)* [2005], С. Деннингхаус — *притворство* [1999], Е. Н. Галичкина — *NetMail* (компьютерная сетевая почта, используемая для обмена личными сообщениями) [1998], М. Л. Макаров — такие виды электронной коммуникации, как чат (*chat*), электронная почта (*E-mail*), ICQ («I Seek You» или просто *аська*) [2005], И. Г. Дьячкова — *порицание* [2000], О. В. Коротеева — *дефинирование* (способ установления или уточнения связи языкового выражения с тем, что оно обозначает как знак языка) [1998], Ж. В. Милованова — *фатику* и *эвристику* [1998].

В таких исследованиях жанр часто понимается по-разному. Как уже говорилось, даже в пределах одного тематического сборника «Жанры речи» оказались представлены существенно различающиеся концепции жанра.

С конца 80-х г. российское жанроведение уже пережило ряд этапов в своем развитии, динамику которого можно кратко охарактеризовать следующим образом: если на первом этапе (конец 80-х — начало 90-х г.) речевые жанры изучались на основе методики и терминологии теории речевых актов, то второй этап состоял в основном в преодолении недостатков и издержек первого этапа.

Сейчас, как представляется, ТРЖ переживает новый этап. Он связан, во-первых, с преодолением разрыва между двумя предшествующими направлениями — разрыва искусственного по своей сути, — во-вторых, с новым осмыслением ряда идей Бахтина, ранее не востребованных («вперед» в жанроведении часто означает «назад к Бахтину»), например в современном жанроведении становится особенно актуальным построение типологии первичных и вторичных жанров и изучение жанров, различающихся степенью жесткости композиции; в-третьих, с постановкой ряда новых проблем, например изучение жанров и языка как двух альтернативных типов коммуникативной системности (прежде всего символических коммуникативных систем), изучение жанров в связи с противопоставлением и взаимопроникновением языка и речи, в связи с историей, культурологией, риторикой, педагогикой. Использование достижений современной ТРЖ оказывается очень эффективным при типологизации единиц диалога на основе коммуникативных смыслов.

Все эти моменты мы хотели бы осветить подробнее.

Вначале мы предлагаем рассмотреть два наиболее развитых на данный момент направления ТРЖ: лингвистическое изучение РЖ, или генристику, и прагматическое изучение РЖ, или жанроведение. Далее охарактеризуем представляющиеся нам важнейшими основные тенденции сегодняшнего этапа развития ТРЖ.

1.3. Формальные и содержательные тенденции в теории речевых жанров

1.3.1. Лингвистическое изучение РЖ (генристика)

Лингвистическое изучение РЖ, или генристика, исходит из интенций говорящего, при этом опирается на разработанную методологию и терминологию теории речевых актов. Отметим, что многие исследователи считают теорию речевых актов западным аналогом отечественной теории речевых жанров [Вежбицка 1997: 108; Кожина 1999а; Федосюк 1997а: 105–108; Шмелева 1997: 92; Dönninghaus 2001: 74–77; Деннингхаус 2002], поэтому нами и избран для обозначения данного направления нерусский термин *генристика*.

Специфику данного аспекта можно выявить, если представить развитие ТРЖ в семиотической парадигме «семантика — синтактика — прагматика». «Лингвоцентрическая» традиция достаточно убедительно может быть охарактеризована либо как по преимуществу семантика, либо как синтактика.

Синтактика речевого жанра изучена в наибольшей степени. Именно «композиция РЖ» (согласно М. М. Бахтину, определенные типы построения целого, типы его завершения, типы отношения говорящего к другим участникам речевого общения [Бахтин 1996: 179]) традиционно считалась важнейшим аспектом высказывания. Как известно, композицию РЖ М. М. Бахтин понимал как монологическую, хотя и пронизанную диалогическими обертонами [Там же: 196–197]. Уже его последователи, развивая идею «вечного диалога», стали рассматривать РЖ как тип текстов, прежде всего диалогических, структурным элементом которых выступает речевой акт (первичный РЖ).

К «синтактике РЖ» следует отнести и поставленную еще М. М. Бахтиным проблему взаимодействия друг с другом отдельных жанров в речевой цепи. Жанры речи, согласно Бахтину, являются типическими формами высказываний, которые являются отдельными

звеньями в речевой цепи. Поэтому жанры организуют и упорядочивают последовательность высказываний:

«Всякое высказывание — звено в цепи речевого общения. Это активная позиция говорящего в той или иной предметно-смысловой сфере. <...> Выбор языковых средств и речевого жанра определяется прежде всего предметно-смысловыми заданиями (замыслом) речевого субъекта (или автора)» [Бахтин 1996: 187].

Эти взаимные отношения между отдельными высказываниями в речевой цепи М. М. Бахтин понимал как диалогические:

«Границы каждого конкретного высказывания как единицы речевого общения определяются сменой речевых субъектов, т. е. сменой говорящих. Всякое высказывание — от короткой (однословной) реплики бытового диалога и до большого романа или научного трактата — имеет, так сказать, абсолютное начало и абсолютный конец: до его начала — высказывания других, после его окончания — ответные высказывания других (или хотя бы молчаливое активно ответное понимание другого, или, наконец, ответное действие, основанное на таком понимании). Говорящий кончает свое высказывание, чтобы передать слово другому или дать место его активно ответному пониманию. Высказывание — это не условная единица, а единица реальная, четко отграниченная сменой речевых субъектов, кончающаяся передачей слова другому, как бы молчаливым “dixi”, ощущаемым слушателями (как знак), что говорящий кончил» [Бахтин 1996: 172–173]; «<...> смена речевых субъектов, обрамляющая высказывание и создающая его твердую, строго отграниченную от других связанных с ним высказываний массу, является первой конститутивной особенностью высказывания как единицы речевого общения, отличающей его от единиц языка» [Там же: 178].

Отметим, что эта сложная проблема, в целом еще далеко не решенная, неоднократно привлекала внимание современных исследователей.

«Жанры постоянно текут, следуют, переплетаются естественно и быстро», — писала Л. А. Капанадзе [Капанадзе 1988: 230]. Легкость и автоматизм этого взаимодействия и «переплетения», по мнению Л. А. Капанадзе, прямо вытекают из природы спонтанной устной речи:

«Разговорная речь — это постоянно меняющийся экран, и чтобы описать связь всех ее элементов, надо понять, что все жанры РР ле-

жат очень близко друг от друга — во времени и пространстве близко — и это явление микрокомплексное по своей сути.⟨...⟩ Разговорная речь политипна и при этом членится на множество различных групп. Близкое соседство этих комплексов исключает их наложение и перекрещивание, каждый раз мы имеем дело именно с механизмом переключения» [Капанадзе 1988: 234].

Однако полноценного анализа данного явления исследовательница не осуществила.

Отдельные попытки исчислить или хотя бы зафиксировать границы отдельных РЖ в речи находим у других последователей Бахтина, например у М. Ю. Федосюка:

«Как показывают наблюдения, не так уж редки случаи, когда в составе некоторого текста, ограниченного с обеих сторон сменой субъектов речи, можно обнаружить несколько фрагментов, обладающих относительной смысловой завершенностью, а также своими собственными тематическими, композиционными и стилистическими особенностями. Иллюстрируя сказанное на материале записей разговорной речи, можно утверждать, что реплика из нижеследующего примера (1) сочетает в своем составе *рассказ* и *вопрос*, реплика в примере (2) — *осуждение* и *предостережение*, а реплика в примере (3) — *ответ* и *рассказ* (границы между упомянутыми компонентами мы обозначили знаком #).

(1) Ш. ⟨...⟩ Ну это было интеллигентское такое/выученное произношение/я качаловского произношения не-не-не любил // Вот// Но все же э... А у этого/у-у Остужева было что-то совсем/такое особенное/вот/когда/сейчас/этот э... Андроников рассказывает... # Вы слышали как Андроников/«Горло Качалова» /

Е. Да // [Китайгородская, Розанова 1995: 13].

(2) А. — Ну лезет/вот/мне под руку/и лезет // # не ставь мне под нос кастрюлю/ а то я/тебе/потом/ее (НРЗБ) [ЖР 1995: 19].

(3) Б. А поч... что это такое?

А. Ноги/это таежный костер // Это-о когда бревна кладутся вдоль все/рядышком одно к одному/ то (е)сть не в кучку/а вдоль // (далее рассказ А. идет на фоне тихого телефонного разговора Г.) # Вот // И/значит нарезал лапничку/сам прилег рядом вдоль/ну вот дрова были немножко фиговенькие/поэтому придремать не удалось/но все равно //» [Федосюк 1997а: 103].

Целый ряд интересных замечаний о границах и синтагматике РЖ в речи, правом/левом контексте РЖ в речевой цепи высказывают М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова. Как и Бахтин, исследовательницы считают недопустимым вырывать отдельную реплику/отдельный жанр из целого разговора и не учитывать диалогическую природу речи:

«(...) любая диалогическая пара (ср.: *Ты куда? — В кино //*) распадается на два речевых жанра (например, вопрос — ответ). Но «разведение» подобных спаянных в диалогические единства реплик по разным жанрам приводит к разрыву их текстового единства (как формального, так и содержательного)» [Китайгородская, Розанова 1999: 23].

Подчеркиваются роль адресата речи, его активность:

«(...) роль адресата не пассивна. Он вправе согласиться или не согласиться на предлагаемые “условия игры”. Права адресата закреплены в различных устойчивых выражениях типа “поддержать (не поддержать) беседу”, “уйти от разговора”, “свести серьезный разговор к шутке”, “превратить мирную беседу в скандал” и т. п.» [Там же: 37].

Коммуникативные неудачи, как отмечают исследовательницы, становятся следствием неправильного выбора ответного жанра партнером по коммуникации:

«Подтверждением того, что речевое взаимодействие в акте коммуникации протекает в рамках жанров, адекватных ситуации и коммуникативным намерениям обоих ПК (партнеров по коммуникации. — В. Д.), а не одного лишь говорящего, служат примеры коммуникативных неудач, связанных с неправильным выбором жанра или отсутствием «жанровой координации». Ср. характерные реплики: *Что ты обижаешься/я же не спорю с тобой//Я говорю то что слышал//или: Не нужны мне твои советы//Я тебе пожаловался/ты посочувствуй//А что ты мне морали читаешь!* и т. п.» [Там же: 24]

Отмечается обусловленность жанровой формы высказывания особенностями правого/левого контекста:

«Синтагматическая (текстовая) позиция жанра определяется через возможность сочетаемости с соседями “слева” и “справа”. На-

пример, жанр приветствия занимает начальную позицию в коммуникации (ср. типичное замечание: *Ты бы поздоровался сначала!*). Соседство жанров создает условия для эллипсиса. Нередки случаи наложения одного жанра на другой, связанные с пропуском одного из фрагментов. (Ср. эллипсис ответной реплики согласия на просьбу рассказать что-либо: А. *Расскажи как ты съездил-то* // Б. *Ну приехали мы рано / сразу с вокзала в гостиницу <...>*)» [Там же: 39].

Систематическое рассмотрение «горизонтальных» и «вертикальных» моделей способствует более глубокому осмыслению синтактики РЖ. Тем не менее представлять концепцию речевого жанра М. М. Бахтина как модель виртуально-актуального типа — значит, по нашему мнению, серьезно упрощать и обеднять ее. Определение РЖ, данное с позиций его синтактики, представляет собой лингвистическую интерпретацию, а значит, огрубление концепта РЖ.

Семантика речевого жанра представляет собой относительно хорошо разработанное направление ТРЖ. Исторически именно с обращения к именам жанров, толкования их семантики начиналось изучение РЖ. Здесь важнейшим аспектом РЖ считается тема, а точнее — лингвистическая интерпретация «темы РЖ» М. М. Бахтина. Концепции, объединяемые нами в условную группу «семантического изучения речевых жанров» (А. Вежбицкой, Т. В. Шмелевой, М. Ю. Федосюка, В. Е. Гольдина), имеют целью анализ семантики речевых жанров, при этом все они имеют целью (хотя бы промежуточной) анализ лексикона. Расходятся они в основном в том, сколько существует жанров, какие типические речевые формы следует, а какие не следует считать речевыми жанрами.

«Анкета речевого жанра» Т. В. Шмелевой, представляющая собой, так сказать, коммуникативно-речевой вариант лексико-семантической методики компонентного анализа (а также ее дальнейшие интерпретации, например, в концепции М. Ю. Федосюка), будет подробно рассмотрена в следующей главе (§ 2.2 о параметризации речи). Однако, говоря об общей эволюции речежанровых идей в конце XX в., нельзя не отметить значительное влияние, какое данная концепция оказала на последующее развитие ТРЖ, — прежде всего, конечно (поскольку исследование характерных особенностей конкретных речевых жанров, как правило, осуществлялось с опорой на анализ семантической структуры существительных — названий данных жанров), на семантическое и лингвистическое направления жанроведения.

Для осмысления семантики имен речевых жанров имел большое значение «**Новый объяснительный словарь синонимов русского языка**» (М.: Языки славянской культуры, 2004; под ред. Ю. Д. Апресяна), целый ряд статей которого (около 30) посвящены фактически именам речевых жанров или чему-то очень похожему: «*беседа*», «*брань*», «*брюзжание*», «*ворчание*», «*высмеивание*», «*дерзость*», «*доказательство*», «*жалоба*», «*извинение*», «*капризничание*», «*молва*», «*мольба*», «*оправдание*», «*осуждение*», «*порицание*», «*похвальба*», «*предсказание*», «*придирки*», «*просьба*», «*прощение*», «*разрешение*», «*рекомендация*», «*слухи*», «*совет*», «*убеждение*», «*уверение*», «*угроза*», «*укор*», «*упрек*», «*ябедничество*» и др. (подробнее см. в § 5.1).

Исследователь семантических аспектов РЖ также найдет богатую пищу для размышления (и богатый фактический материал) в ряде идеографических словарей, в которых лексемы, являющиеся именами речевых жанров, сгруппированы в тематические группы — «язык», «речь», «общение», «диалог», «взаимодействие», «воздействие», «беседа» и т. д.

Так, «**Русский семантический словарь**» под ред. Н. Ю. Шведовой, особенно III том (Имена существительные с абстрактным значением. Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. М.: Азбуковник, 2003), включает раздел «**Именованье. Информация. Речь**», в состав которого входит целый ряд тематических групп и подгрупп, например:

сама речь (*изложение*, *рассказ*, *сообщение* и т. д.);

виды речи (*замечание*, *рассуждение*, *сентенция*, *утверждение* и т. д.);

обмен сообщениями разговор диалог:

общие обозначения: обмен сообщениями в звучащей или письменной речи (*беседа*, *вопрос*, *допрос*, *кулуары*, *обсуждение*, *объяснение*, *опрос*, *ответ*, *отзыв*, *отклик*, *переговоры*, *распрос*, *совет* и т. д.);

разговор, диалог характеризуемый (*перебранка*, *пикировка*, *ссора* и т. д.);

речь, характеризующаяся по соответствию действительности и содержательной ценности:

правдивая речь (*правда*, *трюизм*);

ложь (*вранье*, *лжесвидетельство*, *обман* и т. д.);

речь, передающая непроверенную информацию слова, не заслуживающие доверия кривотолки (*болтовня*, *молва*, *пересуды*, *слух*, *сплетня* и т. д.);

- речь, лишенная логики бессодержательная речь (*бредни, обмолвка, оговорка* и т. д.);
- речевые акты, характеризующиеся содержательно:
- зов, обращение (*зов, оклик, окрик* и т. д.);
 - приветствие (*поздравление, приветствие* и т. д.);
 - прошение (*извинение, прощение*);
 - хвала, одобрение, благодарность (*благодарность, восхваление, дифирамб, комплимент, лесть, одобрение* и т. д.);
 - просьба пожелание жалоба требование (*апелляция, благословение, жалоба, завещание, мольба, просьба, ропот* и т. д.);
 - согласие подтверждение (*разрешение, согласие* и т. д.);
 - возражение отказ запрет (*возражение, запрещение*);
 - обещание уверение соглашение (*божба, договор, заверение, зарок, клятва, пари, посул* и т. д.);
 - признание исповедь;
 - совет наставление назидание уговоры (*инструкция, консультация, наказ, напутствие, поучение, рекомендация, совет* и т. д.);
 - предупреждение предсказание (*предостережение, предсказание, предуведомление, прогноз* и т. д.);
 - толкование, объяснение (*комментарий, объяснение, помета, разъяснение, трактовка* и т. д.);
 - порицание, обвинение, критика (*взбучка, выговор, донос, замечание, кляуза, нагоняй, нападки, нотация, неодобрение, обвинение, осуждение, попрек, приговор, придирка, проклятие, укор, упрек* и т. д.);
 - злословие клевета угроза;
 - шутка остроловие насмешка (*ирония, каламбур, колкость, насмешка, острота, сарказм* и т. д.);
- брань, грубая речь, сквернословие (*брань, окрик, ругань, пара ласковых* и т. д.);
- речь, характеризующаяся по форме или по характеру ее течения
- речь, характеризующаяся по форме (*витийство, разглагольствование, фразерство*);
- речь, характеризующаяся по звучанию:
- речь ясная, членораздельная или громкая (*возглас, выкрик*);
 - речь тихая, невнятная (*бормотанье, лепет*);
- речь, выражающая эмоции, настроение (*брюзжание, ворчание, причитание, стон*);
- информация, речь, прикрепленная к официальной или специальной сфере:
- деловая речь: речь, обращенная к аудитории; оповещение, ручательство;
 - оповещение, ручательство (*объявление, оповещение, ручательство, уведомление*);

информация, обращенная к массовому адресату вещание реклама (*передача, репортаж, хроника*);
 сообщение посредством современных информационных технологий;
 закодированная информация сигналы (*пропуск, сигнализация*);
 отсутствие информации неполная информация;
 недоговоренность намек уклончивая речь (*аллегория, иносказание, намек, недомолвка, обиняк, околичность, экивоки*);
 (в общей сложности здесь представлено более 500 слов, являющихся именами речевых жанров).

[Русский семантический словарь 2003: 279–313]

Не менее интересен «**Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика**» Л. М. Васильева (Уфа, 2005), в котором выделяется тематическая группа «**предикаты речи**» (глаголы и именные корреляты), в составе которой подгруппы:

- характеризующие внешнюю сторону речи;
- характеризующие содержательную сторону речи;
- характеризующие коммуникативный аспект речи:
 - предикаты сообщения,
 - предикаты обещания,
 - предикаты совета,
 - предикаты объяснения (разъяснения),
 - предикаты аргументирования;
- предикаты общения (речевого взаимодействия):
 - характеризующие разговор, беседу,
 - характеризующие договор (соглашение),
 - характеризующие спор (несогласие),
 - характеризующие обсуждение чего-либо,
 - характеризующие речевое и неречевое общение;
- предикаты речевого контакта (вопросов и ответов):
 - обозначающие вступление в речевой контакт (обращение кого-л. к кому-л.),
 - обозначающие обращение с вопросом (вопрошание),
 - обозначающие «ответчание»,
 - обозначающие ответ согласием или несогласием,
- предикаты речевого побуждения:
 - обозначающие приказания и требования,
 - обозначающие поручения,
 - обозначающие запрещение / разрешение,
 - обозначающие просьбу,
 - обозначающие приглашения и требования,
 - обозначающие зов, призыв,

обозначающие речевую каузацию движения с каким-либо заданием,

обозначающие побуждение к согласию на что-либо (на какие-либо действия, поступки);

предикаты эмоционального отношения, выражаемого речью:

обозначающие речевую каузацию обиды унижением,

обозначающие осуждение,

обозначающие недовольство осуждающего,

обозначающие опорочение,

обозначающие речевой этикет,

предикаты речевой оценки

(в общей сложности представлено более 2000 речевых слов).

[Васильев 2005: 284–332]

Здесь следует отметить следующее.

«Семантика речевого жанра» (как и «синтактика») представляет собой лингвистическую интерпретацию концепта речевого жанра М. М. Бахтина, но это не значит, что рассматривается сущностная близость языка и РЖ — просто для изучения РЖ используется та же методика, какая используется при изучении языковых единиц, — преимущественно это системно-структурная методика.

РЖ — диалогические явления — понимаются как модели инвариантно-вариантного типа и изучаются через призму синтагматических и парадигматических отношений системы. Рассматривается фактически один логико-интенциональный аспект РЖ, когда репертуар речевых жанров приравнивается к исчислимому набору типических интенций говорящего. Остальные содержательные составляющие жанрово организованного общения считаются гораздо менее существенными или вообще несущественными. Это редукционистский подход, издержки которого (применительно к изучению языка) отчетливо проявились и начали преодолеваться в постструктурализме последней трети XX в.

Таким образом, для данного направления в целом характерно весьма серьезное упрощение и обеднение концепта речевого жанра. Например, «тема РЖ» в лингвоцентрических исследованиях понимается обычно как просто предмет речи, тогда как у М. М. Бахтина, как уже говорилось, тема прагматична. Издержки лингвистической генристики, опирающейся на положения теории речевых актов, можно понимать как недостаточную прагматичность. (Как ни парадоксально, этот недостаток в какой-то степени присущ и современной теории речевых

актов: как уже говорилось, излишнее увлечение моделями привело ее к схематизации и атомизму, потере диалога и собственно текста.)

Некоторые принципы и методы лингвистического изучения РЖ подвергаются переоценке, и сегодня найдется не так уж много сторонников данного направления.

Наиболее значительным альтернативным направлением ТРЖ, имеющим собственную концепцию РЖ, стало прагматическое направление.

1.3.2. Прагматическое изучение РЖ (жанроведение)

Данное направление исходит из диалогической природы РЖ и опирается уже не на одну статью М. М. Бахтина, а на его целостную диалогическую, культурологическую философию. Здесь подчеркивается оригинальный российский характер данного направления, поэтому мы обозначаем его при помощи русского термина *жанроведение*. Прагматическое жанроведение во многом сложилось из преодоления недостатков лингвистического изучения РЖ, прежде всего монологизации идеи РЖ, неизбежной при абсолютизации интенций говорящего. (Ср. полемическую направленность кандидатских диссертаций [Данилов 2001; Ярмаркина 2001] по отношению к «анкете речевого жанра» Т. В. Шмелевой.) Важно, что прагматика здесь не приравнивается к теории речевых актов — прагматика понимается скорее в традиционном значении как та часть семиотики, которая характеризуется «отношением знака к говорящему» (Ч. Пирс, Ч. Моррис) и где язык рассматривается не только в связи с «человеком говорящим», но и непременно в диалогическом контексте коммуникативной ситуации, а также — более широко — в контексте национально-речевой, социальной, духовной культуры.

Следует отметить, что ТРЖ развивалась в общем русле лингвистики XX в.: от лингвистических (по преимуществу системоцентрических) описаний структуры жанров (последовательности языковых единиц в композиции жанра), от лексикологического описания семантики имен речевых жанров в языке → к изучению жанров как важнейшего фактора диалогического общения людей (см.: [Борисова 2001; Кожина 1999a; 1999b; Макаров 1998]).

Предшествующие этапы развития ТРЖ исходили из главной роли адресанта речи (отсюда преимущественное внимание жанроведов к целям и интенциям, для чего совершенно логично было использование методологии и терминологии теории речевых актов, в результате

в лингвистике произошло их чрезмерное сближение). К сожалению, фактор адресата не всегда учитывается с должной полнотой при анализе речевых жанров, хотя в них смыслообразующая роль адресата, казалось бы, гораздо более очевидна, чем в единицах более низких уровней.

К недостаткам «анкеты речевого жанра» можно отнести также то, что в ней не учитываются: 1) первичные и вторичные РЖ; 2) речевые и риторические жанры; 3) жанры в связи с уровнями абстракции текстовой деятельности (жанры и субжанры/тактики, жанры и гипержанры); 4) жанры в связи со степенью жесткости (стандартизации, формализации) порождаемых коммуникативных смыслов, делением их на требующие большей или меньшей интерпретативной активности слушателя, прямые и косвенные РЖ.

Современное развитие ТРЖ стремится преодолеть эти ограничения в понимании РЖ. В прагматической концепции речевого жанра уделяется большое внимание всем аспектам взаимодействия адресата и адресанта, всем передаваемым и принимаемым коммуникативным смыслам, а не только тем, которые сознательно намеревался передать адресант. Прагматическое жанроведение делает востребованным интерпретативный аппарат, разработанный интеракционной моделью коммуникации [Schiffrin 1994; Макаров 1998], а усилившееся внимание к фактору адресата в понимании общения сближает современное прагматическое жанроведение с теорией не прямой коммуникации [Дементьев 2001, 2006; Прямая и не прямая коммуникация 2003].

Главное отличие РЖ в понимании М. М. Бахтина от традиционного понятия «жанр» (например, в литературоведении) состоит в том, что у М. М. Бахтина это не просто тип однородных (или одновидовых) произведений литературы, а реплика, целое высказывание в диалоге (даже когда имеется в виду роман, повесть и т. д.). Ученый рассматривает РЖ в аспекте речевого общения — как факт социального взаимодействия людей, как соотношение и взаимодействие смысловых позиций. Именно диалогичность является определяющим признаком речевого жанра у М. М. Бахтина как единицы речевого общения и деятельности людей. Отсюда проистекают все другие признаки РЖ (целеполагание, завершенность, связь с определенной сферой общения и т. д.). (Ср.: [Кожина 1999а: 18]).

Проблема смысла-целого, складывающегося (правильнее было бы сказать «рождающегося») из смыслов отдельных реплик участников диалога, как известно, остается одной из больших проблем

лингвистики. В системоцентрической лингвистике XX в. диалогические смыслы (как и речь вообще) просто не рассматривались. Зато эта проблема давно занимала литературоведов (особенно после выхода литературоведческих работ М. М. Бахтина о диалоге в романах Достоевского).

Итак, для прагматического жанроведения характерно признание равной степени важности фактора адресанта и фактора адресата. Главные различия лингвистического и прагматического изучения РЖ можно обозначить как: 1) ориентация на монолог ~ ориентация на диалог; 2) ориентация на логику, грамматику → психологию ~ ориентация на взаимодействие, помещенное в социально-культурные условия конкретной ситуации, → социологию.

Прагматическое жанроведение в своем полемическом пафосе, направленном против издержек лингвистической генристики, часто воспринимается как направление, не имеющее с ней ничего общего. В этом случае речевые жанры рассматриваются как явления, принципиально противопоставленные явлениям языковым. Уже из определения РЖ К. Ф. Седова «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [Седов 1998: 11] видно, что языковым средствам отводится подчиненная, служебная роль. Не случайно исследуются преимущественно не собственно речевые жанры, а жанры ситуативные, поведенческие и другие. И в этом, на наш взгляд, главный недостаток прагматического жанроведения.

Вместе с тем данные два направления, конечно, едины. Нам представляется, что возможен их синтез на основе общей коммуникативной природы (функции) РЖ и языка, представления о том, что жанры суть средство формализации социального взаимодействия. Язык, несомненно, выполняет ту же функцию. В следующей главе нами будут подробно рассмотрены отношения речевых жанров и языка как двух альтернативных, но генетически близких способов упорядочивания коммуникации и речи.

В целом сейчас ощущается потребность в синтетическом направлении ТРЖ, где рассматривались бы как диалогические, так и лингвистические аспекты речевых жанров. Мы предлагаем для данного синтетического направления тоже «синтетическое» название *коммуникативная генристика*, хотя видим несовершенство этого термина. Второе направление изучения РЖ — прагматическое жанроведе-

ние — в качестве главного принципа выдвигает диалог, социальное взаимодействие, помещенное в условия конкретной ситуации, т. е. тоже является коммуникативным направлением. Неудачен, на наш взгляд, и термин *прагматическое жанроведение*. Данное направление противопоставляется лингвистической генристике, опирающейся на теорию речевых актов. Однако прагматика и теория речевых актов многими понимаются как одно и то же. Наконец, термин *жанроведение* введен Т. В. Шмелевой, стоящей у истоков лингвистической генристики.

1.4. Центры и школы изучения речевых жанров

1.4.1. Жанры речи и «Жанры речи» (Саратов)

В Саратове, так же как в других научных центрах России, первый большой всплеск активности жанроведов отмечается в середине 80-х г. XX в. Он связан с осмыслением вышедших в конце 70-х г. в Москве на русском языке работ М. М. Бахтина (прежде всего статьи «Проблема речевых жанров»), а также статьи Анны Вежибицкой «Genry powy», опубликованной, как уже было сказано, в 1983 г. на польском языке.

С середины 80-х г. ряд речевых жанров начинают изучаться студентами и аспирантами Саратовского университета под руководством В. Е. Гольдина (например, дипломная работа Н. В. Дубосарь «Тексты диалектной речи (жанровый состав)» была защищена еще в 1988 г.)¹.

Эта традиция продолжается в начале XXI в.

Здесь необходимо подчеркнуть, что еще раньше целый ряд аспектов жанровой организации речи активно исследуются в связи с разносторонним изучением русской разговорной речи в Саратовском университете под руководством О. Б. Сиротининой. Были прояснены многие значимые свойства жанров русской разговорной речи.

Второй пик активности саратовских жанроведов, по-видимому, связан с началом выхода первых выпусков серийного тематического сборника «Жанры речи» под ред. В. Е. Гольдина, специально посвя-

¹ Т. В. Шмелева указывает, что примерно тогда же или немного раньше под ее руководством был защищен ряд дипломов по РЖ в Красноярском университете: *Олейников В.* Речевые жанры делового общения (1986); *Тарасенко Т.* Речевые жанры. Фрагмент обыденной риторики (1986); *Щурина Ю.* Шутка как речевой жанр (1989); *Чабан Т.* Речевой жанр «поучение» (1992); *Зубарева Е.* Угроза, предупреждение, запрет: опыт описания речевых жанров (1992) [Шмелева 1997: 97–98].

щенного проблеме речевых и коммуникативных жанров. К настоящему времени вышли шесть выпусков сборника: в 1997, 1999, 2002, 2005, 2007 и 2009 гг.

В выпусках сборника представлен целый ряд исследователей из разных научных центров России и зарубежья, и прежде всего Саратова. Некоторые отклики на первый и второй выпуски сборника были опубликованы в виде рецензий, специальных абзацев, параграфов в теоретических обзорах (например, [Салимовский 1999b, 2002a; Кийтагородская, Розанова 1999; Алпатов 2005; Москвин 2006: 98–118]).

В шести выпусках «Жанров речи» публиковались следующие саратовские исследователи: Е. В. Акулова, Е. Ю. Балашова (Кочеткова), Л. В. Балашова, Т. В. Бердникова, В. Е. Гольдин, В. В. Дементьев, О. Н. Дубровская, Т. В. Дубровская, Е. В. Ермакова, Т. С. Зотева, Е. П. Захарова, Ю. В. Казачкова, И. А. Кириллова, М. А. Кормилицына, В. Ю. Михайлин, В. С. Парсамов, В. Я. Парсамова, О. Н. Паршина, Е. В. Полякова, И. В. Привалова, В. В. Прозоров, Е. Л. Рабинович, Н. Б. Рогачева, А. П. Романенко, Т. В. Русинова, З. С. Санджи-Гаряева, К. Ф. Седов, О. Б. Сиротинина, И. А. Тарасова, В. В. Фенина, Л. Н. Чинова, Г. Р. Шамьенова, Н. Г. Шаповалова, Г. М. Ярмаркина.

В сборнике представлены работы исследователей из таких научных центров России, как: Астрахань, Белгород, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Иркутск, Кемерово, Краснодар, Красноярск, Москва, Новгород, Омск, Орел, Пенза, Пермь, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Тверь, Уфа, Челябинск, Элиста, Ярославль, а также ближнего (Киев, Львов, Минск, Симферополь, Харьков) и дальнего зарубежья (Базель, Беркли, Бохум, Канберра, Ополе).

Естественно, работы по теории речевых жанров публикуются и в других саратовских изданиях, например, в 27-м (1998) и 28-м (1999) выпусках сборника «Вопросы стилистики», восьми выпусках сборника «Проблемы речевой коммуникации» (2000–2008), сборнике «Прямая и непрямая коммуникация» (2003) и др.

В Саратовском университете был защищен целый ряд докторских диссертаций, в которых разрабатываются многие актуальные проблемы теории речевых жанров; кроме того, в Саратовском университете и других вузах города были защищены кандидатские диссертации под руководством В. Е. Гольдина, О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной, К. Ф. Седова, В. В. Дементьева, Р. З. Назаровой, И. И. Прибыток, С. П. Хижняка — одни из них посвящены непосредственно жанрам речи, в других затрагивается целый ряд важных вопросов,

относящихся к данной предметной области. Отметим, что в некоторых исследованиях развиваются идеи жанроведов из других научных центров (прежде всего Москвы), в других же разрабатываются оригинальные подходы к изучению жанров. Уверенно включаем в саратовскую школу и исследователей из некоторых других научных центров, тесно связанных с Саратовом (Астрахань, Волгоград, Пенза, Санкт-Петербург, Элиста); большинство из них защитили в Саратове кандидатские и докторские диссертации (И. А. Иванчук, О. Н. Паршина, Т. Н. Колокольцева, Н. Н. Гастева, Г. М. Ярмаркина), некоторые — в других городах (С. Е. Тупикова) (см. список ниже).

В 90-е и 2000-е г. на кафедрах теории, истории языка и прикладной лингвистики (бывшая кафедра общего и славяно-русского языкознания), русского языка и речевой коммуникации (бывшая кафедра русского языка), английской филологии, романской филологии защищены целый ряд дипломных работ по жанрам речи под руководством В. Е. Гольдина, М. А. Кормилицыной, К. Ф. Седова, В. В. Дементьева, В. Т. Клокова, Е. П. Захаровой, Н. И. Кузнецовой, В. В. Кузьминой, Е. Ю. Викторовой и других.

В целом к наиболее актуальным проблемам саратовского жанроведения можно отнести следующие:

- типология жанров и жанровых форм, речевые жанры и речевые акты, первичные и вторичные жанры (В. Е. Гольдин, В. В. Дементьев, О. Н. Дубровская);
- жанры в связи с речевыми стратегиями и тактиками, субжанрами и гипержанрами, речевыми событиями (К. Ф. Седов, В. Е. Гольдин, О. Н. Дубровская, О. Н. Паршина, О. Н. Хорешко, Ю. В. Казачкова);
- социопрагматический аспект теории речевых жанров (К. Ф. Седов, В. В. Дементьев, Г. М. Ярмаркина, Е. В. Власова);
- жанры в связи с концептами и языковой картиной мира (В. В. Дементьев, Л. В. Балашова, И. В. Привалова, И. А. Тарасова, В. В. Фенина, Е. Ю. Балашова);
- жанры в связи с общими вопросами коммуникативной компетенции (К. Ф. Седов, В. Е. Гольдин, О. Н. Дубровская, В. В. Дементьев, Е. Н. Даштоян);
- жанры в связи с непрямой коммуникацией и формализацией социального взаимодействия (В. В. Дементьев, К. Ф. Седов, А. П. Романенко, В. В. Фенина);
- жанры в связи с семантикой языковых единиц (В. Е. Гольдин, Л. В. Балашова, О. Н. Дубровская);

- речевые и риторические жанры (О. Б. Сиротинина, Г. М. Ярмаркина);
- жанры в связи с культурой речи (О. Б. Сиротинина, К. Ф. Седов, И. А. Иванчук, Т. А. Милехина, А. Н. Байкулова);
- жанры в связи с речевым портретированием (К. Ф. Седов, О. Н. Паршина, Т. А. Милехина);
- жанры в связи с речевой агрессией (К. Ф. Седов, Е. В. Власова);
- жанры в связи с историей языка и культуры (Л. В. Балашова, Т. С. Зотева, В. С. Парсамов);
- жанры новых культурных сфер (Е. В. Акулова, О. Н. Дубровская, Е. Л. Рабинович, Н. Б. Рогачева, Н. Г. Шаповалова);
- сопоставительное изучение речевых жанров (Е. В. Акулова, О. Н. Дубровская, И. В. Привалова, С. Е. Тупикова, В. В. Фенина, Ю. В. Казачкова, Т. В. Руссинова).

В кратком обзоре невозможно перечислить все идеи в области теории речевых жанров, принадлежащие саратовским исследователям. Назовем лишь некоторые, которые представляются нам наиболее значительными.

Так, **Валентин Евсеевич Гольдин** внес существенный вклад в развитие теории речевых жанров, во-первых, в теоретическом осмыслении места речевого жанра среди различных типизированных коммуникативных явлений по отношению к речевым событиям и поступкам; во-вторых, в разработке типологии сложных речевых событий. Данная концепция получила блестящую апробацию в кандидатской диссертации **О. Н. Дубровской** «Имена сложных речевых событий в русском и английском языках», посвященной исследованию имен сложных речевых событий. Доказано, что в русском и английском языках данные имена образуют значительный пласт словарного состава языков — особую лексическую группу. Ее ядро составляют имена сложных речевых событий (в них речевой компонент играет главную роль); выделяется ближайшая и отдаленная периферия (в зависимости от степени значимости речевого компонента). Осуществляется типологизация: среди имен сложных речевых событий выделяются метаимена, имеющие разное обобщающее значение. Имена сложных речевых событий группируются по коммуникативным сферам (религиозная, политическая, юридическая, торгово-экономическая, профессиональная, сферы образования, культуры и искусства и др.).

Наиболее значительные результаты многолетнего исследования речевых жанров **Константином Федоровичем Седовым**, на

наш взгляд, сводятся к следующим: во-первых, типология речевых моделей, ранжированных по нарастанию абстрактности: субжанр (= внутрижанровая речевая стратегия) — жанр — гипержанр, с разработкой системы внутрижанровых стратегий для разных жанров и типов кооперативного и конфликтного речевого поведения; во-вторых, изучение речевых жанров в связи с языковым существованием и формированием коммуникативной компетенции языковой личности (данная психолингвистическая концепция получила апробацию в кандидатской диссертации **Е. Н. Даштояна** «Становление дискурсивного мышления при овладении вторым языком в условиях учебного двуязычия»), разработка методики речевого портретирования, включающей ранжирование речевого материала через призму типов речевой культуры, официальной и неофициальной речи, используемых речевых жанров; в-третьих, изучение речевых жанров в связи с речевой агрессией: определение типа языковой личности в связи с выбором внутрижанровой стратегии в конфликте (инвективная, куртуазная, рационально-эвристическая), формы и стратегии вербальной и невербальной, прямой и не прямой, инструментальной и неинструментальной, инициативной и реактивной агрессии.

Прагмалингвистическая модель агрессии и классификация агрессивных тактик, разработанная К. Ф. Седовым, получила удачную апробацию на оригинальном материале в кандидатской диссертации **Е. В. Власовой** «Речевая агрессия в печатных СМИ (на материале немецко- и русскоязычных газет 30-х и 90-х гг. XX в.)». В диссертации дается комплексная характеристика способов выражения речевой агрессии в немецких и русских тоталитарных и демократических печатных СМИ, а именно в установлении признаков разных типов прямой и косвенной речевой агрессии, выявлении их сходства и различия в немецких и русских газетах 30-х и 90-х гг. XX в., объяснении сходства на основании функций речевой агрессии в дискурсе СМИ в тоталитарном и демократическом обществе.

Особое значение для развития теории речевых жанров имеет разработка **Ольгой Борисовной Сиротининой** понятий риторического жанра и хорошей речи. Риторические жанры делают коммуникативные действия более воздейственными, что было доказано в кандидатской диссертации **Г. М. Ярмаркиной** «Обыденная риторика: просьба, приказ, предложение, убеждение, уговоры и способы их выражения в русской разговорной речи», представляющей собой апробацию концепции риторического жанра О. Б. Сиротининой. Г. М. Ярмаркина

считает главным критерием риторичности (просьб) наличие левого контекста высказывания: если есть реплики, подготавливающие просьбу (т. е. собственно директивное высказывание), значит, просьба была спланирована заранее (в случае речевых просьб контекст правый).

Апробация концепции хорошей речи представлена в докторской диссертации **О. Н. Паршиной** «Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России»: доказывается, что эффективность применения той или иной стратегии или тактики, используемых в политическом дискурсе политической элиты современной России, зависит от ситуации общения, жанра речи, учета говорящим особенностей адресата, а их выбор во многом определяется типом речевой культуры и типом языковой личности политического лидера. В целом при изучении речевых жанров О. Н. Паршиной используется подход Т. В. Шмелевой, которая считает важнейшим жанровым параметром иллюкутивную цель, с уточнениями Т. В. Анисимовой (поскольку, как уже говорилось, в модели Шмелевой не учитывается такой параметр, как первичные и вторичные жанры). О. Н. Паршина осуществляет исследование эволюции и модификации жанров в современном коммуникативном пространстве. Рассмотрены трансформации традиционных жанров (например, дебаты трансформируются в теледебаты), появление новых жанров (например, прямой линии). Так, телепередачу В. В. Познера «Времена» О. Н. Паршина относит к жанровым модификациям, объединяющим несколько моделей на жанровой основе, наиболее восприимчивой к изменениям. Автор справедливо отмечает, что такой основой чаще других становится жанр интервью благодаря его особой универсальности и гибкости.

В диссертационном исследовании **В. Я. Парсамова** «Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (на материале писем Ю. М. Лотмана)» представлен филологический анализ наиболее важных составляющих языковой личности Ю. М. Лотмана. В. Я. Парсамова разрабатывается и апробируется оригинальная методика выявления индивидуального стиля в коммуникативном ракурсе и реконструкции языковой личности, с одной стороны, как типичной для определенного социокультурного круга, с другой стороны, как нетипичной, уникальной, отсюда внимание к лингвокреативности и языковой игре. Рассмотрена креативность в переписке Ю. М. Лотмана на разных уровнях языка и речи: от креативности на уровне слова и предложения (собственно языковая игра) до игры со стилями и рече-

выми нормами (например, творческое использование норм письменной и устной речи и речевых масок), а также игры на текстовом уровне, игры с жанровыми канонами вплоть до создания новых речевых (а следовательно, жанровых) правил.

Кратко представив деятельность саратовских жанроведов, считаем полезным несколько подробнее осветить содержание и проблематику выпусков саратовского сборника «Жанры речи». Данные выпуски, на наш взгляд, представляют не только активность саратовских жанроведов, но и практически все наиболее актуальные направления изучения РЖ в России и за рубежом в это время.

Первые два выпуска сборника «Жанры речи», вышедшие в Саратове соответственно в 1997 и 1999 гг., думается, вполне адекватно отражали состояние российского (и не только) жанроведения, которое во второй половине 90-х г. переживало настоящий расцвет.

Собирая первый (и последующие) выпуски, мы пытались привлечь всех авторов, кто когда-либо высказывал содержательные и оригинальные соображения по жанровой организации речи. Как уже было показано в предыдущих параграфах, российское жанроведение, к этому времени еще только начинавшее по-настоящему осмыслять идеи М. М. Бахтина, представляло собой скорее совокупность таких разрозненных идей, чем единую теорию. (Представить состояние российского жанроведения на данный момент автор настоящего предисловия попытался в том же 1997 г., непосредственно перед выходом первого выпуска сборника «Жанры речи» [Дементьев 1997].)

Так, во-первых, в 1-м выпуске «Жанров» приняли участие российские жанроведы, наиболее активно и успешно исследовавшие речевые жанры, — Т. В. Шмелева, М. Ю. Федосюк, К. Ф. Седов, А. Г. Баранов, Т. В. Матвеева, Н. В. Орлова; во 2-м выпуске к ним добавились К. А. Долинин, В. А. Салимовский, а также известная германо-швейцарская славистка Сабине Деннингхаус. Наверное, не будет преувеличением сказать, что именно эти ученые в первую очередь определили своим творчеством облик российской теории речевых жанров 1990–2000-х гг. В этой связи следует отметить, что «анкета речевого жанра» Т. В. Шмелевой, представленная в ее статье, вошедшей в первый выпуск, была очень популярна в российском жанроведении конца 90-х гг.; так, в первом выпуске на нее опирается одна Е. Н. Гуц, во втором — уже четверо исследователей: Ю. В. Щурина, М. А. Кормилицына, Г. Р. Шамьенова, И. А. Кириллова; в это же вре-

мя появляются первые критические высказывания о данной «анкете» (С. Ю. Данилов). Вошел в первый выпуск «Жанров» и русский перевод статьи Вежбицкой.

Во-вторых, сборники украсили статьи выдающихся лингвистов старшего поколения — Г. И. Богина, М. Н. Кожинной, О. Б. Сиротининой, для которых жанроведение не входило в сферу их непосредственных научных интересов. Каждый из них написал всего по одной статье, однако масштаб идей, изложенных в данных статьях (как и всех идей, высказываемых этими учеными), заставляет ставить их очень высоко в жанроведении; их идеи существенно обогатили современную теорию речевых жанров.

В-третьих, для целого ряда постоянных авторов выпусков сборника «Жанры речи» *речевые жанры* были одним из дополнительных объектов их интереса — впрочем, весьма существенным для основного направления их исследовательской деятельности: это Л. В. Балашова, И. Н. Борисова, О. Н. Дубровская, В. И. Жельвис, В. И. Карасик. Несомненно, без их активного, постоянного жанроведческого творчества и «Жанры речи», и жанроведение сегодня были бы значительно беднее, чем есть на самом деле.

Следует признаться, что тот оптимизм, которым были проникнуты первые сборники «Жанров», сейчас как-то очень трогает и подкупает: тогда многим (не только автору настоящего обзора) казалось, что ответы не за горами... увы, многие поставленные тогда вопросы остались без ответа... а многие — забыты, как, увы, сейчас полностью оставили жанроведение некоторые замечательно интересные молодые авторы, в которых видели надежду жанроведения в 90-е гг., — С. Ю. Данилов, Я. Т. Рытникова, И. Г. Сибирякова, Е. В. Полякова, Л. Н. Чинова...

Говоря о сборнике «Жанры речи», нельзя не отметить, что многие лингвисты в России познакомились с новыми работами Анны Вежбицкой и ее семантической школы в Канберре благодаря постоянным (с 1997 г.) связям редколлегии с интересной польско-австралийской исследовательницей и качественным переводам О. Н. Дубровской, которой автор, как ответственный секретарь первых трех выпусков и редактор четвертого, пятого и шестого, выражает искреннюю благодарность.

Как уже говорилось, динамику развития российского жанроведения можно кратко охарактеризовать следующим образом: если на первом этапе (конец 80-х — начало 90-х г.) речевые жанры изучались

на основе методики и терминологии теории речевых актов, то второй этап состоял в основном в преодолении недостатков и издержек первого этапа.

Становится особенно актуальным построение типологии первичных и вторичных жанров и изучение жанров, различающихся степенью жесткости композиции; перед жанроведением ставится ряд новых проблем, например изучение жанров и языка как двух альтернативных типов коммуникативной системности (символических коммуникативных систем), изучение жанров в связи с противопоставлением и взаимопроникновением языка и речи, в связи с историей, культурологией, риторикой, педагогикой.

Подобные аспекты речевых жанров оказались в центре внимания авторов **третьего** выпуска сборника «Жанры речи», посвященного социолингвистическому и идеологическому аспектам речевых жанров (жанры осмысляются как средство организации и формализации социального взаимодействия).

Ряд статей сборника посвящены общим вопросам. Так, В. Е. Гольдин и О. Н. Дубровская рассматривают жанровую организацию речи в связи с общими вопросами коммуникативной компетенции, К. Ф. Седов разрабатывает свою уже широко известную среди российских онтолингвистов психолингвистическую концепцию речевых жанров. А. П. Романенко и З. С. Санджи-Гаряева развивают интересную идею о советской речевой культуре, которая была культурой особого типа: в ее основе лежал образ ратора, ориентированный на концепт *документа* в широком смысле. Авторы убедительно показывают, что данная культура порождает особую систему речевых жанров (подробно анализируется жанр *партийного собрания*).

Особо следует остановиться на статье В. А. Салимовского «Есть ли у жанроведения границы в пределах коммуникативной лингвистики?» Ее теоретическая ценность состоит не только в интеграции двух направлений современной ТРЖ — речеактового и социолингвистического, при общем тяготении к позициям второго, точнее, его стилистической разновидности. Ценность исследования В. А. Салимовского определяется также интеграцией двух более общих лингвистических подходов, обозначенных еще М. М. Бахтиным как абстрактный объективизм, где язык понимается как устойчивая система (*langage* по Ф. де Соссюру), и индивидуалистический субъективизм, где естественный язык есть, с одной стороны, деятельность, проявляющаяся в речевых действиях, с другой стороны, регулярный творческий процесс говорящего индивидуума (В. фон Гумбольдт). Таким образом, В. А. Салимовский предлагает коммуникативное и

лингвокультурологическое решение противоречий между крайними проявлениями данных направлений — структурализмом и экзистенциализмом.

Один из главных путей к уточнению понятия речевого жанра — создание типологии жанровых форм. В статьях сборника обсуждаются первичные и вторичные, простые и сложные речевые жанры, жанры устной и письменной коммуникации, жанры официального и неофициального общения, информативные и фатические, тематически обусловленные и свободные жанры и т. д. Рассмотрен целый ряд речевых жанров, которые ранее не становились объектом специального исследования: жанр *разговорника* (Б. Ю. Норман), *вербальная дуэль* (В. И. Жельвис), жанр *утренней и вечерней молитвы* (Л. В. Балашова), *инаугурационное обращение* (Е. И. Шейгал). Кроме того, более детально и в новых аспектах рассмотрен ряд речевых жанров, которые уже становились объектом исследования.

Четвертый и пятый выпуски посвящены актуальным проблемам жанроведения XXI в. — «Жанр и концепт» и «Жанр и культура». Данные проблемы (и соответственно, некоторые важнейшие статьи, вошедшие в данные выпуски) будут рассмотрены в главе IV.

Шестой выпуск посвящен проблеме «Жанр и язык» (данная проблема будет рассмотрена в главе II).

В настоящее время готовится седьмой выпуск, посвященный проблеме «жанр и языковая личность».

Диссертации, защищенные по жанрам речи в Саратове.

Докторские:

Седов К. Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности (1999).

Дементьев В. В. Основы теории непрямой коммуникации (2001).

Колокольцева Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи (2001).

Андреева С. В. Элементарные конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи и их коммуникативный потенциал (2005).

Иванчук И. А. Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры (2005).

Паришина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России (2005).

Милехина Т. А. Российские предприниматели и их речь (образ, концепты, типы речевых культур) (2006).

Кандидатские:

- Гастева Н. Н.* Диалогическое единство в разговорной речи (1990).
- Дементьев В. В.* Жанровая структура фатической коммуникации (1995).
- Дубровская О. Н.* Имена сложных речевых событий в русском и английском языках (2001).
- Зотеева Т. С.* Диалогическое единство в жанре просьбы и его эволюция в английской драме XVI–XX вв. (2001).
- Полякова Е. В.* Отрицательная оценка в русских письмах (2001).
- Ярмаркина Г. М.* Обыденная риторика: просьба, приказ, предложение, убеждение, уговоры и способы их выражения в русской разговорной речи (2001).
- Шидо К. В.* Рекламный слоган как особый жанр английских рекламных текстов (2002).
- Дубровская Т. В.* Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русском и английском речевом общении (2003).
- Тушикова С. Е.* Развитие бытового речевого этикета как функционально-семантической универсалии (На материале художественных текстов XIX–XX вв.) (2003).
- Парсамова В. Я.* Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (на материале писем Ю. М. Лотмана) (2004).
- Власова Е. В.* Речевая агрессия в печатных СМИ (на материале немецко- и русскоязычных газет 30-х и 90-х гг. XX века) (2005).
- Даишоян Е. Н.* Становление дискурсивного мышления при овладении вторым языком в условиях учебного двуязычия (2005).
- Фенина В. В.* Речевые жанры *small talk* и *светская беседа* в англо-американской и русской культурах (2005).
- Хорешко О. Н.* Жанровый аспект положительной оценки лица (2005).
- Байкулова А. Н.* Речевое общение в семье (2006).
- Бушуева Л. А.* Поступки и их имена (на материале русского и английского языков) (2006).
- Казачкова Ю. В.* Выражение сочувствия в русском и английском речевом общении (жанровый аспект) (2006).
- Руссинова Т. В.* Особенности функционирования запрета (на материале русского и английского языков) (2006).
- Барсукова М. И.* Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача (2007).

1.4.2. Изучение речевых жанров в Волгограде

Почему волгоградское жанроведение стало частью волгоградской англистики, мы не беремся объяснить. Можно лишь констатировать факт: англистами являются все ведущие волгоградские лингвисты — В. И. Карасик, В. И. Шаховский, Е. И. Шейгал, которые на протяжении многих лет активно и плодотворно занимаются жанрами речи, а главное — под руководством которых было защищено большое количество качественных диссертационных исследований по РЖ (см. ниже список). Думается, к числу признанных лидеров речежанровой школы в Волгограде можно уверенно отнести и тех уже вполне состоявшихся ученых, кто защитил докторскую диссертацию под руководством одного из названных трех мэтров и сейчас сам стал одним из ведущих специалистов по ТРЖ, руководит диссертационными исследованиями, — Г. Г. Слышкина, А. В. Олянич, С. В. Ионову, Е. В. Бобыреву (все они тоже являются англистами по основному профилю).

Автор настоящей монографии более 10 лет активно сотрудничает со всеми перечисленными жанроведами и, наверное, может утверждать, что именно их творчество во многом определяло многие важные черты в облике российского жанроведения на протяжении всей истории его развития, причем, что важно, — с разных сторон: В. И. Карасик изучает жанры речи с позиций социолингвистики, В. И. Шаховский — теории лингвистической эмотивности, Е. И. Шейгал — теории политического дискурса, Г. Г. Слышкин — лингвоконцептологии, А. В. Олянич — презентационной теории дискурса, Е. В. Бобырева — религиозного дискурса, С. В. Ионов — лингвоаппроксиматологии.

Ценность жанроведческого творчества **Владимира Ильича Карасика** определяется, на наш взгляд, пятью основными моментами.

Во-первых, серьезно обогатила жанроведение разработанная В. И. Карасиком типология разновидностей дискурса (прежде всего с социолингвистических позиций), в частности выделение двух базовых социолингвистических разновидностей дискурса — институционального/ритуального и персонального дискурса, при этом целый ряд частных разновидностей институционального и персонального дискурса был детально исследованы В. И. Карасиком в работах, специально посвященных конкретным типам дискурса (педагогическому, религиозному, научному, политическому, медицинскому). Конечно, сама по себе такая модель, имеющая большое теоретическое значение, да еще

так блестяще апробированная в целой серии качественных практических исследований, уже представляет достаточную ценность для ТРЖ. Однако этим далеко не исчерпывается жанроведческое значение творчества В. И. Карасика. Описав названные разновидности дискурса, ученый выделяет в составе некоторых из них жанры данного вида дискурса (в частности, бытовой и бытийный диалог в составе общего персонального дискурса) и тщательно анализирует их особенности.

Во-вторых, В. И. Карасик исследует разновидности дискурса с лингвокультурологических (прежде всего концептологических и ценностных) позиций, выявляет те концепты и ценности, которые соответствуют данному типу дискурса, отдельным его стратегиям и тактикам. Среди таких концептов выделяются значимые внутрижанровые ценности/антиценности (например, здравый смысл, лояльность, власть, подлинность, простота, лень), а также коммуникативные концепты, по сути представляющие собой когнитивные проекции ряда речевых жанров (например, концепты «вызов», «вражеский заговор»).

В-третьих, В. И. Карасик рассматривает речевые жанры в коммуникативном поведении выделяемых им лингвокультурных типажей, например «русского интеллигента» (совместно с О. А. Дмитриевой), «английского чудака» (совместно с Е. А. Ярмаховой), «американского супермена» и т. д.

В-четвертых, В. И. Карасик является одним из основателей теории коммуникативной тональности.

В-пятых, В. И. Карасик сам является автором ряда тонких и детальных исследований по конкретным речевым жанрам, и прежде всего жанру *анекдота*: так, замечательно интересные отдельные исследования посвящены анекдотам английским, русским, этническим, абсурдным, анекдотам, содержащим эстетическую оценку.

Елена Иосифовна Шейгал выделяет и детально исследует (иногда вместе со своими аспирантами) типы жанров политического дискурса.

В целом речезанровый аспект исследования Е. И. Шейгал очень значителен: исследовательница осуществляет чрезвычайно глубокое и оригинальное типологическое исследование жанров политического дискурса.

Ею выделяются наборы ядерных и периферийных жанров для политического дискурса и для его отдельных разновидностей; показывается, как членится поле данных жанров, выявлены линии

сближения политического дискурса с другими типами дискурса — научным, юридическим, педагогическим, религиозным, дискурсом масс-медиа, а также спортивно-игровым. Показано, что в центре политического дискурса находятся те жанры, которые в максимальной степени соответствуют основному назначению политической коммуникации — борьбе за власть: *парламентские дебаты, речи политических деятелей, голосование*. В периферийных жанрах политического дискурса функция борьбы за власть сохраняется, но переплетается с функциями других видов дискурса. Так, *интервью с политологом* включает элементы масс-медиа, научного и политического дискурса. На стыке между дискурсом масс-медиа и политическим дискурсом находятся другие жанры, которые можно расположить на шкале по тяготению к собственно политическому содержанию: *памфлет, фельетон, проблемная политическая статья*, написанная журналистом, *колонка комментатора, передовая статья, репортаж* (со съезда, митинга и т. д.), *информационная заметка, интервью с политиком, проблемная аналитическая статья*, написанная политиком, *полемика (теледебаты, дискуссия в прессе), речь политика, политический документ (указ президента, текст закона, коммюнике)*.

Е. И. Шейгал строит типологию жанров политического дискурса по ряду оснований: в частности, по характеру ведущей интенции в политическом дискурсе разграничиваются ритуальные жанры (*инаугурационная речь, юбилейная речь, традиционное радиообращение*), ориентационные жанры (*партийная программа, конституция, послание президента о положении в стране, отчетный доклад, указ, соглашение*), агональные жанры (*лозунг, рекламная речь, предвыборные дебаты, парламентские дебаты*).

Кроме того, в монографии осуществлено специальное исследование таких жанров политического дискурса, как *инаугурационное обращение, лозунг и политический скандал как нарратив*.

Здесь следует отметить, что жанроведение существенно обогащают не только названные работы Е. И. Шейгал сами по себе, но и то, что выделенные ею типы жанров исследовались ее последователями из ряда других школ и на другом материале — например, на материале публицистического и разговорного дискурса.

Как и другие названные исследователи-волгоградцы, Е. И. Шейгал руководит диссертациями по жанрам речи.

Диссертации, защищенные по жанрам речи в Волгограде².

Докторские:

- Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса (2000).
Олянич А. В. Презентационная теория дискурса (2004).
Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метакоцепты (2004).
Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения) (2007).

Кандидатские:

- Попова Е. А.* Культурно-языковые характеристики политического дискурса (на материале газетных интервью) (1995).
Маринин Ю. Н. Речекомплекс «поздравления» (на материале текста поздравительной открытки) (1996).
Чиркова О. А. Поэтика современного народного анекдота (1997).
Козлов Е. В. Коммуникативность комикса (в текстуальном и семиотическом аспектах) (1999).
Кочетова Л. А. Лингвокультурные характеристики английского рекламного дискурса (1999).
Коротеева О. В. Дефиниция в педагогическом дискурсе (1999).
Леонтьев В. В. «Похвала», «лесть» и «комплимент» в структуре английской языковой личности (1999).
Михайлова Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей) (1999).
Чигридова Н. Ю. Речевое поведение коммуниканта в жанре деловых эпистолярный (1999).
Курченкова Е. А. Культурно-языковые характеристики текстов газетных объявлений (2000).
Сыщиков О. С. Имплицитность в деловом дискурсе (на материале английских коммерческих писем) (2000)
Алещанова И. В. Цитация в газетном тексте (на материале современной английской и российской прессы) (2000).
Бейлинсон Л. С. Характеристики медико-педагогического дискурса (на материале логопедических рекомендаций) (2001).
Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций) (2001)
Крюков Д. В. Социолингвистические характеристики писем английской аристократии Викторианской эпохи (2001).

² Автор благодарен В. И. Карасику, который возглавляет диссертационный совет Д 212.027.01 с 2001 г. (а с 1992 по 2000 г. возглавлял диссертационный совет К 113.02.02) и помог автору составить список диссертаций, защищенных в данном совете.

- Иванова Ю. М.* Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов (2001).
- Артемова Е. А.* Карикатура как жанр политического дискурса (2002).
- Валульская О. Р.* Глубина текста в различных жанрах английской речи (2002).
- Гайкова О. В.* Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации (на материале английского языка) (2003).
- Кочкин М. Ю.* Политический скандал как лингвокультурный феномен (2003).
- Комаров Е. Н.* Ценностные ориентиры в заголовках французских и российских средств массовой информации (2003).
- Каратанова О. А.* Лингвистически релевантные нарушения педагогического дискурса (2003).
- Маркова Л. Ф.* Когнитивная идентификация речевого жанра (2003).
- Емельянова Н. А.* Речевой жанр «жалоба» в различных типах дискурса в английском языке (2004).
- Кусов Г. В.* Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт (2004).
- Ларина Е. Г.* Лингвопрагматические особенности ток-шоу как жанра телевизионного дискурса (на материале американских телевизионных программ) (2004).
- Хохлова Н. В.* Способы и средства реализации коммуникативной категории угрозы в русском и английском языках (2004).
- Шибанова Е. А.* Концептуальное пространство брачных объявлений (на материале русского и французского языков) (2004).
- Акименко Н. А.* Лингвокультурные характеристики английского сказочного дискурса (2005).
- Панкратова О. А.* Лингвосомиотические характеристики спортивного дискурса (2005).
- Горбачева Е. Н.* Спор как лингвокультурный концепт (2006).
- Дьякова Т. В.* Жанрообразующие свойства поэтонимов (на материале английской и русской авторской сказки) (2006).
- Земцова Л. А.* Искусствоведческая рецензия как жанр массово-информационного дискурса (2006).
- Коляйн Д. Л.* Ухаживание как тип коммуникативного поведения (2006).
- Урванцев К. Г.* Жанры современной теле-и радиорекламы (риторический аспект) (2006).
- Черкасова И. С.* Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации в русских и немецких объявлениях о знакомстве (2006).
- Ярмольская И. Ю.* Духовное послание в документоведческом и стилистическом освещении (2006).

- Белозерова Е. В. Реклама как жанровый метаконцепт (на материале современной русской лингвокультуры) (2007).
- Соловьева А. А. Речевой жанр «совет» в разных типах дискурса (на материале современного английского языка) (2007).
- Андреева И. В. Опровержение в институциональном дискурсе (2008).
- Гончаренко Н. В. Суггестивные характеристики медицинского дискурса (2008).
- Егорова И. Ю. Акцентирование в рекламном интернет-дискурсе (2008).
- Истомина А. Е. Фельетон как жанр политического дискурса (2008).
- Романова О. Н. Лингвосемиотическая стереотипизация персонажей в кинотексте молодежной комедии (2008).
- Рудова Ю. В. Жанровый статус медицинского буклета (2008).

Следует отметить, что с достижениями волгоградского жанроведения (конечно, не только его) ученые в России знакомы благодаря интересным и содержательным серийным сборникам научных работ «Языковая личность», «Аксиологическая лингвистика», «Человек в коммуникации», выходящим под ред. В. И. Карасика, В. И. Шаховского, Е. И. Шейгал, а также Н. Н. Красавского, Г. Г. Слышкина, А. В. Олянича и других в Волгограде с начала 80-х г.

1.4.3. Другие центры (Пермь, Екатеринбург, Орел, Воронеж, Новосибирск, Иркутск)³

«Функционально-стилистическое жанроведение» (Пермь)

Очень значительным направлением в изучении РЖ является Пермская функционально-стилистическая школа. Данная школа имеет

³ Необходимо подчеркнуть, что, не включая в этот список центров Москву, автор руководствовался не «провинциальным высокомерием» — так, многие исследователи, чрезвычайно существенно обогатившие ТРЖ, москвичи (Н. Д. Арутюнова, М. Ю. Федосюк, Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, Н. И. Формановская, В. М. Алпатов, С. И. Гиндин, Т. В. Крылова, М. Я. Гловинская, Е. Я. и А. Д. Шмелевы) или непосредственно связаны с Москвой (Т. В. Шмелева, О. П. Ермакова), однако деятельность названных ученых очень трудно было бы охарактеризовать как какое-то единое направление — скорее можно говорить о целом ряде направлений или школ. Теоретические положения и исследования отдельных жанров/групп жанров, осуществленные многими из названных ученых, были уже рассмотрены в настоящей историографической главе или будут представлены в последующих главах монографии.

давние традиции функционально-стилистического изучения текстов научной речи. У истоков Пермской школы стоят такие выдающиеся лингвисты, как М. Н. Кожина и, увы, уже умершие Л. Н. Мурзин, В. В. Сахарный, А. С. Штерн.

Значительное воздействие на исследования пермских жанроведов оказали идеи Владимира Барнета, который в восьмидесятые годы активно сотрудничал с данной лингвистической школой.

В настоящее время в Перми действует одна из наиболее активных школ по изучению речевых жанров — функционально-стилистическое жанроведение. Во главе этой школы сегодня стоят такие яркие исследователи, как М. Н. Кожина, В. А. Салимовский, М. П. Котюрова, Т. И. Ерофеева, Л. Р. Дускаева и др.

Большую роль в развитии и распространении жанроведческих идей, как и идей в области анализа текста и дискурса, а также общелингвистических знаний, сыграл целый ряд серийных изданий, широко известных в России и за ее пределами уже на протяжении пяти десятков лет, — «Функциональная стилистика», «Деривация в речевой деятельности», «Стереотипность и творчество в тексте», «Я и “другой” в пространстве текста».

Концептуально функционально-стилистическое жанроведение опирается на изучение речевых жанров через теоретическую призму и накопленные теоретические и методологические достижения функциональной стилистики. В целом на первый план выходит общетеоретическая проблема соотношения понятий «речевой жанр» и «(функциональный) стиль».

Данная проблема будет подробно рассмотрена в следующей главе, посвященной разным типам речевой системности.

Диссертации, защищенные по жанрам речи в Перми⁴.

Кандидатские:

Ширинкина М. А. Вторичный деловой текст и его жанровые разновидности (2001).

Луковникова О. Ю. Объяснение в научной и эстетической сферах функционирования языка (2006).

Кудлаева А. Н. Типы текстов в структуре дискурса (2006).

⁴ Автор благодарен В. А. Салимовскому, который в 2005–2007 гг. работал ученым секретарем диссертационного совета Д 212.189.11 и предоставил автору эту информацию о диссертациях, защищенных в данном совете.

Пузикова З. Г. Функционально-стилевые варианты доказательства в русском литературном языке начала XXI в. (2007).

Кыркунова Л. Г. Официально-деловые тексты в аспекте функционально-смысловых типов речи (2007).

Имшинецкая И. А. Речевой стиль коммерческой рекламы в его жанровых разновидностях (2007).

Причисляем к Пермской школе и докторские диссертации, выполненные в Перми и защищенные в других городах, — В. А. Салимовского (защищена в Екатеринбурге в 2002 г.) и Л. Р. Дускаевой (защищена в Санкт-Петербурге в 2004 г.).

Изучение речевых жанров в Орле⁵

С 2001 г. на базе Орловского государственного института искусств и культуры работает научное направление «Типологические и жанровые особенности научного и медийного текста» под руководством А. Г. Пастухова. В рамках этого научного коллектива были объединены ученые различных вузов Орла, работающие в направлении жанрово-типологических исследований. В центре внимания изучения речевых жанров в Орле находятся жанровые характеристики научного и медийного дискурсов, механизмы жанрово-стилистической дифференциации текстов. Особое внимание уделяется изучению текстовых категорий, разработке критериев описания различных речевых жанров и типов текста. С этой целью в качестве методики исследования применяется создание корпусов различной тематической и стилистической направленности и объема. Ведется работа по упорядочению терминологии подязыков науки и техники, созданию двуязычных учебных словарей и глоссариев. Жанроведческая направленность заключается также в определении механизмов прагматического влияния в рекламной и медийной практике на материале русского и иностранных языков. При этом особый акцент делается на изучении сравнительных и жанровых особенностей перевода и взаимодействия культур.

С 2004 г. издается межвузовский сборник научных трудов «Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе», в формировании которого приняли участие ученые из Орла, Волгограда, Нальчика, Санкт-Петербурга, Воронежа, занимающиеся проблемами текстов и дискурсов, феноменов массовой коммуникации, жанровых форм в науке и медиа. Здесь опубликованы результаты жанрово-

⁵ Автор благодарен А. Г. Пастухову за предоставленную ценную информацию.

типологических исследований ученых из Украины, Беларуси, Казахстана, Австрии, Румынии, Нигерии, Австралии, Тайваня, Германии, Испании, Швейцарии, США. Для удобства пользователей данная серия имеет электронную пользовательскую версию, распространяемую наряду с бумажной⁶.

С 2003 г. на кафедре иностранных языков работает постоянно действующий межкафедральный семинар для молодых ученых «Жанровая стилистика научного и медийного текста». В рамках семинара обсуждаются ход выполнения диссертационных исследований, новые публикации по проблематике, связанной с темами работ аспирантов и соискателей, отзывы на авторефераты диссертаций и т. д.

Российские жанроведы хорошо знакомы с работами исследователей из **Екатеринбурга** — прежде всего это работы Н. А. Купиной и Т. В. Матвеевой и их учеников (И. Н. Борисова, И. Т. Вепрева, С. Ю. Данилов, Я. Т. Рытникова, И. Г. Сибирякова, И. В. Шалина и др.). Данное направление жанроведения отмечено особым вниманием к проблемам разговорного диалогического текста, при этом опирается на обширные фонды собственных записей РР (некоторые из них опубликованы) и обогатило как жанроведение, так и лингвистику речи целым рядом пионерских работ, например, по проблемам тематической структуры разговорных текстов, речевой агрессии, «тоталитарного языка».

В этой связи нельзя не отметить регулярные публикации, посвященные жанрам политического дискурса, в международном журнале «**Политическая лингвистика**», выходящем в Екатеринбурге под ред. А. П. Чудинова.

Жанрами речи занимаются в **Воронежском** государственном университете — к наиболее активным воронежским жанроведам можно отнести И. А. Стернина, В. Б. Кашкина, Н. А. Лемяскину.

Следует отметить журнал «Критика и семиотика», выходящий в **Новосибирске** под ред. И. В. Силантьева, — журнал собрал многих авторов из разных городов России и из других стран, которых объединяет общий интерес к семиотике культуры и теории литературы. Ряд публикаций посвящены проблемам жанра⁷.

Жанры речи становились объектом исследований по дискурсу в **Иркутске** — прежде всего это работы профессоров Иркутского го-

⁶ Подробно о содержании сборника см. информацию на сайте: <http://www.ogiik.orel.ru/kaf14.html>.

⁷ Информацию о содержании журнала см. на сайте <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs.htm>.

сударственного лингвистического университета А. М. Каплуненко, С. Н. Плотниковой, а также А. В. Кравченко и их учеников (как и коллеги из Волгограда, практически все они являются англистами).

Вероятно, есть некоторая тенденция, состоящая в том, чтобы именно англисты, изучающие дискурс, в большей степени тяготели к идеям М. М. Бахтина (не потому ли, что идеи Бахтина более популярны в англоязычных странах, чем, например, в Германии?), а германисты-«немцы» — к западным «альтернативным» школам, в частности немецкому понятию «Textsorten» (ср. исследования под рук. Н.С. Бабенко в Институте языкознания РАН, в Санкт-Петербурге под руководством В. Е. Чернявской; кроме того, нельзя не отметить периодический сборник «Дискурс и стиль», выходящий в Петербурге под редакцией последней).

Здесь следует упомянуть еще одно направление в изучении РЖ — так называемую **когнитивную генристику**, в основном разрабатываемую учеными из Саратова и Волгограда (и некоторыми близкими по духу к данным центрам учеными из других городов, например Е. Н. Горбачевой). В целом, поскольку данное направление еще только складывается, буквально на наших глазах (кстати, в соответствии с наиболее актуальными в современной лингвистике содержательными, когнитивными, концептологическими, лингвокультурологическими тенденциями), а основные достижения данного направления, по всей видимости, следует искать в будущем, мы рассматриваем его в главе V, посвященной именно перспективам ТРЖ.

В целом же, по нашему убеждению, перипетии истории науки не способны сменить магистральную проблематику жанроведения и главные его задачи. Даже при пунктирном выделении линий развития ТРЖ намечается несколько проблем, которые, по-видимому, следует считать действительно важнейшими и вечными, — структура РЖ (при более широком рассмотрении — место речевого жанра в системной организации речи) и типология РЖ.

Им будут посвящены последующие главы монографии.

ГЛАВА II

Место жанра в речевой системности

2.0. Постановка проблемы

Поставленная в названии главы проблема, естественно, не нова. Категория речевой системы введена в лингвистическую теорию, по-видимому, даже раньше, чем Ф. де Соссюр начал утверждать, что на оси времени (т. е. в речи) нет системы [Соссюр 1977: 113]¹. Вслед за авторами коллективной монографии «Общение. Текст. Высказывание» (1989) мы понимаем структурирование как «выражение некоторой упорядоченности, соответствующей коммуникативной деятельности, эксплицируемой как постоянные или же закономерно варьируемые качества текстов» [ОТВ 1989: 57]. Понятие жанра всегда занимало в лингвистических концепциях речевой системы важное место.

Будучи ключевой для собственно лингвистического изучения жанров, данная проблема не только не решена, но и имеет многолетний отрицательный опыт, сложившийся из неудач и даже случаев отказа от дальнейшего изучения того, что в этом отношении нередко казалось полностью лишенным системы хаосом.

Главными препятствиями на пути к «настоящему лингвистическому изучению» жанров, безусловно, стали многообразие жанров и их вариативность. Даже если представить, что кем-то будет составлен полный список РЖ, при любой попытке применить его к речевжанровому многообразию на практике такой список будет немедленно сведен на нет громадным числом незначительных и очень значительных отклонений от «стандарта», авторской и «слушательской» непредсказуемостью, личностной окраской и субъективной волей, участием самых разнообразных и тоже непредсказуемых компонентов ситуации общения. Забегая несколько вперед, подчеркнем, что неоднократно отмечаемая многими лингвистами-

¹ В. А. Салимовский связывает первое использование данной категории в лингвистике с работами Г. О. Винокура (1990 [1923]; 1929), изложившего свою концепцию соотношения языка и речи (и вытекающее из нее понимание предмета стилистики и поэтики) тоже в связи с интерпретацией «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра [Салимовский 2002а: 44].

коллоквиалистами множественность компонентов ситуации общения, нерешенность вопроса, какие из них необходимо учитывать для адекватного осмысления речи, стала серьезным препятствием для определения и разграничения отдельных речевых жанров: какие параметры значимы для такого разграничения жанров, т. е. типологизации, а какие нет; где начинается новый жанр, а где мы имеем дело еще с вариантом старого? Так же как при построении любой дискурсивной типологии, любое решение будет небезупречным (прежде всего субъективным), любое определение будет грешить отсечением чего-то значимого; попытка же учесть все значимые аспекты, как это обычно бывает в коллоквиалистике при изучении речи в целом, с неизбежностью обернется тем, что количество выделяемых разновидностей и типов будет разрастаться до совершенно необозримых пределов, пока не сравняется с количеством «образцов».

«(...) разработка типологии ситуаций (и следовательно — типологии жанров), — пишут М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова, — существенно затруднена из-за того, что пока нет специфических и надежных методов “этнотаксономии общества” (по С. М. Эрвин-Трипп. — В. Д.). Эта задача осложняется и тем, что существуют типы ситуаций, для которых нет принятого обозначения» [Китайгородская, Розанова 1999: 32].

Естественно, многообразие жанров и их вариативность — не единственный нерешенный аспект проблемы места жанра в речевой системности.

С одной стороны, понятие жанра уже заняло прочное место в теории дискурса в целом как одна из базовых единиц его организации (хотя о с н о в н о й единицей организации дискурса жанр признается не всеми исследователями); с другой стороны, многие современные отечественные работы по теории дискурса/текста вообще не используют ни термина *жанр*, ни положений Бахтина, ни положений сложившейся в России «после Бахтина» теории речевых жанров — зато успешно опираются на работы по дискурсу (прежде всего западные: американские, английские, немецкие), где выделяются в качестве базовых другие речевые единицы.

Таким образом, проблема речевой системности является ключевой не только для теории речевых жанров: не будет преувеличением сказать, что адекватное решение данной проблемы — з а д а ч а - м а к с и м у м и лингвистики текста, и теории дискурса.

Как известно, в основе лингвистики текста с момента ее возникновения на основе прагматики, стилистики и риторики лежало представление об особых — отработанных в общении, стандартных, узнаваемых речевых правилах, упорядочивающих речь и при этом отличных от правил языка. Действительно, если бы правила текста/речи совпадали с языковыми правилами и нормами, было бы непонятно, с одной стороны, чем отличаются друг от друга разные типы текстов на одном и том же языке (*роман, записка, протокол, письмо*); с другой стороны, чем отличается текст как единица речи от предложения.

В лингвистике текста установлено, что «правила текста/речи» многомерны, вариативны и обращены к многочисленным сторонам внеязыковой действительности: к языку и тем языковым/речевым единицам, из которых текст построен, к собственному содержанию, т. е. отражаемой реальной или воображаемой действительности, к своему автору (соответственно, к его интенциям и мотивам, т. е. к своей цели) и читателю/слушателю, к другим авторам и текстам, наконец, к культуре во всей ее совокупности (в любом тексте как в капле воды отражается вся национальная и человеческая культура).

Естественно, текст обращен к своему жанру как к наиболее очевидному из текстовых правил.

В контексте этих рассуждений сам термин-понятие *жанр* кажется интуитивно ясным и вполне логично связанным с текстом — однако остается нерешенным вопрос, как определить жанровую принадлежность произведений, лишенных (литературной) традиции, например «*Крохоток*» А.И. Солженицына (который ставит себе в заслугу «изобретение» данного жанра). Еще более очевидным образом сказанное относится к абстрактной — модернистской, символистской, футуристической — поэзии. Ср.:

ИЗРЕ

Большая честь родиться бедняком.

Д. Бурлюк

Подобные «трудные» случаи, впрочем, представляют собой лишь стилизацию тех действительных трудностей, которые в огромном количестве находим в реальном непосредственном общении. Содержательная сложность, дополнительные интерпретационные шаги адресата речи, присущие разновидностям непрямой коммуникации, не являются прерогативой «сложных» сфер общения. Ср.:

(СОСЕДКИ ПО ДОМУ А. И Б. ВСТРЕЧАЮТСЯ НА УЛИЦЕ)

А. Здрасьте/что там в овощном?

Б. Ниче нету //

А. Совсем?

Б. Токо картошка //

А. Молодая?

Б. Нет/старая // А больше ничего //

А. Ну пойду посмотрю // [Китайгородская, Розанова 1999: 358–359].

Диалог должен быть отнесен к непрямой коммуникации на следующих основаниях: наличие смысловых лакун в тексте разговора, неточность передаваемой информации, непредсказуемость реакций, неопределенность коммуникативных намерений говорящих. Неясно, означает ли последняя реплика А. *Ну пойду посмотрю* то, что А. осталась неудовлетворена ответом Б. и хочет получить более точную информацию (тогда действительно лучше *пойти посмотреть* самой), или же А. хочет сообщить, что отправляется *посмотреть* старую картошку (что маловероятно). Но какого удовлетворительного ответа могла ожидать А. на свой вопрос *Что там в овощном?* Складывается впечатление, что А. вообще не ждет ответа как такового. Точно такая же реплика *Ну пойду посмотрю* скорее всего была бы произнесена ею и в случае исчерпывающе подробного рассказа Б. о том, *что там в овощном* (тогда она была бы даже более уместна, чем после лаконичного *Ниче нету // токо картошка*). Кроме того, заключительная реплика несет метакоммуникативную, регулятивную нагрузку, и ее следует интерпретировать прежде всего как речевой ход, замыкающий интеракцию и закрывающий тему диалога.

Исследователь-лингвист, столкнувшийся с таким материалом, строит различные гипотезы относительно реплик этого разговора. Несомненно, что точно так же строят их и сами собеседники. Таким образом, даже в этом, казалось бы, «простом» бытовом разговоре не может быть «простой» интерпретации высказываний, какую предполагает семиотическое использование знаков, поскольку, очевидно, в основе данного вида коммуникации лежит содержательная диада, которая может быть определена как «запрос информации ~ потребность в другой информации, чем та, которая может быть передана в рамках данной коммуникативной ситуации».

Как известно, осмысление материала такого рода (а именно такие примеры прежде всего характерны для устного непосредственного

общения) привели лингвистику текста еще в 60–70-х гг. к необходимости использовать сложный комплекс текстовых категорий (в том числе ситуативность, диалогичность, множественный характер интерпретации, интертекстуальность, вербальные и невербальные компоненты коммуникации). Часть этих категорий, обуславливающих связность и цельность речевого произведения, выделили лингвистику текста из «нетрадиционного» синтаксиса, занимающегося вопросом о средствах связи между предложениями, и очень скоро выделили из «традиционной» лингвистики текста лингвистику дискурса, основными категориями которой стали именно текстовость плюс ситуативность. Взаимодействуя с прагмалингвистикой и социолингвистикой, лингвистика дискурса обогащается следующими категориями: 1) участники общения (статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики); 2) условия общения (пресуппозиции, сфера общения, хронотоп, коммуникативная среда); 3) организация общения (мотивы, цели и стратегии, развертывание и членение, контроль общения и вариативность коммуникативных средств); 4) способы общения (канал и режим, тональность, стиль и жанр общения).

Важно, что конститутивные категории дискурса вытекают из теории коммуникативных постулатов, т. е. принципов успешного общения. Одним из ключевых принципов здесь является установка на осмысленность и интерпретируемость любой речи — даже если по форме речь кажется полностью бессмысленной, получатель скорее станет искать в ней смысл, не выраженный явно, чем откажется от интерпретации. На этом явлении основан комический и эстетический эффект многих художественных произведений, например «Жалобной книги» А. П. Чехова.

Лежит она, эта книга, в специально построенной для нее конторке на станции железной дороги. Ключ от конторки «хранится у станционного жандарма», на деле же никакого ключа не нужно, так как конторка всегда отперта. Раскрывайте книгу и читайте:

⟨...⟩ «Проезжая через станцию и будучи голоден в рассуждении чего бы покушать я не мог найти постной пищи. Дьякон Духов».

«Лопай, что дают»...

«Кто найдет кожаный портсигар тот пушай отдаст в кассу Андрею Егорычу».

«Так как меня прогоняют со службы, будто я пьянствую, то заявляю, что все вы мошенники и воры. Телеграфист Козьмодомьянский».

«Добродетелью украшайтесь».

«Катенька, я вас люблю безумно!»

«Прошу в жалобной книге не писать посторонних. За начальника станции Иванов 7-й».

«Хоть ты и седьмой, а дурак».

Конечно, этот конгломерат становится полноценным художественным текстом не только из-за наличия заголовка (иначе из любой «жалобной книги» получился бы отличный рассказ). Читатель понимает, что за каждой записью у Чехова стоит «смешной человек» и каждый пишет почему-то «не по правилам» книги жалоб — и в то же время вполне «по правилам», понятным читателю, если считать «более правильными правилами» сообразность с характером и ситуацией; тогда оказывается вполне понятно (а следовательно, уже нельзя говорить о хаосе), почему единственный автор записи, кто относится к данному тексту как к «жалобной книге», имеющей свои правила, — «Иванов 7-й» — назван «дурак».

Ключевое для системно-структурного языкознания понятие инварианта оказывается малоприменимо в теории дискурса, поскольку ведущую роль в организации дискурса играют ориентирующие, а не смыслораскрывающие категории; данные категории относятся друг к другу приблизительно так же, как тексты классицизма с его строгостью правил к текстам романтизма. Как известно, приверженцы классицизма очень негативно воспринимали «недопустимо вольный» романтизм, реализм (ср. шок зрителей на премьерах «Ревизора» Н. Гоголя или «На дне» М. Горького). При этом противопоставляются «ограничивающие» (типа «Нельзя!» в статусном, официальном, этикетном дискурсе) и «расширяющие» (предписывающие, рекомендуемые) категории.

Именно наличие правил речи/текста, среди которых важное место занимают жанровые правила, делает возможной и н т е р п р е т а - ц и ю дискурса. В целом нечто понимается как дискурс/текст, когда подлечит интерпретации; нечто не является дискурсом/текстом, если: 1) не подлечит интерпретации и 2) если подлечит слишком большому (бесконечному) числу интерпретаций. Невозможно простое (подобное компьютерному) понимание текста/дискурса, что подтверждают многочисленные эксперименты, выявляющие смысловые лакуны текста, инференции и экспектации, основанные на пресуппозициях и фоновых знаниях [Макаров 2003].

В лингвистике текста/дискурса доказано, что наибольшим интерпретативным усилиям в тексте подвергаются элементы, по своей

форме отстоящие от стандарта в стандартной ситуации [Водоватова 2007], но в то же время осложненной интерпретации не подвергаются элементы ряда стандартных ситуаций, например этикетные формулы в «этикетных» ситуациях общения: можно сказать *кадиллак* вместо *Как дела, привет парик* вместо *Привет, старик* — и этого не заметят [Горелов, Седов 1998: 81–92]. В целом чем в большей степени текст требует дополнительных знаний, тем в меньшей степени понимание данного текста опирается на собственно текст.

2.1. Понятия речевой системности и речевого аттрактора

Объективность существования некоторых моментов, если можно так выразиться, большей нормативности и упорядоченности дискурса признается всеми исследователями, однако до сих пор никому не удалось представить по-настоящему полную картину соотношения всех таких моментов системности (тем более то, как относится системность жанровая к остальным типам) — даже если включать в модель только наиболее широко распространенные и изученные типы правил и норм, категорий, единиц.

Вот только очень приблизительный список единиц, представляющих разные типы системности дискурса, — как уже было сказано, с определенной точки зрения почти в каждой из них можно усмотреть некоторые моменты жанровой системности (а в некоторых — даже поставить знак равенства между данным типом системности и жанровым):

- речевой жанр, субжанр (жанроид), гипержанр;
- коммуникативная категория, коммуникативный концепт (а отсюда — коммуникативная ценность), фрейм, сценарий;
- речевой акт, иллокутивный акт, речевой/коммуникативный ход, иллокутивный компонент, интенция и интенциональное состояние;
- стратегия (микростратегия и макростратегия), тактика (и внутрияжанровые стратегии и тактики);
- речевое событие, диалогическое единство, трансакция;
- (функциональный) стиль, тональность, тип дискурса;
- коннектор, «петля», (тематическая) цепь, темо-рематическая прогрессия, функциональная перспектива и коммуникативный динамизм.

Как видим, список (для удобства мы разбили его на несколько относительно более гомогенных групп) включает практически все

единицы и модели, используемые в современной дискурсивной теории — говоря очень огрубленно, мы включили сюда почти все, что так или иначе выходит за пределы синтаксического уровня языка и предложения, начиная с конкретных средств связи между двумя предложениями в тексте.

Наверное, нет необходимости говорить, насколько различны единицы, из которых был составлен данный список, — многие из этих единиц с трудом могут быть поставлены рядом друг с другом, например, *коммуникативная категория* и *анафора*; в список включены единицы, не используемые вместе в рамках одной теории, как *стиль* и *тип дискурса*; есть фактически синонимичные названия для одной и той же единицы (*речевой акт* и *иллокутивный акт*). Различаются же эти единицы прежде всего своим содержательным объемом и структурой (ср. *концепт* и *стиль*), функциями, т. е. участием в организации того или иного участка речи, а также целью использования данных единиц и моделей в лингвистике, в связи с общей плоскостью теоретических взглядов исследователя и целями конкретного исследования.

Что касается содержательного объема данных единиц, следует подчеркнуть, что они различаются прежде всего не в количественном, а в качественном отношении: так, выделяются фреймы и подобные им структуры «вертикального» типа (стиль, тип дискурса), которые описывают целые ситуации и объясняют, почему все в речевом произведении должно быть связано данным образом, однако не объясняют особенностей отдельных связей между участками текста, т. е. того, как осуществлен данный тип организации. В этом отношении единицы «вертикального» типа (макростратегии и макроструктуры, текстотипы, сценарии, планы, фреймы, а также некоторые ориентированные на развертывание текста психолингвистические модели с центральными концептами замысла и его реализации; обычно сюда же включают и речевой жанр), обеспечивающие **цельность** речевых произведений, противопоставлены таким «горизонтальным» («монологическим», линейным) текстовым и когнитивным механизмам, которые обеспечивают, главным образом, **связность** речевых произведений:

- семантическая когерентность текста (анафора, пресуппозиции, импликации, контекст, изотопия, номинационные/тематические цепи);
- темо-рематическое структурирование (коммуникативный динамизм и функциональная перспектива, фокус контраста, прогрессии,

импозиции, семантическая, синтаксическая и прагматическая валентность, (иллокутивное) вынуждение);

- просодические структуры [см.: Николаева 1978].

В некоторых случаях отношения между отдельными единицами и группировками единиц детально рассмотрены в лингвистике, например между *речевым жанром* и *речевым актом* (как уже говорилось, целый этап в развитии ТРЖ прошел под знаком сближения и взаимовлияния данных теорий), между *интенцией* и *интенциональным состоянием* (начиная с Дж. Серля). Целый ряд работ посвящены соотношению понятий *коммуникативная категория* (см. разные понимания коммуникативной категории в: [Карзенкова, Салимовский 2005; Стернин, Шилихина 2001]) и *коммуникативный концепт* [Карасик 2002; Шейгал 2006]: категории присуща градуируемость/шкальность, зато отсутствует образная составляющая и значительно ослаблена ценностная.

Однако начать мы хотим с проблемы, которая представляется не только наиболее «лингвистичной» в данном списке, но и наиболее важной для общей проблемы речевой/речезанровой системности, — **отношения речевых жанров и языка как двух альтернативных, но генетически близких способов упорядочивания коммуникации и речи.**

Вспомним одно из наиболее часто цитируемых положений М. М. Бахтина: «Мы говорим только определенными речевыми жанрами, т. е. все наши высказывания обладают определенными и относительно устойчивыми типическими формами построения целого. Мы обладаем богатым репертуаром устных (и письменных) речевых жанров. (...) Даже в самой свободной и непринужденной беседе мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам, иногда штампованным и шаблонным, иногда более гибким, пластичным и творческим (творческими жанрами располагает и бытовое общение). Эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык» [Бахтин 1996: 181].

Наименее ясным здесь представляется место: «речевые жанры даны нам п о ч т и так же, как нам дан родной язык».

Думается, возможны следующие толкования данного «почти»:

1. М. М. Бахтин намеревался так прояснить понятие РЖ для лингвистов — ранее данное понятие осмыслялось практически исключительно в литературоведении. Для этой цели было бы совершенно

естественно сопоставить малоизученное явление с явлением, очень широко исследованным. Действительно, язык дан нам в речи как объективно существующие обязательные для соблюдения правила и формы, и такие же объективно существующие формы речи представляют собой речевые жанры. Слово «почти», вероятно, означает, что жанры все же менее императивны и независимы от человека. Следует отметить, однако, что лингвистика еще не имеет вполне четкого представления о том, как, в каком виде язык «хранится в голове», — в данном вопросе нет полной ясности в современной психолингвистике; тем более не могло быть полной ясности в лингвистике начала 50-х гг., когда М. М. Бахтин писал статью «Проблема речевых жанров».

2. Возможно, речь идет о том, что сами РЖ по своей сущности близки языковым единицам, отношениям значений и значимостей и способам их выражения (например, системе частей речи или членов предложения), правила РЖ подобны языковым нормам? Однако не существует никаких подтверждений тому, что М. М. Бахтин допускал такое толкование своей концепции РЖ, поскольку к этой теме он больше не обращался.

3. Может быть и третье толкование: РЖ и язык не тождественны, но имеют общую коммуникативную природу и сопоставимы как разные типы организации коммуникации. И РЖ, и язык представляют собой инструменты, при помощи которых человек осуществляет свою ориентацию в окружающем мире и воздействие на мир, а точнее такую важную часть взаимодействия с миром, как общение с другими людьми. Выражаясь в синергетической терминологии, можно сказать, что РЖ и язык выступают как два разных коммуникативных аттрактора, т. е. типа упорядочения дискурса. Как известно, в лингвосинергетике *аттрактор* понимается как область упорядоченности для открытой, сильно неравновесной системы. В синергетических системах аттракторы являются единственным средством: 1) преодоления неопределенности, излишней энтропии смысла и 2) создания неконвенциональной аналогической структуры [Герман 2000: 41, 91 и далее].

Нам кажется наиболее верным последнее толкование. Продолжим цитату из статьи «Проблема речевых жанров»: «Формы языка и типические формы высказываний, т. е. речевые жанры, приходят в наш опыт и в наше сознание вместе и в тесной связи друг с другом. (...) Речевые жанры организуют (выделено мною. — В. Д.) нашу

речь почти так же, как ее организуют грамматические формы (синтаксические)» [Бахтин 1996: 181].

При сопоставлении языка и РЖ как разных типов аттракторов на первый план выступает противопоставление двух типов коммуникации — упорядоченной, нормированной, формализованной, с одной стороны, и неупорядоченной, ненормированной, неформализованной, с другой стороны. Следует отметить, что в лингвистических и смежных социолингвистических, психолингвистических, этнолингвистических, риторических исследованиях данная оппозиция активно использовалась для объяснения особенностей разных типов коммуникации, хотя понималась эта оппозиция по-разному, например: «конвенциональная коммуникация ~ неконвенциональная»; «книжная ~ разговорная»; «риторическая ~ нериторическая»; «тексты ~ нетексты» и т. д. Наконец, названная оппозиция из двух основных типов коммуникации понималась как общее противопоставление нормативного (кодифицированного) и узуального начала в речи. Выделение двух названных типов коммуникации можно понимать как распространение на коммуникацию известной лингвистической дихотомии Э. Бенвениста «семиотические коммуникативные системы ~ семантические коммуникативные системы» [Бенвенист 1974: 80–88].

Выделяя два типа коммуникации на основе лингвистической дихотомии Э. Бенвениста, считаем, что **прямая**, или упорядоченная, **коммуникация**, осуществляемая средствами коммуникативных систем семиотического типа, имеет место тогда, когда в содержательной структуре высказывания смысл = значение, т. е. план содержания высказывания, выражаемый значениями компонентов высказывания (слова, граммы и т. п.), зафиксированных в словаре, совпадает с итоговым коммуникативным смыслом. В основе прямой коммуникации лежит система единиц и правил их организации, поддающихся исчислению (т. е. замкнутая система, «код»). Можно сказать, что прямая коммуникация осуществляется средствами коммуникативных систем семиотического типа (в терминологии Э. Бенвениста), или формализованных систем (в терминологии А. Соломоника), и представляет собой функционирование «языка-системы» в сосюрорско-редукционистском понимании. (Подобное понимание коммуникации восходит к александрийским грамматикам, позже оно проявилось в грамматике Пор-Рояль.) Иными словами, прямая коммуникация организуется аттракторами и не включает участков неаттракторного характера. Поэтому для описания прямой коммуникации оказывается

достаточной информационно-кодовая модель коммуникации [Shanon, Weaver 1949].

Следует отметить, что крайне трудно найти пример реальной настоящей семиотически прямой коммуникации все смыслы которого объяснялись бы при помощи одной кодовой модели, и в котором не продуцировались бы смыслы, не содержащиеся непосредственно в тексте реплик. Это только явно содержательно ущербные коммуникативные ситуации типа *Сейчас три часа дня. — Да, сейчас три часа дня, я слышу*, где роль коммуниканта сводится к роли «ретранслятора».

Главным аттрактором, организующим прямую коммуникацию, выступает язык.

По-видимому, сам язык возникает как своеобразная борьба с непрямой коммуникацией, ее преодоление. Язык делает передаваемые и принимаемые смыслы более прямыми, т. е. более точными и более «узкими», снимая тем самым ряд степеней НК. В языке также существует разная степень точности выражения содержания. «Прямота» растет прямо пропорционально повышению формализации. Под формализацией знаковой системы мы, вслед за А. Соломоником, понимаем повышение ригидности (жесткости) системы, проявляющееся в следующих признаках: 1) ужесточении требований к правилам грамматики и метаязыка; 2) повышении строгости исполнения внутрисистемной логики; 3) в том, что знак такой системы становится все более автономным по отношению к своему обозначаемому и все более зависимым от системы в целом. Такой знак предлагается называть символом. Его точность, информационная плотность и однозначность («прямота») значительно выше, чем у слова — знака естественного языка [Соломоник 1995: 82]. Таким образом, следующей ступенью формализации содержания после естественного человеческого языка является формализованная кодовая система (такая, как математический код). Формализация в таком понимании всегда направлена от смыслов → к значениям. Так, в формализованном языке математики есть только значения и нет смыслов. Там у адресата не может возникнуть вопроса типа «Что вы этим хотели сказать?»: «В мире безупречных искусственных языков нет ни экспрессии, ни связности и цельности речевого потока, ни неопределенности и размытости описаний и ситуаций и лиц. В этом мире нет также ни юмора, ни поэзии» [Ивин 1983: 108].

Дополнительным языковым аттрактором является, конечно, письмом. Системы записи первичных коммуникативных систем выступают

не только как дополнительный вариант уже существующей знаковой системы — они поднимают прежнюю систему на бóльшую высоту и снабжают ее дополнительными семиотическими возможностями: «В то время как количество знаков в первичной системе практически неограниченно (естественные знаки, образы, слова), количество знаков для записи стараются сократить до минимума. Правила их использования очень ригидны, значительно меньше энтропии наблюдается в операциях с буквами, чем, допустим, в операциях со словами (при записи мы не можем отклоняться от правил правильного письма, в разговоре существует масса возможностей для комбинаций с одним и тем же словом)» [Соломоник 1995: 102].

Но кроме языкового существует большое число различных способов упорядочения коммуникации, преодоления энтропии в ней: различные жанровые и риторические правила и предписания ведения как вербальной, так и невербальной коммуникации, коммуникативные категории. Думается, не случайно описание языкового содержания осуществляется на основе фреймов и близких к ним структур.

Так, в лингвосинергетике коммуникация понимается как «существенно нестабильная, пульсирующая структура» [Герман 2000: 54], в которой, однако, есть аттракторы — «отдельные области упорядоченности открытой, сильно неравновесной системы» [Там же: 41]. И. А. Герман считает важнейшим аттрактором в использовании языка метафору. По ее мнению, метафора противопоставляется всем остальным способам упорядочения представлений о мире, например словообразовательным моделям, как «прорыв на поверхностный уровень языка “становящегося бытия” новой смысловой системы, когда концептуальная система индивида пытается освободиться от излишней энтропии смысла» [Герман 2000: 92]. Тем самым И. А. Герман противопоставляет разные типы языковых аттракторов — узкосистемные парадигматические аттракторы инвариантно-вариантного типа и аттракторы полевого типа. В категориях традиционных системноцентрических исследований языка метафора как разновидность языковых структур полевого типа относится к явлениям языковой асимметрии. Отметим, что само поле с ядром и нечеткой, но тяготеющей к ядру и таким образом организованной периферией, несомненно, тоже аттрактор, причем аттрактор языковой.

В теории искусственного интеллекта, формальной логике развивается теория фреймов, которые понимаются как фрагменты знания о мире, содержащие информацию об обычном порядке протекания ситуации [Дейк ван 1989: 16–17, 69, 84; Филлмор 1983: 80, 111;

Чарняк 1983; Чейф 1983: 43, 45; Шенк 1980; Eysenck 1993; Schank, Abelson 1977].

В последние десятилетия в семантике развивается теория прототипов [Rosch 1977; Mervis, Rosch 1981], согласно которой человек воспринимает любую семантическую категорию как имеющую центр и периферию и, следовательно, имеющую «более прототипических» и «менее прототипических» представителей, связанных между собой отношениями «family resemblance». Теория прототипов развивается, по сути, именно как учение об аттракторах, альтернативных языковым, — ср. известную статью А. Вежбицкой «Прототипы и инварианты» [Вежбицка 1996: 201–230], в которой, как нам кажется, наиболее четко сопоставляются эти два типа системности. Отметим, что само противопоставление прототипов и инвариантов связано с общим изменением представления о языковых категориях: на смену бинарному представлению (идушему от Аристотеля) приходит категоризация, которая связывается с выявлением характеристик по принципу «фамильного родства» [Taylor 1989; Кравченко 1999: 6].

Итак, прямая коммуникация опирается на аттракторы, и прежде всего — систему языка. Мы понимаем язык как один из типов аттракторов, а эволюцию языка — как повышение формализации, прямоты системы.

В понимании общей эволюции коммуникативных систем мы солидаризируемся с А. Соломоником, который выделяет пять стадий развития коммуникативных систем: естественные знаковые системы; образные знаковые системы; языковые знаковые системы; системы записи; кодовые системы. Именно в такой последовательности, по мнению А. Соломоника, эти системы кодирования реальной жизни появляются в онтогенетическом развитии человечества и в филогенезе отдельного индивидуума. При этом в основе всех особенностей знаковых систем лежит степень абстракции базисного знака и его «удаленности» от обозначаемого: естественным системам соответствует знак в виде материального реального предмета или явления (например, ярко-зеленая трава в определенных условиях может указывать на наличие в данном месте болота); образным системам соответствует образ, языковым системам — слово, системам записи — буква или иной аналогичный символ; кодовым системам — символ. Каждый тип знака отражает действительность особым образом: естественный знак указывает, образ отражает, слово описывает, буква фиксирует, символ кодирует [Соломоник 1995: 116–117].

Вместе с тем прямая коммуникация, разные аспекты и уровни которой гораздо более широко исследованы в лингвистике и смежных дисциплинах, чем НК, представляет собой лишь незначительную, более того — необязательную часть общего пространства коммуникации.

Непрямая коммуникация охватывает целый ряд речевых явлений, при использовании и интерпретации которых как в повседневной речевой практике, так и во вторичных, книжных или официальных сферах общения оказываются недостаточными одни лишь правила языка. Часто использование данных явлений вообще осуществляется без непосредственной опоры на систему языковых значений и значимостей. Более того, многие типичные ситуации общения допускают и даже требуют от коммуникантов обращения к нестандартным (неформализованным, не принятым в данном коде) языковым средствам, грамматическим конструкциям, типам предложений, какие должны были бы быть использованы для оформления данного содержания в данном языке, требуют выбора «неподходящих» по стилю синонимов и т. д.

Явления, которые мы включаем в обширное поле не прямой коммуникации, с разных точек зрения привлекали внимание лингвистов, логиков, филологов и рассматривались в ряде научных дисциплин под разными наименованиями, например: **имплицитность** — как один из принципов передачи содержания текста; **эвфемизмы/дисфемизмы** — как стилистическое средство; **косвенные речевые акты** типа *Не могли бы вы открыть окно?*; **тропы** типа *Ах, Эривань, Эривань! Не город — орешек каленый! Улиц твоих большеротых Кривые люблю вавилоны* (О. Мандельштам); **иронические** высказывания типа: — *⟨...⟩ Вы умрете другою смертью. — Может быть, вы знаете, какой именно? — с совершенно естественной иронией осведомился Берлиоз* (М. Булгаков); разновидности знакового общения, определяемые Э. Берном как «**игры**», типа *КОВБОЙ: Не хотите ли посмотреть конюшню? — ДЕВУШКА: Ах, я с детства обожаю конюшни!* [Берн 1988: 25] и мн. др.

В традиции, идущей от Э. Бенвениста, все эти явления понимаются как отражение общего несемиотического начала в языке, принадлежности языка к системам особого, «семантического» типа [Бенвенист 1974: 80–81, 88].

Данное свойство языка проявляется в том, что в интерпретацию знака включен человеческий фактор, делающий результирующий

смысл в конечном счете непредсказуемым. Истоки семантического начала в языке лежат в огромном количестве и разнообразии знаков, в частности, в том, что существуют знаки трех типов: иконические, индексальные и символические [Peirce 1960: 161; ср. также: Кравченко 1999: 4; Кубрякова 1993: 26].

Отражением категории НК в языке является все то, что не позволяет значениям, выражаемым единицами естественного языка, приблизиться по прямой к значениям, выражаемым символами формализованных кодов, — асимметрия, человеческий фактор, проявляющийся в организации и функционировании языковых единиц разных уровней, градуируемые единицы, образующие поля, и т. д.: «Полиморфизм языка — это один из способов допущения “нестрогости” логики при “внешнем” сохранении видимости дедуктивной строгости: он позволяет вводить в нашу систему суждений ту “расогласованность”, без которой она была бы неполна» [Налимов 2003: 79–80].

Для осмысления жанров как средства формализации коммуникации является существенным понимание явления РЖ как п е р е х о д - н о г о между языком и речью. С одной стороны, жанры — это не коммуникация, а только ее формы [Бахтин 1996: 192]; с другой стороны, это форма речевая, хотя здесь уже очень много стандартного. РЖ, таким образом, не язык, но и «не совсем» речь: это переходное явление, обладающее гибридными свойствами. Жанр — это единица такого высокого уровня, когда стираются границы между речевым и языковым. Именно речевые жанры составляют буферное пространство между «отчужденной» от человека системой языка и ее реальным использованием. Жанры привносят в речь и коммуникацию системность, стандарт и семиотическое начало (по Э. Бенвенисту), способствуя развитию и кристаллизации языка в «борьбе» с недостатками непрямой коммуникации, препятствующими эффективному обмену возможно более точными смыслами.

Речевые жанры, представляя собой коммуникативные аттракторы, накладывают ограничения на интерпретацию речевых высказываний, тем самым делая интерпретацию более стандартной и снижая степень неопределенности («непрямоты») коммуникации (ср.: [Богин 1997]). Одна из важнейших функций РЖ — служить опознанию адресатом интенции, на что справедливо указывает М. Ю. Федосюк: «Что же касается полного перечня содержательных признаков речевого жанра, (...) то он, по-видимому, и составляет ту предназначенную для распознавания адресатом характеристику коммуникативных намерений

говорящего, которую М. М. Бахтин называл речевым замыслом говорящего и которая в теории речевых актов именуется иллокутивной силой высказывания» [Федосюк 1997а: 107]. Ср. определение речевого жанра Ст. Гайды: это «горизонт ожидания для слушающих и модель построения для говорящих» [Гайда 1986: 24]. На данное свойство РЖ как «когнитивно-конструктивный аспект речевого жанра» указывает К. А. Долинин: «Знание жанровых канонов (...) обеспечивает идентификацию жанра получателем (для чего часто бывает достаточно небольшого отрезка дискурса), т. е. ориентировку в речевом событии, в котором он участвует, активизацию соответствующего сценария, хранящегося в долговременной памяти, и, следовательно, настройку на нужную волну, включение соответствующей установки, перцептивной и деятельностной, и как следствие возможность прогнозировать дальнейшие речевые действия партнера, дальнейшее развертывание дискурса и адекватно реагировать на него» [Долинин 1999: 10]. Жанры принимают самое активное участие в организации и интерпретации семантики коммуникативной ситуации: «В основе РЖ лежат устойчивые, типичные комбинации определенных значений параметров коммуникативной ситуации» [Долинин 1998: 38] (выделено мною — *В. Д.*).

Два типа коммуникативных смыслов, организуемых речевыми жанрами, выделяет Ф. С. Бацевич: узуальный коммуникативный смысл (умение строить типичный РЖ с присущей ему интенцией в конкретной конситуации общения и привычное восприятие именно этого смысла адресатом) и очень важный окказиональный коммуникативный смысл, само наличие которого свидетельствует о том, что РЖ — не просто тип, жесткая, застывшая форма организации речевого действия, а «мягкая», гибкая категория живой коммуникации, формирования дискурсов [Бацевич 2005: 118–122].

Системность в речи/коммуникации проявляется в существовании интенциональных диалогов и характере отношений инициальных реплик к «вынуждаемым» ответам [Баранов, Крейдлин 1992; Ширяев 2000]. Здесь мы вступаем в область диалога, тех диалогических отношений, о которых М. М. Бахтин писал, что они «не поддаются грамматикализации и сохраняют свою специфическую природу, принципиально отличную от отношений между словами и предложениями» [Бахтин 1996: 173–174]. Отношение реплик-стимулов к «вынуждаемым» ответам в интенциональных диалогах далеко не столь четкая система, как языковые соответствия (например, в синтаксических

типах повествования, вопроса, побуждения, отрицания значения достаточно жестко закреплены за стандартной формой). Многочисленные попытки исчислить закономерности «вынуждения» реакций всякий раз демонстрировали очень большую вариативность.

Как уже отмечалось в предыдущей главе, некоторые классификации речевых актов являются таксономиями единиц речевого не действия, но взаимодействия, т. е. имеют дело с последовательностями (хотя бы на уровне последовательности «стимул—реакция») и объясняют не только парадигматику, но частично и синтагматику речевых актов как структурных элементов РЖ. Большинство исследований последней посвящены именно двухчленным единствам, при этом чаще всего противопоставляются интенциональные диалоги с вопросительной/побудительной исходной репликой — как имеющие наиболее жесткую и обязательную детерминированность ответной реплики — и все остальные интенциональные диалоги (прежде всего с повествовательной исходной репликой). Это не противопоставление языковой системности и речевой — в обоих случаях имеют место чисто речевые, диалогические отношения, однако для первого случая характерна большая определенность.

Отношения между членами интенционального диалога — это очень тонкие, трудноисчисляемые, аморфные отношения. Они приблизительны и принципиально неточны — для коммуникативных смыслов, выражаемых посредством интенциональных диалогов, как и для коммуникативных смыслов в целом, характерна очень большая вариативность.

Жанровая речевая системность складывается из собственно речежанровых моментов стандартизации и формализации (присущих всем речевым жанрам) и риторических моментов формализации (присущих риторическим жанрам).

В **риторических жанрах** адресант стремится «построить высказывание или их ряд с его точки зрения наиболее эффективным способом» [Сиротинина 1999: 28]). Риторические жанры, делающие коммуникативные действия более воздейственными, придают речи большую организованность, системность. Так, специальное исследование Г. М. Ярмаркиной показало, что в риторических просьбах больше конвенциональных речевых средств по сравнению с просьбами нериторическими, спонтанными [Ярмаркина 2001: 43]. Автор, однако, не анализирует причину этого явления: используются ли конвенциональные средства сознательно как более эффективные, воздей-

ственные или лишь как неизбежное следствие того, что обдумывание данных высказываний осуществлялось вне («до») конкретной ситуации общения. Казалось бы, конвенциональных средств должно быть больше в нериторических жанрах, реализующихся в условиях спонтанного общения, когда нет возможности для выбора наиболее эффективного. Нериторические речевые средства обычно понимаются как автоматическое следование за языком, язык же подсказывает именно прямое, конвенциональное. К такому же выводу приходит Г. М. Ярмаркина [Там же: 59]. Остается нерешенным вопрос: откуда вообще в речи (например, в просьбах) неконвенциональные высказывания? И где — в области речевых или риторических высказываний — источник их? По-видимому, большое число неконвенциональных средств в нериторических жанрах есть следствие того, что наиболее естественно порождаются не прямые (языковые), а неконвенциональные, затрудняющие восприятие коммуникативные средства, т. е. непрямая коммуникация.

Жанр может выступать не только средством уменьшения «непрямоты» коммуникации, но и средством ее увеличения. Естественно, уменьшению и увеличению информационной неопределенности подвергаются разные участки коммуникации. Жанр, являясь средством индивидуации (по Г. И. Богину), определяет тип текста и тем самым снимает ряд степеней неопределенности, но жанр может требовать от коммуникантов обращения к косвенным речевым актам, эвфемизмам и т. д. Очень важно разграничение жанров поверхностной структуры высказываний (в таких высказываниях отсутствует смысловая многомерность) и **косвенных речевых жанров**, включающих такие требования к организации речи, которые состоят именно в выборе не прямой коммуникации. Правилами жанра определяется как причина обращения к не прямой коммуникации, так и ее речевое оформление, в том числе: способы взаимодействия коммуникации с контекстом и ситуацией общения (соответственно, способы кодирования и декодирования, включающие пошаговую интерпретацию не прямых высказываний), конкретные формальные показатели, обусловленные интенциональными состояниями коммуникантов. Во всех жанрово типизированных высказываниях (это касается и высказываний, типизированных только со стороны жанровой системности) субъекту речи предоставляются возможности для творчества (ср. *светскую беседу, тост, флирт*). Важно, что понятие косвенного речевого жанра позволяет рассматривать жанры не только со стороны структуры и типоло-

гии, но и со стороны их вариативности (подробнее о косвенных РЖ см. в § 3.3.3).

Здесь следует отметить, что последовательное рассмотрение проблемы «жанр и язык» (данной проблеме, как уже было сказано, посвящен шестой выпуск сборника «Жанры речи») включает прежде всего **изучение жанров лингвистическими методами**, в том числе методами узко-лингвистическими (лингвистическая генристика — см.: § 1.3.1).

К наиболее очевидным лингвистическим аспектам жанров, успешно изучаемым при помощи лингвистических моделей, относятся **пропозициональные** (*локутивные* — в терминологии теории речевых актов) особенности лексических, фразеологических, синтаксических **единиц**, из которых строятся жанрово оформленные высказывания, — иными словами, на первый план выходит изучение **предложений**, используемых в том или ином жанре речи: «⟨...⟩ исследование речевых действий человека часто превращается ⟨...⟩ в исследование типов предложений — в особенности тех типов предложений, которые специализировались как орудия определенных жанров» [Вежбицка 1997: 101].

Б. Ю. Норман [Норман 2009] анализирует синтаксические особенности номинативного предложения в функции *резюме* (например: *Ники ползал на коленях, то так, то эдак прилаживая камеру. Профессионал*).

М. Я. Дымарский [Дымарский 2009] рассматривает современные варианты жанра речи (или, по выражению исследователя, «жанра официально-делового стиля») *официального наименования*, построенные по модели словосочетания с номинативным приложением в кавычках (ср. традиционные выражения типа *гостиница «Астория»* и новые типа *кафедре «Русский язык»*).

Вторым по активности (но не по значимости) лингвистическим аспектом жанров речи стало изучение **семантики** лексем, прежде всего существительных и глаголов (в том числе перформативных), **имеющих** или непосредственно речевые жанры, или речевые действия, соотносимые с данными жанрами (часто разница между такими существительными и глаголами почти исключительно категориально-грамматическая, например: *просьба* — *просить/попросить*, *вопрос* — *спрашивать/спросить*, *ссора* — *ссориться/поссориться*,

флирт — *флиртовать*). Главным объектом исследования становятся существующие в лексике и фразеологии языка/языков **названия** различных жанрово релевантных компонентов речи — соответствующих единиц, правил и норм, моментов системности и типизации.

В исследовании Л. В. Балашовой [Балашова 2009] на основе анализа целого ряда словарей литературного и нелитературных стратов русского языка строится семантическое поле, которое образуют лексемы, именующие речевые жанры и их компоненты, в русском языке.

Детально анализируются словообразовательные и семантические отношения между членами данного поля, представляют большой интерес метонимические и особенно метафорические номинации, отражающие близость между разными жанрами с точки зрения носителей языка. Привлекаются этимологические данные, анализируются сложные словообразовательные процессы (опрошение). Наличие многих неречевжанровых членов словообразовательных гнезд, например *вина*, *эмпириокритицизм*, а также вхождение членов СОГ в разные типы дискурса, например *молить* — *молиться* / *молтва* (конечно, особенно это заметно в случае иронического переосмысления, чаще всего в «низких» стратах языка, например: *реклама* — 1. *Угол., мол. Шутл.* ‘Костюм’; 2. *Угол. Шутл.* ‘Нижнее белье’; 3. *Угол., мол. Шутл.* ‘Лицо’), отражает многие значимые аспекты как языковой, так и речевжанровой картины мира.

Исследовательница пытается проследить, как в лексической и словообразовательной системе русского языка представлены разные типы жанров и смежных явлений околожанрового пространства речи. Прежде всего обращает на себя внимание четкое противопоставление вторичных, книжных (специализированных) жанров (исконно русские и заимствованные номинации) и первичных жанров непосредственного (устного) общения (практически исключительно русские, за исключением только лексемы *флирт*).

Как и концептуализация явлений природы и человеческих отношений языком в целом, данная картина предстает очень сложной, отчасти системной, отчасти противоречивой, неполной, содержащей участки большей интенсивности, оценочности, идиоматизации и метафоризации, причем тяготение отдельных участков коммуникации и коммуникативной системности к отражению в определенных языковых явлениях и единицах тоже только отчасти может быть объяснено их настоящей степенью значимости для носителей языка.

Так, например, лексема *болтовня* / *болтать* в русском языке развивает два разных значения — и две полярные оценки — из-за

возможности актуализации в речи двух разных сем ('неофициальность' и 'незначительность'); в русском языке нормально *заходи, поболтаем* и аномально **мне надо с тобой поболтать*, а также *заходи, поговорим* (в польском, например, вполне нормально как выражение *zachodź pogadamy*, так и *zachodź porozmawiamy* — ср.: *Chodź pan! Na co te ceregele? Posiedzimy, pogadamy sobie trochę, ponarzekamy po staropolsku, to nam się lżej zrobi na duszy* (Z. Zeydler-Zborowski. «Koty Leokadii Kościelnej»).

Следует отметить, что в узко-лингвистических описаниях жанрово релевантных компонентов речи не учитывается речевая, социально-диалогическая природа РЖ, тем самым обнаруживается недостаточность такого подхода, справедливо отмечаемая в работах по лингвистике речи (включая использование методики анализа отдельных речевых актов; см. выше).

Значительно ближе к сущности РЖ методика **лингвистики речи/речеведения**, при этом одним из наиболее активно развивающихся аспектов речеведческого изучения жанров стал опыт **функционально-стилистического** изучения РЖ, имеющий наиболее прочные и давние традиции в Перми (см. § 1.4.3).

Изучение РЖ на основе теории и методологии лингвистики речи выводит на более общие проблемы существования и использования речевых жанров, изучаемые внешнелингвистическими дисциплинами, — например, **психолингвистическое** изучение РЖ исходит из того, что «Порождение и смысловое восприятие речевых произведений (дискурсов) в разных коммуникативных условиях опирается на неодинаковые речемыслительные механизмы» [Седов 2007а: 125].

«Важно понимать, — пишет К. Ф. Седов, — что жанры общения не являются внешним условием коммуникации, которые говорящий/пишущий должен соблюдать в своей речевой деятельности. Они присутствуют в сознании языковой личности в виде фреймов, влияющих на процесс разворачивания мысли в слово. При этом в ходе формирования дискурса уже на стадии возникновения коммуникативного намерения (следующей после появления мотива речи) происходит настрой на ту или иную социально-коммуникативную ситуацию (болтовни или разговора по душам, комплимента или ссоры, светского общения или публичного выступления и т. д.), ту или иную модальность общения (конфликтную, центрированную, кооперативную). Именно на этом этапе у говорящего появляется — пока еще смутная — общая цель (интенция, иллюкция) высказывания» [Там же].

Один из важных аспектов проблемы «жанр и язык» — «жанр и языки»². Здесь на первый план выходят вопросы: как жанры ведут себя в условиях билингвизма/многоязычия, более или менее регулярных языковых контактов, взаимного влияния языков? Что представляет собой речежанровая интерференция? Что происходит с речежанровой компетенцией в сознании билингва (в частности, иммигранта)?

Эти вопросы обсуждаются в статье Мари Бесемерес [Бесемерес 2009]. Проанализировав обширную мемуарную литературу, исследовательница приходит к выводу (фактически тому же, к какому в свое время пришел Бахтин) о важности эмоций (эмоциональных восклицаний) для самоопределения билингва, много лет прожившего на чужбине, и для самоопределения жанра: именно эмоциональные восклицания, междометия и частицы (и жесты) остаются у иммигранта из родного языка/диалекта — например, шанхайские китайские в австралийском английском у Женгдао Йе.

Следует отметить, что мы исключаем из рассмотрения **культурно-речевой аспект**. Так, нами не рассматриваются вопросы: разные ли жанры соответствуют разным языкам или в разных языках одни и те же жанры? а также: сравнение разных языков с точки зрения существующих в них жанров. Конечно, в собственно языках нет жанров; жанры организуют только речь на этих языках, и в речевом (культурно-речевом) аспекте подобные вопросы действительно обретают смысл (в частности, изучение наборов жанров в рамках той или иной речевой культуры в сравнении с другими культурами или без сравнения) и отчасти уже становились специальным объектом рассмотрения в четвертом и пятом выпусках сборника «Жанры речи».

Вторая группа аспектов проблемы «жанр и язык» — **рассмотрение языка жанроведческими методами**. Хотя работ, непосредственно посвященных данному аспекту, почти не было, думается, большой потенциал такого рода исследований при осмыслении собственно языка можно найти у М. М. Бахтина (см. ниже § 3.2.1).

Многие закономерности жанровой организации речи, как и закономерности структуры и функционирования речи и коммуникации в целом, могут и должны использоваться для объяснения целого ряда **системных отношений**, в которые вступают собственно **языковые еди-**

² Хотя существует не меньше оснований считать, наоборот, проблему «жанр и язык» аспектом проблемы «жанр и языки».

ницы (в частности, уже упоминавшиеся лексемы, именующие жанры и подобные им явления). Так, целый ряд категориальных сущностей, в высокой степени значимых для семантики данных лексем, их парадигматики и синтагматики, не могут быть поняты без обращения к явлениям речевой и речежанровой системности, отражаемым их семантикой.

Языковые единицы, называющие данные явления, могут группироваться в семантические поля, организованные по различным принципам, быть противопоставлены друг другу по различным критериям (в том числе оценочным), в частности быть связанными отношениями частичной синонимии — ср., например, описания многих коммуникативных явлений в русской речевой культуре, осуществленные в уже упоминавшемся **«Новом объяснительном словаре синонимов русского языка»** (2004; под ред. Ю. Д. Апресяна): *беседа, ворчание, доказательство, жалоба, извинение, мольба, похвальба, просьба, разрешение, совет, угроза, упрек* и др.

Один из наиболее очевидных аспектов проблемы «жанр и язык» — взаимодействие **речевых стереотипов со стереотипами языковыми**. Наиболее ярко это проявляется в случае **идиоматизации**. Так, при изучении паремиологии необходимо учитывать, что поговорки, с одной стороны, являются единицами языка, с другой — сами могут быть отнесены к речевым жанрам. Клифф Годдард [Годдард 2009] рассматривает «пословичный способ говорения» как один из речевых жанров.

Описывая семантику пословиц на семантическом метаязыке А. Вежбицкой, автор включает в описание текущую ситуацию — один из наиболее важных речежанровых параметров (данная ситуация имеет отчетливо типизированный характер).

Как уже говорилось, речежанровое сравнение вообще удобно осуществлять в связи с языком или непосредственно через него — именно так поступает К. Годдард, сравнивая семантику английских и малайских пословиц, а также текущие ситуации и «пословичные способы говорения» в данных языках и — соответственно — речевых культурах.

Такой взгляд на сущностную близость языковой/речевой идиоматизации и речевых жанров характерен для Н. Б. Мечковской [Мечковская 2009].

Исследовательница исходит из того, что в качестве самостоятельного жанра речи (не искусства слова) афоризм обладает своей макро-

интенцией, суть которой состоит в цитировании, т. е. в привлечении авторитетных прецедентных высказываний, выражающих важные для говорящего смыслы в оптимальной «упаковке». Н. Б. Мечковская осуществляет типологизацию высказываний в рамках жанров афористики по степени идиоматичности (учитываются надязыковые и языковые признаки идиоматичности).

Отношения конкретных речевых жанров (например, *разговора по душам, светской беседы, анекдота, флирта*) к конкретному языку (например, русскому, английскому, польскому) будут рассмотрены ниже.

Итак, главное назначение языка состоит в том, что это системная основа речи.

Речевые жанры организуют речевую коммуникацию, это тоже системная основа речи.

Таким образом, основная линия данного сходства — упорядоченность, системность, формализация, кодирование.

Почему же тогда, если вполне нормально выражение *жанры речи*, **язык речи* — аномально?

Думается, что некоторые достаточно приемлемые объяснения могут быть даны с собственно терминологической точки зрения, но не все.

По-видимому, нетавтологичность выражения *жанры речи* обусловлена тем, что данному термину-понятию помогла войти в лингвистический обиход его близость к огромному числу подобных двухчленных терминов-понятий, уже давно и прочно вошедших в этот обиход (конечно, все это очень разные термины-понятия, в которых значительно различаются как семантика отдельных существительных в их составе, так и степень идиоматичной спаянности слов внутри данной пары): *части речи, единицы речи* (последний термин очевидно произведен от *единицы языка*, где он воспринимается более естественно и менее метафорично, связан с определением уровневой модели языка), а также в значении не «часть», а «суть» — *код коммуникации, система средств (общения), ключ общения* (последнее менее терминологично и более метафорично; ср. названия лингвистических монографий последних лет: «Языковой круг», «Языковые ключи», в которых оказывается востребована именно метафорическая образность).

Кроме того, термины *речевые жанры/жанры речи* образуют синонимическую пару (даже пару абсолютных синонимов, в отличие,

например, от лишь частичных синонимов *речевые стратегии* и *стратегии речи*), чего, как известно, не происходит с близкими понятиями, например *речевыми актами* и *частями речи* (ср. неиспользование в качестве терминов ?*акты речи* или **речевые части*).

Тавтологичность же выражения **язык речи*, по-видимому, обусловлена прежде всего тем, что сам тип инвариантно-вариантных отношений, т. е. виртуально-актуальных сущностей, выделяемых практически во всех разделах современной семиотики, наиболее естественно имеет в качестве прототипа именно отношения языка и речи, детально разработанные в лингвосемиотике (ср. естественность выражений *чертеж машины* или *либретто балета* и невозможность **образец экземпляра*).

Добавим, что в истории науки *жанры речи*, по-видимому, производны от *речевых жанров* (хотя в современном жанроведении вопрос первичности-вторичности данных терминов-понятий решается не однозначно). *Речевые жанры* же (в коммуникативно-прагматическом измерении науки, каковое было характерно для лингвистики на тот момент, когда она оказалась перед необходимостью воспринять идеи Бахтина и когда оказалась в состоянии воспринять их благосклонно), видимо, производны от *речевых актов* (точнее, *speech acts*): в английском выражении «*speech acts*» вопрос частеречной принадлежности решается не формой слова, а порядком слов, который гораздо более жесткий, чем в русском; существенные же, как известно, не могут выступать в функции определения в зависимой постпозиции без предлога (*of*). Впрочем, данной точке зрения, по всей видимости, противоречит тот факт, что о *речевых жанрах* писал еще М. М. Бахтин, — однако в то время было еще далеко до «терминологического» (тем более лингвистического) употребления данного выражения, как, собственно, было далеко до формирования *теории речевых жанров* в качестве самостоятельной отрасли лингвистический или филологической науки.

В то же время речевой жанр и речевой акт, несмотря на историческую/научную первичность (в названной научной парадигме) речевого акта, явления не просто близкие — оба суть проявления одной и той же базовой особенности человеческой речи (как и использования любых коммуникативных систем в самом широком и самом непосредственном, тоже «человеческом» смысле слова).

Первичность такого феномена, как речевой жанр, в данной обширной и внутренне разнообразной парадигме средств существования и осуществления речевой системности, по нашему мнению, во многом определяла пафос идеи Бахтина, как и то, что прочие

(смежные) феномены предстают в данной парадигме как явления факкультативные (в том числе те частные разновидности бахтинских речевых жанров, которые сейчас принято называть речевыми актами).

2.2. Речевой жанр и параметризация речи

Каждому, кто занимался изучением естественной речи, известны очень серьезные затруднения, возникающие при каждой попытке адекватно объяснить данное явление. Очевидна ограниченность системно-структурной интерпретации текста с опорой на одни языковые показатели. Добросовестный исследователь с неизбежностью должен обращаться к явлениям внеязыковой действительности (личности, ведущие общение, их разнообразное вербальное и невербальное поведение (текстовые и нетекстовые референции) и психические состояния, коммуникативная компетенция (пресуппозиции и экспектации) и жизненный опыт в целом, коммуникативные и некоммуникативные традиции данного социума, элементы сферы, ситуации и обстановки общения...). Очень трудно решить, какие из этих факторов могут быть значимыми в каждом конкретном случае. Новые коммуникативные модели, прежде всего инференционная и интеракционная [Schiffrin 1994; Sperber, Wilson 1995; Clark 1996; Макаров 2003; Карасик 2002], доказывают значимость многих факторов, которые не учитывались в предшествующих моделях и без которых тем не менее невозможна адекватная интерпретация коммуникации. Часто адекватная интерпретация коммуникации невозможна без учета эстетической значимости речи, а теория речевых жанров пересекается с поэтикой человеческого общения³.

В целом при систематическом описании коммуникации методика **компонентного анализа** в виде параметризации ситуации общения

³ Эстетически значимое устное диалогическое общение может опираться на смыслы, порождаемые чтением вслух стихов, других художественных произведений. К поэтике человеческого общения имеют прямое отношение языковая игра, искусное рассказывание историй, сюда же относятся используемые в повседневном непосредственном общении образные средства языка (в том числе просторечные метафоры, рассматриваемые в [Химик 2000]). Однако поэтика человеческого общения не сводится к подобным ситуациям. Она охватывает также такие ситуации встреч, обсуждений, реплики, замечания, отдельные слова и даже части слов, интонации, молчание, мимику, которые наводят собеседников на глубокие размышления, вызывают восхищение, — при полной невозможности точно воспроизвести их или объяснить их значение логически (о некоторых проблемах поэтики человеческого общения см. в [Дементьев 2005]).

и динамики ее развития давала достаточно достоверные результаты и была полезна при теоретическом осмыслении речи, т. е. при выявлении речевых моделей. Как известно, компонентный анализ, или дескриптивная модель, является традиционным для семантики, откуда он потом был перенесен, с одной стороны, в морфонологию, с другой стороны, в прагматику, лингвистику текста и жанроведение.

Применительно к изучению коммуникации все существующие модели компонентного анализа восходят к общей модели языка К. Бюлера, в которой бесконечное разнообразие исходных внеязыковых параметров упрощенно сводится к самой общей схеме функционирования языка, представляемой в виде так называемого коммуникационного треугольника «адресант — информация — адресат» или, проще, «кто — что — кому (с кем)» [Бюлер 1993: 34].

Методика компонентного анализа активно применялась в этнографии речи, где основные восемь рубрик коммуникативного события обозначались посредством акронима SPEAKING — Situation, Participants, Ends, Act sequence, Key, Instrumentalities, Norms, Genres — ситуация, участники (адресант, адресат, аудитория), оценка эффективности речи, ход действия, ключ, инструментарий (язык, диалект, стиль), нормы и жанры (урок, заседание суда, церковная служба и т. п.) [Hymes 1972, 1977]. Ср. модель описания коммуникативного события из девяти параметров, применяемую в социологии и социолингвистике: цели или структура целей; правила (общепринятые представления о допустимости или недопустимости определенного поведения в той или иной ситуации); система ролей, характерных для ситуации; репертуар элементарных действий, собственных ситуации; окружающая (материальная) среда; языковые и речевые средства; характерные для конкретных ситуаций трудности, требующие определенных навыков по их преодолению [Argyle et al. 1981]. П. Рикер выделяет одиннадцать параметров социальных взаимодействий «наделенных речью и разумом агентов»: цель (проект), мотив, обстоятельства, препятствия, пройденный путь, соперничество, помощь, благоприятный повод, удобный случай, вмешательство или проявление инициативы, желательные или нежелательные результаты [Рикер 1995: 13].

В отечественной традиции выделялись такие классифицирующие признаки событий, как контролируемость/неконтролируемость со стороны участников, пространственная и временная локализация события, результат (эффект или последствия) события [Булыгина, Шмелев 1997: 108–110]. Е. Ф. Тарасов распределяет ситуации общения по трем признакам, «описывающим их отношение к

социосфере»: 1) признак фиксированности ролевой структуры (соответственно, выделяются нормативные и ненормативные ситуации); 2) признак соблюдения/несоблюдения социальных (этических) норм (санкционируемые и несанкционируемые обществом); 3) признак типичности для данного общества (стандартные и нестандартные) [Тарасов 1974: 272]. Разновидностью компонентного анализа является и модель С. А. Сухих и В. В. Зеленской — пять сфер, выделяемых в диалогическом общении: производственно-институциональная, обслуживания, досуга, семейно-бытовая, окказиональная (однократная встреча с другим человеком) [Сухих, Зеленская 1997, 1998]. Л. П. Крысин рассматривает восемь ситуативных переменных: говорящий и слушающий и их социальные роли, их отношения, тональность общения (официальная, нейтральная, дружеская), цель, средство общения (подсистема или стиль языка, параязыковые средства), способ общения (устный/письменный, контактный/дистантный), место общения [Крысин 1989: 130]. О. Б. Сиротинина выделяет следующие параметры изучения «языка города»: отличие речи города и села (в городе гораздо более сложная общая картина), специфика больших и малых городов (речь в малых городах однороднее), аспекты изучения: проблема именования городских реалий (улицы, учреждения) и аспект наименования (в том числе разные принципы именования, социополитика) [Сиротинина 2008].

Заслуживают внимания рассуждения И. Н. Борисовой, касающиеся как названных моделей, так и самой идеи параметризации ситуации общения в целом: исследовательница обращает внимание на то, что все обычно выделяемые параметры достаточно четко делятся на две группы: «⟨...⟩ параметры описания коммуникативного события содержат характерные черты коммуникативной ситуации (объективные критерии) и субъективную ее оценку коммуникантом (эффективность речи, проявление инициативы, желательные и нежелательные результаты)» [Борисова 2001: 18].

В то же время проблема адекватного описания ситуации общения, как подчеркивает И. Н. Борисова, еще далеко не решена. В наибольшей степени это проявляется в затрудненности использования предлагаемых в лингвистике и социолингвистике моделей на практике: «Все компоненты коммуникативного акта являются взаимозависимыми, и изменение одного из них с необходимостью влечет за собой изменение других. А коммуникативная ситуация как внутренняя форма коммуникативного события должна характеризовать его условия в целостности и в их отношении к коммуникативной деятельности участника. В реальной коммуникации исчерпывающая модель коммуникативного акта практически никогда не востребуется: обычно коммуниканту достаточно лишь нескольких атрибутов

коммуникативной ситуации для опознавания типа коммуникативного события в целом» [Борисова 2001: 50–52].

Итак, поиск значимых параметров становится определяющим для огромного количества исследований речи разных типов.

Выделяются разнообразные параметры (от двух до нескольких десятков), и общая картина пока производит впечатление предельной пестроты и разнородности. Исследователи не пришли к единому мнению даже по фундаментальным вопросам: какие параметры являются по-настоящему релевантными, позволяют прояснить в речи какие-то по-настоящему существенные моменты, тем более какие могут быть положены в основу классификаций при дальнейшем выделении типов речи.

При этом в одних случаях параметризация коммуникации включает жанровое моделирование в качестве одного из параметров, в других случаях изучение жанров речи успешно использует параметризацию — учет (жанрово релевантных) параметров. Жанр(ы) речи могут выделяться в качестве одного из параметров наряду с другими — как правило, это важный параметр, но обычно все же не «первый» (по сравнению, например, с собственно Говорящим, Слушающим и Предметом речи в упоминавшейся модели Бюлера).

Что же касается тех моделей, где вообще нет жанров в качестве даже одного из параметров (конечно, среди них оказываются и уже очень хорошо зарекомендовавшие себя модели, используемые, например, при изучении фонетики, лексики, словообразования в РРР), подчеркнем, это модели, не претендующие на то, чтобы дать полную картину функциональных, содержательных и структурных особенностей речи.

Повторяем, главная теоретическая сложность параметризации коммуникации (естественно, не считая объективных трудностей, связанных со сбором и обработкой конкретного практического материала) связана с выделением набора релевантных параметров (соответственно, в случае речежанрового анализа — с выделением жанрово релевантных параметров). Понятно, что релевантность параметров в данном случае в значительной степени означает имплицативность: модель должна стремиться к тому, чтобы по возможности ограниченное число важнейших параметров позволяло учитывать наибольшее число объективно существующих других признаков речи. Таким образом, задача состоит в том, чтобы наиболее полно объяснять особенности речи при помощи возможно простой модели.

Следует отметить, что на протяжении приблизительно тридцати лет (как в рамках собственно жанроведческого анализа, так и за его пределами) в лингвистике речи в целом было предложено и апробировано много моделей, более или менее непосредственно восходящих к методике компонентного анализа. Здесь, конечно, невозможно рассмотреть все. Эти методики значительно различаются не только составом параметров и выделением некоторых из них в качестве важнейших, но и тем, в какой степени каждая конкретная методика оказывалась применима и была применена **на практике**.

Это может показаться странным, но именно последний критерий часто оказывается тем водоразделом, который позволяет отделять зерна от плевел.

Так, самыми оригинальными и интересными (иногда захватывающе интересными!) оказываются, как правило, чисто дедуктивные модели, которые могут быть очень красивы сами по себе, но при этом не иметь большого отношения к особенностям конкретного материала и возможностям его непротиворечивой оценки. Лишь немногие из таких моделей впоследствии были успешно применены на практике.

К таким моделям, бесспорно, следует отнести **«анкету речевого жанра»** Т. В. Шмелевой, предлагаемую в качестве модели описания и систематизации речевых жанров. Эта «анкета» включает семь пунктов, или «жанрообразующих признаков», необходимых и достаточных, по мнению исследовательницы, для опознания, характеристики, конструирования РЖ: «коммуникативная цель жанра», «концепция автора», «концепция адресата», «событийное содержание», «фактор коммуникативного прошлого», «фактор коммуникативного будущего» и, наконец, «языковое воплощение» [Шмелева 1997]. Авторитетность данной разновидности компонентного анализа в жанроведческих исследованиях, ее высокий индекс цитируемости, а также частичная востребованность в последующих практических разработках заставляют нас рассмотреть названные параметры подробнее.

В качестве главнейшего из конститутивных признаков РЖ Т. В. Шмелева выделяет **коммуникативную цель**. Из рассуждений Т. В. Шмелевой видно, что, с одной стороны, ее подход близок речеактовому, где коммуникативная цель тоже является главнейшим конститутивным признаком речевого акта; с другой стороны, главное значение данного признака исследовательница видит в том, что именно на его основе можно строить **к л а с с и ф и к а ц и ю** РЖ (что также сближает данный подход с речеактовым).

Т. В. Шмелева противопоставляет четыре типа РЖ:

- **информативные** — цель которых — различные операции с информацией: ее предъявление или запрос, подтверждение или опровержение;
- **императивные** — цель которых — вызвать осуществление/неосуществление событий, необходимых, желательных, опасных для кого-то из участников общения;
- **этикетные** (в других работах Т. В. Шмелевой — «**перформативные**». — В. Д.) — цель которых — осуществление особого события, поступка в социальной сфере, предусмотренного этикетом данного социума: извинения, благодарности, поздравления, соболезнования и т. д., вплоть до отречения от престола;
- **оценочные** — цель которых — изменить самочувствие участников общения, соотнося их поступки, качества и все другие манифестации с принятой в данном обществе шкалой ценностей [Шмелева 1997: 91–92].

«Актуальность различения этих четырех типов РЖ подтверждается тем, — пишет Т. В. Шмелева, — что для некоторых из них языком выработаны особые грамматические формы, например, императив, интонационные показатели. Если учесть и разнообразные лексические показатели жанров, а также систему их наименований, составляющих целый словарь, то окажется, что на службу языковому воплощению РЖ привлечен огромный массив разнообразных языковых средств. (...)»

Из информативных РЖ особого лингвистического внимания удостоены вопросы, классификация которых учитывает множество тончайших различий, которые нуждаются в осмыслении в рамках теории речевого жанра. Следует отметить, что информативные жанры составляют основную базу лингвистического анализа, однако вопросы их жанровой природы фактически не обсуждаются, а жанровое однообразие грамматически исследуемого материала “затушевывает” актуальность жанровой проблематики по отношению к классическим повествовательным предложениям.

Этикетные жанры оказались в центре лингвистического внимания с открытием перформативов как особого класса речевых актов, в отечественной традиции этикетные РЖ описываются в литературе, посвященной речевому этикету.

Оценочные РЖ изучены в наименьшей степени, хотя весьма подробно описано проявление оценочной семантики в разных типах предложений с помощью различных языковых средств (Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюнова)» [Шмелева 1997: 92–93].

Образ автора, согласно Т. В. Шмелевой, — информация о нем как об участнике общения, которая заложена в типовой проект РЖ, обеспечивая ему успешное осуществление. Данный параметр принимает активное участие в организации и противопоставленности друг другу всех четырех выделяемых Т. В. Шмелевой типов РЖ:

«Может быть, наиболее чувствительны к этому параметру императивные РЖ, которые дифференцируются прежде всего на этом основании: *приказ* предполагает автора с определенными *полномочиями*, вопрос адресата “*Кто ты такой, чтобы мне приказывать?*” означает непризнание таких полномочий, что равносильно провалу жанра; *просьба* предполагает *заинтересованность* автора в исполнении обсуждаемого действия; *поучение* — *старшинство* автора по отношению к адресату или его превосходство в другом отношении; *жалоба* включает в свой типовой проект образ автора *пострадавшего*. Стоит подчеркнуть, что для образа автора РЖ едва ли не на первом месте стоят его отношения с адресатом, это, так сказать, “портрет на фоне”» [Шмелева 1997: 93–94].

По мнению М. Ю. Федосюка, «анкета РЖ» помогает типологически различать жанры, совпадающие по признаку «коммуникативная цель» (например, *признание* отличается от *сообщения* по признаку «концепция автора»: отправители *сообщений* всего лишь знают о некоторой ситуации, а отправители *признаний* — имеют к этой ситуации непосредственное отношение и при этом раньше не хотели о ней говорить) [Федосюк 1997b: 68].

К сожалению, фактор адресата не всегда учитывается с должной полнотой при анализе речевых жанров, хотя в них смыслообразующая роль адресата, казалось бы, гораздо более очевидна, чем в единицах более низких уровней. В целом для модели Т. В. Шмелевой характерен крен в сторону говорящего, за что ее справедливо критикует М. Ю. Федосюк: по его мнению, параметры «анкеты РЖ» «представляют собой не некие объективные (...) характеристики высказывания, его места в процессе общения, а также участников этого общения, а зафиксированную в данном высказывании оценку всех упомянутых параметров говорящим» [Федосюк 1997a: 107]. К сожалению, этого же недостатка не избежал и сам М. Ю. Федосюк, утверждающий, что не являются речевыми жанрами *похвальба* и *лесть*, представляющие собой неблагоприятные интенции, в совершении которых не может признаваться г о в о р я щ и й [Там же: 112], а также *комплимент* [Там же: 113]. Однако и *похвальба*, и *комплимент*, и *лесть* воспринимаются

как существующие жанры (типические ситуации общения), с точки зрения слушающего, на что указывает О. Б. Сиротинина: «речевой жанр сложился (...) в реальном восприятии бытового общения, прежде всего с точки зрения получателя речи» [Сиротинина 1999: 27].

Третий жанрообразующий признак — **образ адресата**. Он точно так же активно участвует в противопоставлении друг другу четырех типов РЖ:

«Среди императивных РЖ основную массу составляют жанры с адресатом *исполнителем*, то вынужденным принимать такую роль (*приказ*), то принимающим ее в своих интересах (*совет*); *жалоба* (...) представлена разнообразными, различающимися образом адресата — конфиденнта или уполномоченного «принимать меры». При несовпадении представлений адресата о своей роли в данном эпизоде общения с образом адресата предъявляемого ему жанра появляются реплики типа “*Я тебе не тот-то, чтобы мне указывать/командовать/советовать и т. п.*”» [Шмелева 1997: 94].

В целом параметр «коммуниканты» и его значимость как для речевого жанра, так и для ситуации речевого общения по-разному оценивается лингвистами. Так, И. Н. Борисова не считает данный параметр лингвистически релевантным:

«Мы считаем, что, являясь участниками коммуникативного события, коммуниканты тем не менее не являются атрибутами коммуникативной ситуации. (...) тип и структура коммуникативного события существуют объективно, они диктуют социальные условия коммуникативной деятельности человека. Поэтому, с нашей точки зрения, можно говорить об атрибутах коммуникативной ситуации, связанных с социальным статусом ее участников, но не самими коммуникантами как личностями. Вследствие этого необходимо разграничить ситуативные (задаваемые данным коммуникативным событием) и субъективные (свойственные коммуниканту как личности) признаки участников общения, имея в виду, что и те и другие влияют на строение речи. (...) Исходя из этого, компонентами коммуникативной ситуации мы будем считать социальные роли, статусные отношения и количество участников, т. е. социально-коммуникативные условия, регулирующие коммуникативную деятельность участников общения» [Борисова 2001: 52–53].

Образ прошлого и образ будущего — два симметричных признака, «связанных с местом каждого РЖ в цепи речевого общения,

которое представляет собой не хаотический поток словесных извержений, а разыгрывается по вполне определенному сценарию» [Шмелева 1997: 94]. Важно, что признаки «образ прошлого» и «образ будущего» охватывают не только многообразные ситуативные факторы, более или менее непосредственно предшествующие данному высказыванию либо следующие за ним («правый» и «левый контекст»), но и собственно разные речевые жанры: «Образ прошлого различает РЖ инициальные, начинающие общение, и такие, которые могут появиться только после определенных РЖ, — таковы *ответ, отказ, согласие, опровержение* и ряд других, для которых предлагалось наименование «реактивные»: все они являются реакциями на другие жанры. Образ будущего предполагает дальнейшее развитие речевых событий, воплощающееся в появлении других РЖ» [Шмелева 1997: 94].

Следует отметить, что в традиции, идущей за речеактовым (иллокутивным) анализом — и в значительной степени идущей за Бахтиным, — речь, в том числе речевые жанры, рассматривается прежде всего с точки зрения, «что́» хотел сказать говорящий, а также «что́» воспринял слушающий, но не «о чем» была речь. Этот «прагматический» крен современного речеведения исправляет следующий пункт «анкеты речевого жанра» Т. В. Шмелевой — тип **диктумного (событийного) содержания**:

«С одной стороны, принято показывать, что одно и то же диктумное содержание может быть представлено в речи в различной “жанровой оправе”: в результате императивного жанра “*Поздравь бабушку с днем рождения!*” должен быть осуществлен этикетный жанр “*Дорогая бабушка! Поздравляю тебя...*”, чтобы потом дать повод для появления информативного жанра “*Я поздравил бабушку*”, который, в свою очередь, может вызвать к жизни оценочный “*Хорошо, что ты успел поздравить бабушку. Молодец!*” — все эти жанры имеют одно и то же диктумное содержание — пропозицию поздравления. С другой стороны, нельзя не заметить, что РЖ отнюдь не безразличны к характеру диктума; выявляется целая серия признаков не собственно диктумной природы, но важных для отбора диктумной информации при формировании того или иного РЖ. Важен характер актантов диктумного события, так, среди императивных РЖ выделяется *пожелание*, поскольку предъявляемое в нем событие может быть осуществлено с помощью разных исполнителей — вплоть до высших сил, остальные императивные РЖ предполагают, что исполнитель прескриптивного события — человек. Не менее важны отношения актантов и участников речи: *жалоба* отличается от *сетования* тем,

что первая предполагает включенность события в личную сферу автора, а вторая такого условия не содержит. Весьма существенна временная перспектива диктума, различающая среди информативных нарративных РЖ *воспоминание* и *прогноз* как жанры с перфектной и футуральной перспективой диктума. Но, пожалуй, наиболее сильным селективным действием обладает оценка диктумного события, противопоставляющая императивные РЖ *просьбы* и *предостережения, разрешения* и *запрета*; отрицательная оценочность события обязательна для РЖ *жалобы, упрека, сетования* и многих других» [Шмелева 1997: 95].

Наконец, последний параметр «анкеты речевого жанра» Т. В. Шмелевой — непосредственное **языковое воплощение** РЖ:

«Для модели РЖ его языковое воплощение важно увидеть как спектр возможностей, лексических и грамматических ресурсов жанра. В этом спектре можно обозначить некоторые полюсы: клишированность / индивидуальность, минимальность / максимальность словесного выражения. В первом отношении различаются стереотипные воплощения РЖ, например стереотипы городского общения или документы деловой сферы. Во втором аспекте РЖ обладает целой шкалой эксплицитности — от имплицитного проявления (согласие = кивок) до словесного выражения всех моментов, включая пресуппозитивные, ср.: *Пригласите к телефону Андрея и Поскольку телефон в соседнем с вами кабинете не работает, а мне крайне необходимо поговорить с вашим коллегой Андреем, прошу вас: пригласите его к телефону, пожалуйста, если это вам не очень трудно, будьте так добры*. Для характеристики языкового воплощения РЖ важно участие в оформлении метакомпонента с обозначением жанра: ср. *Поздравляю с Рождеством и С Рождеством!*; *Предлагаю вам выпить чаю и Пожалуйста, чайку*; *В ответ на ваш запрос сообщаем, что нужными вам данными не располагаем и Нужными вам данными не располагаем*» [Шмелева 1997: 96].

Пожалуй, именно наличие данного параметра «анкеты речевого жанра» и те перспективы исследования данного параметра, о которых говорит Т. В. Шмелева, оставляют надежду на то, что возможно описание речевых жанров в разработанной лингвистической терминологии с учетом многочисленных накопленных как в лингвистике речи, так и в традиционной лингвистике данных.

«Анкета РЖ» создавалась Т. В. Шмелевой именно как дедуктивная модель и лишь значительно позже была апробирована на практике —

важно, что первые же случаи ее применения потребовали серьезной модернизации.

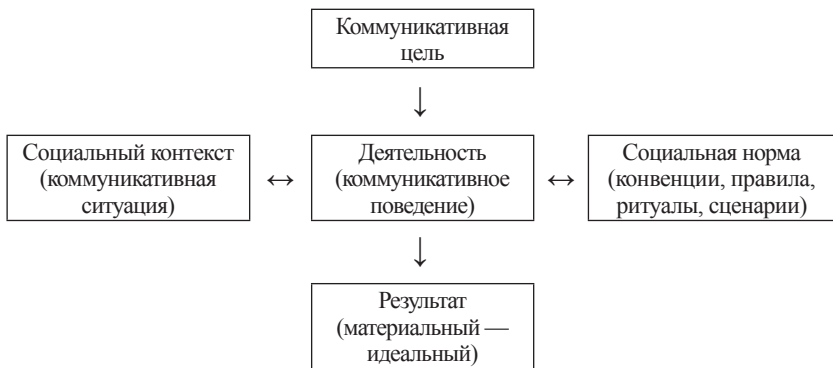
Так, при работе с *жанрами естественной письменной речи* (ЕПР) Н. Б. Лебедева (основательница Лаборатории русской речи Барнаульского педагогического университета), которая в целом шла в русле «анкеты РЖ», должна была значительно изменить данную модель. В конечном счете Н. Б. Лебедева предлагает и — что важно — апробирует на обширном речевом материале оригинальную **коммуникативно-семиотическую модель** (КСМ) жанров ЕПР, которая лишь отчасти перекликается с моделью Шмелевой.

Специфика КСМ отражает ее назначение — быть средством описания именно жанров естественной письменной речи. Ее структура близка к фреймовой структуре типа ситуатемы (ситуатема глагола «писать»). Она имеет цель учесть максимальное число субстанциональных участников и несубстанциональных компонентов, объединяемых в категорию «фациента», конституирующих ЕПР, и параметры (функциональные признаки) фациентов. {...} Категория фациента довольно широка и включает, наряду с субстанциональными участниками (центральными из которых — актанты), и другие компоненты, имеющие функцию фактора. Модель конституируют следующие фациенты: 1) автор («Кто?»); 2) коммуникативно-целевой фациент («Зачем?»); 3) адресат («Кому?»); 4) объект коммуникации — Знак («Что?») включающий диктумное содержание и языковое воплощение; 5) графико-пространственный параметр («Как?»); 6) орудие-средство («Чем?»); 7) субстрат, материальный носитель знака («На чем?»); 8) носитель субстрата («В чем?»); 9) среда («Где?»); 10) время восприятия знака («Когда?»); 11) фациент «Ход коммуникации»; 12) фациент «Социальная оценка» [Лебедева 2003].

Как видим, основные параметры (фациенты) «коммуникативно-семиотической модели» совпадают с жанрообразующими признаками «анкеты речевого жанра» Т. В. Шмелевой: целевой компонент («Зачем?»), субъект («Кто?»), адресат («Кому?»), содержание и языковое воплощение («Что?»). Но есть и серьезные отличия: «{...} в КСМ, ориентированной на описание жанров естественной письменной речи, выделены материальные элементы как релевантные для этого вида речевой деятельности жанрообразующие признаки. Материальные элементы в ЕПР не только более значимы, чем в канонизированных разновидностях письменно-речевой деятельности, но подчас их неразрывная слиянность с содержанием в ЕПР может детерминировать жанрообразующую функцию, например, в граффити, книге жалоб и предложений, поздравительной открытке и пр.» [Лебедева 2007: 118–119].

Пожалуй, самой многоаспектной и полной среди дедуктивных моделей является **ступенчатая модель И. Н. Борисовой**, где разграничиваются «параметры коммуникативного события, влияющие на его продукт (текст), и атрибуты коммуникативной ситуации, т. е. социально и коммуникативно значимые признаки идентификации коммуникативного события, определяющие его жанр» [Борисова 2001: 52].

Выделяя в структуре коммуникативного события два аспекта/измерения: «вертикальное» и «горизонтальное», — И. Н. Борисова рассматривает в качестве основных структурных компонентов коммуникативного события социальный контекст, социальную норму и способ взаимодействия, выступающие в единстве. [Борисова 2001: 18–19].

И. Н. Борисовой выделяются следующие объективные интегрирующие признаки коммуникативного события, входящие в модель коммуникативной ситуации:

— типологическая стратификация коммуникативного события, например: тип общения (официальное — неофициальное), наличие/отсутствие наблюдателей (публичность — непубличность общения);

— способ общения, в том числе контакт (непосредственный — опосредованный), форма речевого контакта (устная — письменная), языковая подсистема (кодифицированный литературный язык — разговорная речь — городское просторечие);

— организация общения: степень подготовленности коммуникативного события (запланированное — незапланированное), стратегии и тактики (стандартные — нестандартные, социально приемлемые — неприемлемые), социальная регламентация поведения (жесткий — нежесткий сценарий);

— топология и хронология коммуникативного события;

— объективные ситуативные характеристики коммуникантов, в том числе: социально-ситуативные признаки коммуникантов (количество участников коммуникации, постоянные и переменные социальные и диалогические роли, социально-статусные отношения и мотивационно-целевая ориентация коммуникантов).

В дополнение к этой модели коммуникативной ситуации И. Н. Борисовой выделяются субъективные признаки коммуникантов, влияющие на варьирование их речевого поведения, но не входящие в структуру коммуникативной ситуации: демографический паспорт, социально-профессиональный и культурно-речевой статус, а также оценка коммуникантом типичности ситуации и уровень коммуникативной компетенции [Борисова 2001: 50–57].

Структуру непринужденной коммуникации И. Н. Борисова представляет в виде таблицы. [Борисова 2001: 75].

Модель И. Н. Борисовой получила начальную апробацию в ее докторской диссертации, посвященной непосредственным естественным диалогам (на материале записей телефонных разговоров), однако

ником из ее последователей, насколько нам известно, в таком полном виде не применялась (использовались лишь отдельные параметры, которые были общими у данной модели с некоторыми другими моделями).

Повторяем, критерий практического использования, несмотря на то, что может показаться наименее теоретически обоснованным и значимым для собственно модели, часто оказывается тем решающим фактором, который позволяет наиболее адекватно оценить ту или иную модель.

Так, известные московские коллоквиалисты **М. В. Китайгородская** и **Н. Н. Розанова**, записавшие, обработавшие и включившие в лингвистический обиход в виде хрестоматий и фондов обширный оригинальный речевой материал — огромное число непосредственных естественных монологов и диалогов, — тоже пытаются осмыслить свой материал по возможности адекватно и полно, и для этой цели тоже используют ступенчатую модель параметризации коммуникации. Однако их эмпирически-индуктивная модель существенным образом отличается от рассмотренных выше дедуктивных моделей, в частности здесь оказываются востребованными далеко не все параметры, предлагаемые, например, Т. В. Шмелевой и И. Н. Борисовой.

В то же время очевидно, что при работе с обширным аутентичным речевым материалом должна использоваться модель, основанная на очень хорошем, четком теоретическом фундаменте⁴.

⁴ В этом отношении теоретическую осведомленность М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой можно определить как очень хорошую, хотя следует признать, что, рассматривая существующие речевые модели, исследовательницы иногда опираются на скорее «до-жанровое», «до-бахтинское» состояние речеведческой науки (что обычно несвойственно дедуктивным моделям): см., например, представление о функциях языка по Р. Якобсону. Как известно, Якобсон исходил из того, что функция языка приравнивается к компоненту ситуации общения, каковых компонентов Якобсон выделял пять, при этом сам отнюдь не считал свой список закрытым. Исследовательницы же, как будет показано далее, выделяют именно **м н о г о** значимых компонентов ситуации общения, доказывают их значимость как для выявляемых ими речевых жанров, так и для человеческой речи / общения в целом и в конечном счете сводят все выделяемые ими компоненты (прежде всего интенциональные) к пяти, выделяемым Якобсоном!

Несколько механистичными выглядят попытки М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой представить соотношение целей конкретных коммуникативных актов и функций языка (по Якобсону): «Коммуникативные цели ПК могут быть соотнесены с преобладающими в данном КА функциями. (<...> Нефа-

Рассмотрим модель М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой подробнее.

Для удобства все выявляемое многообразие параметров исследовательницы делят на четыре группы: «Весь комплекс признаков, характеризующих КА, можно сгруппировать по четырем основополагающим параметрам, формирующим любую коммуникативную ситуацию: время, место, партнеры коммуникации, тема» [Китайгородская, Розанова 1999: 25].

Пространство/место коммуникативного акта: дом (внутри-семейный локус) — кухня, столовая, детская, спальня и т. п.; вне дома (внесемейный локус): пространство около дома — лифт, домофон, подъезд, двор и т. п.; работа; места временного пребывания вне дома — больница, дом отдыха, гостиница, поезд дальнего следования и т. п.; городское пространство: объекты, связанные преимущественно с целеориентированной коммуникацией (административные учреждения, банки, поликлиники, аптеки, магазины, рынки, предприятия сферы обслуживания, транспорт и др.) и с коммуникацией фатического характера (музеи, театры, дискотеки, клубы, рестораны и т. д.);

пространственные характеристики компонентов КА (ПК и предметные объекты): взаимное расположение ПК: визуальное/невизуальное, контактное (нахождение в одном локусе)/дистантное (нахождение в разных локусах);

время: будни/праздники, рабочее время/свободное время; «физическое» время КА (календарное, суточное); временной объем КА: ограниченность во времени КА, протяженность КА (большая/средняя/малая), повторяемость КА;

партнеры коммуникации: коммуникативные роли ПК (говорящий: один/более одного — слушающий: один/более одного); «характер адресата» (личный / коллективный / массовый);

социальные роли ПК: постоянные: дом — семейные роли (муж, отец, сын, внук, зять и др.); вне дома (работа) — профессио-

ническая коммуникация тяготеет к реализации прежде всего информативной, аппеллятивной, а также метаязыковой функций. Аппеллятивный тип общения, в свою очередь (в зависимости от ожидаемого результата коммуникации), может быть разделен на собственно аппеллятивный и прескриптивный подтипы. <...> К зоне фатического общения тяготеет реализация метаязыковой и поэтической функций» [Китайгородская, Розанова 1999: 30–31].

Точно так же кажется недостаточным, «добахтинским» представление о жанрах монолога и диалога: «Главными жанрами были признаны монолог, диалог, полилог, рассказ, городские стереотипы» [Там же: 21] и выделение только двух тональностей речи (нейтральная/шутливая) [Там же: 32].

нальные роли (учитель, врач, шофер и др.); непостоянные, реализуемые преимущественно вне дома (покупатель, клиент, пассажир, больной, и т. п.);

симметричность/несимметричность социальных ролей ПК в КА, паритетность/непаритетность;

коммуникативная установка ПК;

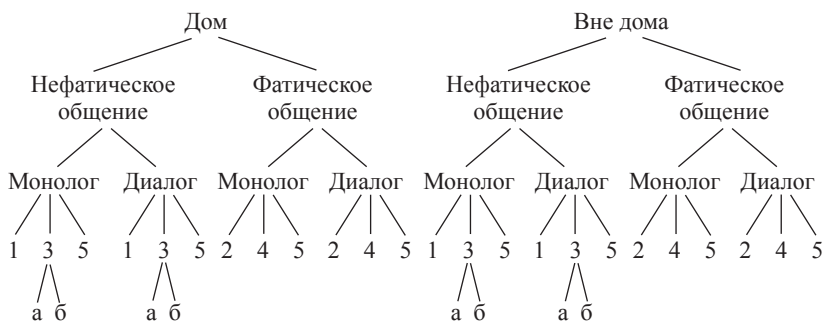
тональность общения — нейтральное/шутливое;

коммуникативные намерения ПК — нефатическое/фатическое общение;

коммуникативные цели ПК (намерения ПК конкретизируются в коммуникативных целях, которые могут быть соотнесены с преобладающими в данном КА функциями: нефатическая коммуникация тяготеет к реализации прежде всего информативной, апеллятивной, а также метаязыковой функций. Апеллятивный тип общения, в свою очередь (в зависимости от ожидаемого результата коммуникации), может быть разделен на собственно апеллятивный и прескриптивный подтипы. К зоне фатического общения тяготеет реализация метаязыковой и поэтической функций;

наконец, **темы**, которые рождаются на пересечении трех параметров — пространства, времени и ПК, формирующих типовую коммуникативную ситуацию [Китайгородская, Розанова 1999: 25–34].

Для описания конкретного жанра, параметризованного по данным аспектам ситуации общения, М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова предлагают специальный алгоритм перехода от уровня коммуникативной ситуации к типу текста, включающий в себя определенный набор шагов:

Условные обозначения жанровых блоков с ориентацией на преобладающую языковую функцию:

1 — информативные жанры; 2 — фатические жанры; 3 — апеллятивные

жанры (а — собственно аппеллятивные, б — прескриптивные); 4 — поэтические (игровые) жанры; 5 — метатекстовые жанры [Там же: 34–35].

Вот пример такого описания одного из жанров устной некодифицированной речи по шагам (шаг обозначается символом →):

«Вне дома → нефатическое общение → коммуникативно активен один ПК (монолог) → реализуемые языковые функции (1, 3а, 3б, 5): монолог информативного типа (например, объявление в транспорте, на работе и т. п.); аппеллятивный монолог (собственно аппеллятивы — например, устная уличная реклама; прескриптивы — например, объявление-инструкция и др.); пересказ информационного сообщения» [Там же: 36].

Значимость для жанровой организации речи выделяемых параметров не вызывает сомнений.

В то же время исследовательницами не решен до конца вопрос: за любую ли ситуацией стоит жанр/стереотип? Осознавая это, они пытаются не быть излишне прямолинейными: «Любая ситуация в отвлечении от конкретных ее участников имеет повторяющийся характер, но для конкретных ПК определенные ситуации могут быть новыми, ср.: *Первый раз со мной такое*» [Китайгородская, Розанова 1999: 27].

Как уже было показано, М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова вводят и такие, казалось бы, менее значимые, субъективные параметры РЖ, как **эмоциональный**: «Эмотивная функция как “вторичная”, сопровождающая может проявляться не только при выражении говорящим собственных эмоций, но и при воздействии на эмоциональное состояние адресата» [Там же: 31]. При исследовании эмоционального компонента РЖ исследовательницы опираются на данные М. Ю. Федосюка, который, как известно, много и успешно изучал жанры положительного и отрицательного эмоционального воздействия: «⟨...⟩ воздействие на эмоции не может быть первичной и непосредственной целью какого-либо речевого жанра. Оно, как правило, выступает как его вторичная, опосредованная цель — следствие того или иного воздействия на знания или поведение адресата» [Федосюк 1997b: 72].

В целом многие подобные субъективные моменты жанровой организации речи и ее дополнительной окраски составляют важную категорию жанровой **тональности** — М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова справедливо указывают на важность данной категории при анализе речи: «Подавляющее большинство жанров допускают реализацию не только в нейтральной (“серьезной”), но и шутливой тональ-

ности. Ср., например, прощания типа: *до свидания, пока, покедова, чао, чава какава* и т. п.» [Китайгородская, Розанова 1999: 30].

В то же время нельзя не признать, что при выделении типов тональности данные М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой являются лишь начальными и обязательно должны быть уточнены и значительно расширены.

Работа в этом направлении активно ведется в последнее время.

Так, В. И. Карасик определяет коммуникативную тональность как «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [Карасик 2007: 384]. Отмечается, что тональность восприятия и понимания текста обеспечивает единство интерпретации [Там же: 386].

В качестве возможных оснований типологии коммуникативной тональности исследователь предлагает, например, одноплановость/многоплановость смыслов, серьезность/несерьезность общения, кооперативность/конфликтность общения, приоритет содержания/формы общения [Там же: 386].

В результате выделяется несколько типов коммуникативной тональности (сам В. И. Карасик считает свой список открытым): информативная, фатическая, статусная, шутливая, торжественная, гипотетическая, агрессивная, манипулятивная, фасцинативная (серьезное эстетическое общение), идеологическая (серьезное общение с жестко заданными установками, целью которого является определение принадлежности партнера к «своим» либо «чужим»), эзотерическая (экзальтированное общение, направленное на поиск тайных знаков, целью которого является получение сакрального знания) [Там же: 386–411].

Естественно, что точное исчисление тональности коммуникации, как и методика ее членения, разработано еще далеко не достаточно. В этой связи мы хотим отметить исследование Т. О. Багдасарян, посвященное трансформации жанров по признаку тональности [Багдасарян 2000]. На речевые жанры накладываются эмоциональные обертоны общения, порождающие различные новые смыслы у одной и той же пропозиции в разных коммуникативных условиях: выражение отношения адресанта к тексту, реципиенту, действительности и к себе самому. Т. О. Багдасарян выделяет 36 таких тональностей. Считаем полезным привести этот список целиком: «официально», «серьезно», «шутливо», «восторженно», «дружелюбно», «враждебно», «саркастически», «недоверчиво», «безразлично», «пессимистически», «робко», «мечтательно», «с грустью», «пренебрежительно»,

«надменно», «агрессивно», «с отвращением», «настойчиво», «мрачно», «удивленно», «взволнованно», «хвастливо», «с тревогой», «раздраженно», «с обидой», «отрешенно», «радостно», «притворно», «задумчиво», «решительно», «вызывающе», «таинственно», «грубо», «испуганно», «вежливо», «ласково».

Так, по мнению Т. О. Багдасарян, семантике речевого жанра *угроза* даже в его «каноническом» виде присуща определенная тональность («модельная тональность»): «серьезно», «угрожающе».

Переакцентуации (вариации) речевого жанра *угроза* заключаются в привнесении в семантику канонического жанра новых тоналностей:

«слабо», «понарошку»:

Mrs. Gibbs. *I'll come and slap the both of you, — that's what I'll do* (Th. Wilder).

Миссис Гиббс. *Я приду и отшлепаю обоих, вот что я сделаю.*

«шутливо»:

«If I wasn't the most good-natured man on earth, Tommy Chadwick,» said Paul Ford, «I should write to the tram company to-night, and you'd get the boot tomorrow» (A. Bennett).

— Если бы я не был самым добродушным человеком на земле, Томми Чадвик, — сказал Поль Форд, — я бы сегодня же написал в трамвайную компанию, а завтра тебя бы вышвырнули оттуда.

«раздраженно-иронично»:

Ухов. *Я понимаю, тебе в свое время не довелось подурочиться вволю. Так ты решила наверстать теперь? Мало того, своими фантазиями морочишь голову сестре. погоди, жизнь еще стукнет дубинкой по ее одаренному лбу. Самобытный талант!* (А. Володин).

Методика компонентного анализа успешно применяется при **сопоставлении** разных национальных систем коммуникации.

Так, «системный подход к описанию общения» И. А. Стернина предполагает разработку единой модели системного описания общения разных народов и в идеале позволяет исследователю «по единым основаниям осуществить описание и сравнение разных коммуникативных культур» [Стернин 2001: 124].

Среди параметров национальных систем коммуникации, подлежащих сравнению, И. А. Стернин выделяет следующие единицы

коммуникации, измерения, категории и просто формальные и содержательные моменты, которые, собственно, и следует сравнивать.

Коммуникативные традиции — правила, не обязательные для выполнения, но соблюдаемые большинством народа и рассматриваемые в обществе как желательные для выполнения (спросить старика о здоровье, поинтересоваться успеваемостью школьника, предложить помощь женщине и др.).

Социальный символизм — совокупность смыслов (символических значений), приписываемых действиям, поступкам, явлениям и предметам окружающей действительности той или иной лингвокультурной, социальной, возрастной, гендерной общностью.

Инокультурные информанты — принадлежащие к иной коммуникативной культуре, нежели исследуемая, но знакомые с исследуемой культурой в той или иной форме и способные высказать о ней суждение.

Гетерокультурные информанты — принадлежащие к исследуемой коммуникативной культуре.

Продуктивное коммуникативное поведение — вербальные и невербальные действия коммуникатора в рамках национальных норм и традиций общения.

Рецептивное коммуникативное поведение — адекватное понимание и интерпретация вербальных и невербальных действий собеседника, принадлежащего к определенной лингвокультурной общности.

Нормативное коммуникативное поведение — принятое в данной лингвокультурной общности и соблюдаемое в стандартных коммуникативных ситуациях большей частью языкового коллектива.

Ненормативное коммуникативное поведение — нарушающее принятые нормы.

Коммуникативный императив (жесткие — со знакомыми надо здороваться — и мягкие — надо спросить ребенка, как учится, сделать хозяйке комплимент по поводу приготовленных блюд) — коммуникативное действие, необходимое в силу принятых норм и традиций в конкретной ситуации общения. Жесткие описываются предикатом *принято*, нежесткие — *обычно принято*.

Коммуникативные допущения — коммуникативные факты, признаки или действия, недопустимые в одной коммуникативной культуре, но возможные (хотя и необязательные) в другой [Стернин 2001: 124–126].

Активное выделение, учет и систематизация речевых параметров, естественно, вселяют надежду на выявление когда-нибудь настоящей

системности речи. Однако остаются нерешенными вопросы: в какой степени эта выявленная системность будет жанровой; какие из названных выше параметров релевантны именно для жанров, а не для других (альтернативных?) типов системности? Этой проблеме посвящен следующий параграф.

2.3. Место РЖ по отношению к смежным явлениям речевой системности

2.3.1. Речевой жанр и коммуникативный жанр

Разграничение речевых и коммуникативных жанров связано с общей проблемой отношения коммуникации и речи.

В целом данная проблема восходит к дихотомиям/трихотомиям В. фон Гумбольдта и Ф. де Соссюра «язык — речь — речевая деятельность», однако в современных исследованиях по коллоквиалистике, диалогу, дискурсу названные оппозиции, принципиальные для лингвистики, осмысляются по-разному. Так, В. Н. Волошинов писал: «Житейский жанр — часть социальной среды: праздника, досуга, общения в гостиной, в мастерской и пр. Он соприкасается с этой средой, ограничивается ею и определяется ею во всех своих внутренних моментах» [Волошинов 1993: 107].

Большинство исследователей сходятся на том, что речевое общение есть частная разновидность общения в целом, речь — одно из проявлений либо один из компонентов коммуникации — ср.: «В процессе формирования высказывания вербальная часть сообщения накладывается на предварительно выраженную невербальную систему коммуникации» [Горелов 1980: 81]. Это вполне соответствует высказанной В. Е. Гольдиным идее единства коммуникативной и некомуникативной человеческой деятельности: «В частности, перспективно, на наш взгляд, дальнейшее изучение параллелизма коммуникативных и некомуникативных явлений, изоморфизма типов номинации коммуникативных и некомуникативных событий, действий, поступков, результатов, коммуникативных и некомуникативных фреймов» [Гольдин 1997а: 23].

Речевой жанр при таком подходе есть частная разновидность коммуникативного жанра: «⟨...⟩ мы определяем речевые жанры как вербально-знаковое оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей. Главное, что подчеркивает данное определение, это первичность ⟨...⟩ социально-психологического бытия людей» [Седов 2007а: 8].

«Они (КЖ и РЖ. — В. Д.) соотносятся как событие общения (экстралингвистически и социально обусловленная форма коммуникативного взаимодействия) и форма его речевой (текстовой) реализации. Жанр коммуникативного события — это форма организации коммуникативного (речевого и неречевого) взаимодействия (деятельности и поведения) партнеров общения в определенных условиях общения. Речевой жанр — это форма структурирования речевой продукции, иными словами, — форма организации текста» [Борисова 2001: 42–44].

Обычно подчеркивается первичность жанра коммуникативного события по отношению к речевому жанру, то, что именно КЖ в конечном счете определяет тип речевого поведения, задаваемый речевой ролью и регулируемый жанровыми предписаниями и/или взаимными ожиданиями партнеров по общению, допустимые и социально одобряемые нормы и правила речевого поведения, наконец, конкретные стратегию и тактики речевого поведения, стандартные в данной ситуации речевые поступки коммуникантов (ср.: [Борисова 2001: 40; Долинин 1998: 39]).

«Жанр коммуникативного события есть социальная конвенциональная форма организации коммуникативной и практической деятельности участников общения, — пишет И. Н. Борисова. — Речевой жанр — это форма речевой реализации актов коммуникативной деятельности в коммуникативном событии» [Борисова 2001: 42].

Таким образом, отношение коммуникативного жанра и речевого жанра представляется достаточно ясным. В то же время решение данной проблемы производно от позиции исследователя по вопросам общего характера — соотношение коммуникации и речи, вербальной и невербальной коммуникации, а также речи, коммуникации и языка. Решение таких вопросов выходит за пределы теории речевых жанров и лингвистики в целом — оно лежит скорее в сфере лингвофилософии.

В то же время проблему отношения речевого жанра и коммуникативного/речевого события мы считаем самостоятельной, хотя и близкой проблемой и рассматриваем отдельно (см. ниже § 2.3.4).

2.3.2. Речевой жанр и речевой акт

Бахтинская теория речевых жанров, по мнению большинства коллоквиалистов, неотделима от созданной примерно в то же самое время английским логиком Дж. Л. Остином [Остин 1986] теории речевых актов (само бахтинское «высказывание», определяемое триединством

«тема — стиль — композиция», нередко просто отождествляется с «речевым актом» Дж. Остина).

Генетическая близость теории речевых жанров и теории речевых актов неоднократно отмечалась в литературе [Вежбицка 1997: 108; Кожина 1999а; Москвин 2005; Федосюк 1997а: 105–108; Шмелева 1997: 92; Dönninghaus 2001: 74–77].

А. Вежбицкая, в 1983 г. сравнивая положения теории речевых актов, тогда очень популярной и авторитетной в лингвистике речи, и бахтинской теории речевых жанров, почти не известной широкой лингвистической аудитории, подвергает первую жесткой критике за то, что, декларативно ставя целью анализировать именно реальные единицы речевого общения, ТРА в действительности недостаточно освободилась от присущих предшествующей научной парадигме в лингвистике ограничений и в осмыслении речи не вышла за пределы предложения:

«Исследователю, просматривающему списки “речевых актов”, обсуждаемых в лингвистической литературе, трудно не вынести впечатления, что “речевой акт” является понятием не только никогда и нигде не определенным, но и не поддающимся определению, что это, по сути, гетерогенное понятие, мнимый продукт высвобождения прагматики из жестких рамок “мертвого” грамматического описания, а по сути, пересечение чисто грамматического понятия — “предложения” — с нерешительно и непоследовательно популяризируемым понятием вербальной интеракции людей — носителей языка. Какие же «речевые акты» обычно привлекают внимание исследователей? Прежде всего вопросы (литература, касающаяся вопросов, пожалуй, больше, чем литература, касающаяся всех других “речевых актов” вместе взятых); затем последовательно приказы, просьбы, обещания, предостережения и угрозы, приветствия и прощания, поздравления и соболезнования, благодарности и извинения. Т. е. прежде всего высказывания очень короткие, в большинстве случаев однофразовые. Поэтому говорят: речевой акт — единица совершенно другого порядка, чем морфемы, слова или предложения; в действительности же понимают по-прежнему: предложение. Языковед чувствует, что, пока он опирается на предложение — даже если он смотрит на это предложение с новой, неграмматической точки зрения, — до тех пор у него под ногами твердая почва. Многофразовое высказывание — это, как ему представляется, зыбкая почва, подобная теории литературы и другим подозрительным областям «не-точного» знания.

Но с функциональной точки зрения «речевые акты» — это, конечно, не только короткие, однофразовые формы — такие, как вопросы,

приказы или ритуальные формы вежливости, — но и также формы средние, бóльшие и совсем бoльшие — такие, как манифест, заявление, проповедь, выступление, беседа, дискуссия, ссора, а также трактат, биография, хроника, мемуары и т. д. По сути, здесь вообще не может быть речи о длине, измеряемой в таких единицах грамматической структуры, как предложение» [Вежбицка 1997: 100].

Таким образом, в теории речевых актов наметился тупик. Для выхода из тупика, по мнению А. Вежбицкой, следует начать именно с перенесения акцента с понятия «речевой акт» на бахтинское понятие «речевой жанр»:

«Речь здесь отнюдь не о замене терминологии. И речь также совсем не о противопоставлении чего-то статичного чему-то динамичному. “Речевой жанр”, как его понимает Бахтин, является действием, а не продуктом (точнее говоря, он является кодифицированной формой действия). Слово “жанр” все же лучше, меньше вводит в заблуждение, чем слово “акт”, потому что “акт” вызывает представление о высказывании коротком, одноразовом (а следовательно, вообще говоря, однофразовом). В результате исследование речевых действий человека часто превращается (чтобы не сказать “вырождается”) в исследование типов предложений — в особенности тех типов предложений, которые специализировались как орудия определенных жанров. “Дело в том, что существуют типы предложений, которые обычно функционируют как целые высказывания определенных жанровых типов. Таковы вопросительные, восклицательные и побудительные предложения”. [Бахтин 1996: 194]. (...) Понятие речевых жанров, сформулированное и развитое в многочисленных работах Бахтина, представляется мне чрезвычайно плодотворным как для литературоведческих, так и для лингвистических исследований (а также для исследований культуры вообще). Особенно важен, в моем понимании, упор, который Бахтин делает, с одной стороны, на разнородность речевых жанров, а с другой — на необходимость единой методологии их исследования» [Вежбицка 1997: 101].

Следует отметить, что некоторые жанроведы, например М. Ю. Федосюк, определяют эти отношения как полное тождество: «Что же касается полного перечня содержательных признаков речевого жанра, входящих в анкету Т. В. Шмелевой, то он, по-видимому, и составляет ту предназначенную для распознавания адресатом коммуникативных намерений говорящего, которую М. М. Бахтин называл речевым замыслом говорящего и которая в теории речевых

актов именуется иллокутивной силой высказывания» [Федосюк 1997а: 107]. Приходя к такому, несколько неожиданному решению, исследователь далее разграничивает данные теории в основном по внешним — экстралингвистическим и экстратеоретическим признакам. Автор признает, что «существенное достоинство теории речевых актов состоит в детальной разработанности ее терминологии, чем, к сожалению, не может похвастаться теория речевых жанров» [Там же: 105]. Однако в конечном счете М. Ю. Федосюк отдает предпочтение бахтинской теории речевых жанров — правда, по таким же экстралингвистическим признакам:

«Говоря о тех преимуществах, которые имеются, по нашему мнению, у бахтинской теории речевых жанров, следует прежде всего отметить ее большую филологичность: она вписывает объект исследования в контекст уже известного филологам явления — литературных жанров, которые М. М. Бахтин, как известно, квалифицировал как вторичные, или сложные, жанры. При этом теория М. М. Бахтина концентрирует свое внимание на типах текстов, а не действий, как это делает теория речевых актов, которая обращается к рассмотрению и таких не получающих языкового отражения факторов, как искренность или неискренность говорящего» [Федосюк 1997а: 105].

В современной теории речевых жанров не решен до конца вопрос о том, может ли отдельный РА быть основой РЖ. На это указывает В. П. Москвин, который полагает, что РА (предложение, фраза) может являться:

1) единицей зависимой как звено:

а) монологического текста;

б) иллокутивной пары в диалоге — к примеру, ответ на вопрос в разговоре, равно как и любая другая реплика диалога;

2) единицей самостоятельной, независимой и самодостаточной (как, например, РА, лежащие в основе пословицы, поговорки, скороговорки, моностиха и т. д.) [Москвин 2005: 67–68; 2006: 108–109].

Рассмотрев эти возможные типы и роли РА в целом тексте/жанре, В. П. Москвин приходит к выводу, что «речевой основой жанра являются только те речевые единицы, которые могут функционировать независимо от других, а именно:

1) текст (понимаемый как неодноразовое единство);

2) самостоятельный РА (соответственно, в состав первичных РЖ должны войти только те РА, которые способны к самостоятельному существованию)» [Москвин 2005: 69; 2006: 109].

Представляется, что наиболее четко сформулировала важнейшие, сущностные различия речевого акта и речевого жанра (соответственно, предмета и задач теории речевых актов и теории речевых жанров) М. Н. Кожина в своих известных статьях «Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы)», «Речеведческий аспект теории языка» [1998, 1999].

Указывая, как и другие названные выше исследователи, на значительную генетическую близость данных теорий (общими в ТРА и ТРЖ являются исходные позиции и определение изучаемой единицы как речевой, как единицы речевого общения; общим у них является и динамический аспект: РА и РЖ как единицы процесса языкового общения и речевой деятельности, как звенья (элементы) в динамике речи, в процессе построения текста, дискурса; слово как действие и деятельность общения; отсюда общим у них является и принцип изучения этой единицы — непременно в контексте экстралингвистических факторов [Кожина 1999а: 54]), исследовательница подчеркивает, что важнейшие различия лежат не в количественных, а в значимых качественных плоскостях — теоретических, методологических, идеологических, начиная с общих мировоззренческих установок создателей теорий: «Имеющиеся различия между этими понятиями обусловлены своеобразием национальных (или региональных) научно-мировоззренческих интересов и устремлений ученых, выдвинувших, с одной стороны, РА и разработавших ТРА (имеем в виду прежде всего основателей теории — Дж. Л. Остина и Дж. Р. Серля), с другой — концепцию М. М. Бахтина о РЖ» [Там же: 52].

«По-видимому, если отвлечься от семантико-прагматического аспекта и предположить возможность рассмотрения РЖ и РА с учетом других аспектов, то с чисто количественной стороны — объема (размера) единиц — РА и РЖ все же удобнее рассматривать как разные явления. Речевой акт — это (действие) отдельная реплика в диалоге, наделенная определенной иллюкутивной силой и вызывающая, предполагающая определенный перлокутивный эффект. Это может быть и диалог — в смысле единства двух реплик собеседников (адресата и адресанта). Иначе говоря, это элементарная единица речи (одна из элементарных, если учесть высказывание). (...) Речевой же жанр — особенно если учесть вторичные РЖ — это более развернутое и сложное речевое построение, состоящее из нескольких речевых актов. Вторичные же РЖ могут быть представлены как множество (цепь) речевых актов с видоизменяющимися конкретными целями» [Кожина 1999а: 58–59].

Выделяются следующие линии различия: 1) РА — действие, РЖ имеет количественно и качественно более сложную природу и соотносится с ситуацией, событием, текстом; 2) в центре внимания теории речевых актов — грамматика языка (предложение), теории речевых жанров — речевая коммуникация и функциональный стиль; 3) ТРА по своей сути монологична, ТРЖ диалогична (социологична) [Кожина 1999а: 18–22].

Особое значение М. Н. Кожина придает стилистическому измерению РЖ (восходящему, с одной стороны, к бахтинской концепции «стиля РЖ», с другой стороны, к понятию вторичного речевого жанра) — данное измерение просто отсутствует у РА:

«Но главное отличие концепции РЖ Бахтина от ТРА в том небезызвестном факте, что в трактовке речевого общения и его единиц он стоит на социологических позициях, а не психологических (как это представлено в ТРА). Отсюда следует целый ряд довольно заметных различий, в том числе и принципиального характера. Вместе с тем другим существенным отличием взглядов Бахтина относительно РЖ от определения РА в ТРА является стилистический аспект, обусловленный научными интересами ученого, — аспект, который остался вне поля зрения ТРА (в крайнем случае представлен на периферии учения, факультативно) и который, кстати, очень слабо реализован в жанроведческих работах русистики. Между тем учет этих двух аспектов принципиально важен в плане соотношения РЖ и РА» [Кожина 1999а: 55].

По нашему мнению, последовательное рассмотрение приведенных концепций выявляет некоторые достаточно очевидные линии сходства и взаимного отталкивания: так, очевидно сходство между самими терминами-понятиями «речевой акт» и «речевой жанр», а также методиками их изучения. В то же время обращают на себя внимание, с одной стороны, очевидное разнообразие РЖ и относительная однородность пространства РА, а с другой стороны, близость РА далеко не ко всем РЖ (едва ли кому-то придет в голову говорить о речевых актах *лекции, дискуссии, беседы*). Мы полагаем, что расширительное понимание РЖ позволяет сближать РА и РЖ при ведущей позиции последних; РА особенно сближаются (и даже отождествляются) с одним из видов РЖ, а именно конвенциональными первичными простыми РЖ. Ниже (глава о классификации РЖ) будет показано место данного типа РЖ в различных типологиях.

2.3.3. Речевой жанр и стиль

Проблема соотношения стиля и жанра восходит еще к бахтинскому «стилю РЖ», который, по мнению ученого, входил в прагматическое по своей сути триединство тема—стиль—композиция, определяющее каждый конкретный жанр.

Не случайно, выделяя типы категорий дискурса (внешне- и внутритекстовые характеристики речи), В. И. Карасик относит к важнейшим жанрово-стилистические категории, которые характеризуют «тексты в плане их соответствия функциональным разновидностям речи (стилевая принадлежность, жанровый канон, клишированность, степень амплификации/компрессии)» — наряду с конститутивными, которые позволяют «отличить текст от нетекста (относительная оформленность, тематическое, стилистическое и структурное единство и относительная смысловая завершенность)», содержательными (семанτικο-прагматическими), которые раскрывают «смысл текста (адресативность, образ автора, информативность, модальность, интерпретируемость, интертекстуальная ориентация)» и формально-структурными, которые характеризуют «способ организации текста (композиция, членимость, когезия)» [Карасик 2002: 288].

Состояние проблемы соотношения речевого жанра и стиля в жанроведении, (функциональной) стилистике и лингвистике в целом четко формулирует Н. В. Орлова:

«До сих пор не опровергнуто ни одно из двух противоречащих друг другу утверждений: 1) у каждого стиля свой репертуар жанров и 2) жанр может переходить из стиля в стиль, т. е. не реализуется в каком-то одном стиле.

Первый тезис восходит к виноградовскому представлению о стилях языка и стилях речи. Если он справедлив, то стиль — абстракция некоторого множества жанров. Традиционная модель стиля и складывающееся представление о жанре как будто бы согласуются с данным утверждением. В самом деле, сопоставление стиле- и жанрообразующих факторов выявляет более конкретный характер последних: сфере общения (стиль) соответствует типовая коммуникативная ситуация (жанр); глобальным функциям языка (стиль) — конкретные цели говорящих (жанр) и так далее.

Второе утверждение, нередко встречающееся в современных работах, впервые сформулировано М. М. Бахтиным. Его деление речевых жанров на первичные и вторичные подразумевает, что все или почти все жанры публичной, деловой, научной сферы, а также художественной прозы и поэзии имеют прообразы в бытовой речи. Если

первичный и соответствующий вторичный жанры имеют общие речевые признаки, то действительно есть смысл говорить о переходе жанра из стиля в стиль. Однако факт наличия (или отсутствия) конкретных общих признаков пока не может считаться доказанным» [Орлова 1997: 51].

Отмечая, что большинство существующих подходов к РЖ, как и к РА, сосредоточены на интенциях говорящего, а типологии жанров в подавляющем большинстве строятся на этом основании, Н. В. Орлова указывает, что одна и та же интенция может стоять за совершенно разными жанрами — и различия между ними тогда не интенциональные, а именно стилистические.

Большинство существующих типологий жанров являются, по сути, типологиями интенций. Объективным критерием общности интенций говорящих в разных ситуациях общения является возможность описать их высказывания одним и тем же речевым словом. Так, одинаковое обозначение получает признание в суде и признание в любви, исповедь в церкви, исповедь, адресованная близкому человеку, и исповедь как популярный ныне жанр публицистики (см. «Исповедь на заданную тему» Б. Ельцина). Показательно, что, по мнению ряда ученых [Шмелева 1990], естественная классификация целей представлена в самом языке в виде перечня глаголов и имен речи. В то же время нередко разные речевые слова описывают одни и те же речевые действия. Например, высказать гипотезу и распространить слух — значит предъявить непроверенную информацию. Ср. также бытовую угрозу и ультиматум, просьбу и ходатайство, речевые действия, выражаемые глаголами «порицать» и «ругать». Очевидно, что слова в парах различаются лишь стилистической маркированностью одного из них, а описываемые ими высказывания (тексты) соответствуют понятиям первичного и вторичного жанров М. М. Бахтина. Наконец, существует промежуточная область, в которой интенция в зависимости от стиля обозначается либо глаголом, либо соответствующим глагольно-именным сочетанием (благодарить или объявлять благодарность, договариваться или заключать договор и т. д.) [Орлова 1997: 51–52].

Н. В. Орлова, как и М. Н. Кожина, считает «стилистическое измерение РЖ» очень важным и тоже связывает понятие жанрового стиля с бахтинским понятием вторичного РЖ:

«(...) переходя из стиля в стиль, жанр сохраняет иллокутивную структуру и особенности диктума. Вместе с тем сопоставление пер-

вичных (в РР) и вторичных (в книжных стилях) осуждений и обвинений обнаруживает различия между ними. Стили диктуют свои нормы. По нашим наблюдениям, “стилистическая специфика” сводится к трем основным моментам: 1) соотношению когнитивного и прагматического: оценка присутствует везде, но в разной степени, в РР и публицистике сильнее эмоциональная составляющая экспрессивности; 2) степени экспликации намерения: высокая степень экспликации всех обвинений еще более усиливается в деловой речи ритуальным перформативом; 3) наличие стилистически окрашенных единиц, прежде всего лексического уровня» [Орлова 1997: 54].

Основные положения и научные достижения **функционально-стилистического жанроведения**, а также краткий обзор истории (по мнению самих представителей данного направления, еще с 20-х г. XX в.) и некоторые перспективы освещает В. А. Салимовский в своей докторской диссертации и монографии «Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст)».

Исследователь доказывает, что функционально-стилистическое жанроведение — значительная и относительно самостоятельная часть общего современного жанроведения, что к данному направлению относятся целый ряд серьезных ученых, чей вклад в жанроведение является несомненным (М. П. Брандес, В. Н. Вакуров, Л. Г. Кайда, Н. Н. Кохтев, И. П. Лысакова, Л. М. Майданова, Н. М. Разинкина, Г. Я. Солганик, Е. С. Троянская).

По мнению В. А. Салимовского, «⟨...⟩ интерес к изучению речевых жанров прослеживается на протяжении всей истории развития функциональной стилистики. Уже в первых работах, выделявших в качестве особого предмета исследования функции и виды речи, содержалась идея жанра как формы организации высказывания (текста); были выдвинуты основополагающие суждения, послужившие базой для формирования функционально-стилистической теории. По мере ее развития совершенствовался подход к описанию многообразия речевых жанров. Так, складывавшиеся представления о базовых экстралингвистических факторах, определяющих характер стилистико-речевой организации, стали использоваться при объяснении специфики не только основных стилей, но и более частных речевых разновидностей. Постепенно утверждалась мысль о необходимости исследования функционально-стилистической системы языка на разных уровнях абстракции, выработки представлений, отражающих специфику жанрового уровня» [Салимовский 2002а: 27].

Соотношение стиля и жанра обычно понималось в функциональной стилистике как соответственно увеличение или уменьшение абстрактности научно-методического аппарата дисциплины: «функциональный стиль, существующий реально как совокупность жанров, представляет собой научную абстракцию более высокого порядка, чем жанр» [Солганик 1978: 9]; «Функциональные стили — это не что иное, как обобщенные речевые жанры» [Долинин 1978: 60]; А. В. Щербаков приходит к выводу, что понятие РЖ является родовым по отношению к *литературному жанру* и *жанру журналистики* [Щербаков 2005: 340]. В. А. Салимовский подчеркивает: «⟨...⟩ для функциональной стилистики интерес к жанрам речи органичен. Языковая деятельность, видоизменяющаяся в различных сферах и ситуациях общения, изначально рассматривалась учеными данного направления как осуществляемая в речевых актах (в высказываниях, в жанрах), внимание сосредоточивалось на композиционных формах речи, «целом высказывания», с установкой на охват всего многообразия этих форм» [Салимовский 2002а: 20].

Соотношение жанра и стиля В. А. Салимовский определяет как соотношение разных типов речевой системности — при этом, считая базовой системность стилевую, исследователь вводит принципиальное понятие жанрово-стилевой системности:

«⟨...⟩ исходя из того, что “высказывание есть элементарное речевое действие”, стиль высказывания можно определить как способ совершения речевого действия, а значит, как способ организации равноуровневых языковых средств в высказывании (формально-речевая сторона стиля), определяемый коммуникативно-познавательной целью действия и другими параметрами ситуации общения, отражаемыми в стилистическом значении высказывания (содержательно-речевой план стиля)» [Салимовский 2002а: 199].

«Жанровый же стиль с этой точки зрения — это типовой способ интеграции текста, предполагающий в качестве важного конституирующего признака иерархическую взаимосвязь типовых субтекстов на основе взаимосвязи их типовых целеустановок, объединенных в конечном счете типовым авторским замыслом. ⟨...⟩ Жанровый стиль можно определить как жанровую разновидность стилистико-речевой системности, т. е. как способ организации высказываний на основе взаимосвязи их типовых целеустановок, объединенных типовой целью более общего характера» [Там же: 200–201].

По мнению В. А. Салимовского, центральным положением бахтинской теории жанра, а также идущих за ученым многих жанроведов — представителей разных школ и направлений — является положение о ситуации и сфере общения: все более глубокое, дифференцированное и системное осмысление параметра «сфера общения» ознаменовало собой дальнейшее развитие и перспективы как функциональной стилистики, так и жанроведения.

В этом смысле функциональная стилистика в значительной степени пересекается с базовыми положениями лингвистики текста, возникшей, как известно, именно в рамках первой. Расширительное толкование функциональной стилистики (в основе которого вновь оказывается понятие речевой системности), по мнению В. А. Салимовского, делает предмет и задачи лингвистики текста в известном смысле избыточными.

В целом функциональная стилистика, несмотря на усиливающиеся позиции «конкурирующих» дискурсивной, прагматической и когнитивной методик, несомненно, остается одной из ведущих речеведческих дисциплин.

В этом отношении показательна точка зрения В. Г. Костомарова, одного из основателей функциональной стилистики в ее «наиболее классическом» виде. Ученый в одной из последних своих книг (и одной из последних книг по стилистике среди лингвистических изданий в целом) «Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики» (2005) доказывает, что стилистика по-прежнему «стоит на переднем крае» наиболее перспективных направлений лингвистики и ей (и только ей) «по силам» наиболее трудная задача из всего того, с чем вообще сталкивалась лингвистика к рубежу XX–XXI в., — адекватно объяснить огромное многообразие реального человеческого общения, речевых образцов, текстов, найти здесь настоящую системность: «⟨...⟩ мы сводим задачу стилистики к изучению способов создания текстов, к постижению характера их группировок, соответствующих разнообразию деятельности людей ⟨...⟩ Стилистика текстов предстает как регулирующий свод конвенциональных, кодифицируемых и неписаных правил и схем функционирования языка, существующих в нашем сознании как следование образцам или, по модному словечку, как создание ремейков» [Костомаров 2005: 42].

По мнению В. Г. Костомарова (и А. И. Горшкова [2000], которого В. Г. Костомаров много и сочувственно цитирует), эта речевая систем-

ность в своей основе является именно стилистической, более того — стилевой.

Исследователь признает, что функциональная стилистика может и должна эволюционировать — прежде всего потому, что все огромное речевое многообразие «не уместается» в жесткую схему из пяти стилей традиционной функциональной стилистики. Тем не менее, по мнению В. Г. Костомарова: 1) внутренние объясняющие потенции стилистики позволяют ей справиться с названной задачей; 2) эту задачу функциональная стилистика может решить, используя понятие *текст* — именно в том традиционно-стилистическом значении, которое идет от В. В. Виноградова (от термина-понятия *дискурс* В. Г. Костомаров отказывается⁵), но самое главное — используя понятие **стилистического вектора**.

О последнем понятии, введенном В. Г. Костомаровым, следует сказать подробнее: именно так исследователь понимает, в общем, в с ю возможную речевую упорядоченность.

Векторный метод, по замыслу исследователя, в наибольшей мере соответствует таким фундаментальным идеям речеведения, как идея нежесткой упорядоченности, где господствует статистическая вероятность, обусловленная экстралингвистическими причинами — и прежде всего деятельностными резонами «человека говорящего». Именно поэтому «векторный метод представляется весьма продуктивным также и для изучения стилистики. Континуум стилевых явлений может исчисляться именно векторными полями — разными связями внеязыковой и языковой действительности; сама же стилистика текстов может изображаться как многомерное векторное пространство, совокупность всех векторных полей» [Костомаров 2005: 67].

В то же время при реальном анализе речевого материала В. Г. Костомаров выделяет и использует всего... два таких вектора! (даже меньше, чем выделяли функциональных стилей в традиционной функциональной стилистике): книжный и разговорный. Например:

⁵ «В целом (...) термин *дискурс* из-за своей расплывчатости не имеет объяснительной силы для наших очерков» [Костомаров 2005: 42]. В этой связи весьма показательна точка зрения В. И. Карасика: «Термин *функциональный стиль* относится, на наш взгляд, к числу наименее удачных терминов в лингвистике, и поэтому, основываясь на критерии жанрового канона дискурса, мы предлагаем новое обозначение для обсуждаемого понятия — *формат дискурса*» [Карасик 2002: 294]. Этой точке зрения близки идеи К. Ф. Седова, высказанные в одной из последних его статей «Дискурсно-жанровое членение речи как альтернативная стилистика» [2007f].

«Единый вектор книжности выявляется как задающий отход, некое отстранение от общего языка, стремление к упорядоченному и ограниченному, специально приспособленному “своему языку”» [Костомаров 2005: 68].

В этой связи нельзя не отметить, что многие современные ученые полагают, подобно В.Г. Костомарову, что существующая стилистическая парадигма для более адекватного объяснения положения вещей (прежде всего рядовым носителям языка) нуждается именно в упрощении: «По нашим представлениям, реально языковое сознание носителей языка с достаточной уверенностью различает не более трех стилистических разрядов лексики, дифференцируемых по условиям употребления: **литературная, разговорная и ненормативная лексика**» [Стернин 2006: 139; ср. также: Белова 2002].

Даная проблема решается в статье Г. В. Векшина «Жанр и функциональный стиль: языковое и речевое» [Векшин 2009].

Автор, основываясь на личном опыте преподавания стилистики русского языка в вузе, выявляет противоречия, содержащиеся в теории и практике функциональной стилистики.

Первое, более очевидное противоречие состоит в том, что в функциональной стилистике пытаются непротиворечиво охватить жесткой схемой из пяти стилей все чрезвычайно многообразные дискурсивные образцы.

Второе, менее очевидное и более глубинное противоречие состоит в том, что сам принцип отнесения конкретного материала к тому или иному стилю с неизбежностью противоречив, поскольку основывается на двусмысленных и противоречивых концепциях функциональной стилистики — «идущих от теории языка», «объективистских и нормативистских», и прежде всего — определении самого понятия «функциональный стиль», границ содержания данного понятия применительно к языку и речи.

Так, Г. В. Векшин показывает, что одно из наиболее широкоупотребительных определений функциональных стилей как «вариантов литературного языка, обусловленных различными сферами общения» (Л. П. Крысин) допускает целый ряд совершенно разных прочтений: 1) «варианты языка», обслуживающие различные сферы; 2) варианты, чей смысл есть результат постоянного их использования в данных сферах; 3) варианты, служащие знаками-индикаторами данных сфер; 4) варианты, позволяющие достичь коммуникативного и познавательного успеха в данных сферах.

На практике (например, в заданиях, которые ставятся перед школьниками и студентами в курсах стилистики) данное противो-

речие приводит к тому, что у студента или ученика складывается «представление о том, что стилистическую окраску речевой единицы следует определять таким путем: сначала установить “функционально-стилевую принадлежность текста”, попросту “угадать” функциональный стиль из числа известных (в основном по принципу — если газета, то публицистический), а она уж подскажет и стилистическую окраску». Студенту же как носителю языка, по убеждению Г. В. Векшина, необходимы совсем другие умения — прежде всего «прислушиваться к собственному речевому опыту, слышать типичные контексты и видеть соответствующие ролевые образы говорящего, “вынырывающие” из-под конкретных единиц и приемов, ⟨...⟩ понимать и контролировать стилистические ресурсы языка».

В этом отношении наиболее принципиальной для концепции Г. В. Векшина является модель, согласно которой функциональный стиль — часть языка общения (не кода) — узуальной коммуникативной системы, где все знаки и знаковые комплексы путем реализации наиболее эффективных тактик отбора и построения знаков, по существу, подчинены цели, лежащей в данной области, — цели научного познания и общения (соответственно, язык науки), эстетической (язык искусства), идеологической (язык идеологии) и другие. Такие языки общения являются стилеобразующими. Внутри них выделяются более частные — жанрообразующие — контексты и полагаемые в них цели, которые могут составлять ядро стилеобразующих социокультурных контекстов или находиться на их периферии.

Думается, эти противоположные тенденции хорошо иллюстрируют достаточно сложное состояние функциональной стилистики в целом и ее отдельных точек соприкосновения с ТРЖ в частности.

2.3.4. Речевой жанр и речевое событие

Понятие *речевое событие* вводится Д. Хаймсом [Hymes 1972] для определения одного из компонентов коммуникации: в коммуникативной иерархии речевые события являются, по Хаймсу, частью речевых ситуаций, в то время как сами состоят из речевых актов.

В современных исследованиях отмечается базовый характер данной единицы для речевой диалогической коммуникации в целом. Формы, в которые «отливаются» данные единицы, оказываются первичными жанрами, о которых идет речь в жанроведческой части исследования И. Н. Борисовой, по отношению к речевым жанрам в традиционном (бахтинском) понимании [Борисова 2001: 40–42].

В целом, поскольку в самом слове «событие» наличествует идея некой процессуальности, скорее действий, чем языковых единиц, понятия «речевое событие» и «коммуникативное событие» оказываются значительно ближе друг другу, чем, например, понятия «речевой жанр» и «коммуникативный жанр». По-видимому, термины *речевое событие* и *коммуникативное событие* можно использовать как синонимы. В то же время в некоторых работах (например, [Бушуева 2006; Неудачина 2007]) используются как синонимы понятия *речевой жанр* и *речевое событие*, что представляется менее оправданным.

Следует отметить, что при сближении данных понятий на первый план выходит один из важных моментов бахтинской концепции РЖ — уже неоднократно отмечаемая текстовая природа РЖ, его сложный структурный характер (парадигматический и синтагматический): вряд ли возможно сближение с речевым событием л ю б ы х речевых жанров, особенно монологических, кратких, простых, первичных, т. е. таких, какие в работах по речевым актам обычно называются РА: *вопрос, ответ, просьба, приказ, совет*.

Понятие «речевое событие» в его отношении к речевому жанру рассматривалось в работах: [Гольдин 1997а; Гольдин, Дубровская 2002; Борисова 2001; Дубровская 2007].

Разрабатывая теоретические и терминологические проблемы жанрового речевого моделирования, В. Е. Гольдин подчеркивает, что цель соотнесения понятия *жанра* с такими общими формами осмысления мира, как *ситуация, событие, поступок*, заключается не в отделении «истинного» понимания жанра от «ложных» его толкований, а в стремлении осознать, какие именно явления именуют сегодня речевыми жанрами, и построить на этом осознании полезные заключения [Гольдин 1997а: 23].

Выделяя ситуации-события, В. Е. Гольдин считает их главным отличительным признаком темпоральность: темпоральную структуризацию (например, можно размещать другие события по отношению к ним и говорить о том, что происходит во время, до, после данных событий или в их начале, середине, конце, если они темпорально структурированы) — для ситуаций; темпоральную простоту/нечленность (прибытие или отправление поезда — это темпорально простые, нечленимые события: можно находиться на перроне в момент прибытия или отправления поезда, но не в начале, середине или конце этих событий) — для событий [Там же: 24–25].

Среди подобных речевых единиц, имеющих темпоральное изменение, В. Е. Гольдин выделяет простые события (*остановка, паде-*

ние, поворот) и сложные события (*сенокос, обед, переправа*) [Там же: 25–26].

Такие речевые единицы В. Е. Гольдин предлагает отграничивать от *поступков*, лишенных темпоральности: «⟨...⟩ слова типа *победа, поражение, успех, достижение, рекорд, провал, промах, измена, шалость, проказа, подвиг*, с помощью которых говорят о событиях, сами именами событий не являются. Показательна неправильность выражений **во время победы, *во время подвига, *в момент измены*, не говоря уже о **в конце победы, *в середине промаха* и т. д. Здесь не обнаруживается ни событийности, ни процессуальности» [Там же: 26]. Главное в содержании этих имен — характеристика, оценка, причем оцениваются и именуются не сами конкретные действия, а воплощенные в них поступки.

Собственно речевой/коммуникативный жанр тогда есть не что иное, как внутренняя форма данных речевых единиц; соответственно, типы РЖ выделяются в зависимости от того, соотносятся ли они с речевыми ситуациями-событиями или коммуникативными поступками: «Имена речевых ситуаций-событий, коммуникативных поступков, а также имена типовых разновидностей речевых произведений-текстов выступают в роли имен соответствующих жанров» [Там же: 31–32].

Продолжая разработку соотношения понятий «речевой жанр» и «речевое событие», В. Е. Гольдин и О. Н. Дубровская подчеркивают сущностную близость данных явлений:

«Ближайшее целое по отношению к речевым жанрам — это, по-видимому, речевое событие. Целое более высокого уровня — коммуникативное событие, далее идут просто события. Целенаправленные действия людей, составляющие основу коммуникативных событий, наблюдателями осмысляются в качестве поступков. Внутренняя форма события, т. е. подвергающееся изменению “положение вещей”, — ситуация. Ситуацией же, но уже внешней, “охватывающей” событие, является и та обстановка, на фоне которой происходит событие. Ее учет особенно важен при квалификации поступков» [Гольдин, Дубровская 1999: 7].

Сказанное можно, по всей видимости, понимать так, что речевой жанр и речевое событие тесно связаны, однако не идентичны и должны рассматриваться скорее в разных плоскостях: событие коммуникативно-процессуально и может включать в свой состав в качестве вербальной составляющей речевые жанры — при этом не-

сколько разных речевых жанров, даже разные наборы их. Данный вывод подтверждают следующие рассуждения исследователей:

«Речевыми событиями целесообразно, по-видимому, считать такие коммуникативные события, совершение которых невозможно без использования в них совершенно конкретных для каждого из таких событий речевых действий и соответствующих им речевых жанров. Например, неотъемлемой частью вопроса являются вопросы следователя; событие “проработки кого-либо” не состоится без обвинительных выступлений; конференция предполагает доклады, сообщения и их обсуждение» [Гольдин, Дубровская 1999: 8].

Однако более четкой экспликации данная идея в цитируемой статье не находит. По нашему мнению, без ответа остались вопросы: являются ли 1) речевой жанр и речевое событие «одним и тем же» либо 2) относятся друг к другу иным образом. Так, возможны следующие типы отношений: речевой жанр относится к речевому событию как форма к субстанции либо виртуальная модель — к актуальной реализации; речевой жанр относится к речевому событию точно так же, как к коммуникативному жанру, т. е. вступает с ним в гипогиперонимические отношения; наконец, событие — не любой речевой жанр, а только комплексный (по М. Ю. Федосюку) диалогический/текстовый (два последних толкования, конечно, представляют ту же идею тождества, только в несколько ином смысле).

В работах последних лет О. Н. Дубровская пытается более четко сформулировать отношения между понятиями речевого события и речевого жанра — как и В. Е. Гольдин, она строит свои рассуждения прежде всего на четкой темпоральной базе:

«(...) место и время — событийные характеристики и связаны с жанрами именно в структуре событий. В противном случае проблема классификации жанров становится нерешаемой, поскольку жанр может быть включен в бесконечное множество похожих контекстов (...) понятие “жанровый репертуар” по своей сути независимо от понятия “сложное речевое событие”. Можно говорить скорее о тех возможностях, которые предоставляет определенный тип дискурса для реализации речевых жанров в контексте определенных событий. Например, коммуникативная ситуация “работа над проектом” подразумевает регулярное общение участников проекта в рамках определенных сложных и простых речевых событий. Каждое из таких событий структурировано набором речевых жанров. Данные жанры известны коммуникантам, но их набор специфичен для каждого из

таких событий. Собрание для обсуждения результатов проекта — сложное речевое событие, в котором используются такие речевые жанры, как доклад, отчет, сообщение, дискуссия и др.» [Дубровская 2007: 364–365].

Отметим, что предположение, высказанное нами по прочтении первой работы В. Е. Гольдина (1997), принимается О. Н. Дубровской как верное: «В сложных речевых событиях речевая составляющая может быть представлена целым набором речевых жанров, как устных, так и письменных, поэтому {...} свойства таких событий позволяют говорить о них как об особых формах коммуникативного взаимодействия, в которых реализуются речевые жанры разных типов» [Дубровская 2007: 368–369]. Однако четкая экспликация, не оставляющая читателю возможности разных толкований, к сожалению, отсутствует и здесь: «С нашей точки зрения, сложные речевые события допускают классификацию по социокоммуникативным сферам: можно выделить события политической сферы (выборы, референдум, митинг), экономической (заседание совета директоров, рекламная кампания), юридической (судебное заседание) и др. Помимо сфер институционального общения сложные речевые события пронизывают сферу частной жизни (свадьба, похороны). Социальная, экстралингвистическая составляющая важна и для определения речевого жанра» (выделено нами. — В. Д.) [Дубровская 2007: 362]. Увы, данное «и для речевого жанра» есть не что иное, как опять-таки идея их «приблизительного» сходства.

По нашему мнению, идея противопоставления слов, называющих события и, соответственно, включающих в свою семантику протяженность во времени, и слов, дающих данным событиям оценку — и соответственно, исключающих такую возможность, является в высокой степени информативной и релевантной для объяснения многих особенностей лексической семантики, а также — отчасти — для представления оценочного отношения к речевым событиям и речевым жанрам в рамках данной культуры, внутри которой существует определенным образом организованная система оценок, базирующаяся на комплексе ценностных отношений к различным социальным, в том числе коммуникативным, явлениям (см. ниже § 4.1 и 4.2).

В то же время представляется не вполне убедительным категоричное утверждение, что в группе существительных типа *победа, поражение, успех, рекорд, промах, измена, шалость, подвиг* оценочный компонент, более значимый для данных лексем, чем собственно назы-

ваемые ими явления — речевые события и речевые жанры, — однозначно исключает протяженность во времени.

Данные существительные, поскольку называют (в том числе) события, в основе которых всегда лежат некие «акты»/действия, являются преимущественно отглагольными существительными, а следовательно, представление ситуаций как протяженных во времени либо однократно-оценочных существует точно в таком же виде в соответствующих глаголах. Как известно, в русской грамматике именно данное противопоставление составляет основное содержание категории глагольного вида: названиями таких оценочных явлений (поступков) должны быть существительные, образованные от соответствующих глаголов совершенного вида, отсюда и невозможность представления их как продолжающихся во времени (ср.: [Арутюнова 2003: 8–9]).

Однако многие глаголы, связанные с существительными, называющими поступки, образуют видовые пары, что говорит скорее о том, что с точки зрения языка допустимо представлять данные поступки как длящиеся во времени.

Конечно, такая возможность еще не следует автоматически из самого факта наличия видовой пары: семантика наст. врем. несов. вида, как известно, имеет сложный характер и покрывает целый комплекс ситуаций, среди которых далеко не все могут быть охарактеризованы как длящиеся во времени. Так, фраза *Она ему изменяет* означает повторяемость или регулярность, а не протяженность во времени; в предложении *Под Нарвой армия Карла XII побеждает армию Петра I* мы имеем дело с так называемым настоящим историческим, которое тоже не имеет ничего общего с непосредственной продолжительностью во времени; однако фраза *наши проигрывают*, произнесенная, например, комментатором в определенный момент матча, явно включает указание и на определенное время, и на определенную длительность.

Подобным образом обстоят дела в английской грамматике с группой времен *continuous*: в английском языке всегда существует, по крайней мере, теоретическая возможность ставить в форму *present continuous*, *past continuous* или *present perfect continuous* даже слова типа *defeat*, *win*, *betray*. Не являются аномальными выражения: *He is defeating them*, *He was defeating them*, *He has been defeating them*.

Таким образом, отношение речевого жанра даже к близким речевым единицам понимается по-разному. Решение данного вопроса в каждом отдельном случае зависит от задач конкретного исследования,

а также от того, как в целом понимаются задачи, стоящие перед ТРЖ в рамках общей лингвистики речи. В целом в решении данной проблемы можно выделить две противоположные тенденции.

2.4. «Расширяющая» и «сужающая» тенденции в определении речевого жанра

Для теории речевых жанров с момента ее создания М. М. Бахтиным ключевым был вопрос: «что такое речевой жанр?» В результате многолетнего активного развития ТРЖ и ее активного взаимодействия с целым рядом смежных лингвистических дисциплин на протяжении последних 15–20 лет данный вопрос несколько смещает акценты: «от каких смежных явлений должен быть ограничен речевой жанр?»

Как это часто бывает с теоретическими положениями, претендующими на фундаментальность в рамках данной концепции, и единицами, претендующими на то, чтобы быть базовыми в рамках данной концепции, история осмысления понятия «речевой жанр» ознаменовалась диалектическим единством двух противоположных тенденций — расширяющей и сужающей.

Первая тенденция исходит из последовательного **расширения** границ понятия «речевой жанр» и его конституциональных признаков: сторонники данного подхода подчеркивают сущностное единство жанрового типа системности со всеми другими речевыми (даже языковыми) типами, при этом именно жанровый тип системности признается базовым или гиперонимическим/родовым, что автоматически делает многие (если не все) остальные виды речевой системности (коммуникативный жанр, речевой акт, стиль, фрейм, коммуникативный концепт, тональность, многие отдельные горизонтальные и вертикальные модели организации дискурса) или вторичными/видовыми, или вообще избыточными.

В настоящее время в лингвистических штудиях понятие *жанр* уже стало таким же широким как понятие *концепт* — хотя, конечно, в нетерминологическом употреблении слово *жанр* гораздо яснее, употребительнее, ближе понятиям — названиям естественных классов, чем слово *концепт* (по крайней мере, так обстоят дела в русском языке; в то же время слово *concept* гораздо ближе терминам-понятиям естественного английского языка).

Важно отметить, что, хотя многие из исследований, осуществленных с данных позиций, отличались замечательной проницательностью

и оригинальностью (а кроме того, особо пристальным вниманием к наследию Бахтина и тщательным осмыслением его идей), в целом последовательное расширение границ понятия «речевой жанр» с неизбежностью приводит не к прояснению, а к затемнению как понятия «речевой жанр», так и объясняющих потенций речежанровой модели лингвистического анализа речи. *Жанром* начинают называть, например, *рекламу* (К. Г. Урванцев), *иронию* (Т. П. Андриенко, О. Я. Палкевич), *ложь (вранье)* (В. И. Шаховский), *притворство* (С. Деннингхаус), *критику* (Т. В. Анисимова), *дефинирование* (О. В. Коротеева) и даже *фатику* и *эристику* (Ж. В. Милованова).

В то же время признание речевого жанра все более широким понятием означает необходимость серьезной внутренней дифференциации и выделения разных типов жанров.

Отметим, что именно идея расширительного понимания РЖ при одновременной внутренней дифференциации данного явления, по возможности более детальной, кажется нам наиболее предпочтительной.

В рамках этой традиции многие исследователи выделяли в общем пространстве жанров речи разные типы жанров (Ст. Гайда, М. Ю. Федосюк, А. Г. Баранов и др.) (типологические идеи двух последних названных исследователей, впрочем, не могут быть однозначно отнесены к «расширительным» — см. ниже).

Так, М. Ю. Федосюк выделяет элементарные и комплексные жанры [Федосюк 1997а: 104]:

«(...) под элементарными речевыми жанрами следовало бы понимать такие тематические, композиционные и стилистические типы текстов, в составе которых отсутствуют компоненты, которые, в свою очередь, могут быть квалифицированы как тексты определенных жанров. Примером элементарных речевых жанров могут служить сообщение, похвала, приветствие или просьба. Комплексными же речевыми жанрами надо было бы считать типы текстов, состоящие из компонентов, каждый из которых, в свою очередь, обладает относительной завершенностью и представляет собой текст определенного жанра. Комплексные речевые жанры могут быть монологическими, т. е. включающими в себя компоненты, которые принадлежат одному говорящему или пишущему (это, например, такие жанры, как утешение, убеждение или уговоры [ср. Федосюк 1996]), и диалогическими, т. е. состоящими из реплик разных коммуникантов (например, беседа, дискуссия, спор или ссора)» [Федосюк 1997а: 104].

А. Г. Баранов выделяет простые и сложные жанры [Баранов 1997: 8]:

«Мы полагаем, что плодотворную рубрикацию речевых жанров М. М. Бахтина можно развить, спасая диалог как первичный в генезисе тип текста:

- 1) первичные (простые) речевые жанры близки речевым актам;
- 2) первичные (сложные) речевые жанры равны диалогическому тексту;
- 3) вторичные (простые) речевые жанры — функционально-смысловые элементарные тексты — описание, повествование и др.;
- 4) вторичные (сложные) речевые жанры — тексты, включающие низшие речевые жанры в трансформированном виде» [Баранов 1997: 8].

Простые и сложные жанры выделяет и Ст. Гайда, но его типология, кроме того, включает примарные и секундарные жанры:

«Жанры простые и сложные. Основой для такого деления может быть теория речевых актов Остина-Серля. Простые жанры — это, говоря вообще, типы иллокутивных актов, называемые при помощи отглагольных существительных, значение которых определяет речевое действие, например *угроза, отказ, присяга, вопрос, клятва, приглашение* и т. д.

Сложный жанр — это типизированная последовательность речевых актов, структура которого имеет относительно конвенциональный характер. Здесь обычно имеют дело с группой неоднородных актов, каждый из которых в глобальной деятельности имеет свои функцию и место, например приветствие в разговоре. Такая последовательность (например разговор, письмо) в целом может выполнять роль, присущую простому жанру (ср. письмо как инструкция или предостережение). Отношения между отдельными актами высказываний в макроакте могут складываться по-разному, например отношения подчинения, даже облигаторное вынуждение появления очередного акта (поздравления и благодарность).

Жанры примарные и секундарные. Первые актуализируются в текстах, которые рождаются в коммуникативных условиях “лицо-лицо” и непосредственно отнесены к “Я — Здесь — Сейчас” говорящего. Сюда относятся как простые жанры (вопрос), так и сложные (разговор). Секундарные (производные) жанры появляются в условиях высококоразвитой культурной коммуникации и являются дериватами от примарных жанров. К таким производным жанрам относятся, например, бытовое письмо, дневник, дискуссия. Секундарные разго-

ворные жанры могут быть основой для дальнейших преобразований (ср. письмо как основа научной статьи)» [Гайда 1999: 110].

Сужающая тенденция, наоборот, пытается уточнить, конкретизировать понятие «речевой жанр» через ужесточение дефиниции и последовательное отграничение данного явления от более или менее генетически близких смежных явлений: речевого акта, речевых стратегии и тактики и даже коммуникативного жанра, который тоже противопоставляется речевому по ряду признаков, считающихся значимыми в рамках данной модели.

Данная тенденция, особенно активная в 90-е г. прошлого века, складывается из двух разных направлений: во-первых, речевой жанр активно **отграничивают** от всего того, что им не является, одновременно пытаясь определить критерии жанровости.

В работах ряда исследователей из списка жанров на разных основаниях вычеркивались целые группы речевых явлений, имеющих предположительно жанровую природу [Гольдин 1997а; Гольдин, Дубровская 1999; Федосюк 1997а, 1997б]. Как представляется, дальше всех в своем редукционистском пафосе идет М. Ю. Федосюк.

Так, исследуя лексико-семантическую группу русских существительных со значением «высказывание, выражающее положительную оценку», которая включает слова/лексико-семантические варианты слов: *бахвальство, комплимент, лесть, любезность, одобрение, похвала, похвальба и хвастовство*, М. Ю. Федосюк приходит к выводу, что «далеко не все из перечисленных слов способны служить названиями речевых жанров» [Федосюк 1997б: 74].

М. Ю. Федосюк полагает, что названиями речевых жанров не могут быть существительные *ссора, угроза, придирка, похвальба* и вообще все такие, семантика которых отражает не вполне благовидную цель. По мнению М. Ю. Федосюка, и *комплимент* не может считаться речевым жанром, поскольку «осознанное оформление некоторого высказывания как речевого произведения, заслуживающего подобной квалификации», было бы равносильно утверждению «о возможной неискренности оценки» (в отличие от *похвалы*) [Федосюк 1997а: 113; см. также: Гловинская 1993]. С данным положением довольно трудно согласиться. Каждый носитель языка без труда может представить себе ситуацию, когда один собеседник хвалится, а другой завидует или хвалится сам, когда один произносит комплимент, а другой с удовольствием его принимает, когда один угрожает, а другой по этой причине уступает. Нисколько не менее естественной является

ситуация флирта и произнесения косвенных комплиментов. Это типические ситуации общения, а значит, речевые жанры, понимаемые не как модели инвариантно-вариантного типа, по которым строит свои речевые действия один говорящий, а как внутренняя форма коммуникативного события, жанры «языкового существования». Понимание жанров по М. М. Бахтину как относительно устойчивых в тематическом, композиционном и стилистическом планах высказываний, а высказываний — как единств, образуемых слиянием «своего» и «чужого» голосов, а также вербального и невербального контекста ситуации речевого общения, наиболее точно соответствует данному случаю: «Ближайшая социальная ситуация и более широкая социальная среда всецело определяют — притом, так сказать, изнутри — структуру высказывания» [Волошинов 1993: 94].

Представляет интерес критерий, предложенный А. Д. и Е. Я. Шмелевыми в исследовании, посвященном речевому жанру *рассказывание анекдота*. В целом точка зрения исследователей состоит в том, что речевой жанр *X* есть в коммуникативной компетенции человека, если человек, услышав определенное высказывание, может сказать: «Это *X*» (где *X* — имя жанра):

«(...) отнесенность конкретной речевой деятельности к тому или иному речевому жанру определяется способностью носителей языка идентифицировать и назвать его как таковой. Так, носители русского языка могут определить, что некто *поздоровался, извинился, произнес тост, прочел вслух стихотворение, написал заявление о приеме на работу* и т. п., и, говоря о соответствующей речевой деятельности, именно так и обозначить ее» [Шмелева, Шмелев 2002: 18].

Данный подход едва ли можно принять до конца применительно ко всем реально существующим жанрам речи: так, в системе представлений А. Д. и Е. Я. Шмелевых невозможно объяснить тот факт, что выражения *фатическая речь* и *small talk*, используемые лингвистами в качестве базовых терминов для основных фатических интенций, не известны наивным носителям русского языка (что уж говорить о предлагаемых разными авторами заменителях типа *нейнформативная беседа, экзистенциальный разговор, гедонистическое общение*, которые могут поставить в тупик как наивного носителя языка, так и лингвиста), что почему-то нисколько не мешает данным типам общения быть очень широко распространенными, узнаваемыми, успешными.

Кроме того, говоря об именах жанров, ассоциативно возникающих в сознании носителя языка (и жанрово-речевой компетенции), исследователи не разграничивают существительные и глаголы (обращает на себя внимание то, что в приведенной цитате названы только глаголы), в то же время и выделяемый ими речевой жанр *рассказывание анекдота* в этом смысле вряд ли может считаться речевым жанром, поскольку очень маловероятно, что такое *существительное* нормально возникнет в памяти среднего носителя языка).

Вторым направлением, реализующим сужающую тенденцию в определении РЖ, стало построение **иерархии моделей**, ранжированных прежде всего по объему и степени абстрактности, где нижний, базовый уровень занимают обычно конкретные речевые произведения, а более высокие уровни — более и менее абстрактные и обширные типы произведений.

Так, Л. А. Капанадзе вводит понятие *малый жанр* — микроструктуру, которая выделилась в определенной языковой общности как ограниченное речевое клише, сводимое к микродиалогу или реплике. Исследовательница противопоставляет их «более крупным фрагментам обиходно-бытовой речи: семейному диалогу, домашнему рассказу и др.» [Капанадзе 1988: 232–233].

К. Ф. Седов строит иерархию: *гипержанр* — *речевой жанр* (и единица того же уровня *жанроид*) — *субжанр* (то же, что *внутрижанровая стратегия*) — *внутрижанровая тактика*.

Речевой жанр — микрообряд, который представляет собой вербальное оформление взаимодействия партнеров коммуникации. Обычно это достаточно длительная интеракция, порождающая диалогическое единство или монологическое высказывание, которое содержит несколько сверхфразовых единств. К числу речевых жанров можно отнести *разговор по душам, болтовню, ссору, светскую беседу, застольную беседу, анекдот, флирт* и т. п.

Субжанры — минимальные единицы типологии речевых жанров, равные одному речевому акту. В конкретном внутрижанровом взаимодействии они чаще всего выступают в виде тактик, основное предназначение которых — менять сюжетные повороты в развитии интеракции. Нужно особо отметить способность субжанров к мимикрии в зависимости от того, в состав какого жанра они входят. Так, *колкость в светской беседе* отлична от колкости в *семейной ссоре* и т. п.

Гипержанры — это макрообразования, т. е. речевые формы, которые сопровождают социально-коммуникативные ситуации, объединяющие в своем составе несколько жанров. Так, например, можно выделить гипержанр *застолье*, в состав которого войдут такие жанры, как *тост*, *застольная беседа*, *рассказ* и т. п. *Семейный гипержанр* включает в себя такие жанры, как *семейная беседа*, *ссора* и т. п.

Жанроиды — переходные формы, которые осознаются говорящими как нормативные, но располагаются в межжанровом пространстве. Так, можно выделить жанроид, представляющий собой *гибрид болтовни и разговора по душам*, жанроид, сочетающий в себе элементы *ссоры и семейной беседы (конфликтная семейная беседа)*, и т. п. [Седов 2007а: 14–15].

Как видим, собственно речевой жанр обычно занимает в подобных иерархиях одно из мест — чаще всего важнейшее, как у К. Ф. Седова, однако не всегда — иногда это всего лишь «одно из...».

Так, А. Г. Баранов считает центральной единицей структурирования текста *когниотип* как «абстракцию низшего уровня и, следовательно, наиболее информативную» [Баранов 1997: 8], а не *речевой жанр*:

«Когниотип — это фрейм, отражающий инвариантные ментально-лингвистические характеристики массива текстов определенной предметной области. Когниотип имеет следующие черты:

— принадлежит к строго очерченной предметной области, что позволяет представить его в тематической цельности и завершенности;

— обладает тематической композицией/прототипической архитектоникой;

— представлен набором языковых выражений, соотнесенных в подсознании субъекта общения с данной предметной областью и сферой деятельности;

— строится как ментально-лингвистическая модель декларативных значений (о мире и языке);

— дополняется процедурными знаниями (стратегии, конвенции, правила) высших уровней текстотипичности» [Баранов 1997: 8–10].

Цепочка абстракций текстовой деятельности выстраивается А. Г. Барановым как движение от замысла и воли субъекта речи к конкретному тексту.

Следует отметить, что в психолингвистике достаточно давно рассматриваются гораздо более широкие, чем речевые жанры, «вер-

тикальные» модели поведения человека — это особые программы поведения человека, долгосрочные и вполне объективно существующие [Горелов, Седов 1998: 221–223]. Такие типовые долгосрочные программы поведения человека Майкл Холквист на американский манер называет карьерами: «...нам необходима более широкая единица анализа, чем единичное высказывание или отдельный житейский жанр, чьи границы простираются не далее заданной ситуации (такой, как каникулы, приемы в гостинной, кружки вышивания в маленьких городках, мастерская и т. д., перечисляя только некоторые примеры, приведенные самим Бахтиным). Такая единица должна была бы оказаться способной связать воедино различные высказывания и формы родового поведения, присущие определенным лицам. Мы знаем, что есть правила, управляющие высказыванием. На более высоком уровне систематизации мы можем смутно осознать строгие нормы, регулирующие житейские жанры. Но существуют ли формулы, определяющие то, каким образом многообразные высказывания и весь ансамбль жанров, составляющих все жизненное поведение, соединяются воедино? Ответ, естественно, состоит в том, что такие ансамбли существуют: они представляют собой то, что мы так наивно называем *карьерой*» [Холквист 1997: 30–31].

Естественно, самое большое количество проблем возникает, когда данные модели применяются на практике, — попытки непротиворечиво распределить реальный речевой материал по даже подробным теоретическим схемам редко бывают до конца удачными. Попытки ответить на вопросы: «*X* — это речевой жанр или нет?», «*X* — это речевой жанр или речевая стратегия?», «*X* — это речевая стратегия или речевая тактика?» — на практике очень часто приводят к неоднозначным и дискуссионным решениям и обычно вызывают множество возражений у коллег-жанроведов.

Так, в докторской диссертации О. Н. Паршиной, посвященной речевым стратегиям и тактикам, используемым представителями современной политической элиты России (2005), предлагаются достаточно четкие основания выделения типов стратегий и их соотношения с тактиками. Однако на практике поставленная задача — представить соотношение стратегий и тактик — вряд ли решена до конца. К сожалению, не всегда вызывают согласие представленные автором описания конкретных стратегий и тактик; часто складывается впечатление, что автор использует разные, не сводимые друг к другу основания для их определения и противопоставления. Основание противопоставления «стратегия является комплексным

феноменом, а тактика — аспектным» (с. 21) заявлено скорее декларативно. Может сложиться впечатление, что стратегии и тактики противопоставляются как родовидовые понятия: общая стратегия формирования эмоционального настроения — и конкретная тактика создания положительного эмоционального настроения и тактика создания отрицательного настроения; но тогда непонятно, чем отличается тактика обращения к эмоциям адресата (с. 139) от стратегии формирования эмоционального настроения адресата (с. 136), в которую она как будто бы должна входить. Иногда складывается впечатление, что стратегия понимается О. Н. Паршиной как диалогический феномен, тактика — как монологический, однако не разведены диалогические и монологические тактики (*тактики оскорбления, обвинения*, например, явно монологические, тогда как *тактики опаривания, разъяснения* — диалогические). Иногда стратегии понимаются как невербальные феномены, реализуемые через речевые тактики, но при этом не противопоставлены, например, невербальная стратегия удержания власти и чисто речевая аргументативная стратегия. Автор справедливо отмечает, что часто одни и те же приемы могут быть отнесены и к стратегиям, и к тактикам (например, *манипулирование*, с. 98), но довольно трудно согласиться с тем, что являются тактиками, а не стратегиями, например, тактика (?) критики, комментирования, единения. Что же касается тактики (?) «учета ценностных ориентиров адресата» (с. 141), то она соотносится с такими общими, фундаментальными закономерностями коммуникации, что ее вряд ли можно отнести даже к стратегиям.

Наконец, нельзя не отметить, что в некоторых случаях при анализе конкретного речевого материала, содержащего несомненные моменты жанровой организации и жанровой системности, достижение подобной терминологической четкости выступает второстепенной задачей по сравнению с выявлением действительно значимых моментов этой системности. В то же время слишком большая сложность (и противоречивость) терминологического аппарата жанроведения иногда оказывает плохую услугу исследователю-практику, который чувствует, что, прежде чем браться за анализ конкретного материала, ему, естественно, необходимо разобраться во всей этой терминологической мешанине. Интересно, как часто в таких случаях несомненно содержательные исследования успешно осуществляются вообще в не данных теоретических и терминологических вопросов.

Ср., например, как подходит к вопросам терминологического характера Л. В. Балашова в своем исследовании, посвященном комму-

никативным ценностям у носителей внелитературных — жаргонной и просторечной — речевых культур, стоящим за разными речевыми жанрами:

«Как известно, в теории речевых жанров еще не решена проблема выделения списка жанров внутри данной речевой культуры, а также основания такого выделения. В данной статье мы будем использовать следующие термины: 1) речевой жанр — во-первых, коммуникативно-речевые явления, именуемые речевыми жанрами в большинстве работ по теории РЖ (например, автобиография, объяснительная записка, донос, приказ); во-вторых, монологические и одноактные типы высказываний, которые в прагмалингвистических исследованиях также часто называются речевыми актами (например, угроза); 2) гипержанр — коммуникативно-речевое явление, структура которого имеет жанровую природу, но единицы, определяемые нами как речевые жанры 1), относятся к данному феномену или как к модели большей степени абстракции, т. е. вступают с ним в гипонимические отношения (ср.: объяснительная записка, донос — официальная бумага, документ), или как его структурные элементы, т. е. вступают с ним в отношения “часть-целое” (ср.: дача показаний, донос — разговор со следователем); 3) сложное речевое событие — частичный синоним термина “гипержанр 2”, в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть процесс, развертывание данного события во времени, последовательность его отдельных частей, среди которых многие могут быть определены как речевые жанры 1) В целом вопросы терминологического характера выходят за пределы настоящего исследования, хотя их важность для успешного решения поставленных нами задач несомненна» [Балашова 2007: 22].

Завершая главу эту приведем несколько положений из знаковой статьи В. А. Салимовского «Есть ли у жанроведения границы в пределах коммуникативной лингвистики?» (2002), с которыми мы вполне солидарны: «⟨...⟩ объект жанроведения не имеет строгих очертаний, ⟨...⟩ он не ограничен высказыванием (текстом) как таковым, но выходит в область собственно коммуникации, социального речевого взаимодействия говорящих. Неудивительно поэтому, что теория жанров речи разрабатывается в недрах целого ряда направлений современной коммуникативно-функциональной лингвистики и шире — гуманитарного знания: в лингвистической антропологии, социолингвистике, лингвопрагматике, когнитологии, в лингвистике текста, стилистике, риторике, поэтике, в культурологии, этнографии и др.» [Салимовский 2002b: 52], поскольку «⟨...⟩ идеи Бахтина обладают значительным

потенциалом для синтеза различных подходов в жанроведении и — шире — в коммуникативной лингвистике. Очень разные, казалось бы, по своим задачам концепции, будучи соотнесенными с широким кругом идей внутренне цельного бахтинского наследия, предстают как вполне совместимые и дополняющие друг друга» [Там же: 55].

Таким образом, понятие речевого жанра, получая несколько разные толкования и выступая в разных своих аспектах, остается одной из наиболее актуальных моделей, используемых в лингвистике для объяснения формальной и содержательной структуры речи.

ГЛАВА III

Классификация речевых жанров

3.1. Основания классификации речевых жанров

Проблема классификации РЖ, выделения типов РЖ, наряду с вопросами, что такое речевой жанр, что является и что не является речевым жанром и где границы между речевым жанром и смежными, более или менее генетически близкими явлениями, относится к наиболее важным и актуальным проблемам теории речевых жанров. В то же время классификация речевых жанров — одно из наиболее сложных и дискуссионных направлений современной ТРЖ.

До сих пор не существует единой общепринятой типологии РЖ — в лучшем случае это списки РЖ, по возможности подробные. Кроме того, к сожалению, ни одну из предложенных классификаций речевых жанров нельзя признать оптимальной и принять некритично. В то же время опыт типологических исследований в лингвистике речи является в целом достаточно богатым и полезным.

Работы, в которых затрагиваются аспекты речежанровой типологизации, можно разделить на четыре группы.

Во-первых, это типологические идеи самого М. М. Бахтина, который считал проблему классификации речевых жанров одной из важнейших составляющих общей проблемы речевых жанров. Хотя ученый не разработал четкой классификации речевых жанров, в его наследии находим немало отдельных соображений как о многообразии и списках отдельных РЖ, так и о принципах классификации РЖ, пусть начальных.

Во-вторых, это работы последователей Бахтина: сюда относятся с одной стороны, широко известные в настоящее время классификации речевых жанров Н. Д. Арутюновой и Т. В. Шмелевой (эти классификации РЖ являются не только в высокой степени общими, что затрудняет их использование в качестве рабочего инструментария на практике, но и ярко выраженными «дедуктивными классификациями»: типы речевых жанров выделяются в них ДО обращения к конкретному речевому материалу); с другой стороны — работы многих последователей Бахтина, которые, как и он сам, составляют более или менее обширные списки отдельных РЖ, не претендуя на универсализм и общие

для всех жанров основания классификации, — М. В. Панова, А. Вежбицкой. В этом отношении важно отметить, что в работах названных исследователей решаются, кроме собственно типологической, еще и национально-культурная и сопоставительная проблемы: подчеркивается, что речь идет о жанрах только внутри данной национально-речевой культуры (для Панова и Вежбицкой — соответственно позднесоветской русской и польской).

М. В. Панов более сорока лет назад составил первоначальный список русских речевых жанров (как фактор, играющий важную роль в развитии советского общества и русского языка XX в.): «для изучения внешних и внутренних закономерностей в развитии русского языка нашей эпохи особенно важно историческое описание таких речевых жанров:

I. Передовая статья в газете; официальная речь на внешнеполитическую тему; выступление на митинге; прокламация; судебная речь; газетный фельетон;

II. Начальные разделы учебника по общеобразовательной дисциплине; газетный отчет о научном совещании;

III. Законодательный акт; воинский устав; деловое соглашение;

IV. Лирическое стихотворение;

V. Бытовой диалог; дружеское письмо» [Панов 1962: 97–98].

А. Вежбицкая [Вежбицка 1997: 103–109] выделяет и описывает на разработанном ею семантическом метаязыке список из 38 польских речевых жанров (жанры приводятся в том порядке, в каком их располагает сама Вежбицкая): *вопрос, просьба, приказ, угроза, предостережение, разрешение, благодарность, поздравление, соблазнование, извинение, комплимент, похвальба, жалоба₁ и жалоба₂, выступление (речь), лекция, популярная лекция (rogadanka), доклад, разговор, дискуссия, спор, ссора, воспоминание, мемуары, автобиография, повестка дня, протокол, объяснение, сообщение, объявление, циркуляр, распоряжение, шутка, анекдот, флирт, тост, донос, свидетельство.*

В-третьих, это исследования, посвященные отдельным типам и, соответственно, группам жанров — этикетным (Т. В. Тарасенко, Ю. В. Казачкова), жанрам положительного и отрицательного эмоционального воздействия (М. Ю. Федосюк), жанрам деловой речи (Т. В. Анисимова), жанрам естественной письменной речи (Н. Б. Лебедева), мягким и жестким жанрам властного дискурса (Е. И. Шейгал, И. С. Черватюк), жанрам англосаксонского властного дискурса

(А. В. Олянич, Т. Н. Астафурова) и др. В большинстве названных исследований, как правило, осуществляются попытки и внутренней классификации, т. е. попытки показать, как относятся друг к другу жанры внутри данной группы, какие, соответственно, здесь существуют поджанры, субжанры и т. д.

Но, пожалуй, наибольшее число работ, посвященных данной проблеме теории речевых жанров, находим, как ни странно, не в собственно жанроведческих исследованиях, а в чрезвычайно многочисленных и неоднородных по принятым концепциям и используемым методам исследованиях по дискурсу, посвященных классификациям т и п о в д и с к у р с а на разных основаниях.

Конечно, далеко не все исследователи дискурса и его типов пользуются речезанровой терминологией и выделяют жанры речи даже в широком значении. Кроме того, само по себе выделение типа дискурса (например, *бытийного персонального*, по В. И. Карасику) еще не является залогом того, что после непременно будет найдена рабочая основа для изучения собственно жанров — как вычленения и внутренней классификации, так и для описания отдельных жанров. В то же время не следует и недооценивать опыт такого рода: любая типологическая идея может стать начальным импульсом будущего исследования — в данном случае дальнейшего (жанрового) членения и осмысления соответствующего типа дискурса.

В статье М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров», как и в других его работах, нет ничего похожего на четкую, законченную типологию РЖ: «номенклатуры устных речевых жанров пока не существует, и даже пока не ясен и принцип такой номенклатуры» [Бахтин 1996: 182]. Если и приводятся подряд несколько (названий) РЖ, то в основном как иллюстрация того, что «богатство и разнообразие речевых жанров необозримо» [Там же: 159], поскольку каждая из сфер человеческой деятельности связана с «целым репертуаром» жанров, и как следствие этого затруднено их изучение.

Бахтиным не разработаны критерии разграничения жанра и его разновидности. Указывается лишь на крайнюю разнородность речевых жанров, из-за которой эта проблема в целом ранее и не ставилась: «Где можно говорить о двух жанрах, а где об одном — достаточно неясно» [Алпатов 2005: 321]. В частности, М. М. Бахтин пишет: «К речевым жанрам мы должны отнести и короткие реплики бытового диалога ⟨...⟩, и бытовой рассказ, и письмо (во всех его разнообразных формах), и короткую стандартную военную команду, и доволь-

но пестрый репертуар деловых документов (в большинстве случаев стандартный), и разнообразный мир публицистических выступлений (...), но сюда же мы должны отнести и многообразные формы научных выступлений и все литературные жанры (от поговорки до много-томного романа)» [Бахтин 1996: 160]. Далее этот список пополняется: Бахтин упоминает различные типы устного диалога — салонного, фамильярного, кружкового, семейного, общественно-политического, философского и др. [Там же: 165–166], а также РЖ «непубликуемых сфер внутренней речи» [Бахтин 1979: 297]. Отметим также, что в приведенной цитате вся личная переписка признается единым жанром, тогда как в другом месте говорится о «стандартных типах жанров», к которым отнесены «жанры приветствий, прощаний, поздравлений, пожеланий всякого рода, осведомлений о здоровье, о делах и т. п.» [Бахтин 1996: 181–182].

В то же время две, пожалуй, наиболее значительные идеи в области классификации РЖ в целом (особенно если говорить об их огромных объяснительных потенциях, к сожалению еще далеко не в полной мере раскрытых и востребованных в современной ТРЖ) принадлежат именно М. М. Бахтину.

Так, во-первых, в статье М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров» высказывается идея о **делении речевых жанров на первичные (простые) и вторичные (сложные)**. Первичные жанры связаны с «непосредственным речевым общением», они относятся к «бытовой жизни». «Вторичные (сложные) речевые жанры — романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т. п. — возникают в условиях более сложного и относительно высоко-развитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного)» [Бахтин 1996: 161]. Вторичные жанры могут вбирать в себя первичные (реплики диалога в романе и т. д.), но там эти первичные жанры утрачивают связь с непосредственной ситуацией общения и выступают как части более сложного высказывания.

В целом идея первичных и вторичных жанров Бахтина получила некоторое развитие у его последователей. Этого, к сожалению, нельзя сказать о втором предложенном Бахтиным основании классификации РЖ, которое по своим объяснительным возможностям, думается, не уступает первому, но осталось почти незамеченным «широкой лингвистической общественностью». (Во всяком случае, даже один из наиболее тонких исследователей речевых идей Бахтина В. М. Алпатов назвал данную идею «скорее относительной, чем абсолютной»)

[Алпатов 2005: 322].) Возможно, это связано с тем, что данная идея высказывается Бахтиным непосредственно после идеи о первичных и вторичных РЖ, как бы вскользь, и больше Бахтин к ней никогда не возвращался, тогда как проблема вторичных РЖ частично затрагивается в статье «Проблема речевых жанров» и в архивных записях к ней.

Идея, о которой идет речь, — разграничение **стандартизированных жанров** типа **приветствия** и **поздравления**, где говорящий очень мало что может привнести от себя, и **более «свободных» жанров** [Бахтин 1996: 181–182].

Обе эти идеи, как и их последующее развитие в современной ТРЖ, будут подробно рассмотрены нами ниже (см. §§ 3.2 и 3.3). Пока отметим, что мысль о построении типологии речевых жанров не оставляла М. М. Бахтина на протяжении всей его жизни. В архивных записях к «Проблеме речевых жанров» читаем: «Классификация речевых жанров: 1) диалогические и монологические, 2) первичные и вторичные (специализированные и конструктивные); <...> Несущественность деления на разговорные и книжные жанры» [Бахтин 1996: 235].

Работа в этом направлении развернулась в основном после Бахтина: первые серьезные попытки построить типологию РЖ были предприняты уже не самим Бахтиным, а его последователями [Кожевникова 1979; Brown, Yule 1983; Земская 1988: 42–43; Арутюнова 1992; Шмелева 1997].

Как уже отмечалось в первой главе, для наиболее раннего периода осмысления РЖ характерно использование основных положений теории речевых актов. Так, при построении классификации РЖ на этом этапе в целом наибольшее распространение получает **иллокутивно-целевой критерий**, принятый в ТРА.

На этом основании Т. В. Шмелева выделяет (это первый пункт ее известной «анкеты речевого жанра», подробно рассмотренной в § 2.2) четыре класса РЖ: информативные, оценочные, перформативные (формируют события социальной действительности: *приветствия, поздравления* и т. д.), императивные («содействуют» осуществлению событий с разной степенью императивности: *просьбы, советы* и т. д.) [Шмелева 1992: 12–13].

В пятичленной типологии Н. Д. Арутюновой выделяются: д–1 информативный диалог, д–2 прескриптивный диалог, д–3 обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины (*спор, дискуссия*), д–4 диалог, имеющий целью установление или регулирование

межличностных отношений, д–5 праздноречевые жанры (эмоциональный, артистический и интеллектуальный диалоги) [Арутюнова 1992: 53–55].

Г. Браун и Г. Гюль выделяют три вида SECE (английской литературно-разговорной речи): Phatic 1 (контактоустанавливающие формы), Phatic 2 (светский разговор и т. д.), Meaningful talk (собственно транзакциональное общение, информативная речь [Brown, Yule 1983]).

Интересно, что с этой точки зрения практически во всех типологиях обращает на себя внимание отчетливое противопоставление **жанров информативной речи** и **жанров фатической речи**. Как представляется, противопоставление двух полярных речевых **замыслов** — фатики и информатики, сформулированное в наиболее четком виде Т. Г. Винокур, успешно могло бы претендовать на роль адекватного основания классификации РЖ.

Фатика понимается Т. Г. Винокур как вступление в общение, имеющее целью предпочтительно само общение. Генеральной фатической интенцией является удовлетворение потребности в общении — кооперативном или конфликтном, с разными формами, тональностью, отношениями (степенью близости) между коммуникантами. **Информатика** понимается как вступление в общение, имеющее целью сообщение чего-либо [Винокур 1993а, 1993б]. В целом, писала Т. Г. Винокур, «(...) термин “фатическая речь” естественным образом расширяет рамки объекта, располагая внутри его следующие типологически обособленные звенья: а) конативную функцию элементарного содержания (вступление в контакт, его поддержка и проверка); б) область речевого этикета в целом; в) бытовые диалоги и бытовое повествование; г) художественные диалоги и повествование, стилизованные под бытовые» [Винокур 1993а: 135; Винокур 1993б: 8]. Начальным контактным импульсом обусловлены такие качества всех разновидностей фатической речи, как десемантизация лексики, тривиальность тем, большое количество речевых наполнителей, наличие строго регламентированных и постоянно воспроизводящихся клише и формул [Драздаускене 1970: 3–7], деонтическая и эмоциональная модальность [Арутюнова 1992: 55], способность быть регулятором психического состояния людей [Арутюнова 1992: 55; Матвеева 1996: 218].

Именно наличие этого универсального принципа — противопоставления фатики и информатики — позволяет надеяться на «прими-

рение» разных моделей и построение когда-нибудь единой, общепризнанной и адекватной материалу типологии РЖ.

Важными, востребованными во многих типологиях РЖ, а также при работе с конкретным жанрово-типизированным речевым материалом представляются также противопоставление **риторических и нериторических, конвенциональных и неконвенциональных жанров**. Согласно О. Б. Сиротининой, в риторических жанрах адресант стремится построить высказывание, с его точки зрения, наиболее эффективным способом [Сиротинина 1999: 28]. Следует отметить, что данное деление часто понимается как тяготение к «верху» и «низу» коммуникативного пространства. Риторические жанры (*светская беседа, застольные жанры*) обслуживают главным образом неофициальные, но публичные коммуникативные ситуации [Седов 2001].

Риторические жанры, делающие коммуникативные действия более воздейственными, придают речи большую организованность, системность (т. е. прямоту), поэтому являются важным фактором в общей природе и назначении жанров речи — служить коммуникативными аттракторами.

Противопоставление конвенциональных и неконвенциональных жанров терминологически восходит к принятому в прагматике противопоставлению конвенциональных и неконвенциональных косвенных речевых актов, представляющему собой важнейшую типологическую характеристику РА: выделяются **конвенциональные косвенные РА** (*Can you open the door?*) и высказывания, **не имеющие узуально закрепленного за ними значения**, употребляемые лишь в определенных условиях в роли другого речевого акта (*It is late* — как побуждение к действию) [Поспелова 1988: 143–145].

Онтологически же данное противопоставление гораздо важнее: речь идет, по сути, о типах РЖ различающихся по степени жесткости, или двух типах коммуникативных аттракторов (это же, по сути, касается и противопоставления речевых и риторических жанров), — данный критерий, как мы показали, был предложен в качестве одного из важнейших в типологии РЖ самим М. М. Бахтиным.

Конвенциональные жанры диктуют адресату речи четкую интерпретацию коммуникативных намерений адресанта. Конвенциональные первичные простые речевые жанры по своей природе близки иллюкутивным (речевым) актам. Их можно типологизировать на целевой основе (Дж. Остин, Дж. Серль), например **вопрос**: *Ну ты была в*

больнице? Как там Марина?»; **просьба:** (ПО ТЕЛЕВИЗОРУ ПЕРЕДАЮТ КОНЦЕРТ, СЛЫШИНА МУЗЫКА) Никита, убавь, пожалуйста, это... эту... — Да/муру.

Неконвенциональные жанры соотносимы не с типическими интенциями, а с бесконечно многообразными интенциональными состояниями адресата и порождают нечеткую интерпретацию. Например, интенциональное состояние — **воздействие:** (А. ВХОДИТ В КОМНАТУ, ГДЕ НАХОДЯТСЯ Б. И В., ПОГРУЖЕННЫЕ В РАБОТУ) А. Кто как хочет/но время обеденное // — Б. Угу // (А. МОЛЧА СОБИРАЕТСЯ И УХОДИТ ОБЕДАТЬ). Высказывание *Кто как хочет/но время обеденное* можно истолковать как предложение пойти пообедать вместе, однако А. не пытается уговорить коллег, и ее удовлетворяет неопределенная ответная реплика Угу.

В целом только по отношению к конвенциональным косвенным речевым актам можно говорить о «правильном» и «неправильном» понимании. Большинство реально используемых в разговорной речи косвенных речевых актов не предполагают единственной «правильной» реакции (хотя в реальных диалогах коммуниканты обычно все же находят способы согласовывать свои реплики с репликами собеседника). По мнению М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой, «Сигналом правильности понимания служит ответная реакция адресата (...): А. У нас ведро полное // Б. Щас вынесу // (просьба в виде сообщения); А. Так спина болит // Б. Бедняга! (жалоба в виде сообщения); А. Обед готов! Б. Щас иду // (приглашение в виде сообщения); А. А позвонить трудно было? Б. Извини/не догадался // (замечание в форме вопроса)» [Китайгородская, Розанова 1999: 39].

Чем в меньшей степени конвенциональным является косвенный РА, тем больше возможностей разнообразных реакций на него. Ср. пример из «Вишневого сада» А. Чехова.

В а р я. В августе будут продавать имение...

А н я. Боже мой...

Л о п а х и н (ЗАГЛЯДЫВАЕТ В ДВЕРЬ И МЫЧИТ). Ме-е-е... (УХОДИТ).

В а р я (СКВОЗЬ СЛЕЗЫ). Вот так бы и дала ему... (ГРОЗИТ КУЛАКОМ).

А н я (ОБНИМАЕТ ВАРЮ, ТИХО). Варя, он сделал предложение? (ВАРЯ ОТРИЦАТЕЛЬНО КАЧАЕТ ГОЛОВОЙ.) Ведь он же тебя любит... Отчего вы не объяснитесь, чего вы ждете?

В а р я. Я так думаю, ничего у нас не выйдет...

Можно ли интерпретировать «мычание» Лопихина только как коммуникативную неудачу? Нет, нельзя, поскольку адресатом — Варей — из него вычитывается определенный коммуникативный смысл: Лопихин не собирается делать предложение. В то же время «мычание» не означает прямого и определенного отказа, это скорее показатель продолжения отношений, пусть не очень серьезных.

На неконвенциональные РЖ приходится основная часть общего пространства устного спонтанного непосредственного общения, особенно в области фатических РЖ.

Несомненна связь самих принципов противопоставления риторических и нериторических, конвенциональных и неконвенциональных жанров с противопоставлением первичных и вторичных РЖ по М. М. Бахтину. Ср. в этой связи высказывание Ю. М. Лотмана: «в каждом коллективе с относительно развитой культурой поведение людей организуется основным противопоставлением: 1) обычное, каждодневное, бытовое, которое самими членами коллектива воспринимается как “естественное”, единственно возможное, нормальное; 2) все виды торжественного, ритуального, внепрактического поведения: государственного, культового, обрядового, воспринимаемые самими носителями данной культуры как имеющие самостоятельное значение. Первому носителю данной культуры учатся, как родному языку, — погружаясь в непосредственное употребление, не замечая, когда, где и от кого они приобрели навыки пользования этой системой. (...) Второму типу поведения учатся, как иностранному языку, — по правилам и грамматикам, сначала усваивая нормы, а затем уже, на их основе, строя “тексты поведения”» [Лотман 1992: 249].

Главная трудность, с которой сталкивается исследователь, строящий типологию РЖ, — поиск адекватного основания классификации. Каждому из использовавшихся оснований присущи определенные недостатки. С помощью иллюкутивно-перформативного критерия, наиболее распространенного в прагмалингвистике, с одной стороны, трудно противопоставить жанры, непосредственная иллюкутивная цель которых может совпадать, например *просьбу* и *ходатайство* (как указывает Н. В. Орлова, данные жанры различаются прежде всего стилистически; стилистический критерий позволяет различать и жанры, для названия которых используется одно и то же слово, например *признание в суде* и *признание в любви* [Орлова 1997: 51–52]). С другой стороны, трудно свести воедино: а) жанры с очень специфическими целями, например *флирт*, *розыгрыш*; б) различные «пустые»

разговоры, коммуникативная цель которых подчас весьма неопределенна. Методика компонентного анализа удобна, когда один РЖ противопоставлен другому по одному дифференцирующему признаку (в реальной речи РЖ противопоставлены обычно целым комплексом признаков, например *флирт — дружеской беседе*).

3.2. Противопоставление первичных и вторичных жанров

3.2.1. Разные определения жанровой вторичности

Напомним концепцию М. М. Бахтина, изложенную в ставшей классической статье «Проблема речевых жанров», а также в других его работах:

«Вторичные (сложные) речевые жанры — романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т. п. — возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного): художественного, научного, общественно-политического и т. п. В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного общения. Эти первичные жанры, входящие в состав сложных, трансформируются в них и приобретают особый характер: утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям; например, реплики бытового диалога или письма в романе, сохраняя свою форму и бытовое значение только в плоскости содержания романа, входят в реальную действительность лишь через роман в его целом, т. е. как событие литературно-художественной, а не бытовой жизни. Роман в его целом является высказыванием, как и реплика бытового диалога или частное письмо (он имеет с ними общую природу), но в отличие от них это высказывание вторичное (сложное)» [Бахтин 1996: 161–162].

М. М. Бахтин подчеркивает, что деление речевых жанров на первичные и вторичные «существенно» и в то же время «не функционально» [Бахтин 1996: 161]. «Бихевиористическая» (дескриптивистская) лингвистика, по мнению исследователя, есть крайний случай «ориентации на первичные жанры» [Там же: 162].

В книге о Франсуа Рабле М. М. Бахтин писал об «амбивалентных» жанрах *проклятия/похвалы, оскорблений, божбы*, имевших важное сакральное значение в средневековой карнавальной речи (они высту-

пали «своего рода формулами откровенной правды» [Бахтин 1990: 35]) и утративших его в современной речи: «⟨...⟩ от этого амбивалентного возрождающего смысла в современных ругательствах почти ничего не осталось, кроме голого отрицания, чистого цинизма и оскорбления. ⟨Хотя в них⟩ как бы дремлет смутная память о былых карнавальных вольностях и карнавальной правде» [Там же].

Достаточно близко вторичным РЖ явление переакцентуации, о которой М. М. Бахтин писал в статье «Проблема речевых жанров»: «речевые жанры вообще довольно легко поддаются переакцентуации, печальное можно сделать шутивно-веселым, но в результате получается нечто новое (например, жанр шутивной эпитафии)» [Бахтин 1996: 192]. По-видимому, переакцентуация не сводится к неким первоначальным колебаниям, обозначающим в истории языка начало пути от первичных жанров к вторичным. Упоминание Бахтиным «жанра шутивной эпитафии» позволяет говорить как о несобственном употреблении существующего жанра, так и о создании нового жанра.

Нетрудно заметить, что к вторичным РЖ близко такое понятие, детально рассмотренное в статье М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров», а также в более ранних работах Бахтина (Бахтина Волошинова), как явление передачи чужой речи (несобственно-прямая речь и косвенная речь). Сама сущность явления вторичного РЖ, по Бахтину, заключается в «условном разыгрывании речевого общения и первичных речевых жанров» [Там же: 174].

М. М. Бахтин пишет по этому поводу: «отношения между воспроизведенными первичными жанрами, хотя они и оказываются в пределах одного высказывания, не поддаются грамматикализации и сохраняют свою специфическую природу, принципиально отличную от отношений между словами и предложениями» [Бахтин 1996: 174]. Однако в книге В. Н. Володинова/М. М. Бахтина «Марксизм и философия языка» [Волошинов 1993: 125–174] речь идет именно о грамматикализации в языке отношений типа «Я ~ “НЕ-МОЯ” речь», т. е. диалогических отношений («истинным предметом исследования должно быть именно динамическое взаимоотношение этих двух величин — передаваемой (“чужой”) и передающей (авторской) речи. Ведь реально они существуют, живут и формируются только в этом взаимодействии, а не сами по себе в своей отдельности» [Волошинов 1993: 129]). Ср. богатый фактический материал и интереснейшие наблюдения исследователя над языковыми средствами, используемыми для данной цели в русском, немецком и французском языках. Так, по

мнению исследователя/исследователей, «синтаксические шаблоны передачи чужой речи в русском языке (...) чрезвычайно слабо развиты» — между двумя шаблонами: *прямая речь* и *косвенная речь* — «нет резких различий», в то время как «во многих других языках косвенная речь синтаксически резко отличается от прямой (специальное употребление времен, наклонений, союзов, личных слов), так что в них существует специальный и очень сложный шаблон косвенной передачи речи» [Волошинов 1993: 136].

При передаче чужой речи «и целые высказывания, и отдельные слова могут сохранять свою чужую экспрессию, но могут и переакцентуироваться (иронически, возмущенно, благоговейно и т. п.), чужие высказывания можно пересказывать с различной степенью их переосмысления» [Бахтин 1996: 196]. Таким образом, передача чужой речи при помощи формул косвенной речи требует от адресанта множественной интерпретации, в отличие от прямой речи, просто воспроизводящей чужую речь (*Павел сказал: «Завтра приеду»* — тут адресанту нечего додумывать). Тем самым, кстати, косвенная речь относится к обширному полю непрямой коммуникации, где находятся и косвенные речевые акты¹, и косвенные речевые жанры, и вторичные речевые жанры, как будет показано ниже. Диадная сущность косвенной речи, как и других явлений непрямой коммуникации, состоит в некоторой принципиальной разнородности, «разнопринадлежности» структурных составляющих. Так, «прямой» можно считать синтаксическую конструкцию, в пределах которой существуют отношения типа: а) «Я ~ “МОЯ” речь»; б) «Окружающий мир ~ место в нем некоторого объекта (“ОН”)». Соответствующие трансформированные косвенные модели оформляют отношения: а) «Я ~ чужая речь»; б) «Окружающий мир ~ объект, который является “МОЕЙ” речью».

Концепция вторичных РЖ М. М. Бахтина, как и концепция РЖ в целом, не может претендовать на звание завершенной, непротиворечивой теории. Попытаемся сформулировать ряд проблемных вопросов данной предметной области, которые, как нам представляется, в первую очередь требуют своего решения.

Прежде всего таким проблемным вопросом является проблема **типизации** и **типологизации**: Бахтин почти ничего не говорит о возможности типологизации переакцентуации и классификации вторичных РЖ. (Очевидно, например, что *реплика в романе*, переосмысленная как вторичный РЖ, и отношения между *просьбой* и *молитвой* представляют собой разные типы переакцентуации.)

¹ Кстати, термин «косвенный речевой акт», несомненно, произведен именно от термина «косвенная речь».

Остальные проблемы в значительной степени обусловлены первой. Сформулированные М. М. Бахтиным принципы разграничения первичных и вторичных речевых жанров не позволяют определить, какого рода **связь** сохраняется у вторичного жанра с первичным (возможен ли «возврат» к первичному жанру, или данная связь существует только на периферии жанрового сознания коммуникантов как своеобразная «память жанра»); остается неясным вопрос о ситуативной обусловленности перехода из первичных речевых жанров во вторичные). Возможно, характер данной связи и следует считать тем критерием, который позволяет отграничивать переакцентуацию от собственно вторичных РЖ.

Несмотря на то что все эти вопросы в целом еще далеки от своего решения, проблема первичных и вторичных речевых жанров уже получила некоторое рассмотрение в жанроведении, причем решается она в трех разных направлениях.

1. Первое направление, наиболее близкое по духу к идеям Бахтина, понимает вторичный РЖ как онтологически производный от первичного [Байрамуков 2002; Бобырева 2007а, 2007б, Ионова 2006; Кобзеева 2006; Прибыткова 2004; Татарникова 2004; Ширипкина 2001]. Вторичный РЖ отличает от первичного сфера функционирования, или стилистическая обработка. Так, согласно Н. В. Орловой, одним и тем же речевым словом обозначаются *признание в суде* и *признание в любви*; *исповедь в церкви*, *исповедь*, адресованная близкому человеку, и *исповедь* как жанр публицистики (ср. «Исповедь на заданную тему» Б. Н. Ельцина). В то же время нередко разные речевые слова описывают одни и те же речевые действия. Ср. *бытовую угрозу* и *ультиматум*, *просьбу* и *ходатайство*, речевые действия, выражаемые глаголами *порицать* и *ругать*. «Очевидно, — пишет Н. В. Орлова, — что слова в парах различаются лишь стилистической маркированностью одного из них, а описываемые ими высказывания (тексты) соответствуют понятиям первичного (в РР) и вторичного (в книжных стилях) жанров М. М. Бахтина» [Орлова 1997: 51–52]. В отношениях первичных ~ вторичных речевых жанров состоят, например, *молитва* и *просьба*; *шутка*, бытующая в разговорном общении, и книжные *бурлеска* и *велеризм* (см.: [Шурина 1999]); экзаменационный и риторический вопросы и *информативный диалог* (make-know discourse); *обмен мнениями с целью принятия решения* или *выяснения истины* (make-believe discourse) и «Диалог» Платона [Арутюнова

1992: 52–53]. В работе [Андреева 2008] доказывается генетическая производность *опровержения* в институциональном дискурсе от *возражения* в обиходном дискурсе. Вл. Барнет усматривает «отношения производности» между письменными и соответствующими устными жанрами научной речи (например, жанр устного реферата можно рассматривать как производный от жанра письменного реферата): «Со значительными ограничениями такое утверждение действительно применимо к отношению “раздел монографии — лекция”, “рецензия — дискуссионное выступление” и вызывает сомнение в отношении пары “инструкция — консультация”, отношение которых является в значительной степени свободным» [Барнет 1985: 129].

Аналогично понимает вторичные РЖ Т. Добжиньска, при этом она считает, что само бахтинское противопоставление «первичные — вторичные РЖ» имеет два разных значения. В первом первичные жанры понимаются как «разговорная» основа вторичных. (Данный факт, кстати, позволяет литературоведению, изучающему, как известно, вторичные речевые жанры, воспользоваться достижениями лингвистики текста, прежде всего в области прагматики: единство «Я–ТЫ», общность апперцепционной базы коммуникантов, тематематическое структурирование текста.) Ср. перенесение в поэзию жанровых структур сакрального языка (молитвы, мольбы, гимны в польской поэзии времен I и II мировых войн); литературные адаптации публицистических жанров (репортажи, хроники происшествий, реклама в поэзии футуризма). Второе значение вторичных речевых жанров и есть бахтинская переакцентуация. Например, псалмы, опирающиеся на мотив «преследования невинного», первоначально были связаны с практикой «божьего суда» (обвиняемый ждал приговора, а перед этим жаловался на преследователей и просил снять с себя вину). Формы мольбы этого типа утратили свое архаичное институциональное назначение и изменили жизненный контекст: они стали формой *молитвы-мольбы* [Dobrzyńska 1992: 78–80].

Несомненно, в названных концепциях содержится много ценного. Думается, можно считать доказанным, что новая сфера общения всегда порождает вторичные РЖ.

В то же время нам представляется, что меняется не столько сфера, сколько общий культурный фон, на котором люди используют речь с определенными целями. Есть все основания полагать, что наши предки в дописьменный период не различали РЖ *спор* и *ссора* (по данным диалектологов, это свойственно и современным

носителям диалекта [Гольдин 1997b]). Впрочем, за это время *спор* настолько отошел от *ссоры*, что уже не воспринимается как вторичный РЖ. Вполне возможно, что подобные отношения связывают *брань* и *рукоприкладство*, *комплимент* и *поцелуй*, *извинение* и *объяснение*, *поздравление* и *зов*. Связь *молитвы* с *благодарностью* или *просьбой* уже гораздо более очевидна, тем более — *дипломатической ноты* с *угрозой*, *дружеской лирики* (например, А. С. Пушкина) с *дружеской беседой*.

По нашему мнению, решение проблемы вторичных РЖ имеет большое объяснительное значение для более общих вопросов лингвистики/филологии — истории языка, отношения языка и речи/коммуникации, отношения речи художественной и нехудожественной.

По-видимому, исторически изменение какого-то из компонентов фона (межличностные отношения (близость, статус), канал связи) всегда приводит к изменениям жанра; но правила нового жанра немедленно охватывают и другие аспекты речи (как, например, произошло со *светской беседой*, если сравнить ее с *болтовней* или *сплетнями*, или с жанрами виртуального общения (*блог*, *форум*, *чат*), если сравнить их с *перепиской*, *дневником*, *обменом записочками*, наконец, *дружеской беседой*). Важно, что любое изменение всегда не только что-то добавляет, но одновременно что-то ограничивает (иногда — довольно много), порождает один или целую серию запретов.

Меняться могут и более абстрактные вещи, например само представление о межличностной близости, автономии и других правах и потребностях личности, уважении к собеседнику, допустимом и недопустимом в речи.

Много информации в этом плане предоставляют нам и с т о р и к о - к у л ь т у р н ы е и э т и м о л о г и ч е с к и е д а н н ы е.

Так, многие современные жанры вполне определенно возводятся к языческим мифологическим представлениям, ритуалам, обрядам, культам (ср. о сакральных функциях инвектив в древности [Жельвис 1997а; Успенский 1996] или о дионисических празднествах и соревнованиях, давших, по мнению О. М. Фрейденберг, начало современным играм, в частности сексуальным [Фрейденберг 1997: 103–117]). Названия многих речевых действий также вполне определенно отсылают к деяниям и взглядам древних, нам совершенно чуждым, например: *перемывать косточки* (первоначально — перекладывать и очищать останки умершего родственника в саване, что сопровождалось рассказами и воспоминаниями о нем), *сказать подлинную правду*

(под кнутом палача — *подлинником*), *нести ерунду* (от *герундий* (лат.), т. е. что-то малопонятное), *на бобах разводиться* и *разводить бодягу* (*бодяга* — губка), *точить лясы* (столбики для перил; у мастеров эта монотонная работа обычно сопровождалась разговорами), *врет как сивый мерин* (сивая лошадь считалась глупой/порочной у славян).

2. Вторичный РЖ понимается как тип текстов, прежде всего диалогических, структурным элементом которых выступает первичный РЖ (речевой акт). Как уже говорилось в предыдущей главе, многие современные исследователи видят в РЖ тип не высказывания, а текста, рассматривают текстовую структуру разных жанров и выделяют, в зависимости от степени сложности этой структуры, типы жанров: например, М. Ю. Федосюк выделяет элементарные и комплексные жанры [Федосюк 1997а: 104], А. Г. Баранов [Баранов 1997: 8] и Ст. Гайда — простые и сложные.

В этой связи ср. схему, которую М. Н. Кожина предлагает: РА и первичный РЖ (как элементарные речевые единицы при первом шаге, ступени анализа речи) → вторичный РЖ (как сложный РЖ, исследуемый на следующей ступени анализа речевого континуума и проблемы речевых жанров) [Кожина 1999а: 59]. Эта схема приводит исследовательницу к выводу, что положение о том, что РЖ есть отечественный аналог РА, лишь в какой-то мере справедливо относительно первичных РЖ, но не вторичных.

Это направление относительно хорошо разработано, однако в целом проблема структуры РЖ еще далеко не решена. Именно «композиция РЖ» (согласно Бахтину, «определенные типы построения целого, типы его завершения, типы отношения говорящего к другим участникам речевого общения» [Бахтин 1996: 179]) традиционно считалась важнейшим аспектом высказывания. Данное направление жанроведения активно использует достижения лингвистики текста, в которой РЖ обычно понимается как системно-структурный феномен, представляющий собой сложную совокупность многих речевых актов, выбранных и соединенных по соображениям некой особой целесообразности и относящихся к действительности не непосредственно, а через РЖ в целом.

Понятие вторичного РЖ в таком значении дает исследователю хорошую теоретическую основу для изучения структуры РЖ и структуры текста, речи в целом (отчасти о практическом применении данной концепции уже шла речь в предыдущей главе).

3. Третье направление относится ко второму примерно так же, как в лингвистике текста модели «вертикального» типа, обеспечивающие цельность текста, относятся к «горизонтальным» моделям, обеспечивающим, главным образом, связность речевых произведений.

Данное направление связывает первичные и вторичные РЖ с уровнями абстракции текстовой деятельности. Так, А. Вежицкая говорит о речевом жанре, речевом акте, иллокутивном компоненте [Вежицкая 1997: 109]. А. Г. Баранов предлагает иерархию из пяти моделей: «текстотип», «суб-тип», «жанр», «когнио-тип», «текст» [Баранов 1997]. К. Ф. Седов опирается на иерархию из трех сущностей («гипержанр», «жанр», «суб-жанр») [Седов 1998].

Мы полагаем, что данные три понимания первичных и вторичных речевых жанров связаны с тремя типами вторичных РЖ, а также — шире — тремя типами непрямой коммуникации, ко с в е н н о с т и.

В основе феномена косвенности, повторяем, всегда лежит некоторое противоречие: косвенность — это формальное и содержательное соединение двух разных языковых единиц (в то же время они не противопоставлены абсолютно, ибо в этом случае соединение было бы невозможно). С утратой данного противопоставления языковая единица перестает восприниматься как косвенная.

Первый тип косвенности основывается на противоречии между первоначальным значением и значением конечным, современным, сложившимся в результате некоторого исторического процесса переосмысления. Память о первоначальном значении здесь относительно слаба, но само это противоречие наиболее очевидно. Примерами такой косвенности могут послужить слово в метафорическом употреблении или вежливая косвенная просьба. Само существование памяти о первоначальном значении высказывания здесь несомненно: метафора (метонимия), косвенная просьба и т. п. опираются на четкое представление о вторичности, подчиненности переносного/косвенного содержания высказывания узуальному современному содержанию — в противном случае это уже концептуализованные, конвенционализированные языком п р я м ы е единицы: стертая метафора типа *нос лодки* либо конвенциональные вопросы-просьбы типа *У вас закурить не найдется?*, использование которых в качестве вопросов, а не просьб в современном языке невозможно. Применительно к речевым жанрам главная линия данного переосмысления — смена сферы

межличностного, непосредственного контакта на сферу контакта социального опосредованного.

Второй тип косвенности основывается на противоречии между частью и целым. Данное противоречие менее значительно, чем в первом случае (обязательное условие, позволяющее некоторой языковой единице осмысливаться как структурный элемент чего-то большего, — существование между ними отношений сходства или смежности), но все же не исключена и очень значительная нейтрализация и переакцентуация языковых единиц под воздействием конситуации (например, в иронических высказываниях).

Это противоречие контекстное: контекст обуславливает осмысление языковой единицы не как «самой по себе», а как структурного элемента целого, относящегося к действительности только через это целое. Широко рассмотренные в работах по лингвистике текста механизмы текстовой когерентности, в частности коммуникативный динамизм, основываются на подобной семантической трансформации — замене языкового, абстрактного, ситуативно независимого значения элемента текста смыслом (коммуникативной темы/ремы).

Косвенность — предельная (или зачаточная) форма стиля. Отношение между языковой единицей, выражающей некоторое значение прямо и тем самым являющейся стилистически нейтральной, и языковой единицей, выражающей это же значение косвенно, — отношение стилистической маркированности (по вежливости, грубости, торжественности, фамильярности, интимности, иронии и т. д.). Говоря «стиль», мы имеем в виду прежде всего стиль функциональный: выбор единицы из пары (или некоторой шкалы, соотносимой со «степенью косвенности») диктуется соображениями «косвенной ситуации». Впрочем, едва ли здесь полное соответствие: как уже было сказано, если ситуация слишком жестко детерминирует выбор данной формы (косвенной), высказывание трудно или нельзя считать косвенным.

«Стиль РЖ» М. М. Бахтина — «действующая» (вызывающая ответ) экспрессия, точнее ее типичные формы. И косвенный речевой жанр, и косвенный речевой акт — именно такие формы.

Итак, вторичные РЖ, будучи результатом переакцентуации первичных жанров, тем самым косвенны. При этом, если непрямая коммуникация представляет собой использование средств, несвойственных для данного жанра, возможны два случая: а) жанр «остается самим собой», только осуществляется непрямыми средствами; б) это новый жанр, который является косвенным по отношению к исходно-

му жанру. В последнем случае имеет место переакцентуация жанра при смене сферы употребления/стиля. Данную группу составляют вторичные речевые жанры.

Однако точно определить отношения между вторичными РЖ и непрямой коммуникацией очень сложно. Всегда ли новая сфера порождает непрямую коммуникацию? Очевидно, что не всегда. Например, экзаменационный вопрос не является непрямой коммуникацией, хотя экзаменационный вопрос и «просто» вопрос состоят в отношениях «вторичный РЖ ~ первичный РЖ». По-видимому, непрямым характер имеют те фатические речевые жанры, фатическая сущность которых проявляется в стремлении не к межличностному (непосредственному), а к социальному контакту (например, *салонная беседа* — вторичный жанр по отношению к *болтовне*; *дипломатическая нота* восходит к *угрозе*; *бурлеска*, *велеризм* — к *шутке*).

Вторичные РЖ оказываются необходимым объясняющим инструментом при обращении к **истории** языка, истории речи и коммуникативной культуры.

История РЖ (и история языка), несомненно, относится к актуальным проблемам теории речевых жанров. Само по себе исследование эволюции жанра является исследованием по истории языка: можно проследить во времени и конвенционализацию различных жанровых форм, и тем самым становление явлений, концептуализированных лексикой и грамматикой языка из первоначальных синкретических коммуникативных смыслов. Ср. у М. М. Бахтина: «Высказывания и их типы, т. е. речевые жанры, — это приводные ремни от истории общества к истории языка. Ни одно новое явление (фонетическое, лексическое, грамматическое) не может войти в систему языка, не совершив долгого и сложного пути жанрово-стилистического испытания и отработки» [Бахтин 1996: 165].

Исторически речевая системность всегда предшествует языковой, т. е. язык в целом идет ЗА жанрами (ср. положение Соссюра о том, что исторически речь всегда предшествует языку [Соссюр 1977: 57]). Изменения появляются и закрепляются вначале как речевые/жанровые правила. Затем конвенционализированные узуальные формы могут перейти в языковую норму. Так, конвенциональные косвенные просьбы — это уже «почти язык»: «Прагматические значения, которые получают языковые элементы речи, имеют тенденцию к закреплению, поскольку людям свойственно в своей речевой мыслительной деятельности использование динамического стереотипа. Благодаря узуу

прагматическое значение закрепляется как одно из значений данного языкового элемента в социуме. Это значение может быть переносным с семантической точки зрения, но прямым, не косвенным — с прагматической, так как его использование определяется уже не только конкретными условиями данного акта речи» [Гак 1998: 565].

Критика с этой стороны «анкеты речевого жанра» Т. В. Шмелевой, включающей лишь параметр «языковое воплощение РЖ» [Шмелева 1997], в определенном смысле совпадает с критическим замечанием Ю. М. Лотмана в адрес семиотической модели языка Р. Якобсона (согласно этой модели язык тождествен «коду»). Мнение Ю. М. Лотмана таково, что язык — это код плюс его история: «Фактически подмена термина “язык” термином “код” совсем не так безопасна, как кажется. Термин “код” несет представление о структуре, только что созданной, искусственной и введенной мгновенной договоренностью. Код не подразумевает истории, т. е. психологически он ориентирует нас на искусственный язык, который и предполагается идеальной моделью языка вообще» [Лотман 1992: 13]. Изучение одного только «языкового воплощения РЖ» в современной речи значительно обеднило бы понимание РЖ, поскольку такое изучение, по сути, ориентировано на искусственный язык, идеальную модель языка.

Обнаружив существенную связь между вторичными речевыми жанрами и переакцентуацией / косвенностью (связь проявляется в диалектическом единстве в семантике жанра противоположных сущностей, таких, как первоначальное значение — конечное (современное) значение, часть — целое), мы вплотную подошли к проблеме структуры и функционирования речежанровых (формальных и семантических) диад. Рассмотрению вопросов, какие единицы вступают в диадные отношения и какие выделяются типы диад, посвящен следующий параграф.

3.2.2. Диады

Как уже говорилось, косвенность всегда основывается на диаде. В зависимости от того, какие языковые единицы выступают в качестве членов диады (в качестве членов диады означающего и означаемого могут выступать не только языковые единицы — в этой роли часто выступают интенциональные состояния (Intentional states) [Серль 1987: 96], которые совершенно неправильно было бы сводить к типам языковых единиц, например синтаксическим типам, — см. ниже), выделяются следующие диады (типы НК):

вопрос ~ просьба (*Не могли бы вы открыть окно?*); **вопрос₁ ~ вопрос₂** (*Часов нет?*); **вопрос ~ комплимент** (*Тебе никто не говорил, что у тебя красивая улыбка?*); **вопрос ~ оскорбление** (*Зачем ты купила это безвкусное платье?*); **сообщение ~ просьба** (*Мне не дотянуться до форточки, а ее стоит закрыть*); **сообщение ~ вопрос** (*Извините, но я забыл, как Вас зовут*); **сообщение ~ упрек** (*Ты как всегда забыл, что у твоего сына день рождения* — пример К. Ф. Седова); **сообщение ~ угроза** (*Если ты еще раз опоздаешь на урок, я сообщу о твоём поведении родителям*); **сообщение ~ комплимент** (*Удивительно, но зеленоглазость является отличительным признаком только у женщин* — пример О.С. Иссерс); **сообщение ~ оскорбление** (*Телесериалы смотрят одни идиоты*); **просьба ~ вопрос** (*Скажите, пожалуйста, который час*) и др.; **комплимент ~ оскорбление** (*ирония*) и **оскорбление ~ комплимент** (*флирт*); **вербальные средства коммуникации ~ невербальные средства коммуникации** (рассогласование между вербальным и невербальным каналами передачи информации в инконсистентных высказываниях вызвано не столько возможностью передачи одной и той же информации по разным каналам связи, сколько функциональной специализацией вербальных и невербальных средств: речь используется в большей мере для передачи информации, а за невербальным каналом закреплена функция регулирования межличностных отношений участников общения); **косвенный адресат ~ прямой адресат** (в автобусе реплика *Мама, иди сюда, здесь место освободилось!* адресуется не только матери, но и стоящим рядом пассажирам, которые иначе могли бы занять свободное место); **реальное воздействие ~ демонстрируемое воздействие** или (чаще) демонстрация отсутствия стремления воздействовать (*манипулирование*); **высокий стиль ~ низкий стиль** (торжественно или официально муж говорит с женой об обеде); **прямое значение слова ~ переносное значение слова** (наиболее очевидное и широко изученное проявление не прямой коммуникации — прежде всего как *метафора, образ, троп*); **первичные речевые жанры ~ вторичные речевые жанры**; «**прагматичность**» ~ «**информативность**» и т. д.

Различия перечисленных диад очевидны. В целом, прежде чем принять саму идею диад в качестве рабочей основы дальнейшего исследования (тем более принять некритично этот список), необходимо дать ответ на целый ряд серьезных вопросов, и прежде всего — единицы какого рода выступают в качестве членов диад? Далеко не всегда члены диад представляют собой реально существующие

языковые единицы, занимающие свое место в лексической или грамматической системе языка. Конечно, такие единицы внутри многообразного общего поля диад тоже встречаются, например с и н т а к с и ч е с к и е д и а д ы, составляющие наиболее полно рассмотренный участок поля косвенности, особенно *косвенные директивы* — см. ставшие классическими работы Дж. Серля и его последователей: **вопрос ~ просьба** (*Не могли бы вы открыть окно?*); **вопрос₁ ~ вопрос₂** (*Не скажете, который час?*) и др.

Кроме того, можно выделить группу диад (их большинство), основа которых — оппозиция «адресант ~ адресат». Именно адресат дает оценку услышанному как поступку (хотя, заметим, адресант мог совершить, а мог и не совершить, со своей точки зрения, этого поступка). Конкретный диадный механизм данной разновидности косвенности может быть охарактеризован как контекстный (тема-рематический). Особняком здесь стоит диада «прагматичность ~ информативность». Механизм косвенности здесь имеет полевой характер. Наконец, выделяется группа диад со сложной, многоуровневой структурной организацией. Вторые члены данных диад сами по себе являются разновидностями непрямой коммуникации (диады «прямое ~ переносное значение слова», «прямой адресат ~ косвенный адресат», «первичные речевые жанры ~ вторичные речевые жанры»). Косвенность, лежащая в основе вторых членов гетерогенных диад, обусловлена контекстом, при этом контекстом п р а в ы м (одна непрямая коммуникация п о с л е другой).

Объяснить диадный характер непрямой коммуникации, а также механизм диад такого рода поможет наглядный пример.

Can you open the window? ‘Вы можете открыть окно?’

Относим данное высказывание к непрямой коммуникации на том основании, что вопросительная языковая форма используется в речевом акте, осуществляющем воздействие на адресата (тип императивных иллокутивных актов). В языке осуществление побуждения (интенциональное состояние, которое можно определить как потребность в том, чтобы собеседник что-то сделал) более или менее конвенционально закреплено за формами повелительного наклонения, а также (иногда) инфинитива (*Встать! Открыть окно!*), перформатива (*Прошу Вас открыть окно*) и т. п. Вопросительная форма, использованная в данном примере, закреплена в языке за осуществлением

вопроса (интенциональное состояние, которое можно определить как потребность в получении информации). Таким образом, сам акт коммуникации имеет сложный, многоступенчатый характер: он осложнен по сравнению с соответствующей прямой коммуникацией (формами *Откройте окно*, *Прошу Вас открыть окно* и др.) на один интерпретативный шаг, который должен сделать адресат, чтобы понять интенциональное состояние говорящего.

Семиотическая модель, использованная в данном случае НК, представляет собой диаду «вопрос ~ просьба». Поскольку одна конструкция используется вместо другой, пример как будто бы хорошо поддается объяснению в лингвистической терминологии. Простота эта, однако, кажущаяся. Так, правый член диады «просьба» (план означаемого) — это интенциональное состояние говорящего, понятое как такое слушающим. Можно сказать, что план означаемого диады равен результирующему смыслу, который строит слушающий. Поэтому правый член диады должен включать как интенции говорящего (дополнительными интенциями обусловлен выбор данной не прямой формы), так и «программу» своей интерпретации слушающим в данных обстоятельствах. Просьба не является грамматической сущностью — это единица интенциональная, лежащая в области потребностей, мотивов, намерений, у которых вообще нет никакой грамматической формы, поэтому они и могут быть оформлены по-разному.

Является ли «планом означаемого» (синтаксическим типом) левый член диады? По-видимому, нет. Положительный ответ означал бы наличие языкового означаемого у данного типа не прямой коммуникации, что очевидно невозможно. Диада, включающая левый и правый члены из таких разных плоскостей, как языковая система и коммуникация, была бы чересчур гетерогенной и вряд ли жизнеспособной. В действительности левый член диады — тоже интенциональное состояние, а именно то интенциональное состояние говорящего, выражение которого должно было бы быть закреплено за формой высказывания «вопрос». Иначе говоря, левый член диады — это тот инструмент, при помощи которого дает о себе знать, «открывается» результирующее интенциональное состояние — правый член.

Оба члена диады представляют интенциональные состояния, и им в равной степени присущи нежесткий детерминизм, отсутствие жесткого целеполагания, высокая условность, т. е. отсутствие строгой

заданности в выборе формы высказывания, возможность множественной интерпретации.

При рассмотрении диадного характера непрямой коммуникации, повторям, наиболее актуальными являются вопросы о членах диад и их взаимных отношениях. Не менее сложные вопросы: сколько всего диад? Что с чем объединяется отношениями оппозиции? Произволен ли выбор (например, возможно ли сочетание «комплимент ~ приказ», «фатика ~ совет»)?

Согласно В. И. Карасику, рассогласование между интенционалом и буквальным значением «может варьировать в определенных пределах: приказ может быть выражен в виде просьбы, совета, вопроса или констатации, но маловероятен в виде комплимента» [Карасик 1992: 122]. Данное утверждение нуждается в основательном обсуждении. Представим ситуацию, когда офицер видит спящего дневального и говорит что-нибудь вроде: *Вы замечательный дневальный, Петров!* Данная реплика скорее всего произведет эффект приказа ‘немедленно встаньте и несите службу как полагается’: бедный солдат вытянется по струнке и скажет *Виноват!* (а то и *Есть!*). В целом для косвенных речевых актов на первое место выдвигается проблема их интерпретации адресатом и наблюдателями, основывающейся на ряде пресуппозиций, постулатов и презумпций. Так, уставом не предусмотрены комплименты, но предусмотрено объявление благодарности. Если офицер, чтобы разбудить спящего, гаркнет *Благодарю за службу!*, то какой будет ответ?

Широко распространены диады, состоящие из антонимических членов. Например, фраза *Ну, удружил! Теперь я навек у тебя в долгу!* в русской речи может означать обличение и обещание отомстить; *Ах, противный! Опять напроказил!* — восхищение матери ловкостью и живостью своего ребенка; речение *О пачкотне моей не судите строго!* отнюдь не свидетельствует о смирении говорящего — он, весьма вероятно, жаждет похвал. Теоретическое обоснование существования таких диад Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров усматривают в «общей закономерности: *les extrêmes se touchent*. Понятия, взгляды, свойства, исключаящие друг друга, тем не менее совмещаются. Наблюдение восходит к Античности; уже у Аристотеля читается: “Средина более противопоставлена концам, чем они друг другу, поскольку она не встречается ни с одним из них, тогда как они часто соприкасаются”» [Верещагин, Костомаров 2000: 41–42]. Ср. в связи с этим противопоставление А. Г. Поспеловой однородных и разнородных

косвенных речевых актов. К однородным РА относятся такие, «которые объединяют форму и прагматическое содержание двух подклассов одного и того же РА, например двух видов вопросов (верификативного и идентифицирующего): *Have you seen Mary? — She is in the Kitchen*». К разнородным относятся все остальные случаи объединения формы и прагматического содержания двух разных видов РА, например вопроса и просьбы. Сюда же относятся составные высказывания с формальным включением речевого акта одного типа в речевой акт другого типа, например *May I thank you for...? I must apologize for...* [Поспелова 1988: 150].

Наиболее очевидные случаи НК связаны с обретением высказыванием противоположного смысла. Чаще всего это достигается посредством чрезмерной интенсификации какого-либо признака: как часто отмечается в исследованиях по иронии [Варзонин 1994; Ермакова О.П. 1996], именно в иронических высказываниях гипертрофированная похвала обычно воспринимается как ироническое осуждение, утверждение — как отрицание и т. д. В этом состоит главное отличие иронических высказываний от косвенных речевых актов: если в последних сохраняется буквальная иллокуция, то в иронических высказываниях она элиминируется. Думается, однако, что буквальная иллокуция элиминируется не до конца, так как принятие данного предположения означало бы, что для иронии форма вообще незначима, что вряд ли соответствует действительности.

Бывают и противоположные случаи, когда механизм *les extrêmes se touchent* приводит к положительному восприятию внешне преувеличенно инвективной речи. Ср. известный эпизод из «Трех товарищей» Э. Ремарка.

...Es war schon dunkel, als ich Patrice Hollmann nach Hause brachte. Langsam ging ich zurück. Ich fühlte mich plötzlich allein und leer. <...> Hergott! Ich drehte mich um. Dabei stieß ich mit einem dicken, kleinen Mann zusammen. «Na», sagte ich wütend. «Sperrn Sie doch Ihre Augen auf, Sie bockender Strohwisch!» — bellte der Dicke. Ich starrte ihn an. «Wohl noch nicht oft Menschen gesehen, was?» — kläffte er weiter.

...Было уже довольно темно, когда я отвел Патрицию Хольман домой. Медленно возвращался я назад. На душе у меня стало вдруг одиноко и пусто. <...> Черт побери! Я круто развернулся, потому что налетел на какого-то толстенького человечка. «Эй! — прорычал толстяк, кипя от бешенства. — Протри глаза, ты, неуклюжий пук соломенный!» Я не отвел глаза. «Ты что, не привык людей встречать, а?» — продолжал он гавкать. Он попался мне как нельзя

Er kam mir gerade recht. «Menschen wohl, — sagte ich, — aber noch keine Bierfässer, die spazieren gehen». Der Dicke besann sich keine Sekunde. Er stoppte und schwoll. «Wissen Sie was? — fauchte er. — Gehen Sie in den Zoo! Träumerische Känguruhs haben auf der Straße nichts zu suchen». Ich merkte, daß ich einen Schimpfer hoher Klasse vor mir hatte. Es gallt, trotz aller Depression, die Ehre zu wahren. «Wandere weiter, geisteskrankes Siebenmonatskind», — sagte ich und hob segnend die Hand. Er beachtete meine Aufforderung nicht. «Laß dir Beton ins Gehirn spritzen, runzlicher Hundsaffe!» — bellte er. Ich gab ihm einen dekadenten Plattfuß zurück. Er mir einen Kakadu in der Mauser; ich ihm einen arbeitslosen Leichenwäscher. Darauf bezeichnete er mich, schon mit Respekt, als Krebskranken Kuhkopf; ich ihn, um ein Ende zu machen, als wandelnden Beefsteakfriedhof. Sein Gesicht verklärte sich plötzlich. «Beefsteakfriedhof ist gut! — sagte er. — Kannte ich noch nicht. Kommt in mein Repertoire! Alsdann» — Er lüftete den Hut, und wir trennten uns voll Achtung voneinander.

более кстати. «Людей я встречал, — ответил я, — но не видал, чтобы по улице ходили пивные бочки». Толстяк ни минуты не помедлил с ответом. Он застыл, раздулся и прошипел: «Знаешь что? Иди-ка ты в зоопарк! Нечего сонным кенгуру на улице делать!» Я сообразил, что имею дело с ругателем высокого класса. Ну что ж, несмотря на мое угнетенное состояние, нельзя было ронять свое достоинство. «Ступай своей дорогой, ты, душевнобольной семимесячный недоносок!» — сказал я и поднял руку в благословляющем жесте. Он пропустил мой совет мимо ушей. «Пусть тебе в башку хоть бетон жидкий зальют, собачья ты обезьяна круглая!» — пролаял он. Я запустил в него плоскостопным декадентом. Он в меня — линючим какаду. Я его двинул безработным мойщиком трупов. На это он уже с некоторым уважением обозначил меня как коровью голову, пораженную раковой опухолью. Тогда я, чтобы уж на том и закончить, назвал его бродячим кладбищем бифштексов. И тут лицо его вдруг просияло. «Бродячее кладбище бифштексов — это здорово, — сказал он. — Я такого еще не слышал. Включу в свой репертуар. Ну, а пока...» — Он приподнял шляпу, и мы расстались, преисполненные взаимного уважения (Пер. В. Жельвиса).

Как видим, многочисленные инвективы вообще перестают восприниматься в первоначальном — оскорбительном — значении. Для говорящих гораздо важнее эстетические качества речи.

Показателен в этом отношении и пример, который приводит В. Е. Гольдин, говоря об этикете древнерусских писцов: «У древнерусских писцов была традиционная форма записи, в которой они общались читателям название переписываемой книги, имя заказчика, если он был, указывали, когда и где проходила работа, сколько она заняла времени, какие были помехи. Как правило, переписчик просил прощения за возможные ошибки. Называя себя, он часто избирал в

соответствии с этикетом уменьшительную форму имени и прилагал к нему уничижительные определения. Но вот Парфений Злобин, переписавший “Пролог” в 1550 г., явно переусердствовал:

...Все с(вя)тыя ꙗгодники х(ри)с(то)вы... сподобили есте написати сию книгу гл(аголе)мꙋю Пролог многогрѣшною рꙋкою малоꙋмнаго неч(е)ст(ив)аго безꙋмнаго нераꙋмнаго неистовнаго злонаравнаго злокознаго словбразнаго злопоминаго злодѣваго любодѣваго злоключимаго всѣжденнаго падшаго славаго ꙗнылаго лѣниваго нетерпѣливаго сонливаго ропотливаго гнѣвливаго напраснаго помраченаго отѣмненаго шканнаго ожесточенаго нечювьственаго непотребнаго вредоꙋмнаго сꙋемнаго сꙋетнаго сꙋроваго сверепаго рꙋгателя досадителя постылаго мерьскаго скареднаго грꙋснаго гроꙋваго глꙋпаго хꙋдаго глꙋхаго веднаго немощнаго см(е)ртнаго тленнаг(о) блꙋднаго рава Б(о)жия Парфения Маркова с(ы)на Злобина.

Этикетное самоименование выступает здесь в такой гипертрофированной форме самоуничижения, что, пожалуй, переходит в свою противоположность, производя впечатление иронии (на современно читателя. — В. Д.)» [Гольдин 1978: 105].

Диады с антонимичными членами, впрочем, лишь частный (и далеко не самый типичный) случай непрямой коммуникации.

Идея диадной структуры непрямой коммуникации не означает, что содержание диады складывается из отношения противоположностей: диада непрямой коммуникации — взаимодействие, наложение и взаимопроникновение р а з н ы х содержательных сущностей. Отношение же противоположностей есть содержательно бедная сущность, что несовместимо с самым главным свойством непрямой коммуникации — содержательной осложненностью.

Итак, члены диады представляют интенциональное состояние говорящего (план означаемого), а не языковые особенности высказывания. Поэтому даже левые члены диад (интерпретируемое) неправильно было бы понимать как план означающего.

Означаемое включает основную и дополнительные интенции говорящего, обуславливающие выбор данной формы, а также программу ее интерпретации в данных обстоятельствах.

В случае непрямой коммуникации, допускающей множественную интерпретацию, весьма вероятно н е п р а в и л ь н а я интерпретация.

Естественно, что она возможна в любой коммуникации, но только в непрямой коммуникации неправильная интерпретация может быть следствием того, что «правильного», однозначного толкования высказывания... может не быть вообще!

Подобные явления нередко изображаются Ф. Достоевским: его герой с подозрительностью, какой-то болезненной жадностью вслушивается в высказывания собеседника, выискивая там скрытые смыслы, которых нет, например, в «Идиоте»:

— Господа, это... это вы увидите сейчас что такое, — прибавил для чего-то Ипполит и вдруг начал чтение: — «Необходимое объяснение!» Эпиграф «Après moi le déluge» ('После меня хоть потоп')... Фу, черт возьми! — вскрикнул он, точно обжегшись, — неужели я мог серьезно поставить такой глупый эпиграф?.. Послушайте, господи!.. уверяю вас, что все это в конце концов, может быть, ужаснейшие пустяки! Тут только некоторые мои мысли... Если вы думаете, что тут... что-нибудь таинственное или... запрещенное... одним словом...

— Читали бы без предисловий, — перебил Ганя.

— Заверял! — прибавил кто-то.

— Разговору много, — ввернул молчавший все время Рогожин.

Ипполит вдруг посмотрел на него, и когда глаза их встретились, Рогожин горько и желчно ослабился и медленно произнес странные слова:

— Не так этот предмет надо обделявать, парень, не так...

Что хотел сказать Рогожин, конечно, никто не понял, но слова его произвели довольно странное впечатление на всех; всякого тронула краешком какая-то одна общая мысль. На Ипполита же слова эти произвели впечатление ужасное: он так задрожал, что князь протянул было руку, чтобы поддержать его, и он наверно бы вскрикнул, если бы видимо не оборвался вдруг его голос. Целую минуту он не мог выговорить слова и, тяжело дыша, все смотрел на Рогожина. Наконец, задыхаясь и с чрезвычайным усилием, выговорил:

— Так это вы... вы были... вы?

— Что был? Что я? — ответил, недоумевая, Рогожин, но Ипполит, вспыхнув и почти с бешенством, вдруг его охватившим, резко и сильно вскричал:

— Вы были у меня на прошлой неделе, ночью, во втором часу, в тот день, когда я к вам приходил утром, вы!! Признавайтесь, вы?

— На прошлой неделе, ночью? Да не спятил ли ты и впрямь с ума, парень?

«Парень» опять с минуту помолчал, приставив указательный палец ко лбу и как бы соображая; но в бледной, все так же кри-

вившейся от страха улыбке его мелькнуло вдруг что-то как будто хитрое, даже торжествующее.

— Это были вы! — повторил он, наконец, чуть не шепотом, но с чрезвычайным убеждением, — вы приходили ко мне и сидели молча у меня на стуле, у окна, целый час; больше; в первом и во втором часу пополуночи; вы потом встали и ушли в третьем часу... Это были вы, вы! Зачем вы пугали меня, зачем вы приходили мучить меня, — не понимаю, но это были вы!

И во взгляде его мелькнула вдруг бесконечная ненависть, несмотря на все еще не унимавшуюся в нем дрожь от испуга.

В реальной коммуникации слушающий должен не просто выбрать одно значение из нескольких представленных, а понять, во многом — домыслить смысл, который не содержится в готовом виде в высказывании. Добавим, что по этой причине *н и к а к о е* решение слушающего не может быть признано абсолютно верным. НК не позволяет слушающему приписать говорящему выведенное им содержание. Всегда можно оспорить вывод. Это, естественно, особенно удобно для таких «деликатных» ситуаций общения, как *ирония, флирт, розыгрыш*.

Интерпретация НК отличается от стандартной лингвистической интерпретации языкового материала прежде всего меньшей жесткостью, а также тем, что наличный материал может быть охарактеризован в таких категориях, как *целесолагание, стратегии и тактики, воздейственность*, только *п р и б л и з и т е л ь н о* и по косвенным данным.

Идея первичных и вторичных РЖ Бахтина в более или менее явном виде лежит в основе некоторых новых и оригинальных концепций.

Очень существенным опытом в этом отношении можно считать исследование вторичных текстов/жанров в докторской диссертации и монографии С. В. Ионовой [2006], посвященной лингвистической аппроксимации, которая осмысливается как глобальная языковая категория, как общее свойство, присущее передаче и переработке информации, как познавательная модель и способ самого мышления, а также как базовое свойство порождения вторичных текстов. Аппроксимация вторичных текстов связывается С. В. Ионовой с такими их базовыми свойствами, как *интертекстуальность* и *способность к компрессии*. Аппроксимация осмысливается прежде всего через механизмы *развертывания/свертывания (компрессии/декомпрессии)* текста, *противоречие* между *связностью* и *цельностью*

текста, когнитивные особенности личности, создающей текст, а также инвариантно-вариантную природу коммуникативных систем и основанных на них объяснительных и описательных моделей. Показано участие инварианта, а также прототипа в формировании аппроксимации (обобщение и редукция). В этом смысле общее поле аппроксимации делится на явления, связанные с редукцией и приращением смысла.

На основе аппроксимативной модели С. В. Ионовой строится типология вторичных текстов в соответствии с такими их характеристиками, как структура (степень развернутости) вторичного текста, семантические особенности (нацеленность на уподобление/расподобление тексту-основе), функциональные признаки. В результате выделяются следующие типы: развернутые тексты с эксплицированными средствами связности, расчлененной структурой и конкретизированным содержанием; полуразвернутые тексты с эксплицированными средствами связности, но с акцентом на цельности текста и его обобщенной семантике; свернутые формы с превращенными или невыраженными эксплицитно средствами связности и использованием новых средств репрезентации концептуализированного содержания текста. Заслуживает внимания функциональная типология вторичных текстов: тексты репродуктивного, интерпретирующего, адаптирующего типа и тексты-имитации.

Таким образом, в исследовании С. В. Ионовой разработаны основы нового направления лингвистических исследований — *лингвоаппроксиматологии* (нельзя не отметить, что данный термин, как учитывающий базовые свойства языка, выгодно отличается от подобных терминов с «не»: *неопределенный, неточный, непрямой*).

В то же время в ряде исследований объясняющие потенции бахтинской модели учитываются недостаточно.

Так, в докторской диссертации и монографии Е. В. Бобыревой [2007а], посвященной религиозному дискурсу (на материале текстов молитв, проповедей, акафистов, притч, псалмов, пасторских обращений, хвалебных молитвословий на русском и английском языках), трудно принять некоторые принципы деления РЖ на первичные и вторичные; в частности, согласиться с тем, что *притча* — это первичный РЖ, а *молитва* — вторичный. Понятно, что исследовательница имела в виду жанры, прямо и опосредованно связанные с текстом Библии (автором выделяются по признаку прямой либо ассоциативной связи с исходным библейским текстом первичные жанры религиозного дискурса — псалмы, притчи, молитвы — и вторичные жанры — проповеди, исповеди), однако при таком делении

речевых жанров религиозного дискурса на первичные и вторичные Е. В. Бобырева, думается, значительно отходит от принципов, сформулированных Бахтиным, который, по-видимому, вообще не имел в виду выделение жанров на основе текстовой тематики.

Нет никаких сомнений, что идея первичных и вторичных речевых жанров должна быть применена к чрезвычайно интенсивно меняющейся современной действительности, где все время появляются и стремительно развиваются новые сферы общения, основанные как на традиционных, так и на новых/техногенных каналах связи. Подробнее об этом будет сказано в следующей главе (§ 4.3).

3.3. Противопоставление жанров по шкале «жесткость vs. свобода»

3.3.1. Тексты и жанры жесткой и мягкой формализации

В предыдущей главе мы уже говорили о жанрах, различающихся по степени своей жесткости, или степени упорядоченности речи/коммуникации (или свободы, дарованной человеку в рамках данного жанра). Ряд работ в современной лингвистике посвящены творческому развитию данной идеи, хотя и не все исследователи при этом упоминают М. М. Бахтина и даже используют термин *речевой жанр*.

Так, в лингвистике текста названная степень жесткости, или структурированности, понимается как элементы собственно текстовой системности. Современная лингвистика текста располагает разработанной методикой для выявления и описания таких моментов.

Кв. Кожевникова выделяет три класса текстов, типизированных с жанрово-коммуникативной точки зрения (по сути, РЖ), в зависимости от степени жесткости типизации: 1) тексты, которые строятся в соответствии с более или менее жесткими, но всегда обязательными информативными моделями (например, кулинарный рецепт, инструкция, театральная афиша); 2) тексты, содержание которых строится по узуальным информативным моделям, т. е. моделям, носящим довольно общий характер (например, газетное сообщение о текущих событиях, рецензия на литературное произведение); 3) тексты нерегламентированные, содержание которых не подлежит никакой строгой заданности со стороны жанра и коммуникативной сферы (частная переписка, большинство жанров художественных произведений) [Кожевникова 1979: 53–54]; ср. также понятие «норма текстовости»,

выделяемое М. Я. Дымарским применительно к художественным текстам [Дымарский 1993: 32–42].

Именно признак жесткости, текстовой упорядоченности лежит в основе классификации текстов реальной разговорной речи, предлагаемой О. Б. Сиротининой [Сиротинина 1994: 106–122]. Исследовательница выявляет разные типы организации устной речи в связи с тем, насколько данный тип близок к текстовой организации речи в наиболее традиционном смысле, т. е. по критериям, разработанным для письменной речи: «Граница стандартных и нестандартных текстов проходит, видимо, именно по линии непосредственного и опосредованного общения» [Там же: 124]. Предлагаемую О. Б. Сиротининой классификацию разговорных текстов поэтому есть смысл рассмотреть подробнее.

Итак, О. Б. Сиротининой выделяются:

1. Тексты, отвечающие всем признакам текстовой структуры. Это рассказы, неоднократно повторенные рассказчиками и потому уже отработанные с точки зрения их организации. У таких текстов есть заголовок (*Расскажу о..., Этот случай можно было бы назвать...* и т. д.), есть развитие темы, связи между отдельными частями рассказа, завершение рассказа. В то же время (в отличие от собственно текстов, т. е. письменных) возможны отступления от рассказа с последующим возвратом к теме, реплики собеседника, уточняющие вопросы или хотя бы поддакивания собеседника-слушателя, например:

Дело в том, что во время отступления наших войск приходилось, конечно, часто менять штаб-квартиру и армейские газеты. И вот по пути (дело было на Украине) к нам присоединились в редакцию несколько человек (дается их характеристика). — Что это, он оказался украинским поэтом, да? — Нет, он не сказал, но наши товарищи некоторые с Украины говорили, что он как будто был поэт. Ну вот, когда мы переезжали с места на место (продолжается рассказ о его торбе, в которой было несколько караваев хлеба, а из розыгрыша их заменили телефонным аппаратом системы «Эриксон»). — Что, большой, что ли, очень? — Ну деревянный такой ящик, и в нижней части такое углубление сделали, чтобы вставлять туда батареи, приблизительно весом на килограмм. Общей сложностью этот аппарат весил, видимо, килограмм 10. — Солидный вес. — И вот решили вместо этих 3 буханок хлеба больших караваев вот этих, сунуть этот аппарат (рассказ о том, как завернули его в белье и сунули в торбу). Только мы успели сделать это, вбегают начальник издательства:

«Ребята! По машинам, едем». Ну мы схватились за свои вещички, в это время вбегает — ваш поэт — с полузастегнутыми пуговицами наш поэт, на ходу застегивается, хватается свой мешок и натягивает на себя, и айда. Все, значит, мы в машину сели и едем. Ну по пути ни о чем не говорили, полагая, что все-таки, когда вернемся на новое место — Выясните, если переедете на новое место, да? — Да, передем на новое место, видимо, ужинать уже будем, и он заглянет в свой мешок и догадается (рассказ о том, как они ехали, разместились). Ну наш поэт, но так как мы отходили, и с питанием было неплохо. — С питанием? — С питанием было неплохо, мы устроились на окраине деревни, поужинали, смотрим, наш поэт до своей торбы не дотрагивается (рассказ продолжается и снова прерывается репликами и вопросами — всего 14 раз, но рассказ не отклоняется от своего плана и заканчивается). В этой шутке можно видеть, что люди, так сказать, остаются людьми и не прочь иногда пошутить» (фонд УДН).

2. Оборванные тексты. Это тексты первого типа, но в процессе конкретной их реализации во время магнитофонной записи по каким-либо причинам не завершенные, оборванные из-за конца ленты, из-за прихода нового собеседника, увлекшего разговор в сторону от рассказа, вызвавшего переход к новой теме, из-за истечения времени на рассказ (*Ой, я уже опаздываю*) и по другим внешним причинам.

3. Текстониды, которые не имеют строгого членения на части, принципиально не завершены, более спонтанны, чем собственно тексты (включая оборванные), рассчитаны на активного слушателя, тематически разъяты, причем темы возникают ассоциативно по ходу реализации текста. Для текстонидов характерно не столько развитие темы, как в тексте, сколько ассоциативные вставки и перескоки с одной темы на другую, объединенные только речевым замыслом «поделиться какими-то впечатлениями», временем осуществления этого замысла и его субъектом. Текстониду не дашь заголовков, не расчленишь на части или абзацы, поскольку построение его подчеркнуто ассоциативно.

4. Тексты-разговоры, вообще не соотносящиеся со стандартными текстами по причине разнособъектности: смена говорящий/слушающий происходит регулярно и существенна для содержания текста-разговора, развитие темы в тексте-разговоре прослеживается с трудом, заголовков, даже если подходить к его наличию с очень широких позиций (типа: *поговорим о...*), чрезвычайно редок, например:

А. Кстати, Мишка мне в «Соколе», когда, между прочим, мы были, да, так вот, Миша этот преподобный мне знаешь что рассказывал?

Б. Что?

А. Кое-что из Белля. Кайф.

Б. Из Белля или из Бабеля?

А. Из Белля.

Б. А какой, Белль?

А. Белль какой-то новый...

Б. Белль? Я не знаю...

А. А обозвал он это так: «Поезд приходит по расписанию» (продолжается разговор о Белле).

А. Не знаю, не знаю, но Мишке я верю.

Б. Бабеля он рассказывает, вот это да.

А. Бабеля?

Б. А ты не слышал никогда, как он читал? Бесподбно! Он его читает, а потом он воспроизводит, когда вот просто на память Бабеля, вот там король там, Беня Крик там, Любка-казак — вот эти вот из серии «Одесских рассказов», у него бесподбно получается. Я даже рассказывала как-то в трамвае, ко мне мужчина какой-то подходит и говорит: «Девушка, вы что, все на память знаете?» Я говорю: «Да нет, я так просто слушала это». Я Ф. слушала, он рассказывал, вернее, читал.

А. А кому ты рассказывала?

Б. Галке Р. в трамвае. И наверное, громко рассказывала. Мужик прислушивался, прислушивался, потом подошел и говорит: «Поразжаюсь, феноменальная память», а я просто, меня так увлекло, интересно очень пишет. Причем это вот у меня томик избранного Бабеля, вот.

А. Дай Бабеля почитать, дай?

Б. Возьми, вот. А ты знаешь, где он?

А. Не знаю.

Б. Ну и не найдешь, значит, я сама найду.

А. Ладно. (продолжается разговор о рассказах Бабеля)

Б. Там бесподбно просто, ты знаешь, таким язычком написано, я ни разу ни у одного писателя не встречала такого языка: «У приказчиков сапоги скрипели, как ново... как рождественские поросята в мешке», можно такое сравнить! Да, «лицо стало зеленым, как зеленая трава». Представляешь! Знаешь, такие сочные вроде бы.

А. Вот-вот, у меня тоже, зеленым стало, когда она мне копьём в глаз. Веселая такая женщина. Да, знаешь, кайф такой, сижу в этой несчастной штуке, которая кабинетом называется, да, там лежит большая-большая банка, да еще вторая, да.

Б. С глазами.

А. Нет, не с глазами, если бы. В одной налита какая-то жидкость, написано «Яд» и написано «Копья чистые», вторая банка — «Копья использованные», хорошо.

Б. В яде их, что ли, значит, содержат?

А. Я не знаю. Наверное, спирт метиловый, может быть. (продолжается разговор о метиловом и этиловом спирте).

А. Да, который час, кстати?

Б. Сейчас без пятнадцати двенадцать.

А. Без пятнадцати двенадцать? Это мы с тобой так неслабо час проговорили? Да?

Б. Да, час.

А. Да, чтобы не забыть, ты все-таки посмотри Бабеля, Татьяна.

Б. А где Бабель-то у нас? Я его принесла ведь.

А. Мне читать нечего.

Б. Тебе нельзя читать.

А. Татьяна, мне можно читать.

Б. Нет.

А. Мне нужно левый глаз тренировать. Дать организму одолеть, понимаешь. А я не знаю, я не могу без информации какой-то новой. Я газету день не прочту — это ужас.

Б. Хочешь, я тебе знаешь что дам... Хочешь Жоржа Сименона почитать? Только завтра принесешь... (разговор переходит на романы Ж. Сименона).

Б. ...то-то двести, да. Плодовитый писатель.

А. Почитаем плодовитых. Ну все, ушел.

Важно, что в этом примере, который может показаться абсолютно хаотичным, по сравнению с предыдущими выделенными типами О. Б. Сиротинина выделяет целый ряд элементов текстовой системности (что будет особенно заметно при сравнении со следующим типом — дискурсами): так, наличествует речевой замысел: пришел поболтать с девушкой и взять у нее что-нибудь почитать, — который реализован: разговаривающие расстаются не тогда, когда выясняется, что разговор идет уже час, а только после того, как студент-физик получил книгу. Этот текст-разговор, как и большинство таких, политематичен (о Белле, о Бабеле, об умении его читать, о памяти, о посещении поликлиники, видах спирта, друзьях, о Сименоне), но основные темы две: книги и больной глаз, и обе находят свое завершение. Как развитие тем, так и переход к новой теме осуществляются то по воле одного, то по воле другого собеседника, оба они равно активны, но заканчивает разговор тот, кто его начал, — гость, речевой замысел которого оказался исчерпанным.

5. **Дискурсы** — факты, не укладывающиеся в понимание текста даже как реализацию речевого замысла: в них идет обмен какими-то репликами без особого речевого замысла или речевой замысел оказывается нереализованным из-за собеседника, из-за какой-то внешней причины и т. д., например:

Б. Ну дать тебе?

Е. Нет.

Б. На, попробуй, попробуй.

Е. Достаточно.

Б. С какого времени ты стала замечать что вот так, живот пучит?

Е. Так приблизительно с января верно.

В. С января...

Б. Ого, шампанское. На, попробуй.

А. У нас стоит к твоему приезду красное шампанское.

Б. А вот это вот зря. Потому что это угольная кислота, она ни к чему.

А. А вот она уверяет, что у нее от него живот опадает.

Б. Да.

О. Б. Сиротинина подчеркивает, что именно дискурсы, а не тексты и даже не текстоиды составляют основу реального разговорного общения.

Впервые сформулированная М. М. Бахтиным идея о существовании разных типов жанров/текстов, различающихся степенью своей жесткости/свободы, получила некоторое развитие в современной теории дискурса — как степень формализации дискурса, особенно при изучении ритуального дискурса, где моменты формализации наиболее очевидны. Так, В. И. Карасик [2002: 400] разграничивает **мягкую** и **жесткую** формализацию ритуального действия в зависимости от того, насколько жестко фиксированы те или иные параметры ситуации ритуального взаимодействия.

«Внутренняя характеристика ритуального действия проявляется в степени жесткости фиксации тех или иных параметров исходной ситуации. В этом смысле можно противопоставить мягкую и жесткую формализацию ритуального действия. В первом случае (мягкая формализация ритуального действия. — В. Д.) содержательная суть ритуала (сверхценность значимость) допускает вариативность форм выражения соответствующего действия, здесь имеет место реальная коммуникация «с оглядкой» на прецедентную ситуацию. Во

втором случае (жесткая формализация. — В. Д.) форма становится приоритетной и приобретает собственную сверхценную значимость. Блустители религиозных ритуалов хорошо знают, что жесткая формализация ведет к семантическому выветриванию содержания исходного действия, положенного в основу ритуала (это соответствует закону С. Карцевского об асимметричном дуализме языкового знака), поэтому жестко формализованный ритуал неизбежно приобретает сугубо эстетическую, декоративную ценность. Если мы обращаем внимание прежде всего на красоту ритуального действия, у нас есть все основания считать, что исходное содержание ритуала уже стерто. В узком смысле именно такие действия часто рассматриваются как ритуалы» [Карасик 2002: 400].

Разная степень ритуализации обнаруживается не только у различных видов дискурса, но и у различных жанров внутри одного дискурса. Например, в кандидатской диссертации аспирантки В. И. Карасика М. Г. Извековой показывается, что наивысшей степенью ритуализации (и соответственно, наиболее жесткой формализацией) обладают такие жанры педагогического и медицинского дискурса, как экзамен и операция; меньшей степенью ритуализации (мягкой формализацией) — занятие, консультация/прием [Извекова 2006: 173].

Опираясь, с одной стороны, на идеи В. И. Карасика и М. Г. Извековой, с другой — на идею о существовании жанров разной степени жесткости самого М. М. Бахтина, Е. И. Шейгал и И. С. Черватюк исследуют проявления категории коммуникативной власти в мягко и жестко формализованных речевых жанрах. Исследовательницы выделяют в институциональном дискурсе жанры жесткой формализации (*хирургическая операция* в медицинском дискурсе и *экзамен* в педагогическом дискурсе) и жанры мягкой формализации (*врачебная консультация* в медицинском дискурсе и *урок* в педагогическом дискурсе), общение в которых не ограничено каким-либо формальными рамками и происходит уже вне институционального поля (т. е. коммуниканты перестают исполнять коммуникативные роли агентов и клиентов института). Е. И. Шейгал и И. С. Черватюк подчеркивают, что данные жанры различаются «степенью властного заряда маркера», которая выше в жанрах жестко формализованного дискурса, где у коммуниканта меньше степень свободы в отклонении от ожидаемой реакции [Шейгал, Черватюк 2007].

Одним из наиболее принципиальных моментов рассмотренных классификаций (классификации О. Б. Сиротининой, Кв. Кожевнико-

вой, М. Г. Извековой и других, а также сама идея степени жесткости жанра М. М. Бахтина) является представление о том, что степень жесткости речи/текста прямо связана с особенностями интерпретативной деятельности адресата речи — точнее, интенсивность интерпретативной деятельности адресата речи обратно пропорциональна этой степени жесткости.

Именно эта идея лежит в основе классификаций текстовых смыслов, предлагаемых, например, И. Р. Гальпериным, М. Ю. Федосюком и другими.

Так, И. Р. Гальперин, исследующий информативность текста, выделяет три типа текстовой информации: содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую информацию. Содержательно-фактуальная информация — это сообщение о фактах, событиях, процессах, которые происходили, происходят, будут происходить в окружающем мире, действительном или воображаемом. Содержательно-концептуальная информация — это, так сказать, замысел автора плюс его содержательная интерпретация. Содержательно-подтекстовая информация — факультативная, или скрытая, информация, извлекаемая из участков текста, несущих содержательно-фактуальную информацию, благодаря общей способности языка порождать ассоциативные и коннотативные значения [Гальперин 1981].

Опираясь на данную классификацию, М. Ю. Федосюк, исследующий имплицитные способы передачи информации в тексте, выделяет текстовое, подтекстовое и притекстовое имплицитное содержание: передача текстового имплицитного содержания отвечает явным коммуникативным намерениям отправителя текста, при этом данное содержание выражается в таких контекстно-ситуативных условиях, которые не позволяют получателю текста не воспринять его (например, реплика *Я должен готовиться к экзамену* в ответ на *Давай пойдем в кино вечером* выражает текстовое имплицитное содержание 'Я не пойду в кино'). Передача подтекстового содержания входит в скрытые коммуникативные намерения отправителя текста, при этом данное содержание выражается в таких контекстно-ситуативных условиях, которые не требуют обязательного его восприятия, но в то же время содержат определенные свидетельства о том, что передача этого содержания была запланирована отправителем (например, у реплики *Вчера целый вечер проболтал по телефону с Гарри Каспаровым* можно выявить, хотя и не со стопроцентной вероятностью, подтекстовое имплицитное содержание 'Я хорошо знаком с известным шахматистом'). Притекстовое содержание может быть

выведено из текста, хотя его передача и не входила в коммуникативные намерения отправителя (реплика *Вчера целый вечер проболтал по телефону с Гарри Каспаровым* дает определенные основания для вывода ‘У говорящего есть телефон’) [Федосюк 1988: 12–13].

Итак, понятие жесткости формализации речи помогает прояснить типологизация типов и жанров дискурса/текста на основе степени интенсивности интерпретативной деятельности адресата речи.

Нам представляется, что рассмотрение типов и жанров речи с этой точки зрения в наибольшей степени отвечает идеям М. М. Бахтина, в то же время такая модель позволяет воспользоваться для поставленной цели достижениями активно развивающихся в последнее время содержательных, когнитивных и других антропоцентрических тенденций в изучении дискурса.

Для начальной типологизации удобно исчислять степень интенсивности интерпретативной деятельности слушающего на основе дополнения/замены исходного текстового смысла.

Предлагаемая здесь классификация учитывает как степень жесткости правил, по которым строится высказывание, так и (прежде всего) степень интенсивности интерпретативной деятельности адресата речи.

На данном основании — степень жесткости системной организации речевой/невербальной коммуникации — мы предлагаем типологию коммуникации по нарастанию общей нежесткости/неконвенциональности/непрямоты/содержательной сложности (подробнее см.: [Дементьев 2006: 78–99]):

1. Самая малая (нулевая) степень непрямоты представлена **ядерными** (по Н. Хомскому) **предложениями** типа *Мальчик бежит*.

2. Несколько больших интерпретативных усилий требуют **неизосемические языковые конструкции**², являющиеся результатом тех

² Противопоставление изосемических и неизосемических синтаксических моделей теоретически обосновано Г. А. Золотовой как противопоставление «моделей: а) основных, центральных в синтаксической системе; б) вариативных, периферийных, синонимичных первым, находящихся с ними в регулярных структурно-смысловых отношениях (актива — пассива и пр.)» [Золотова 1982: 145]. Данное противопоставление восходит к противопоставлению ядерных и производных синтаксических структур в трансформационной грамматике (см.: [Хомский 1962]): первые характеризуются

или иных трансформаций ядерных: конструкции с отрицанием, с неличными формами глагола, с глаголом не в изъявительном наклонении, осложненные придаточными предложениями и обособленными членами и т. п., типа: *Бегущему мальчику не казалось бы странным то, что его появление могло быть истолковано как внезапное и нежелательное вмешательство, если бы ...* (данное предложение может быть сколь угодно широко развернуто), а также конструкции с косвенной речью типа: *Мальчик сказал, что он бежит.*

3. Эллиптические конструкции требуют от адресата домысливания, но минимального, поскольку смысл недостающих элементов имплицитного высказывания восполняется за счет незамещенных языковых валентностей наличествующих структурных компонентов высказывания и контекста: *Ты собираешься в кино? И я с тобой? И я с тобой пойдю.*

4. Четвертый тип составляют находящиеся как бы на пересечении языкового эксперимента и аномалии **образные средства языка, тропы, языковая игра**, реализующие потенциальные возможности языка. Интерпретативная деятельность слушающего в них обязательна. Особенно значительной интерпретации требуют тропы с напряженным типом экспрессии (по В. В. Виноградову [Виноградов 1976: 444]) типа:

*Пусть он не хочет глаз моих,
Пророческих и неизменных.
Всю жизнь ловить он будет стих,
Молитву губ моих надменных.*

А. Ахматова. О, это был прохладный день...

Данную группу составляют высказывания с подтекстовым имплицитным содержанием.

единством семантических, морфологических и синтаксических признаков, во вторых функционально-семантические и морфолого-синтаксические признаки расходятся. Неизосемические конструкции соотносимы с соответствующими изосемическими (прямыми) конструкциями. Например, неизосемические конструкции *Брат за работой; Брат ленится; Волки наперечет* соотносимы с изосемическими средствами выражения значений действия, признака, количества (глагол, прилагательное, числительное) [Золотова 1982: 180].

5. Для восприятия смысла **конвенциональных косвенных иллюкутивных актов** типа *Can you open the window?* в отличие от предыдущих групп уже в принципе недостаточно языковых значений — ни реальных, ни потенциальных. Их содержание обычно подтекстовое, но иногда — притекстовое.

В этом месте последовательность размещения типов НК по нарастанию степени интенсивности интерпретативной деятельности слушающего, по-видимому, нарушается: тропы, требующие языковой, но нестандартной интерпретации, в большей степени НК, чем неязыковые, но конвенциональные иллюкутивные акты. Однако нам кажется удобным выдерживать внутри данной шкалы единый принцип разграничения вербальных и невербальных коммуникативных средств.

Остальные группы представлены неконвенциональными коммуникативными действиями. Их содержание только притекстовое. Перечислим их по уменьшению степени конвенциональности / нарастанию степени «непрямоты».

6. Высказывания, интерпретация которых не задана правилами языка, но более или менее осознанно регулируется говорящим, будучи осуществляема в рамках соответствующего речевого (коммуникативного) жанра с нежесткой композицией, при этом здесь также можно выделить ряд разновидностей по уменьшению степени жесткости жанровой композиции. Это прежде всего **фатические** речевые жанры, например *флирт, иронические высказывания, светская беседа*.

7. Последнюю группу составляют ситуации НК, где интерпретация слушающего вообще не опирается на буквальное содержание текста, произносимого отправителем. Это полностью **свободная и непредсказуемая интерпретация**. Жанровые правила здесь не соблюдаются. (Конечно, мы говорим о текстах, предоставляющих адресату не полную, а лишь относительно большую свободу интерпретации по сравнению с предшествующими типами НК.) Например:

А. С. Пушкин. «Дубровский»: Андрей Гаврилович Дубровский должен написать ответ на судебное требование немедленно представить доказательства того, что село Кистеневка принадлежит ему по праву. Такой документ Андрей Гаврилович составил, но неумело и грубо. Получив его, поверенный Троекурова Шабашкин выводит смысл, опираясь на проявившиеся в тексте свойства адресанта и на свой опыт работы в суде:

Андрей Гаврилович, изумленный неожиданным запросом, в тот же день написал в ответ довольно грубое отношение, в коем объявил он, что сельцо Кистеневка досталось ему по смерти покойного его родителя, что он владеет им по праву наследства, что Троекурову до него дела никакого нет и что всякое постороннее притязание на сию его собственность есть ябеда и мошенничество.

Письмо сие произвело весьма приятное впечатление в душе заседателя Шабашкина. Он увидел, во 1) что Дубровский мало знает толку в делах, во 2) что человека столь горячего и неосмотрительного нетрудно будет поставить в самое невыгодное положение.

Коммуникация, выраженная ядерным предложением типа *Мальчик бежит*, отличается по интерпретативной активности адресата от коммуникации, выраженной эллиптическим предложением или тропом, неконвенциональным или невербальным высказыванием. Коммуникация, выраженная ядерным предложением, в большей степени опирается на смыслы, выраженные лексикой и грамматикой языка (значения). Однако возможны случаи, когда коммуникация, выраженная ядерным предложением *Мальчик бежит*, требует больших интерпретативных усилий, чем эллиптическая (высказывание *Мальчик бежит* может быть сообщением о спортивном беге, беге от опасности, о встрече). Любое высказывание погружено в конкретную ситуацию общения и зависит от нее. Понять, что имеется в виду, если неизвестна ситуация, невозможно. Даже в вопросно-ответном единстве *В какое море впадает Волга? — Волга впадает в Каспийское море* в реальной коммуникации всегда можно найти много дополнительных смыслов (информация о говорящем, о слушающем). Оппозиция семиотической и несемiotической коммуникации, безусловно, градуируема. Очевидно, однако, насколько трудно поддаются объективации подобные классификации при отсутствии разработанной процедуры анализа и метаязыка описания (ср. ряд интересных моделей, предлагаемых в [Sperber, Wilson 1995]). Адекватная классификация разновидностей несемiotической коммуникации — дело будущего.

Теоретическое осмысление вторичных РЖ, основанных, как было показано, на особых отношениях между тем, что было раньше (в формальном и содержательном плане), и тем, что есть сейчас, т. е. на диадном механизме, где членами каждой конкретной диады могут выступать разные единицы, — отсюда разные типы вторичных жанров, и конвенциональных / неконвенциональных жанров, восходящих

к оппозиции упорядоченной/неупорядоченной коммуникации и семиотической/семантической знаковой системы, вновь выводит нас на общетеоретическую проблему более общего характера, отчасти уже рассмотренную в главе II, — жанры речи в парадигме прямой и не-прямой коммуникации.

3.3.2. Жанры в парадигме прямой и не-прямой коммуникации

Жанры различаются степенью упорядочивания («выпрямления») коммуникации. Их можно разместить на шкале прямой ~ не-прямой коммуникации, основанной на степени активности интерпретативной деятельности адресата речи (см. выше). Уменьшение «непрямоты» на шкале обусловливается, во-первых, тем, что бывают более и менее жесткие жанры с точки зрения своей структуры, а во-вторых, и главное, тем, что на жанровые требования накладываются ограничения с других сторон, прежде всего со стороны языка. С точки зрения степени упорядочивания коммуникации можно выделить следующие разновидности высказываний:

1) высказывания, на которые накладываются ограничения со стороны языка, со стороны жанра, а также со стороны логики развития самой коммуникативной ситуации. Смыслы, передаваемые такими высказываниями, «выпрямлены» посредством аттракторов языкового и жанрового типов. Их общий план содержания складывается из значений (языковой стандарт), типичных импликатур (речевая системность, жанровый стандарт) и собственно смыслов (актуализация высказывания в конкретной коммуникативной ситуации);

2) высказывания, в которых есть актуализированный в конкретной коммуникативной ситуации смысл и жанровая стандартизация, но нет языковой стандартизации. Наиболее распространенными разновидностями коммуникации этого типа являются фасцинация и фатика;

3) высказывания, в которых есть актуализированный смысл и нет речевой/жанровой стандартизации.

Здесь следует отметить следующее. Если бы, как считает Ст. Гайда, «нежанровых» высказываний не существовало [Гайда 1999: 105] и жанровотипизированной/конвенциализированной являлась бы любая коммуникация, то само понятие *аттрактор* было бы неприменимо к коммуникации: для такого допущения коммуникацию необходимо признать в целом открытой, сильно неравновесной системой.

Отметим, что против такого допущения в известном смысле выступал сам М. М. Бахтин, неоднократно утверждавший, что коммуникация не является хаотической именно потому, что ее упорядочивают жанры: «Изучение природы высказывания и речевых жанров имеет, как нам кажется, основополагающее значение для преодоления упрощенных представлений о речевой жизни, о так называемом речевом потоке, о коммуникации и т. п., представлений, еще бытующих в нашем языкознании» [Бахтин 1996: 167].

Но, по-видимому, все же не вся коммуникация без остатка «покрывается» жанровыми аттракторами. Это связано с тем, что многообразие коммуникативных смыслов и интенциональных состояний коммуникантов не может быть полностью формализовано ни значениями языковой системы, ни вообще средствами какой-либо знаковой системы. Таким образом, это многообразие не может быть полностью формализовано и речевой жанровой системностью.

Лингвисты очень давно начали интересоваться смыслами, которые не могут быть переданы конвенциональными средствами — средствами языка и других знаковых систем. Ср. в связи с этим определение языка, данное А. Шлейхером: «Язык есть звуковое выражение мысли, проявляющийся в звуках процесс мышления. Чувства, восприятия, волеизъявление язык прямо не выражает: язык — не непосредственное выражение чувства и воли, но только мысли. Если необходимо через посредство языка выразить чувства и волю, то это возможно сделать только опосредованным путем, и именно в форме мысли» [Шлейхер 1960: 92]. Из приведенного высказывания А. Шлейхера как будто бы не следует, что человек не может выразить «чувства, восприятия, волеизъявление» при помощи какой-либо альтернативной коммуникативной системы например жанровой — исследователь пишет только о языке. Но, нам думается, мысль А. Шлейхера можно понимать так, что не только язык, но и речевая системность жанрового типа оказывается бессильной перед непосредственным выражением психологического состояния человека (в результате попыток такого рода чаще всего порождаются крайне неуклюжие и примитивные тексты).

Жанры задают различные направления и правила интерпретации. Так, Б. Ю. Норман [Норман 1991] сравнивает два жанра, требующих эстетической интерпретации, — стихотворение и песню — и приходит к выводу, что один и тот же текст в качестве песни требует гораздо более простой интерпретации, чем в качестве стихотворения:

«(в песнях) смысл отходит на второй план, приглушается по сравнению со стихотворным оригиналом. (...) забивается он не музыкой, нет — самим жанром песни» [Там же: 111]. Б. Ю. Норман даже относит наслаждение от песни к первичным сигнальным системам: «(...) при восприятии (текста песни) первая сигнальная система превалирует над второй, и эстетическое наслаждение достигается не столько благодаря активной работе сознания, сколько, наоборот, благодаря его “дремоте”» [Там же: 113].

Коммуникация «выпрямляется» в наибольшей степени в результате использования аттракторов семиотического типа (по Э. Бенвенисту), которые, вероятно, образуют внутри общей системы коммуникативных аттракторов — языковых и неязыковых — ряд особых замкнутых полей.

В целом в коммуникации такого типа смыслы более всего опираются на форму высказывания или проистекают непосредственно из этой формы, а следовательно, все сказанное выше об общих закономерностях соотношения прямой и непрямой коммуникации относится к ним в меньшей степени.

Ярким примером коммуникации такого типа, по нашему мнению, может служить **этикетная коммуникация**.

Этикетные коммуникативные смыслы относительно подробно описаны в лингвистической литературе, однако они почти не рассматривались с этой точки зрения. Так, И. Н. Горелов экспериментально выявил, что при восприятии ритуальных высказываний интерпретативная деятельность ослаблена (как известно, это характерно для прямой коммуникации): «коммуникативный опыт позволяет всегда слушать ритуальную часть диалога без особого внимания: в привычном словесном ритуале встречи почти не бывает важной информации» [Горелов, Седов 1998: 97]. В то же время этикетные знаки, несомненно, требуют определенных интерпретативных усилий, поскольку относятся к *дейктическому* полю языка [Бюлер 1993; Гольдин 1987; Падучева 1985; Шмелев 2002а; Кравченко 1992, 1999]. С формальной стороны, дейктический знак обращен к системе языка, полностью подчиняясь ей, с содержательной стороны — к внеязыковой действительности. Дейктический знак — лингвистическая переменная, актуальный смысл которой выводится из ситуации общения и не существует вне ее. Например, рукопожатие имеет смысл приветствия только в конкретной ситуации общения: оно не может быть обращено

ни к прошлому, ни к будущему, ни к лицам, находящимся за пределами данной ситуации, его значение не может варьироваться со стороны модальности (посредством рукопожатия совершенно невозможно передать такой, например, смысл, как 'Вчера Вася не поздоровался с Петей').

Как любая коммуникативная (знаковая) система, этикет имеет виртуально-актуальную природу. При функционировании системы всегда имеет место некоторая вариативность, а значит, непрямая коммуникация. Как любая коммуникативная ситуация, ситуация использования системы этикета обрастает множеством дополнительных смыслов, проистекающих из ситуации общения и в конечном счете неисчислимых и непредсказуемых. Кроме того, использование этикетных формул может преследовать разные цели, вплоть до противоположных изначально присущим им (ирония, сарказм, издевка), — в этом случае от собственно этикета остается одна только форма высказывания.

Система этикета внутренне неоднородна; наименьшей жесткостью и наибольшей вариативностью характеризуется бытовой речевой этикет, который «основан не только на этикетных формулах; более того, в ряде случаев люди могут обходиться в разговоре и вовсе без них, хотя при этом не будут преследовать никаких целей, кроме этикетных» [Тупикова 2003: 13; ср. также: Тырникова 2003]. Например, в качестве приветствия в разговорной речи вполне адекватна форма без собственно формулы приветствия:

— *Ой Леночка/сто лет тебя не видела // Как ты выросла // Ну, как дела?*

— *Здравствуйте тетя Катя/спасибо/хорошо // [Тупикова 2003: 13].*

Наконец, в этикетной коммуникации, как в человеческой коммуникации в целом, итоговый коммуникативный смысл всегда является прерогативой интерпретирующего адресата высказывания. Никакие усилия говорящего построить высказывание так, чтобы достигнуть единственного желаемого эффекта, не дают гарантий того, что реакция адресата будет именно такой, какая требуется в данном случае. Наши самые исчерпывающие извинения не заставят собеседника простить нас, если он разгневан и не хочет слышать о примирении (как извинения не помогли избежать дуэли Николаю Ставрогину в «Бесах» Ф. М. Достоевского, поскольку его собеседник, Артемий Гаганов,

жаждал крови); напротив, самая неподходящая форма не мешает этикетному действию состояться, если адресат настроен на его осуществление; ср. другую ситуацию в «Бесах»:

...В тот раз она их помирила. Петр Степанович не то чтобы попросил извинения, а отделался какой-то грубой шуткой, которую в другой раз можно было бы принять за новое оскорбление, но в настоящем случае приняли за раскаяние.

Все эти свойства этикета совпадают с названными выше общими свойствами функционирования коммуникативных систем. Однако данный тип обнаруживает несколько принципиальных отличий с точки зрения распределения в нем элементов прямой и непрямо́й коммуникации.

Хотя в любой ситуации использования системы этикета присутствуют смыслы, несущие непрямоту (высказывание можно произнести нейтрально, можно более вежливо), они всегда остаются лишь маргинальными, дополнительными к основным этикетным смыслам, всегда выраженным прямо. Собственно этикетные смыслы, т. е. смыслы институциональных действий в социальном измерении реальности, таких, как *извинение, поздравление, соболезнование* и т. д., как правило, не допускают полисемию и омонимию: главное этикетное содержание должно быть выражено точно и в полном объеме и должно быть понято однозначно. Так, в случае косвенной просьбы *Can you open the window?* ‘Вы можете открыть окно?’ у адресата всегда остается возможность понять вопрос в буквальном смысле, как и у говорящего есть возможность сделать вид, что он не имел в виду побудить адресата совершить действие. Очевидно, что в случае этикета это невозможно.

При использовании системы этикета в коммуникации наличие знака находится в жесткой оппозиции к его отсутствию, а отсутствие знака является значимым и понимается однозначно (как отсутствие этикетного знака обычно понимается и трансформация формы), что характерно для семиотических систем по Э. Бенвенисту. Так, например, понимается факт неотправления вовремя поздравительной телеграммы: «С нашей точки зрения, знак не был послан, ни положительный, ни отрицательный: просто система связи не была включена. Однако это неверно. Ведь сигнал выбора — праздник — отменен не был. ⟨...⟩ Сообщение не было послано, но адресат его получил, и оно не было приятным» [Гольдин 1978: 22].

Даже бытовой речевой этикет, допускающий большую свободу и, казалось бы, неограниченное варьирование, является такой же семиотической системой: наличие знака является обязательным (пусть требования к его форме гораздо менее жесткие), а отсутствие знака — значимым.

Понимая этикет как семиотическую систему, мы (вслед за В. С. Храковским и А. П. Володиным [1986]) разграничиваем этикет и вежливость: принципиальная разница между ними состоит в том, что нормы этикета не дают человеку свободы выбора и ставят употребление того или иного знака в жесткую зависимость от релевантных социальных отношений (ситуация общения, возраст, интимность, служебное положение, роли говорящего и слушающего и т. д.), тогда как выражение или невыражение вежливого отношения является свободным, факультативным: «Соблюдая правила речевого этикета, мы не бываем специально учтивы или любезны, мы нейтральны в этом отношении и иными быть не можем в ситуации принудительного выбора одной из двух форм обращения. Правда, мы можем нарушить правила речевого этикета, но тогда от нейтральной (а не вежливой!) формы обращения мы переходим либо к грубой, либо к странной форме» [Там же: 225].

Разграничиваем вежливость как явление косвенно-речевое, представляющее собой факультативное украшение речи, и этикет как явление обязательное (часто языковое), при нарушении которого не может нормально осуществляться коммуникация. Из этого, между прочим, следует, что этикетные смыслы всегда выражены и при этом всегда выражены именно так, в такой форме, какая требуется, т. е. прямо. Таким образом, в этикетных знаках сочетается формальная прямота, проистекающая из отмеченной выше семиотической природы системы этикета, и содержательная неполнота, проистекающая из их принадлежности к дейктическим знакам — лингвистическим переменным. Будучи включены в конкретную ситуацию общения, знаки речевого и неречевого этикета в ее пределах точно и однозначно транслируют смыслы.

Во всех национальных речевых культурах системы речевого этикета (см. о национальных системах речевого этикета, например русского [Балакай 2001], русского и английского в сопоставлении [Ларина 2003], польского [Ozog 1990]) образуют жесткие (семиотические) коммуникативные подсистемы в составе общей системы языка.

Т. В. Ларина, например, выявила, что принципиальное отличие английского вежливого, этикетного поведения от русского состоит в большей активности: обязательна постоянная демонстрация уважения и внимания к окружающим, экспликация общей оптимистической тональности (выражение положительных эмоций, прямое восхищение), тогда как в русской культуре вежливое поведение обычно понимается лишь как соблюдение правил приличия, т. е. этикетное бездействие [2003: 27–29]; иными словами, демонстрация уважения и внимания к окружающим в английской речевой культуре относится к императивным нормам вежливости, а в русской — к рекомендуемым и факультативным, в терминологии Г. Р. Шамьеновой [2001: 180]. Соглашаясь с Т. В. Лариной в целом, я не считаю выражение *этикетное бездействие* удачным именно потому, что в этикетной коммуникации наличие знака находится в жесткой оппозиции к его отсутствию, а отсутствие знака является значимым: например, в ситуации, когда мне протягивают руку для рукопожатия, *этикетное бездействие* скорее всего означало бы, что я НЕ протяну руку в ответ (после этого коммуникация с очевидностью невозможна). По-видимому, об этикетном бездействии в терминологии Т. В. Лариной можно говорить в том случае, когда я под аю в ответ руку, но кроме этого не совершаю никаких действий. Но это не бездействие! Из того, что английская система этикета имеет более обязательный характер и требует большей активности, не следует, что другие, менее жесткие этикетные нормы представляют собой бездействие (иначе из того, что английской фонетике свойственна большая четкость и напряженность артикуляции, чем русской фонетике, следовало бы фонетическое бездействие русского языка!).

Любая возможная косвенность этикетных речевых действий принципиально ограничена: она не может затрагивать в них главного, т. е. собственно этикетного содержания. Так, в русской речи ничем другим нельзя заменить обращение на *Вы*, если отношения между собеседниками имеют официальный характер. Возможны многообразные вариации формы высказывания, при этом косвенная форма может быть не только более вежливой, но и менее вежливой (и даже иметь целью избежать нежелательной в данном случае вежливости — см.: [Норман 1987: 120]).

Вспомним разговор князя Мышкина с Лебедевым о генерале Иволгине (Ф. М. Достоевский «Идиот»): генерал, поддавшись порыву алчности, украл у Лебедева кошелек, а потом, устыдившись собственного поступка, подбрoсил кошелек назад. К тому времени пропажа была

обнаружена, но Лебедев пока не сообщил о ней никому, кроме князя Мышкина. Лебедев обсуждает с князем, как ему следует поступить. Мышкин горячо просит его простить генерала, настаивая на том, что, во-первых, поступок генерала свидетельствует о его раскаянии, во-вторых, — и это очень интересно — будто бы тот, подбросив кошелек без объяснений, тем самым уже совершил этикетное действие: он извинился, и извинился п р я м о:

— Помилуйте, да уж тем одним, что он так на вид положил вам пропаяжу, под стул да в сюртук, уж этим одним он вам прямо показывает, что не хочет с вами хитрить, а простодушно у вас прощения просит. Слышите: прощения просит! Он на деликатность чувств ваших, стало быть, надеется; стало быть, верит в дружбу вашу к нему. А вы до такого унижения доводите такого... честнейшего человека! <...> с ним будьте ласковы, но... не слишком делайте вид, и... и... знаете...

— Знаю, князь, знаю, т. е. знаю, что, пожалуй, и не выполню; ибо тут надо сердце такое, как ваше, иметь.

Можем ли мы согласиться с князем Мышкиным в том, что генерал *уж этим одним прямо показывает, что прощения просит*? Конечно же нет: это никак не может быть прямым извинением, а следовательно, не может быть извинением вообще. И Лебедева не удовлетворило такое «извинение»: он был тронут благородством Мышкина, заступающегося за генерала, но отказался следовать его совету. Лебедев фактически настаивает на прямом извинении, которого генерал предпочел бы избежать. Реакция Мышкина — это реакция сверхдоброго, сверхблагородного человека, но ее именно поэтому нельзя считать в этой ситуации обычной или стандартной.

В этом отношении, думается, не права Т. В. Тарасенко [1999], считающая, что у этикетных речевых жанров (*благодарность, извинение, поздравление, соболезнование*) могут быть различные, в том числе невербальные, содержательные эквиваленты (обнимающие движения, похлопывание по плечу и т. д.).

Может ли человек в ситуации, когда от него требуется извинение, вместо этого похлопать по плечу обиженного им собеседника? Вообще говоря, не так уж трудно представить ситуацию, когда такое «извинение» достигнет желаемого эффекта (это подтверждает и приведенный пример из «Бесов»). Например, это возможно, если оба собеседника принадлежат к одной группе, где принято извинять-

ся только таким образом, — но тогда, естественно, такой способ извинения будет не косвенным, а прямым. Во всех остальных случаях передача этикетного смысла посредством такого заменителя может произойти только вопреки существующим правилам. В стандартных условиях это было бы не что иное, как сознательное нарушение норм этикета, когда человек понимает, что поступает грубо, но все же предпочитает действовать так по той или иной причине. Это так даже в том случае, если собеседники принадлежат к социальной группе, где грубоватые и фамильярные отношения вошли в привычку, но еще не стало нормой извиняться только таким образом.

Ср. «извинение» Николая Ставрогина в «Бесах»:

Николай Всеволодович (...) не только не смутился, но, напротив, улыбался злобно и весело, «без малейшего раскаяния». Шум поднялся ужаснейший; его окружили. Николай Всеволодович повертывался и поглядывал кругом, не отвечая никому и с любопытством приглядываясь к восклицавшим лицам. Наконец (...) нахмурился, твердо подошел к оскорбленному Петру Павловичу и скороговоркой, с видимою досадой, пробормотал:

— Вы, конечно, извините... Я, право, не знаю, как мне вдруг захотелось... глупость...

Небрежность извинения равнялась новому оскорблению. Крик поднялся еще пуще. Николай Всеволодович пожал плечами и вышел.

Хотя в этом «извинении» нет значительных нарушений речевой формы (есть и формула *Вы извините*, и объяснение причины поступка: *Я, право, не знаю, как мне вдруг захотелось*, и даже самоуничижение: *глупость*), из-за нарушений невербального ряда (*улыбался злобно и весело, «без малейшего раскаяния»; пробормотал скороговоркой, с видимою досадой*) оно повлекло за собой подозрение в сумасшествии, а спустя три года — вызов на дуэль.

Таким образом, общие правила соотношения прямой и не прямой коммуникации особым образом проявляются в случае функционирования систем этикета: любая возможная не прямая коммуникация (в том числе вежливые косвенные высказывания) не выходит за пределы факультативных смыслов, дополнительных по отношению к основным этикетным смыслам, всегда выраженным прямо. Формулы речевого этикета, вошедшие в язык, образуют одну из многочисленных семиотических, ограниченных подсистем внутри неограниченной, семантической по преимуществу системы — естественного человеческого языка.

Прежде чем переходить непосредственно к косвенным речевым жанрам, подчеркнем, что данное явление — лишь один из аспектов той роли, которую жанры речи играют в делении коммуникации на прямую и непрямую и в организации каждой из этих двух разновидностей.

Жанровыми аспектами непрямого коммуникации являются: существование типических жанровых форм, в которые отливаются высказывания, в том числе высказывания НК; существование косвенных речевых жанров; существование внутриянровой вариативности; существование переакцентуации и вторичных РЖ; жанр как средство стандартизации и снятия ряда степеней «непрямоты» коммуникации; жанр как носитель некоторого объема имплицитной информации; РЖ как средство речевого осуществления диад НК.

Однако наиболее наглядным аспектом жанровой обусловленности НК являются косвенные речевые жанры. (Подробнее см. в: [Дементьев 2006: 247–259].)

3.3.3. Косвенные речевые жанры

Для выделения сущностных типологических черт косвенных речевых жанров необходимо разграничение: 1) собственно непрямого коммуникации, присущей коммуникации в рамках любого жанра, как и коммуникации вообще, — непланируемой непрямого коммуникации, долю которой и призваны ограничивать речевые/коммуникативные жанры; — 2) планируемой непрямого коммуникации, долю которой специально увеличивают косвенные речевые жанры.

1. Первый тип непрямого коммуникации понимается как неизбежная неточность в передаче и приеме смыслов вследствие непредсказуемости коммуникации, интерпретативной деятельности слушающего, наконец, вследствие обращения к языку, пронизанному НК.

2. Второй тип непрямого коммуникации используется сознательно как прием, имеющий целью программировать интерпретацию адресата в направлении, желательном для адресанта. Это имитация НК, использование тех свойств языка и речи, которые являются НК в других условиях.

Второй тип использования НК в речи противопоставлен первому типу — собственно непрямого коммуникации — как явление речевое явлению коммуникативному и, как это ни парадоксально, явление речевое явлению языковому.

Мы предлагаем терминологически противопоставлять данные два типа как непрямую коммуникацию-1 (непланируемую непрямую коммуникацию) и непрямую коммуникацию-2 (планируемую непрямую коммуникацию).

НК-2, хотя она строится как будто бы по законам НК, есть явление уже гораздо более простое и поддающееся систематизации в лингвистической терминологии. Главное, НК-2 нацелена на единственную интерпретацию со стороны адресата (хотя прямых языковых средств для достижения данной цели может и не существовать). В целом НК-1 и НК-2 можно противопоставить как бессознательное и сознательное начала, обуславливающие те или иные свойства текста.

Многие жанры включают такие требования к организации речи, которые состоят именно в выборе не прямой коммуникации (НК-2). Такие жанры мы называем косвенными. Правилами жанра определяются как причина обращения к НК, так и ее речевое оформление, в том числе: диадный механизм данной разновидности НК, способы ее взаимодействия с контекстом и ситуацией общения (соответственно, способы кодирования и декодирования, включающие пошаговую интерпретацию не прямых высказываний), конкретные формальные показатели, обусловленные интенциональными состояниями коммуникантов.

С одной стороны, предлагаемый нами термин-понятие «косвенный речевой жанр», очевидным образом пересекается с термином-понятием «косвенный речевой акт», что дает возможность жанроведам эффективно использовать достижения теории речевых актов. С другой стороны, данные понятия значительно расходятся. Косвенные РА почти всегда соотносимы с прямыми РА, обычно высококонвенциональны (последняя стадия развития для косвенных РА — грамматикализация) и воплощают скорее семиотическое, чем семантическое начало в языке (в терминологии Э. Бенвениста). Единственная возможность множественной интерпретации в косвенных РА имеет, по сути, формальный характер и является скорее теоретической, чем реализуемой на практике. Главное же отличие проистекает из такого свойства современной теории косвенных РА, как рассмотрение косвенных РА (как и РА в целом) в основном с позиций одного адресанта речи, где главным аспектом выступает целепологание.

Косвенные РЖ в этом отношении суть принципиально иное. Они, как и речевые жанры в целом, ориентированы на диалог. Порождаемые коммуникативные смыслы в принципе несводимы ни к прямым значениям, ни к монологическим интенциям. Не случайно

большинство рассматриваемых нами косвенных РЖ относятся к фактическим РЖ, которые нацелены на само общение и для которых, как будет показано в следующем параграфе, прямые средства вообще невозможны.

Главным действующим лицом в «теории косвенных жанров» вновь оказывается адресат, а аспекты их «непрямоты» связываются с теми аспектами интерпретативной деятельности адресата, которые обуславливаются правилами соответствующего жанра.

Дополнительные шаги в интерпретации НК часто продиктованы именно жанром. Например, в ситуации юбилея каждый выступающий в хвалебной торжественной речи увеличивает заслуги и достоинства виновника торжества, что считается в подобной ситуации нормальным:

Как в кошмарном сне, видится мне мой юбилей (...) Начинаются приветствия от фабрик и заводов, от Советской Армии и Флота, от учреждений культуры. Затем выбегают пионеры и школьники с цветами, но так как они не знают, кому их вручать, то им показывают на меня: «... вот этому дяде!» Ораторы бывают опасные. Иной, раскрыв папку с убористым текстом на две страницы, старается все прочитать сам, при этом называя меня Ростиславом Яковлевичем и безбожно путая даты. Оратор поопытнее просто сует мне в руки очередную папку, восклицая: «Дорогой наш, тут написано, как мы вас любим!» (Р. Плятт. «Без эпилога»).

Приведенная жанрово-этикетная рефлексия, с одной стороны, порождает НК, подобно всем ситуациям, включающим второй шаг интерпретации, с другой стороны, сама является частью этикета: после приветственной юбилейной речи ни один юбиляр не может обойти правила ответа, в котором обязательно нужно сказать что-то вроде «меня здесь столько хвалили, и я понимаю, что это неправда, что это только потому, что так принято...». Все это также отражает двойственность этикета.

Рассмотренные аспекты жанровой природы оформления прямой и не прямой коммуникации, в частности предлагаемое здесь определение косвенности, основанное, с одной стороны, на противопоставлении сознательного и бессознательного обращения к не прямой коммуникации, с другой — на степени интенсивности интерпретативной деятельности адресата речи, представляются важными для выделяемых и описываемых ниже групп, или типов, конкретных речевых жан-

ров, прежде всего фатических. В целом роль планируемой не прямой коммуникации, или косвенности, во всех фатических речевых жанрах настолько значительна, что степень косвенности высказываний можно принять в качестве основания типологии фатических речевых жанров.

3.4. Внутренняя классификация и отдельные типы речевых жанров

3.4.1. Фатические речевые жанры

Как уже говорилось в § 3.1, противопоставление фатики и информатики признается чрезвычайно существенным практически всеми лингвистами мира. Многие исследователи опираются на него и не употребляют данных терминов.

По мнению М. Л. Макарова, противопоставление **информации** и **коммуникации** является одним из важнейших положений современной феноменологии: «от того, по какому пути пойти, зависит вся концептуализация природы человеческого опыта, а также его адаптивной, преобразующей направленности» [Макаров 1998: 28; Deetz 1994]. М. Л. Макаров подвергает справедливой критике научную парадигму, в которой главным в коммуникации признается процесс передачи информации («коммуникация выступает как процесс оформления, своего рода “ратификации” репрезентаций в качестве информации и — более всего — как процесс, обеспечивающий ее трансляцию между индивидами» [1998: 27]). Основные направления этой критики следующие: во-первых, при таком понимании коммуникация/поведение рассматривается очень узко — как информация, содержащая указания (индексы) на мнения, верования, желания, компетенции индивида, т. е. внутренний мир личности. Во-вторых, коммуникацию, место которой в мире «где-то на пересечении социального и психологического», по мнению М. Л. Макарова, следует рассматривать не как механический процесс обмена сообщениями, а как «феноменологическое пространство, где опыт наполняется значением и смыслом, приобретает структуру, связность и цельность» [Макаров 1998; Schiffrin 1994; Богушевич 1985; Гришкин 1973; Harris 1991; Deetz 1994].

Уместно соотнести данную модель с некоторыми положениями современных исследователей фатической коммуникации, утверждающих, что фатическая коммуникация — коммуникация в наиболее

чистом виде, ее «свобода личного содержательно-стилистического изъяснения» не ограничивается «информативным объемом вербализуемой референтной ситуации», поскольку в ней «референтная ситуация является в известном смысле производным от коммуникативной ситуации» [Винокур 1993а: 136; 1993b: 6]. «Очевидно, именно фатическая речь выражает человека как языковую личность хотя и в неофициальном, но творческом ракурсе, имеющем аксиологическую ценность», — писала Т. Г. Винокур [Винокур 1993b: 11].

Точку зрения Т. Г. Винокур разделяют М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова, предложившие даже трансформировать оппозицию «информативная речь ~ фатическая речь» в оппозицию «фатическое общение ~ нефатическое общение» [Китайгородская, Розанова 1999: 30]. Из этой оппозиции видно, какую важную роль в общем пространстве коммуникации исследовательницы отводят фатической коммуникации. Ср. также модель Ю. Хабермаса — телеологическое (целенаправленное) действие, соответствующее «информатике», противопоставляется нормативному, драматургическому и коммуникативному действиям, соотносимым с «фатикой» [Habermas 1984: 85].

Характерно, что подобную точку зрения можно усмотреть в работах М. М. Бахтина, посвященных теории диалога: есть все основания утверждать, что Бахтин понимал диалог прежде всего как диалог *фатический* (хотя и не использовал этого термина): все интересы собеседников сосредоточены друг в друге, предмет речи вторичен: «Отношение к собеседнику и его речи — определяющий момент речи в диалоге, вне которого нельзя понять реплики. (...) Но в монологе ощущение слушателя иное, монолог более сосредоточен на предметно-логической или эмоционально-лирической стороне речи, не отклоняется от этой сосредоточенности действительным или предполагаемым вмешательством другого (чужой точки зрения, чужого несогласия и т. п.)» [Бахтин 1996: 216]. Данное положение, конечно, нельзя сводить к тому, что для Бахтина любой диалог — *small talk*, но оно оказывается очень важным при определении места бахтинского диалога в диаде «фатика — информатика», принципиальной для нашей работы.

По мнению Н. К. Бонецкой, философию диалога Бахтина необходимо рассматривать в парадигме всей диалогической философии XX в., соотнося его учение прежде всего с работами Франца Розенцвейга, Фердинанда Эбнера, Мартина Бубера. Однако при сопо-

ставлении с данными мыслителями обнаруживаются очень важные отличительные черты бахтинской концепции. Так, размышляя над творческим наследием великого мыслителя, Н. К. Бонецкая приходит к тому, что пресловутый «предмет речи» понимается Бахтиным как застывшая форма, это та «эстетическая чистота», которая всегда была неинтересна мыслителю: в последней своей духовной глубине диалог является взаимоотношением двух [Бонецкая 1995: 37–38]. Для Гадамера (в герменевтике) гораздо важнее диалог информативный, т. е. предмет речи: согласно его концепции, «Я» и «Ты» в реальном диалоге вообще очень скоро сливаются в единый «субъект диалога» — сливаются именно на почве предмета разговора. В качестве доказательства Н.К. Бонецкая приводит тот факт, что Гадамер опирается на диалоги Платона, которые принципиально тематичны, и Библию — авторитетнейший смысловой центр всего сущего. Мартин Бубер (в книге «Я и Ты») противопоставляет два «основных слова» — «Я — Ты» и «Я — Оно». Диалог, согласно Буберу, — это «Я + Мир», при этом «мир» может быть представлен либо «вторым» («Ты»), либо предметным миром («Оно»). «Оно» для Бубера тоже было очень важно, и в этом его отличие от Бахтина. Конечно, «собственно диалог» (т. е. диалог «Я — Ты») важнее всего и для Бубера, но Бубер считает, что такой диалог, говоря вообще, — чудо, и это чудо реализуется прежде всего в молчании (тогда как для Бахтина молчание указывает на глубокий кризис — если не смерть — субъектности) [Бонецкая 1995: 40–41]. Эта третья бытийственная позиция в диалоге (если предмет речи неважен) выступает у Бахтина как: а) предмет; б) слушатель/наблюдатель/сторонний; в) Бог. Предмет, как мы показали, неважен; слушатель, по мнению Бонецкой, в книге Бахтина о Достоевском вообще отсутствует... «Наш тезис состоит в том, что место Бога в бахтинской диалогической нравственной вселенной осталось необозначенным», — пишет Н. К. Бонецкая [1995: 41]. По мнению Бонецкой, в двух (1929 и 1963) изданиях книги о Достоевском оказались представлены концепции двух разных диалогов: 1929 г. — высокий/этический/христианский; 1963 (после книги о Рабле) — выродившийся первый, совместное беснование, сартровский диалог одержимых [Бонецкая 1995: 49].

Изучение отдельных ФРЖ в какой-то степени подготовлено Б. Малиновским, описавшим сейчас широко известный *small talk*, выделенный им в речи туземцев (их тривиальные разговоры по вечерам у костра, болтовня и сплетни во время работы). По мнению М.-Л. А. Драздаускене, разновидность фатической речи «*small talk*» впервые зафиксирована еще в 1751 г. в «Письмах» лорда Честэра [Драздаускене 1969: 81]. Е. Н. Винарская и Л. В. Мерзлякова выделя-

Т. Г. Винокур также делит фатическую речь на виды в зависимости от оппозиции «близкие—неблизкие отношения», правда, ее шкала по сравнению со шкалой А. Р. Балаяна не имеет левой части: «...между незнакомыми людьми — завязать знакомство, скоротать время в условиях вынужденного совместного пребывания (в транспорте, в очереди)... между мало знакомыми — укрепить знакомство; при случайном знакомстве — соблюсти правила вежливого поведения, когда молчать неловко... между хорошо знакомыми людьми — сохранить сложившийся тип отношений...» [Винокур 1993а: 139–140].

По нашему мнению, невозможно найти адекватное основание классификации фатических речевых жанров, как и выделить их существенные типологические черты, без осмысления роли в них разных видов не прямой коммуникации, о которой и роли которой в организации жанров речи в целом шла речь выше, — планируемой не прямой коммуникации, или косвенности, и непланируемой, или собственно не прямой коммуникации.

В целом роль НК во всех фатических речевых жанрах настолько значительна, что степень «непрямоты» высказываний можно принять в качестве основания типологии фатических речевых жанров.

Хотя точное исчисление степени косвенности в косвенных речевых жанрах, по-видимому, неосуществимо (и не вполне ясны возможные критерии такого исчисления), здесь дело обстоит все же значительно проще, чем в случае попытки исчисления «степени непрямоты» НК-1 (непланируемой не прямой коммуникации, собственно НК).

Дело в том, что косвенные речевые жанры (как и косвенные речевые акты) относятся преимущественно к НК-2, а не НК-1. Как и в косвенных РА, в косвенных РЖ говорящий использует средства, присущие НК, как прием, имея определенную цель. Отбор средств осуществляется им сознательно. В этом отношении все косвенные речевые жанры — это «риторические жанры» (по О. Б. Сиротининой). Поэтому средства и приемы НК-2 значительно легче систематизировать, чем НК-1. В частности, представляется возможным выявить «степень косвенности» НК-2, которую в целом можно понимать как нарастание в общении доли НК-2 и увеличение числа и жесткости запретов на экспликацию, которые необходимо все время держать в памяти.

Это несложно проверить при рассмотрении конкретных жанров фатической речи. Ясно, что в таких жанрах, как *объяснение в любви* или *оскорбление*, доля НК-2 минимальна. Здесь как раз о главной цели

общения говорится прямо; отметим, что в таких жанрах почти нет места и НК-1. Это почти конвенциональные жанры, связь означаемого и означающего в которых гораздо более устойчива и обязательна, чем во всех остальных ФРЖ.

Что касается *small talk*, то здесь уже, несомненно, есть НК-2. Будучи социальным общением, *small talk* предъявляет ряд требований к форме и содержанию речи, обойти которые нельзя. Особенно очевидно это в наиболее формализованной разновидности *small talk* — *светской беседе*. Так, существует целый ряд тем, которые нельзя использовать, есть темы, которые требуют иносказаний. Жанр светской беседы также предъявляет строгие требования к форме речи, которая включает косвенные речевые акты, и т. п. Все эти особенности *светской беседы* продиктованы тем обстоятельством, что светское общение должно доставлять минимум неудобств собеседникам и подчеркивать их высокий социальный статус. (Более подробному рассмотрению этого жанра посвящен специальный параграф.)

НК-2 есть не только в *светской беседе* — она присуща всем разновидностям *small talk*. Простейшие «пустые» разговоры попутчиков в поезде накладывают ряд ограничений на тематику и форму речи: не принято обсуждать подробности своей интимной жизни, в американской культуре, например, в *small talk* не принято говорить о своей заработной плате и т. д. Косвенный характер средств, используемых в *small talk*, очевиден, иначе собеседникам просто не о чем было бы говорить, кроме «у нас с тобой все хорошо».

Но это еще далеко не предел для НК-2. В целом степень косвенности в косвенных речевых жанрах можно определить следующим образом: присутствует ли в речи и в какой степени то, что необходимо специально скрывать. Ясно, что в *small talk* этого нет. Но существует целый ряд жанров, в которых истинную цель общения не просто не принято называть вслух, но нужно именно скрывать. Это, например, *флирт*, *ирония* и *розыгрыш*. НК-2 здесь господствует, такие жанры всегда предполагают единственную интерпретацию (говорю одно, имею в виду другое и при этом знаю, что именно). Таким образом, степень НК-1 таких жанров опять-таки невысока, она, несомненно, ниже, чем в *small talk*.

Итак, мы предлагаем типологию ФРЖ с двумя основаниями: степень косвенности в виде условно градуируемой вертикальной шкалы, соединенной с горизонтальной шкалой А. Р. Балаяна (от унисона, или искренних признаний и комплиментов, до диссонанса, или ссор и вы-

яснений отношений [Балаян 1971]). Все известные нам фатические речевые жанры располагаются на графике в виде двух прямых пересекающихся линий (рис. 2).

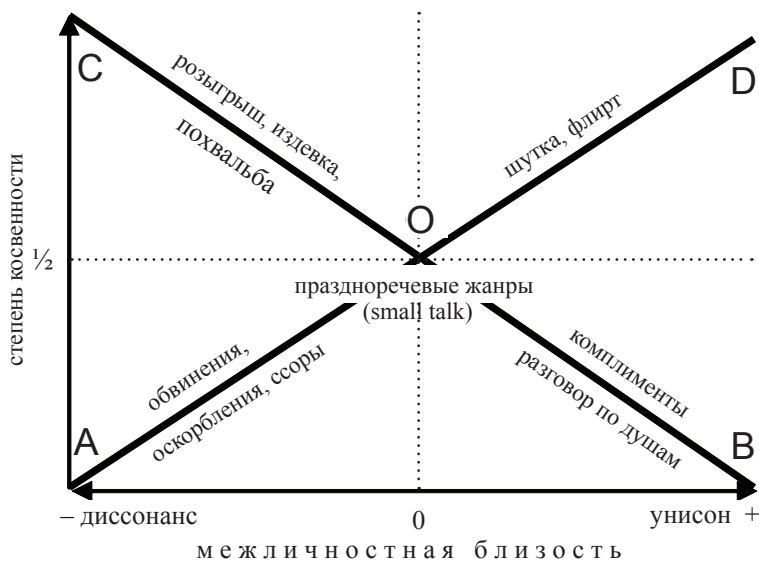

Рис. 2

В точке O находятся все праздноречевые жанры (д-5, согласно Н. Д. Арутюновой): они соответствуют нулю на шкале изменения отношений и условно $\frac{1}{2}$ на шкале степени косвенности.

ФРЖ с нулевой косвенностью занимают позиции на краях оси отношений: точка A — эксплицитный разрыв и точка B — эксплицитное объяснение в любви.

В ФРЖ, для которых характерна меньшая степень улучшения/ухудшения отношений (отрезки OA и OB), это улучшение/ухудшение отношений осуществляется менее эксплицитно, т. е. выше их степень косвенности.

Верхнюю часть графика (отрезки OC и OD) составляют ФРЖ, улучшающие/ухудшающие отношения конвенциональным образом в скрытой, косвенной форме: например, при *флирте* (OD) стремление к большей близости обязательно сопровождается большей заботой о форме речи, что необходимо при невозможности называть истинное положение дел. Максимальному сближению должна соответствовать максимальная косвенность (точка D):

— Вообще что жизнь? — громко заговорил он. — Все кончится — и все! — Он глядел на женщину — ждал, что она поймет его. — Ну, сделаем мы какое-то свое дело, т. е. будем стараться!.. — Художник досадливо поморщился — слова были глупые, мелкие. — Черт возьми! ... Ты понимаешь? Ну, сделаем — ну и что? А всю жизнь будем себя за горло держать! Такие уж... невозможно хорошие мы, такие уж... А посмотри — лес, степь, небо... Все истомилось! Красотища! Любить надо, и все! Любить, и все! Все остальное — муть. — Он как будто спорил с кем, доказывал — говорил запальчиво, взмахивал рукой... И смотрел на женщину. Ждал.

Она внимательно слушала. Она хотела понять. Мужчина тронул ее за руку.

— Ну, что смотришь? Не понимаешь меня? — Положил руку на ее мягкое плечо, хотел привлечь к себе (В. Шукшин. «Кукушкины слезки»).

Максимальная же косвенность должна соответствовать и максимальному разрыву (точка С):

Ловлю косые взгляды Дениски, стоящего в дверях, не говоря уже об ушедшем на лестницу курить зяте Владимире и его жене Оксане, которая приходит тут же на кухню, прекрасно зная мою боль, и прямо при Тиме говорит (а сама прекрасно выглядит), говорит:

— А что, тетя Аня (это я), ходит к вам Алена? Тимочка, твоя мама тебя навещает?

— Что ты, Дунечка (это у нее детское прозвище), Дуняша, разве я тебе не говорила. Алена болеет, у нее постоянно грудница.

— Грудница??? — (И чуть было не типа того, что от кого ж это у нее грудница, от чьего такого молока?)

И я быстро, прихватив несколько еще сухарей, хорошие сливочные сухари, веду вон из кухни Тиму смотреть телевизор в большую комнату, идем-идем, скоро «Спокойной ночи», хотя по меньшей мере осталось полчаса до этого.

Но она идет за нами и говорит, что можно заявить на работу Алены, что мать бросила ребенка на произвол судьбы. (...) Наконец-то она спрашивает, это, что ли, от того, о котором Алена когда-то ей рассказывала по телефону, что не знала, что так бывает и что так не бывает, и она плачет, проснется и плачет от счастья? От того? Когда Алена просила займы на кооператив, но у нас не было, мы меняли машину и ремонт на даче? От этого? Да? Я отвечаю, что не в курсе.

Все эти вопросы задаются с целью, чтобы мы больше к ним не ходили. А ведь они дружили, Дуня и Алена, в детстве... (Л. Петрушевская. «Время ночь»).

В соответствии с предлагаемой моделью типологизации фатики выделяются отчетливо противопоставляемые пять основных типов ФРЖ.

1. Праздноречевые жанры, или *small talk*: межличностные отношения не улучшаются и не ухудшаются, а с о х р а н я ю т с я, степень косвенности — приблизительно $\frac{1}{2}$ (точка О). Следует отметить, что *small talk* может быть средством и небольшого улучшения отношений, охватывая отрезки ОВ и ОД вблизи точки О.

Фатическое общение типа *small talk* активно изучается в современной западной (прежде всего англоязычной) лингвистике [Bickmore http; Fox 2005; Holmes 2003; Laver 1975; Leech 1983; Sacks 1975; Schneider 1988; Schröder http]; см. обзор: [Фенина 2005].

Так, вышедшая под ред. Дж. Купланд коллективная монография «*Small talk*» [Small talk 2000] отражает очень значительное место *small talk* в общем пространстве англоязычной коммуникации, распространенность (даже повсеместность) *small talk* и относительно высокую разработанность его норм. В следующем примере выделенный фрагмент необходим для вежливого перехода к сути дела — без такого или подобного вступления разговор между начальником и подчиненным был бы невежливым и, по-видимому, был бы невозможен.

(Tom enters Greg's, his superior's office to request a day's leave):
 T o m . Can I just have a quick word?
 G r e g . Yeah sure/have a seat
 T o m . [sitting down]. **Great weather eh**
 G r e g . Mm
 T o m . **Yeah/been a good week/did you get away skiing at the weekend?**
 G r e g . Yeah/we did/now/how can I help you?
 T o m . I was just wondering/if I could take Friday off and make it a long weekend?

Отмечается, что в последнее время данный тип общения используется во все большем количестве профессиональных дискурсов. Дж. Купланд [Там же: 1–27], К. Трейси и Дж. Нотон [Там же:

62–83] считают, что *small talk* относится к основным и наиболее универсальным способам переключения со статусно-ролевых (начальник ~ подчиненный) на межличностные отношения в начале или конце коммуникации, поэтому использование *small talk* способствует созданию положительного имиджа в социальных кругах. М. МакКарти считает, что, хотя *small talk* в ситуациях институционального дискурса (общение между агентом и клиентом) — достаточно искусственное и неискреннее общение, молчание выглядело бы еще более неловким и неприятным, например, при общении агента и клиента в парикмахерской. На уроках вождения молчание и паузы, естественно, неизбежны по причине необходимости максимальной сосредоточенности, однако и здесь, например, во время вынужденной стоянки, заполнение паузы разговором является естественным и даже необходимым приемом [Там же: 84–109].

К сожалению, в коллективной монографии отсутствует то, с чего должно начинаться любое исследование, — определение *small talk*. Авторы уходят от вопроса, где граница между этим интуитивно понятным (конечно, гораздо более понятным носителям английского языка, чем русским) явлением и такими смежными явлениями, как этикет, болтовня, фатика в целом, а иногда даже между *small talk* и такими очевидно далекими от него жанрами, как семейная беседа и дружеская беседа (например, в статье Дж. Коутс [Там же: 241–263]). Безусловно, объективная сложность формального определения данного явления, его столь же объективная близость к некоторым смежным явлениям отчасти оправдывают данный подход; кроме того, в английской речевой культуре *small talk*, по-видимому, действительно значительно ближе речевому этикету, чем в русской. К числу недостатков книги мы можем также отнести представление (скорее англоцентричное) о том, что *small talk* во всех культурах примерно одинаков (хотя в сборнике представлены авторы из разных стран: Великобритании, Новой Зеландии, Польши, Израиля).

2. ФРЖ, ухудшающие межличностные отношения в прямой форме: *прямые обвинения, оскорбления, выяснения отношений, ссоры* (отрезок ОА).

3. ФРЖ, улучшающие межличностные отношения в прямой форме: *доброжелательные разговоры по душам, признания, комплименты, исповеди/проповеди* и т. п. (отрезок ОВ).

ФРЖ ОА и ОВ относительно хорошо изучены (см.: [Арутюнова 1992; Байрамуков 2001; Боргер 2004; Данилов 2001; Емельянова 2004; Жельвис 2002; Иссерс 1997; Колосов 2004; Кусов 2004; Леонтьев 1999; Матвеева 1996; Мищенко 1999; Петелина 1985; Соловьева 1965; Федосюк 1996; Формановская 1989; Хорешко 2005; Хохлова 2004; Brown, Yule 1983; Chaika 1989; Cohen et al. 1981; Goffman 1972; Herbert 1989; Lewandowska-Tomaszczyk 1989; Manes 1983; Pomerantz 1978; Wolfson 1983]), в отличие от следующих двух групп жанров, которые мы предлагаем рассмотреть подробнее.

4. ФРЖ, ухудшающие отношения в скрытой, косвенной форме — например, чтобы ответственность лежала на партнере (отрезок ОС). Сюда относятся некоторые разновидности *иронии*, *издевка*, *розыгрыш*, например:

(1) — *Дурачок... я же с тобой беседую. Чего ты осердился-то? Бабу обидел? Их надо живьем закапывать, этих подруг жизни. Гляди!.. обиделся. Любишь, что ли?*

С Яковлевым трудно говорить: как ты с ним ни заговори, он все равно будет сверху — вскрылит вверх и оттуда разговаривает... расспрашивает с каким-то особым гадким интересом именно то, что задело за большое собеседника.

— *А у тебя ничего объект. Где ты ее нашел-то? Глаза только... Что у ей с глазами-то? У ней не эта?.. болезнь такая с глазами есть... Чего она такая пучеглазая-то? (В. Шукшин. «Вечно недозвольный Яковлев»).*

(2) — *Jest pan niezwykle natrętnym człowiekiem. W tej chwili przypomnia mi się jeszcze jedno powiedzenie Hebbła: «Gdy się pozbywam złego towarzystwa, odczuwam, jak dobre jest moje własne». Nie tam już chleba dla gołębi. Siedzenie pod kolumną Zygmunta staje się wobec tego bezprzedełmiotowe. Do widzenia panu (Z. Zeydler-Zborowski. «Koty Leokadii Kościelnej»).*

— *Вы необыкновенно назойливый человек. В этот момент мне вспоминается еще одно высказывание Геббля: «Когда я избавляюсь от плохой компании, чувствую, как хорошо мне в компании с самим собой». У меня больше нет хлеба для голубей. Сидеть под колонной Зигмунта больше не имеет смысла. До свидания.*

(3) — *No właśnie. Dlaczego tego nie zrobię? Dlaczego ciągle tam do czynienia z takimi bandziorami jak ty?*

— *Chcesz mi ubliżyć?*

Weland roześmiał się.

— *Nie. Nie mam zamiaru. Stwierdzam tylko fakt. No przecież ty jesteś bandzior, tylko taki mniejszy. Na szefa się nie nadajesz.*

— *Jak ci moje towarzystwo nie odpowiada, nie musisz ze mną pracować* — powiedział urażony Koszycki.

Weland wesolo poklepał go po ramieniu.

— *Nie nadymaj się, Waldeczku. Nie do twarzy ci z tym. Nie chcę cię obrażać, ale należy zdać sobie sprawę, kim się jest, jaką branżę się reprezentuje. Po co okłamywać samego siebie? Ani ja przed tobą, ani ty przede mną nie potrzebujemy grać komedii. Ja lubię szmugiel na dużą skalę, a ty kiedyś byłeś rasowym szulerem (...)*

Koszycki dyskretnie spojrzal na zegarek.

— *Śpieszysz się? — spytał Weland. — Dziewczyzna czeka?*

— *Nie. Dziewczynę odesłałem do domu. Ale późno już... (Z. Zeydler-Zborowski. «Koty Leokadii Kościelnej»)*

— *Вот именно. Почему бы мне так и не сделать? Почему я все время имею дело с такими бандитами, как ты?*

— *Хочешь оскорбить меня?*

Веланд рассмеялся.

— *Нет. Не имею намерения. Только констатирую факты. Ты ведь бандит, только не из крупных. На шефа не тянешь.*

— *Если тебя не устраивает моя компания, можешь со мной не работать,* — сказал обиженный Кошицкий.

Веланд весело потрепал его по плечу.

— *Не дуйся, Вальдечек. Это тебе не идет. Я не хочу тебя обижать, но нужно дать себе отчет, кто есть кто, на что способен. Зачем обманывать самого себя? Ни я перед тобой, ни ты передо мной не обязаны ломать комедию. Я контрабандист высокого класса, а ты когда-то был самым обыкновенным шулером (...)*

Кошицкий незаметно посмотрел на часы.

— *Спешишь? — спросил Веланд. — Девушка ждет?*

— *Нет. Девушку отослал домой. Но уже поздно...*

Некоторые исследователи, например К. Ф. Седов, говорят об особом жанре — *колкости*, представляющей собой как бы комплимент со знаком «минус»:

(4) — *Я тебе сочувствую!*

— *В чем?*

— *Ну, ты понимаешь, о чем я говорю?*

— *Нет, не понимаю!*

— *А ты подумай на досуге [Седов 1998: 15].*

Владимир Шинкарев и Александр Флоренский описывают особый жанр — «*доставание*», распространенный среди художников-миثьков. Цель этого жанра, по определению самих митьков, дать «поучительный и запоминающийся урок выдержки, терпения и христианского смирения».

(5) Телефонный разговор Дмитрия Шагина с Александром Флоренским.

Флоренский (СНИМАЯ ТРУБКУ). *Слушаю.*

Шагин (ПОСЛЕ ДОЛГОЙ ПАУЗЫ И НЕЧЛЕНОРАЗДЕЛЬНОГО ХРИПА, ГОРЕСТНО И НЕУВЕРЕННО). ...Шурка? Шурочек...

Флоренский. *Здравствуй, Митя.*

Шагин (ЛАСКОВО). *Шуреночек... Шурка... А-а-а... (ПОСЛЕ ПАУЗЫ, С ТРЕВОГОЙ.) Как ты? Ну, как ты там?!!*

Флоренский. *Ничего, вот Кузя ко мне зашел.*

Шагин (С НЕИЗЪЯСНИМОЙ НЕЖНОСТЬЮ К МАЛОЗНАКОМОМУ ЕМУ КУЗЕ). *Кузя! Кузюничик... Кузярушка у тебя там сидит... (ПАУЗА.) С Кузенькой сидите?*

Флоренский (С РАЗДРАЖЕНИЕМ). *Да.*

Шагин. *А-а-а... Оттягиваетесь, значит, с Кузенькой, да? (ПАУЗА. НЕОЖИДАННО С НАДРЫВОМ.) А сестренка-то где моя?*

Флоренский (С НЕКОТОРОЙ НЕПРИЯЗНЬЮ, ДОГАДЫВАЯСЬ, ЧТО ИМЕЕТСЯ В ВИДУ ЕГО ЖЕНА, ОЛЬГА ФЛОРЕНСКАЯ.) *Какая сестренка?*

Шагин. *Одна сестренка у меня — Оленька...*

Флоренский. *Оля на работе.*

Шагин. *Оленька... (ГЛУБОКО СЕРЬЕЗНО, КАК БЫ ОТКРЫВАЯ ВАЖНУЮ ТАЙНУ.) Ведь она сестренка мне...*

Флоренский. *Митя, ты чего звонишь-то?*

Шагин. *Дык! Елы-палы!... Дык! Елы-палы... Дык... Елы-палы!*

Флоренский (С РАЗДРАЖЕНИЕМ). *Митя, ну хватит тебе.*

Шагин (ЛАСКОВО, УКОРИЗНЕННО). *Шуренок, елки-палки... Дурилка ты...*

Флоренский (С НЕСКРЫВАЕНЫМ РАЗДРАЖЕНИЕМ). *Хватит!*

Шагин (С НАДРЫВОМ). *Шурка! Браток! Ведь ты браток мне, братушка! Как же так!.. С братком своим?!*

ФЛОРЕНСКИЙ В СЕРДЦАХ БРОСАЕТ ТРУБКУ. ДМИТРИЙ ШАГИН ГЛУБОКО УДОВЛЕТВОРЕН РАЗГОВОРОМ [Митьки 1990: 12].

К ФРЖ ОС следует относить *косвенные угрозы*, форма которых может значительно варьировать. Отметим, что к *косвенным угрозам*, по-видимому, должны быть отнесены любые, форма которых отлична от стандартной формулировки «если ты... то я...».

УГРОЗА (GROŽBA):

говорю: я хочу, чтобы ты знал, что если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое;

думаю, что ты не хочешь, чтобы я это сделал;

говорю это, потому что хочу, чтобы ты не сделал X [Вежбицка 1997: 104]³.

Как крайние точки на шкале можно понимать, с одной стороны, прямое (конвенционализированное) обещание *показать Кузькину мать/где раки зимуют; вывести на чистую воду* (ср. понимание В. И. Жельвисом *инвективы* как «детонирующей запятой», или точки напряженности, в угрозе [Жельвис 1997b: 137–138]) и, с другой стороны, *окказиональную форму*:

...Неисповедимы пути, по которым доходит до правды ревнующий человек. И Родька дошел. Худой, кривой, длиннорукий и сильный, как обезьяна, с маленькой коротко стриженной головой, которую он всегда гнул, глядя глубоко запавшим глазом исподлобья, он стал страшен. В солдатах он нахватался хохлатских слов и ударений. И если Молодая осмеливалась возражать ему на его краткие, жестокие речи, он спокойно брал ременный кнут, подходил к ней с злой усмешкой и, сквозь зубы, спокойно спрашивал, ударяя на «во»:

— **Вы шо говорите?**

И так вытягивал ее, что у нее в глазах темнело.

Раз наткнулся на такую сцену Тихон Иванович и, не выдержав, крикнул:

— *Что ты делаешь, мерзавец!*

Но Родька спокойно сел на лавку и только глянул на него:

— **Вы шо говорите?**

И Тихон Иванович поспешил хлопнуть дверью... (И. Бунин. «Деревня»).

Косвенная угроза может иметь достаточно экзотическую или, на-

³ Впрочем, вопрос о степени стандартности такой формулировки, естественно, очень дискуссионен, поскольку речь идет об интенциональных состояниях.

против, редуцированную форму. Ср. обыгрывание данного явления в анекдоте.

Старого ковбоя спрашивают:

— Как тебе удалось найти такую хорошую жену? За всю жизнь она ни разу не поссорилась с тобой, ни разу не возразила ни в чем.

— Дело было так. Когда мы с ней возвращались от священника, лошадь споткнулась. Я сказал: «раз!» Через некоторое время она снова споткнулась. Я сказал: «два!» Когда лошадь споткнулась в третий раз, я вскочил и застрелил ее.

— Ну и что?

— Жена спросила меня, зачем я это сделал. И я сказал: «раз!»

Жанры этой группы, вообще, наименее изучены, обычно их рассматривали как (прямую) ссору или флирт, противопоставляя лишь группе ОВ.

5. ФРЖ, улучшающие отношения в косвенной форме: *шутка, флирт* (отрезок ОД).

Освенные комплименты относятся к наиболее распространенным речевым жанрам. Приведем пример из фильма Г. Данелия «Афоня».

А ф а н а с и й. Эх, Людмила Ивановна, Людмила Ивановна!

Л ю д м и л а И в а н о в н а. Да я уж 40 лет Людмила Ивановна, ну и что?

А ф а н а с и й. Ну, ты! Не даешь студентов, не надо. Но правда дороже!

Л ю д м и л а И в а н о в н а. Какая правда?

А ф а н а с и й (УДАРЯЯ КУЛАКОМ ПО СТОЛУ, КРИЧИТ). Да ты на себя в зеркало-то посмотри! (МАНЕРНО ШАМКАЯ) «Сорок лет!» Да тебе больше двадцати шести в жизни не дашь!

Почему Афанасий избирает явно «не комплиментарные» средства? Именно потому, что такая форма (крик, удар по столу) не соотносится с комплиментом, потому, что он хочет подчеркнуть: это не комплимент, а искреннее высказывание. Ср. подобострастную похвалу под маской нелицеприятного суждения из комедии Е. Шварца «Голый король».

Первый министр. Ваше величество! Вы знаете, что я старик честный, старик прямой. Я прямо говорю правду в глаза, даже если она неприятна (...). Позвольте мне сказать вам прямо,

грубо, по-стариковски, вы великий человек, государь! (...) Ох, король!
(ГРОЗИТ ПАЛЬЦЕМ.) Ох, умница!

К о р о л ь. *Пойди сюда, правдивый старик. (РАСТРОГАННО.)*
Дай я тебя поцелую. И никогда не бойся говорить мне правду в глаза.

Преимущественно косвенный характер ФРЖ обуславливает ряд динамических переходов в фатическом общении, например переход ОС (косвенная конфликтная фатика) → ОА (прямая конфликтная фатика):

(1) Ж е н а. *Ой, что-то я сегодня себя так плохо чувствую...*
М у ж (ИРОНИЧЕСКИ) *Бедняга! Ложись и сделай бай-бай.*
Ж е н а. *Скотина! Это ты целыми днями дрыхнешь, а я на всю семью вкалываю!* [Седов 1998: 13].

(2) — *Чего смеешься?.. Не надо... Тебе не личит — зубы кривые.*
— *А ведь когда-то не замечал...*
— *Замечал, почему не замечал, только... Эхма! Что ведь и обидно-то, дорогуша моя: кому дак все в жизни — и образование, и оклад дармовой, и сударка с сахарными зубами. А Тимохе, ему с кривинкой сойдет, с гнильцой...*

— *Вот змей-то!.. Козел вонючий. Ну-ка забирай свою бутылку — и чтоб духу твоего тут не было! А то возьму ухват вон да по башке-то по умной... Умник!* (В. Шукшин. «Билетик на второй сеанс»).

(3) — *Bolo trochę za wiele sobie pozwala. Chyba przyznasz...*

— *Ubrał się diabeł w ornat i ogonem na mszę dzwoni... Ty byś też sobie pozwalał, gdybyś miał u niej szansę. Nie zgrywaj się, Eda, na pierwszego cnotliwego!*

Edę aż zamurowało z oburzenia.

— *Zawsze musi z ciebie wyleźć złośliwiec... To insynuacja w twoim stylu. Naturalnie. Ale ty uważaj, Jerzy, bo jak ja zacznę bawic się w insynuacje...*

(R. Jeruta. «Co lubią tygrysy?»).

— *Боле слишком много себе позволяет. Согласись, что...*

— *Прикинулся волк овцой! Ты бы тоже позволял — если бы она тебе позволила. Не изображай из себя, Эда, строгого моралиста!*

Эду даже передернуло от обиды.

— *Тебе всегда нужно оскорбить человека!.. Это клевета в твоём стиле. Точно. Но ты имей в виду, Ежи, что, если я начну клеветать...*

Противоположной трансформацией является трансформация ОА → ОС (чаще всего такой переход используют для увеличения силы удара по противнику):

— М-да-а... Тьфу! Не нужна мне твоя баня, гори она синим огнем! — Иван поднялся. — Я только хочу тебе сказать, куркуль: вырастут твои дети, они тебе спасибо не скажут. Я проживу в бедности, но своих детей выучу, выведу в люди... Понял?

«Куркуль» не пошевелился, только кивнул головой, как бы давая понять, что он понял, принял, так сказать, к сведению.

— **Петька твой начал уж потихоньку выходить в люди. Сперва пока в огороды.**

— Как это?

— Морковка у меня в огороде хорошая — ему глянется... (В. Шукшин. «Хозяин бани и огорода»).

Итак, перед нами новая шкала НК, лежащая в основе двухмерной матрицы. Здесь следует подчеркнуть два момента. Во-первых, расположение ФРЖ по признаку степени косвенности демонстрирует тип НК, проявляющийся в градуируемых смыслах. Во-вторых, типология ФРЖ как полевая структура с очевидностью демонстрирует, что центр поля ФРЖ составляют жанры типа *small talk*. Разумеется, это не случайно.

Все ФРЖ относятся к unplanned непрямой коммуникации (НК-1), при этом имеют разную степень «непрямоты». Как мы уже подчеркивали, фатическая речь в целом не предполагает прямых реализаций. Однако некоторые ФРЖ (точки А и В на графике) все-таки прямые жанры, что говорит, по-видимому, о том, что фатическое начало в них конкурирует с информативным началом.

В жанрах, где высока степень косвенности (доля НК-2), степень НК-1 (собственно НК), как правило, невысока. Всегда ясно, что имеется в виду, и цель общения в принципе можно выразить «прямо». Естественно, что и *флирт*, и *колкость* допускают и даже предполагают НК-1. Возможна НК-1 и в жанрах ОА и ОВ (естественно, очень трудно исчислить, в каких жанрах ее больше). Но очевидно, что и в том и в другом случае центр ее не здесь, а в праздноречевых жанрах.

Жанры *small talk* не случайно центр на графике — они являются центром и поля фатики, и данного участка НК. ФРЖ *small talk* являются в каком-то смысле единственной константой во всем поле фатики, будучи с в о б о д н ы м и от наличия или отсутствия прямых средств выражения (прямых речевых актов). В структуре ФРЖ ОА и ОВ обязательно должны быть прямые РА, в ФРЖ ОС и ОД прямые РА невозможны, и, следовательно, эти жанры тоже некоторым образом зависят от них. Семантику флирта, розыгрыша и т. д. все же можно выразить

прямыми РА, даже если это «иллокутивное самоубийство» [Вендлер 1985]. И только в *small talk* в принципе не может быть речи о какой-либо эквивалентности.

Таким образом, мы приходим к тому, что степень НК-1 и степень НК-2 (степень косвенности) одного и того же высказывания могут существенно различаться. Собственно говоря, жанры *small talk* вообще не предполагают прямой реализации, это всегда НК-1. Но с точки зрения НК-2 им всегда присуща «степень косвенности одна вторая». В то же время они одни непосредственно, «без примесей» выражают фатическую интенцию, следовательно, они по-своему п р я м ы е («по-своему» в том смысле, что более прямых средств, т. е. средств языка, для выражения интенции *small talk* просто не существует).

Предлагаемая модель, основанная на разных измерениях НК, позволяет объяснить ряд других аспектов фатических речевых жанров, имеющих, как и все жанры, сложную коммуникативную природу.

Так, данная модель позволяет выявить — хотя бы предварительно — набор обязательных и факультативных с т р у к т у р н ы х э л е м е н т о в отдельного ФРЖ (речевых актов), а также некоторые «предписания» относительно их последовательности, задаваемые местом ФРЖ на графике. Прежде всего это касается соотношения прямых и косвенных речевых актов.

Вернемся к понятию динамической структуры речевого жанра по Т. Баллмеру и В. Бренненштуль [Ballmer, Brennenstuhl 1981], которое обсуждалось в первой главе.

С динамической точки зрения отдельные ФРЖ противопоставляются друг другу значимостью для них элементов динамической структуры: ФРЖ *small talk* (точка О) в основном состоят из инерции и, можно сказать, ею выражаются. Как правило, есть один вектор-ускорение, векторы встречаются чрезвычайно редко. При *объяснении, флирте, прямой и косвенной ссоре* (ФРЖ отрезков ОА, ОВ, ОС и ОD) главное — векторы, они выражают сущность этих ФРЖ и сообщают обычно довольно высокое напряжение коммуникации. *Разговор по душам* занимает промежуточное положение между *small talk* и *объяснением*: в его структуре много векторов и инерции, но все же, как нам представляется, роль векторов более значительна. Противопоставление вектор-ориентированных и инерция-ориентированных жанров выявлено экспериментально М. Л. Макаровым (информантам предлагалось дописать три незаконченных типовых бытовых диалога — конфликтный, выраженно кооперативный и типа *small talk*. Для первого

и второго диалогов в результате эксперимента были выявлены когнитивные модели с довольно определенной шаговой структурой; третий дал невероятную разбросанность реакций) [Макаров 1992: 132–133]. По нашему мнению, схема М. Л. Макарова должна быть дополнена группой вектор-ускорение-ориентированных ФРЖ, в которую входят эксплицитное институциональное соглашение о близости /любви (признание) и эксплицитный институциональный разрыв отношений (ФРЖ точек А и В). Как уже отмечалось, эти жанры вообще занимают особое положение в системе речевых жанров: 1) степень косвенности равна нулю; 2) возможны перформативные высказывания; 3) это в равной мере фатические и информативные жанры.

Кроме того, можно высказать предположение о месте ФРЖ в системе речевых жанров в целом. Для установления взаимных отношений фатических и информативных речевых жанров примем за границу фатики и информатики условную линию, образуемую на графике шкалой А. Р. Балаяна. РЖ, находящиеся в точках А и В (прямые *признание* и *разрыв отношений*), являются в равной степени фатическими и информативными (а следовательно, в каком-то смысле наименее фатическими). Вообще, нижняя часть типологии ФРЖ сливается с (мета-)диалогом об отношениях коммуникантов (т. е. по преимуществу информативным) и оказывается имеющей лишь косвенное отношение к основной коммуникативной цели (удовлетворение потребности в общении). С ФРЖ в точках А и В смыкаются (при максимальном личностном начале) лично релевантные информативные жанры (гармоничные — *свадьба, представление, соглашение* — и дисгармоничные — *выговор, ультиматум, объявление войны*). Данные жанры являются по отношению к своей основной коммуникативной цели (информативной) косвенными: косвенные средства используются для того, чтобы смягчить тон, подчеркнуть доброжелательное отношение к собеседнику, избежать конфликтных ситуаций (либо, наоборот, создать иронический эффект). Косвенность этих информативных жанров заключается именно в экспликации личностного начала и как следствие в переводе части (информативной) имплицитур в имплицитный план. К лично нейтральным информативным РЖ (собственно информатика) относятся (лично нейтральные) *вопросы и ответы, дискуссии*, (прямые) *просьбы и обещания*.

Следует признать, что заманчивая идея построить общую типологию фатических и информативных речевых жанров с помощью про-

стого зеркального копирования «Андреевского флага» симметрично относительно оси А. Р. Балаяна оказывается заведомо невыполнимой — уже потому, что шкала А. Р. Балаяна релевантна далеко не для всех информативных речевых жанров. Модель также не вполне объясняет те жанры, в природе которых совмещаются фатическое и информативное начала, — *упрек, сплетни, иронию*. Семантика данных существительных характеризуется внутренней глубокой неоднородностью, охватывая сложный комплекс разных коммуникативных интенций, ситуаций, тем. В современной теории также не решены вопросы: 1) о статусе базовой единицы категории иронии: уровня лексемы (метафоры), высказывания (речевой акт), текста (речевой жанр); 2) о том, должна ли это быть единица по преимуществу коммуникативная или когнитивная (номинативная).

Очень многие примеры подтверждают, что все жанры верха типологии обычно воспринимаются средним носителем русского языка как некое неопределенное, нечетко организованное поле, которым он владеет слабо и которое скорее пугает, и в то же время внутренне единое (*small talk* и флирт воспринимаются как примерно одно и то же, разница между ними далеко не столь существенна, как между *small talk* и разговором по душам или прямой ссорой). Дифференциация фатических речевых жанров (особенно верхней части типологии) в целом требует достаточно высокого уровня речевой компетенции и риторической грамотности.

Замечательный пример этой особенности русской «наивной» коммуникативной компетенции находим в рассказе В. Шукшина «Медик Володя». Пример так ярко отражает все основные особенности русской центробежной фатики, что есть смысл рассмотреть его подробнее.

Студент из деревни Володя случайно встречается с землячкой, тоже студенткой, и они разыгрывают друг с другом «светский разговор» (точка О), желая показать, что стали высококультурными, светскими горожанами. Собеседники демонстрируют низкий уровень коммуникативной компетенции, но о данном жанре, несомненно, что-то уже знают (где-то что-то видели, слышали). Поверив в успех, Володя вдруг принимает свои же речевые действия за умелый флирт и попадает в чрезвычайно затруднительное и стыдное положение.

Уже первая реплика Володи — *Хелло!* (не *Здравствуй* или *Привет!*) — является вектором-ускорением некоего изысканного, непрямоего и не очень знакомого ему жанра, кроме того, явно неесте-

ственного для подобной ситуации; Шукшин постоянно подчеркивает ощущение фальши и то, что Володе стыдно: он чувствует, что такое общение не только неестественно, фальшиво, но и глупо (*с глупой трескотней; вопросы очень нелепые*):

— Володя... Ой, здравствуй!

— Хелло! — воскликнул Володя. *И сделал вид, что очень-очень удивился, и остро почувствовал свою фальшь и это «хелло», и наигранное удивление. От этого вопросы дальше возникли очень нелепые: «Каким ветром? Откуда? Куда?»*

— Как?.. На каникулы.

— А-а, ну да. Ну и как? На сколько? — Володя до боли ощущал свою нелепость, растерянность и суетился еще больше: почему-то страшно было замолчать и не фальшивить дальше. — До сентября? Или до октября?

Девушка, как видим, готова принять предложенную тональность (*очень притворно удивилась девушка*), также весьма слабо и неопределенно представляя себе ее цель (*во имя современных раскованных отношений*):

Девушка — это было видно по ее глазам — отметила, сколь изменился с недавней поры ее земляк. Но странно, что и она не сказала в простоте: «Да ты что, Володя! Я тоже еду на каникулы, как и ты», а сразу подхватила эту показную вольную манеру.

— Не знаю, как нынче будет. А вы? Вам сказали или тоже на бум-бум едете?

Володе сделалось немного легче оттого, что девушка не осадил его с глупой трескотней, а готова даже сама поглупеть во имя современных раскованных отношений.

По сути, единственное, что Володя знает о правилах ведения данного жанра, — это то, что жанр косвенный: ничего нельзя говорить «в простоте», однако данное требование он не выдерживает последовательно, в то же время весьма слабо представляя, для чего служат подобные речи вообще и к чему может привести их такой разговор в данном конкретном случае, что хорошо становится видно из их последующих реплик:

— А как отдыхаете дома летом? Чем занимаетесь?

— Да чем... За ягодами ходим... — Девушка спохватилась, что, пожалуй, это банально «за ягодами». — Вообще скучно.

— *Скооперируемся?* — *навернул Володя.* — *А то я тоже с тоски загибаюсь. Нас же разделяет всего... четырнадцать километров, да? Сядем на велики...*

— *Давайте,* — *легко согласилась девушка.* — *У нас тоже молодежи нету. Подруги кое-какие остались, но... Знаете, вот были подружками, да? Потом вдруг что-то — раз! — и отношения портятся. Вот так, знаете, обвально.*

Интересно, что на представления о «светском» общении обоих накладываются нормы формального/официального общения, что в целом было характерно для представителей невысокой речевой культуры советского периода (канцелярит): *нас разделяет четырнадцать километров; У вас стабильное положение; Вот так, знаете, обвально; поддерживали приятельские отношения; скооперируемся; как мы будем бороться со скукой?; естественно; Володе нравилось слово «естественно».* В то же время есть попытки говорить ярко, образно, нестандартно (*пронюхали; обзавестись справками в родимых колхозах; Не спится юному ковбою, вернее, так: не спится лысому ковбою*), попытки экспрессии (*Ой, здравствуй!; тоже на бум-бум едете; Знаете, вот были подружками, да? Потом вдруг что-то — раз! — и отношения портятся*). Это четко осознаваемое ощущение необходимости неестественной, нехарактерной для данной ситуации общения дистанции, какую и создает официальность, как и необходимость говорить ярко, необычно, также является частью общего представления о косвенности общения.

— *Это вполне понятно,* — *сказал Володя.* — *Этого надо было ожидать. Это — один к одному.*

— *Но почему?* — *очень притворно удивилась девушка.*

— *Разошлись дороги... И разошлись, как в море корабли.* — *Володя посмеялся и стряхнул пепел в алюминиевую неудобную пепельницу вниз.* — *Это так же естественно, как естественно, что у человека две ноги, две руки и одно сердце.* — *Володя вспомнил, что он медик.*

И девушка тоже вспомнила, что он медик.

— *Ой, а трудно в медицинском, а?*

Володя снисходительно посмеялся.

— *Почему? Нет, отсев, естественно, происходит...* — *Володе нравилось слово «естественно».* — *Нас на первом курсе повели в анатомичку, одна девушка увидела жмуриков и говорит: «Ах, держите меня!» И повалилась...*

— *В обморок?*

— Да. Ну, естественно, это уже не врач. В фармацевты.

— Обидно, наверно, да?

Полное отсутствие актуальной темы при необходимости все время говорить (и говорить как можно более осмысленно, «умно») приводит к тому, что оба рады любой, самой малой помощи — в виде случайно возникшей известной темы. Шукшин, конечно, с иронией показывает, что Володя вспомнил, что он медик, после замечания, что *у человека две ноги, две руки и одно сердце*. Тем не менее возникшая тема предоставляет Володе дополнительную возможность сказать еще что-то «умное» — по сути, конечно, это все не что иное, как профессиональная лексика и профессиональный жаргон (*отсев происходит; в анатомичку; увидела жмуриков; в фармацевты; я же географичка*), которые также характерны для формальных сфер общения, а использование их в ситуации неофициального непосредственного общения также воспринимается как уместное, потому что означает так необходимое ребятам косвенность.

Стремление продемонстрировать «культурность», общее развитие проявляются не только в свободном владении косвенными средствами речи и не только в профессиональной компетентности, но и в необходимости поговорить о литературе, продемонстрировав здесь и то и другое. При этом Шукшин вновь подчеркивает, насколько неискренними и неестественными (и обременительными) для ребят являются эти литературные «салонные» разговоры (*показушный великий голод; ему совсем хорошо стало, когда свалили этих Камю, Брэдли*):

— А у вас клуб в деревне открыли?

— Кинотеатр. В прошлом году. Я как-то пошел посмотреть какую-то картину, половины слов не понял — бубнеж какой-то: бу-бу-бу... Я ушел. Хуже, что библиотеки доброй нет. У вас хорошая библиотека?

— Да нет, тоже... Я везу кое-что с собой.

— Ой, что, а?! — выдал Володя показушный великий голод.

— «Путешествия Христофора Колумба». Это, знаете, дневники, письма, документы... Я же географичка.

— Так. Еще?

— Еще кое-что... А у вас есть что-нибудь?

— У меня кое-что специальное тоже... «Записки врача» этого... Как его, врач тоже был...

— Чехов?

- Нет, но они, кажется, поддерживали приятельские отношения. Вот вылетела фамилия. А Брэдбери у вас ничего нету?
- Нет. А вы любите читать про медиков?
- Да нет... Любопытно бывает, если не тупфа полная. А Камю ничего нет?
- Нет, нету.

Обращает на себя внимание еще и такое явление, как очень большая доля неопределенных выражений в общении (*вообще скучно; подруги кое-какие остались; Я везу кое-что с собой; еще кое-что... а у вас есть что-нибудь? У меня кое-что специальное тоже... «Записки врача» этого... как его, врач тоже был...; общими усилиями как-нибудь...;*); иногда чрезмерное и совершенно неуместное использование неопределенных дейктических средств изображается Шукшиным утрированно, с иронией (*Я как-то пошел посмотреть какую-то картину, половины слов не понял — бубнеж какой-то: бубу-бу... я ушел*). Огромное количество таких средств особенно заметно к середине разговора. С одной стороны, это является следствием того, что ребята, в общем, слабо владеют речью, не справляются с коммуникативными ролями участников *small talk*, что им нечего сказать, а нужно, они это чувствуют, сказать что-то значительное, интересное. С другой стороны, ребята, по-видимому, используют неопределенные средства сознательно, поскольку стесняются говорить о точных и хорошо знакомых им, но каких-то неизящных подробностях своей деревенской жизни (*Девушка спохватилась, что, пожалуй, это банально — за ягодами*). Кроме того, неопределенность вполне естественно ассоциируется у них с так необходимой косвенностью.

Такую неопределенность даже трудно выдерживать до конца: в реплике *У нас со второго курса нынче ушла одна. Но она просто перевелась, у нее просто отец военный, его куда-то перевели* девушка не выдержала неопределенности и уточнила свою фразу: *его куда-то перевели. Во Владивосток*.

Далее разговор стремительно развивается в направлении, не известном (и потому страшноватом) для Володи и девушки, и уже совсем не в направлении, задаваемом правилами *small talk*:

- Ну, так как мы будем бороться со скукой? — весело спросил Володя. — Как вы себе это представляете? — Ему совсем хорошо стало, когда свалили этих Камю, Брэдбери...

— Общими усилиями как-нибудь... — тоже весело сказала девушка. Как-то вроде обещающе сказала...

Здесь явное неразличение жанров: установившаяся симпатия, доверительность противоречат личностно нейтральному *small talk*, но при этом совсем выйти за пределы изысканной тональности «страшно» (*почему-то страшно было замолчать и не фальшивить дальше*). Жанр, даже слабо осознаваемый, предъявляет требования, обойти которые нельзя; собеседники все же осознают требования жанра в достаточной степени, чтобы понять это, и оказываются в своеобразном плену у жанра.

В то же время для персонажей Шукшина, как и для всех «наивных» носителей русского языкового сознания, все косвенные жанры слабо противопоставлены друг другу, они все примерно одинаковы, и нет ничего удивительного в том, что для Володи (и для девушки) включаются жанровые ожидания дальнейшего флирта:

Володя быстро утрачивал остатки смущения. Он вдруг увидел, что девушка перед ним милая и наивная. Неопытная. Он и сам был не бог весть какой опытный, т. е. вовсе не опытный, но рядом с такой-то, совсем-то уж зеленой... Ну-у, он хоть что-то да слышал! Отважиться? Возможность эта так внезапно открылась Володе, и так он вдруг взволновался, что у него резко ослабли ноги. Он уставился на девушку и долго смотрел — так, что та даже смутилась. И от смущения вдруг рассмеялась. Глядя на нее, и Володя тоже засмеялся. Да так это у них громко вышло, так самозабвенно! Так искренне.

— Вплоть до того, что... — хохотал Володя, — вплоть до того, что... поставим... — Володя и хотел уже перестать смеяться и не мог. — Поставим шалаш и...

Как услышала девушка про этот шалаш, так еще больше закатилась.

— Как Робинзоны... на этом... да?

Володя только кивнул головой — не мог говорить от смеха.

Этот смех — разрядка после продолжительного напряжения, — свидетельствует и о чуждости и трудности такого стиля разговора, и о радости оттого, что нет больше необходимости притворяться. Таким образом, его можно обозначить как первый в разговоре переход сверху вниз на графике фатических жанров (точка О или отрезок OD → отрезок OB). Далее мы увидим, насколько завышена оказалась степень

косвенности, соответствующая на графике предельно большой близости, и насколько не по силам для Володи, который прямо-таки рухнул (*его гнусного позора; мелко напаскудил*) оттуда в прямое предложение физической близости (трансформация OD → OB), которое он хотел бы сделать изысканным, косвенным, но не справился (*по тому, как она на него смотрела — вопросительно, чуть удивленно, — он понял, что он не улыбается*) и которого, кстати, совершенно не хотел, был фактически вынужден, находясь «в жанровом плену» (*Володя успел разом осознать, что ему вовсе не хочется, чтоб она шагнула*):

Володя закурил... Его опять охватило волнение. Его прямо колыхнуло, когда она — совсем рядом — вскинула вверх и назад оголенные свои руки... Он успел увидеть у нее под мышкой родинку. Дым сигареты стал горьким, но он глотал и глотал его... И молчал. Потом бросил сигарету и посмотрел на девушку... Ему казалось, что он посмотрел смело и с улыбкой. Девушка тоже смотрела на него. И по тому, как она на него смотрела — вопросительно, чуть удивленно, — он понял, что он не улыбается. Но теперь уж и отступить было некуда, и Володя положил руку на ее плечо и стал робко подталкивать пальцами девушку к себе. Так как-то двусмысленно подталкивал — приглашал и не приглашал: можно, однако, подумать, что он влечет к себе, тогда пусть шагнет сама... Жуткий наступил момент, наверно, короткий, но Володя успел разом осознать и свою трусость, и что ему вовсе не хочется, чтоб она шагнула. И он вовсе потерялся...

— Что ты? — спросила девушка серьезно.

— Начнем? — сказал Володя. Девушка убрала его руку.

— Что начнем? Ты что?

— О боже мой! — воскликнул Володя. — Чего ж ты уж так испугалась-то?.. Пичужка. — И он коротко хохотнул, торопливо похлопал девушку по плечу и сказал снисходительно и серьезно; — Иди спать, иди спать, а то поздно уже. Да? — И ринулся в наружную дверь тамбура — вон отсюда. (...) Он почти бежал по вагону. Очень хотелось или самому выпрыгнуть из вагона, или чтоб она, эта географичка, выпала бы как-нибудь из вагона, чтоб никто никогда не узнал его гнусного позора и какой он враль и молокосос. (...) Эта Лариса теперь расскажет всем... Они любят рассказывать — смеются всегда! — когда какой-нибудь валенок хотел соблазнить девушку, но ничего не вышло — получил по ушам.

Володя просто не может представить, что такое долгое и трудное общение может и не иметь определенной и вполне практической

цели, «выигрыша», что единственная цель *small talk* — само общение в пределах *small talk*, без дополнительных результатов общения и без какого-либо изменения состояния дел (в межличностных отношениях). Быстро произошедшая замена точка О (*small talk*) → OD, которая скорее всего осталась незамеченной, так как для ребят оба жанра примерно одно и то же, означает в конечном счете полный и окончательный уход от личностно нейтральной фатйки: длительное и доброжелательное общение никак не ассоциируется с ней, ожидается большая и выраженная прямо симпатия (или антипатия: в конце Володи прямо-таки готов желать девушке смерти: *очень хотелось или самому выпрыгнуть из вагона, или чтоб она, эта географичка, выпала бы как-нибудь из вагона*).

Таким образом, для группы фатических речевых жанров, которая представляется важной для общего пространства РЖ, выделяют универсальные измерения — степень межличностной близости и степень косвенности речи. В то же время некоторые рассмотренные признаки являются неуниверсальными, культурно-специфичными, например, для русской речевой культуры — слабая проработанность «верха» и «середины» типологии ФРЖ.

Добавим, что отдельные информативные речевые жанры, противопоставляемые ФРЖ в диаде Т. Г. Винокур «фатика ~ информатика» [1993а, 1993б], в целом рассмотрены значительно лучше — ср., например, исследования целого ряда конкретных жанров научной речи в рамках упоминавшегося функционально-стилистического жанроведения в Перми. Нам представляются интересными некоторые универсальные стратегии, выделяемые К. Ф. Седовым для всех информативных речевых жанров, — репрезентативная/изобразительная (она делится на репрезентативно-иконический и репрезентативно-символический подтипы) и нарративная/аналитическая (она делится на объектно-аналитический и субъектно-аналитический подтипы) [2007: 21–25]. Поэтому мы посчитали возможным отказаться от подробного рассмотрения данных явлений — интересующихся отсылаем к названным работам.

Отдельные жанры фатической коммуникации *светская беседа*, *флирт*, *разговор по душам* более подробно будут рассмотрены в пятой главе.

3.4.2. Жанры разных социолингвистических типов дискурса

При рассмотрении социолингвистических и прагмалингвистических классификаций разновидностей дискурса и, соответственно, социолингвистических и прагмалингвистических типов и подтипов мы будем опираться на многочисленные исследования по дискурсивной лингвистике, выполненные в Волгоградской, Саратовской, Иркутской, Воронежской и др. школах.

Самым общим (лингвофилософским) является противопоставление типов дискурса в различных «модусах человеческого существования». С этих позиций выделяются, например, **деловой** (утилитарный) и **игровой** регистры дискурса, соответственно, можно говорить о жанрах речи/коммуникации, цель и назначение которых связаны с игровой и неигровой (профессиональной) деятельностью.

Очевидно, что проблема выделения типов и жанров дискурса на данной основе производна от более общей проблемы — определения сущности игровой коммуникации и ее места в жизни человека.

Следует отметить, что, несмотря на то что проблема игровой коммуникации, игры является одной из наиболее актуальных в современной антропологически ориентированной лингвистике [Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении 2003; Борботько 1996; Гольдин 2001; Гридина 1996; Карасик 2002; Логический анализ языка: концептуальные поля игры 2006; Логический анализ языка: языковые механизмы комизма 2007; Норман 2000; Санников 1999; Седов 1998; Слышкин 2000; Хейзинга 1992; Щурина 1999], в целом не существует ни единого, общепризнанного определения игры, ни общепризнанного представления о ее функциях и месте в коммуникации и жизни человека в целом.

Многочисленные определения игры можно, как представляется, разделить на две основные группы, восходящие к определениям Берна и Хейзинги.

В своей книге «Игры, в которые играют люди (психология человеческих взаимоотношений)» Эрик Берн определяет игру как серию следующих друг за другом скрытых трансакций. Сущность игры определяется двумя моментами: наличием во-первых, скрытых мотивов, во-вторых, выигрыша. Э. Берн отмечает, что в любой игре существует определенный набор правил, несоблюдение которых влечет санкции со стороны социума. Ученый подчеркивает, что при всей важности игр для психологического здоровья челове-

ка они являются только суррогатом реальной близости и не могут ее заменить. Самой совершенной формой признаются полностью свободные от игр человеческие взаимоотношения; предполагается, что при условии наличия близкого партнера играющие могут «вполне безопасно и даже с радостью» отказаться от игры [Берн 1988].

Иной взгляд на игру представлен в работе Йохана Хейзинги «*Homo Ludens*: статьи по истории культуры». Игра рассматривается как культурный феномен, более того, речь идет об «игровом характере культуры» вообще. Й. Хейзинга отводит игре такую же важную роль, как и работе, вводя наряду с термином *homo faber* ‘человек делающий’ термин *homo ludens* ‘человек играющий’. Игра — это функция живого организма, которая не может быть полностью обоснована ни биологически, ни логически, ни этически. Игра также лежит вне таких рациональных и этических противопоставлений, как «мудрость ~ глупость», «правда ~ неправда», «добро ~ зло». Ученый определяет игру как «добровольное поведение или занятие, которое происходит внутри некоторых установленных границ места и времени согласно добровольно взятым на себя, но безусловно обязательным правилам, с целью, заключающейся в нем самом, сопровождаемое чувствами напряжения и радости, а также ощущением “инобытия” в сравнении с обыденной жизнью» [Хейзинга 1992: 44]

Как видим, в самом общем виде данные представления о месте игры в жизни относятся друг к другу как некая приятная, украшающая, но в принципе необязательная и бесполезная добавка к тому, без чего жизнедеятельность человека невозможна, — и то, что составляет не просто важную, но важнейшую часть жизни людей, то, ради чего, собственно, и живут — и ради чего занимаются «всем остальным».

Многие исследователи считают существенным противопоставление **лично-ориентированного** и **статусно-ориентированного дискурса**:

«В первом случае (в случае лично-ориентированного дискурса. — В. Д.) в общении участвуют коммуниканты, хорошо знающие друг друга, раскрывающие друг другу свой внутренний мир, во втором случае общение сводится к диалогу представителей той или иной социальной группы» [Карасик 2002: 277].

Личностный (персональный) дискурс делится, согласно В. И. Карасику, на две основные разновидности — **бытовой** (обиходный) и **бытийный** дискурс.

Отличительной особенностью бытового дискурса, в котором коммуникативная ситуация самоочевидна, В. И. Карасик считает «сокращенный код» общения (elaborated code, согласно Б. Бернстайну [Bernstein 1979: 164–167]), когда люди понимают друг друга «с полуслова». Ср.:

О. После двенадцати я не могу

М. После двенадцати? А ты ведь...

О. А вообще, нет // Нет/не знаю // Если диспетчерская завтра будет...

М. Да.

О. То, значит, после двенадцати // Если же диспетчерской не будет/ значит/ Тогда я смогу раньше/ то есть в первой половине дня // Полки привезу.

Бытийный дискурс предназначен для нахождения и переживания существенных смыслов, здесь речь идет не об очевидных вещах, а о художественном и философском постижении мира. Ср. пример из «Братьев Карамазовых»:

— *Чего ты глядишь с удивлением? Отвечай: мы для чего здесь сошлись? Чтобы говорить о любви к Катерине Ивановне, о старике и Дмитрие? О загранице? О роковом положении России? Об императоре Наполеоне? Так ли, для этого ли?*

— *Нет, не для этого.*

— *Сам понимаешь, значит, для чего. Другим одно, а нам, желторотым, другое, нам прежде всего надо предвечные вопросы решить, вот наша забота. Вся молодая Россия только лишь о вековечных вопросах теперь и толкует. Именно теперь, как старики все полезли вдруг практическими вопросами заниматься. Ты из-за чего все три месяца глядел на меня в ожидании? Чтобы допросить меня: «Како веруешь, али вовсе не веруешь» — вот ведь к чему сводились ваши трехмесячные взгляды, Алексей Федорович, ведь так?*

— *Пожалуй, что и так, — улыбнулся Алеша. — Ты ведь не смеешься теперь надо мною, брат?*

— *Я-то смеюсь? Не захочу я огорчить моего братишку, который три месяца глядел на меня в таком ожидании. Алеша, взгляни прямо: я ведь и сам точь-в-точь такой же маленький мальчик, как и ты, разве только вот не послушник. Ведь русские мальчики как до*

сих пор орудуют? Иные то есть? Вот, например, здешний вонючий трактир, вот они и сходятся, засели в угол. Всю жизнь прежде не знали друг друга, а выйдут из трактира, сорок лет опять не будут знать друг друга, ну и что ж, о чем они будут рассуждать, пока поймали минутку в трактире-то? О мировых вопросах, не иначе: есть ли бог, есть ли бессмертие? А которые в бога не веруют, ну те о социализме и об анархизме заговорят, о переделке всего человечества по новому штату, так ведь это один же черт выйдет, все те же вопросы, только с другого конца. И множество, множество самых оригинальных русских мальчиков только и делают, что о вековечных вопросах говорят у нас в наше время. Разве не так?

Братья, как видим, говорят о «важных вещах», и это очевидно (а дальше будет и «Великий Инквизитор»).

Статусно-ориентированный дискурс, согласно В. И. Карасику, представляет собой институциональное общение, т. е. речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития [Карасик 2002: 277].

В случае статусно-ориентированного общения коммуниканты реализуют себя только в ограниченном наборе ролевых характеристик, выступая в качестве представителей определенных групп людей (начальник и подчиненный, клиент, пациент, пассажир, прихожанин, ученик и т. д.). Эти ролевые характеристики, разумеется, неоднородны: роль учителя, например, значительно объемнее роли пациента. Отметим, что вряд ли существуют чистые статусные и личностные виды общения. Вместе с тем практика общения свидетельствует о коммуникативной доминанте, именно поэтому продавец в магазине будет скорее всего удивлен, если покупатель будет задавать ему вопросы о смысле жизни. Вероятно, более точным будет понимание коммуникативной дистанции как определенной шкалы между предельно личностно-ориентированным и предельно статусно-ориентированным общением, например, это разговор по душам или лирическое стихотворение, с одной стороны, и прохождение таможенного контроля, с другой стороны [Карасик 2002: 291].

Конечно, традиционно противопоставляются художественные и нехудожественные, письменные и устные, монологические и диалогические тексты / дискурсы / жанры.

Не будем подробно представлять данные типы речи, получившие детальное рассмотрение в лингвистике на протяжении многих веков ее существования.

Ясность противопоставления всех этих типов является кажущейся, существуют многочисленные переходные типы, обусловленные как объективной многомерностью и нечеткостью самих речевых явлений, так и разными подходами к их определению и исчислению.

Тем не менее данные типы и основания для их противопоставления в целом достаточно четко определены в лингвистике. Так, обычно считается, что в устном тексте, в отличие от письменного, чаще всего нет: замысла; названия; гипертемы; плана; завершения; смыслового единства (цельности).

Что касается художественно-ориентированного общения, следует отметить, что лингвисты обычно связывают его сущность и основание противопоставления остальным — нехудожественным разновидностям с противопоставлением дискурсивной и рекурсивной организации речи, т. е. творческой речи и стандартного использования языка [Борботько 1998; Карасик 2002].

Отмечается, что дифференциация художественно-ориентированного общения может проходить по различным признакам: это языковая игра, различные виды игрового поведения, включая игру в театре, художественная речь, художественная литература во всем многообразии ее жанров. Художественно-ориентированное общение в значительной мере пересекается с личностноориентированным общением, поскольку в творчестве происходит наибольшее самораскрытие личности [Карасик 2002: 291–292].

Наконец, с позиций социолингвистики дискурс — это общение людей, рассматриваемое «с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации» [Там же: 279].

Представляется возможным выделить применительно к современному социуму политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный виды институционального дискурса. Разумеется, приведенный список может быть дополнен либо видоизменен. Важно отметить, что институциональный дискурс исторически изменчив — исчезает общественный институт как особая культурная система и, соответственно, растворяется в близких, смежных видах

дискурса свойственный исчезающему институту дискурс как целостный тип общения. Например, в современной России вряд ли можно установить охотничий дискурс [Карасик 2002: 279].

Многим из названных В. И. Карасиком видов дискурса были посвящены специальные исследования. Мы не ставим, естественно, цели представлять их все; отметим, что исследования, о которых идет речь, чрезвычайно многообразны как по выбору конкретного объекта (конкретный тип дискурса или его отдельный аспект; разные типы дискурса в сопоставлении; значимые нарушения в их структуре и развитии; функции), так и по используемой методике исследования и терминологии.

Например, Р. Водак приводит характерный пример медицинского дискурса, в основе которого лежит схема необходимых и достаточных коммуникативных действий, связанных с приемом пациента в одной из клиник Вены: 1) пациента приглашают в кабинет, 2) пациент раздевается и ложится на кушетку, 3) один из присутствующих врачей осматривает пациента, 4) пациент одевается и возвращается в прихожую, 5) врач, который произвел осмотр, диктует результаты своему коллеге, затем они обмениваются мнениями либо врач сам делает записи в рабочем журнале, 6) приглашают следующего пациента. Фактически эта схема очень редко воплощается в жизнь, поскольку попутно в кабинет заходят коллеги, врач отвечает на телефонный звонок, медсестра приносит рентгеновский снимок предыдущего пациента, обнаруживается, что потеряна учетная карта пациента и медсестра отправляется ее искать, электрокардиографический прибор не функционирует, следующий пациент, который записался на определенное время, заглядывает в кабинет и т. д. Все участники общения привыкли к отклонениям и накладкам и реагируют на них нормально [Wodak 1996: 55–56].

Показательно в этом отношении, что под руководством В. И. Карасика (а также его коллег в Волгоградской школе изучения дискурса и его жанров) был написан и успешно защищен целый ряд докторских и кандидатских диссертаций, посвященных различным типам дискурса — например, **политического** [Попова 1995; Даулетова 1997; Артемова 2002; Бакумова 2002; Кочкин 2003; Истомина 2008], **институционального** [Шемякина 2004; Андреева 2008], **ритуального** [Извекова 2006], **религиозного** [Бобырева 2007а], **медицинского** [Бейлинсон 2001], **художественного** [Тряпицына 1999], **научного** [Михайлова 1999], **педагогического** [Каратанова 2003], **рекламного**

[Кочетова 1999], **компьютерного** [Галичкина 2001], **делового** [Баландина 2004], **телевизионного** [Ларина 2004], **сказочного** [Акименко 2005], **«гедонистического»** [Олянич 2004]. Во многих названных исследованиях в рамках соответствующего дискурса выделяются характерные речевые/коммуникативные жанры.

Так, докторская диссертация Е. В. Бобыревой [Бобырева 2007a] посвящена комплексному (с привлечением данных теологии, философии, психологии, социологии и культурологии) исследованию сущности и функций, базовых концептов и ценностей, жанров и основных коммуникативных стратегий религиозного дискурса на материале текстов молитв, проповедей, акафистов, притч, псалмов, пасторских обращений, хвалебных молитвословий на русском и английском языках.

В работе определены сущность и конститутивные признаки религиозного дискурса; показано отношение религиозного дискурса к другим разновидностям институционального дискурса: педагогическому, научному, политическому, медицинскому, художественному. Доказано, что содержанием религиозного дискурса являются священные тексты и их религиозная интерпретация, а также вербальные и невербальные (поведенческие) религиозные ритуалы; участники религиозного дискурса — Бог (Высшая сущность), скрытый от непосредственного восприятия, но потенциально присутствующий в каждом коммуникативном акте религиозного дискурса; священнослужители (жрецы и отчасти пророки; интересное самостоятельное исследование посвящено стереотипным образам монаха, монахини, батюшки в русском и отчасти английском языках) и адресаты-прихожане; типичный хронотоп религиозного дискурса — храмовое богослужение.

Е. В. Бобыревой выявлены основные функции религиозного дискурса, которые делятся на дискурсивные (репрезентативная, коммуникативная, апеллятивная, экспрессивная, фатическая и информативная) и институциональные, характерные только для данного типа общения (регулирующие существование религиозного сообщества, отношения между его членами, внутреннее мироощущение члена социума). Доказано, что важнейшей для религиозного дискурса является апеллятивная функция, поскольку любой жанр религиозного дискурса предполагает обязательную апелляцию к воле и чувствам человека (проповедь) либо апелляцию человека к всемогуществу Бога (молитва).

Доказано, что системообразующими для религиозного дискурса являются концепты «Бог» и «вера», а отдельные концепты делятся на специфические для религиозного дискурса (вера, Бог, дух, душа,

храм) и общие для религиозного и других типов дискурса (любовь, закон, наказание). На основе взаимных отношений религиозного и нерелигиозного/светского дискурса (структурного и онтологического характера) противопоставлены концепты собственно религиозной сферы (Бог, вера, дух, душа, грех); концепты, первоначально возникшие в религиозном дискурсе, а затем вышедшие за его рамки и функционирующие в религиозном и нерелигиозном дискурсе (ад, рай, храм); концепты, которые были перенесены в религиозный дискурс из нерелигиозного (чудо, закон, наказание, страх, любовь), — показано, что именно последние в настоящее время имеют наиболее широкий ассоциативный потенциал.

Е. В. Бобыревой исследованы основные ценности религиозного дискурса: признание существования Бога; идея ответственности человека перед Творцом; признание истинности догматов данного вероучения и религиозно обусловленных моральных норм. Данные ценности детально проанализированы по модели «ценность ~ антиценность»: добро ~ зло, жизнь ~ смерть, истина (правда) ~ ложь, божественное ~ земное.

Наконец, Е. В. Бобыревой проанализированы жанры и отдельные внутрижанровые коммуникативные стратегии религиозного дискурса, среди которых автором выделяются по признаку прямой либо ассоциативной связи с исходным библейским текстом первичные жанры религиозного дискурса (*псалмы, притчи, молитвы*) и вторичные жанры (*проповеди, исповеди*).

Кандидатская диссертация О. А. Каратановой [Каратанова 2003], посвященная лингвистически релевантным нарушениям педагогического дискурса, опирается на удачное определение педагогического дискурса, сформулированное самой О. А. Каратановой: «педагогический дискурс представляет собой специализированную клишированную разновидность общения, которое организуется в рамках определенного института (учебное заведение), имеет определенную цель (социализация нового члена общества) и характеризуется статусно-ролевыми отношениями участников общения (учитель — ученик)» [2003: 7]. На наш взгляд, в этом определении два ключевых момента: цель педагогического дискурса — социализация нового члена общества, а центральный речевой жанр педагогического дискурса — *урок* (участниками «ситуации урока» являются дети и учитель, на уроке передаются новые знания). О. А. Каратановой построена прототипная модель педагогического общения (*урока*), включающая доминантную цель (передача знаний) и этапы: организация общения, объяснение, контроль, завершение общения, которым соответствуют фатическая, объясняющая и контролирующая стратегии.

Медицинский дискурс рассматривается в кандидатской диссертации Л. С. Бейлинсон [Бейлинсон 2001]. Автор отмечает, что с позиций социолингвистики этот тип дискурса выделяется на основе тех социолингвистически значимых признаков, которыми в обществе наделяется врач: 1) сакральный характер профессии (не случайно студенты-медики приносят клятву Гиппократу), профессия врача приобретает характер особого служения; 2) наличие особой медицинской этики, специфических норм поведения, связанных, например, с неразглашением врачебной тайны; 3) наличие весьма разработанной и обширной медицинской терминологии, специфика которой заключается в том, что наряду с научной системой терминов в языке существует система бытовых (народно-медицинских) терминов или терминоидов, приближающихся к статусу терминов; знание этого подъязыка выделяет врачей в отдельную социальную группу; 4) разработанная система ритуальных знаков (белые халаты, медицинские инструменты, личные печати врачей и т. д.); 5) специальное обозначение определенных видов общения врачей: консилиумы, медицинские комиссии.

Детальное исследование **политического** дискурса и его жанров в докторской диссертации и теперь широко известной в России и за ее пределами монографии Е. И. Шейгал было представлено нами в первой главе, посвященной истории изучения РЖ.

Естественно, самое большое количество проблем возникает в том случае, когда данные модели применяются на практике, — попытки непротиворечиво распределить реальный речевой материал по даже подробным теоретическим схемам практически никогда не бывают до конца удачными и вызывают множество возражений у коллег-жанроведов.

Так, в кандидатской диссертации О. Н. Хорешко, посвященной «жанрам положительной оценки лица» [Хорешко 2005], определяется как *комплимент* [Там же: 38] высказывание, на наш взгляд, гораздо больше похожее на *колкость*.

Жена, примеряя новый костюм, интересуется мнением мужа:

— *Тебе нравится?*

— *Ты мне нравишься в любом костюме.*

По этой же причине трудно согласиться с тем, что следующий пример должен быть классифицирован как *лесть*, а не *комплимент* [Там же: 56].

- *Через полгода я выхожу на пенсию.*
- (Делает вид, что удивлен) *Уже?*
- (С улыбкой.) *Вы мне льстите.*

Конечно, у исследователя есть основания для такого решения (хотя бы лексема *льстить* в реплике-реакции *Вы мне льстите*). Но в следующем примере, несмотря на то что самоуверенная дама (*выглядела я тогда сногшибательно*) сама назвала *признанием* свою явную, нескромную *похвальбу*, думается, исследователь все же не имеет права послушно согласиться с такой оценкой высказывания, как это поспешила сделать О. Н. Хорешко.

— *Надо честно признать, выглядела я тогда сногшибательно: высокие сапоги, темные очки (в общественных местах приходится маскироваться), вся такая нарядная* [Там же: 60].

Следует отметить, что общая проблема классификации РЖ, шире — внешней и внутренней структуры, — жанров далеко не исчерпывается классификациями, рассмотренными в данной главе.

Работа в этом направлении продолжается, появляются новые модели — как правило, в связи с наиболее актуальными проблемами смежных отраслей современной текстоцентрической и антропоцентрической лингвистики, например противопоставление жанров, ценностные характеристики которых поддерживаются в рамках культуры, в которой используются данные жанры, и не поддерживаются в аеме жанры.

Типология и структура РЖ, которым были посвящены главы II и III монографии, относятся к наиболее очевидным и одновременно наиболее традиционным и изученным проблемам теории речевых жанров. Новое время (прежде всего новые научные парадигмы в лингвистике, гуманитарных науках в целом) ставят перед жанроведением новые задачи. Некоторым из таких задач, а также некоторым направлениям, которые, по нашему мнению, могут сложиться в связи с новыми тенденциями в современной гуманитарной науке, посвящена следующая глава.

ГЛАВА IV

Жанроведение в XXI в.: перспективные направления

В XXI в. жанроведение продолжает активно взаимодействовать со смежными лингвистическими и гуманитарными дисциплинами. В каждом конкретном случае становится актуальным новый аспект ТРЖ, а характер взаимодействия отражается на проблематике и методике данного аспекта науки.

В частности, чрезвычайно интенсивно развиваются отношения жанроведения с лингвокультурологией, а к наиболее актуальным в современной ТРЖ относятся аспекты проблемы «жанр и культура». По справедливому утверждению А. Вежицкой, «Речевые жанры, выделенные данным языком, являются (...) одним из лучших ключей к культуре данного общества» [1997: 111].

При этом отдельные аспекты данной проблемы развиваются вполне гармонично (выделение и изучение конкретных жанров внутри определенной культуры в связи с существующими в данной культуре нормами и приоритетами, отчасти сопоставительное изучение речевых жанров в двух и более культурах), однако значительно меньше повезло самому, пожалуй, очевидному аспекту проблемы «жанр и культура» — «жанр и концепт».

Конечно, есть объективные причины такого положения вещей, отчасти кроющиеся в особенностях развития самой ТРЖ на новом этапе, отчасти проистекающие из тотальной моды на концептологию и само понятие *концепта* в современной лингвистике в целом.

Приходится констатировать, что для изучения речевых жанров, в котором часто видели важнейшую часть общего изучения речи в России и даже важнейшее направление современной лингвистики в целом, рубеж XX–XXI в. — не самый простой и не самый гармоничный период.

Последние 10–15 лет практически во всех исследованиях общего характера и обзорах исследований по данной проблеме ([Вежицка 1997; Федосюк 1997а; Шмелева 1997; Долинин 1998; Деннингхаус 2002; Салимовский 2002а] и др.) в каком-то смысле стало традицией подчеркивать именно трудный путь развития ТРЖ, отсутствие так необходимого «ровного пути» («и широкую, ясную...») с постепенным

осмыслением многообразного языкового и речевого материала, с обогащением данной теории благодаря привлечению положений других концепций и благотворным влиянием на них, с постепенным доведением до совершенства своей методики и терминологии («тонкий, звонкий, прозрачный...»).

Вот что пишет об этом в 2004 г. Т. В. Шмелева: «Речевые жанры (...) активно изучаются, однако здесь наметился определенный застой, поскольку программные идеи уже высказаны, открытия наиболее эффективных жанров состоялись, на создание же энциклопедии жанров пока никто не решается. (...) Пока же она выглядит собранием пестрых глав, посвященных полемике вокруг и наблюдениям над отдельными жанрами» [Шмелева 2004: 30].

Нельзя не признать справедливость слов Т. В. Шмелевой о застое в жанроведении: уже по количеству исследований по речевым жанрам, диссертаций, защищенных по жанрам за период приблизительно с 2002 по 2005 г., хорошо видно, что общий интерес к РЖ в лингвистике действительно уменьшился¹.

В то же время это кажется совершенно несправедливым, особенно на фоне растущего в отечественной и зарубежной лингвистике рубежа веков интереса к функционированию языка, человеческому фактору в языке. Продолжим цитату из Т. В. Шмелевой: «Обращение к речи — это не очередной всплеск лингвистической моды, а действительно настоятельная потребность» [Там же].

В действительности, конечно, жанроведческие исследования не перестали быть актуальными просто потому, что жанры существуют и до сих пор исследованы недостаточно.

В настоящей главе мы хотим поговорить о некоторых путях развития ТРЖ на новом этапе.

4.1. Когнитивная генристика: внутрикультурные речежанровые ценности

В современных исследованиях (особенно в период 2002–2005 гг.) само понятие «жанр» в значительной степени смещается на периферию, будучи вытеснено очень активно развивающимися, ориентиро-

¹ Представляется, что приблизительно с 2006 г. активность жанроведов вновь начинает расти, но не хотелось бы выдавать желаемое за действительное; впрочем, библиографический список ниже как будто бы говорит сам за себя.

ванными на западные традиции концепциями, прежде всего когнитивными и лингвокультурологическими.

О сложных отношениях «восточной» теории речевых жанров и «западной» теории речевых актов уже говорилось немало (см. главу II). ТРЖ успешно использовала разработанную методику и терминологию ТРА, однако попытки их взаимовыгодной интеграции в качественно новую концепцию, которая обладала бы на порядок более высоким объяснительным потенциалом, чем каждая из них в отдельности, столкнулись с очень большими (и, конечно, совершенно объективными) сложностями.

В каком-то смысле похожее состояние переживает теория речевых жанров начала XXI в. При этом, естественно, найти подходящее место для РЖ в уже сложившейся, изначально ориентированной на другие приоритеты и задачи когнитивной теории, осмыслить их генетическую связь и интегрировать существующие системы представлений намного сложнее, чем интегрировать теорию речевых жанров и теорию речевых актов. Проще некритично принять хорошо зарекомендовавшую себя (для своих целей) да еще модную когнитивную методику...

Теория речевых жанров и лингвокультурология (вместе с теорией концептов), в их современном виде, суть проявления двух глобальных тенденций общей научной парадигмы в языкознании конца XX — начала XXI в.: это, с одной стороны, функциональный подход к языку (см.: [Туманян 1985; Функциональная стратификация языка 1985; Личностные аспекты языкового общения 1989; Баранникова 1995]), с другой стороны, — когнитивный подход (см.: [Петров, Герасимов 1988; Кибрик 1994; Кубрякова 1994; Рахилина 2000]).

Попытки увидеть общее в двух разных научных подходах, особенно в один исторический период, конечно, занятие настолько же естественное, насколько порочное (как пытались и пытаются найти общее в концепциях В. Гумбольдта и Ф. Боппа, Л. Блумфилда и Э. Сепира, В. В. Виноградова и М. М. Бахтина...).

В нашем случае, однако, вопрос интеграции является более естественным, закономерным и актуальным. Кстати, оба подхода — функциональный и когнитивный — нередко объединяются как проявления общей антропологической научной парадигмы в языкознании [Человеческий фактор в языке 1991, 1992; Язык и общество 1995; Языковая личность 1996, 2001; Вопросы стилистики 1999].

Если не говорить о модных и немодных терминах, теория речевых жанров и теория концептов в равной степени отвечают общей

с е м а н т и з а ц и и современной лингвистики: естественно, концепт есть содержательно ориентированная единица, а изучение концептов на современном этапе есть не что иное, как изучение — в наиболее общем виде — плана содержания языковых единиц (в том числе лексико-семантического, грамматического, а также коннотативного, стилистического и функционально-стилистического, коммуникативно-прагматического и ассоциативного компонентов плана содержания).

Но жанр тоже содержательно ориентированная единица. Жанры почти невозможно изучать иначе: использование только формальных моделей (в частности, монологически-логико-грамматической методологии теории речевых актов) для объяснения естественного речевого общения часто оказывается несостоятельным. Забегая несколько вперед, добавим, что жанры составляют важную часть тех смыслов, которые включаются в концепт.

Исследования такого рода осуществляются (хотя их не так уж много); в одних интеграция проводится более успешно и выглядит более естественной (например, понятие жанра успешно используется в лингвокультурологических концепциях В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина, И. А. Стернина, Н. Ф. Алефиренко, А. В. Кравченко, Е. Н. Горбачевой), в других — менее успешно.

Г. Г. Слышкин исследует разные жанровые картины мира внутри общей национально-культурной КМ. Понимая речевой жанр как «поле реализации определенного спектра социальных ценностей и основанных на них лингвокультурных концептов» [2004: 178], ученый доказывает, что концептуальная насыщенность, или спектр ценностей, реализуемых в рамках данного речевого жанра, достигает максимального уровня, когда в картину мира, конструируемую в текстах данного жанра, входят определенная фактуальная информация о самом жанре и ценностное отношение к нему (сам жанр при этом фигурирует в качестве одного из активизируемых в нем метаконцептов). Такие жанры «концентрируют в себе аксиологически полярные пласты человеческого сознания — научную и утилитарно-бытовую картины мира» [Там же: 180]. В картине мира каждого жанра выделяется один или несколько системообразующих концептов, а также ряд более частных концептов, которые являются средством конкретизации системообразующих концептов (в жанре мелодрамы это концепт «любовь», в жанре детектива — «тайна», в трагедии — «несчастье») [Там же]. Таким образом, концептуальная насыщенность жанра становится основанием концептологической типологии жанров.

С точки зрения лингвокультурной концептологии, речевой жанр понимается как поле реализации определенного спектра социальных

ценностей и основанных на них лингвокультурных концептов, при этом «ширина» данного спектра, понимаемая как концептуальная насыщенность жанра, становится основанием концептологической типологии жанров: максимального уровня концептуальная насыщенность достигает, когда в картину мира, конструируемую в текстах данного жанра, входят определенная фактуальная информация о самом жанре и ценностное отношение к нему (сам жанр при этом фигурирует в качестве одного из активизируемых в нем метапонятий) [Слышкин 2004: 195–246]; см. статью Г. Г. Слышкина «Речевой жанр: перспективы концептологического анализа», вошедшую в четвертый выпуск «Жанров речи» [Слышкин 2005].

Н. Ф. Алефиренко (статья «Концепт и значение в жанровой организации речи: когнитивно-семиологические корреляции», вошедшая в четвертый выпуск сборника «Жанры речи») доказывает, что концепты-архетипы (в том числе и те, которые выделяли еще К. Г. Юнг, М. Элиаде, Н. Фрай, и те, о которых писали Е. М. Мелетинский, В. Н. Топоров и другие отечественные исследователи), представленные основными типами дискурсивного мышления, являются генетически сплавленными с жанровыми структурами. Ученый постулирует рассмотрение онтологического соотношения концепта, языкового значения и речевого жанра в рамках когнитивно-семиологической парадигмы, их корреляцию по таким категориям когнитивной семантики, как знание, концепт, семантические сети, сознание, языковое сознание и значение.

В некоторых исследованиях (например, [Маркова 2003; Кусов 2004]) объясняющие потенции ТРЖ при изучении концептов используются, на наш взгляд, недостаточно — по сути, можно говорить лишь о частичных дополнениях к основному (концептологическому) анализу.

Так, в кандидатской диссертации Л. Ф. Марковой «Когнитивная идентификация речевого жанра» ставится цель «выявить признаки для построения типологии речевых жанров на основе когнитивных критериев». Однако заявленная, очень важная (кроме того, красиво и модно звучащая и как будто бы никем ранее не ставившаяся) задача едва ли решена Л. Ф. Марковой полностью: вместо того чтобы привлекать действительно новые, не использовавшиеся ранее когнитивные идеи, автор предлагает модели, действительно базовые в концептологии (например, фрейм-модель), но совершенно новые и даже ключевые в ТРЖ.

В докторской диссертации А. В. Оляничка [2004], в которой разрабатываются основы презентационной теории дискурса, концепт фактически понимается лишь как то, что транспортируется в дискурс для повышения его ответственности.

В целом идеи интеграционного жанр-концептологического (или дискурс-концептологического) характера еще не оформились в единую концепцию, отношения жанра и концепта часто понимаются по-разному.

В общей типологии концептов место концептов, непосредственно связанных с речевыми жанрами, определяется достаточно ясно: с РЖ связаны **коммуникативные концепты**, а именно имеющие четкое композиционно-тематически-стилистическое содержание. Зафиксированные в языке имена данных концептов или являются непосредственно именами речевых жанров или их компонентов (стратегий, тактик и т. д.), или отражают оценочное отношение к ним в рамках данной культуры.

Однако здесь далеко не все ясно. Не существует типологии РЖ на такой основе, и не ясны пока ни возможные конкретные основания такой типологии, ни то, как она должна относиться к уже существующим типологиям (например, имеющим в основе противопоставление первичных и вторичных, простых и сложных, фатических и информативных, риторических и нериторических, конвенциональных и неконвенциональных речевых жанров). Не вполне ясно, насколько существенны для РЖ особенности концептов, выделяемые на основе разработанной лингвокультурологической / концептологической методологии (образный, понятийный, ценностный компоненты концептов, их отражение в лексике, идиоматике и грамматике языка, этимология и т. д.), а если данные признаки существенны, то для каких именно аспектов речевых жанров.

Вообще говоря, мы видим только один, действительно важный признак, который может быть положен в основу лингвокультурологической / концептологической типологии РЖ: деление жанров и жанровых образований, используемых в коммуникативном пространстве внутри определенной речевой культуры, на **поддерживаемые данной культурой** и **не поддерживаемые** ею.

Попытаемся показать, каким образом данный признак может быть использован (и уже используется) при изучении речевых жанров.

В результате изучения семантики имен жанров (см. исследования В. Е. Гольдина, М. Ю. Федосюка, Т. В. Шмелевой и др.) было выявлено, что семантическая структура существительных, являющихся названиями жанров, знает ряд довольно отчетливо противопоставленных типов. С этой точки зрения в общем пространстве коммуникативно типизированных форм выделяются образования, которые некоторые исследователи противопоставляют как жанры и не-жанры.

В главе II нами уже были рассмотрены модели, разрабатываемые В. Е. Гольдиным и М. Ю. Федосюком (§§ 2.3.4 и 2.3.5).

Напомним, что В. Е. Гольдин [1997a] выделяет типы речевых жанров в связи с такими типизированными языком формами осмысления мира, как ситуация, событие, поступок. «Наиболее естественно, — пишет ученый, — связывать категорию жанра с категорией ситуации как формы, структуры события» [Там же: 32]. Основа речевого события — речевой процесс или действие, поэтому можно говорить об *ответе, разговоре, извинении, объяснении, споре* как об именах речевых жанров. Слова типа *победа, поражение, успех, рекорд, промах, измена, шалость, подвиг*, с помощью которых говорят о событиях, сами именами событий не являются. Главное в содержании этих имен — характеристика, оценка, причем оцениваются и именуются не сами конкретные действия, а воплощенные в них п о с т у п к и.

М. Ю. Федосюк [1997a] противопоставляет жанры и те коммуникативные единицы, в семантике названий которых присутствует некий компонент, ставящий их в сложные отношения с общей системой культурных ценностей, прежде всего — отрицательно оценочный компонент или импликация отсутствия таких необходимых для успешного протекания коммуникации качеств, как, например, искренность в русской речевой культуре. Ученый приходит к выводу, что названиями речевых жанров не могут являться существительные *ссора, угроза, придирка, лесть, похвальба*, семантика которых отражает «не вполне благовидную цель» [Там же: 112]. По мнению М. Ю. Федосюка, и *комплимент* (в отличие от *похвалы*) не может считаться речевым жанром, поскольку «осознанное оформление некоторого высказывания как речевого произведения, заслуживающего подобной квалификации», было бы равносильно утверждению «о возможной неискренности оценки» [Там же: 113].

Принципиально важным положением названных представителей «семантической генристики» для нас является то, что при изучении

семантики слов, являющихся названиями жанров (образований жанрового типа), выделяются лексемы, содержащие оценочный компонент. М. Ю. Федосюк фактически считает жанрами русской речи только те жанры, имена которых содержат оценочный компонент «поддерживается данной культурой».

Можно добавить, что фиксация оценок такого рода может выражаться разными языковыми формами, например грамматическими, а *комплимент* не является культурно поддерживаемым жанром (и следовательно, является не-жанром, по М. Ю. Федосюку) в современной русской речевой культуре (точнее, в рамках одной из двух русских внутрикультурных систем ценностей), но является поддерживаемым во многих других культурах (см.: [Китайгородская, Розанова 1995: 72]).

Жанры, имена которых содержат сему «поддерживается данной культурой», должны быть отграничены от прочих жанров, и только внутри получившегося набора жанров, однородных с этой точки зрения, возможна дальнейшая типологизация. Следующим этапом концептологического анализа станет выделение жанров, для названия которых существуют синонимические ряды (как правило, в синонимических парах один синоним передает положительную или нейтральную, другой — отрицательную этическую оценку — ср. [Апресян 1995: 351]). При типологизации речевых культур также имеет очень большое значение изучение жанров, поддерживаемых в одних культурах и не поддерживаемых в других.

Своеобразие культурно-коммуникативного пространства внутри конкретной речевой культуры определяется соотношением всех поддерживаемых и неподдерживаемых жанров; при выявлении закономерностей их сочетаемости выявляются типы. Как видим, речь идет о будущей жанровой типологической классификации.

Конечно, в системе концептов даже одной национально-речевой культуры всегда существуют противоречия, детально рассмотренные, например, в исследованиях по национальной паремииологии, «фразеологическим картинам мира». С одним и тем же жанром могут соотноситься одновременно положительные и отрицательные характеристики; существует много синонимических имен жанров, отражающих такие амбивалентные оценки. Даже одно и то же название (идиома) может быть в этом отношении амбивалентным.

Итак, адекватная типология речевых жанров должна учитывать наиболее важные (типологические) свойства жанровых картин мира,

стоящих за жанрами, разные системы **коммуникативных ценностей**.

Ценности самого общего характера проистекают из самоочевидных витальных потребностей людей: «Необходимо есть и спать», «следует отличаться от животных»; наряду с ними существуют утилитарные и моральные нормы поведения, также имеющие общечеловеческий характер. Среди общекультурных выделяются особые ценности, существующие как нормы поведения, например: «Нельзя причинять вред своим», «Люди должны помогать друг другу (особенно в трудное время)», «Нельзя бросать людей в беде», «Нельзя быть неблагодарным», «Следует быть честным», «Следует советоваться с людьми» [Карасик 2002; Языковая личность 1996]. Наконец, существуют коммуникативные ценности, которые можно понимать как частное проявление поведенческих ценностей и норм.

Проблема коммуникативных ценностей объективно наиболее близка лингвистике (так, многие исследователи указывают на корреляцию коммуникативных ценностей с коммуникативными постулатами П. Грайса), хотя пока она еще далека от окончательного решения.

Названная проблема имеет два аспекта: с одной стороны, изучаются общие для всех культур основные принципы коммуникации (общая структура ситуации общения, распределение коммуникативных ролей, использование конвенциональных и неконвенциональных знаковых систем, в том числе невербальных, для трансляции и интерпретации коммуникативных смыслов). Этот аспект широко изучен в рамках разных дисциплин (начиная с работ К. Бюлера, Р. Якобсона, посвященных функциям языка, П. Грайса и др.).

С другой стороны, исследуется национальная специфика общения, проявляющаяся прежде всего в используемых знаковых системах, ритуалах и кодах. Этот аспект рассмотрен, пожалуй, в еще большей степени (начиная с исследований Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа по этнолингвистике, лингвистической относительности и т. д.), продолжает активно изучаться в современной лингвистике. Так, целый ряд работ посвящены зафиксированному в понятийной системе языка и системе языковых концептов ценностному представлению о правилах и компонентах коммуникации [Рождественский 1978; Поспелова 2001; Балашова 2003; Ларина 2003]. Данной проблеме уделяется внимание в коллективной монографии «Язык о языке» [2000] и в специальном выпуске «Логического анализа языка», посвященном языкам этики [2000]. Сюда же следует отнести многочисленные зарубежные

исследования по выявлению культурных максим, скриптов, сценариев [Грайс 1985; Leech 1983; Blum-Kulka, House, Kaspar 1989; Вежбицкая 2002; Вежбицкая, Годдард 2002].

Отмечается, что в пределах одной культуры (например, русской) могут сосуществовать разные ценности: «Своими особыми картинами мира характеризуются (...) различные диалекты русского языка, язык фольклора (...), городское просторечие, различные жаргоны, обценный дискурс (...). Иногда различия между разными языковыми картинами мира внутри одного языка оказываются больше, чем межъязыковые различия. (...) Границы между разными системами этики находят отражение в языке, но не совпадают с границами между языками. (...) мы можем (...) говорить о традиционных христианских этических представлениях, современных бытовых представлениях и т. п.» [Шмелев 2002: 14–15]; «Концепты отражают непрерывную динамику и расчлененность национального и группового мировоззрения, различия социальной практики и духовной активности социума. (...) Учитывать вариативные характеристики концептов особенно важно при исследовании культурных явлений современной России, в которой, с одной стороны, заметно усилились различия между старшими поколениями и младшими, между людьми различных уровней обеспеченности, между современной городской и традиционной сельской культурой и, с другой стороны, ускорились процессы социальных, культурных, речевых, языковых преобразований» [Гольдин 2003: 81].

В пределах одной культуры, даже в пределах одного языкового сознания могут сосуществовать разные коммуникативные ценности, соответственно можно говорить о разных системах речевых (коммуникативных) жанров, воплощающих данные ценности. Жанровая системность закрепляет систему ценностей данного социума: с одной стороны, за использованием каждого жанра стоят те или иные общественные ценности, определяющие его цели и значение; с другой стороны, сами жанры, безусловно, представляют собой значительную ценность для нормальной коммуникации, а следовательно, жизнедеятельности общества. Типологическое и сравнительное изучение РЖ закономерно выводит на осмысление таких глубинных закономерностей, стоящих за речежанровой системностью.

В качестве практического итога приведенных рассуждений мы предлагаем следующий список положений, которые в дальнейшем могут быть использованы для лингвокультурологического анализа речевых жанров:

- существуют коммуникативные ценности как часть общих культурных ценностей;
- существуют универсальные и национально специфичные коммуникативные ценности²;
- данные ценности стоят за общей системой коммуникации, системой коммуникативных единиц и категорий, правил ведения речи, коммуникативных стратегий и тактик;
- в пределах одной культуры за речевыми/коммуникативными жанрами могут стоять как одинаковые, так и разные коммуникативные ценности. (Так, статьи Л. В. Балашовой и И. В. Шалиной в пятом выпуске сборника «Жанры речи» посвящены коммуникативным ценностям у носителей внелитературных — жаргонной и просторечной речевых культур, стоящим за разными речевыми жанрами.)

Добавим к этому следующее.

Мы не имеем в виду маргиналов: из того, что в обществе есть лжецы, нигилисты, преступники, которые, естественно, смотрят на вещи иначе, чем все, не следует, что честность или человеческая жизнь перестают быть ценностями; кстати, сами маргиналы сознают это.

Как маргинальные следует понимать и некоторые трансформации систем ценностей в так называемых неблагополучных социумах; так, часто отмечаемое противопоставление «городских» и «деревенских» ценностей трансформировалось в постсоветской российской действительности: *деревенский* сейчас обычно значит ‘неудачник’. Менее специфичное для постсоветской России оценочное противопоставление «столица ~ провинция» также трансформировалось: выражение *не столица* в современной русской речи в обычных условиях будет всегда понято как отрицательная оценка (ср. у Остапа Бендера: *Это не Рио-де-Жанейро*).

Не противопоставлены как «ценность ~ отсутствие ценности» антонимичные понятия, такие, как *работа ~ отдых*: оба понятия являются ценностями и не отрицают друг друга.

Представляется оправданным считать универсалией ценность человеческого общения, несмотря на существование значительных различий между конкретными формами нормального протекания общения в разных культурах (варьируются представления о коммуникации,

² Здесь следует упомянуть также исследование Т. В. Лариной, посвященное категории вежливости в английской и русской коммуникативных культурах, в котором много внимания уделяется английским и русским коммуникативным ценностям [Ларина 2009: 57–90].

начиная с общих представлений о цели и предназначении коммуникации, ее успешности, качестве, а также критериев оценки качества коммуникации, представлений о допустимом и недопустимом в ней), разных человеческих темпераментов, экстравертов и интровертов и т. д. Показательно выделение Дж. Личем фатической максимы (Phatic Maxim): «Избегай молчания. Поддерживай разговор» — как частного проявления максим согласия и симпатии наряду с такими грайсовскими максимами, как максимы количества, качества, способа, отношения [Leech 1983: 141].

Гораздо сложнее обстоит дело с такими понятиями, как, например, *искренность, открытость, прямота, общительность, эмоциональность, сдержанность, немногословность, покорность*. Это уже далеко не абсолютные ценности. Названные и многие другие понятия всегда являются оценочными, но содержат (по крайней мере, в русской культуре) принципиально амбивалентную оценку.

Такие явления, принципиально неоднозначные и сильно культурно обусловленные (некоторые из них рассматриваются в [Степанов 1997; Верещагин, Костомаров 2005]), должны стать объектом исследования с точки зрения систем коммуникативных ценностей, в том числе внутрикультурных речевых ценностей.

Конечно, проблема внутрикультурных речевых ценностей, о которых идет речь в настоящем параграфе, является далеко не единственной актуальной проблемой когнитивной генристики/культурологического жанроведения: рассмотрение речевых жанров с лингвокультурологических позиций, как и выделение в составе концепта жанрового смыслового компонента, выводит исследователя на целый ряд качественно новых проблем, например конкретное композиционно-тематическое-стилистическое наполнение коммуникативных концептов, лингвокультурологический анализ зафиксированных в языке имен жанров и их структурных элементов, структура жанровой картины мира.

Все названные здесь проблемы представляют собой разные аспекты наиболее общей проблемы когнитивной генристики — «жанр и культура». В этом свете особенно актуальными являются исследования речевых культур с жанровой точки зрения.

4.2. Аспекты проблемы «жанр и культура»

Сопоставление культур с точки зрения речевых жанров есть, по-видимому, сопоставление типологическое: подобно типологическому

сопоставлению систем языков, на первый план выступает некая общая форма организации дискурса, а не совпадение материальных билатеральных (означаемое + означающее), или знаковых, единиц³.

То же касается семиотического сопоставления культур в целом — типологическим по своей природе является выделение культур «горячих» и «холодных» [Леви-Стросс 1983], «высокодистантных» и «низкодистантных» [Hofstede 1997], «высококонтекстных» и «низкоконтекстных» [Hall 1977; Hall & Hall 1990], «полихронемных» и «монокронемных» [Hall 1990] и т. д. (См. также статью И. В. Приваловой «Речевые жанры сквозь призму культурных измерений» в пятом выпуске сборника «Жанры речи».)

Показательно общее направление сопоставительного изучения культур от содержания → к форме, как известно присущее типологическим исследованиям, в отличие от сравнительно-исторического и ареального сравнения [Успенский 1965; Кибрик 2003]; ср., например, кросскультурную прагматику А. Вежбицкой и ее последователей, где культурно обусловленные коммуникативные нормы, все функционирующие в пределах той или иной культуры знаковые системы описываются в терминологии семантических примитивов, а любая единица системы понимается как неуниверсальная совокупность универсальных семантических множителей.

Жанровое своеобразие каждой культуры определяется, во-первых, набором жанров и содержательными характеристиками, которыми наделяется каждый жанр в данной культуре, во-вторых, их соотношением, в-третьих, оценочным отношением к ним (поддерживанием или неподдерживанием), обусловленным общей ценностной картиной мира. Отметим, что такой способ описания также совпадает, с

³ Как известно, генетически родственные лингвокультуры (например, русская и польская) необязательно являются близкими с точки зрения существующих в них речевых жанров [Вежбицкая, Годдард 2002; Łaszkiwicz 2003; Дементьев 2004а]; ср.: «Если бы процесс коммуникации ограничивался рамками языковых коллективов, то в отношении культур человечество являло бы не менее пеструю и разнообразную картину, чем в языковом отношении. Но дело обстоит иначе. Районы наиболее ярко выраженного языкового разнообразия, такие, как Кавказ, Новая Гвинея, провинция Плато в Нигерии, район Оахака в Мексике и др., вовсе не отличаются соответствующей этнической пестротой. Случаи поразительного единообразия в области культуры в условиях пестрого разнообразия языков служат доказательством того, что общение может преодолевать и действительно преодолевает языковые границы» [Вайнрайх 1972: 25].

одной стороны, с типологическим изучением языковых единиц, выражающих национально-специфическое видение мира в сравниваемых лингвокультурах (в лингвокультурологии такой анализ предполагает «построение на дедуктивной основе модели культурно-значимых отношений, например, в виде матрицы, и определение языковых способов избирательного заполнения такой матрицы» [Карасик 2002: 108]); с другой стороны, с принятым в типологических исследованиях способом определения языкового типа.

Наиболее очевидный аспект проблемы «жанр и культура» (и наиболее очевидная задача культурологического жанроведения) — выделение и **изучение конкретных жанров внутри определенной культуры в связи с существующими в данной культуре нормами** (в том числе системами коммуникативных норм), **приоритетами, ценностями**. Рассматривается речеганровая организация высказываний, обусловленная национально-специфическими содержательными категориями, а также культурно-историческими факторами.

Можно с уверенностью сказать, что это и наиболее изученный аспект.

В многочисленных исследованиях по культурологии и лингвокультурологии, антропологии, этнографии, начиная с В. Гумбольдта, Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа, Дж. Ферса, Б. Малиновского, выявлено (в том числе на материале экзотических языков) множество жанровых коммуникативных (речевых и невербальных) правил, форм, стереотипов, обусловленных мифологией, ритуалами, а также используемыми в данных культурах коммуникативными, или знаковыми, системами, такими, как этикет и язык. Описания явлений, имеющих жанровую и речеганровую природу, осуществлялись в специфической для данных подходов терминологии и редко выступали главной (даже самостоятельной) целью исследования: жанры описывались для подтверждения каких-то более общих положений, приводились в качестве курьезных примеров, наконец, осмыслились далеко не в равной степени глубоко и адекватно, что, конечно, нисколько не умаляет значимость данного типа исследовательской деятельности для культурологического жанроведения. Отметим, что собственно лингвистические работы по выявлению полного или частичного набора жанров внутри данной культуры относительно немногочисленны и пока не дали понастоящему убедительных результатов ни для одного национального языка. Пионерами здесь, по-видимому, следует считать М. В. Панова, более сорока лет назад составившего первоначальный список русских

речевых жанров [Панов 1962: 97–98], и А. Вежбицкую, составившую список польских речевых жанров [Вежбицка 1997]. Насколько нам известно, других удачных попыток представить жанровое пространство внутри определенной культуры, составить список (тем более типологию) жанров для данной культуры не было⁴.

В то же время нельзя переоценить значимость для рассматриваемой проблемы многочисленных исследований, в которых через особенности данной национальной культуры объясняются отдельные аспекты неуниверсальных (безэквивалентных, ключевых) жанров. По-видимому, исследование любого неуниверсального речевого жанра с неизбежностью является сравнительно-культурологическим исследованием, поскольку особенности такого жанра всегда обусловлены культурно, даже если, на первый взгляд, в рамках жанра выражаются универсальные коммуникативные смыслы и лишь в формальной, тематической и композиционной структуре можно обнаружить отличия от других культур (ср., например, исследование поздравлений в эве [Вежбицкая, Годдард 2002: 147–151]).

Следует отметить, что данной проблеме — изучению культурных особенностей отдельных речевых жанров — посвящен пятый выпуск сборника «Жанры речи» (2007). При этом некоторые из рассматриваемых жанров впервые становятся объектом жанроведческого изучения, например, письма-благодарности в эмиграции и в СССР в 20–30-е гг. XX в. (статья Е. А. Никишиной), англо-американский письмовник (статья М. А. Кулинич и Н. Ю. Бусоргиной), жанр заговора с точки зрения суггестивного потенциала языковых единиц (статья И. Н. Борисовой и С. С. Корх), обсуждение супружеских измен носительницами просторечной речевой культуры (статья И. В. Шалиной) и др.

Так, Е. А. Никишина показывает, что речевые особенности письма-благодарности в газету в эмиграции и в СССР тесно связаны с культурными особенностями эмиграции и метрополии. Новая культура, возникшая в СССР после революции, очень сильно отличалась от старой. Напротив, культура эмиграции во многом сохранила прежние черты. Язык эмигрантской прессы носит более кодифицированный, нормированный характер, чем массовый язык советской прессы.

Авторы писем в советской прессе в это время часто демонстрируют неспособность к «переключению кодов», что свидетельствует о

⁴ Ср. список различных немецких жанров (Textsorten) из 3945 наименований, опубликованный (на немецком языке) в: [Adamzik 1995: 258–284].

невысокой степени владения подсистемами языка, а также о невысокой коммуникативной и общей культуре человека. Часто стремление продемонстрировать владение официально-деловым стилем обращается против автора, и в текст на фоне разговорных и просторечных элементов вклиниваются образцы так называемого канцелярита, появляются ошибки.

В советских газетах просматривается связь между социальным статусом автора письма и его содержанием: чем в большей степени содержание письма касается личной сферы автора, тем вероятнее, что автор — известное лицо. Письма простых людей публиковались в том случае, если они касались какого-то общественного вопроса, содержали предложение по улучшению той или иной ситуации и пр. В эмиграции такой тенденции нет.

В этой связи следует отметить, что отчетливо лингвокультурологический характер имеет широко известный цикл работ М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой, посвященный речевым жанрам «городской жизни»: московские исследовательницы исходят из того, что «устный текст представляет собой своего рода синхронный срез культурной жизни города» [Китайгородская, Розанова 1999: 16; 2001 и др.], — традиция, идущая еще от М. М. Бахтина, который писал о жанрах народной смеховой площадной культуры Средневековья и Ренессанса, таких, как ругательства, божба, клятвы (*jurons*) [Бахтин 1990: 34–35], «крики Парижа» (*cris de Paris*) [Там же: 199–204]. Статья М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой, вошедшая в пятый выпуск сборника «Жанры речи», продолжает данный цикл, хотя посвящена явлению, несколько необычному в качестве объекта лингвистического анализа, — жанру современной *эпитафии* (исследуется «культурная функция» кладбища на материале надмогильных надписей).

Сопоставительное изучение речевых жанров в двух и более культурах — явление, к сожалению, более редкое, и «похвалиться» оно может более скромными результатами. Тем не менее такие исследования осуществляются в рамках как прагмалингвистики, так и лингвокультурологии (ср. относительное увеличение в последнее время числа диссертаций, защищенных по данной проблеме: [Леонтьев 1999; Дубровская 2001; Тупикова 2003; Коморова 2005; Стрельникова 2005; Фенина 2005; Горбачева 2006; Казачкова 2006; Колоян 2006; Руссинова 2006; Царикевич 2007]).

В пятом выпуске «Жанров речи» данной проблеме посвящены статьи Е. Н. Горбачевой, Н. Н. Панченко и Е. Л. Рабинович (соответственно, *спор*, *сплетни* и *выражение интеллектуального превосход-*

ства в русской и английской лингвокультурах), Е. В. Акуловой (объяснения о знакомстве в русской и немецкой лингвокультурах).

Так, Е. Л. Рабинович показывает, что *выражение интеллектуального превосходства* (далее — ВИП), которому посвящена ее статья, относится к числу тех распространенных, узнаваемых в общении коммуникативных явлений, которые, с одной стороны, естественным образом присущи человеческому поведению независимо от конкретного языка и культуры, а с другой — в корне противоречат фундаментальным нормам любой культуры (за исключением немногих откровенно маргинальных микрогрупп и микрокультур), поскольку являются, по сути, агрессивными, связаны с эмоциональным ущербом для партнера по коммуникации. Несмотря на то что ВИП является вариантом конфликтного, некооперативного коммуникативного поведения, оно часто является востребованным в общении (особенно игровом, но далеко не только), более того — уже само по себе относится к числу важнейших коммуникативных ценностей, будучи связано с одним из важных аспектов общего представления о состоятельности, респектабельности члена социума/общественной иерархии.

В то же время ВИП есть культурно обусловленное явление (наиболее очевидным образом это проявляется в форме речи, но и содержательные аспекты ВИП далеко не универсальны, поскольку в каждом конкретном случае вступают в сложное взаимодействие с другими — позитивными и негативными — культурными ценностями и категориями).

То, что сама идея интеллектуального превосходства у русских и англичан отличается, кажется интуитивно ясным. Стереотипы рисуют следующую картину: чопорный, высокомерный англичанин, бережно относящийся к своим правам и личному пространству и при этом владеющий тонким, несколько саркастичным «убийственным» юмором — и эмоционально несдержанный русский, не знающий удержу в хорошем и плохом, направо и налево сыплющий обвинениями с некоторым нравственно-этическим оттенком...

Исследование Е. Л. Рабинович показывает, что стереотипы рисуют хотя в чем-то верное, но в целом весьма далекое от истинного положение дел, прежде всего потому, что ВИП, с одной стороны, явление чрезвычайно многообразное, с другой — содержательно сложное. На основе анализа интернет-сообщений с русских и британских форумов автор пытается обнаружить различия между ВИП в двух лингвокультурах, связанные с различными стилями коммуникации и представлениями о вежливости, относительно большей непрямотой английской лингвокультуры в целом по сравнению с русской.

К сожалению, исследования отдельных жанров (отдельных групп жанров) внутри одной национальной культуры (см., например: [Хорешко 2005]) достаточно часто осуществляются без учета национально-культурной специфики, что, конечно, снижает их познавательную ценность для проблемы «жанр и культура». Исследователей, изучающих дискурсивные явления в связи с культурными, но в рамках одной отдельно взятой национальной культуры, без привлечения внешних (инокультурных и диахронических) данных, всегда подстерегает опасность приписывать явлениям исследуемой культуры универсальность.

По-видимому, невозможно по-настоящему универсальное проявление в конкретных жанровых формах даже таких, казалось бы, универсальных (или почти универсальных) культурных феноменов, как общение, информация, власть, и исследование речевых жанров в связи с такими явлениями, присущими как бы «культуре вообще», имеет дедуктивный и принципиально начальный характер; подразумевается, что поиск национально-культурных и национально-языковых различий — дело будущего. Сказанное относится к статье Е. И. Шейгал и И. С. Черватюк в пятом выпуске сборника «Жанры речи», посвященной проявлениям категории коммуникативной власти в мягко и жестко формализованных речевых жанрах [Шейгал, Черватюк 2007]. Исследование осуществлено на материале двух языков — русского и английского, однако авторы делают акцент на универсальности данного явления, безусловно важного для понимания многих аспектов жанров речи.

В целом же ни жанроведами, ни лингвокультурологами еще не найдена удовлетворительная и общепризнанная теоретическая модель, которая позволила бы, по выражению А. Вежбицкой, проскользнуть между Сциллой стереотипизации и Харибдой этноцентрической универсализации.

Весьма показательны в этом отношении переводы четырех статей зарубежных исследователей, вошедшие в этот же выпуск сборника «Жанры речи».

Из них две — В. Хэнкса и К. Годдарда — очень четко представляют проблему «жанр (дискурс) и культура»: Хэнкс исследует жанры миссионерского дискурса в Северной Америке (*dialogos*) в отношении к европейским римско-католическим традициям и (отчасти) к культуре и языку майя; Годдард рассматривает один из безэквивалентных типов иронии в австралийском английском (*deadpan jocular irony* — приближ.

‘ирония с каменным лицом’) в связи с особенностями менталитета белых австралийцев, культуры и истории заселения Австралии.

Исследователь показывает, что «шутливая ирония с каменным лицом» находится в абсолютном соответствии с множеством других высказываний в традициях общения Aussie (англоговорящих австралийцев). Во-первых, ирония дает возможность показать солидарность и чувство товарищества при помощи недосказанности и без излишней эмоциональности. Во-вторых, предложение адресату «разгадать» послание «с каменным лицом» и высказать свое собственное мнение созвучно с более серьезным экзистенциальным императивом в традиционной этнофилософии Aussie: уметь раскусить *bullshit* (*see through bullshit*) и «думать самостоятельно» (*to think for oneself*).

Исследователь формулирует культурный сценарий, лежащий, по его мнению, в основе данного явления:

- a. иногда человек говорит некоторые вещи другим людям не потому, что хочет, чтобы другие люди что-то узнали, не потому что хочет сказать что-то правдивое;
- b. этот человек говорит эти вещи, потому что этот человек думает что-то вроде:
«я хочу, чтобы эти люди думали о чем-то что-то, я хочу, чтобы они из-за этого что-то чувствовали»;
- c. это плохо;
- d. иногда человек говорит подобные вещи многими словами, люди не могут ничего узнать из-за этих слов, люди не могут сделать ничего хорошего из-за этих слов;
- e. если кто-то слышит такие вещи, хорошо, если он может это понять [Годдард 2007]

В статье А. Вежбицкой в широком культурно-историческом контексте рассматривается содержательная категория «*Anglo scripts against 'putting pressure' on other people*», значительно повлиявшая на современную англосаксонскую речевую культуру в целом; названная категория изучается в сравнении с другими национально-речевыми культурами.

По мнению А. Вежбицкой, многие косвенные формы современного английского языка являются следствием из данной содержательной категории.

Исследовательница выделяет этапы постепенного развития косвенных форм в английском (в английской исторической прагматике) на разных периодах его существования:

этап I — свободное использование императивов и перформативных глаголов «требования» (*I pray thee, do it*);

этап II — рост ограничений на использование императивов, распространение “whimperatives” (*Could you/would you do it?*), отказ от перформативного использования глаголов «требования»;

этап III — распространение «предложений» (suggestions) разных типов (*I would suggest.../Perhaps you could.../You might like to...*);

этап IV — дальнейшая эволюция suggestions: от *I would suggest* до *I was wondering if*.

Объяснение данного явления, которое может быть названо как триумф suggestions в современном английском, А. Вежбицкая находит в «культурной логике». Носители английского языка, когда они хотят, чтобы адресат сделал что-либо, часто стараются, чтобы их речь звучала предположительно: *perhaps you might like to, I thought you might like to, I was wondering if you might like to* и т. д. Они говорят так, как если бы хотели услужить, но не в смысле того, чтобы сделать что-то, что, по их мнению, хорошо для адресата, а скорее в смысле облегчить ход мысли и принятие решения адресатом. В этом процессе не только соблюдается, но и видимо подчеркивается автономия адресата, а уважение к ней говорящего усиленно демонстрируется.

А. Вежбицкая формулирует культурный сценарий, отраженный, по ее мнению, в таком построении речи:

когда кто-то делает что-то,
хорошо когда он может думать об этом что-то вроде:
«Я делаю это, потому что хочу делать это,
а не потому, что кто-то другой хочет, чтобы я делал это».

Сопутствующий сценарий, демонстрирующий предпочтительность «предложений» (suggestions) по сравнению с открытыми «директивами», формулируется так:

если я хочу, чтобы кто-то другой сделал что-то,
может быть, хорошо сказать этому человеку что-то вроде:
«может быть, ты захочешь подумать об этом,
может быть, если ты подумаешь об этом, ты захочешь сделать это» [Вежбицкая 2007].

В этом отношении интересная статья Р. Лакофф встает в оппозицию к идеям Вежбицкой, даже противоположна ей.

Статья Лакофф, впрочем, не вызывает у нас серьезных возражений: исследовательница политического дискурса на материале сильно эволюционировавшего за последние 5–7 лет жанра публичного извинения оптимистически рассуждает о произошедших за эти годы изменениях в отношениях между властью и народом: с одной стороны, люди, наделенные властью, избегают *публичных извинений*, предпочитая им позволяющие сохранить лицо *объяснения*. «(...) даже если нет положительной причины избегать извинений, — пишет Р. Лакофф, — человек, наделенный властью, часто избирает уклончивую тактику» [Лакофф 2007: 186].

С другой стороны, люди, наделенные властью (в том числе — привилегией НЕ извиняться перед находящимся в зависимости от них населением, даже когда есть основания), теперь все чаще приносят публичные извинения по разным поводам, чего просто невозможно было представить еще лет десять назад. Явления эти имеют, по-видимому, в достаточной степени универсальный характер, по крайней мере, для стран так называемой западной демократии.

Этого, к сожалению, нельзя сказать о многих других исследованиях речежанровых явлений, основанных на конкретно-языковом материале, но претендующих на универсализм, например о недавно вышедшей под редакцией Дж. Купланд коллективной монографии «*Small talk*» [Small talk 2000], посвященной далеко не универсальному праздноречевому жанру *small talk* (он характерен, пожалуй, для одной только англо-американской культуры) — см. критические размышления об этом издании в § 3.4.1.

В целом и з м е н е н и я в общественной, политической жизни, в области идеологии, экономики, быта приводят к и з м е н е н и я м я з ы к а — это положение стало общепризнанным в социолингвистике с 20-х г. прошлого века [Лафарг 1930; Жирмунский 1936; Поливанов 1968]. Блестяще связал это общее положение с идеей жанра как переходного явления между изменениями окружающего мира и изменениями языка М. М. Бахтин, назвавший речевые жанры «приводными ремнями от истории общества к истории языка» [Бахтин 1996: 165]. Все это, вообще говоря, резко отличает речежанровое изучение культур от традиционных типологических исследований. Так, в статье Н. К. Рябцевой о межкультурном деловом общении культурно обусловленные различия между русским и английским языками осмысляются принципиально не в категориях лингвистики, а *металингвистики*, к сфере интересов которой автор вслед за Б. Уорфом и М. М. Бахтиным относит стиль мышления и коммуникативные установки.

Н. К. Рябцева исходит из того, что особенности менталитета носителей русского языка проявляются в показательных коммуникативных моделях поведения, которые значительно отличаются от коммуникативных моделей, характерных для английского языка, в первую очередь большей категоричностью (императивностью), импозитивностью, эмоциональной эгоцентричностью и в то же время анонимностью (ср. распространенную в русской научной речи модель «как представляется/думается/можно предположить» и т. д.), дистантностью или, напротив, полным ее отсутствием.

По мнению исследовательницы, две на первый взгляд, тождественные установки, свойственные западной (правовой, демократической) и русской (коммунистической/деспотической/тоталитарной) этическим системам — «Не делай зла!» и «Делай добро!» принципиально несовместимы. Так, «делание добра» допускает применение «злых» методов (ср. «Вперед, к победе коммунизма!» — любыми методами, средствами, путями: — через запреты, гонения, ссылки, казни и т. п.) [Рябцева 2007].

Изучение речевых жанров в связи с изменениями в культуре широко представлено в пятом выпуске сборника «Жанры речи»: см. статьи М. А. Кулинич и Н. Ю. Бусоргиной (сравниваются американские письмовники середины XIX и начала XXI в.), Н. В. Орловой («советы» в русских журналах, относящихся к разным эпохам), М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой (надмогильные надписи XIX и XX вв.).

Так, в статье М. А. Кулинич и Н. Ю. Бусоргиной исследуется отражение тех или иных речевых жанров (или ряда жанров) в англоязычном письмовнике.

Авторы исходят из того, что для англоязычной (англо-американской) лингвокультуры характерно моделирование речевых жанров. В частности, письмовники, в которых даются образцы (модели) типовых писем и советы по их сочинению и оформлению, являются весьма популярным жанром и в Англии, и в США.

Письмовники соотносятся с типичными коммуникативными ситуациями, следовательно, они отражают реалии определенной эпохи и определенную идеологию, способ видения мира.

Сравнивая письмовники, разделенные временным интервалом почти в полтора столетия, М. А. Кулинич и Н. Ю. Бусоргина обнаруживают, что прежде всего они различаются соотношением объема текста, посвященного деловой и личной коммуникации. В *Chesterfield's Letter Writer* (XIX в.) большая часть книги посвящена личной корреспонденции, а деловые письма занимают лишь краткий раздел, в то время как в *The New American Handbook of Letter Writing* (XX в.)

деловой корреспонденции отводится ведущее место, личные письма занимают небольшую часть, а любовные письма отсутствуют совсем. На этом основании, кстати, М. А. Кулинич и Н.Ю. Бусоргина делают интересное предположение, что в современном мире, в век информационных технологий, люди выражают свои самые сокровенные чувства по телефону и более не доверяют их бумаге, а может быть, такое положение дел обусловлено тем, что сфера любовных отношений перестала быть частью этикета. Людей больше не учат красиво и правильно выражать свои чувства.

Наконец, в *The New American Handbook of Letter Writing* приведены виды коммуникации, не возможные в XIX в. — такие, как электронная почта или аудио-(видео-) письмо [Кулинич, Бусоргина 2007].

Все же в целом приходится констатировать, что названная задача — описание жанрового своеобразия национальных культур и сравнение их с этой точки зрения — пока далека от того, чтобы, с одной стороны, привести накопленные знания к чему-то напоминающему систему, которую можно было бы представить в одной плоскости и описать в единой терминологии; с другой стороны, претендовать на высокое звание по-настоящему приоритетного направления лингвистических исследований.

Увы, никто пока всерьез не воспринимает идеи и перспективы создания всемирной энциклопедии жанров (об этом же, применительно к одним только русским жанрам, с болью пишет Т. В. Шмелева: «За такую задачу непосредственно никто не взялся до сих пор, грандиозность ее очевидна» [Шмелева 2007: 66].

Это же касается и многих других аспектов проблемы «жанр и культура»; в целом эта глобальная проблема по-прежнему остается одним из самых досадных белых пятен в общей картине современной культурологии и лингвокультурологии, хотя по значимости для адекватного понимания соотношения коммуникативных систем она, по нашему мнению, не уступает ни лингвистике универсалий, ни лингвистической типологии в целом.

Пожалуй, ни один из аспектов проблемы «жанр и культура» не вызывает столько споров и дискуссионных вопросов и вместе с тем столько ожиданий и надежд со стороны как лингвокультурологов, так и жанроведов, как попытка выделения и осмысления **жанровой картины мира** в составе общей культурно-языковой картины мира. Пионером в этой области следует считать, бесспорно, Г. Г. Слышкина, идеи которого были подробно рассмотрены в предыдущем § 4.1.

Сопоставление ценностных жанровых картин мира естественным образом выводит на изучение **ценностной обусловленности речевых жанров** в разных лингвокультурах.

Естественно, человеческие культуры оценочны по своей сути, идеологической или мифологической оценочностью пронизаны все аспекты культуры. Собственно, культура в таком общем значении не является объектом лингвистического анализа, хотя практически все исследования по лингвистическим аспектам данного явления оперируют более или менее общими категориями культуры (картина мира, система ценностей, стереотип).

Современная лингвокультурология выявляет отражение этих оценочно-идеологических (часто противоречивых и сложных) явлений в системах языков, прежде всего на материале лексических и фразеологических единиц языков (в меньшей степени — грамматики и прагматики).

К сожалению, с точки зрения традиции, сложившейся в современной лингвокультурологии, речевые жанры — явление скорее периферийное или малопредставительное. До сих пор жанрам уделялось мало внимания в лингвокультурологии: это «всего лишь» речь, а не язык, концептуализация значений и значимостей не достигает такой степени завершенности и определенности, как в собственно языке, а следовательно, нет надежной почвы для обобщений, и, кажется, невозможно достичь требуемой степени представительности и убедительности.

Однако жанр речи/коммуникации, пожалуй, даже более естественный объект лингвокультурологии, чем язык как таковой: жанры более непосредственно связаны с культурой (а язык чаще всего, именно через посредство речевой системности, т. е. речевых жанров). В этом отношении связь жанров и языка может быть как самой непосредственной (например, названия жанров), так и более опосредованной (например, совместимость/несовместимость с правилами и тональностью данного жанра определенных средств лексики и стиля). Можно только удивляться, почему проблема «жанр и культура» остается в целом гораздо более скромно изученной в рамках различных внешнелингвистических дисциплин, чем общефилософская проблема «язык и культура».

Частью общей проблемы жанровой картины мира является также проблема **жанровой компетенции языковой личности** (как важной части общей коммуникативной компетенции) и выделение типов язы-

ковых / коммуникативных личностей в связи с разными типами компетенции. Как никто не владеет всеми словами / правилами родного языка, ни один носитель языка не владеет всеми речевыми жанрами: «есть бытовые жанры, существование которых в рамках одного языкового сознания взаимоисключает друг друга» [Седов 2007а: 22–23].

Жанроведение успешно взаимодействует с теорией языковой личности.

Так, К. Ф. Седов выделяет типы языковых личностей, отдающих предпочтение в сфере конфликта прямым инвективным высказываниям, ироническим высказываниям или косвенно-этикетным высказываниям [1999], а также выделяет типы языковых личностей в зависимости от того, к каким речевым жанрам они тяготеют в сфере межличностной гармонизирующей коммуникации: *болтовне / сплетне* или *разговору по душам* [Там же].

В обобщающей статье [2007е] К. Ф. Седов обсуждает различные аспекты проблемы языковой личности, подходы к построению типологии языковых личностей, принципы речевого портретирования. Значимость данных моделей для общей теории ЯЛ не вызывает сомнений.

В то же время за пределами исследования К. Ф. Седова остался собственно контрастивно-лингвокультурологический аспект: наборы речевых жанров, составляющих жанровую компетенцию языковой личности, находятся в прямой зависимости от общенационального культурно обусловленного представления о целях и формах коммуникации, допустимого и недопустимого в ней, «хорошей речи», коммуникативного идеала.

Так, в разрабатываемой К. Ф. Седовым [2000] классификации типов языковых личностей (в зависимости от установки по отношению к участникам общения: установки на себя или на / против партнера по коммуникации — выделяются два кооперативных типа: кооперативно-актуализаторский и кооперативно-конформный, два центрированных типа: активно центрированный и пассивно центрированный, — и два конфликтных типа: агрессор и манипулятор) выделяется кооперативно-актуализаторский тип языковой личности как высший уровень коммуникативной компетенции человека. Данный тип, по нашему мнению, представляет собой коммуникативный идеал в русской культуре, но не может считаться таким для других культур. Например, исследователь считает кооперативно-актуализаторским такой диалог:

- *Эх/жизнь наша поганая/мать...* <неценз.>!
- *Да уж/<неценз.> жизнь! За...* <неценз.> *совсем!*
- *Ты меня понял!* [Седов 2000: 307–308].

Очень трудно представить, что в английском или японском коммуникативном поведении такая форма речи была бы признана «хорошей», гармонизирующей (и даже просто допустимой). По-видимому, среди коммуникативных типов английской речевой культуры вообще не будет специального места для кооперативного актуализатора в понимании К. Ф. Седова как достаточно типичного явления данной культуры (см. об этом в: [Дементьев, Рогачева 2006]).

Варьирование в пределах одной речевой культуры (соответственно, выделение типов языковых личностей) также обусловлено более общими культурными закономерностями и нормами; так, противопоставление языковых личностей, тяготеющих к *болтовне* или *разговору по душам*, обусловлено сосуществованием двух коммуникативных идеалов современной русской речевой культуры [Там же].

Думается, проблема взаимоотношения речевого жанра и языковой личности, до окончательного решения которой еще очень далеко как в теории ЯЛ, так и в жанроведении, актуальна и имеет многообещающий потенциал, накопленный обеими науками по отдельности.

У данной проблемы есть и несомненный **онтолингвистический** аспект: для характеристики языковой личности (типологической / выделения типа ЯЛ и описательной / портретирования) является существенным, например, то, в каком возрасте человек начал осваивать тот или иной речевой жанр, а также то, в какой последовательности, на каком этапе формирования жанрового мышления (которое, как доказано в современной онтолингвистике, предшествует языковому [Шахнарович 1979; Седов 1999, 2007а; Петрова 2000]) осуществлялось освоение разных жанров. Здесь имеют значение этапы усвоения наиболее непосредственных «жизненных» речевых жанров, но, пожалуй, еще более показательны особенности усвоения сложных — риторических и «высоких» нериторических жанров. Так, достаточно ярко характеризует человека то, например, в каком возрасте (если это было вообще) он впервые произнес слова искреннего сочувствия и поддержки; в каком возрасте впервые выступил в роли коммуникативного лидера; когда впервые сказал что-то не потому, что так думал, а потому, что знал, что это будет приятно собеседнику. Для понимания коммуникативного поведения языковой личности может быть очень важно, в чем человеку удалось достичь успеха раньше

(даже если это было в младшем школьном возрасте или еще раньше): в искреннем задушевном общении — или в вежливо-этикетном разговоре с малознакомыми гостями? в трудной ситуации взять на себя ответственность или чужую вину — или, рассчитав реакции группы людей (сверстников), суметь прямо или косвенно (манипуляция) воздействовать на них, склонив каждого к совершению желательных для индивида деяний, вынесению желательной для индивида оценки, переживанию «правильных» чувств? Культурная обусловленность данного явления тоже интуитивно очевидна (родители-англичане будут прилагать больше усилий, чтобы их ребенок овладел лично нейтральными риторическими жанрами типа *small talk*, чем жанрами лично ненейтрального общения), однако практически не исследовалась.

4.3. Речевые жанры новых сфер общения

Рубеж XX–XXI в. ознаменовался серьезными изменениями общечеловеческого коммуникативного пространства, такими, как глобализация, появление целого ряда новых сфер общения (электронные/виртуальные, интернет-общение, в том числе форумы и чаты онлайн, СМС-общение). Благодаря достижениям научно-технической революции увеличивается скорость и простота коммуникации, расширяется объем аудитории.

Следует подчеркнуть, что именно для российского жанроведения названная проблема является особенно актуальной, поскольку, с одной стороны, коммуникативное пространство в России подчиняется общемировым закономерностям, с другой — постсоветская Россия открывает заново многие сферы общения, которые существуют во всем мире на протяжении веков, но прекратили существование насильственным или искусственным образом в СССР, — жанры делового и бизнес-общения, такие, как коммерческие переговоры, собеседование при приеме на работу, корпоративные вечеринки, реклама, лозунги на демонстрациях протеста, брачные объявления.

В целом в лингвистике еще не найдены удовлетворительные общепризнанные методы анализа такого материала (см. об этом: [Олянич 2004; Смирнов 2004; Дубровская 2007]). Едва ли можно считать удачными попытки рассматривать новые сферы общения при помощи методик, разработанных для непосредственного (устного или письменного) общения: в результате с неизбежностью ускользает что-то важное для рассматриваемого явления (ср., например: [Милованова

1998]), как и попытки рассматривать данное явление как не имеющее ничего общего с рассмотренными ранее лингвистическими феноменами (в [Пчелинцева 2003] говорится даже о существовании принципиально иной вербально-невербальной коммуникативной системы — языка рекламы, принципиально отличного как от естественного человеческого языка, так и от собственно невербальной коммуникации). Появился целый ряд лингвистических исследований прикладного характера, в которых новые возможности и технические средства общения пытаются использовать для повседневных потребностей людей, — ср., например, компьютерную программу, разработанную Т. Бикмором и Дж. Касселом, — робот, выступающий в функции риелтора и использующий жанр *small talk*: по мнению ученых, такой робот способен создать благоприятную почву для дальнейших коммерческих переговоров, тем самым войти в доверие к клиенту [Bickmore http]; см. также работы: [Bhatia 1993; Breure http; Tench 2003].

Многие проблемы, связанные с **интернет-общением**, неоднократно обсуждались в лингвистической литературе (Е. И. Горошко даже говорит о формировании «лингвистики Интернета»: по данной дисциплине уже проводятся международные конференции, появляются специальные научные журналы).

Как и следовало ожидать, пионерами в данной области были американские и западноевропейские лингвисты; в последнее время названное направление заметно активизировалось и в России (а также Украине). Важно, что понятие *жанр*, как правило, является одним из центральных или центральным в большинстве работ.

Как отмечает Н. Б. Рогачева, в целом можно выделить три основных направления исследований по интернет-коммуникации:

1. Описание особенностей интернет-общения в целом (в сравнении с обычным, т. е. непосредственным, общением) [Erickson 2000; Herring http; Herring et al. 2004; http; Жичкина http; Ермакова http; Нестеров http; Нестеров, Нестерова http; Шевченко http], рассмотрение интернет-коммуникации с точки зрения двух основных модальностей языка (*modalities of language*): письма и речи [Herring http].

2. Изучение различных аспектов Интернет-общения (например гендерной специфики), а также особенностей функционирования в нем различных языковых средств [Arnold & Miller http; Danet &

Herring 2007; Miller & Arnold 2003; Shepherd & Watters 1998; Горошко, Саенко 2006; Шаповалова 2007].

3. Описание и классификация жанров коммуникативного пространства Интернета [Askehave & Nielsen 2005; Crowston & Williams 2000; Herring [http](#); Herring et al. 2004, [http](#); Yates et al. 1999; Горошко 2007; Горошко, Саенко 2006; Макаров 2005].

Естественно, наибольший интерес для нас представляет последнее направление. Рассмотрим его подробнее.

Согласно Е. И. Горошко, «коммуникативное пространство Интернета стало своеобразной жанропорождающей средой, которая способствовала как более интенсивному развитию жанроведения в целом, так и возникновению новых, свойственных только этой информационной среде жанров и появлению теории виртуального жанроведения» [Горошко 2007: 372]. Н. А. Абиева и О. В. Гайшина отмечают, что «происходит не просто смена носителя, а активно разрабатываются новые литературные формы, средой обитания которых может быть только виртуальная реальность» [Абиева, Гайшина 2006: 207].

В настоящее время исследователями используются различные классификации интернет-жанров, построенные отчасти на тех же основаниях, что и классификации жанров/типов/актов традиционных сфер общения (коммуникативная цель, межличностная близость), отчасти — на новых основаниях.

Так, С. Херринг предлагает многоаспектную классификационную схему, одним из главных достоинств которой нам представляется то, что в ней выделяется технологический фактор, наряду с ситуационными (социальными) параметрами, определяющими специфику конкретного жанра. Исследовательница использует ряд независимых друг от друга параметров, сгруппированных в два кластера (технологические и социальные), по которым может быть охарактеризован произвольный интернет-жанр. Следует отметить, что данный подход был успешно применен автором для анализа конкретного жанра (*блог*) [Herring [http](#)].

О. И. Ермакова выделяет следующие факторы варьирования коммуникативной ситуации в Интернете: 1) свойства канала общения; 2) тема и 3) конкретная цель сообщения; 4) наличие или отсутствие цензуры; 5) индивидуальные характеристики и 6) социальные роли коммуникантов [Ермакова [http](#)].

По мнению Е. И. Горошко, для разграничения интернет-жанров важны такие параметры, как: 1) гипертекстуальность (способ прочтения текста и характер гиперссылок); 2) возможность создания креолизованных текстов (аудиовизуальных текстовых элементов) и интенсивность использования мультимедиа; 3) интерактивность среды, которая зачастую приводит как к гибридизации жанров, так и к усилению степени полижанровости; 4) временной параметр передачи информации или синхронность/асинхронность коммуникации; 5) частота обновления информации; 6) адресат электронного текста (личное или публичное общение); 7) автор текста (особенности языковой личности, множественность или единственность авторства электронного текста, коммуникативные цели); 8) география Интернета [Горошко 2007]. Все интернет-жанры исследовательница предлагает представлять с помощью пяти континуумов (шкал), которые при определенных обстоятельствах могут накладываться друг на друга: синхронность/асинхронность передачи информации; частота обновления информации; уровень использования возможностей мультимедийной среды; адресность (от индивидуальной до массовой); авторство (индивидуальное — коллективное) [Горошко 2007; Горошко, Саенко 2006].

В целом основной теоретический аппарат работ по интернет-жанроведению, по всей видимости, еще не вполне сложился, что наиболее отчетливо проявляется в разнообразии терминологии (см. обзоры в: [Горошко 2007; Макаров 2005]). Кроме того, как отмечает Е. И. Горошко, «остаются открытыми также вопросы о соотношении бумажных и дигитальных жанров <...> Остаются до конца нерешенными вопросы о построении системы классификационных критериев для описания всего жанрового разнообразия Сети, отсутствует четкое и непротиворечивое определение того, что, собственно, являет собой дигитальный жанр» [Горошко 2007: 372].

В то же время, по нашему мнению, многих противоречий можно избежать, если воспользоваться концепцией М. М. Бахтина.

Как мы уже говорили (§ 3.2), М. М. Бахтин заложил удобную и эффективную теоретическую основу для адекватного осмысления новых речевых явлений — понятие вторичного речевого жанра (хотя специфика самой коммуникации и метаязык описания в каждом конкретном случае, естественно, будут несколько различаться).

Приведем два примера — один взят из рубрики «Послания» газеты бесплатных объявлений, другой — из интернета. Мы полагаем, что данные тексты представляют собой вторичные РЖ, складывающиеся или уже сложившиеся на базе различных разновидностей традиционных жанров.

(1) Жители домов 5 и ба пр. Строителей! Неужели вы не слышали музыки 29 июля в 22 часа? Никто не вышел на балкон послушать, а я включила ее специально для вас на полную громкость, поставив колонку к окну. Я хотела сделать вам приятное. Это самая большая публичная акция, на которую я способна. Инкогнито.

(2) может это мое очередное проявление моего проклятия... оказываться одному наедине с собой и ноутбуком в тот момент когда так хочется поговорить пообщаться... выяснить чье то мнение... вспоминаются классные дебаты в некой 35-й квартире по разным поводам... и пусть временами эти дебаты чуть не доходили до драки... но это были обалденные дебаты... как же их не хватает теперь... и тех людей кто в них участвовал вдвойне... хочется дика весь вечер поговорить... пообщаться в реальной жизни пообщаться... не буквами со смайлами вперемежку... а просто голосом... когда ты его внемлешь ушами а он тебя... думать и говорить... не думать и говорить... просто говорить... и немного философствовать... ан нет млять суку общайся с ноутбуком... жманай пипки и чепятай всякую хуЮню... заеУало...

> Максим, по-моему Вы любите подобные проекты. Поддержите товарища?

> а не пошел бы он на хуУ с такими мудацими проектами.

> А я нахуУ никому не нужен, ни в реальной жизни ни в ЖЖ. И мне похуУ!

> маленький человечек натягивает одеяло на голову. он хочет, чтоб его любили.

> маленьким человечкам всегда пять лет

Первое, что бросается в глаза, — г и б р и д н о с т ь данных текстов (если это вообще тексты).

С одной стороны, обнаруживается несомненная связь с типами и жанрами текстов, хорошо известными, широко распространенными и относительно хорошо изученными, — *объявление, личная переписка, деловая переписка, дискуссия, болтовня...* Эти жанровые модели, несомненно, проясняют отдельные стороны рассматриваемых примеров.

С другой стороны, ни с одним из этих типов и жанров текстов приведенные примеры не совпадают полностью. Отдельные признаки названных (и, вероятно, других) жанров в них перемешаны не очень ясным образом. Их объяснение в соответствии только с правилами и нормами какого-то одного из названных жанров будет очевидно недостаточно.

В рассматриваемых речевых произведениях сочетаются черты устной и письменной речи (первый пример, взятый из газеты, больше похож на традиционные письменные тексты — возможно, он стал таким в результате правки со стороны редакции), монолога и диалога, общения персонального и публичного, фатического и информативного, бытового и бытийного, наконец, общения с хорошо знакомыми и малознакомыми собеседниками.

Использование для изучения «текстов» такого типа бахтинской идеи первичных и вторичных речевых жанров может дать, думается, очень много.

В частности, данная идея хорошо вписывается в парадигму современных «техногенных» сфер коммуникации, где непосредственный собеседник заменяется виртуальным партнером (в блогах, форумах, чатах).

Ср. статью Н. Б. Рогачевой [Рогачева 2009]. Исследовательница пытается решить проблему первичных и вторичных РЖ (по М. М. Бахтину) с точки зрения языка и стиля одного из интернет-жанров — блога, сравнивая его с жанрами, которые предположительно можно рассматривать как первичные по отношению к нему: обычный дневник («бумажный», который пишется для себя) и личная переписка. Сравнение осуществляется по параметрам: наличие элементов диалогичности; репертуар используемых жанров/субжанров; использование сокращенного или развернутого кода; тематическое разнообразие и характер связей между темами; степень креативности или стереотипности текста.

Думается, именно идея первичных и вторичных жанров позволяет адекватно объяснить тот феномен, который на протяжении последних 10–15 лет так интересует лингвистов, социологов, писателей, отражен в художественных произведениях (фантастических, например в цикле романов С. Лукьяненко «Лабиринт отражений» и «Фальшивые зеркала», и вполне реалистических, например в циклах «поколенческих» романов В. Пелевина) и фильмах — потерю реально-

с т. и. Конечно, потеря реальности оборачивается обретением новой реальности, по-своему не менее интересной, сложной и живой, чем реальность обыкновенная, при этом разительно от нее отличающейся. Развлечение становится доминирующей целью при общении в Интернете, степень межличностной близости и общности апперцепционной базы значительно переосмысливается и (если не говорить о случаях, когда основное общение и связи людей находятся вне интернета — а это не самый распространенный и не самый «чистый» тип Интернет-общения) приобретает совершенно специфический характер, поскольку даже категория персональности в интернет-общении отчасти превращается в эстетическую категорию.

Возможность получать огромный поток информации одновременно по многим каналам, мгновенно преодолевать целый ряд количественных (имеется в виду количество собеседников, знакомых), пространственных и временных барьеров, которые невозможно преодолеть при обычном общении, порождает особый экономно-экспрессивный язык форумов и блогов («албанский язык») и целую систему графических невербальных символов («смайликов»).

При этом в интернет-коммуникации находится выход для такого количества эмоциональной агрессии, на которое при непосредственном общении наложен понятный и безусловный запрет. «Онлайн-коммуниканты» могут быть поразительно грубы, циничны, жестоки, наносить оскорбления такой интенсивности и в таких тематически болезненных областях, которые при обычном общении могли бы быть смыты только кровью, — и все это поразительным образом не препятствует вполне успешному, гладко протекающему общению! «Онлайн-коммуниканты» редко обижаются друг на друга, обычно не чувствуют себя задетыми даже после очень злых реплик в свой адрес.

Собственно, здесь ведь «все понарошку» — так на что обижаться? Принципиальная установка на несерьезность⁵ обуславливает совершенно особые правила коммуникации в интернет-жанрах, в частности использование речевых средств, которые делают несерьезным обычное общение, — правила использования **языковой игры и иронии**.

⁵ Сказанному как будто бы противоречит то, что тысячи интернет-пользователей, особенно молодых, уже давно живут в этом мире вполне полноценной жизнью, а обыкновенный мир, обыкновенные связи и знакомства, наоборот, воспринимаются ими как ненастоящие.

Исследование [Рогачева 2007] показало, что внимание к форме в интернет-дневнике (далее — ИД) определяется следующими факторами: необходимостью сделать дневник занимательным и легким для чтения (чтобы не потерять читателей), стремлением к творческой самореализации, а также стремлением избежать психологических фрустраций, возможность которых обусловлена открытой адресованностью ИД: дневник, содержащий лично значимую информацию, может быть прочитан любым человеком, а следовательно, может быть подвергнут грубой и насмешливой критике.

Можно выделить три способа решения названной психологической проблемы. Во-первых, автор может не размещать в дневнике чересчур личную информацию (но это, пожалуй, противоречит самой природе ИД). Во-вторых, автор может попытаться уменьшить степень личного участия в обсуждаемой теме (например, использование иронично-шутливого тона при рассуждениях на серьезные темы, снижение степени категоричности оценок, использование обобщенно-личных или безличных конструкций). Наконец, можно полностью игнорировать данную особенность ИД.

В качестве одного из способов защиты автор может использовать стратегию сокрытия своего действительного отношения к значимой для него теме. Для реализации данной стратегии используются следующие тактики: 1) снижение степени категоричности оценки и 2) снижение степени серьезности темы посредством иронии. Довольно распространенным (хотя не единственным) приемом реализации названных тактик является использование средств ЯИ.

Исследование приводит к вполне однозначному выводу: в ИД не принято прямо и категорично выражать оценку.

Использование данных языковых приемов позволяет автору записи снизить степень серьезности обсуждаемой темы:

*хочется **дика** весь вечер поговорить... пообщаться **в реальной жисти** пообщаться... не буквами со смайлами вперемешку... а просто голосом...*

*особый **респект** Лорене и Аристо за самое большое кол-во **комментов** в моем жж... я вас люблю... правда не за это... я вас вообще люблю... **вы супер**)))... **вот это я выдал... вот это откровенность**))))*

Как я и говорил ближе к февралю это произойдет. Настала пора нам с ней расставаться. Каждый знал это и не сопротивлялся. Про-

летели два месяца безумного сна. Пора возвращаться казакам к казачкам, а молдованкам к молдаваням...

Складывается впечатление, что для автора блога зачастую оказывается важнее продемонстрировать свое насмешливо-пренебрежительное отношение с помощью простого кривляния, чем творчески выразить себя как личность.

Особый интерес представляют случаи, когда сам пост написан в довольно серьезной тональности, а в комментариях предпринимается попытка вернуть общение в шутовское русло (77,8% случаев), например:

(текст поста): *Вы, может быть, думаете, что значит мой ник? (Что за бред, кто может над этим думать — этот журнал наверняка никто не читал даже!) Ну так значит он следующее: <...>*

Один из читателей оставил в целом серьезный (с незначительными вкраплениями иронии) комментарий, в котором ободрял автора, убеждал его, что его ИД не хуже, а, может быть, даже лучше других, после чего сам автор написал:

*Всем спасибо! Вы в меня **пря**м уверенность **в**селили, сразу **пи**сать захотелось! (Только **че-то** опять про кино...)*

Итак, одной из основных коммуникативных установок в жанре блога являются демонстрация насмешливо-пренебрежительного отношения к личностно значимым темам, создание образа слегка циничного и ироничного (и — что особенно важно — самоироничного) человека, и именно представление об игровом характере исследуемого жанра, о его вторичной, опосредованной природе позволяет объяснить все, даже, казалось бы, неуместные случаи использования приемов ЯИ и иронии.

Очень важно помнить, что, утратив много особенностей, присущих обычному общению, и развив целый ряд новых, часто неожиданных и оригинальных особенностей, интернет-общение сохраняет существенную связь с формами и жанрами непосредственного естественного общения. Сохраняются, пусть в другой форме, «в снятом виде», главные ценности и приоритеты в общении: ценность добрых межличностных отношений (пусть теперь это отношения, связывающие виртуальных носителей

интернет-ролей), потребность в сохранении лица (пусть теперь это эстетическое виртуальное Я, а самоуважение в большей мере основывается на толерантности, цинизме и агрессии в разных пропорциях), а обслуживаются названные отношения компьютерным — тоже вторичным! — аналогом речевого этикета — «нетикетом».

Сказанное относится и к жанрам других сфер общения.

Так, десятки исследований посвящены феномену **рекламы**, который становится чрезвычайно притягательным для лингвистов: начиная исследованиями, выполненными в русле традиционной лингвистики/грамматики текста (когерентность рекламного текста, тематические и темо-ремагические цепи), риторики (выстроенность и воздейственность, эффективность рекламного текста) и функциональной стилистики (стилистика маркированные лексемы и синтаксические конструкции), и заканчивая исследованиями по взаимодействию вербальных и невербальных компонентов рекламного текста, «рекламной картине мира» и культурным ценностям, трансформируемым в рекламные тексты.

Реклама все более активно входит в повседневную жизнь каждого россиянина, развивается буквально на глазах, устанавливает свои, часто неожиданные как для наивных носителей языка, так и для специалистов правила и нормы и закономерно привлекает внимание многих российских лингвистов. В то же время до систематического осмысления данного феномена еще очень далеко. В целом реклама по-прежнему остается terra incognita для лингвистов. Для лингвиста-коммуникативиста, психолингвиста, жанроведа естественно ожидать именно систематического исследования рекламной коммуникации с точки зрения эффективности речевого взаимодействия, т. е. комплексного риторического исследования.

Ряд исследований выполнен непосредственно по **жанрам и жанровой организации рекламного дискурса/текста** [Белозерова Е. В. 2007; Белоусова 2006; Бровкина 2000; Варганова 2006; Имшинецкая 2007; Лившиц 2001; Никонорова 2005; Рогалева 2005; Урванцев 2006; Чарыкова 2007]. Авторы данных исследований часто опираются на идеи Бахтина и результаты исследований, выполненных в русле современного жанроведения.

В кандидатской диссертации К. Г. Урванцева тексты рекламных объявлений на телевидении и радио анализируются на основе методики, включающей фиксацию моментов риторической деятельности

автора рекламного объявления, эффективности речевого взаимодействия, регистрацию и анализ интерпретационных ходов.

Автор использует риторически-психолингвистическую методику, где центральной является категория цели коммуникативного воздействия, а рекламная коммуникация осмысливается прежде всего с точки зрения эффективности речевого взаимодействия адресанта и адресата. Следует отметить, что к выбору данной методики автор приходит в результате критического осмысления ряда исследований по данной проблеме в российской (советской) и зарубежной лингвистике нескольких последних десятилетий. В частности, автор полемизирует с мнениями ряда исследователей, выдвигающих на первый план информативность рекламы либо чрезмерно сближающих рекламу с жанрами информационной публицистики.

Рекламный жанр изучается последовательно на системном, стратегическом и тактическом уровнях; для каждого уровня автор выявляет релевантные признаки. Так, показано, что стратегические особенности рекламы присущи всем формам рекламы (формально-логический тезис — предложение), тогда как тактические являются специфическими для каждого вида рекламы; отдельные тактики совершенно справедливо связываются с эксплуатацией различных социокультурных ценностей.

Жанровая структура рекламы осмысливается через интертекстуальные связи жанров и различные стилизации (под смежные информационные и неинформационные жанры публицистики, художественной словесности и т. д.), пародии, цитацию и псевдоцитацию. Так, анализируются стилизации под риторические жанры (агитационная речь, презентация, совет, мнение, консультация, инструкция), жанры художественной литературы (пьеса, сказка, загадка), жанры журналистики (репортаж, интервью, комментарий, зарисовка) в качестве субжанров теле- и радиорекламы. Важно, что для осмысления данных особенностей рекламных текстов автор удачно использует концепцию переакцентуации и вторичных речевых жанров М. М. Бахтина [Урванцев 2006].

В целом же, к сожалению, «рекламное жанроведение» еще далеко не оформилось в целостную лингвистическую дисциплину, и результаты названных исследований едва ли могут быть сложены в единую, адекватную и непротиворечивую картину. Думается, что объясняющие потенции ТРЖ еще предстоит использовать в данной предметной области.

Так, в упомянутой диссертации К. Г. Урванцева [Урванцев 2006] рабочее определение понятия «жанр (жанры) рекламы»: «вторичный

императивный жанр, относящийся к типу призывающих к действию речей; <...> ярко выраженный инициативный жанр» (с. 53) — не всегда представляется адекватным материалу (и не всегда последовательно и в одном и том же значении используется самим автором). В частности, из названия («Жанры современной теле- и радиорекламы») и формулировки некоторых задач и параграфов диссертации (например, § 1.3) как будто бы следует, что автор считает рекламу комплексным сложным образованием, включающим целый ряд различных речевых жанров; в то же время в тексте часто встречаются формулировки (например, на с. 3, 53, см. также название главы 2, § 2.1 и положение 3, выносимое на защиту), из которых прямо следует, будто реклама уже сама по себе является особым речевым жанром. Это положение, вызывающее большие сомнения, не получает в тексте диссертации убедительного доказательства.

Неразграничение понятий «жанр рекламы» как «один из жанров/типов рекламных объявлений» и «жанр рекламы» как «реклама» достаточно характерно для многих современных исследований по «рекламному жанроведению».

Точно так же в кандидатской диссертации О. Г. Никоноровой [Никонорова 2005] определение рекламного объявления в целом и РЖ бегущей строки в частности («Если информационное объявление прямо или косвенно преследует иную, нежели просто сообщение информации, цель (в частности, побудить читателя к действию и получить прибыль или некоторую выгоду), то это рекламное объявление» (с. 46); «представляется целесообразным называть “малой” рекламой <...> разновидности небольших по объему текстов (объявлений), <...> в создании которых практически не участвуют специалисты (это частные объявления на стендах, в газетах и бегущая строка на телеэкране)» (с. 42) не позволяют увидеть основные специфические особенности РЖ бегущей строки. Справедливо утверждается, что в центре понятия речевого жанра находится стандарт, но, вместо того, чтобы четко определить, в чем же именно состоит данный стандарт, «стандарт» лишь очень часто упоминается автором, как будто он уже вполне ясен (с. 8, 13, 44, 47–53, 55, 107 и др.); ср. следующие формулировки, весьма характерные для общего стиля диссертации: с. 43 — «*некий* стандарт», с. 51 — «стандарт в выражении обеспечивает *некую* риторическую стабильность». В качестве наиболее четкого и эксплицитного определения «стандарта» жанра бегущей строки в работе выступает фактически лишь список нескольких ключевых формул: «*Продаю ...*», «*куплю ...*», «*меняю ...*», «*приглашаю на работу*», «*требуется ...*», «*ищу работу*», «*Внимание!*», «*Уважае-*

мые ...!» — это традиционные, стандартные модели» (с. 53). Отсутствие четкого определения стандарта иногда приводит к противоречиям при анализе материала: «частное объявление переживает в последние годы изменение формы. Традиционные (...) *“Продается красивая шуба”* сменяются идентичными по сути, но оригинальными по форме и содержанию текстами (...) *Очаровательная шубка ищет свою хозяйку*» (с. 46) — непонятно, почему первый текст назван «традиционным»: ведь *красивая шуба* — это уже экспрессия.

Ряд исследований посвящены другим жанрам новых культурных сфер, например, *гороскоп* (А. О. Лалетина, Е. Р. Савицкайте) и *объявление о знакомстве* в российских периодических изданиях (Е. В. Акулова, И. С. Черкасова), *инаугурационная речь* (Е. И. Шейгал), *«объявлений доски электронные»* (Л. Ф. Компанцева), *рецензия в PR* (Е. Г. Отрошенко, В. Г. Дегтярева), *ток-шоу* (Е. Г. Ларина, Е. Б. Ростокская).

Одному из таких новейших жанров — шутивным объявлениям в маршрутных такси — посвящена статья Б. Ю. Нормана, вошедшая в пятый выпуск сборника «Жанры речи» [Норман 2007]. Исследователь рассматривает многочисленные примеры языковой игры в данных объявлениях, выявляет их функции, главная из которых непосредственно связана с типичной ситуацией и складывающимся в ее рамках коммуникативным жанром «поездка на маршрутке», который Б. Ю. Норман считает «очень простым» и где посредством текстов объявлений водитель корректирует поведение пассажиров, точнее, напоминает им о их обязанностях. Думается, впрочем, что у объявлений в маршрутных такси есть еще одна цель, связанная с третьим возможным участником общения — коллегами-водителями: иметь оригинальную надпись модно и престижно. По нашему мнению, очень важно, что кроме иронии в этих надписях есть и самоирония, которая вообще, очень в цене в хорошем общении новых сфер (интернет-форумы и чаты, блоги, СМС; см. выше).

Таким образом, речь идет о перспективном и очень динамично развивающемся направлении жанроведения.

ГЛАВА V

Изучение отдельных речевых жанров

5.1. Жанроведение как «энциклопедия речевых жанров»

При изучении отдельных речевых жанров (или отдельных групп речевых жанров, как, например, жанров этикетных, фатических, «положительного/отрицательного эмоционального воздействия») обращает на себя внимание, с одной стороны, давняя традиция — список работ, а также конкретных речевых жанров, ставших объектом исследования, исчисляется сотнями для одного русского языка. Даже краткая характеристика каждого отдельного исследования, включающая, например, материал и методику исследования, основные результаты, а также общую оценку качества работы, растянулась бы на многие десятки страниц. Впрочем, уже сам по себе список таких исследований, как нам кажется, производит довольно сильное впечатление и дает определенное представление о проделанной работе — собственно, мы и ограничимся таким списком, который будет приведен после некоторых наших предварительных рассуждений.

С другой стороны, эта серия исследований настолько разнородна, что объединяет их, пожалуй, только слово «жанр» — не приходится говорить ни о единстве конкретных целей исследований, ни о настоящем единстве методологии и исходных теоретических установок, ни о единстве характера и объема привлекаемого материала.

Иногда бывает трудно разграничить исследования, выполненные в русле и по методике теории речевых жанров и теории речевых актов (например, исследования Т. С. Зотеевой и Г. М. Ярмаркиной по *просьбам* и Т. В. Русиновой по *запретам*), теории речевых жанров и функциональной стилистики (ср. исследования, выполненные в русле Пермской функционально-стилистической школы изучения жанров научной речи, например, В. А. Салимовского, О. Ю. Луковниковой), теории речевых жанров и концептологии (ср. исследования Г. В. Кусова по речевому жанру/иллокутивному лингвокультурному концепту *оскорбление* и Е. Н. Горбачевой по речевому жанру/коммуникативному концепту *спор*).

Так, одна из наиболее многочисленных по количеству и разнообразных по качеству серий работ в последнее время посвящена

речевому жанру *анекдот*. Среди них можно выделить исследования, осуществленные в соответствии с бахтинской концепцией РЖ, например, К. Ф. Седова и Е. Я. и А. Д. Шмелевых, однако и тогда, несмотря на один и тот же заявленный подход, методика названных исследований очень значительно различается: Шмелевы в значительной степени ориентируются на культурологию, Седов — на «прагма-семиотический аспект речевых жанров», т. е. дискурсивный анализ с некоторым уклоном в психолингвистику и онтолингвистику. Исследования по анекдоту осуществляются с семиотических позиций (В. И. Карасик), коммуникативных (Б. Ю. Норман), концептологических (Г. Г. Слышкин), литературоведческих и фольклорных (А. Ф. Белоусов, Е. Курганов, О. А. Чиркова).

В связи с постановкой исследователем перед собой (или перед собой и своими соратниками — ибо трудно представить, что такая задача может быть по плечу одному человеку) столь масштабной задачи, как создание энциклопедии речевых жанров, приходится вновь — в который раз — столкнуться с проблемой соотношения дедуктивно выдвигаемых типологически-теоретических положений и конкретного практического материала — необходимого и достаточного, представительного и оригинального, аутентичного и поддающегося изучению.

Решение данной задачи выводит нас на более частные рассуждения о том, насколько правомерно использование художественных произведений в качестве материала речеведческих исследований и какие новые возможности этот материал предоставляет лингвистике при решении ее задач. Отметим, что многие исследователи РЖ (в том числе те, кто занимается классификацией) оперируют художественным материалом: Т. В. Шмелева, М. Ю. Федосюк, В. В. Дементьев, О. С. Иссерс, Г. Г. Слышкин; точно так же некоторые литературоведы, изучающие коммуникацию персонажей художественных произведений, опираются на положения теории речевых жанров: например, А. Д. Степанов — исследователь творчества А. П. Чехова — успешно анализирует общение персонажей Чехова с точки зрения используемых ими речевых жанров [Степанов 2005]. Ученый исходит из того, что проблемы коммуникации у Чехова далеко не сводятся к «взаимонепониманию» людей: «Мы видим в “автономизации” коммуникативной проблематики и ее кардинальном углублении специфическую черту Чехова» [Там же: 18].

Как было показано в предыдущих главах, такие направления теории речевых жанров, как классификация, выделение, описание от-

дельных РЖ, претендующие на «адекватность», исходят из того, что и сами РЖ, и их типы, т. е. классификация, существуют и являются всем носителям языка; задача же исследователя состоит в том, чтобы выявить системность, которая уже есть.

Специфика гуманитарных исследований такова, что сказанное можно в равной степени отнести и к изучению языка; более того — по сути, это задача-максимум и для лингвистов, и для филологов самого широкого профиля.

Конечно, разные лингвисты (в том числе исследователи РЖ) видят и понимают эту задачу по-разному, предлагают разные пути ее решения, используют разные конкретные методики исследования. Наиболее привычным на протяжении веков оставалось описание языковых и речевых явлений в лингвистической терминологии. Необходимо подчеркнуть, что лингвисты, придерживающиеся менее традиционных взглядов, время от времени высказывали неудовлетворенность описательным подходом, подвергали его резкой критике за неточность, «эссеистичность», недостаточную формализацию [Мартемьянов 1981; Мельчук 1995].

Широко известный подход А. Вежбицкой [Wierzbicka 1991, 2005] тоже развивался из критики «несистемности», противоречивости традиционных лингвистических описаний, а также их этноцентризма. Не умаляя достижений А. Вежбицкой и ее последователей, описавших множество языковых, речевых, коммуникативных и культурных явлений в нескольких десятках языков в оригинальной («самопонятной») и в идеале преодолевающей этноцентризм терминологии семантических примитивов, отметим, что требования самопонятности и минимальности семантических примитивов, с одной стороны, и требование универсальности — с другой, в известной степени противоречат друг другу. При определении места того или иного явления в языке не может быть существенным, представлено ли данное явление за пределами данного языка, в других языках, и какую роль играет там, т. е. его универсальность или неуниверсальность. Преимущества описаний, осуществленных на метаязыке семантических примитивов, можно уподобить преимуществам литературы, которая была бы написана при помощи алфавита, состоящего только из самых простых в мире букв, при этом простота написания автоматически приравнивалась бы к распространенности. Вряд ли можно считать дополнительным достоинством данного метода и то, что осуществленные таким способом описания будут-де понятны всему человечеству, любому наивному носителю любого языка, «любому папуасу»: увы, нелингвисты не читают работ Вежбицкой;

для многих же лингвистов далеко не очевидно, почему определения лингвистических явлений через посредство примитивов «лучше», чем традиционные лингвистические и филологические определения. Попробуйте-ка перевести на примитивы «Войну и мир», или объяснить специфику английской фонетики (например, межзубных согласных) неангличанам, или, например, объяснить таким образом «любому папуасу», чем отличается вкус кори от вкуса чили.

Из того, что все знания о русском языке есть в сознании его носителей и в письменных и устных текстах, порождаемых ими, а кроме того, содержатся в чрезвычайно ярком, по-своему систематизированном (хотя и «кривом») виде в юмористических текстах, исходит В. З. Санников, автор книги «Русский язык в зеркале языковой игры» — интересной, оригинальной, но главное — уточняющей целый ряд существующих лингвистических знаний и представлений. В книге В. З. Санникова, как и в нашем исследовании, «лингвистически содержательные выводы» извлекаются из яркого, эстетически значимого (а следовательно, уже содержащего результаты проделанной мыслительной работы) материала: «Языковая игра — это уже проведенный (и успешный!) лингвистический эксперимент (пусть проводился он с другими целями — для усиления выразительности речи, для создания комического эффекта и т. д.). Лингвисту остается дать этому чужому эксперименту лингвистическую интерпретацию» [Санников 1999: 36].

Автор подчеркивает: «Свою задачу мы видели в том, чтобы богатый собранный материал, снабженный подробными указателями, сделать доступным для широкого круга специалистов по самым разным областям лингвистики. Следует подчеркнуть, что языковая игра, этот ненаправленный, “случайный” эксперимент, позволяет искать (и иногда находить) там, где экспериментатор-лингвист иногда не догадался бы искать» [Там же].

Как видим, задачи, которые ставил перед собой В. З. Санников, близки к нашим, хотя ученый не искал в своем материале информацию о речевых жанрах (к сожалению, в обсуждаемой книге нет ни одного такого соображения), а материалом служила только языковая игра — что на первый взгляд несколько уже нашей работы. Однако и для такого материала автор признает в обозримом будущем бесперспективность попыток дать исчерпывающее осмысление: «Полное описание затрагиваемых лингвистических вопросов (с указанием

хотя бы основных существующих по этим вопросам точек зрения) вылилось бы в многотомную лингвистическую энциклопедию» [Там же: 37].

В современной лингвистике можно считать доказанной частью новую правомерность использования художественного материала для изучения разговорной речи: стали фактически общепризнанными представления о ее стилизации и типизации в художественном диалоге [Кожевникова 1970; Полишук, Сиротинина 1979; Сиротинина 1995].

В то же время, по мнению некоторых лингвистов, именно при изучении РЖ художественный материал имеет преимущества: «многие содержательные типы высказываний (...) используются в достаточно интимных ситуациях общения, что по вполне понятным этическим причинам ограничивает возможности их наблюдения и фиксации. И в то же время подобные высказывания получают весьма частое отражение в художественных текстах. Художественные тексты вряд ли могли бы служить надежной основой для наблюдений над лексическими или грамматическими чертами русской разговорной речи, однако жанровые особенности этой речи, на наш взгляд, получают в них достаточно адекватное отражение» [Федосюк 1997b: 67].

Отметим, что нам не представляется убедительной идея М. Ю. Федосюка, что по мере повышения уровня языковой/речевой единицы художественный диалог становится все более надежным материалом исследования (в случае речевых жанров — настолько же, как записи разговорной речи). Мы очень далеки от того, чтобы считать материал, содержащийся в ЖРС, в такой же степени надежным, как оригинальный (если только таковой когда-нибудь будет собран), — естественно, еще более далеки от того, чтобы считать ЖРС единственным источником материала при изучении РЖ. Точка зрения М. Ю. Федосюка, как представляется, верна в том отношении, что по мере продвижения от низших уровней языковых/речевых единиц к высшим художественный материал становится все более необходимым из-за того, что достоверного оригинального становится все меньше. «Полевые» исследователи устной речи — литературной, просторечной, диалектной — знают, что, для того чтобы получить практически полное представление о фонемном составе языка/его варианта, достаточно нескольких страниц расшифрованных записей; всех формообразующих морфем — нескольких десятков страниц; словообразующих —

нескольких сотен; базовых синтаксических конструкций — около тысячи. Чтобы представить весь лексикон, может быть недостаточно и нескольких тысяч страниц, и все же в конечном счете это представляется разрешимой задачей. Но собрать записи всех текстовых разновидностей речи, т. е. РЖ, в принципе невозможно — по крайней мере, при современном уровне развития техники, а также, так сказать, современном состоянии морально-этических устоев.

Кроме собственно жанроведческих (и даже непосредственно речеведческих) исследований, здесь нельзя не сказать и о таких ценных лингвистических и энциклопедических изданиях, как **«Новый объяснительный словарь синонимов русского языка»** (2004; под ред. Ю. Д. Апресяна), целый ряд статей которого (Ю. Д. Апресяна, Е. Э. Бабаевой, М. Я. Гловинской, Т. В. Крыловой, А. В. Птенцовой, А. В. Санникова, Е. В. Урысон) посвящены толкованию существительных, фактически являющихся именами речевых жанров: *беседа, брань, брюзжание, ворчание, высмеивание, дерзость, доказательство, жалоба, извинение, капризничание, ликование, молва, молчание, мольба, негодование, оправдание, осуждение, порицание, похвальба, предсказание, придирки, пророчество, просьба, прощение, разрешение, раскаяние, рекомендация, ругань, рыдание, слухи, совет, убеждение, уверение, угроза, укор, упрек, ябедничество* и др.; **«Антология концептов»** (2005–2007, в 5 т., под ред. В. И. Карасика и И. А. Стернина), где ряд статей посвящены к о м м у н и к а т и в н ы м концептам (*брань, встреча, застолье, конфликт, критика, обвинение, оскорбление, порицание, приветствие, прощание, расставание, спор*) (следует отметить, что авторы большинства статей в «Антология концептов» ранее защитили кандидатские диссертации на соответствующие темы), а также **«Константы: словарь русской культуры»** Ю. С. Степанова (1997), **«Язык и культура»** Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова (2005).

Мы попытались составить очень приблизительный, не претендующий на полноту список конкретных речевых жанров (групп речевых жанров), становившихся объектом специальных исследований.

Здесь необходимо дать несколько существенных пояснений.

Во-первых, в список не включены жанры, которые, не будучи объектом специальных исследований, лишь упоминаются в каких-либо работах — прежде всего жанровых типологиях и других дедуктивно-

теоретических построениях (например, в концепциях М. В. Панова, Н. Д. Арутюновой, Т. В. Шмелевой и др.). Число таких умозрительно выделяемых жанров, естественно, было бы намного больше. Не было специальных исследований (по крайней мере, они нам неизвестны), посвященных, например, многим отдельным жанрам из синонимических рядов (*внушение, излияние, нагоняй, наказ, напоминание, напутствие, наставление, нотация, окрик, отповедь, отречение, перебранка, пикировка, постановление, посул, поучение, предостережение, предписание, предупреждение, примечание, разоблачение, распоряжение, сговор, соглашение, указание, уточнение*) и даже таким, например, широко известным (и, что важно, не имеющим близких синонимов) РЖ, как *благословение, нравоучение* (имеется в виду *нравоучение* в непосредственном общении, а не *нравоучение* как литературный жанр), *кляуза, медицинский рецепт, подсказка, препирательство, приговор, присяга, проклятье, ультиматум, упрощивание*. В то же время некоторым речевым жанрам были посвящены целые серии исследований, соответственно работ, попадающих в поле нашего зрения (и указанных в списке рядом с соответствующими жанрами), оказывается значительно больше: приводимый список насчитывает около 250 жанров и более 400 исследований.

Во-вторых, далеко не все речевые явления, включенные в список, сами исследователи данных явлений определяют как жанр; более того, многие из этих явлений вообще не могут быть определены как жанр в рамках целого ряда речеведческих концепций (а некоторые — даже в большинстве концепций, например *просьба* — речевой жанр в понимании Т. С. Зотеевой — в абсолютном большинстве исследований определяется как речевой акт). Нами не включались явления, которые традиционно рассматривались как речевые акты (*вопрос, ответ*) и ни в одном известном нам исследовании не определялись как РЖ по Бахтину.

О сложностях, связанных с решением вопроса: «*X* — жанр?», было достаточно сказано в предыдущих главах монографии.

Мы в данном случае руководствовались принципом, который может быть назван расширительным: включаем некоторое явление в список РЖ, если в рамках какой-то из концепций данное явление может быть охарактеризовано как жанр (либо как «нечто напоминающее жанр»). В целом ряде случаев вопрос решался нами интуитивно-субъективно: мы прислушивались к собственному «чутью языка», решая, нормально ли звучит на естественном языке выражение: «*жанр ... X*».

В-третьих, в списке оказались представлены только исследования по жанрам, выполненные на русском языке (иногда — украинском). По этой причине не представлена, например, обширная зарубежная литература по жанрам *комплимент* и *small talk*. Впрочем, в списке таких исследований по жанрам, выполненных на русском языке (в том числе — в опубликованных на русском языке переводах), оказались и некоторые жанры, отсутствующие в русском языке и культуре, например, англо-американские жанры *small talk* и *job interview*, австралийский «*deadpan jocular irony*», немецкие «*Musikkritik*» и «*Todesanzeige*», польские *kawał* и *pogadanka*.

В-четвертых, мы не представляем художественные речевые жанры, которые достаточно полно изучены в литературоведении, теоретической и практической эстетике, критике, начиная с Аристотеля и его современников. Как и М. М. Бахтин, мы говорим о жанрах, прежде всего в связи с непосредственной коммуникацией, т. е. о жанрах непосредственной устной речи, и отчасти нехудожественных жанрах письменной речи.

Часть перечисленных здесь исследований посвящены целым группам в каком-либо отношении однородных или близких/смежных жанров, например РЖ «положительного/отрицательного эмоционального воздействия» (М. Ю. Федосюк), этикетных (Ю. В. Казачкова, Т. В. Тарасенко, О. Н. Хорешко), жанров деловой речи (Т. В. Анисимова, О. М. Орлов), фатических (В. В. Дементьев), жанров «жизни города» (М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова), «жанров девичьих альбомов» (С. Б. Борисов) или РЖ англосаксонского властного дискурса (Т. Н. Астафурова, А. В. Олянич). Однако, пожалуй, больше таких исследований, которые посвящены именно отдельным жанрам вне какой-либо связи с остальными жанрами.

Список речевых жанров, становившихся объектом специальных исследований.

Акт о хищении (Н. Д. Голев),
альбом девичий (С. Б. Борисов, С. И. Жаворонок),
анекдот (А. В. Архипова, А. С. Архипова, А. Ф. Белоусов,
С. А. Бозрикова, А. Р. Габидулина, Н. Д. Голев, Л. И. Гришачева,
В. В. Дементьев, В. Н. Дружинин, И. А. Савченко, В. И. Карасик,
Е. Курганов, Б. Ю. Норман, К. Ф. Седов, Г. Г. Слышкин,
К. Б. Соколов, О. А. Чиркова, Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев),

аргументирование (Н. А. Волкова),
аська (ICQ) и другие жанры электронной коммуникации (Е. И. Горошко, М. Л. Макаров),
афоризм (О. Р. Валуйская, Н. Б. Мечковская),
байки охотничьи (А. В. Олянич),
балагурство (Е. А. Земская, Т. А. Гридина, Б. Ю. Норман, В. З. Санников),
бегущая строка (О. Г. Никонорова),
беседа (Е. И. Голанова, И. Б. Левонтина, С. Н. Плотникова),
беседа деловая (О. М. Орлов),
беседа доверительная (И. А. Кириллова, Е. И. Шейгал),
беседа дружеская (Н. Н. Гастева, В. В. Дементьев),
беседа светская (В. В. Дементьев, И. В. Костина, Т. А. Милехина, А. Д. Степанов, К. Ф. Седов, И. А. Стернин, В. В. Фенина),
беседа семейная (А. Н. Байкулова, А. В. Занадворова, Л. А. Капанадзе, Я. Т. Рытникова),
благодарность (А. Г. Бердникова, А. В. Имас, Е. А. Меламедова),
благопожелание (В. В. Плешакова),
блог в электронной коммуникации (В. Л. Волохонский, Е. И. Горошко, Н. Курчакова, Н. Б. Рогачева),
болтовня (К. Ф. Седов),
брань (Ю. Д. Апресян, М. Я. Гловинская, С. С. Катукон),
брюзжание (Т. В. Крылова),
буклет медицинский (Ю. В. Рудова),
вечеринка (И. Б. Левонтина),
возражение (И. В. Андреева, Т. В. Анисимова, В. М. Боброва, Е. Н. Горбачева),
ворчание (Т. В. Крылова, П. С. Фатеев),
встреча (В. А. Шемарова, Р. М. Гайсина),
выведывание информации (О. С. Иссерс),
вывески городские (М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, Н. В. Козловская),
выражение восхищения (О. Е. Филимонова),
выражение интеллектуального превосходства (Е. Л. Рабинович),
выражение сочувствия (Ю. В. Казачкова),
высмеивание (Н. А. Волкова, А. В. Санников),
выступление в суде (Т. В. Анисимова),
гороскоп (А. О. Лалетина, Е. Р. Савицкайте),

граффити (Е. В. Бажкова, М. Л. Лурье, К. Е. Шумов, Т. И. Доценко, С. С. Шляхова, Н. Б. Лебедева, Н. И. Тюкаева),
демагогия (Т. М. Николаева),
дерзость (Т. В. Крылова),
«дефинирование» (О. В. Коротеева),
диалог «кондуктор — пассажир» в городском транспорте (Л. А. Киселева),
диалог «покупатель — продавец» в сфере розничной торговли (Е. Ю. Дементьева),
дискуссия (Т. В. Анисимова, Т. А. Ладыженская),
дискуссия в прессе (Е. И. Шейгал),
диссонанс (А. Р. Балаян),
дневник (М. Михеев, И. А. Тарасова),
доказательство (М. Я. Гловинская, З. Г. Пузикова),
донос (Н. Н. Панченко, М. И. Шапир),
допрос (Н. М. Татарникова),
дуэль (Ю. М. Лотман, Ю. Л. Троицкий),
жалоба (Ю. Д. Апресян, М. Я. Гловинская, Н. А. Емельянова, Ю. Г. Липко),
«жития святых» (Л. В. Балашова),
заговор враждебный (В. И. Карасик),
заговор магический (И. Н. Борисова, С. С. Корх),
записка школьная (А. Н. Ростова),
запрет (И. В. Миляева, Т. В. Русинова, Хоанг Ань),
застолье (Ма Яньли),
заявление (Н. Н. Ивакина, М. А. Ширинкина),
злопожелание (Е. В. Власова),
знакомство (М. Б. Демидова),
извинение личное (Т. В. Крылова, Л. Писарек, Р. Ратмайр, Н. А. Трофимова, Л. Н. Чинова, И. С. Шевченко),
извинение публичное (Р. Лакофф),
издевка (О. П. Ермакова, М. М. Филиппова),
изложение школьное (Н. Н. Бех, И. В. Савилова, Н. В. Сайкова, Л. В. Горбач, С. А. Минеева),
инаугурационная речь (Е. И. Шейгал),
инаугурационное обращение (Е. И. Шейгал),
инвектива (В. И. Жельвис, Г. В. Дмитриенко),
инструкция (Л. В. Рехтин),
инструкция по эксплуатации (Е. М. Какзанова),

- интервью (М. А. Антошинева, А. Ф. Архипов, В. Н. Вакуров, Н. Н. Кохтев, Г. Я. Солганик, Ю. В. Красноперова, Л. М. Майданова, Л. Рейманкова),
- ирония (Т. П. Андриенко, Ю. Н. Варзонин, К. А. Воробьева, О. П. Ермакова, А. Г. Козинцев, Т. Ф. Лимарева, О. Я. Палкевич, С. И. Походня, Г. Л. Прокофьев, О. В. Сахарова, М. М. Филиппова, И. Б. Шатуновский),
- исповедь католическая (М. Войтак),
- исповедь православная (Е. В. Бобырева, М. С. Уваров),
- капризничание (Т. В. Крылова),
- карикатура политическая (Е. А. Артемова),
- каталог моды (Ф. Л. Косицкая),
- квитанция об оплате (Е. Ю. Дементьева),
- клятва (А. В. Карабыков),
- Книга отзывов и предложений (Н. В. Орлова),
- коан (жанр богослужения в буддизме) (Л. Ф. Маркова, В. О. Филиппов),
- колкость (В. Ю. Вальтер, К. Ф. Седов),
- колонка комментатора (Е. И. Шейгал),
- команда военная (Н. В. Багрянская, Е. А. Елина, Н. И. Формановская),
- команда врачебная (Н. В. Гончаренко),
- комикс (Е. В. Козлов),
- коммюнике (Е. И. Шейгал),
- комплимент (Л. Э. Безменова, Е. В. Зверева, О. С. Иссерс, А. В. Коллегаева, В. В. Леонтьев, В. П. Проничев, К. Ф. Седов, Р. В. Серебрякова, М. Ю. Федосюк, О. Н. Хорешко, А. А. Юнаковская),
- конституция (Е. И. Шейгал),
- консультация медицинская (М. И. Барсукова, Н. В. Гончаренко, В. В. Жура),
- конфликт (А. А. Анисимова, Н. Д. Голев, Н. Б. Лебедева, Е. Н. Ермолаева),
- красивое/художественное вранье (А. Вежбицкая, В. В. Дементьев, Н. Б. Рогачева, А. Д. Шмелев),
- критика (Н. В. Гаврилова),
- кулинарный рецепт и презентация (А. В. Олянич),
- лекция (В. А. Салимовский),
- лесть (С. Деннингхаус, В. В. Леонтьев, Е. С. Петелина),
- либретто (Л. А. Баташева),

- ликование (Ю. Д. Апресян),
листочка (Т. Г. Федотовских),
ложь (вранье) (В. И. Шаховский),
лозунг на демонстрации (Л. В. Енина),
лозунг политический (Е. И. Шейгал, Ж. В. Зигманн, Г. Лассвелл,
Д. Блюменсток),
манипулирование (О. В. Бойко, Е. В. Денисюк, Е. С. Попова,
А. Г. Поспелова, Е. Н. Шустрова),
мемуары (М. В. Пименова),
мистификация (А. Г. Поспелова, Е. Н. Шустрова),
модерация (Э. В. Б. Хесс-Люттих),
молва (Е. Э. Бабаева, В. В. Прозоров, Г. Е. Крейдлин, М. В. Само-
хин),
молитва (Т. В. Бердникова, И. В. Бугаева, М. Войтак, В. А. Миш-
ланов, Т. В. Тестоедова),
молчание (Н. Д. Арутюнова, В. В. Богданов, С. Ю. Данилов,
А. А. Кибрик, С. В. Крестинский, С. В. Меликян, Г. Г. Почеп-
цов, А. В. Птенцова),
мольба (М. Я. Гловинская),
монография (В. А. Салимовский, В. Е. Чернявская),
моральная поддержка (Н. В. Гончаренко),
надпись на надгробном камне и погребальном венке (Лю Сун),
назидание (Е. В. Авдосенко),
накладная (Е. Ю. Дементьева),
намек (Ф. С. Бацевич, Л. Р. Безуглая, Е. М. Белозерова, А. А. Тю-
тенко, Р. В. Хвощевский),
нарратив (И. Н. Борисова),
насмешка (Е. В. Урысон),
негодование (Ю. Д. Апресян),
несогласие (Т. И. Стексова, В. М. Боброва),
обвинение (Т. В. Анисимова, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров,
Т. В. Дубровская, М. А. Кормилицына, Е. В. Лаврентьева,
Ю. Г. Соловьева),
обещание (А. В. Антонова),
обращение новогоднее (Т. С. Комиссарова),
обсуждение (Т. В. Анисимова),
общение на отдыхе (И. А. Стернин),
объявление (С. И. Гиндин, М. В. Гусар, Е. А. Курченкова, Б. Я. Ша-
рифуллин, Е. А. Яковлева),

- объявление брачное (О. С. Рогалева, Н. В. Царикович, Е. А. Шибанова),
объявление о вакансии (А. Г. Пастухов),
объявление о знакомстве (Е. В. Акулова, И. С. Черкасова),
объявление о приеме на работу (А. Г. Пастухов),
объявление рекламное (Ю. Ю. Бровкина, Т. Н. Лившиц, К. Г. Урванцев, Н. И. Формановская),
«объявление шутивное» в маршрутных такси (Б. Ю. Норман),
«объявлений доски электронные» (Л. Ф. Компанцева),
объяснение научное (О. Ю. Луковникова),
объяснительная записка (Т. А. Ладыженская),
одобрение (Л. Б. Никитина, О. Н. Хорешко),
опасение (Н. Р. Добрушина),
операция хирургическая (Е. И. Шейгал, И. С. Черватюк),
оправдание (Т. В. Крылова, Е. В. Лаврентьева),
опровержение (И. В. Андреева, Т. В. Анисимова),
оскорбление (Г. В. Кусов, О. Н. Романова),
осуждение (Ю. Д. Апресян, М. Я. Гловинская, Т. В. Дубровская, М. А. Кормилицына),
ответ на уроке (Л. В. Горбач, С. А. Минеева, Т. А. Ладыженская),
отказ (В. М. Боброва, Т. А. Быценко),
открытое письмо (Е. А. Универсалюк),
отклики читателей (Е. В. Сажина),
официальное наименование (М. Я. Дымарский),
очередь (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова),
очередь за дефицитом (В. В. Прозоров),
памфлет политический (А. Г. Пастухов),
пари (Е. Н. Горбачева, О. Н. Романова),
партийная программа (Е. И. Шейгал),
переговоры деловые (Т. В. Анисимова, Л. Г. Кыркунова, О. М. Орлов, Ю. Ю. Филонова),
передовая статья (Е. И. Шейгал),
переписка деловая (Н. Ю. Чигридова),
переписка личная (Е. В. Полякова, О. Ю. Подъяпольская),
песня авторская/бардовская (Е. А. Абросимова, Л. Н. Дьякова, И. А. Стернин),
песня лирическая (Е. А. Карапетян),
письмо армейское (Л. А. Белова),

письмо в газету (М. Д. Невинская, Е. А. Никишина),
письмо деловое (Т. А. Ладыженская, В. В. Радченко, О. С. Сыщиков, Н. Ю. Чигридова),
письмо коммерческое (И. Д. Суханова),
письмо личное (Н. И. Белунова, Н. А. Ковалева, Д. В. Крюков, Е. В. Полякова, Е. М. Суханова, М. Суханов),
письмо с фронта (Н. Э. Вашкау),
письмо частно-официальное (Е. Ф. Дмитриева),
письмовник (М. А. Кулинич, Н. Ю. Бусоргина),
плакат городской (М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова),
побуждение (Ц. Саранцацрал, Н. И. Формановская),
побуждение к совместному действию (В. А. Белошапкова, Ц. Саранцацрал),
повествование (И. Н. Борисова, М. Я. Гловинская),
пожелание (Н. А. Ранних, Д. Ф. Коморова),
поздравление (Ю. Н. Маринин, Т. В. Тарасенко, И. П. Лапинская, Т. С. Карачун, С. Е. Попова),
политическая антиреклама (М. Г. Клейменова),
попрек (Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев),
порицание (Ю. Д. Апресян, М. Я. Гловинская, О. А. Евтушенко, Л. Б. Никитина),
посвящение в научной монографии (Е. И. Голованова),
послание духовное (И. Ю. Ярмурская),
послание поэтическое (И. А. Тарасова),
послание церковно-религиозное (И. В. Бугаева, Со Ын Ен),
пословица (К. Годдард),
похвала (И. Г. Дьячкова, Л. И. Клочко, В. В. Леонтьев, Е. С. Петелина, Р. В. Серебрякова, Т. А. Трипольская, М. Ю. Федосюк, О. Н. Хорешко),
похвальба (Ю. Д. Апресян),
предостережение (Н. Р. Добрушина),
предсказание (М. Я. Гловинская),
презентация (А. В. Олянич),
приветствие (В. А. Шемарова, Р. М. Гайсина),
приглашение (Т. В. Ларина),
«придирки» (Т. В. Крылова),
признание в любви (О. Н. Кузнецова, М. В. Ползунова),
призыв к откровенности (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров),
приказ (Т. В. Анисимова, Н. И. Формановская, Г. М. Ярмаркина),

пример, приведение примера (Т. А. ван Дейк, О. Н. Паршина),
«притворство» (С. Деннингхаус),
притча миссионерская (И. В. Бугаева),
проповедь литературная (Л. В. Левшун),
проповедь храмовая (Е. В. Бобырева, М. Войтак, Т. В. Ицкович,
М. Р. Ненарокова, Е. В. Плисов, О. А. Прохватилова, Н. Н. Розанова),
проработка (С. Ю. Данилов),
пророчество (М. Я. Гловинская),
просьба (Т. В. Абрамова, М. Я. Гловинская, Т. С. Зотева, Т. И. Стексова,
Н. И. Формановская, Г. М. Ярмаркина),
просьба о прощении (Л. Н. Чинова),
прощание (Т. А. Ладыженская, Н. И. Формановская, В. А. Шемарова,
Р. М. Гайсина),
прощение (Т. В. Крылова),
разговор (К. Ф. Седов),
разговор по душам (В. В. Дементьев, Л. Н. Дьякова, И. А. Стернин,
К. Ф. Седов),
разговор с позиции силы (Е. А. Москаева),
разговорник (Б. Ю. Норман),
разрешение (Ю. Д. Апресян, Хоанг Ань),
раскаяние (Ю. Д. Апресян, М. Я. Гловинская),
«рассказ любовный» в девичьем рукописном альбоме (С. Б. Борисов,
С. И. Жаворонок),
рассказ-пластинка (М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова),
реалити-шоу (А. В. Ланских),
резюме (Б. Ю. Норман),
рекламное интервью (Н. Г. Вартанова),
рекомендация (Ю. Д. Апресян, М. Я. Гловинская),
репортаж спортивный (Б. А. Зильберт, О. А. Панкратова),
речь на презентации (Т. В. Анисимова),
речь поздравительная (Т. И. Бочарова),
речь предвыборная (О. В. Гайкова),
рецензия в PR (Е. Г. Отрошенко, В. Г. Дегтярева),
рецензия искусствоведческая (Л. А. Земцова),
рецензия научная (Г. Ю. Гришечкина, Л. В. Красильникова,
С. А. Прибыткова, В. А. Салимовский, Е. С. Троянская),
рецепт кулинарный (А. В. Олянич),
решение проблемы в малой группе (М. Л. Макаров),

- розыгрыш (Ю. Л. Троицкий),
ругань (Ю. Д. Апресян, М.Я. Гловинская),
рыдание (Е. В. Урысон),
садистские стишки (А. Ф. Белоусов),
самооценка (Т. А. Трипольская),
самоуничужение (Т. А. Трипольская),
сарказм (Л. В. Дудник, М. М. Филиппова),
сделка с дьяволом (В. И. Карасик),
сентенция (Л. Б. Никитина),
скандал политический (Е. И. Шейгал, М. Ю. Кочкин),
словарь (Е. П. Иванова),
слово вступительное (Т. В. Анисимова),
слово ответное (Т. В. Анисимова),
слоган (Н. П. Белоусова, К. В. Шидо),
слухи (Е. Э. Бабаева, Г. Е. Крейдлин, М. В. Самохин, Е. В. Осетрова, Г. Г. Почепцов),
соболезнование (Ю. В. Казачкова, Т. В. Тарасенко),
событие (И. Б. Левонтина),
совет (Ю. Д. Апресян, М. Я. Гловинская, А. А. Соловьева, А. Ю. Архипенкова),
«совет» в журналах (Н. В. Орлова),
совещание (Т. В. Анисимова, Т. А. Ладыженская, О. М. Орлов),
согласие (И. В. Галактионова, Н. И. Поройкова),
сплетни (Г. Е. Крейдлин, М. В. Самохин, Н. Н. Панченко),
спор (Е. Н. Горбачева, Н. А. Чекменева),
ссора (Н. Д. Голев, Н. Б. Лебедева, В. В. Дементьев, Т. В. Крылова, К. Ф. Седов, М. Ю. Федосюк, Н. А. Чекменева),
статья научная (В. Барнет, Н. А. Кудрина, В. А. Салимовский, Е. С. Троянская, А. В. Чалбышева, В. Е. Чернявская, В. А. Яцко),
статья публицистическая (И. В. Алещанова, В. Н. Вакуров, Н. Н. Кохтев, Г. Я. Солганик, Л. Р. Дускаева, Е. А. Иванчикова, Л. М. Майданова),
текст закона (Е. И. Шейгал),
теледебаты (Ю. М. Иванова, О. Н. Паршина),
телеинтервью (И. Иньиго-Мора, Т. И. Попова, М. А. Стрельникова, Л. В. Ухова),
телешоу (В. В. Дешевова),
ток-шоу (Е. Г. Ларина, Е. Б. Ростовская),

- толкование (М. А. Ширинкина),
тост (М. Г. Шаронина),
убеждение (М. Я. Гловинская, М. Ю. Федосюк, Г. М. Ярмаркина),
уверение (М. Я. Гловинская),
уговоры (М. Ю. Федосюк, Г. М. Ярмаркина),
угроза (Т. О. Багдасарян, Р. М. Байрамуков, М. Я. Гловинская,
Р. Карчевски, И. А. Мартынова, Э. Г. Паповянец, Т. И. Стексосва, Н. В. Хохлова),
указ президента (Е. И. Шейгал, О. А. Гусева),
уловка (А. В. Птенцова),
унисон (А. Р. Балаян),
уничжение (Т. А. Трипольская),
укор (Ю. Д. Апресян, М. Я. Гловинская),
упрек (Ю. Д. Апресян, М. Я. Гловинская, Т. В. Булыгина,
А. Д. Шмелев, Т. А. Давыдова, Е. В. Полякова),
урок (Е. Ю. Дьякова, О. А. Каратанова, О. В. Коротеева,
М. Ю. Олешков, В. Б. Черник),
усмешка (Д. О. Добровольский, Е. В. Урысон),
утешение (Ю. В. Казачкова, М. Ю. Федосюк),
ухаживание (Д. Л. Колоян),
фельетон газетный (Т. И. Дамм),
фельетон политический (А. Е. Истомина),
флирт (В. В. Дементьев, Т. В. Крылова, Е. М. Уздина),
форум в электронной коммуникации (Е. И. Горошко, М. Л. Макаров, Е. В. Какорина),
чат в электронной коммуникации (Е. И. Горошко, М. Л. Макаров, М. В. Кузьмина),
шутка (Т. Ю. Чубарян, Ю. В. Щурина),
шутовство (М. В. Мироненко),
экзамен (В. А. Митягина, Е. И. Шейгал, И. С. Черватюк),
экскурсия по городу (П. Н. Донец),
эпитафия (М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова),
этический кодекс (Е. С. Полякова),
юбилейная речь (Е. И. Шейгал),
ябедничество (М. Я. Гловинская),

betting (Е. Н. Горбачева),
conflict (Е. Н. Ермолаева),
«deadpan jocular irony» (К. Годдард),

«dialogos» миссионерские (В. Ф. Хэнкс),
 dowcip (А. Вежбицкая),
 edict (Т. Н. Астафурова, А. В. Олянич),
 job interview (О. Н. Дубровская),
 kawał (А. Вежбицкая),
 «Musikkritik» (А. Г. Пастухов),
 podanie (А. Вежбицкая),
 pogadanka (А. Вежбицкая),
 «portrait» (А. Г. Пастухов),
 role-playing game (Ю. М. Иванова),
 small talk (Б. Малиновский, В. В. Дементьев, В. В. Фенина),
 «Todesanzeige» (Т. Б. Геращенко)

5.2. Предлагаемые материалы к энциклопедии

Мы отдаем себе отчет в том, что этой части книги могло бы не быть вовсе или она могла быть построена совершенно по-другому.

Собственно, здесь мог бы быть представлен любой из многих сотен существующих в каждой национальной речевой культуре жанров — или любой из тех только что названных двух с половиной сотен жанров, которые уже становились объектом исследования. Любой из этих жанров «ничем не хуже» тех, что отобраны нами; в то же время фактически любое из соответствующих четырехсот исследований отдельных жанров имеет несколько не меньше прав на то, чтобы быть представленным здесь, чем выполненные нами исследования четырех жанров — *разговор по душам, светская беседа, флирт, анекдот*. Иными словами, сами эти жанры объективно несколько не более интересны, чем любые другие, а само исследование — методика, аспекты, терминология — не имеет никаких преимуществ перед любым другим исследованием.

В принципе книга обобщающего характера по жанрам, наверное, должна включать подробное описание в с е х существующих РЖ — но на это, вероятно, не хватит одной человеческой жизни (и это была бы не книга, а именно *энциклопедия*).

Мы согласны, что жанры выбраны нами из общего списка и с ключительно из субъективных соображений личной заинтересованности и личного вклада автора в описание жанров.

Но... у этих исследований все-таки есть преимущества: они, в отличие от тех «других» исследований, которые тоже могли бы быть

здесь представлены, выполнены в одной и той же теоретической плоскости — при этом той же, что и предшествующая теоретическая часть. В частности, мы исходим из: а) признания принципиальной важности диалогической природы РЖ, считаем их формами не высказываний, а текстов; б) из принятой типологии фатических речевых жанров с двумя рассмотренными в главе III основаниями — шкалой А. Р. Балаяна и степенью косвенности; в) из понимания общей роли РЖ как коммуникативных аттракторов — отсюда признание принципиальной важности связи между понятием РЖ и понятиями прямой/непрямой коммуникации, роли НК для РЖ, — которая, как было показано, становится особенно важной для фатических речевых жанров. Исследование жанров осуществляется с опорой на понятие внутрикультурной речевжанровой ценности, в связи с общим состоянием данной национально-языковой оценочной картины мира.

Наконец, по нашему глубокому убеждению (которое, скорее всего, опять-таки основывается исключительно на субъективных предпочтениях и вкусе), это и н т е р е с н ы е жанры, и хочется верить, что читатель также найдет их описание интересным.

5.2.1. Разговор по душам

Разговор по душам (далее — РпД; другие названия — дружеский разговор, дружеская беседа, «экзистенциальный разговор “о самом главном”») (А. Д. Шмелев); кроме того, в советской России получила широкое распространение разновидность РпД («кухонный разговор») — русский речевой жанр, по нашему мнению, имеющий исключительное значение для русского коммуникативного пространства, а также системы основных ценностей русской культуры.

Это, по-видимому, фатический жанр: в нем личности говорящих и их отношения важнее, чем предмет речи. В то же время русский разговор по душам настолько отличается от других фатических жанров, что определение «праздноречевой» по отношению к нему (в некоторых работах, например [Арутюнова 1998], это синоним термина «фатический») оказывается совершенно неверным. Часто глубокое, сущностно важное для участников РпД содержание также принципиально противостоит общим представлениям о фатическом общении, идущим от Б. Малиновского [Malinowski 1972]. Русский РпД именно не праздничный разговор, а «разговор о главном» — жизненных позициях и ценностях. Ср. рассуждения Н. А. Бердяева о русской ментальности и общении: «Всякий истинно русский человек интересуется во-

просом о смысле жизни и ищет общения с другими в искании смысла, <...> умудряется даже самым практическим общественным интересам придавать философский характер» [Бердяев 1998: 176]. Можно сказать, что разговор по душам — это разговор о душе:

— Ведь русские мальчики как до сих пор орудут?.. Вот, например, здешний вонючий трактир, вот они и сходятся, засели в угол. Всю жизнь прежде не знали друг друга, а выйдут из трактира, сорок лет опять не будут знать друг друга, ну и что ж, о чем они будут рассуждать, пока поймали минутку в трактире-то? О мировых вопросах, не иначе: есть ли бог, есть ли бессмертие? (Ф. М. Достоевский. «Братья Карамазовы»).

Сказанное нельзя, конечно, понимать таким образом, будто настоящий РпД означает непременно глубокий порождаемый смысл — важнее, чтобы самими собеседниками разговор понимался как «разговор о самом главном». В этом отношении нет принципиальной разницы между обменом сложнейшими, тончайшими смыслами (как в общении персонажей Достоевского) и суррогатами жанра типа *Ты меня уважаешь?* (Так, в поэме В. Ерофеева «Москва — Петушки» собутыльники в электричке решают не более и не менее как глобальнейшие проблемы мировой литературы — и это тоже оказывается для них самым важным в данный момент!) Спектр тем в РпД может быть значителен: от простейших бытовых деталей до самых высоких идей, жизненных позиций, но сами собеседники безошибочно отличают «главное» от «мелочей».

Несмотря на относительно высокую степень изученности базовых ценностей русской культуры, несмотря на то что описан ряд смежных речевых жанров [Байкулова 2001; Борисова 2002; Гастева 1997; Капанадзе 1989; Рытникова 1997; Седов 1997; Уваров 1992; Федосюк 1996], наконец, несмотря на то что данный жанр очень ярко и подробно отображен в русской литературе XIX и XX в. (следует упомянуть также постоянный интерес к нему у русских философов), интересующий нас жанр, как представляется, осмыслен еще совершенно недостаточно¹.

¹ Так, в учебнике для вузов «Межличностное общение» (авторы В. Н. Куницына, Н. В. Казаринова, В. М. Погольша) «самораскрытию» посвящены два параграфа, но данная тема освещена явно недостаточно: например, об эмоциональной тональности самораскрытия говорится только следующее: «хвастовство, бравада или смущение, стыд» [257].

Мы остановимся на некоторых свойствах РпД, с нашей точки зрения существенных для понимания его природы и его места в русской речевой культуре.

Настоящее исследование встает в один ряд с исследованиями культурных концептов, культурных ценностей, ключевых слов русской национально-языковой картины мира, таких, как *душа*, *правда*, *дружба*, *искренность*, *тоска* и подоб. [Апресян 1995; Арутюнова 1998; Булыгина, Шмелев 1997; Ермакова 1999; Карасик 1996; 2002; Лихачев 1993; Степанов 1997; Урысон 1997; Шмелев 2002]. Многие из названных концептов имеют коммуникативный характер [Шмелев 2002; Карасик 2002]; исследовались некоторые русские коммуникативные ценности, например речевая этика [Вежбицкая 2002: 7].

Однако концепт «душа» недостаточно исследован в его коммуникативном значении.

А. Вежбицкая выявила противопоставление в русском языке двух разных концептов «правды»: первого универсального предикативного и второго национально-специфичного нравственного [Вежбицкая 2002].

Думается, противопоставлены и два разных концепта «души»: универсальный первый концепт (здесь он не рассматривается) и национально уникальный второй, имеющий значительную нравственную составляющую и значительную коммуникативную составляющую.

Так, во-первых, лексема *душа* входит в названия коммуникативных жанров (*разговор по душам*), стратегий (*излить душу*), а также в состав фразеологизмов, дающих оценочное наименование для очень важных коммуникативных факторов. Значения почти всех идиом с лексемой *душа* в той или иной степени коммуникативны: *душа в душу*, *по душам*, *читать в душе*, *с открытой душой*, *душа нараспашку*, *войти в душу*, *влезть в душу*, *без мыла в душу лезть*, *открывать душу*, *выкладывать душу*, *изливать душу*, *распахивать душу* и *не слышать души*, *закрывать душу на замок*; ср. прилагательное *душевный* и др. В других европейских языках, как известно, нет такого многообразия идиом с аналогами лексемы *душа*².

² Ср. данные А. П. Седых: «Во французских высказываниях, которые функционально можно перевести как “излить душу”, “*vider son sac*” — букв. ‘опустошить свой мешок’, “*déballer*” — букв. ‘распаковаться’, “*confesser*” — букв. ‘исповедаться’, нет упоминания о душе» [Седых 2004: 25]. Даже в генеалогически, типологически и культурно близком польском языке лексема *dusza* распространена гораздо меньше, чем в русском; ср. ближайшие соот-

Во-вторых, при помощи лексемы *душа* обозначаются два важнейших диалогических момента в гармоническом общении: высказать главное для себя (*открыть душу*) и услышать главное для собеседника (*войти в душу*).

Разговаривать по *душам* так же понятно, естественно и исполнено глубокого смысла для русского человека, как говорить *правду*, жить по *правде* и по *совести*, гулять на воле — и *тосковать*, *маяться* оттого, что такова *судьба*, оттого, что не в ладу с *совестью*, или от отсутствия *воли*, *простора*, *раздолья* или *приволья*. Выделенные слова культурологически рядоположены и относятся к «ключевым словам русской культуры», по определению А. Вежбицкой [2001]. Коммуникативные ценности соотносятся с двумя лексемами — *душа* и *правда*, при этом *правда* закрепляется за информативной речью (и глаголом *говорить/сказать*), *душа* — за фатической (*говорить/разговаривать*). Невозможны или маловероятны выражения **сказать по душам*, **разговаривать по правде*, ?*сказать о душе*, ?*разговаривать правдиво*.

Коммуникативная ценность концептов «правда» и «душа», согласно А. Вежбицкой [2002: 31–32], обуславливается сценариями русской речевой культуры:

- (1) люди говорят два рода вещей другим людям;
вещи одного рода — правда,
хорошо, если кто-то хочет говорить вещи этого рода другим людям,
вещи второго рода — неправда,
нехорошо, если кто-то хочет говорить вещи этого второго рода другим,
людям плохо, если кто-то хочет, чтобы другие люди думали, что эти вещи — правда
- (2) хорошо, если человек хочет сказать другим людям, что он думает
хорошо, если человек хочет сказать другим людям, что он чувствует

Назовем доминанты РпД. Данный жанр в значительной степени национально специфичен (неуниверсален, непереводим). В этом отношении ряд особенностей РпД могут быть выявлены через сопоставление: РпД обнаруживает общие черты с некоторыми фатическими

ветствия, предлагаемые в польско-русском фразеологическом словаре [Гюлюмянц 2004]: *okazać komuś serce* ‘проявить *душевное* участие (отзывчивость, доброту)’; *wygarnąć komuś od serca* ‘поговорить с кем-л. начистоту, поговорить *по душам*’.

жанрами, присущими другим культурам, но ни с одним не совпадает полностью. Так, РпД имеет черты польского речевого жанра *kawał*, представляющего собой «тип “конспиративной шутки”. Жанр *kawał* ценят не за искусность или утонченность, а за чувство корпоративного единения, которое он дает. Подразумевается здесь следующее: я могу рассказать это тебе, но есть люди, которым я не могу это рассказать» [Вежибцкая, Годдард 2002: 150]. Однако в отличие, например, от польского *kawał* (а также общего представления о «хорошей» гармонизирующей речи в других национально-речевых культурах) в русском РпД не просто мало ценится искусность речи — излишняя правильность, риторическая выстроенность и изощренность речи в РпД даже вредны.

По-видимому, можно говорить даже о существовании формально-го запрета на правильность речи в русском РпД в отличие от многих жанров кооперативного фатического общения, а также общего представления о «хорошей» гармонизирующей речи, присущих другим национально-речевым культурам (ср. дружеское общение персонажей Хемингуэя, Ремарка и др.).

В исследованиях, посвященных «истине», иногда отмечается, что «истина» для людей непостижима и что «в каком-то смысле истину знает только Бог» (ср.: [Булыгина, Шмелев 1997: 481]). Это качество сближает русское представление о хорошей речи с японским, где о главном нельзя сказать, о нем можно только молчать. У японцев существует верование, согласно которому опыт, выраженный словами, теряет свою сущность. В момент сильного эмоционального переживания, будь то смерть родителей, или успех сына на вступительном экзамене, или просто прекрасное зрелище, самое правильное — ничего не говорить [Saville-Troike 1989: 167]. Однако если в японской речевой культуре о главном лучше молчать, то в русской речевой культуре о главном говорят, но говорят трудно и негладко (ср. речь Пьера Безухова в «Войне и мире» и Константина Левина в «Анне Карениной» Л. Н. Толстого, князя Мышкина в «Идиоте» Ф. М. Достоевского).

Вспомним встречу Пьера Безухова и Андрея Болконского в Богучарове («Война и мир». Т. 2. Ч. 2). Андрей вначале кажется Пьеру «мертвым»: он говорит через силу, общение с Пьером ему в тягость. Но вскоре Пьеру удастся заинтересовать его; разгорается спор, и Андрей превращается в блестящего оратора. Его безукоризненные аргументы полностью обезоруживают Пьера, чьи сбивчивые речи кажутся совершенно беспомощными против такого ораторского ма-

стерства. Казалось бы, Пьер ничего не смог возразить, особенно в конце разговора (кроме *Нет, я не согласен, я решительно не согласен!*), и последнее слово остается за Андреем. Но именно косноязычные речи Пьера так задели Андрея за живое, что заставили впоследствии полностью пересмотреть всю свою жизнь.

В японской культуре хорошей считается речь, не содержащая неожиданной для собеседника информации. Речевая гармония ценится гораздо выше, чем новая информация, и понимается следующим образом: «мне известно все, что вы скажете далее, и я полностью согласен с этим». Поэтому вежливым считается закончить за собеседника начатое им высказывание [Saville-Troike 1989].

Современное русское представление о хорошей речи не включает, в отличие от японской речевой культуры, ни подчеркнутой этикетизации, ни предпочтения известной информации.

Как писал М. М. Бахтин о диалоге персонажей Достоевского и о русском диалоге вообще, «быть — значит общаться диалогически» [Бахтин 1963: 338]. В русской культуре «человека можно раскрыть — точнее, заставить его самого раскрыться — лишь путем общения с ним, диалогически» [Там же]. Таким образом, концепт «открытия души» представляет кульминацию общения. Как уже отмечалось, в других национально-речевых культурах такое представление о гармонизирующем общении может отсутствовать.

Следует добавить, что человек не может сам планировать и сознательно осуществлять процесс открытия души: открытие души есть чудо, как и любое чудо, возможно только при наличии «санкции свыше». Если все повороты в общении находятся под контролем, имеет место не РпД, а что-то иное (возможно, *светская беседа*). При этом сама по себе негладкая речь, естественно, не означает ни кооперативности, ни искренности. Естественно, этому «чуду» в корне противоречит любой заданный заранее набор тем, как в примере из «Анны Карениной» Л. Н. Толстого:

Теперь они были наедине, и Анна не знала, о чем говорить. Она сидела у окна, глядя на Долли и перебирая в памяти все те, *казавшиеся неистощимыми, запасы задушевных разговоров*, и не находила ничего. Ей казалось в эту минуту, что все уже было сказано.

«Несомненно, — пишет А. Вежбицкая, — положительная оценка “искренности”, “прямоты” и “открытости души” связана с отри-

цательной оценкой “условности” и “внешней вежливости”, которую часто высказывали русские писатели³» [2002: 17].

А. Вежицкая отмечает, что одна из высших нравственных ценностей русской культуры состоит в особом отношении к правде, причем правде коммуникативной, когда «открывается душа», а собеседники говорят не только друг с другом, но и с Богом: «Нужно еще раз подчеркнуть, что “правда”, о которой здесь идет речь, — не абстрактная и безличная правда, а правда, которая процветает в человеческой речи, в искреннем общении людей не с “открытым умом” (*an open mind* — выражение, не существующее в русском языке), а с “открытой душой” (*an open soul* — выражение, не существующее в английском языке), т. е. душой, открытой для других людей» [Вежицкая 2002: 21].

В русской культуре самое большое разочарование, самая большая неудовлетворенность от общения возникает у человека, когда не происходит ожидаемого открытия души. Это явление исключительно ярко отображено в классической русской литературе — ср. произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского. У А. П. Чехова отсутствие интеллигентного понимающего собеседника приводит к тоске, безысходности, деградации личности. В «Ионыче» и «Палате № 6» всеобщая пошлость и бездуховность, отсутствие культурных людей приводят к физической или духовной гибели двух врачей: Дмитрий Ионыч Старцев («Ионыч») сломлен духовно:

Обыватели своими разговорами, взглядами на жизнь и даже своим видом раздражали его. Опыт научил его мало-помалу, что пока с обывателем играешь в карты или закусываешь с ним, то это мирный, благодушный и даже неглупый человек, но стоит только заговорить с ним о чем-нибудь несъедобном, например, о политике или науке, как он становится в тупик или заводит такую философию, тупую и злую, что остается только рукой махнуть и отойти.

Андрей Ефимыч Рагин («Палата № 6») страстно потянулся к единственному, по его мнению, умному человеку в городе — Ивану Дмитричу Грому — и оказался вместе с ним в палате № 6.

Показательно существование в русском языке оценочных лексем, которые обозначают качества человека, делающие его неспособным

³ Например: «Жизнь по сердцу создает открытость души русского человека и легкость общения с людьми, простоту общения, без условности, без внешней привитой вежливости» [Лосский 1991: 292].

участвовать в РпД, и самого такого человека, — прежде всего лексемы *обыватель*, как известно непере译имой адекватно на другие языки.

Не может участвовать в РпД также человек *закрытый* или *застегнутый на все пуговицы* (сами эти метафоры противопоставлены идее «открытия души»). Однако в русской культуре сознательная *закрытость*, по-видимому, не воспринимается однозначно негативно, а кроме того, не воспринимается как настоящая и окончательная: то, что застегнуто, может быть расстегнуто (как уже было сказано, человек не может сам контролировать процесс «открытия души», тогда как «застегивается» человек сам) и скорее всего будет расстегнуто, если человек в целом нравствен (вспомним пушкинского Онегина, Андрея Болконского и, казалось бы, еще более поразительную метаморфозу, произошедшую с Карениным, у Л. Н. Толстого).

По-настоящему не способен *открыть душу* все же только *обыватель* — это название коммуникативного неумения основано на нравственной оценке.

По нашему мнению, РпД во многом определяет русский коммуникативный идеал — основополагающие правила коммуникации на данном языке в рамках данной культуры, которые разделяются всеми говорящими на данном языке. На основе коммуникативных идеалов возможна типологизация национальных культур [Дементьев, Рогачева 2006].

Интенциональная структура, тематика и стилистика РпД охватывают, как это в целом характерно для коммуникативного идеала, все виды, формы и жанры фатической и нефатической коммуникации. В частности, по-видимому, именно отсюда проистекают такие типологические свойства русской фатики, отличающие ее от других национально-речевых культур, как отмеченное выше несколько подозрительное отношение к излишней правильности, формальной изощренности фатической речи, а также фатическая центробежность как фактор существования и трансформации личностно нейтрального фатического общения. Фатическая центробежность состоит: 1) в слабой проработанности в структуре и редкой представленности в тексте средств личностно нейтральной фатики (в том числе праздноречевых жанров, таких, как *small talk* в английской и некоторых других западных культурах), их частых подменах смежными или генетически далекими от них речевыми жанрами, а также неустойчивости и слабой проработанности системы личностно нейтральных обращений и, наоборот, 2) в детальной проработке в системе, частом

и естественном проявлении в речи полярных, в том числе экстремальных жанров, а также лично ненейтральных (в том числе экстремальных) обращений, гармонических и дисгармонических этически оценочных номинаций и т. д.

Поэтому на русской национальной почве не могло сложиться естественным образом ничего подобного заимствованному жанру *светская беседа* (см. следующий параграф).

По-видимому, далеко не случаен тот факт, что, например, поэтика Пушкина, во многом основанная на интонациях доверительного разговора по душам автора с читателем (к вторичным РЖ, развившимся на базе РпД, можно отнести не только дружескую лирику, например «Послание к Чаадаеву» Пушкина, но и «кружковые разговоры» пушкинской эпохи: литературные кружки, письма, эпиграммы, кружковая речь, *causerie*, «дружеские враки» с особой семантикой, понятной только «своим», — например, в «Зеленой лампе», «Арзамасе», кружке Оленина [Паперно 1978: 122]), оказалась в такой степени востребована в России начиная с 20-х г. XIX в., и практически не востребована на Западе; ср. также такое уникальное явление русской культуры XX в., как авторская (бардовская) песня [Дьякова 2007; Дьякова, Стернин 2005].

В современной русской речевой культуре РпД занимает особое место среди жанров гармонического фатического общения. С одной стороны, стоящая за данным жанром система ценностей, норм и приоритетов является определяющей для общей системы представлений о хорошей фатической речи (коммуникативный идеал); с другой стороны, данная система представлений двойственна и с определенного времени (приблизительно с XVIII–XIX вв.) ориентируется не только на нормы РпД, но и на нормы совершенно другого, заимствованного из западной культуры жанра фатического общения *светская беседа* (коммуникативный идеал № 2).

Жанр *светская беседа* (далее — СБ) при заимствовании наложил на существующую систему речевых жанров, а также чрезвычайно богатую систему стилистических средств русского языка и речи, которая, как можно предположить (см. выше), в традиционной (допетровской) русской народной речевой культуре основывалась на представлении о главенствующей позиции тематики и стилистики жанра разговора по душам. Жанр РпД принципиально противостоит понятию социального неравенства, тогда как жанр СБ был заимствован как одно из средств противопоставить власть черни (вместе с введенным

Петром I требованием, чтобы дворяне носили немецкое платье и говорили по-французски).

Понимая *разговор по душам* как разговор *о главном*, можно добавить к сформулированным А. Вежбицкой сценариям русской культуры (1) и (2) (см. выше) сценарии, определяющие отношение к этой теме:

- (3) хорошо, когда человек хочет говорить с другими людьми о главном
- (4) плохо, когда человек хочет говорить с другими людьми о главном

Сценарии (3) и (4) задают противоположные ориентиры в общении и тем не менее сосуществуют в русской речевой культуре. В результате *разговор по душам* — культурно поддерживаемый, но часто социально непрестижный жанр. Стремление разговаривать по душам в современной России может вызвать ответную насмешку; складываются даже устойчивые речевые маркеры такой насмешки. Так, по мнению В. И. Карасика, фраза «*А кому сейчас легко?*» в современной России стала «узнаваемым индексом новых непривычных межличностных отношений» [Карасик 2002: 39]. Ср. насмешливую фразу советского периода, произносимую в ответ на предложение поговорить по душам: *Я не прокурор, чтобы с тобой по душам говорить*, — и новое значение глагола *грузить* в современной русской разговорной речи: *грузить* — 2. Навязчиво сообщать что-либо ненужное или неприятное, озабочивать какими-либо проблемами [Химик 2004: 125].

В целом комическое обыгрывание норм РпД — достаточно распространенное явление в русской речевой культуре. Существует много анекдотов на эту тему, многочисленны более или менее известные авторские юмористические тексты (некоторые из них обнаруживают тенденцию к прецедентности); ср. анекдоты:

Русского человека всегда тянет к культурному общению, оно помогает ему набраться ума, энергии, положительных эмоций. Или хотя бы просто набраться.

Встретились двое и начали искать третьего. Нашли, выпили, разошлись, а третий за ними. Они направо — и он направо, они налево — и он налево. Они останавливаются:

- Тебе чего?
- А поговорить!..

Впрочем, само по себе комическое обыгрывание еще не свидетельствует о том, что объект обыгрывания перестал восприниматься как ценность; более того, карнавализация чего-либо как раз означает осмеяние некой сложившейся системы ценностей и норм, которая воспринимается как чрезмерно устоявшаяся, окостенелая, но при этом объективно существующая.

То, что в современном русском языке и речи значение коммуникативного концепта *по душам* несколько не стало меньше, подтверждает анализ прессы последних лет.

Рассматривались публикации в современной (после 1991 г.) русской прессе (российские и русскоязычные зарубежные издания), собранные и обработанные при помощи корпусно-поисковой системы «Integrum⁴» — всего **29 965** контекстов с *по душам* из доступных системе источников (6328 изданий за период с 1992 по 2009 г.).

В результате анализа материала обнаружилась значительная сложность и противоречивость коммуникативного концепта РпД: так, РпД может быть «простой» ~ и кому-то не по силам; может быть с «простым» собеседником ~ и высокообразованным специалистом; может быть коротким ~ и длинным; расслабленным (релаксирующим) ~ и напряженным; со «своими», избранными ~ и с незнакомцем; может привести к примирению ~ и к ссоре; может быть спокойным ~ и включать элементы спора (мужской РпД) или истерики (женский); обычно РпД не может состояться «по заказу» ~ но иногда возможно планирование РпД; безусловно положительно оценивается РпД, проводимый (успешно) специалистами-психологами с психически больными или неуравновешенными людьми. Абсолютное большинство оценочных характеристик РпД, фиксируемых в примерах из современной русской прессы, положительные и ярко-положительные; в то же время есть и ярко-отрицательные характеристики.

Как показывает анализ, концепт «по душам» относится к числу **простых непреходящих ценностей**, таких, как любовь и дружба, которые часто забывают в наше суетное, циничное время:

Мы в Москве уже давно озверели, в этом беге, суете не останавливаемся, не говорим по душам. Оксана Пушкина. Аргументы и факты; 17.07.2002.

⁴ О системе «Integrum» см.: [Integrum: точные методы и гуманитарные науки 2006].

То культ денег, то культ успеха, то потолковать по душам не с кем, поплачешься в жилетку, а не подадут. Жажда ответа. Дружба народов; 15.10.1999.

Возможно, скоро все мы обзаведемся мобильными телефонами и своим адресом в Интернете, но никакие технические новинки, виртуальное общение, умные игрушки не заменят старой доброй пре-красной привычки встречаться и говорить по душам. Давай поговорим. Семейный доктор; 15.09.2002.

РпД — разговор о главном:

Теперь пришло время разговора с Сережей по душам — о самом главном в его жизни. Сережа Лазарев «сделал» Энрике Иглесиаса. Твой курс / приложение к АиФ; 16.11.2005.

Лена очень любит живое общение с людьми, беседы о самом главном в человеке, и непременно по душам. Звени, гитарная струна. Вечерняя Москва; 10.11.1996.

Как уже говорилось, РпД относится к числу простейших и необходимых вещей, при этом идея **простоты** представляется достаточно важной, она часто фиксируется в речи:

Я понимал, что ничего не могу да и не хочу, наверное, уже изменить, но так хотелось просто встретиться, поговорить по душам. Комсомольская правда; 16.08.2000.

Что, так уж трудно, прямо-таки невозможно выкроить два часа два раза в месяц для того, чтобы покататься с парнем на лыжах, сходить в театр, просто пошататься по городу и поговорить по душам? Мать или мачеха? Вечерняя Москва; 04.01.2003.

В то же время «простота» вовсе не отрицает наличия интеллекта, напротив, РпД должен быть умным, мудрым (это слово встречается достаточно часто):

И вряд ли этому стоит удивляться: наверное, чем более жесткой, сложной и наполненной стрессами становится наша жизнь, тем больше мы начинаем ценить совершенно особую атмосферу разговора по душам: умного, честного, заставляющего под другим углом взглянуть на окружающий мир и самих себя. Вышел из темной ночи. Парламентская газета; 27.02.2004;

А вот по душам лучше всего все-таки говорить с мудрой женой. Режущая глаз чистота подозрительна. Учительская газета; 02.08.2004.

Казалось бы, ничего странного: познакомились, поговорили по душам два талантливых человека. Еврейское слово; 18.02.2008.

В целом в РпД на первый план выходит **настроенность на понимание** собеседника.

Так, РпД противопоставлен коммуникативному поведению, исключая понимание и желание понять, прежде всего **агрессивному**:

И если вижу несправедливость, то не ругаюсь и не кричу, а стараюсь решить проблему спокойно — поговорить по душам. Комсомольская правда; 22.11.1999.

Разговор с частниками и владельцами грузов по-прежнему идет с позиции силы, а не по душам. Пять лет ни пяди конкурентам. SeaNews; 26.09.2008;

казенной **фальши**:

Беседы «по душам» с ветеранами, матерями-одиночками, инвалидами и работниками муниципальных предприятий вызывают откровенное раздражение. Красноярская дуэль. Время новостей; 20.09.2002.

Хорошо для РпД то, что этому пониманию способствует: когда разговор **искренний, открытый, откровенный, честный** (часто эти определения идут вместе):

Но в редкие минуты отдохновения удастся поговорить по душам, искренне и откровенно. Московская правда/Спорт МП №18; 08.05.2001.

А ждет читатель честного и открытого разговора по душам, рассказов о том светлом, по-хорошему интересном, что, как ни странно, еще встречается в нашей жизни. Российская газета; 15.11.1996;

спокойный, вдумчивый, доброжелательный:

Летом можно спокойно и вдумчиво посидеть у костра, отходя от суеты, и не спеша поговорить по душам с теми, кого, казалось

бы, знаете, видя каждый день, просыпаясь и засыпая в одном доме... и, между прочим, забываете порой спросить о самом главном... За чем прилетает «Синичка»? Миасский рабочий; 25.08.2008.

Спасибо за теплый прием и доброжелательный разговор по душам и о войне и дне сегодняшнем. Дневник месячника. Восточно-Сибирская правда (Иркутск); 19.02.2003.

РпД противопоставлен **светской беседе** (как общению поверхностному, неискреннему) — это важное противопоставление, существовавшее, как было сказано выше, еще в XIX в., сохранилось практически неизменным:

Если в личной жизни вас постоянно преследуют одни и те же проблемы, значит, вы еще не мастер спортивного ориентирования в лабиринтах любви. Может быть, у вас хорошо получается знакомиться, но вы решительно не способны продвинуться дальше — в сторону эмоциональной и физической близости. Причин может быть масса. Например, вы заикливайтесь на жанре поверхностного светского общения и не умеете переключаться на интимно-личностное, т. е. поговорить по душам. Также возможно, что вы слишком сконцентрированы на себе, стремитесь достойно выглядеть, поэтому плохо чувствуете своего партнера, его потребности и интересы. Евгения Варламова. Ловушки любви. Россия, Москва. 20.05.2000. № 26.

В ресторане на Маяковке была тоже своего рода премьера: впервые Сергей, Вера и Маша смогли наговориться по душам, без полутонов и светских улыбок. ForUm; 06.05.2008.

Распространено мнение, что формат ток-шоу не подходит для российского человека. Как писали в одной статье — «не очень привлекает нас эта светская болтовня», нам необходим разговор по душам, что невозможно в условиях телевидения. Михаил Швыдкой: «Меня требуют уволить». Санкт-Петербургский курьер (Санкт-Петербург); 28.03.2003.

Материал подтвердил: **темы** РпД могут быть практически любыми: от самых высоких до самых низких, бытовых:

И чтобы поговорить с ней можно бы было по душам на любую тему, посоветоваться. Мы с тобой два берега у одной реки. Золотое кольцо (Ярославль); 20.02.2007.

И если отец старался по душам на любые темы с сыном говорить, разъяснял, что хотел бы им гордиться, — это всегда действовало только на пользу. Куда уходят наши дети? Краснокамская звезда (Краснокамск. Пермская область); 16.12.2003.

Единственное существенное требование состоит в том, чтобы обсуждаемая тема была по-настоящему важна для собеседников, волновала их. Это означает, что РпД скорее **эмоциональный**:

*Гости, оказавшиеся в этот вечер в центре «Семья», попали на теплый семейный праздник, где за чашкой чая можно поговорить по душам, **поплакать и посмеяться**. Отдохнули по-семейному. Самарская газета; 18.12.2002.*

Взрослые люди в инвалидных колясках смеялись как дети и по окончании спектакля долго не отпускали актеров; разговор по душам продолжался несколько часов. Театр, спасающий души. Русский дом (Москва); 10.06.2000.

Но при этом складывается впечатление, что в РпД можно скорее **поплакать(ся)**, чем посмеяться (и мужчинам, и женщинам):

*Попили чаю, поговорили по душам, **поплакали** немного, наконец заснули. Роковой подарок. Красный Север (Вологда); 18.03.2003.*

*Однажды она разговорилась со своим постоянным покупателем по душам, **пожаловалась** на свою нелегкую долю, что, мол, одна практически и кормит большую семью, а когда Андрейку заберет из приюта, совсем тяжело будет. Младенцы на «запчасти». Аргументы и факты; 10.09.2003.*

*Они не прочь с вами **поговорить по душам о жизни-бытье, проблемах-болезнях**, что-то дружески посоветовать, выслушать признания... Всем ветрам и собакам назло. Рабочий край, Иваново; 24.07.1999.*

Это выводит нас на такую важную особенность РпД (для русской коммуникации в целом сформулированную И. А. Стерниним), как **коммуникативный пессимизм**: в РпД откровенность подразумевает обычно, что делятся плохим (проблемами), не хорошим, «плачутся». Удовольствие (релаксация) от РпД имеет катартическую природу. Человек, который говорит про себя «у меня все хорошо» и именно это подразумевает, тем более — хвалится, вряд ли способен понять себе-

седника, настроенного на РпД. Все это заставляет сделать вывод, что собеседник в РпД должен уметь слышать чужую боль — а для этого... сам должен иметь определенный опыт страдания.

Русские, в общем, отдают себе отчет, что РпД — это часть их **национального** характера: важно для них и непонятно или неприятно для других:

Но у нормального русского, каким бы трудоголиком и профи он ни был, всегда найдется время посидеть до позднего часа с друзьями, поговорить по душам. Они и мы. Завтра; 05.01.2003.

Впрочем, есть одно качество, которое между нами, русскими, можно считать действительно общенациональным, — это культура общения, в частности способность разговариваться по душам со всяким встречным-поперечным, почувствовать кровную близость с человеком, вовсе тебе не знакомым — вот в этом смысле мы точно народ, который един как перст. Тайна народного. Версты, Москва; 25.02.1999.

Американец Энтони Перри, проживший в нашей стране несколько лет, недавно выпустил книгу «Двенадцать историй о России», назвав ее ответом на «Одноэтажную Америку». Первое, чем он занялся, ступив на российскую землю в «Шереметьево-2» и встретив угрюмые лица в плохо освещенном аэропорту, а потом повсюду, — стал изводить у себя американскую привычку улыбаться всему на свете: принимали за чокнутого. Он также пожаловался: «Американцы никак не могут понять, что это такое, загадочная русская душа, что такое разговор по душам». Он приводит умозрительный пример. Если человек поскользнулся и упал на улице, в России ему помогут, может быть, отведут домой. А американец исправит асфальт, чтобы не было скользко. Практицизм, здравый смысл при отсутствии интереса к пустопорожнему философствованию. Кто тут добрее? Американская горизонталь. Версты; 24.01.2002.

Рассмотрев эти положительные оценочные характеристики РпД, перейдем к другой, менее многочисленной, но довольно сложно организованной группе значений «по душам» — **отрицательно-оценочным**, отражающим **осуждение РпД, неприятие и нелюбовь к нему** у авторов газетных текстов.

В целом РпД может не приниматься по следующим причинам:

(1) следствием такого общения может быть нежелательное **сближение**; (2) такое общение может быть **неэстетично** (*сопливый* РпД). Как нам представляется, в целом (1) и (2) — это не настоящее отрицание РпД, поскольку не отрицаются ни РпД как таковой, ни его необходимость, ни удовольствие от него. В таких случаях часто ищут какой-то другой выход, например ведут РпД с незнакомыми, в приятной, «эстетической» обстановке и т. д. Этого нельзя сказать про следующие ситуации: (3) **отрицается естественность** или **нравственность** РпД вообще (например, высказывается мнение, что РпД непременно *пьяный*); наконец, (4) РпД отрицают за его **бесполезность** — не понимая, что РпД имеет ценность сам по себе. Можно добавить к этому еще одну, «новую» причину: (5) иногда высказывается точка зрения, что РпД противоречит неким **новым** жизненным ориентирам, присущим людям «современным», «деловым», «прагматичным», «индивидуалистичным», ориентированным на западные (прежде всего американские) ценности. Следует отметить, что эти «новые» коммуникативные и, шире, «жизненные» ориентиры очень напоминают позиции тех людей, которые еще в XVIII–XIX вв. предпочитали «светское» общение «задушевному», — см. примеры из литературы, приводившиеся выше.

- **пьяный** РпД:

Такая «исповедь» больше походит на пьяный разговор «по душам» в каком-нибудь кабаке. Гудок; 21.01.2004.

*Кстати, есть целая категория мачо-мэнов, которым просто не хватает общения по душам, и они готовы на все ради того, чтобы ты выслушивала их **сопливо-алкогольные откровения** и расспрашивала о нелегкой жизни. Консумация (пособие для динамщицы). Хулиган; 15.03.2002.*

Станислав Антонович прошагал мимо винного магазина, обдав мужиков запахом дорогого одеколона, бросил сочувственный взгляд на Веру и направился в «Продукты», где в основном хозяйничали женщины. В магазине спорили, сплетничали, плевались семечками, ругали своих и чужих мужиков — в общем, разговаривали по душам. Галдеж мгновенно затих, и все уставились на вошедшего. Елена Наумова. Серая кошка на белом облаке. Москва. 15.10.2007. № 10;

- «современный» отказ от РпД посредством *А кому сейчас легко?*:

Но водительские права — это мелочи. На самом деле у Вовчика куча проблем. Вот, например, девушки. По его словам, современные девушки в большинстве своем стервы и слишком «западают на деньги». Отдохнуть нормально с ними тоже нельзя. Молоденькие подруги тащат Вовчика на дискотеку, а ему хочется посподить, поговорить по душам. Вокруг подлость и предательство. Стали сдавать нервы...

Эх, Вова, а кому сейчас легко?.. Людмила Баклагина. До Ярославля автостопом. Общая газета; 04.03.1999.

В то же время авторы газетных публикаций, давая такой комментарий, вообще-то не оставляющий надежд на сочувствие, обычно отмечают нежелательность и неестественность такого положения дел, советуют (в данном случае врачам): обязательно **надо** поговорить по душам:

*Ведь исцелить человека — значит сделать его цельным, суметь добиться того, чтобы его тело, душа и ум пребывали в гармонии. Увы, современная традиционная европейская медицина в этом смысле несовершенна — лечит болезнь, но не человека. Каждый, кому случается стать пациентом, немедленно сталкивается с кучей проблем, и первая из них — отсутствие должного внимания врача к личности больного. Понятное дело, откуда у доктора время старательно выслушивать всех — вон какая очередь сидит у кабинета! Поэтому, больной, быстренько говорите, что там у вас болит. И вот вам рецепт, идите в аптеку, купите лекарства, правда дорогие, но кому сейчас легко? У пациента создается впечатление, что он для врача обуза. А ему так хочется рассказать, как ему плохо... Вот и получилось, что целители спонтанно взяли на себя функции психотерапевтов. Прежде чем лечить тело, с пациентом **обязательно надо поговорить по душам**, сделать индивидуальную астрологическую карту, наметить наиболее благоприятное для лечения время. Оксана Дементьева. Послушайте меня, доктор... Час (Латвия). 05.01.2002.*

РпД может использоваться сознательно как (эффективное) средство воздействия, убеждения — при общении с начальниками, чиновниками и т. д.:

Поговорите об этом с инспектором по душам. Политэкономия: Взятка как уклад. Ведомости; 25.07.2002.

Поэтому не пренебрегайте разговорами по душам, которые так любит шеф. Скажи мне, кто твой босс... Аргументы и факты/ Дочки-матери; 10.01.2007;

- иногда это дает положительные результаты:

Вот, например, поговорили церковные иерархи по душам с саратовским мэром Юрием Аксененко, и он сразу же подписал постановление администрации города о передаче восьми земельных участков на территории города под строительство храмов. Здоровый дух. Время новостей; 30.06.2004.

К примеру, в Оренбургской области после разговора по душам с налоговиками 88% приглашенных повысили зарплату своим сотрудникам. Бой с зарплатной тенью. Бизнес; 17.10.2006;

- иногда — нет:

Разговоры «по душам» не помогли. Любовь на ножах. Вечерняя Москва (Москва); 29.07.2004.

Интересно, что в обоих случаях нет осуждения такого использования РпД «не по назначению», какого можно было бы ожидать, если сравнить эти примеры с описанными в литературе XIX–XX вв.; нет и осуждения *обывателя*. В целом авторы статей сочувствуют обывателю, который обычно понимается как «наш простой человек»: такому даже советуют использовать РпД (которым он, как «наш человек» и как «простой человек», блестяще владеет):

Не удивил тот факт, что интервью с главным федеральным инспектором в Кузбассе Валерием Казаковым появилось не на го-сканале, а на частном ТВ. {...} Образ Санта-Клауса в официальном кресле главный редактор NTSC Елена Ровда разрушить не стала, и правильно. Мнение чиновника такого уровня — это мнение Администрации Президента, которое человеку у телевизора «по барабану». А вот разговор «за жизнь», почти что по душам — это уже интересно, причем не только политически «продвинутому» телезрителю, но и обывателю. Вопрос о четках, с которыми не расстается Казаков, из этой оперы — любой человек с улицы спросил бы о том же. Стас Корнейко. «Тритатушки» для локомотива с вагончиками. Край (Кемеровская область); 08.08.2003. № 32.

В ответ на скепсис обывателя я отвечаю так: приходи в Пирогы по Пятницам (это такое место сбора Мужиков, если ты в Москве, конечно), поздоровкайся со мной по душам, опрокинь рюмаху, и ты, друг, шкурой поймешь, где иллюзорность, а где данная на ощупь ткань Мужика Бытия. Живой журнал словами писателей. Русский журнал; 03.10.2003.

Таким образом, в результате анализа современного речевого материала обнаружилась значительная противоречивость коммуникативного концепта «по душам», в том числе нравственно-этическая оценочная амбивалентность, во многом соответствующая противоречивости, присущей данному концепту в предшествующие исторические эпохи, прежде всего двойственное отношение к РпД в качестве коммуникативного идеала.

Специфика, безэквивалентность русского РпД особенно наглядно проявляются при **сравнении** с другими речевыми культурами. Отличия заметны даже у генетически и типологически сходных **русской и польской** культур.

Большинство параметров концепта *дружба* совпадают в русском и польском языках (хотя не все). В результате исследований (например, [Вежбицкая 2001]) было установлено, что русский концепт *друг* и польский концепт *przyjaciel* также лишь частично совпадают.

Дружба, как и все концепты социальных отношений, имеет важное коммуникативное измерение и определенным образом формирует коммуникативный идеал. В русской и польской речевых культурах собеседник тем лучше проявляет себя в межличностном общении (больше ориентирован на партнера, открыт), чем в большей степени выступает как *друг*, а общение в целом тем лучше, чем оно в большей степени *дружеское*.

Кроме того, на отношения русского и польского концептов *дружбы*, по-видимому, влияет оппозиция «православие ~ католичество». М. С. Уваров [1992] высказывает предположение, что исповедь лежит в основе текстов православной культуры, а проповедь — католической. Для православной культуры исповедальность, граничащая с покаянием, является абсолютной ценностью. Исповедальность в русской культуре (в том числе в литературе) имеет прямое отношение к смыслу жизни, тогда как проповедь, предполагающая значительно большую формализованность и контроль над своим поведением, хотя и пересекается с исповедью (в католической культуре она неотличима от нее), но воспринимается как слишком узкая и вторичная: «Традиция, воплощенная в образах Зосимовой и Оптиной пустыни, или же легендарное молчаличество Андрея Рублева во многом чужды прямолинейной проповедальности, а сам символ проповеди — при всем его значении для русской культуры — все же оказывается несколько сглаженным, вторичным» [Там же: 7].

Тип *дружеского общения* имеет подчеркнутую важность для обеих культур; в обеих культурах жанры дружеского общения составляют несомненную культурную ценность; однако наиболее характерный жанр открытого общения в польской культуре *serdeczna rozmowa* (SR) лишь приблизительно соответствует русскому *разговору по душам*.

Отличия русских и польских жанров гармонического дружеского общения проявляются уже в именах данных жанров: к участию в данных именах тяготеют разные слова — *душа* и *сердце*, причем эти слова можно понимать как важные и даже ключевые для русской и польской культур.

Выше уже говорилось об огромном, неуниверсальном богатстве в русском языке идиом с лексемой *душа* (*душа в душу*, *по душам*, *войти в душу*, *открывать душу* и т. д.).

В польском языке представлены лишь некоторые эквивалентные идиомы, при этом во многих из них место *души* занимает *сердце*. При переводе соответствующих идиом с одного языка на другой их чаще всего просто не разграничивают⁵. Безусловно, названные концепты очень близки (оба восходят к библейской концептосфере), однако между ними есть различия, имеющие и культурные, и коммуникативные основания.

По-видимому, несимметричное закрепление *души* и *сердца* в русском и польском языках, прежде всего за важнейшим фатическим жанром русского общения *разговор по душам* и важным (хотя, возможно, не важнейшим) жанром польской речевой культуры *serdeczna rozmowa* не случайно: *душа* более отвечает основным коммуникативным ценностям русской культуры, *serce* — польской.

Так, и *душа*, и *сердце* имеют количественное измерение (*душа* — в русском языке, *сердце* — в польском: *великодушный*, *малодушный*; *człowiek wielkiego serca*, *człowiek małego serca*), и только *сердце* — «температурное» (и в русском, и в польском языках выражение *горячее сердце* абсолютно нормально и близко к идиоматизации, хотя они не вполне идентичны: в польском *gorące serce* вместе с *gorąca głowa* означают ‘очень эмоциональный человек’; ^{??}*горячая душа* практически аномально в обоих языках).

⁵ Ср. некоторые соответствия, предлагаемые в Польско-русском фразеологическом словаре К. М. Гюлумянц [2004]: *okazać komuś serce* ‘проявить *душевное* участие (отзывчивость, доброту)’; *wygarnąć komuś od serca* ‘поговорить с кем-л. начистоту, поговорить *по душам*’.

Это отличие, по-видимому, имеет коммуникативное значение: если главное в дружеском общении — *душа*, это значит, что главное в нем — в стремлении к *открытию* и *единению души*. *Душа* (так сказать, газообразная этимологически — ср.: *дух, дыхание, воз-дух*) скорее всего не способна активно воздействовать на другую душу (поддержать, согреть), зато душа способна понять другую душу, «впустить» ее в себя либо «войти» в нее, довериться ей и способствовать ее открытию, поэтому главный участник дружеского общения, определяемого *душой*, скорее не тот, кто говорит, а тот, кто слушает.

Для разговора, определяемого *сердцем*, главное — воспламенить-ся и передать свой огонь, энтузиазм, зажечь или согреть собеседника; главный участник дружеского общения — инициатор, генерирующий горячие идеи.

Сказанное подтверждается отображением жанров *разговор по душам* и *serdeczna rozmowa* в русских и польских художественной литературе и фильмах. В частности, рассматриваются произведения, в которых важнейшие идеи (ради которых, собственно, и снимался фильм) выражаются персонажами посредством такого типа общения; при отборе материала для нас главным было не то, чтобы в разговоре участвовали *друзья*, а то, чтобы присутствовал «экзистенциальный разговор о главном» (по выражению А. Д. Шмелева).

В фильме М. Хуциева «**Застава Ильича**» герой просит совета у своего погибшего на войне отца и не получает его. Здесь налицо все признаки русского РпД: разговор предельно искренний, о самом главном, есть и преобладание исповеди:

- Хорошо, что ты пришел.
- Что с тобой, ты можешь мне сказать?
- Да. Мне надо, чтоб ты мне многое объяснил.
- Что я тебе могу объяснить?
- Все. Я никому так не верю, как тебе. Понимаешь, мне надо с тобой посоветоваться. Мне сейчас очень... (пауза).
- Ты что-то хотел сказать?
- Да, понимаешь, бывают моменты... Прямо голова раскалывается!..
- Ну, говори, я тебя слушаю.
- Вот у вас все было по-другому, понимаешь, все было по-другому.
- У всех бывает по-другому, это совершенно естественно, странный ты человек!
- Да нет, ты знал... что тебе нужно делать, знал. Ты знал, что надо

стрелять, допустим, бежать вперед с криком «ура!», не трусить...

— Ты думаешь... что бежать вперед и стрелять, ты думаешь, этого мало?

— Нет, ну, просто я сам все это могу, понимаешь, сам. Ну, есть жизнь, понимаешь, нормальная жизнь, как... ну, чего там, в общем, я не хочу говорить про нее все эти высокие слова, но бывает момент, когда... Один на один с собой, своей... совестью. Тогда...

— Покурим?

— Да. Ну, я не знаю, как тебе объяснить. Понимаешь, не все...

Интересно, что непосредственно перед этим диалогом героем был произнесен гневный монолог, в котором тоже речь шла о важных вещах (о том, к чему следует относиться серьезно), герой проявил себя как хороший оратор: он четко высказывал свои сложившиеся убеждения. Однако именно второй диалог становится эмоциональной кульминацией фильма, и из него становится видно, что герой на самом деле еще только ищет правильный ответ на эти вопросы, и его речь в данном случае сбивчива, негладка, совсем не «ораторская».

В фильме Алексея Балабанова «**Брат-2**» эмоциональной кульминацией становится РпД между троими русскими (двое мужчин и женщина) у костра, разведенного в центре Чикаго — «сердце каменных джунглей». Героиня делится главными — самыми темными и самыми светлыми — впечатлениями из своей жизни, что свидетельствует о важности разговора. Несмотря на попытку снизить тему разговора, самоиронию (*Ладно, банально все это, скучно*) и на то, что тема всплывает отчасти ассоциативно (ночь у костра — воспоминание о другом костре: *Знаешь, я последний раз так в восемьдесят четвертом году сидела*), темы, настроение, откровенность и открытость собеседников определяются общей тональностью разговора — о самом главном. Интересно, что на протяжении фильма русские культурные ценности постоянно противопоставляются американским (*Здесь вообще все просто так, кроме денег*), при этом одной из ценностей русской речевой культуры, отличающих ее от американской, является именно русский РпД, или искренний разговор о самом главном.

Да ш а. Восемь лет — это много. Мне тогда еще двадцати не было. Университет, перестройка, Америка, со-со-со. Замуж вышла, потом сразу развелась. Сначала в Нью-Йорке в эскорт-сервисе работала, это по вызову. Потом — кокаин, крэк. Уехала с одним толстым в Чикаго, бросил меня. С козлом этим черным связалась. Хотя о покойниках плохо нельзя. Ладно, банально все это, скучно...

*Знаешь, я последний раз так в восемьдесят четвертом году сидела.
Мы в поход ходили на Глухое озеро.*

Данила. Поехали с нами домой. Там хорошо.

Даша. А что я там делать буду?

Данила. А здесь ты что делаешь?

Виктор. А мне здесь нравится! В Америке вся сила мира.

Данила. А в чем сила, брат?

Виктор. А вот в чем! В деньгах вся сила, брат! Деньги правят миром. И тот сильнее, у кого их больше.

Данила. Ну хорошо. Вот много у тебя денег. И что ты делаешь?

Виктор. Куплю всех!

Данила. И меня?

(СМЕЮТСЯ.)

Тема *В чем сила, брат?* получает продолжение и в каком-то смысле становится лейтмотивом фильма: в конце фильма герой Сергея Бодрова Данила говорит, что сила в *правде*, тем самым связывая РпД с другим ключевым концептом русской культуры. Точка зрения Виктора (кстати, профессионального киллера), утверждающего «американские» ценности (*В Америке вся сила мира; Деньги правят миром*), опровергается всей логикой фильма, хотя, естественно, призыв к правде от не менее кровавого убийцы превращает идею патриотизма в горькую насмешку.

В польских примерах интимное дружеское общение оказывается более монологичным. Это проявляется в большем контроле речи со стороны говорящего, приводящем к большей четкости и риторичности речи, которая содержит меньше ошибок, проистекающих из диалогичности (непредсказуемость течения разговора и перебивы, обрывы и недосказанность); конечно, при этом отдельные ошибки и оговорки, в целом присущие спонтанной речи, есть. Все это приводит к тому, что в речи выражается скорее *п р е д ы д у щ а я* точка зрения говорящего, чем рожденная в процессе самого разговора.

Герои фильма «**Poniedziałek**» (reż. Witold Adamek) Maniek и Dawid вместе занимались рэкетом и пережили крушение всех надежд.

В их разговоре — он также становится эмоциональной кульминацией фильма — есть элемент исповеди, хотя главное также скорее сообщается, чем открывается, узнается или рождается в результате самого разговора. Есть элемент поучения со стороны главного героя,

который не ищет в разговоре истины для себя: он уже принял решение и должен склонить к нему собеседника.

- Szluga masz?
 — A ogień?
 — Wiesz co? Ty to paranoik jesteś. Ja, kurwa, myślałem, że ty się zmieniłeś.
 — Teraz już jest dobrze. Myślę że tego chciałem. Jest szmal. Ty też go masz. Niezadowolony jesteś?
 — Ja to chcę żyć. A ty chcesz się za-
 bić.
 — Żyjesz?
 — Żyję.
 — Ja żyję?
 — Nie.
 — Wyjeżdżam stąd.
 — Gdzie?
 — Gdziekolwiek.
 — Gdzie?
 — Na przykład za tamtą górę. Rzecz
 jest zrobiona.
 — I tyle?
 — Jedziesz ze mną?
 — A kto następny? Uh! Kto? (uderza
 go w ramię.)
 — Boli. Spójrz na swoją twarz, spójrz
 na moją. Wszystko mnie napierdala.
 Naprawdę. Nie ma nikogo następne-
 go. Robota jest skończona. Wystarcza
 mi ten szmal. Stary, całe życie tutaj je-
 stem po to żeby stąd wyrwać.
 — To jest paranoja.
 — Jesteś tu po to żeby się stąd wyrwać.
 Czujesz? Pojedziemy, kupimy sobie
 dom, poznamy jakieś fajne dziew-
 czyny. Ja też mam dosyć. Uwierz mi.
 Wszyscy co tutaj mieszkają mają do-
 syć.
 — A, jebać ich!...
- Есть сигарета?
 — А прикурить?
 — Знаешь что? Ты маньяк. Я, черт
 возьми, думал, что ты изменился.
 — Сейчас уже хорошо. Думаю, что
 я этого хотел. Есть бабки. У тебя
 они тоже есть. Ты недоволен?
 — Я хочу жить. А ты хочешь убить
 себя.
 — Живешь?
 — Живу.
 — А я живу?
 — Нет.
 — Уезжаю отсюда.
 — Куда?
 — Куда-нибудь.
 — Куда?
 — Например, за ту гору. Дело сде-
 лано.
 — И все?
 — Поедешь со мной?
 — А кто следующий? А? Кто? (Уда-
 ряет его в плечо.)
 — Больно. Посмотри на свое лицо,
 посмотри на мое. Все меня достало.
 Правда. Нет никого следующего. Ра-
 бота закончена. Этих бабок мне хват-
 тит. Старик, явсюжизньздесьпрожил
 для того, чтобы отсюда вырваться.
 — Это мания.
 — Ты здесь для того, чтобы отсю-
 да вырваться. Понимаешь? Поедем,
 купим себе дом, познакомимся с
 какими-нибудь хорошими девуш-
 ками. Я тоже сыт по горло. Поверь.
 Все, кто здесь живет, сыты по горло.
 — А, е.. их!

В фильме «**Show**» (reż. Jan Włodarczyk) герой поставлен в условия, требующие от него предельно трудного нравственного выбора: сло-

жилась ситуация, в которой ему, спасая свою жизнь и жизнь любимой женщины, пришлось убить человека. Позже оказалось, что все это было подстроено авторами реалити-шоу, в котором они участвуют, чтобы телепередача получила более высокий рейтинг. В конце фильма герой бросает создателям шоу упрек в безнравственности, рассуждает о моральных ценностях (о том, кто для человека является *autorytet*'ом), делится, несомненно, важными для себя идеями, т. е. это разговор о главном, хотя, конечно, совсем недружественный. Важно, что самые главные мысли (составляющие идею фильма: современная жизнь часто исключает нравственное, человеческое поведение и чувства) также выражаются в форме монолога, адресованного аудитории; разговор есть лишь средство их трансляции и ни в коей степени не средство породить или скорректировать нравственные позиции говорящего.

— Byłeś świętny, stary!

— Naprawdę?

— Jasne! Po tym co zrobiłeś! Wygrałeś ten program. Mam nowe rankingi, wyprzedziłeś Alinkę.

— Tak?

— Tak! Dwa miliony masz w kieszeni! Jesteś narodowym bohaterem, większym niż Małysz. <...>

— Pakuj się, kochanie, idziemy stąd.

— Daj spokój, przecież nic się nie stało!

— Nic się nie stało? Zabiłem człowieka. To co, że żyje? Robiłem w życiu okropne rzeczy, udawałem że mam facha w rękach, dawałem ludziom złudzenia. Ale nigdy nikogo nie uderzyłem. A wy zmusiliście mnie do tego, żebym chciał zabić człowieka!

— Ale nie musiałeś mnie zabijać. Byliśmy przygotowani na różne warianty. <...>

— Uspokój się! Nie zdajesz sobie sprawy ilu ludzi cię oglądało. Nie możesz zawieść swoich fanów! Wiesz, jakim jesteś autorytetem?

— Autorytetem? Autorytet: powaga, wpływ, znaczenie, człowiek, insty-

— Старик, ты был великолепен!

— Правда?

— Ну ясно! После всего, что ты сделал! Ты выиграл эту программу. У меня есть новые рейтинги, ты обогнал Алинку.

— Да?

— Да! Два миллиона у тебя в кармане! Ты народный герой, больше, чем Малыш. <...>

— Собирайся, дорогая, идем отсюда.

— Успокойся, ничего ведь не произошло!

— Ничего не произошло? Я убил человека. Что с того, что он жив? Я делал в жизни ужасные вещи, притворялся, что я профессионал, обманывал людей. Но никогда никого не ударил. А вы меня довели до того, что я хотел убить человека!

— Но ты не должен был меня убивать. Мы приготовились к разным вариантам. <...>

— Успокойся! Не отдаешь себе отчет, сколько людей тебя видело. Ты не можешь подвести своих фанов! Знаешь, каким ты стал авторитетом?

tucja, arbiter, znawca, wyrocznia, mistrz. Jestem autorytetem? To znaczy że autorytet ma facet co chciał zabić drugiego a wcześniej ze strachu palnął parę głupich dowcipów. Wiesz co? Dokładnie tak jest. Tylko trzeba być w telewizji. A jakbym zrobił włosy na zielono i byłbym ładny? Tylko w tym słowniku jest jakieś lepsze słowo niż autorytet. Może bożyszcze? Albo idol. Kiedyś nie trzeba było mieć podkoszulka od Bossa i BMW, żeby powiedzieć dziewczynie że ją kocha. W telewizji byli «Czterej Pancerni», wszystko było jasne. Był taki film o murarzu co chciał być uczciwy i miał fach w rękach. «Człowiek z marmuru» się nazywał. I ten facet z marmuru — to dla mnie autorytet. On miał wszystkich w dupie i chciał tylko domy budować. A ja miałbym być autorytetem bo chciałem kogoś zastrzelić na wizji? A wcześniej siedziałem w więzieniu? Nie sądzę. Ale przy tym co wy robicie... Mogę spać spokojnie!

— Авторитетом? Авторитет: вес, влияние, значение, человек, институт, арбитр, знаток, судья, мастер. Я авторитет? Это значит, что авторитет есть у парня, который хотел убить другого, а раньше со страху отмочил пару глупых шуток. Знаешь что? Это именно так. Надо только быть на телевидении. А если бы я выкрасил волосы в зеленый цвет, был бы в порядке? Только в этом словаре есть слово получше, чем авторитет. Может быть, кумир? Или idol. Когда-то не надо было иметь белье от «Босса» и БМВ, чтобы сказать девушке, что ты ее любишь. По телевизору были «Четыре танкиста», всё было понятно. Был такой фильм о каменщике, который хотел быть честным и знал свое дело. Его звали «Человек из мрамора». И этот парень из мрамора — он для меня авторитет. Он на всех положил и хотел только строить дома. А я должен был быть авторитетом, потому что хотел кого-то застрелить по телевизору? А раньше сидел в тюрьме? Не думаю. Но при всем том, что вы делаете... Могу спать спокойно!

Здесь есть одно важное отличие от предыдущего фильма: позже герой об этом же вполне дружески говорит с бывшим товарищем по шоу. Наличие этого второго диалога объединяет структуру данного фильма с «Заставой Ильича», за одним важным исключением: в польском фильме последний диалог гораздо менее важен для общей концепции авторов фильма и представляет собой сокращенное изложение идей, содержащихся в первом разговоре.

Более сложной является параллель с фильмом «Брат-2». В этих двух фильмах наиболее близкое структурно-композиционное решение: главные монологи, наиболее существенные для идеологического содержания фильма, герой произносит в конце, одерживая нравственную победу над своими врагами и обращаясь к ним. Отличие состоит в том, что в фильме «Брат-2» герой ищет ответ на вопрос *В чем*

сила? на протяжении всего фильма (собственно говоря, вопрос был поставлен им еще в фильме «Брат-1»), обращаясь к разным людям, с которыми у него доверительные и дружеские отношения; можно сказать, что они все вместе способны на *разговор по душам*. В фильме «Show» поиск и вопросы, адресованные к друзьям, не показаны: по-видимому, создатели фильма посчитали подобные «вопросно-ответные» разговоры менее существенными для выражения главной идеи, чем четкий финальный монолог-ответ.

Наконец, в фильмах «Szczęśliwego Nowego Jorku» (reż. Janusz Zatorski) и особенно «Miś» (reż. Stanisław Bareja) важнейшие идеи переданы непосредственно в монологе главных героев. В фильме «**Szczęśliwego Nowego Jorku**» герой (тоже преступник) рассуждает о том, что такое «американское счастье» для поляка-эмигранта.

— Powiedzieć czy nie?

— Coś ważnego?

— Bardzo ważnego. Bez tego w Ameryce przegracie.

— To wal.

— Ludzie! Zróbcie coś z waszymi polskimi mordami!

— A co ci w naszych twarzach nie podoba?

— Powiedziałem: mordy, nie twarze!

— Masz kogoś konkretnego na myśli? Mnie czy Potatoo?

— Was czworo, i trzydzieści tysięcy nielegalnych Polaków w Nowym Jorku i dziesięć milionów Polonii w Ameryce i niestety czterdzieści milionów między Bugiem a Odrą!

— Mordy?

— Mordy.

— A ty?

— Mnie ten problem nie dotyczy, ja już jestem po, a was, kmioty polskie! Was rozpoznają na kilometr.

— Słuchać dalej czy przyłąć?

— Słuchaj, słuchaj, aż zrozumiesz, aż weźmiesz się za swoją mordę i zaczniesz się ćwiczyć, gimnastykować. Od poniedziałku do niedzieli,

— Сказать или нет?

— Что-то важное?

— Очень важное. Без этого в Америке проиграете.

— Тогда валяй.

— Люди! Сделайте что-нибудь с вашими польскими рожами!

— А что тебе в наших лицах не нравится?

— Я сказал: рожи, а не лица!

— Ты имеешь в виду кого-то конкретно? Меня или Потето?

— Вас четверых, и тридцать тысяч нелегальных поляков в Нью-Йорке, и десять миллионов «Полонии» в Америке, и, к сожалению, сорок миллионов между Бугом и Одером!

— Рожи?

— Рожи.

— А ты?

— Меня эта проблема не касается, я уже через это прошел, а вас, полячки! Вас распознают за километр!

— Слушать дальше или дать в репу?

— Слушай, слушай, пока не поймешь, не возьмешься за свою рожу и не начнешь тренироваться, упраж-

od stycznia do grudnia, aż spojrzysz w lustro i powiesz: twarz. Nareszcie! Twarz człowieka, a nie konia! Potatoe! Chodź tu! Chodź do lustra! Masz konia w gospodarstwie?

— A bo co?

— Twój koń, Ignacy, gdyby się golił, wyglądałby tak samo jak ty. Potatoe! Twój pysk jest tak samo szczerzy jak pysk twego konia.

— To zaczynam chwytąć...

— Twarz ma być częścią ubrania a nie oknem duszy! Zapamiętajcie! Chodzić po Nowym Jorku ze szczerą twarzą to jakby z fiutem na wierzchu. O! A twoja mordka, profesore, to już nieszczęście!... Ludzie! Ubranie ma być schludne! Twarz uśmiechnięta i wesoła oczy, ha!

— Jak wesołe? A jak smutno?

— Ćwiczyć! Jak Amerykanie ćwiczą, jak ja ćwiczyłem. Dziesięć lat temu w sklepie pracowałem. Bos mnie zawołał do siebie i mówi: Daję ci tydzień czasu żebyś się nauczył uśmiechać. Kup sobie lusterko kieszonkowe i ćwicz, w subway'u, w parku, wszędzie, naucz się uśmiechać do siebie — a ludzie będą myśleli że do nich, będą cię lubili, będziesz miał sukces! Kupiłem lusterko!

— A co po tygodniu?

— Bos mnie poklepał i powiedział: brawissimo!

— O!

— Cicho, smutasio!

— O Ameryka! To słynne USA... Same świry, co drugi udaje szczęśliwego!

— Mylisz się. Amerykanie nie udają szczęśliwych, są! A największym szczęściem Amerykanów jest to że

nią się. От понедельника до воскресенья, от января до декабря, пока не помотришь в зеркало и не скажешь: лицо. Наконец! Лицо человека, а не коня! Потето! Иди сюда! Иди к зеркалу! У тебя есть конь в хозяйстве?

— И что?

— Твой конь, Игнацы, если бы брился, выглядел бы так же, как ты. Потето! Твоя морда такая же честная, как морда твоего коня.

— Я начинаю улавливать...

— Лицо должно быть частью одежды, а не окном души! Запомните! Ходить по Нью-Йорку с открытым лицом — все равно что с расстегнутой ширинкой. O! А твоя рожа, профессор, это уже беда!.. Люди! Одежда должна быть опрятной! Лицо с улыбкой и глаза веселые, ха!

— Как веселье? А если грустно?

— Тренироваться! Как американцы тренируются, как я тренировался. Десять лет назад я работал в магазине. Начальник меня вызвал и говорит: Даю тебе неделю срока, чтобы ты научился улыбаться. Купи себе карманное зеркальце и тренируйся, в подземке, в парке, везде, научись улыбаться самому себе — а люди будут думать, что им, будут тебя любить, будешь успешным! Я купил зеркальце!

— И что через неделю?

— Начальник меня похлопал по плечу и сказал: брависсимо!

— O!

— Тихо, нытики!

— O Америка! Великие Штаты... Строят из себя, каждый второй притворяется, что счастлив!

— Ошибаешься. Американцы не притворяются, что счастливы, есть! А самое большое счастье американцев в том, что они верят в

oni wierzą w swoje szczęście i nie chcą innego. A wy — tylko modlicie się, skomlicie, włóczycie po całym świecie strasząc smutnymi mordami. Te wasze obozy, cmentarze, pomniki... A wyburzyć, parkingi porobić, może by wam w głowach się rozpodziło!

— Za dużo wojen było, biedo!

— Oto wasze amerykańskie szczęście! A wiecie co to serfing? Wiecie? Sztuka jazdy na desce po grzywach fal... Coś wspaniałego! Balansowanie, lawirowanie! Nowy Jork to taka kipiela, tutaj dziesięć milionów uprawia serfing. Kto tego nie robi nie może być w tym mieście szczęśliwy.

— A ty jesteś szczęśliwy?

— Jestem!

свое счастье и не хотят другого. А вы — вы только молитесь, скулите, таскаетесь по всему свету, пугая людей тоскливыми рожами. Эти ваши лагеря военнопленных, кладбища, памятники... А поносить, построить паркинги, может быть, в головах у вас бы прояснилось!

— Слишком много было бед, войн!

— Вот оно ваше американское счастье! А знаете, что такое серфинг? Искусство езды на доске по гребням волн... Что-то прекрасное! Балансирование, лавирование! Нью-Йорк весь бурлит, здесь десять миллионов занимаются серфингом. Кто этого не делает, не может быть счастливым в этом городе.

— А ты счастлив?

— Да!

В фильме «**Miś**» рабочий-угольщик в поэтической, метафорической форме говорит о великой польской *tradycji*, поруганной и ополщенной в социалистической Польше:

— Tradycja, chodź no do tatusia! A butków nie zamocz!

— Ona nie może się tak nazywać, Tradycja!

— Dlaczego niby?

— Pytasz dlaczego? No, bo tradycja nazwać niczego nie możesz. I nie możesz uchwałą specjalną zarządzić, ani jej ustanowić. Kto inaczej sądzi, świeci jak zgasła świeczka na słonecznym dworzu! Tradycja to dąb, który tysiąc lat rósł w górę. Niech nikt kielka małego z dębem nie przymi-erza! Tradycja naszych dziejów jest warownym murem. To jest właśnie kolęda, świąteczna wieczerza, to jest ludu śpiewanie, to jest ojców mowa, to jest nasza historia, której się nie zmieni. A to co dookoła powstaje od nowa, to jest nasza codzienność, w której my żyjemy.

— Традиция, иди к папочке! Только ботиночки не замочи!

— Ее нельзя так называть, Традиция!

— Почему бы это?

— Спрашиваешь почему? Ну, потому что традицией ничего назвать не можешь. И не можешь ни установить ее, ни принять о ней постановление. Кто думает иначе, светит, как погасшая свечка на солнечном дворе! Традиция — это дуб, который рос тысячу лет. Никто не спутает маленький росток с дубом! Традиция наших дел — это твердыня. Это Рождество, святая вечеря, это песнь народа, это речь отцов, это наша история, которой не изменить. А то, что вокруг появляется нового, — это наша повседневность, в которой мы живем.

Гармоническое дружеское общение предъявляет серьезные требования к речевому поведению обоих собеседников: нужно уметь, так сказать, говорить дружески и слушать дружески. По-видимому, существуют некоторые различия в соотношении этих требований: для польского общения важнее уметь говорить, русского — слушать.

Мы не хотим сказать, что американец, немец или француз не способны испытать особое наслаждение, даже потрясение от духовного интимного общения, — это впечатление человек сохраняет надолго, иногда на всю жизнь. Наверное, в жизни любого человека случались такие разговоры. Разница также совсем не в том, представители какой национальной культуры обмениваются более глубокими и важными истинами, — ставить вопрос таким образом, по-видимому, вообще нельзя. Разница только в том, что для одной речевой культуры эти ситуации включают разработанные, узнаваемые формы речи и при этом оцениваются положительно, а в другой речевой культуре нет ни специальных типических форм, ни одобрения, хотя само общение, естественно, может касаться тех же тем и порождать такое же сокровенное знание. В речевой культуре, где не существует специального жанра, для собеседников каждый такой случай уникален и существует скорее вопреки конвенции.

Возвращаясь к русскому РпД, скажем несколько слов о его **гендерном** аспекте. Все, что было сказано выше, касалось мужского русского разговора по душам. Разговоры мужчин с женщинами часто содержат признаки флирта или общения влюбленных. При отсутствии таких признаков разговор, по-видимому, мало отличается от мужского РпД.

Что же касается РпД женщин с женщинами, то он, как представляется, имеет многие названные признаки мужского РпД, однако отличается от него.

Отличия проявляются, в частности, в семантике русских существительных *друг* и *подруга*. «В основе отношений, закодированных в слове *подруга*, лежит представление об относительно давнем знакомстве и о постоянном общении, состоящем не в экзистенциальном разговоре “о самом главном” (что более характерно для *друга*), а в том, чтобы делиться друг с другом своими переживаниями и сплетничать о ближних. Отдельный факт состоит в том, что в русской культуре такой тип общения поощряется скорее для женщин, чем для мужчин. Наличие у мужчины *подруг* (в рассматриваемом смысле), т. е. жен-

щин, с которыми он постоянно делится переживаниями и занимается сплетнями, может вызывать удивление с точки зрения стереотипных представлений о гендерных ролях, но не является полной аномалией» [Шмелев 2002: 188]. Ср. отмечаемые Е. Я. и А. Д. Шмелевыми два стереотипа, обыгрываемые в русских анекдотах: 1) стереотипы неодобрительного отношения жен к любимому времяпрепровождению мужей в компании друзей и 2) стереотипы высокомерного отношения мужчин к «бабьим» болтовне и сплетничанию [Шмелева, Шмелев 2002: 75–76]. Ср. также обыгрывание суррогата РпД в песенке В. Высоцкого: *Ну о чем с тобою говорить! / Все равно ты порешишь ахинею, — / Лучшие я пойду к ребятам пить — / У ребят есть мысли поважнее.*

Известный рассказ Анатолия Трушкина представляет собой пародию на женский разговор по душам. Объектом обыгрывания становятся некоторые значимые черты жанра. Основная тема разговора — трагедия в личной жизни: одну из подруг оставляет муж. Отметим кстати, что темы любви, измены, разрыва отношений в русском народном сознании традиционно считаются скорее женскими, чем мужскими, темами разговоров, и именно для женщин они являются «самыми главными». Однако в рассматриваемом РпД-Ж эти темы чередуются с ничтожнейшими бытовыми темами, о которых тем не менее говорят серьезно и очень подробно. Переход от первых ко вторым и обратно как будто бы не удивляет никого из собеседниц (хотя иногда обозначается «*что-что?*»). Комический эффект основан на том, что разговор все-таки, по сути, очень серьезен, проникнут самым искренним сочувствием и доброжелательностью (подруги явно любят друг друга, желают друг другу добра и, что важно, верят, что поддержать и помочь может сочувственный разговор), хотя по форме может показаться, что он не является таковым и собеседницы не принимают всерьез проблемы друг друга. В то же время и бытовые детали как будто бы не менее интересны для собеседниц, чем «самое главное», по своей форме разговор оставляет впечатление скорее приземленного (даже низменного). Все это может совмещаться в женском РпД, тогда как в мужском РпД такое совмещение скорее всего было бы невозможно⁶.

⁶ Ср. часто отмечаемую в гендерологических исследованиях черту коммуникативного кооперативного (гармонического) поведения женщин, связанную с традиционной ролью женщины в обществе (женщина-мать, воспитательница, хозяйка): восприимчивость, открытость к тому, что делается вокруг, легкая способность переключаться с одной темы на другую, есте-

...Купила. Желтый? Я помню. Я у Веры точно такой же видела. Только у нее за 40 рублей. Нет, за 40, Нина. Я клянусь тебе. Там молния пошире и дно из чистой кожи. Из чистой, Нина, я сама смотрела. Нет, я проверила. Она говорит, их и в продаже-то не было. Ей дядя подарил. У него в универсаме товарищ по университету. <...> Не знаю, Нина, я спрошу. А тебе какое нужно? Демисезонное? А какой фасон хочешь? Спереди? Сзади? До нет? А пуговицы где? Что-что? Подошел? Попрощаться хочет? Чтобы все по его было? Ну, вот кто он после этого, Нин? Человек или животное? Плачет, да? Правда? Конечно, жалко. Сколько вы с ним прожили? 12? 13? Тем более. У вас свадьба где была, Нин? В ресторане? С его стороны? С твоей? Правда? А кто подарил? Правда? За сколько, Нин? И чек был? Правда? На всю жизнь память. Что-что? Поцеловал? В щеку? Не отходит? Даже не знаю, что тебе посоветовать, Нин. К двери пошел? Думаешь, ничего уже нельзя сделать? Горе-то какое, господи! С ума можно сойти! Представляю себе. Да, в душе у тебя. Да, представляю себе. Представляю себе. Стоит, на тебя смотрит? А где вот он найдет такую, как ты, подумал он? Что уж порхать-то, не 30 лет, лысый наполовину. А ты скажи ему, Нин... Ушел уже? А плачет кто? Ты? Поплачь, Нин, тебе легче станет. Места себе не находишь? Я представляю. Представляю себе, что у тебя сейчас. Да. А с другой стороны, Нин, что теперь сделаешь? Да. Не ты первая, не ты последняя, Нин. Да, вот именно, доля наша такая. Нин, если вернется, простишь? Никогда? Это ты сейчас так говоришь. <...> Я понимаю, Нин, у каждого свое. И как же ты теперь? Сама не знаешь? Может, он еще недалеко ушел? Догони, спроси: что ж ты так со мной по-варварски? Да, вот именно. Вот именно. Вот именно. На улице? Градусов 15–16. А ты в чем? А на ногах? Тебе не идет так, Нин. Нет, вызывающе как-то. Нужно серое что-нибудь. Нет, Нин, послушай меня. Только серое. Так можно, да. С шарфиком. Ну, беги, ну, счастливо тебе. Я позвоню вечером. Хорошо, беги, ни о чем не думай. Не забуду, демисезонное. Спереди. До нет. Ну, беги, целую тебя. Спасибо. Обязательно. Я же сказала: главное, чтобы у тебя все было хорошо. Да. Семья в первую очередь. Вот именно. Вот именно. Вот именно. Ну, беги. Что, полетишь? Ну, лети. Ну, счастливо, ну, лети. И я тебя. И я тебе. И я у тебя. Нин, если догонишь, привет ему от меня передавай.

ственное выполнение роли матери и хозяйки даже при занятии чем-то другим. Мужчинам, напротив, свойственно скорее нежелание переключаться на бытовые («низкие», хозяйственные) темы, особенно в тех случаях, когда они ведут разговор на темы более важные и интересные, с их точки зрения [Земская, Китайгородская, Розанова 1993: 134].

В разговоре много прямых и косвенных комплиментов (*А где вот он найдет такую, как ты, подумал он?*), слов осуждения для мужа (*Чтобы все по его было? Ну, вот кто он после этого, Нин? Человек или животное?*) и выражения ужаса (*Горе-то какое, господи! С ума можно сойти!*), советов (*Поплачь; А ты скажи ему, Нин*), сентенций (*Доля наша такая; У каждого свое; Семья в первую очередь*), пожеланий (*Главное, чтобы у тебя все было хорошо*). Очень много стереотипов со значением поддержки, понимания, одобрения. Их частое и точное повторение тоже создает комический эффект: *Вот именно; Представляю себе*. Интересны реплики: *Даже не знаю, что тебе посоветовать, Нин* и *Тебе не идет так, Нин*, не представляющие собой стереотипные формулы, но скорее всего свидетельствующие об искренности говорящих. Несколько иную роль играют повторяющиеся чаще всех реплики *Правда?* — их значение состоит, конечно, не в выражении сомнения, а в организации большей эмоциональной связи, демонстрации заинтересованности, участия и поощрения к продолжению разговора. Кроме того, вопрос *Правда?* эксплицирует потребность спрашивающего в информации, а значит, зависимую позицию, что создает дополнительную близость и в то же время делает данную форму несколько менее уместной в разговоре мужчин.

Комический эффект создается также тем, что мы слышим только одну из сторон, но без труда можем восстановить абсолютное большинство реплик собеседницы в силу того, что и инициальные, и ответные реплики стереотипны — их стереотипность проистекает из жанра РпД-Ж (*И я тебя, и я тебе, и я у тебя*). Конечно, чаще всего мы «слышим» реплики отсутствующей собеседницы потому, что их точно повторяют — это точное воспроизведение (что тоже создает комический эффект) выполняет функцию выражения согласия и солидарности.

Велика смысловая нагрузка финальной фразы: *Нин, если догонишь, привет ему от меня передавай*. С мужской точки зрения такая реплика была бы неприемлема: она свидетельствовала бы о равнодушии или даже предательстве. Но в РпД-Ж эта реплика не является инородным элементом. Нам думается, что это отражение такого важного отличия РпД-Ж, как его близость к жанру *светской беседы* или, по крайней мере, непротиворечия ему.

Мы, конечно, не хотим сказать, что все русские женщины ориентированы на жанр *светской беседы*, но, по-видимому, нормы, ценности и идеалы *светской беседы* больше соответствуют женским коммуникативным ценностям. Русскому человеку легче представить себе свет-

скую женщину, чем светского мужчину. Недаром К. Ф. Седов даже считает обязательным условием *светской беседы* «⟨...⟩ присутствие в качестве адресата интеллигентной, гуманитарно образованной (светской) женщины» [Седов 2002: 288].

Согласно системе ценностей, лежащей в основе представлений о РпД-М, психологический выигрыш говорящего состоит в чувстве душевного родства с собеседником, в ощущении себя социально полноценной личностью, а также в том, что собеседники совместно участвуют в рождении некоего сокровенного знания.

Согласно системе ценностей, лежащей в основе представлений о РпД-Ж, психологический выигрыш говорящей также состоит в чувстве душевного родства с собеседницей, в ощущении себя социально полноценной. Здесь, как и в РпД-М, нет требований к гладкой форме речи, однако социальная полноценность проявляется только в ощущении себя достойной поддержки и сочувствия, но не в способности участвовать в рождении сокровенного знания.

Разумеется, из того, что женщины реже обсуждают цель жизни, не следует, что они не осознают этой цели или что она менее высока, чем у мужчин. Прекрасные примеры жертвенности, любви и бескорыстного служения, а также лучшие женские образы русской литературы не оставляют никаких сомнений в том, что представление о цели жизни у русских женщин очень высокое. По-видимому, главное отличие состоит в том, что идея самореализации у женщин не имеет прямого отношения к коммуникации, передаче информации, тогда как у мужчин — имеет. В самых лучших, самых задушевных разговорах женщин предлагается бескорыстная помощь, т. е. лучшее в этих разговорах находится ЗА пределами разговоров, тогда как у мужчин — ВНУТРИ. Мнение А. Вежбицкой о том, что русская *правда* более коммуникативна, чем англ. *truth*, справедливо только для мужской *правды*, как и мужской цели жизни: ее нужно искать и нужно обсуждать, поскольку она формируется в обсуждении, «открытии душ».

Как уже было отчасти показано в данном параграфе, русский *разговор по душам* в некоторых отношениях тесно связан с другим русским жанром, во многом антонимичным — *светской беседой*. Переходя к рассмотрению *светской беседы*, отметим, что перечисленные особенности РпД отчасти будут востребованы при исследовании светской беседы, отчасти — дополнены новыми свойствами, выявленными через сравнение этих жанров.

5.2.2. Светская беседа

Праздноречевые жанры представляют собой ядро поля фатими. Наиболее формализованной разновидностью праздноречевого общения является *светская беседа* (далее — СБ), или, согласно И. А. Стернину, «взаимно приятный, ни к чему формально не обязывающий разговор на общие темы, основная цель которого — провести время с собеседником, оставаясь с ним в вербальном контакте» [Стернин 1996: 3]. Приняв за рабочее определение СБ И. А. Стернина, условимся также, что прототипом СБ можно считать беседы в салоне Анны Павловны Шерер, изображенные Л. Толстым.

Хотя в современной России нет собственно «света» (дворянства), оппозиция «светский ~ несветский» в современном русском языке небессодержательна. Это видно хотя бы из того, что в современной русской речи выражения *светская беседа* (а также *светский тон*, *светские манеры*, *светская хроника*) не представляют собой аномалии, хотя иногда используются в ироническом значении; ср. *светская тусовка*.

Оппозиция «светский ~ несветский» во многом пересекается с такими оппозициями, как «личностное общение ~ социальное общение» и «обработанное общение ~ необработанное общение». (Показательны в этом отношении «эквиваленты» СБ в диалектной речи.)

И СБ, и *small talk* в целом структурируют два участка общего пространства НК, являясь очень значимыми для понимания данного пространства, однако они еще недостаточно рассмотрены в лингвистике. СБ как косвенный РЖ изучена гораздо меньше, чем, например, *флирт* или *ирония* — жанры планируемой непрямой коммуникации (см. главу III), механизм антифразиса в которых более очевиден (некоторыми исследователями *флирт* и *ирония* даже отождествляются с косвенными речевыми актами — см., например: [Варзонин 1994; Зверева 1995]).

Начнем с установления **жанровых доминант** СБ в прошлом и современности. Первая группа доминант объединяет СБ с фатимой в целом. У них общая коммуникативная цель — приятное совместное времяпрепровождение, стремление развлечь, доставить удовольствие партнеру и себе. Вторая группа свойств — те, что объединяют СБ с речевым этикетом. Сюда относятся социально регламентированные предписания относительно репертуара тем светской беседы, табу-тем и табу-действий, отношение к собеседнику скорее как к носителю социальной роли и социального статуса. Третья группа — черты, при-

сущие собственно СБ. Относим сюда соревновательное и концертное начала, а также полилогический характер СБ, обуславливающие частичную публичность СБ и частичную официальность.

В силу фатического характера СБ возникает специальная необходимость обсуждать темы, не опирающиеся на актуальную деятельность общающихся. Достаточно строгие требования СБ к тематике и форме речи распространяются и на степень эксплицитности: существуют как явно запретные темы, так и темы, на которые можно говорить только иносказательно. При кажущейся важности тем, которые могут обсуждаться как будто бы очень заинтересованно и профессионально, раскрытие темы, ее обсуждение все же никогда не бывают основной целью СБ. Доказать это утверждение достаточно просто: участники СБ н и к о г д а не собираются ради одного этого⁷. Темы СБ выполняют служебную функцию — это ф о р м а СБ. Маркером их истинной интерпретации, того, что они должны быть восприняты как реплики СБ, а не, скажем, научной дискуссии, является внутренняя форма коммуникативной ситуации в целом (а не отдельных реплик, как правило совпадающая и даже иногда эстетически превосходящая форму соответствующих аргументов, тезисов и прочих риторических фигур зоны информативной речи). В то же время нельзя сказать, что содержание разговоров совсем не имеет значения.

Доминанты СБ не сводятся к тематическому структурированию. Вспомним сцену в салоне Анны Павловны Шерер: главным «нарушителем СБ» был Пьер Безухов. А в чем заключалось «нарушение»?

Анна Павловна, все поглядывавшая на страшного для нее молодого человека, заметила, что он что-то слишком горячо и громко говорит с аббатом, и поспешила на помощь к опасному месту. Действительно, Пьеру удалось завязать с аббатом разговор о политическом равновесии, и аббат, видимо заинтересованный простодушною горячностью молодого человека, развивал перед ним свою

⁷ Ср. диалог И. Б. Левонтиной «разговор ~ беседа»: если естественно выражение *разговор о...*, то вызывает сомнение правомерность *беседа о...*; если *приятный разговор* значит 'разговор о чем-то приятном', то *приятная беседа* — 'легкая, непринужденная беседа'. Естественными определениями разговора являются *принципиальный, бессмысленный, праздный*; беседы — *дружеская, светская, официальная, частная* [Левонтина 1994: 71–72]. Аналогично из невозможности **светски обсудили...* (только как ирония); **мне нужно с тобой светски поговорить* и подоб. следует, что СБ — безусловно, фатический жанр, или разновидность беседы (в этом смысле, по И. Б. Левонтиной, невозможно выражение *светский разговор*, что вызывает сомнение).

любимую идею. Оба слишком оживленно и естественно слушали и говорили, и это-то не понравилось Анне Павловне.

Дело, таким образом, не в выборе неправильных тем разговора (Анна Павловна и не слышала их, когда поспешила «к опасному месту»), а в их невербальной обработке (хотя, прощаясь с Пьером, Анна Павловна шуточно упрекнула его все же за неподобающий тематический ряд, а не за плохие манеры — такой упрек был бы чрезвычайно обиден для «светского человека»: *Надеюсь увидеть вас еще, но надеюсь тоже, что вы **перемените свои мнения**, мой милый мсье Пьер*).

Следует отметить, что в XIX–XX вв. вышло довольно много лингвистических и этнолингвистических работ (прежде всего риторико-дидактического характера), непосредственно посвященных СБ [Абрамов 1902; Волконский 1912; Гольдин 1986, 1987; Драздаускене 1970; Кошанский 1836; Левонтина 1994: 71–72; Милехина 2001; Михальская 1996: 328–336; Рыгнникова 1996; Соловьева 1965; Стернин 1996; Формановская 1989: 20–21; Kaplan, Manners 1972: 58]. В большинстве этих работ основное внимание уделяется именно тематической стороне СБ. В этом отношении нам представляется более предпочтительной точка зрения М. М. Бахтина: «⟨...⟩ жанрами нужно хорошо владеть, чтобы свободно пользоваться ими. Многие люди, великолепно владеющие языком, часто чувствуют себя совершенно беспомощными в некоторых сферах общения именно потому, что не владеют практически жанровыми формами данных сфер. Часто человек, великолепно владеющий речью в различных сферах культурного общения, умеющий прочитать доклад, вести научный спор, великолепно выступающий по общественным вопросам, молчит или очень неуклюже выступает в светской беседе. Дело здесь не в бедности словаря и не в стиле, отвлеченно взятом; все дело в неумении владеть репертуаром жанров светской беседы, в отсутствии достаточного запаса тех представлений о целом высказывании, которые помогают быстро и непринужденно отливать свою речь в определенные композиционно-стилистические формы, в неумении вовремя взять слово, правильно начать и правильно кончить (в этих жанрах композиция очень несложная)» [Бахтин 1996: 183]. Таким образом, отличие определения СБ Бахтиным от традиционного заключается в перенесении акцента с темы разговора (т. е. предмета речи) на «тему речевого жанра».

Факторами, обуславливающими непрямой характер СБ, являются также подготовленность и воспроизводимость композиционных блоков, содержательная и/или формально-содержательная изошрен-

ность, эстетические качества речи, поощрение словотворчества, языковой игры. В качестве композиционных блоков СБ обычно выступают такие жанры, как *афоризм, сентенция, занимательный рассказ, притча, тост, анекдот, шутка, ирония, языковая игра*.

Одной из доминант СБ является соревновательное начало, характерное для СБ, проводимой настоящими «профессионалами» жанра. Мастерство в СБ не предполагает никакой иной цели, кроме стремления к превосходству в социально престижном общении, в остроумии, изощренности речи, осведомленности и т. п. Соревновательное начало роднит СБ с древнейшими жанрами игрового коммуникативного поведения, присущими, по-видимому, каждой национальной культуре.

Находим эту соревновательность в приводимых здесь примерах СБ из «Войны и мира» и «Идиота»; ср. характеристику «дамы приятной во всех отношениях» в «Мертвых душах»:

Это название она приобрела законным образом, ибо, точно, ничего не пожалела, чтобы сделаться любезною в последней степени, хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась ух какая юркая прыть женского характера! и хотя подчас в каждом приятном слове ее торчала ух какая булавка! а уж не приведи бог, что кипело в сердце против той, которая бы пролезла как-нибудь и чем-нибудь в первые. Но все это было облечено самой тонкою светскостью, которая только бывает в губернском городе. Всякое движение производила она со вкусом, даже любила стихи, даже иногда мечтательно умела держать голову, — и все согласились, что она, точно, дама приятная во всех отношениях.

В СБ, собственно говоря, может найтись место самым злым сплетням, самой беспощадной иронии — и все это совершенно естественно (в силу непрямого характера фатической речи) совмещается со строгими требованиями этикетизации речи (демонстрации доброжелательности, уважения к собеседнику). Недопустимы только открытая агрессия, несоциализированные эмоции, прямые сигналы дисгармонического речевого поведения (громкая речь Пьера показалась «страшной» Анне Павловне Шерер именно по этой причине). Одной из доминант общения социальной элиты является требование пресекать агрессию в ее прямых формальных проявлениях.

Соревновательное начало не делает СБ некооперативным общением и не препятствует общей цели поддержания доброжелательных отношений. Эти два свойства диалектически сочетаются в природе

СБ, обуславливая целостность СБ как особое концертное начало. Его суть в том, что действия отдельных участников правильны постольку, поскольку ими правильно строится общий разговор (подобно коллективному исполнению одного произведения с допустимыми при этом импровизациями, вариациями, не нарушающими целого, а украшающими его). СБ отличается от обычного диалога установкой на создание совершенного целого, которое важнее вклада каждого партнера в отдельности (ср. положение В. Е. Гольдина о делении игр на соревновательные и несоревновательные, естественные и искусственные [Гольдин 2001]). С этой точки зрения светская беседа может служить примером переходного типа. С одной стороны, СБ как игра относится к играм несоревновательного типа: успех одной стороны желателен для успеха целого коммуникации, а значит, и для другой стороны. Как игра несоревновательная СБ должна быть отнесена к естественному типу игр. С другой стороны, СБ, несомненно, присуще соревновательное начало, которое, однако, не препятствует общей цели поддержания доброжелательных отношений. Поэтому мы и обозначаем игровое начало СБ как концертное.

Как бы ни были строги жанровые ограничения, они никогда не определяют речь до конца, всегда остается нечто, не заданное заранее, которое можно понимать как творческое начало. В СБ творческое начало эстетизируется, превращаясь в изящный экспромт. Ср. манеру светского поведения Евгения Онегина:

*...Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока
Хранить молчанье в важном споре
И возбуждать улыбку дам
Огнем нежданных эпитграмм.*

Отдельные реплики, составляющие СБ, представляют собой мини-монологи, адресованные всем участникам СБ. Каждая реплика должна быть «правильно и вовремя начата и правильно и вовремя закончена» [Бахтин 1996: 183]. Для оппозиции «светский ~ несветский» особенно важным является фактор адресата. В СБ адресат воспринимается скорее как массовый. Соответственно, меняются (по сравнению, например, с жанром *дружеской беседы*) и характер отдельных реплик, и связь между ними. Каждая реплика СБ должна быть адресо-

вана всем участникам полилога, а не одному избранному собеседнику (что было бы невежливо по отношению к остальным). Ориентированность на массового адресата объединяет СБ со сценической речью. В то же время в СБ недопустимы и собственно монологи, т. е. явный и полный захват лидерства одним из участников. Иными словами, ошибочна в СБ трансформация СБ (полилога) как в сторону диалога, так и в сторону монолога.

Рассмотрим запись разговора за праздничным столом [ЖР 1995: 142–148]. Это не вполне СБ, т. е. полилог, состоящий из мини-монологов, но и не вполне *дружеская беседа*: перед нами гибридный жанр, содержащий элементы разных речевых жанров. Следует отметить, что никто из собеседников, включая хозяев (в отличие от салона Анны Павловны Шерер), не стремится к тому, чтобы «исправить» разговор, ориентировать его на СБ.

Н. М. *Ира/чо-то так шампанского захотелось //*

И. В. *Ну/давай. Саша/давай слово //*

А. В. *А чо/давай/так/ну что/товарищи/я поскольку здесь/хозяин/как говорится/да/поэтому тамадой я не могу быть/и поэтому мое дело было что? Приготовить/чтоб все было/чтоб гости собрались/и поэтому я говорю/давайте/выпьём по поводу/и начинаем //*

Данная реплика А. В. — РЖ *тост*, который, безусловно, принадлежит к сфере СБ.

Г. Т. *Начинаем //*

А. В. *И остальные/уже/пожалуйста/эт самое/вести будем /хм-м/углубим*

А. В. *А после того как/эт самое/примем/углубим/пить будем так/кто что желает /*

Г. Т. *И посоветуемся /*

А. В. *И посоветуемся тоже может быть/да //*

И. В. *Так/значит/открытие состоялось //*

И ирония (ироническое воспроизведение речевых и публицистических ошибок М. С. Горбачева: *углубим, посоветуемся*), и тост совершенно уместны в СБ.

А. В. *Шампанское сладкое //*

И. В. *А чо это оно какое-то мутное?*

О. М. *Запотело!*

И. В. *Я думаю/что это оно некачественное // оно в морозилке было/да //*

Н. Н. *Седня в честь твоего дня рождения погода наладилась*

И. В. *Да/не говори // я думаю/(как хорошо) //*

Г. Т. *И между прочим всегда бывает жарко //*

И. В. *Я тоже думала /ну/ думаю /вообще-то всегда бывает жарко/и думаю/ну ладно /в конце концов когда-то пусть и по-другому. Смотрю-у/ опять жарко //*

Л. Б. *Ты вспомни /когда ты рождалась / тоже жарко было?*

Г. Т. *Ведь это же недавно было /ты должна все помнить //*

И. В. *Да /конечно // (НРЗБ)*

Это РЖ шутки, причем шутки полилогической, коллективной.

Комплимент хозяйке (прямой) вызывает в ответ *оправдание*, что уже нехарактерно для СБ:

О. Ж. *Как Гришу подстригли!*

И. В. *Гришу /страшно подстригли!*

О. М. *Красиво его подстригли /очень красиво // (ГРИШЕ — СЫНУ ХОЗЯЕВ) у тебя очень красивая прическа //*

О. Ж. *Вот я помню /у нас в детстве так вот /стригли //*

И. В. *Саша и говорит /как только его подстригли /стал на меня похож)/*

Заго следующий непосредственно после прямого комплимента с отводом *косвенный комплимент* хозяйкой принимается:

Н. М. *Ира /я как чувствовал /вчера говорю /хочу наесться я реди-ски/и вот пожалуйста /она /миска вот тут как тут //*

И. В. *Ну /налетай /нажимай // слушай /а вот этих вот /кравов /ты попробовал?*

Н. М. *Нет /я не умею такими темпами продвигаться /как все остальные //*

Следующая реплика О. Ж. — *размышление* по поводу положения Библии — скорее нехарактерна для СБ:

О. Ж. *Мне тут дали сборник рецензировать /я // читаю я который день подряд иррациональное в нашей жизни // и вот одна из статей посвящена Библии // анализу Библии // и вот я поняла /что /насколько все-таки несоответствие того /что заведено Библией /тому /чт.*

е. в нашей жизни // когда / Адам и Ева согрешили / то там было сказано / что Адаму / нужно будет после этого / в трудах добывать хлеб свой //

В. Г. В поте лица своего //

О. Ж. В поте лица своего //

В. Г. Вот мы и потеем / добываем /

О. Ж. Да / вот вы и добываете // а мне кажется почему-то / что у нас жены наказаны дважды / они и хлеб в поте лица добывают и еще рождают //

А. В. Так они же у нас / это / коммунистические жены-то //

О. Ж. Я хочу / чтобы в мире был установлен порядок / чтобы жены были наказаны / если уж наказаны / то только один раз //
(НРЗБ)

Для СБ не вполне характерна ориентированность не на развлечение коллективного адресата и адресованность не всем присутствующим (такое высказывание может быть адресовано только сочувствующим единомышленникам и только женщинам). Отметим, что О. Ж. (несмотря на попытки некоторых участников перевести разговор в шутовую полилогическую тональность) настойчиво продолжает развивать свою тему. Данный монолог, впрочем, не звучит диссонансом в целом разговора и вежливо поддерживается косвенными комплиментами В. Г. и А. В.

Тот факт, что СБ — разновидность полилога, обуславливает ряд структурно-языковых особенностей СБ. Как в любом полилоге, в СБ нужно прилагать больше усилий к захвату инициативы, здесь нет того практически автоматического переключения «говорящий — слушающий», какое характерно для естественных диалогов. Перенос инициативы осуществляется по линии наибольшей тематической ценности новой реплики или имитации такой ценности (в ситуации фатического общения главное все же не информация, а сам факт общения), что, естественно, вызывает наибольшие теоретические и практические затруднения. Для определения тематической ценности реплики в дискурсе необходима прежде всего идентификация данного типа общения как жанра СБ (а не как научной дискуссии или другого информативного полилога, тематическая ценность реплик в которых более или менее ясна). Все это порождает особые требования к форме композиционных блоков СБ, в частности инициальных реплик (в терминологии динамической структуры РЖ — векторов-ускорений), при этом к форме относим не только ортологическую четкость, но и темп речи, ритм, интонацию, а также эстетический фактор. Таким образом,

одно из жанровых требований к форме векторов-ускорений СБ заключается в том, чтобы это было некое цельнооформленное единство, не содержащее пауз.

Проиллюстрируем данное положение примером из «Войны и мира»:

– Ah! Aujourd’hui on m’a raconté une anecdote moscovite, charmante: il faut que je vous en régale. Vous m’excusez, vicomte, il faut que je raconte en russe. Autrement on ne sentira pas le sel de l’histoire. (*Ах, сегодня мне рассказали прелестный московский анекдот; надо вас им попотчевать. Извините, виконт, я буду рассказывать по-русски; иначе пропадет вся соль анекдота*).

И князь Ипполит начал говорить по-русски таким выговором, каким говорят французы, пробывшие с год в России. Все приостановились: **так оживленно, настоятельно требовал князь Ипполит внимания к своей истории.**

Рассмотрим инициальные реплики в разговоре трех подруг, выполняющие роль механизма переключения «говорящий — слушающий». Каждая такая реплика двухчленна. Она начинается с фатического сигнала солидаризации с собеседником (что обычно выражается в повторении части реплики собеседника). Следующая часть, вводящая новую тему, произносится в типичной для СБ форме, т. е. как цельнооформленное единство:

(1) *она единственный специалист в своем городе/(ПАУЗА) но пишет/что «здесь мне работа/не приносит такого удовлетворения/как в Москве;*

(2) *А. Она с языком поехала? Н. Учила // Учила // А. Ага // Н. Учила // Т. е. у них так особых-то проблем нету //;*

(3) *Андрюша добивался отъезда очень много лет/он вообще русский // (ПАУЗА) Добился //;*

(4) *М. Методично/без эмоций // Н. Да/он говорил «я/о... они меня выпустят»/(СМЕХ В ГОЛОСЕ) говорил он [Китайгородская, Розанова 1995: 71–75].*

Последующие реплики монологов Н. этим качеством не обладают. (Ср. с этой точки зрения векторы-ускорения в предыдущем примере.)

Как мы уже говорили, отсутствие непосредственности в собственном смысле слова, обработанность делают СБ вторичным речевым жанром по отношению к «phatic communion» Б. Малиновского. С «непосредственной» фатикой СБ объединяет неинфор-

мативность (или малоинформативность), с дистантными вторичными жанрами — внимание к форме речи.

СБ как вторичный речевой жанр генетически восходит к таким разновидностям *small talk*, как *болтовня/сплетничанье*, но, видимо, не к *разговору по душам (исповеди, проповеди)*. (См. в предыдущем параграфе о вторичных РЖ, развившихся на базе последнего.)

Чрезвычайно показательна история СБ как русского речевого жанра, делающая СБ поистине уникальным явлением в мировой культуре: СБ была заимствована, но на русской почве стала самостоятельным жанром, занявшим свое место среди других жанров русской речи и определившим один из двух коммуникативных идеалов русской культуры. (Интересно, что *светская беседа* — заимствованный жанр — отсутствует в таком виде в западных речевых культурах. Выражение *светская беседа* невозможно адекватно перевести на английский и многие другие языки; по-английски можно сказать *high society*, теоретически можно сказать *high society talk*, но такое выражение никак не является распространенным и не фиксируется словарями.)

Как уже было сказано, для современной русской языковой картины мира является типологически важным противопоставление ориентаций на две разные системы коммуникативных ценностей. Двойственность представления о коммуникативном идеале в современной русской коммуникативно-языковой картине мира, частично соответствующая делению нации на «власть» и «народ» (подробнее см.: [Дементьев 2004с]), отражается в лексикологии, фразеологии, используемых видах и жанрах фатического и информативного общения в их взаимодействии.

Различия **жанров РпД и СБ** очевидны. Прежде всего, жанр РпД принципиально противостоит понятию «власти» и вообще социального неравенства, тогда как жанр СБ был заимствован из западной культуры как одно из средств противопоставить власть черни. Еще одно очевидное различие состоит в том, что в «свете» не принято высказывать свои идеи и взгляды. Нарушение этого негласного требования приводит к конфликтам, которые широко отображены в русской литературе, начиная с «Горя от ума» А. С. Грибоедова.

Жанр СБ чужд основным ценностям русской народной культуры. Отрицательная оценка светского общения высказывалась еще русскими философами, писателями, публицистами XIX в. — как разновидности общения не только бессодержательного и фальшивого, но и

чужеродного для России. Отмечалось, что нормы СБ (шире — стоящая за жанром система коммуникативных норм, ценностей и приоритетов, «жанровая картина мира») противоречат общим нормам и ценностям русской речевой культуры [Стернин 2003]. Обращает на себя внимание несовместимость с СБ ключевых слов русской культуры *душа* и *правда* (а также *судьба* и *совесть*): маловероятно их использование участниками СБ, и практически исключены коммуникативные факторы (жанры, внутрижанровые стратегии и тактики, категории фатического и информативного общения), называемые посредством этих слов.

Сравнивая СБ и РпД, следует отметить еще одну важную особенность.

Распространенной является точка зрения, согласно которой РпД — теплое, доброжелательное, искреннее общение близких людей, которые любят друг друга, а СБ — общение чужих (малознакомых) людей, которые равнодушно и холодно относятся друг к другу. Однако участники СБ вовсе не плохо относятся друг к другу: в ходе СБ осуществляется социализация (как в любой разновидности фатического общения) и устанавливается близость, хотя, с точки зрения человека, ориентированного на РпД в сфере фатического общения, эта близость будет ненастоящей.

В РпД хорошее отношение к собеседнику проявляется в искреннем участии к нему, готовности выслушать его и поделиться с ним своими наиболее существенными переживаниями. В основе этой близости лежит уважение к собеседнику как мыслящей, чувствующей индивидуальности.

В СБ хорошее отношение к собеседнику проявляется в стремлении доставить ему удовольствие, развлечь приятным разговором. Уважение к собеседнику здесь понимается как уважение к его социальному статусу, респектабельности, влиятельности, воспитанности. СБ является риторическим жанром, и владению им нужно учиться.

Итак, особенности современной системы жанров русской фатической речи, представления о коммуникативных нормах и образцах восходят к эпохе, когда складывались нормы поведения представителей власти. Начиная со времен Петра I, активно идет формирование образа представителя власти, который ведет себя не как все, говорит по-французски — на языке, не понятном простолюдинам, — и и н а ч е о б щ а е т с я ф а т и ч е с к и. Именно в это время на существу-

ющее представление о коммуникативных образцах, опирающееся на традиции народной культуры, накладываются нормы заимствованного жанра светской беседы (*small talk*). Думается, что заимствование именно этого жанра не случайно, поскольку стоящие за ним нормы и ценности идеально соответствовали требованиям, предъявляемым к использованию социально символического общения такого рода: коммуникативный идеал СБ — уважение к собеседнику, признание его высокого социального статуса, праздничность (неповседневность), изощренность (естественно, первоначально СБ велась только по-французски).

По свидетельству русского историка В. О. Ключевского, собственно «свет» в России появляется как отдаленный продукт реформ Петра I не ранее 2-й половины XVIII в., в эпоху Екатерины II. Проявлениями «великосветской общительности» были салоны, званые вечера, обеды и ужины, утренние приемы на квартирах у дам в неглиже, балы, обязательный ритуал визитов и ответных визитов [Ключевский 1989: 152]. Это время отмечено появлением и утверждением новой русской аристократии, сменившей боярство. Коррелятами данного процесса становления нового российского дворянства были возникновение — впервые в истории России — относительно автономной сферы частной жизни, формирование личной морали с такими небывалыми прежде этическими категориями, как личная честь и достоинство (в это время принимается дуэльный кодекс), приличия, вкус и здравый смысл [Там же].

Лексикографические источники разного времени, начиная с XIX в., отражают историческое развитие семантики слов *свет* и *светский* в русском языке. Так, в словаре В. И. Даля «светский» имеет значение ‘ко свету, к миру относящийся, земной, мирской, суетный’, будучи противопоставлен «духовному, нравственному, божескому». «Светский человек», в понимании В. И. Даля, — ‘посетитель общества, сборищ, увеселений; ловкий приемами, сведущий в гостиных обычаях’; В. И. Даль приводит также характерные для его эпохи выражения «светские утехи — шумные, чувственные», «чада света сего — дети суеты, соблазна».

Ю. М. Лотман в книге «Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства» постоянно подчеркивает тесную связь русской светскости XVIII–XIX вв. с традициями французской культуры (утонченность, куртуазность, сам язык светских бесед, светские развлечения). В дореволюционной России светская жизнь (светское

общение) была нормой для дворянина, «формой социальной организации (...)» и в этом смысле получала ценность общественного дела. Характерен ответ Екатерины Второй на вопрос Фонвизина: «Отчего у нас не стыдно не делать ничего?» — «... в обществе жить не есть не делать ничего»» [Лотман 1994: 91].

Одним из главных проявлений светскости в дворянской среде XVIII–XIX вв. было владение нормами светского общения. Создавались условия для развития *светской беседы*, т. е. те типические ситуации, в которых была возможность ее появления, например на балу во время мазурки.

Однако нормы светского общения и светский этикет в целом были чужды российскому духу, не приемлющему нормативности и ограниченности. Это стало причиной поиска новых форм как вербального, так и невербального поведения.

Одной из таких форм был английский дендизм, ставший в начале XIX в. своего рода протестом против светских приличий, воспринимавшихся как фальшь и пошлость: «Он (дендизм) был ориентирован на экстравагантность поведения, оскорбляющего светское общество, и на романтический культ индивидуализма» [Там же: 124]. Противопоставляя бунтарство, цинизм, оригинальность светской изнеженности и пошлости, дендизм, однако, не выходил за рамки «светских приличий»; часто он выглядел как светскость, вывернутая наизнанку («наглость, прикрытая издевательской вежливостью»). Поэтому английский дендизм еще менее прижился на российской почве, чем французская светскость.

Настоящим антагонистом светского общества в XIX в. в России стало, по мнению Ю. М. Лотмана, общество декабристов, которое оказало сильное воздействие на целое поколение русских людей отчасти потому, что их идеи и ценности соответствовали русскому духу и русской ментальности. Кроме известной пропаганды своих политических идей, заслуга декабристов состояла также в том, что они культивировали такие несветские ценности общения, как серьезность, искренность, прямота, свобода самовыражения, душевный пыл: «Подчеркнутая несветскость и “бестактность” речевого поведения определилась в близких к декабристам кругах как “спартанское” или “римское” поведение. Оно противопоставлялось отрицательно оцениваемому “французскому”. Темы, которые в светской беседе были запретными или вводились эвфемистически, (...) становились предметом прямого обсуждения» [Там же: 335]. В этом отношении

довольно трудно согласиться с И. А. Иванчук, считающей «светом» XIX в. пушкинский круг и разновидностью светской беседы — дружеское общение членов общества «Арзамас», «Зеленая лампа» и т. д. [Иванчук 2005: 206].

В результате рассмотренной жанровой интерференции в гармоническом фатическом общении одних и тех же людей вполне естественно чередуются элементы РпД и СБ, при этом собеседники легко переходят не только от жанра к жанру (это естественнейший коммуникативный процесс, по М. М. Бахтину), но и, по сути, от одной системы ценностей к другой.

В XIX в. могли сознательно использовать сочетание двух стилей. Например, у представителей высшего света было своеобразным шиком так подобрать гостей для по-настоящему изысканной компании, чтобы смешивались черты светского и дружеского общения:

Степан Аркадьич любил пообедать, но еще более любил дать обед, небольшой, но утонченный и по еде, и питью, и по выбору гостей. Программа нынешнего обеда ему очень понравилась: будут окуни живые, спаржа и *la pièce de résistance* ('главное блюдо') — чудесный, но простой ростбиф и сообразные вина: это из еды и питья. А из гостей будут Кити и Левин, и, чтобы незаметно это было, будет еще кузина и Щербацкий молодой, и *la pièce de résistance* из гостей — Кознышев Сергей и Алексей Александрович. Сергей Иванович — москвич и философ, Алексей Александрович — петербуржец и практик; да позовет еще известного чудака энтузиаста Песцова, либерала, говоруна, музыканта, историка и милейшего пятидесятилетнего юношу, который будет соус или гарнир к Кознышеву и Каренину. Он будет раззадоривать и стравливать их (Л. Н. Толстой. «Анна Каренина»).

Интересно, что авторы названных выше исследований по СБ относят к наиболее характерным ошибкам в СБ жанровую подмену, и прежде всего подмену светской беседы дружеской беседой. При этом к ошибкам относят «отклонения» как в сторону фамильярности и грубости, так и в сторону излишней дружелюбности, интимности, доверительности (ср.: [Милехина 2001]). В целом жанровая подмена понимается как неразличение вторичного (опосредованного, обработанного) жанра (СБ) и первичного (непосредственного) жанра (ДБ). Безусловно, необходимо различать СБ и ДБ как вторичный и первичный РЖ, но нельзя забывать, что СБ как вторичный жанр восходит не к ДБ, а к беседе на общие темы, таким разновидностям *small talk*, как *болтовня / сплетничанье*.

Нам думается, что ошибки подмены часто закономерны и кроются в нескольких основных причинах. Дело в том, что для большинства россиян именно ДБ является точкой отсчета, по отношению к которой определяются свойства СБ. Характерно, что Т. А. Милехина, выступая (конечно, во многом справедливо) против подмены светской беседы дружеской беседой, также имеет ДБ точкой отсчета: «Хорошо освоенное нами, естественное для современных носителей русского языка дружеское общение здесь не может быть реализовано. (...) Наше языковое сознание (...) четко увязывает неофициальность с иными языковыми кодами, допускающими широкое распространение языковой игры, просторечные, жаргонные, книжные инкрустации, аллюзивные вкрапления историко-литературного плана» [Там же: 140–141].

Сказанное объясняет очень значительную личностную обусловленность жанра СБ, которая сохраняется до наших дней.

Языковые личности в целом делятся на тех, кто в зоне фатического общения тяготеет к жанру *дружеской беседы*, и тех, кто склоняется к *болтовне/сплетне* (см.: [Седов 1998: 19]). Вспомним склонность Адуева-младшего (И. Гончаров. «Обыкновенная история») к «искренним излияниям» (т. е. ДБ) и презрительное отношение к такому времяпрепровождению Адуева-старшего. Дядя и племянник тяготеют к жанровым формам, соответствующим двум разным разновидностям *small talk*. Их различия проявляются на разных уровнях, например мимики:

Александр побледнел и поник головой. Эти звуки, как нарочно, внятно рассказывали ему прошедшее, всю жизнь его, горькую и обманутую.

— Посмотри, какая мина у этого! — сказал кто-то, указывая на Александра, — я не понимаю, как можно так обнаружиться: я Паганини слышал, да у меня и бровь не шевельнулась.

Таким образом, Адуева-старшего можно считать «СБ-ориентированной» языковой личностью, а Адуева-младшего — «ДБ-ориентированной»).

Вспомним первое впечатление князя Мышкина (Ф. Достоевский. «Идиот») от круга Белоконской:

(...) в первый раз в своей жизни он видел уголок того, что называется страшным именем «света»... Это первое впечатление его было даже очаровательное. Как-то тотчас и вдруг ему показалось,

что все эти люди как будто так и родились, чтоб быть вместе; что у Епанчиных нет никакого «вечера» в этот вечер и никаких званых гостей, что все это самые «свои люди» и что он сам как будто давно уже был их преданным другом и единомышленником и воротился к ним теперь после недавней разлуки. Обаяние изящных манер, простоты и кажущегося чистосердечия было почти волшебное...

На чем, собственно, основывалось такое впечатление? В первую очередь, конечно, на речи:

⟨...⟩ князь N ⟨...⟩ знал очень хорошо, что в этот вечер должен непременно что-нибудь рассказать, для очарования общества, и готовился к этому даже с некоторым вдохновением. Князь Лев Николаевич, выслушав потом этот рассказ, сознавал, что не слышал никогда ничего подобного такому блестящему юмору и такой удивительной веселости и наивности, почти трогательной в устах такого Дон-Жуана, как князь N. А между тем, если б он только ведал, как этот самый рассказ стар, изношен; как заучен наизусть и как уже истрепался и надоел во всех гостиных, и только у невинных Епанчиных являлся опять за новость, за внезапное, искреннее и блестящее воспоминание блестящего и прекрасного человека!

Как видим, князь Мышкин воспринимает СБ как дружескую беседу. Именно потому он оказывается коммуникативно несостоятелен.

Названное противопоставление двух коммуникативных стилей давно привлекало к себе внимание исследователей, писателей и «практиков общения». Оно осмыслялось по-разному, например как противопоставление русской провинции с ее традиционной народной культурой и столицы (в XIX в. это был, естественно, Петербург), живущей по совершенно другим законам и правилам, в том числе правилам общения. Всем этим правилам провинциал должен был учиться, как новым для себя:

Тяжелы первые впечатления провинциала в Петербурге. ⟨...⟩ Он думает: вот откроются ему широкие объятия, не будут знать, как принять его, где посадить, как угостить; станут искусно выведывать, какое его любимое блюдо, как ему станет совестно от этих ласк, как он, под конец, бросит все церемонии, расцелует хозяина и хозяйку, станет говорить им *ты*, как будто двадцать лет знакомы; все подопьют наливочки, может быть, запоят хором песню... Куда! на него едва глядят, морщатся, извиняются занятиями; если есть дело, так назначают такой час, когда не обедают и не ужинают... Хозяин пятится от объятий, смотрит на гостя как-то странно. В соседней комнате звенят ложками, стаканами: тут-то бы и пригласить, а его искусными

намеками стараются выпроводить... Все назаперти, везде колокольчики: не мизерно ли это? да какие-то холодные, нелюдимые лица... (И. А. Гончаров. Обыкновенная история).

В XIX в. названное противопоставление стилей осмыслялось не только как противопоставление провинции и столицы, но и как противопоставление «московского» и «петербургского» стилей. Так понимается смешение коммуникативных стилей в рассмотренном выше примере из «Анны Карениной». Феномен Петербурга, точнее феномен двух столиц, вообще очень важен для понимания власти в России XIX в.

Петербург — аккуратный человек, совершенный немец, на все глядит с расчетом и прежде, нежели задумает дать вечеринку, посмотрит в карман; Москва — русский дворянин, и если уж веселится, то веселится до упаду и не заботится о том, что уже хватает больше того, сколько находится в кармане; она не любит середины. Москва всегда едет, завернувшись в медвежью шубу и большую часть на обед; Петербург в байковом сюртуке, заложив обе руки в карман, летит во всю прыть на биржу или в «должность». Москва гуляет до четырех часов ночи и на другой день не подымается с постели раньше второго часа; Петербург тоже гуляет до четырех часов, но на другой день, как ни в чем не бывало, в девять часов спешит в своем байковом сюртуке в присутствии. (...) Петербург любит подтрунить над Москвою, над ее неловкостью и безвкусицей; Москва кольнет Петербург тем, что он не умеет говорить по-русски... (Н. В. Гоголь. «Петербургские записки 1836 года»).

Среди жанров общения западноевропейской культуры⁸ СБ занимает более естественное место. Там РпД и СБ не противопоставлены друг другу так непримиримо, и нельзя говорить о разных системах ценностей, стоящих за ними. Как известно, в западных культурах нет такого выраженного противопоставления ни официальной и неофициальной сфер общения, ни СБ и *small talk*.

При сравнении русской культуры с западными культурами часто используется оппозиция «цивилизованность ~ соборность». Думается, применительно к нашему материалу ее можно понимать как оппозицию фатических ценностей «светскость ~ соборность».

Цивилизация, по мнению Ж. Старобинского, сменяет варварство, проявляясь в обходительности, мягкости и гладкости общения между

⁸ До проведения специального исследования жанров общения в разных культурах используем недифференцированное понятие западной культуры»

людьми, соблюдении законов и правил порядка ради поддержания общественного спокойствия, когда частный интерес якобы приносится в жертву общественному [Старобинский 2002: 110–176]. Оказалось, однако, что цивилизация объединяет людей лишь внешне, разобщая внутренне, а ценой, которую приходится платить за вежливость, учтивость, светскость и т. п., оказывается лицемерие и фальшь [Там же: 125]. В англо-американском языковом сознании светскость связана с концептом *privacy*, предполагающим невмешательство в частную жизнь собеседника, соблюдение личного пространства [Прохвачева 2000]: светскость предписывает обсуждение общих тем, не касающихся непосредственно личностей говорящих.

Соборность присуща восточному типу мышления с его идеализмом и коллективизмом [Гачев 1993]. При общении, определяющим принципом которого является соборность, происходит объединение как на внешнем, так и на глубинном уровне, тогда как светскость — лишь внешнее объединение, демонстрация согласованности и гармонии в общении.

Жанровым проявлением соборности можно считать *разговор по душам* в русской коммуникативной культуре, светскости — англо-американский *small talk* и русскую *светскую беседу*.

Small talk в понимании англичанина или американца — это умение говорить «о мелочах», т. е. вещах, не имеющих практической значимости, и это понимается как признак цивилизованности, воспитанности. «Свет», «общество» (*the Society*) — наиболее подходящее место для того, чтобы говорить о мелочах, хотя понятие света в таких случаях редуцируется до совместного публичного времяпрепровождения, не связанного с работой (от дружеской вечеринки до встречи в лифте).

Для русских *светская беседа* — это тот же разговор о мелочах, однако здесь в большей степени имплицитно подразумевается понятие цивилизованности (возможно, потому что привнесено извне), поэтому *светская беседа* — это еще и разговор о чем-то необычном, неповседневном, утонченном, то, что выделяется на общем фоне нецивилизованности (по этому параметру можно противопоставить *светскую беседу* и *болтовню*). В западных культурах такого противопоставления нет, по крайней мере, оно не имеет такого выраженного характера, и нет противопоставления *small talk* и болтовни, это в принципе может быть одно и то же. Если русские будут в светской беседе говорить скорее всего о том, что, как им кажется, может представлять интерес, то ан-

гличане могут остановиться на любой теме (за исключением ряда запретных) [Фенина 2005].

В целом для адекватного осмысления жанров *small talk* и *светская беседа* (некоторые двуязычные словари определяют их как эквивалентные понятия, что представляется в целом совершенно неверным) необходимо учитывать, что эти жанры принадлежат речевым культурам с разными оценочными системами, разными системами коммуникативных ценностей, разными коммуникативными идеалами.

Так, английское выражение *small talk* имеет два значения: «великосветский» аристократический, салонный *small talk*, отображенный в английской классической литературе, и современный *small talk*, обозначающий любое малоинформативное высказывание в неофициальной доброжелательной обстановке с целью контактоустановления или заполнения паузы. Немаркированным в современном английском языке является второе значение: нынешний *small talk* утратил отношение ко всякой элитарности, привилегированности.

Ближайшее соответствие в русском языке *светская беседа* / *светский разговор* обнаруживает прямо противоположную тенденцию: в русском языке однозначно (и это несмотря на то, что почти сто лет нет собственно «света», т. е. дворянства!) остается первичным, немаркированным такое значение *светской беседы*, которое соотносится именно с некой элитарностью, привилегированностью или хотя бы просто неповседневностью, занимательностью, тем, что «интересно». Чтобы понять, что *светская беседа* может означать просто любое малоинформативное высказывание (т. е. совпадать с тем, что называется словом *болтовня*), пожалуй, требуется некоторое дополнительное мыслительное усилие.

При сравнении русской и англо-американской культур обращают на себя внимание гораздо более широкое распространение и универсальность *small talk* в англо-американской культуре, высокая формализация, разработанность его норм, а также обязательность его использования, по степени жесткости требований сближающая *small talk* с речевым этикетом.

Проведенное В. В. Фениной экспериментальное исследование [2005] показало отношение к светскому общению и *small talk* современных носителей русского и английского языков.

Около 200 информантам — преподавателям и студентам саратовских и волгоградских вузов, — была предложена анкета, содержащая вопросы: *Какого человека можно назвать светским? Какой долж-*

на/не должна быть настоящая светская беседа? Какие из перечисленных тем наиболее подходят для светских бесед? Кому необходимо владеть светской беседой? В какой ситуации более всего уместна светская беседа? и т. д.

Результаты анкетирования показали, что в представлении современных носителей русского языка светский человек — это тот, кто всегда ведет себя согласно правилам этикета, воспитанный, с хорошими манерами (76%), образованный, интеллигентный, эрудированный (56%). К таким людям большинство опрошенных отнесли режиссера Никиту Михалкова (52%), Президента РФ Владимира Путина (34%), магистра игры «Что? Где? Когда?» Александра Друзя (33%), телеведущего Владимира Познера (32%). Светская беседа должна быть прежде всего интересной — 64% (причем информанты, отмечавшие «интересная», как правило, отмечали также «непринужденная» и «красивая») — и не должна быть агрессивной, пошлой и пустой. Во время светской беседы говорят о литературе, театре, кино (80%), о новостях из общественной жизни (57%) и, как правило, не говорят о погоде, спорте, религии, семье, работе. Светской беседой необходимо владеть дипломату (51%), журналисту (47%), артисту (47%), политике (38%), бизнесмену (33%), реже назывались ученые (19%) и крайне редко — военные (3%). Светская беседа чаще всего может происходить в перерывах на конференциях, презентациях, банкетах (73%), реже — на вечеринках (40%) и в начале деловых переговоров (37%).

Позже было проведено анкетирование около 50 американских преподавателей и студентов (Лэрэми, штат Вайоминг, The University of Wyoming). Были предложены сходные вопросы (естественно, полного сходства не могло быть, поскольку, как уже говорилось, англо-американский *small talk* и русская *светская беседа* суть разные жанры): *Which words would you immediately associate with small talk? Why do we need to use small talk? Which would be the most appropriate topics during small talk? What kind of person should be able to use small talk? How would you define a small-talker?* и т. д.

Ответы лишь отчасти совпали с данными первого эксперимента: в сознании носителей английского языка *small talk* есть доброжелательное (86,1%), повседневное (64,5%), неоткровенное (51,1%) и поверхностное (51,1%) общение, имеющее целью создание доброжелательной психологической атмосферы (69%) и заполнение пауз (52%). Наиболее распространенными темами *small talk* являются спорт (82%) и погода (78,4%), а также проведение выходных (68,4%). Подавляющее боль-

шинство опрошенных американцев (78,7%) считают, что данным речевым жанром должен владеть каждый человек (*everyone*) независимо от профессии и социального статуса (в том числе *businessman/woman, show-biz celebrity, politician, diplomat, scientist, PR, military person*).

Таким образом, светская беседа для русских есть общение повседневное и изысканное, и владеть ею должен прежде всего человек культурный, известный, успешный, представитель элиты, «изысканных» профессий. *Small talk* для американцев — общение повседневное, и им должен владеть каждый носитель английского языка (подробнее см.: [Дементьев, Фенина 2005]).

Многими исследователями отмечалось, что русское коммуникативное пространство структурировано оппозитивно, в отличие, например, от англо-американского и мн. проч. западных. Это проявляется в жесткой противопоставленности в русской коммуникации тех типов и жанров общения, которые в других речевых культурах не противопоставлены вовсе либо противопоставлены в гораздо меньшей степени, — ср. жесткое противопоставление в русской коммуникации официального и неофициального типов общения, институционального и неинституционального типов дискурса.

В то же время гармоническое фатическое общение в русской речевой культуре имеет более личностный характер, чем в западной.

Истоки коммуникативной оппозитивности можно искать в традициях русской народной культуры, прежде всего, в ее особой личности, проявляющейся, с одной стороны, в ласковости и сердечности речи на диалекте, экспликации межличностной теплоты и приязни (ср. внутреннюю форму традиционных обращений к чужим людям *желанный, бажанный, матушка, милый, родимец* и под.) [Гольдин 1997b: 17–18], а с другой стороны, в грубости и даже агрессивности в тех ситуациях, которые скорее всего не вызвали бы агрессии в общении не на диалекте. Пример таких допустимых на диалекте грубых форм (правда, отношение к ним иное, чем в литературном языке) приводит В. И. Жельвис: «Заботливая крестьянка сказала автору: “Тут вода на лавке пролита, не замочи ж..у-то!”», проявив внимание к гостю и уж никак не желая его оскорбить. В речи же крестьян о животных — это и вовсе единственно возможное слово» [1997b: 140]. Характерно, что в общении на диалекте не различаются речевые ситуации *спора* и *ссоры* [Гольдин 1997b: 18]; ср.: *Поругались старушки. И ведь вот дурная деревенская привычка: двое поругаются, а всю родню с обеих сторон сюда же пришьют. Никак не могут без этого! Всех помянут и всех*

враз сделают плохими — и живых, и покойных всех. (В. М. Шукшин). Для многих русских в тягость правила СБ, являются естественными подмены СБ в сторону или дружеского общения, или конфликтного общения. С одной стороны, СБ может восприниматься как общение, отличающееся от дружеского общения тем, что это общение с чужим, а следовательно, психологически некомфортное, отсюда конфликтность, присущая дисгармоническим жанрам. С другой стороны, СБ может восприниматься как общение в ежливое, отсюда ласковость, интимность, присущие дружескому общению. Подобные подмены отмечались еще в XIX в.

Коммуникативная оппозитивность является частью общей оппозитивности русской культуры. Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский [1994] усматривают ее историко-культурные истоки в том, что в православии отсутствует понятие чистилища, очень важное для западной, католической культуры, и что в связи с этим жизнь на земле тоже представляется или как грешная, или как святая, без промежуточной зоны. На Западе промежуточная зона, связанная с понятием чистилища, стала после Реформации структурным резервом, на основании которого даже в протестантских странах могло развиваться представление о нейтральной жизни на земле, в то время как русская культура продолжала развиваться на основании поляризованных, черно-белых моделей. Соглашаясь с точкой зрения ученых, А. Вежбицкая считает, что основные русские культурные ценности (идеологические, политические, религиозные) располагаются в двухполюсном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны. Отражением в языке этого явления становятся такие (часто употребляемые) экстремальные слова, как *подлец*, *негодяй* или *мерзавец*, *сволочь* (у которых нет эквивалентов в английском языке), и, с другой стороны, такие выражения, как *прекрасный человек*, *благородный (благороднейший) человек*, *чистая душа* и т. п. [2002].

В русской культуре вследствие дуальной ценностной ориентации новое мыслилось не в категориях преемственности, эволюции, а как революционная ломка, «эсхатологическая смена всего» [Лотман, Успенский 1994: 341]. Так, на разных этапах развития русской культуры возникали культурно значимые противопоставления типа «христианство ~ язычество», «христианство ~ мусульманский мир (татары, жители Кавказа, Средней Азии)», «православие ~ католицизм», «правильная вера ~ ложная вера», «европейское просвещение ~ патриархальный обскурантизм и азиатчина», «Россия ~ Запад», «знание ~

невежество», «социальный верх ~ социальный низ». В то же время переориентация ценностей, ломка старых отношений сопровождаются внедрением некоторых старых моделей в новое мировоззрение в их зеркальном отображении (когда, например, такие языческие, по сути, праздники и ритуалы, как гадание на Святки, признаются христианской традицией). Таким образом, всякая новая система ценностей не просто противостоит старой как сменяющий ее этап — она уже в самой себе содержит дуальность как органическую часть.

Ю. М. Лотман и Б.А. Успенский считают, что европеизация России в период Петровских реформ только отчасти шла по собственно западным образцам, «новая» культура XVIII в. во многом строилась по моделям старой культуры, в которой западные ценности просто занимали место старых языческих. Ценность, названная позднее «светскость», стала противостоять исконным православным ценностям. «Двоеверие сохранялось, но в обращенной форме: публичная, официальная жизнь, “модная этика”, светское бытовое поведение быстро напитывались оживающими дохристианскими или восточными чертами (языческими с православной точки зрения). Православие же сохранялось в “закрытой”, потаенной стороне жизни — от вериг под батистовыми рубашками деятелей Петровской эпохи до покаяний и ночных молитв после маскарадов и балов у Потемкина» [Лотман, Успенский 1994: 362–366].

Переоценка ценностей происходила в период христианизации Руси, в период Петровских реформ, после социалистической революции и происходит в настоящее время. В период христианизации формируется система, где положительным считается все христианское, православное, а отрицательным — языческое; Петровские реформы на первый план в качестве положительной ценности выдвигают все западное, связанное со светскостью, а старые патриархальные понятия, ценности, ритуалы отрицаются как азиатчина. С одной стороны (официальная точка зрения), светскость противопоставляется нормам традиционной народной культуры как престижное непrestижному, истинное — ложному, с другой стороны (неофициальная точка зрения), наоборот, светскость противопоставляется православным добродетелям как отрицательное, ложное, «бесовство» положительно, истинному.

В советский период светскость меняет положительный знак на отрицательный, а в качестве положительного выступает все советское. Следует подчеркнуть, что официальная точка зрения в Советском Союзе

в 60–70-е г. была резко противопоставлена неофициальной. С неофициальной точки зрения, наоборот, все советское подвергалось отрицанию, презрению, и ему противопоставлялись — в разных слоях общества — как традиционные православные ценности, так и светскость.

Наконец, в настоящее время и официально, и неофициально отрицается все советское, которому отчасти противопоставляется светское уже как нечто положительное, престижное и значимое. В то же время существует противоположная оценочная ориентация, отрицающая светское и противопоставляющая ему духовное, нравственное как положительное (часть российского общества рубежа веков выдвигает в качестве этого истинного, положительного... советское!).

Сейчас можно наблюдать достаточно неустойчивое состояние российского коммуникативного пространства, когда побудительные причины для расслоения общества, в том числе коммуникативного, действуют значительно сильнее, чем на протяжении всей второй половины XX в.; в современном российском коммуникативном пространстве демократизация поведения и общения является значительно меньшей ценностью, чем в западных; в каком-то смысле демонстрация высокого социального статуса, элитарности стала модой⁹. Это сопровождается стремлением подчеркивать эту элитарность посредством внешней атрибутики, к которой, естественно, относится и речь. Но носителями русской культуры осознается фальшь этих внешних проявлений светскости:

26.10.97. Игорь Голимбиовский пригласил меня на презентацию своей газеты в «Мариотт Грандъ-Отель» на Тверской. Я поехал, потому что очень хотел понять, что же это за штука такая, презентация. Слышал много, но ни разу не был. Оказалось, что это обычная «халява», которую одни богатые люди устраивают для других небедных людей, чтобы завтра поменяться местами. Знакомых очень много. Общение чисто светское: улыбнулся, бросил несколько фраз и отплыл к другой группке. Именно так я общался с Голимбиовским, Зосурским, Гайдаром-старшим, Вознесенским, Радзинским,

⁹ Говоря о светском общении части населения, претендующей на звание элиты, мы имеем в виду только элиту в наиболее традиционном, «буржуазном» понимании и не рассматриваем правила и кодексы различных замкнутых групп (начиная от фанатов эстрадных звезд и кончая представителями религиозных сект). Как нам представляется, удельный вес этих групп в современном обществе невелик. Впрочем, данный вопрос действительно требует специального исследования.

*Жванецким, Ноткиным, Мостовицковым, Целмсом, Долгополовым и др. Там же были Березовский и Жириновский, с которыми я не общался, поскольку незнаком. (...) Я дрейфовал по залу, запивая ветчину апельсиновым соком, и думал о том, что вот собрались неглупые, в большинстве своем талантливые люди и занимаются **сущей бессмыслицей: напоминают друг другу о своем существовании с неким дальним (а может быть, и ближним) прицелом. Презентация — это деревянный троянский конь, внутри которого спрятаны коварные интриги и робкие надежды, а человеческое общение — это живой скакун, внутри которого кровь, пот, сперма, г...** (Я. Голованов. «Заметки вашего современника»).*

Поскольку культурная память современных русских людей хранит представление о светскости прошлых столетий, сейчас часто отмечается несостоятельность претензий современной элиты, пытающейся соответствовать «классическим» образцам светского поведения, более того, неестественность для русских людей такого поведения и фактически бесперспективность попыток что-либо улучшить в этой области. «Светскость» принимает подчас совершенно уродливые формы:

*В Гостином дворе в пятый раз прошел благотворительный бал, организованный фондом «Балы-ассамблеи третьего тысячелетия». Стараниями организаторов легендарные артисты получили пожизненные премии, и это действительно было большое дело. Но, к сожалению, прошедшее гулянье даже с натяжкой нельзя было назвать балом. **«Именины тети Хаси», «кремлевская елка» — все, что угодно, только не ассамблея.** Давно пора бросить гиблые затеи с балами и найти более адекватную форму досуга типа **«выпить, закутить, с нужными людьми повертеться».** (...) Бал, а уж тем паче ассамблея, предполагает сословную однородность, **хозяйва же нынешнего подбирали гостей по принципу винегрета.** (...) Были среди них и вполне приятные персонажи, только более уместные в богемном кабачке, нежели в дворянском собрании. **А были и никому не известные граждане, которых в петровские времена не то что на бал — на вечеринку извозчиков в трактире не пустили бы. Не прибавил аристократичности и развеселившийся ворыг Валдис Пельш.** Когда начался показ шуб от Елены Ярмак, он заорал на оркестр: **«Молчать!» — и понес современнойшнюю ахиною,** пугая ласточки с конферансом (в этот момент на глазах организатора — одной из сестер Люкшиновых — показались слезы). (...) Но что бы там ни было, это не уменьшило значимости события (...) («Известия», октябрь, 2004 г.).*

Таким образом, за все годы, прошедшие после революции, типологическое место светского типа поведения, типа воспитания, типа общения, наконец, светского человека в русской культуре осталось почти неизменным — достаточно четко определенным и узнаваемым; с лингвистической точки зрения лексемы *свет/светский* сохранили практически то же содержание, что и в русском языке дореволюционного периода. Т. е., конечно, место **светского в советском** обществе стало меньше, а в раннесоветский период «светских» людей просто уничтожали. Но уже в позднесоветское время светский тип общения вновь становится распространенным в среде городской интеллигенции — он богато отображен в литературе и фильмах тех лет, например прозе Юрия Трифонова, Даниила Гранина. Использовалось в это время и слово *светский* — иногда с иронией, иногда без — применительно к современной действительности, но практически в прежнем значении, например:

Она вошла, худенькая фигурка очерчена солнцем, взгляд немигающий, ядовитый.

*— Ты прожигашь жизнь! Поздравляю! Ты возвращаешься в **светском обществе!** Поздравляю! Твой новый костюм пахнет отвратительными духами. На нем был женский волос — отвратительный, золотистого цвета. Покрашенный, конечно (Ю. Бондарев. «Тишина»).*

*А другое украшение конгресса — президент общества, представитель, уполномоченный, главный редактор, координатор и прочая, — **человек светский**, тертый, умеющий себя подать, всегда находчиво-острый, тут вдруг оробел и все допытывался у одной из наших молоденьких сотрудниц — удобно ли представить его Зубру (Д. Гранин «Зубр»).*

*Артеменко шел между Майей и Таней, поддерживая **светский разговор**, и вспоминал свою встречу с Юрием Петровичем (Н. Леонов. «Еще не вечер»).*

Остались прежними основные содержательные доминанты лексемы *светский* — коммуникативные (речежанровые) и некоммуникативные: с одной стороны, высокий социальный статус, элитарность, аристократизм, с другой — некоторая фальшь, пустота, а также эгоизм и порочность.

Статистический анализ газетных публикаций последних лет подтвердил: в современной русской речи слово *светский* являет-

ся чрезвычайно распространенным. Система «Integrum» (о системе «Integrum» см. в § 5.2.1) выдала в общей сложности **339 572** контекстов для «*светский*» (1992–2009).

Эти контексты делятся на две отчетливо противопоставленные группы: **традиционные**, по-видимому автоматически связываемые с классической литературой: *беседа; вечер; дама; круг; лев; лоск; львица; манеры; общение; общество; прием; разговор; раут; салон; сплетни; человек; этикет* и др., и в большей степени **новые**, современные: *тусовка, тусовщик, тусовщица, звезда, дива, треп, болтовня, презентация, вечеринка* и др., например:

Дорогой Даша вела светскую беседу с бойфрендом, неожиданно для Насти войдя в образ такой-то гранд-дамы и светской львицы. Как нейтрализовать подругу. Дочки-матери/приложение к АиФ; 01.08.2003.

В светской тусовке вовсю судачат о том, что Сергей и Ирина Безруковы готовятся стать родителями. Никита Джигурда не стал героем, а Жанна Фриске выступает, несмотря на боль. Комсомольская правда; 02.10.2008.

Конечно, сам факт расширения сочетаемостных возможностей *светский* уже свидетельствует о некоторых изменениях значения данного слова, однако, по нашему мнению, эти изменения еще не были по-настоящему принципиальными: например, новое *светская тусовка* в целом близко к традиционным *светское общество* или *светский вечер*, а *светский тусовщик* — к *светский денди/хлыщ*.

Как нам представляется, первые существенные изменения как в общекультурном, так и в лингвистическом содержании *света/светского* произошли на протяжении последних десяти лет — они были более серьезными, чем в 1917 г. Мы имеем в виду **появление в это время у лексемы свет/светский частичного синонима — заимствованной лексемы гламур/гламурный**. Близость данного термина-понятия к *свету* очевидна (хотя, естественно, было бы очень большим преувеличением говорить, что это одно и то же) — как, впрочем, и тот — отчасти легкий, отчасти драматический — путь вхождения данного явления в русскую культуру, взаимодействие с системами существующих образцов, норм, ценностей, о котором мы говорили выше.

Концепты *свет* и *гламур* сближает также то, что, утвердившись в системных отношениях русской культуры и языка, оба заимствован-

ных концепта становятся уникальными явлениями **русской** культуры, не имеющими точных соответствий ни в одном из европейских языков. Конечно, на формирование концепта *гламур* очень существенно повлияло то, что к моменту его формирования уже существовал концепт *светский*.

Система «Integrum» подтвердила, что современная речь переживает настоящую экспансию этого нового концепта: система выдала в общей сложности **91 585** контекстов для *гламур/гламурный* (1992–2009).

Содержание данного концепта еще только формируется и во многом остается неопределенным. *Гламур/гламурный* обнаруживает очень значительную **противоречивость**: это и утонченность ~ и дурновкусие; и элитарность ~ и неразборчивость; и острота эксперимента, эпатаж ~ и приторная, «розовая» слащавость; и пестрота ~ и однообразие; требованиям «гламурности» трудно соответствовать ~ и гламур означает упрощенность и «уплощенность» мыслей, чувств, отношений...

Анализ большого числа контекстов выявляет значительное содержательное сходство «старого» концепта *светский* и «нового» *гламур(ный)*. В современной русской культуре данные концепты и ассоциированные с ними системы ценностных ориентаций во многом близки: в частности, и то и другое может быть противопоставлено истинной культуре как нечто суетное и пусто-холодно-фальшиво-порочное, упомянутый ценностный компонент обоих концептов может быть определен как общее эгоистичное и бездуховное отношение к жизни и людям.

Светский и *гламурный* максимально сближены в целом ряде контекстов, например:

Ксения отправится по светским вечеринкам, фитнес-центрам, выставкам и концертам — местам, где можно встретить претендента на руку и сердце. Фоменко разводится, а Ксению Стриж выдают замуж. Комсомольская правда; 14.02.2008.

Пользуясь журналистскими связями, доставала ей приглашения на гламурные вечеринки, где подруга заводила новые знакомства. Как я охотилась на миллионеров. Комсомольская правда; 20.12.2008.

Ею оказалась популярная телеведущая и завсегдатай светских тусовок Ксения Собчак. Ксению Собчак забрали в милицию. Комсомольская правда; 31.05.2006.

Первой к выходу направилась Собчак, за ней потянулись все остальные представители гламурной тусовки. Одержимость Эмина. Профиль; 21.07.2008.

Естественно, семантика *гламурного* близка к *светскому* в тех контекстах, когда значение данного слова **объясняется через светский**; нередко они встречаются в составе сложных определений: *гламурно-светский*, в качестве однородных определений: *гламурная светская дама*; показательны выражения «*гламур светской жизни*» и подоб.:

С непривычки легко почувствовать себя белой вороной и на какой-нибудь московской «гламурной» (светской — от англ. «glamour») вечеринке. Легко ли прибавить шушеру? Аргументы и факты/Москва; 27.12.2000.

Гламурный разговор сосредоточен в безопасной для телевидения зоне, поэтому в таких программах нет политической или социальной остроты. Основной тип высказывания — светский треп, иногда остроумный и яркий, чаще предсказуемый. Вера Зверева. Позывные гламура. Искусство кино; 15.11.2006.

Потом, когда открывается новое заведение, особенно гламурное, нафосное, там тут же образовывается публика, называющая себя светской тусовкой. Владимир Вдовиченков: Сделаешь глупость — запомнят только ее. Собеседник; 15.03.2006.

Ведь этот путь усеян не розами и гламуром светской жизни, а зачастую отказом от многого: от радостей семейной жизни, общения с друзьями и близкими, реальных удовольствий и т. д. Войны низкой интенсивности. Независимая газета — НГ Ex Libris; 15.11.2007.

Конечно, в списке сплошь девушки гламурные, светские и тусовочные. Комсомольская правда; 17.03.2005.

В то же время во многих своих значениях данные концепты расходятся. Выявить различия нам поможет более детальный анализ сопоставимых и несопоставимых контекстов, в которых встречаются *свет* и *гламур* в современной прессе.

Выделяются три группы: 1) в количественном отношении сопоставимые контексты; 2) контексты, в которых заметно больше доля *светский*; 3) контексты, в которых заметно больше доля *гламурный*.

Итак, в целом сопоставимые числа:

	Кол-во контекстов для <i>светский</i>	Кол-во контекстов для <i>гламурный</i>
<i>артист</i>	15	19
<i>богема</i>	34	23
<i>вечеринка</i>	5544	1066
<i>девушка</i>	712	947
<i>дива</i>	460	500
<i>жена</i>	45	35
<i>жизнь*</i>	35 473	1446
<i>заведение</i>	197	118
<i>издание*</i>	722	860
<i>личность</i>	90	61
<i>мир*</i>	958	472
<i>мода</i>	116	136
<i>модель</i>	257	351
<i>мужчина</i>	84	74
<i>па(р)ти + party</i>	41 + 33	61 + 39
<i>певец</i>	29	33
<i>платье*</i>	137	149
<i>презентация</i>	56	38
<i>тусовка</i>	10 228	1155
<i>формат</i>	46	44
<i>юноша</i>	31	57

* В этих контекстах *светский* используется одновременно и в другом значении — ‘нерелигиозный’, т. е. сами по себе количественные данные малопоказательны.

Явно несопоставимые: контексты, где подавляющее преимущество за *светский*:

	Кол-во контекстов для <i>светский</i>	Кол-во контекстов для <i>гламурный</i>
<i>беседа</i>	5152	11
<i>болтовня</i>	423	8
<i>бомонд</i>	322	23

	Кол-во контекстов для светский	Кол-во контекстов для гламурный
<i>вечер</i>	828	44
<i>воспитание*</i>	413	0
<i>высший</i>	15 202	11
<i>дама</i>	4910	474
<i>диалог</i>	64	5
<i>компания</i>	125	75
<i>комплимент</i>	14	1
<i>костюм*</i>	284	69
<i>красавица</i>	1034	344
<i>круг</i>	1482	61
<i>лев</i>	4320	5
<i>леди</i>	347	83
<i>львица</i>	18 763	41
<i>манеры</i>	1147	37
<i>мероприятие</i>	15 262	350
<i>муж</i>	19	0
<i>новости</i>	4147	71
<i>образование*</i>	3817	3
<i>общение</i>	860	4
<i>общество</i>	6917	94
<i>обязанности*</i>	286	0
<i>отношения</i>	148	10
<i>политик</i>	649	72
<i>поэт</i>	40	5
<i>праздник</i>	1944	32
<i>привычка</i>	92	8
<i>прием</i>	3371	30
<i>развлечение</i>	1275	39
<i>разговор</i>	1225	13
<i>раут</i>	11 170	8
<i>салон</i>	1527	46
<i>сплетни</i>	1504	30
<i>суэта</i>	278	4

	Кол-во контекстов для светский	Кол-во контекстов для гламурный
<i>тон</i>	213	36
<i>улыбка</i>	127	12
<i>флирт</i>	65	1
<i>хлыщ</i>	85	1
<i>хроника</i>	25 917	21
<i>ценность*</i>	336	36
<i>человек</i>	5490	254
<i>чернь</i>	202	0
<i>элита</i>	670	53
<i>этикет</i>	546	0

Где подавляющее (или просто заметное) преимущество за *гламурный*:

	Кол-во контекстов для светский	Кол-во контекстов для гламурный
<i>белье</i>	0	26
<i>журнал*</i>	585	3113
<i>блондинка</i>	32	350
<i>бренд</i>	0	109
<i>девица</i>	40	229
<i>девчонка</i>	1	57
<i>звезда и суперзвезда</i>	142 + 0	243 + 8
<i>знаменитость</i>	146	721
<i>имидж</i>	34	194
<i>кич</i>	1	16
<i>кошечка</i>	1	16
<i>красотка</i>	83	341
<i>мальчик</i>	8	171
<i>мужик</i>	4	45
<i>подонок</i>	1	1049
<i>попса</i>	0	51
<i>прикид</i>	7	75
<i>прическа</i>	6	50

	Кол-во контекстов для <i>светский</i>	Кол-во контекстов для <i>гламурный</i>
<i>ресторан(чик)</i>	41	177
<i>роскошь</i>	32	92
<i>секс</i>	3	52
<i>сказка*</i>	11	66
<i>стерва</i>	11	127
<i>трэш</i>	0	107
<i>шик</i>	67	204
<i>шоу</i>	97	253
<i>эротика</i>	0	25

Подчеркнем: до сих пор речь шла о **заметном** превосходстве. Но если взять контексты, где разница в пользу *гламура* не такая явная (например, данные контексты являются просто менее многочисленными), то картина получится гораздо более интересная и разнообразная. Складывается впечатление, что с *гламурный* могут сочетаться чрезвычайно неожиданные вещи — едва ли не любые, например:

А олигархам нашим, по-моему, интереснее поддерживать гламурную попу... Любость Казарновская: Не стыжусь ни рук, ни ног, ни голоса. Труд; 15.07.2006.

Надо сказать, что вместо обычного лимузина и прочей гламурной фигни певица прилетела на свою презентацию на реальном самолете. Мика Ньютон купила луну. Твой курс/приложение к АиФ; 21.12.2005.

Немного гламурных соплей на закуску, или, чтобы утешить девочек, два часа двадцать минут мучавшихся почему зря. Нарнию спасет Рататуй. Страна.Ru; 16.05.2008.

В конце концов, ты считаешь себя розовым гламурным пупси-ком или настоящей женщиной? О чем молчат мужчины. «Ukraine Daily» — информационно-аналитическое издание; 01.03.2006.

Сколько раз вы видели по телику или в журнале одни и те же гламурные рожи, обалдевшие — хоть земля под ногами гори! Это не листик — это он. Урал (Екатеринбург); 15.05.2007.

Теперь любая *гламурная лахудра* может политиком стать, а вот на интеллектуала без денег журналисты даже не посмотрят. Виртуальные медиа в условиях виртуального рынка. Центр экстремальной журналистики; 14.11.2008.

Здесь нет *гламурных пацанов* и совсем мало девчонок глянцевого поведения. Страсти в кукурузе. Белорусская газета (Минск); 25.09.2006.

	Кол-во контекстов для <i>светский</i>	Кол-во контекстов для <i>гламурный</i>
<i>ангел</i>	1	8
<i>баба</i>	2	11
<i>бл...дь</i>	0	3
<i>бойфренд</i>	0	3
<i>болезнь</i>	4	21
<i>брюнетка</i>	0	8
<i>буржуазность</i>	1	4
<i>виски</i>	0	5
<i>гей</i>	5	22
<i>дитя</i>	0	2
<i>камуфляж</i>	0	5
<i>киска</i>	0	2
<i>колготки</i>	0	5
<i>кошечка</i>	1	16
<i>кумир</i>	0	9
<i>купальник</i>	0	17
<i>курва</i>	0	1
<i>кутюрье</i>	2	15
<i>мерзавец</i>	3	10
<i>мессия</i>	0	2
<i>мисс</i>	4	23
<i>нимфетка</i>	0	9
<i>ореол</i>	1	15
<i>очки</i>	1	23
<i>пацан</i>	0	5
<i>педераст</i>	0	6

	Кол-во контекстов для <i>светский</i>	Кол-во контекстов для <i>гламурный</i>
<i>петух</i>	0	1
<i>поп</i>	17	132
<i>провинциал</i>	1	4
<i>пупс + пупсик</i>	0	11
<i>рожжа</i>	1	5
<i>сопля</i>	0	2
<i>стразы</i>	0	17
<i>телка</i>	1	5
<i>тетка</i>	0	15
<i>тоска</i>	1	11
<i>трусики</i>	0	2
<i>феерия*</i>	1	3
<i>фенечки</i>	0	2
<i>фигня</i>	0	6
<i>хит</i>	1	13
<i>шлюха</i>	1	10
<i>шоколад</i>	0	3
<i>шубка</i>	0	5

Таким образом, сочетаемость у *гламур* оказывается в целом заметно больше, чем у *светский* (особенно показательны соответствия с нулевыми контекстами для последнего), в том числе с такими словами, которые как будто бы по своей основной семантике противоречат доминантам *гламура*. Показательно, что среди них много слов с «непостоянной лингвистической пропиской» в литературном языке — жаргонизмов, в том числе слов с ярко-отрицательными коннотациями (*бл...дь, курва, мерзавец, педераст, подонок, рожжа, сопля, фигня, шлюха*), неологизмов (*бойфренд, гей, кутюрье, нимфетка, стразы, трэш, фенечки, хит*), молодежных диминутивов (*киска, пупсик, телка, трусики, шубка, фенечки*). Если в целом предсказуемо в этом «*гламурном*» ряду место слов *феерия, шоколад, ореол, купальник, шик, эротика*, то сочетания *гламурного* со словами типа *тетка, баба, мужик, пацан, провинциал, камуфляж, дитя, ангел, поп, мессия* могут показаться неожиданными.

Конечно, большинство таких неожиданных сочетаний обладают мощным зарядом экспрессии. Единичная сочетаемость говорит толь-

ко о нехарактерности, полезной для экспрессии, игры, которая, пока остается экспрессией и еще не перешла в штамп¹⁰.

Возможно, *свету*, с его шлейфом холодноватого аристократизма, несколько не хватает той современной «молодежной» энергетики, мобильности, эксперимента, эпатажа, веселой разухабистости, которые и сообщают *гламуру* вкус манительной вседозволенности, отсутствия (старых) правил. На этом фоне *свет* даже может показаться... скучным! Составляющие «красота» данных концептов относятся друг к другу как, с одной стороны, 'вкус' (*светский*), с другой — 'эффектность' (*гламур*): это *красавица* (1034 контекста для *свет* при 344 — для *гламур*) и *красотка* (341 для *гламур* при 83 для *свет*). *Гламур*, вообще, как бы гораздо громче кричит о себе, не особенно заботясь о вкусе, тогда как *свету* не нужно о себе кричать; из-за этого *гламур* вообще гораздо легкомысленнее — но и наглее, и циничнее, и... неувереннее.

Конечно, наш анализ *светской беседы* требует рассмотрения прежде всего **коммуникативных контекстов**.

Относим к коммуникативным характеристикам концептов «*светский*» и «*гламурный*» следующие параметры: названия речевых / коммуникативных жанров (*разговор, беседа, болтовня, сплетни, флирт*); отдельных коммуникативных действий (улыбка); коммуникативно-знаковые системы (этикет); тональность коммуникации; отдельные (оценочные) измерения коммуникации.

Прежде всего обращает на себя внимание отчетливо **более** коммуникативный характер концепта *светский*. Несомненно, в русском языке и речи к рубежу XX–XXI вв. уже сложилась достаточно четкая система коммуникативных измерений данного концепта. Так, для концепта *светский человек*, являющегося, по-видимому, организующим центром общего поля *светский*, коммуникативная составляющая является чрезвычайно существенной; можно сказать, что *светский человек* — это тот, кто способен вести *светскую беседу*. *Светский тон* имеет значительно более коммуникативное значение, чем современный *гламурный тон*. Многие из этих сочетаний относятся к

¹⁰ Впрочем, некоторые из них уже превратились в клише, например *гламурный поддон*, который первоначально был названием программы/роли Павла «Снежка» Воли в передаче «Комеди Клуб»; ср. официальный сайт «*гламурного поддонка*» П. Воли: <http://www.pavelvolya.com/>. Система «Integrum» выдала в общей сложности 353 контекста для *гламурного поддонка* в одном контексте со словами: «*Комеди Клуб*», *Павел*, *Снежок*, *Воля*.

традиционным и устойчивым и активно использовались еще в XIX в. (*беседа; разговор; сплетни; общение; этикет; манеры; прием; вечер; раут; отношения; тон; суета; улыбка; диалог; флирт; поведение*).

	Кол-во контекстов для <i>светский</i>	Кол-во контекстов для <i>гламурный</i>
<i>беседа</i>	5152	11
<i>болтовня</i>	423	8
<i>вечер</i>	828	44
<i>вечеринка</i>	5544	1066
<i>диалог</i>	64	5
<i>комплимент</i>	14	1
<i>манеры</i>	1147	37
<i>мероприятие</i>	15 262	350
<i>общение</i>	860	4
<i>отношения</i>	148	10
<i>на(р)ти + party</i>	41 + 33	61 + 39
<i>поведение</i>	92	23
<i>презентация</i>	56	38
<i>прием</i>	3371	30
<i>развлечение</i>	1275	39
<i>разговор</i>	1225	13
<i>раут</i>	11170	8
<i>сплетни</i>	1504	30
<i>суета</i>	278	4
<i>тон</i>	213	36
<i>треп</i>	144	7
<i>тусовка</i>	10 228	1155
<i>улыбка</i>	127	12
<i>флирт</i>	65	1
<i>шоу</i>	97	253
<i>этикет</i>	546	0

Итак, *гламур* и *свет* в своем коммуникативном измерении вполне **эквивалентны** в контекстах: *вечеринка*: для *светский* — 5544, *гла-*

мурный — 1066; тусовка: для светский — 10 228, гламурный — 1155; а также (с более скромными количественными показателями): па(р)-ти, презентация. Показательно отсутствие контекстов *гламурный этикет: по-видимому, дело здесь не в отсутствии правил у гламура, а в том, что быть вежливым — это как бы не очень гламурно; прикрывать же безупречной вежливостью превосходство, агрессию, издевку — этому «молодой» гламур еще не научился.

Где с большим перевесом побеждает гламур(ный) — это контекст с шоу (253 контекста для гламурный при всего 97 для светский). Впрочем, следует отметить, что собственно коммуникативное содержание данного концепта весьма специфично.

Следует отметить, что светский разговор и гламурный разговор не совсем одно и то же: если первый, в общем, понимается приблизительно в том же значении, как было в XIX в., то второй — как бы более эстетски, для определения беседы (разговора, тона, общения в целом) как светской важнее оказывается тематика разговора, как гламурной — скорее внешние признаки (костюмы, манеры, обстановка — и, конечно, «гламурность» участников). Ср.:

А гламурные разговоры о неделимой любви к Нью-Йорку и Москве «двуграждан»: российских и балтийских американцев-англичан А. Журбина и супруги И. Гинзбург-Журбиной, П. Вайля, А. Гениса и др. Народу-то их эстетские эмоции, пардон, по барабану. Как и звездные перебивания друг друга эфирных дуэтов. Дуэты побеждают одиночек. Литературная газета; 16.07.2008.

Архитекторы любят богатых и именно к ним тянутся. В итоге старый Петербург гибнет под напором домов-эгоистов и проектов-эгоцентриков. Комфорт внутри, плевать на то, что снаружи. А гламурные разговоры о недопустимости мимикрии и стилизаций оказываются лишь красивой оберткой для того, чтобы прикрыть уничтожение городской истории. Новое хорошо разрушенное старое. Город (Санкт-Петербург); 23.04.2007.

В большинстве случаев коммуникативные характеристики гламура могут быть рассмотрены как частные составляющие или проявления более важных ценностных характеристик, достаточно часто фиксируемых в текстах прессы.

Гламур часто противопоставляется **человеческим ценностям вообще**:

...заведующий кафедрой общей социологии Государственного университета — Высшей школы экономики Никита Покровский... По его мнению, возврата к «гламурному» капитализму уже никогда не произойдет и россияне **вернутся к настоящим человеческим ценностям** — «будут учиться получать удовольствие от красоты природы, достижений детей и жизни в целом». Новая матрица. Гудок; 17.02.2009.

Автор и режиссер Елена Немченко сталкивает два полюса, **которые никогда не пересекутся**: искусственную среду у гламура и извечные человеческие ценности. О чем звонит бубен? Журналист; 16.09.2008.

Итак, оба концепта противопоставлены основным ценностям русской (традиционной) культуры, но значение *светский* в целом гораздо **более коммуникативно**. Вероятно, дело в том, что и «светские люди», и «гламурные люди» — «утонченные прожигатели жизни», но при этом *светский человек* — это изначально **аристократ**, «**представитель власти**», «**хозяин жизни**» — а они осуществляют эту власть через посредство коммуникации. *Гламурный же человек* изначально представитель буржуазного общества, буржуазии и «буржуазности», «**потребитель**». Поэтому если наиболее типичные представители *света* — *лев* и *львица* (см. количественные данные выше), то *гламура* — *звезда*, *знаменитость*; *свет* населяют *дама*, *леди*, *гламур* — *девушка* и особенно *девчонка*, *девица*, *дива*, *кошечка*... Здесь также гораздо больше места для таких «несветских» персонажей, как *мужик*, *мачо*, *нимфетка*... **Свет** — *общество*, **гламур** — *тусовка* (хотя *свет* — тоже в значительной степени *тусовка*...); **свет** — *элита*, *манеры*, **гламур** — *попса*, *кич*, *трэш*; **свет** — *отношения*, **гламур** — *шоу*, *шик*, *блеск*...

Сравнивая разные и одинаковые контексты с лексемами *гламур(ный)* и *светский* в таком огромном количестве, мы, безусловно, сильно огрубляем реальную картину, в частности *гламур(ный)* и *светский* в одинаковых контекстах нередко имеют разное значение. Кроме того, обнаруживаются различия между, казалось бы, максимально близкими *светский разговор* и *гламурный разговор*. Таким образом, информативность собственно количественного анализа, предлагаемого читателю, относительна.

Все эти соображения придают настоящему исследованию подчеркнуто начальный, предварительный характер — собственно, резуль-

таты в основном статистические, их настоящее осмысление — дело будущего.

Как уже говорилось, СБ не могла исторически сложиться на русской национальной почве еще и потому, что типологически праздно-речевая личностно нейтральная фатика (точка О на графике, представляющем типологию фатических речевых жанров — см. § 3.4.1) противоречит русской коммуникативной категории *ф а т и ч е с к а я ц е н т р о б е ж н о с т ь*, истоки которой также кроются в общей опозитивности русской культуры.

В русской фатической коммуникации основная область речеванровой системности приходится на края типологии ФРЖ, которые проработаны гораздо больше, чем середина. Общение данных типов является доминирующим, оно обычно поглощает середину; при этом к проработанным краям не относятся отрезки ОС и OD, предполагающие высокую косвенность. В русском межличностном общении типичны жанровые переходы $O \rightarrow OB$, $O \rightarrow OA$, менее типичны $O \rightarrow OD$ и $O \rightarrow OC$ и нетипичны переходы $OB \rightarrow O$, $OA \rightarrow O$, $OD \rightarrow O$, $OC \rightarrow O$. Переход от точки О к другим фатическим жанрам, как правило, полностью блокирует дальнейшее развитие жанров точки О.

Эта коммуникативно-типологическая черта принципиально отличает систему русской фатики от таких, например, как французская, англо-американская и других *ц е н т р о с т р е м и т е л ь н ы х* систем, где экстремальная фатика встречается редко и в целом нехарактерна для коммуникации; в то же время детально проработана система средств общения типа *small talk*: лексика, стиль, набор тем, коммуникативные тактики, средства организации начала, продолжения и завершения контакта такого типа, который предполагает личностно нейтральные доброжелательные отношения.

Все встречающиеся в обширном пространстве *small talk* средства других РЖ воспринимаются как в конечном счете вторичные и поглощаются общей тональностью жанров точки О, не становятся инициативными репликами (порождающими актами) других жанров. Господство тональности *small talk* и — шире — тональности центра поля ФРЖ, личностно нейтральной фатики проявляется в слабой дифференциации *small talk* и тех жанров, которые противопоставлены *small talk* очень отчетливо в русской речевой культуре (*дружеская беседа, семейная беседа, разговор по душам*).

Личностно нейтральная фатика типа *small talk* в английской коммуникации может совершенно естественно и гармонично длиться

часами, не вызывая сбоев и затруднений (см.: [Фенина 2005]), в то время как «Русский человек (...) не умеет вести светскую беседу, это для него всегда в тягость» [Стернин 2003: 282].

Итак, жанр светской беседы обнаруживает как признаки НК-1, так и признаки НК-2. Первые и вторые можно противопоставить как преимущественно бессознательные и сознательные факторы, обуславливающие те или иные черты текста. Источником НК-1 являются фатическое начало СБ и вариативность, допускающая творческое самовыражение. Источник НК-2 — соревновательность и концертность, а также невыражаемое прямо стремление передать через подчеркнута этикетную форму светского коммуникативного поведения (но эта форма отчасти прикрывается требованиями бизнеса, службы или иной необходимостью, позволяющими не эксплицировать основную цель разговоров) следующее содержание: «мы с вами принадлежим к “свету”, т. е. правящему сословию». Кроме того, СБ как НК-2 строится на ряде ограничений и запретов — тематических, структурных, лексических и др., — которые приходится постоянно иметь в виду говорящему.

Названные доминанты СБ обусловлены ее принадлежностью к «ФРЖ точки О». Некоторые факторы ее «непрямоты» становятся особенно заметны при сопоставлении с более прямыми жанрами. Так, «прямота» ФРЖ ОВ обусловлена необходимостью уменьшения неопределенности. Неопределенность, будучи совершенно уместной в *светской беседе*, *флирте* и др., должна быть ограничиваема в *дружеской беседе*, в которой необходимо эксплицировать некоторые смыслы.

Сказанное не означает, что СБ требует большего сокрытия информации, чем ДБ (хотя и это возможно). Сказанное также не означает, что в ДБ есть специальная потребность в более прямой и точной передаче информации, — экспликация смыслов в ДБ осуществляется скорее в плоскости межличностных отношений.

Итак, в результате сравнительного исследования жанров *разговор по душам* и *светская беседа* обнаруживаются, с одной стороны, их очевидные и очень значительные различия, с другой стороны, кажущаяся странной близость и тяготение друг к другу, которая, по видимому, не могут быть объяснены только тем, что «и то и другое — это коммуникативные идеалы».

Кроме того, даже начальное исследование показывает, что подобные отношения связывают многие другие русские речевые жанры (и не только жанры, но и другие речевые и даже языковые единицы, например лексику). Складывается впечатление, что мы имеем дело с некой **глобальной содержательной / оценочной шкалой**, значимой для разных уровней как языка, так и коммуникативно-речевой культуры в целом.

Следующие соображения, высказываемые нами в основном на материале русской лексики, как представляется, вполне доказывают справедливость этого предположения.

В целом адекватное объяснение множества (если не всех) жанров русской речевой культуры, а также огромного множества языковых единиц разных уровней и нежанровых речевых явлений невозможно без учета важных для русской культуры (и отсутствующих в других культурах) оценочных шкал, ценностных сценариев и ценностно организованных концептуальных полей (в частности, системы нравственно-этической оценочности).

Думается, среди них занимает важное место оппозиция, которая в общих чертах может быть охарактеризована как **противопоставление** (в восприятии мира, человеческих взаимоотношениях, коммуникации, языке) **начала в целом персонального, личностного и межличностного и начала социального, неличностного** (официального, ритуального).

Левый член оппозиции оценивается в рамках русской «межличностной» системы ценностей (это прежде всего нравственная оценка). Здесь присутствует идея огромности мира, не поддающегося рациональному упорядочению, воспринимаемого через призм сильных, неконтролируемых и иррациональных эмоций, мечты и бесконечно многообразных человеческих отношений, где единственным безусловным ориентиром является нравственный. Правый член оппозиции принадлежит внеличностной сфере жизни и взаимоотношений людей, где человек воспринимается как абстрактный носитель социальной функции. На первый план выходит идея социального института, ограничений, нечто рационально-логическое, нацеленное на статусное взаимодействие с людьми. На правый член оппозиции не распространяется нравственно-личностная оценка — и в то же время в русском речевом сознании данное явление **оценивается отрицательно** за сам факт отказа от нравственной

оценки, выбор в пользу неличностного типа отношений, т. е. с точки зрения русской картины мира как бы сознательное уклонение от естественных человеческих обязанностей и законов.

Если назвать условно коннотативный компонент, содержащийся в левом члене оппозиции, P (personal), то наличие P, [P] представляет собой норму и нейтрально с точки зрения оценки, а отсутствие P, [-P] оценивается отрицательно.

Оценочная оппозиция [P] ~ [-P] реализуется в языке и речевой коммуникации. В лексике выделяются номинации определенных явлений: людей, поступков, признаков, видов деятельности, социальных отношений (только некоторые из этих номинаций фиксируются словарями как оценочные), в семантической структуре которых четко выделяется компонент (или компоненты), обусловленный принадлежностью лексемы к оценочной оппозиции [P] ~ [-P]: маркируется включенность данного явления в оппозицию в качестве одного из членов, или же подвергается оценке эта включенность; оцениваться может также отсутствие элемента [P] либо отсутствие [-P].

Наиболее наглядно эти оценочные семы можно выделить у лексем, в содержательном отношении близких, прежде всего синонимов, которые (в идеале) различались бы только этим оценочным компонентом:

- (1) *мастер* ~ *профессионал*;
- (2) *мой парень* ~ *мой бойфренд*;
- (3) *халявщик* ~ *иждивенец*;
- (4) *очень плохо* ~ *крайне неудовлетворительно*;
- (5) *убийца* ~ *киллер*.

Лексемы *мастер* и *профессионал* (оппозиция 1) часто используются как синонимы, однако в их семантике и сфере употребления есть один существенный отличительный признак: *мастер* (= умулец) — безусловно и безотносительно положительная характеристика (*Фабий становился замечательным живописцем — уже не простым любителем, а мастером*. Тургенев «Песнь торжествующей любви»); *профессионал* (= специалист) — характеристика хотя тоже скорее положительная (ср.: *Он настоящий профессионал в стране любителей*), но более узкая, функциональная (*На путь профессионала-боксера его толкнул дядя Боб*. Билль-Белоцерк. «Пощечина»). *Мастер* прежде

всего приносит пользу людям, служит им и отчитывается за свои действия перед Богом; *профессионал* вступает с обществом в рациональные взаимовыгодные отношения и если перед кем отчитывается, то только перед работодателем и другими (лучшими) профессионалами. В целом *мастер* является более важным концептом в русской языковой картине мира, это более частотное слово в речи, обнаруживает большую способность к метафоризации и фразеологизации (*мастер на все руки, мастер своего дела, рука мастера, дело мастера боится*), в то время как лексема *профессионал* не способна ни к тому ни к другому. Довольно трудно представить, чтобы культовый роман XX в. мог быть назван «*Профессионал и Маргарита*».

Оппозицию (2) образуют почти абсолютные синонимы, однако выражение *мой бойфренд*, подобно правому члену оппозиции «*мастер ~ профессионал*», лишено той задушевности и громадного многообразия возможных ситуаций, человеческих чувств, отношений, которые стоят за *мой парень*: *мой бойфренд* (в современной русской речи) есть подчеркнуто статусная, функциональная характеристика.

В оппозиции (1) оба члена представлены заимствованиями, но не последнего времени (*мастер* заимствуется из греческого уже к X в.; *профессионал* — в XIX в. из французского [Шанский, Боброва 1994]). В оппозициях (2) и (5) правый член представлен лексемой заимствованной, причем в самые последние годы. В оппозиции (3), наоборот, левый член, представленный новообразованием, противопоставлен правому исконному. В оппозиции (4) оба члена — лексемы исконные.

В оппозиции (4) члены отличаются функционально-стилистически: правый относится к официально-деловому стилю. Забегая несколько вперед, отметим, что явление, о котором идет речь, имеет много общего с оппозицией, в которой находится официально-деловой стиль по отношению ко всем остальные стилиам (и с оппозицией «персональный дискурс ~ ритуальный дискурс»), однако во всех остальных рассматриваемых оппозициях данное функционально-стилевое противопоставление отсутствует.

Оппозицию (5) образуют два слова, называющие человека, который совершает или совершил деяния, не совместимые с общечеловеческими представлениями о морали. Их семантика значительно различается: *убийца* — это тот, кто *убил*; *киллер* (наемник) убивает людей за деньги. Для лексемы *убийца* на первый план выходит нравственно-этическая оценочность. В недавно заимствованном из английского

слове *киллер* нравственно-этическая оценка как будто бы снята. В действительности, конечно, оба слова имеют яркую отрицательно-оценочную семантику, при этом оппозиция *киллер* ~ *убийца* включается в систему оценок [P] ~ [-P], где *киллер*, пожалуй, более маркированный член, чем *убийца*. Дело в том, что *убийца* (и даже *палач*) все же оценивается по законам человеческих отношений, тогда как *киллер* исключен из этой сферы, а следовательно, это «еще хуже». Эта дополнительная система оценок [P] ~ [-P], маркирующая члены оппозиции (5), совпадает с оппозициями (1)–(4), хотя проявляется здесь не столь явно.

Обращает на себя внимание содержательная близость лексем *киллер* и *профессионал*; часто они используются в одних и тех же контекстах, иногда — как синонимы. Очевидно, что *киллер* должен быть *профессионалом* (характеристика *профессионал* по отношению к *киллеру* воспринимается последним как комплимент); возможность гиперонимических отношений между лексемами *профессионал* и *киллер* обусловлена принципиальным отсутствием нравственной оценки, характерным для лексемы *профессионал*, так же как для правых членов всех оппозиций типа [P] ~ [-P]. По этой же причине характеристика *мастер* по отношению к *киллеру* (за редкими исключениями в маргинальных группах) возможна только как недобрая ирония.

Следует несколько подробнее остановиться на содержательном противопоставлении «*мастер* ~ *профессионал*», по-видимому малоактуальном для русского языка XIX и начала XX в., но становящемся весьма актуальным в последние 40–50 лет.

Парадоксальным образом общая идея ограниченности, присущая члену [-P], становится особенно заметна в данной паре, где, казалось бы, как раз раздвинуты границы обычного, обоим дано больше, чем «обыкновенным» людям. В том-то и дело, что *профессионалу* НЕ дано — по крайней мере, *быть профессионалом* вовсе не обязательно предполагает «дар Божий», без которого *быть мастером*, очевидно, невозможно. Показательна сочетаемость с прилагательным *узкий*: *узкий профессионал* — распространенное выражение (хотя это все же далеко не то же самое, что «просто» *профессионал*, и нередко выступает как отрицательная характеристика неспособности при оценке чего-либо выйти за рамки своей профессии: *Это никого, кроме узких профессионалов, заинтересовать не может; это не для узких профессионалов*) при невозможности **узкий мастер*. *Мастер* прежде всего предан своей работе, бескорыстно любит свое творение, может быть

энтузиастом и даже одержимым — все эти качества несущественны для *профессионала*.

В то же время *быть профессионалом* означает определенным образом относиться к социальным институтам: получить *профессию* (для этого необходимо учиться у других *профессионалов*, и об этом выдается свидетельство социальным институтом), достаточно долгое время работать по *профессии*. В таких социумах «производство» *профессионалов* «поставлено на поток». Несущественно также, если *профессионал* не имеет собственного лица: *профессионал* хорош настолько, насколько он похож на других *профессионалов*. *Мастер* всегда «непохожий»; хотя в обществе вовсе не обязательно должно быть мало *мастеров*, каждый из них уникален, а «рождение» *мастера* всегда чудо. *Мастер* может получить, а может и не получить специального образования; скорее учится у кого-то, но, в конце концов, и это необязательно (*мастер-самоучка*, *Кулибин*, *Левша*); наконец, уже совсем не имеет значения, работает ли он и как долго по своей специальности — *мастер* должен быть *от Бога*, и это главное. *Мастер* и *профессионал* — это *дар* и *навыки*, это Моцарт и Сальери, талант и ремесленник.

Кроме того, только *быть профессионалом* означает занимать *выгодное* место в обществе: сочетания *бедный/нищий мастер*, *мастер-бессребреник* являются не менее обычными, чем *богатый мастер*: *Как только вы ее наденете, так и исчезнете, и бедный мастер* вовеки не узнает, *идет она вам или нет* (Е. Шварц. «Дракон»); *Я сам, извольте видеть, вышел из мещан, отец мой был золотых и серебряных дел мастер, и звали его просто Сребреник, но был он, истинное мое вам слово, настоящий бессребреник и жадность эту мужицкую ненавидел всей душой, с детства нам это твердил: поп, купец и мещанин — одна партия, бык, черт и мужик — другая* (М. М. Пришвин. «Дневники»); *нищий профессионал* звучит, по меньшей мере, странно.

Семантика слова *мастер* отчасти обусловлена внутренней формой: *мастер* ~ *мастерить*, т. е. делать что-то творчески, при этом *руками*; другие значения мотивированы данной внутренней формой: *мастер* — это тот, кто творчески создает, производит что-то. Поэтому писателя можно назвать *мастером*, а профессора — нет.

Думается, есть еще одно противопоставление, не столь явное, но не менее важное: *мастер* — это *творчество*, которому, как это в целом характерно для оппозиций типа [Р] ~ [-Р], противостоит некая рациональная, интеллектуально-логическая деятельность. Идеи

«руками» и даже «производит» могут быть опущены, но идея творчества всегда остается; поэтому *мастером* могут быть названы и, например, изоциренный манипулятор (*мастер уходит от ответственности*), и искусный соблазнитель:

— Э! да не отбил ли он у тебя твою красавицу, эту... как ее? да! он *мастер* на это: тебе трудно тягаться с ним. Повеса! повеса! — сказал Петр Иванович, положив в рот кусок индейки.

— Он дорого заплатит за свое *мастерство*! — сказал Александр, вспыхнув (И. А. Гончаров. «Обыкновенная история»).

Почему же не могут быть названы *мастером* профессор, ученый, преподаватель, редактор? Думается, дело не в отсутствии творчества (все это так называемые творческие профессии), а в том, что в семантике этих слов подчеркивается и выходит на первый план интеллектуально-логическая деятельность.

Профессор и ученый не могут быть названы также *профессионалом*, но по совершенно другой причине: в семантике этих слов уже присутствует в высшей степени профессионализма; для преподавателя, репетитора, редактора оценка *профессионал* актуальна и желательна.

Несколько особняком стоит *учитель*: характеристика *профессионал* для данного рода деятельности, где на первый план выходит нравственный аспект, обычно не используется; характеристика *мастер* для учителя тоже не вполне естественна, хотя и не аномальна.

Представляет интерес история оппозиции «*мастер ~ профессионал*» в русском языке. Как уже было сказано, слово *профессионал* входит в русский язык значительно позже, чем *мастер*; однако, по видимому, и после заимствования слова *профессионал* в XIX в. оно не сразу встает со словом *мастер* в оппозицию [P] ~ [-P]. Так, *мастер* не был противопоставлен *профессионалу* в начале XX в., когда Николай Оцуп сформулировал основные принципы поэзии Серебряного века: *Мастер побеждает пророка* [Оцуп 1994: 555], — сейчас, вероятно, вместо *мастера* был бы назван *профессионал*.

Интересно, что оппозиция «*мастер ~ профессионал*» иначе осмысливается в России позднесоветского периода: противопоставляя «общечеловеческие ценности» коммунистическому кликушеству, многие интеллигенты «реабилитировали» *профессионала* как своеобразный символ «свободного мира», свободной самореализации личности, здоровых отношений в обществе. В этом отношении *профессионал*

иногда даже противопоставлялся *мастеру* как нечто лучшее или как бóльшая степень одного и того же качества:

Долговязый с острым, каким-то профессиональным интересом смотрел, как швейцар выбивает через вертящуюся дверь последнего буяна, еще не вполне пришедшего в себя. «Жалко, этого не было, — шепотом сказал Тэдди, указывая глазами на долговязого. — Вот это мастер! Это тебе не ты. Профессионал, понял?» (А. и Б. Стругацкие. «Хромая судьба»).

В России позднесоветского периода стал всенародным любимцем романтический *профессионал-контрразведчик*, блестяще сыгранный Ж. Бельмондо в одноименном фильме.

В советской идеологии, с которой была в корне несовместима идея, что *зарплата* должна быть *заработанной*, *профессионала* не жаловали — именно в силу того, что за этой лексемой стоят некие взаимовыгодные (а следовательно, «рыночные», товарно-денежные) отношения с обществом; лексема *профессионал* часто использовалась как отрицательно-оценочная, своеобразный символ отношений в мире чистогана — как в официальных партийных СМИ (*Ни у кого здесь нет ни малейших сомнений в том, что действовал профессионал, в руки которого вложили оружие расистские власти Претории, Д. Септембер уже не раз получала письма с угрозами расправы* (В. Прокофьев. Выстрелы на улице Петит-Экюри // Труд, 1988. 4 янв.), так и во вполне неофициальных текстах, например песне В. Высоцкого о канадских хоккеистах (*Профессионалам/зарплата навалом ... А наши ребята/за ту же зарплату/Уже пятькратно уходят вперед*).

Как видим, советская идеология, несмотря на партийные ярлыки, в целом правильно понимала смысл оппозиции «*мастер ~ профессионал*» (*профессионал* зарабатывает много денег, выгодно продавая свои умения, и для него главное — деньги, а не моральная сторона его деятельности; *мастер* скорее дарит свои способности обществу, думая о пользе для других, а не для себя); в перестроечной идеологии, при смене оценки *профессионала* на противоположную, сохраняется та же идея рациональных взаимовыгодных отношений с обществом.

Перестроечная идеология, вообще, сделала *профессионала* одной из ключевых идей «нового мышления» наряду со *свободным предпринимательством* и *хозрасчетом*. Резко меняется отношение к *профессионалам* в спорте (прежде всего хоккеистам). В СМИ этого периода

профессионал — одно из наиболее частотных слов, при этом используется практически исключительно как ярко-положительная оценка, как символ того, чего больше всего недостает СССР для достойного существования в соответствии с общечеловеческими ценностями. В некоторых случаях чрезмерное тиражирование экспрессии *профессионала* в таком значении (особенно в рекламе постсоветского периода) приводит к тому, что экспрессия начинает восприниматься как стертая и надоевшая. В 2000-е гг. романтическая аура вокруг *профессионала* несколько тускнеет, однако положительная оценка в целом сохраняется:

*Мы — команда **профессионалов**, специализирующихся на услугах для торжеств: свадеб, крещений, венчаний, корпоративных мероприятий, выпускных и др. Группа **профессионалов** в сфере свадебных услуг, созданная для того, чтобы вы сэкономили ваше время и добились наилучших результатов.*

*Ремонт квартир и дизайн интерьера — услуги **профессионалов**. В целях поддержания высокого уровня предоставляемых услуг у нас работают только **профессионалы** с опытом работы от трех лет.*

*Ремонт автомобилей, кузовной ремонт, покраска автомобиля. В нашей автомастерской работают только настоящие **профессионалы**, выполняющие ремонт кузова любой сложности.*

*Установка кондиционеров, автоматика вентиляции, приточно-вытяжная вентиляция, расчет вентиляции — компания ЕвроВент-Строй, обращайтесь к **профессионалам!***

Даже первичное наблюдение показывает, что в русском языке существует множество оппозиций, подобных (1)–(6). Приведем лишь несколько случайно выбранных пар: *совесть ~ нравственность, этика; народ ~ население, электорат; родной ~ казенный; начальник ~ руководитель, менеджер; интеллигент ~ интеллеktуал; банда, шайка ~ группировка; жалость ~ сочувствие, соболезнование; справедливый ~ легитимный, правовой; добро ~ благосостояние; муж ~ супруг; любимый ~ сожигатель; везение ~ успешность; ... ~ состоявшийся; вождь, вожак ~ лидер; друг ~ ...; известный ~ раскрученный; дом ~ быт; любить, жалеть ~ уважать; злиться ~ негодовать; работа ~ деятельность; душевный ~ бездушный...*

Очевидно, насколько отличаются друг от друга данные оппозиции: не во всех оппозициях значение членов отличается только одним коннотативным компонентом Р; не всегда члены четко противопоставлены как [Р] ~ [-Р]: иногда различаются разной степенью

представленности Р. В некоторых оппозициях члены отличаются лексически как принадлежащие к разным сферам жизни и отношений. Какие-то понятия вообще оказываются вне оппозиций (например, *друг, загул*), хотя, вероятно, отсутствующий член может быть (в каких-то случаях) восполнен. В некоторых оппозициях члены — антонимы. В одних оппозициях члены могут отличаться по словообразовательным и синтаксическим возможностям (*жалеть ~ сочувствовать*), другие в этом отношении почти полностью совпадают. В некоторых оппозициях оценка может идти как бы извне, из области других социальных институтов: для адекватной оценки надо выйти за пределы данной оппозиции и подчиниться иной, принятой «вовне» системе оценок; это может быть и отрицательная оценка того, кто не желает включиться в такую систему: *антиобщественный, кустарь-одиночка*.

При всем разнообразии и разнородности перечисленных оппозиций, по нашему мнению, можно выявить закономерность: лексемы, представляющие правый член оппозиции, в целом гораздо уже, беднее по значению и сферам употребления, гораздо меньше способны к экспрессии, меньше способны к словообразованию и почти не образуют глагольные производные, резко ограничена их дистрибуция, особенно с глаголами; что правый член в какой-то степени тяготеет к официально-деловому стилю; что левый член несколько чаще представлен исконным словом, правый — заимствованным; что правый член чаще имеет отрицательную оценку, левый — нейтральную или положительную, однако данная тенденция почти никогда не прослеживается до конца.

В некоторых случаях лексемы, представляющие правый член оппозиции, возникают в языке позже левых — в целом это естественный процесс для развития кодифицированного литературного языка, и особенно его официально-делового стиля, когда возникает необходимость включить некоторое явление или человека в сферу официальных отношений и социальной регламентации (например, оппозиция *народ ~ электорат*).

Данный процесс для различных литературных языков детально изучен в функциональной стилистике — ср., например: [Булаховский 1975; Винокур 1929; Гавранек 1967; Кожина 1993]. Процесс этот универсален, как универсальны выделяемые во всех литературных языках пять функциональных стилей. Бессмысленно подвергать этической оценке чиновника на том основании, что он выполняет свои обязанности *без души*, или документ, написанный *неискренне*.

В других случаях позже появляется левый член — чаще всего как экспрессивная оценка или экспрессивное отрицание некоторого явления (например, *тусовка* ~ *компания*, *шарашка* ~ *учреждение*). Следует подчеркнуть, что это не менее естественный процесс для альтернативных смеховых культур (универсалия, описанная М. М. Бахтиным [1990]), подвергающих карнавальному «перевертыванию» ценности и нормы излишне заорганизованных и закостенелых социумов; такая оценочность есть в каком-то смысле народное сопротивление давлению со стороны бездушной антинародной власти.

Так, многими исследователями отмечается, что к основным функциям жаргонной лексики относится противопоставленность официозу, представителям старшего поколения, романтизация преступного мира как символа отрицания общепринятых норм; молодежь привлекает яркая (с позиции неносителей аргю) экспрессия лексических единиц арготических систем [Балаян 2006; Беликов 2001; Грачев 1997; Юганов, Юганова 1997]. Данная функция присуща жаргонизмам всех выделяемых по происхождению типов: иноязычным заимствованиям (*юзаный секонд* ‘использованные вещи’), морфологическим/словообразовательным способом создания новых слов на базе исконно русских корней (*дружбаны* ‘друзья’), семантическому переосмыслению слов общенационального русского языка (*Катим оттопырится!* — ‘Пойдем повеселимся!’).

Итак, члены оппозиций могут возникать в разное время как своеобразный оценочный отклик на уже существующую оценочную (или потенциально оценочную) номинацию. Нами выявлены два основных пути: для правых членов — стандартизация и документизация, для левых — карнавализация и жаргонизация¹¹. В каждом случае появляющаяся новая лексема включается в оппозитивные отношения с противоположной в этом отношении, образуя оппозицию типа [P] ~ [-P]. Оба процесса, по-видимому, имеют универсальный характер.

Здесь следует отметить, что в целом противопоставление персонального и статусного регистров относится к наиболее актуальным

¹¹ Естественно, говоря о том, какой из членов оппозиции появляется раньше, мы имеем в виду не все оппозиции. Вряд ли высказанные выше соображения могут быть отнесены к оппозициям *мастер* ~ *профессионал* или *правда* ~ *истина*: здесь, по-видимому, имели место более сложные семантические процессы, с трудом поддающиеся объяснению без широкого исторического контекста. Не исключена возможность и одновременного возникновения обоих членов, т. е. оппозиции в целом.

проблемам западной (прежде всего англоязычной) философии, культурологии и лингвокультурологии (например, [Fox 2005; Goffman 1972; Schiffrin 1994; Small talk 2000; Tannen 1986]). Во многом данные исследователи следуют за Й. Хейзингой [1992], который выявил и описал оппозицию «игра ~ работа» как, с одной стороны, жизненно важную для современного человека, с другой стороны, универсальную. Показательно, однако, в этом отношении исследование Р. Абрахамса [2003], который сравнивает оппозицию «игра ~ работа» в жизни белых американцев и афроамериканцев: у белых американцев работа является признаком респектабельности, а игра служит только «для домашнего употребления». Чернокожие американцы в узком семейном кругу серьезно относятся к работе, а на всеобщее обозрение выставляется и одним из главных признаков респектабельности служит умение вести остроумные и жесткие уличные перебранки, в которых, как правило, оказываются беспомощны белые.

Русская система оценок [P] ~ [-P], о которой мы говорим, неуниверсальна. Как уже отмечалось, в русской культуре подлежит оценке сам факт выбора человеком неличностного способа взаимодействия с миром и себе подобными. Собственно, выбор в пользу такого типа отношений часто воспринимается как отказ быть человеком. Можно привести множество примеров слов, где нравственно-этическая оценка совмещается с оппозицией [P] ~ [-P]: *функционер, чинуша, службист, крючок и крючоктвор, казенный и казенница, муштра, аппаратчик, карьерист, казэбэшник* (одни из них имеют более или менее точные соответствия в других языках, другие — нет). Ключевыми для русской культуры являются слова, в которых так же однозначно положительно оценивается выбор в пользу левого члена [P] ~ [-P]: *душевный (задушевный), друг*. Показательно очень точное отражение семантики оппозиции [P] ~ [-P] во фразеологизме *Не в службу, а в дружбу*. Оппозиция *душевный ~ бездушный*, образованная двумя словообразовательными производными от *души*, может служить примером лексико-грамматической формализации оппозиции [P] ~ [-P].

Необходимо подчеркнуть, что существует целый ряд важных аспектов русской оценочной оппозиции [P] ~ [-P], сообщающих ей неуниверсальный характер.

Так, неуниверсальность оппозиции [P] ~ [-P] проявляется в неуниверсальности ключевых концептов русской культуры «правда», «душа», «искренность» и др. Еще важнее то, что данные концепты входят в значимые для русской языковой картины мира оппозиции,

которые в других языках или отсутствуют, или проявляются в них совершенно по-другому, такие, как «правда ~ истина», «воля ~ свобода», «простор ~ пространство», «радость ~ удовольствие», «удаль ~ мужество» [Арутюнова 1998; Вежбицкая 1996; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; Степанов 1997; Шатуновский 1991; Шмелев 2002]. Естественно, было бы преувеличением сводить значение таких концептов к одной оппозиции типа [P] ~ [-P]. Эти концепты так сложны, многомерны и многообразны, что, думается, была бы ошибочной любая попытка привести их к одному знаменателю (например, свести их к одному пространственному измерению, как это делает Н. Д. Арутюнова и ее последователи: «Концепт воли хорошо согласуется с пространственной (бытийной) ориентацией русского языка, а также с понятием стихии и стихийных действий. *Простор* — *воля* — *стихия* образуют единый комплекс» [Арутюнова 1998: 813], вплоть до выявления клаустрофобии в качестве черты русского национального характера [Шмелев 2002: 78]). Трудно согласиться и с гедонистическим объяснением значений ключевых слов русской культуры («*Простор* — это когда легко дышится, ничто не давит, не стесняет, когда можно пойти куда угодно, когда *есть разгуляться где на воле*» [Шмелев 2002: 75]): потребительски-гедонистическое отношение в корне противоречит очень важной для этих слов нравственной оценке. Счастье, радость, восторг, восхищение (в том числе восхищение широкими *просторами*) действительно присутствуют в их семантике, но эти состояния *души* могут быть настоящими только в результате правильного нравственного выбора, когда к ним приходят ценой *жизни по правде*, соответствующей изначальному высокому, праведному, а вовсе не потребительскому предназначению человека (такова, по крайней мере, семантика этих слов). Кроме того, ни *душа*, ни *друг*, по-видимому, вообще не образуют оппозиции типа [P] ~ [-P].

В то же время в исследованиях, посвященных данным безэквивалентным концептам, часто отмечается, что наиболее противоречит отраженным в них ключевым ценностям русского национального характера идея неких «рациональных» ограничений, некоей системы координат, а значит, и социальных институтов. Концепт, включающий идею таких ограничений, встает с концептом типа *правда, воля* в оппозицию, близкую оппозиции [P] ~ [-P]. Так, по мнению А. Д. Шмелева, «Разные значения глагола *гулять* объединяются идеей свободы выбора, отсутствия стеснений и необходимости выполнять скучную, рутинную работу» [Шмелев 2002: 85]. Исследователь также обраца-

ет внимание на «различие между *пространством* как само собою понимающейся системой координат и *простором* как источником радости» [Там же: 75]. В этом отношении показательно исследование Н. М. Катаевой [2004], посвященное паре концептов «воля» и «свобода» в русском языке: по мнению исследовательницы, «Для русских воля — это абсолют свободы, основанный исключительно на желании, хотении человека, свобода же подразумевает особость, отдельность, обособленность, независимость личности в обществе, какой-либо общности при полном признании законов жизнедеятельности этого общества (общности)» [Там же: 4]. Практически ту же идею высказывает А. Д. Шмелев, несмотря на то что объясняет значение слова *воля* опять-таки с пространственной точки зрения: «По сравнению с *волей свобода* в собственном смысле слова оказывается чем-то ограниченным, она не может быть в той же степени желанна для “русской души”, сформировавшейся под влиянием широких пространств» [Шмелев 2002: 73].

Это содержательное противопоставление имеет такое большое значение для русской культуры, что приводит к переосмыслению даже явлений, организованных оппозитивно в общеевропейской (общехристианской) культуре. Так, авторы коллективной монографии «Ключевые идеи русской языковой картины мира» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005] показывают, что общехристианская оппозиция «милосердие ~ законность» дополняется в русской культуре новым членом *справедливость*, причем это особая «личностная» справедливость (о *несправедливости* часто говорят не в смысле банального неправильного распределения благ, а в смысле недополучения человеком тепла, внимания, любви): «Особенность русского взгляда на вещи, отраженного в русском языке, состоит в том, что наряду с законом и милосердием в нем представлена *справедливость*, которая гораздо важнее закона, но мелочь по сравнению с подлинными духовными ценностями. Однако, соединяясь с чувством и душевной болью, *справедливость* повышается в статусе и попадает в один ряд с *милосердием/правдой*: *А душа, уж это точно, ежели обожжена, /Справедливей, милосерднее и праведней она (Булат Окуджава)*» [Там же: 373].

Неуниверсальность оппозиции [P] ~ [-P] проявляется также в неуниверсальности противопоставления «народ ~ власть» в русской истории и культуре¹²: начиная с Петра I, власть в России стремилась

¹² Эта очень важная проблема должна стать отдельным предметом изучения лингвистов; отметим, что немало таких исследований появилось в

четко противопоставить себя простолюдинам всеми способами, в том числе языковыми; немаловажно, что сам литературный кодифицированный язык (язык публичного и персонального н е л и ч н о с т н о г о общения) тогда был французский. В этой связи следует сказать, что, по-видимому, тоже начиная с Петра (если не с Рюрика), в России неправедная власть ассоциируется с чем-то инородным, враждебным, «немецким» (педантичным, бездушным)... (См. в этой связи исследование: [Невинская 2006а].)

Данный аспект является в меньшей степени неуниверсальным; подобные типы противопоставления «народ ~ власть», имеющие лингвистическую манифестацию, существовали в других культурах, например чешской; ср.: «⟨...⟩ литературный язык ⟨...⟩ стремится к тому, чтобы отличаться от народного языка, от повседневной речи ⟨...⟩ в результате стремления к классовой исключительности, поскольку в литературном языке проявляются классовые признаки (ср., например, онемечивание господствующих слоев в старое время у нас, употребление до настоящего времени венгерского языка в словацких городах и, в свою очередь словацкого языка в восточной Словакии у украинцев и т. д.)» [Гавранек 1967: 341]. Замечательный пример чешского языкового сопротивления времен Первой мировой войны находим в романе J. Hašek «Osudy dobrého vojáka Švejka»: сам чешский язык выступает там своеобразным знаком освободительной борьбы, символом свободомыслия и прав чешской личности. Некая оценочная оппозиция, напоминающая [P] ~ [-P], реализуется как «чешское ~ немецкое». Особенно заметно это в поведении самого Швейка, разговаривающего с высшими чинами австрийской армии. Примечательно, что Швейк сносно, хотя и с ошибками говорит по-немецки, а следовательно, это для него оппозиция д е й с т в у ю щ а я. Роман стал одним из наиболее читаемых произведений о Первой мировой войне, а знаменитое швейковское *Ich melde gehorsam* стало прецедентным текстом во многих европейских ненемецкоязычных культурах. См. также исследование [Вежбицкая 1993], посвященное языковому сопротивлению в Польше тоталитарного периода, и рассуждения У. Вайнрайха о разных типах языкового заимствования: так, чешский язык обычно прибегал к подстановке, русский — охотно пользовался перенесением (*divadlo* — *театр*, *odstavec* — *абзац*, *básník* — *поэт*, *sloh* — *стиль*): «В большинстве случаев решительное сопротивление перенесению лексических

самое последнее время [Язык и власть 2003; Проблемы речевой коммуникации 2004].

единиц, конечно, обусловлено соображениями социокультурного, а не грамматического порядка. Не случайно предпочтение подстановки оказалось столь сильным в чешском и венгерском языках, где перенесение было бы истолковано в народе как онемечивание, что в тот период было несовместимо с национальными чаяниями этих народов» [Вайнрайх 1972: 45].

Неуниверсальность оппозиции [P] ~ [-P], впрочем, обусловлена спецификой русской (в том числе новейшей) истории. Разные эпохи наполняют оппозицию [P] ~ [-P] разным идеологическим содержанием.

В периоды всевластия бюрократии (Петровская и особенно николаевская эпоха с возвышением Петербурга; советская эпоха с ее атеизмом и интернационализмом) данная оппозиция проявлялась особенно явно. Эти эпохи, как известно, принесли небывалый официоз и казенщину и вызвали к себе в широких народных массах, с одной стороны, ненависть, с другой стороны, множество карнавальных текстов, паремий, номинаций. Ср. отражение данной оценки в русской классике XIX в.: «Медный всадник» Пушкина, «Дума» Лермонтова, «Ревизор» Гоголя, «Былое и думы» Герцена... Ср. также фольклорные тексты Петровской эпохи о строящемся Петербурге, представляющие собой как бы народный отклик на официальную пропаганду: *С одной стороны море, с другой — горе, с третьей — мох, а с четвертой — ох; Попал бы ты в Питер, он бы тебе бока вытер; Питер — кому город, а кому ворог* [Синдаловский 2003].

Исторические изменения оппозиции [P] ~ [-P] могут иметь значительно более глубокий характер. Может существенно меняться сам характер отношений между членами оппозиции. В некоторые периоды наблюдается неестественное расширение сферы употребления одного из членов за счет другого.

Так, гипертрофированная роль правого члена в русской культуре породила *канцелярит* — явление, впервые описанное К. И. Чуковским [1990]. Как известно, Чуковский понимал канцелярит как неоправданное использование канцелярского языка за пределами сферы официально-деловых отношений в русском языке середины XX в., повлекшее за собой невиданное ранее оскудение образности и выразительности языка. В последние годы, однако, доказывается, что масштаб данного явления значительно шире: то, что Чуковский называл канцеляритом, есть неизбежное следствие государственной идеологии в Советском Союзе и — шире — в любом тоталитарном обществе. Думается, прав А. П. Романенко [1997], ставящий знак равенства

между канцеляритом и тоталитарным новоязом, описанным Дж. Оруэллом: в обоих случаях происходит предельное сужение, выхолащивание языка, из которого изгоняются любые человеческие чувства, мысли, оценка. Новояз есть максимально редуцированный язык, с удобной для власти точностью совпадающий с рамками официальной идеологии: социальных ролей, регламентированных отношений, предписанных оценок.

По-видимому, можно также усмотреть связь между гипертрофированным развитием левого члена оппозиции [P] ~ [-P] и изменениями языка СМИ, характерными для России перестроечного и постперестроечного периода. Сознательная установка на разговорность, доходящая до жаргонизации и вульгаризации (звучали обвинения в падении уровня культуры журналиста, отсутствии как языковых, так и нравственных ограничителей, распущенности, вседозволенности), есть не что иное, как реакция на ненавистный новояз советского периода. В целом все это привело к столь значительным изменениям в русской речи и даже языке, что некоторые ученые считают целесообразным выделять особый *литературно-жаргонизирующий* тип речевой культуры, который «(...) сформировался в конце XX в. усилиями журналистов как реакция на официоз и казенность речи СМИ советской эпохи. Стремление к раскованности речи, сближению с народом привело к журналистской разнузданности» [Сиротинина 2003: 345].

Здесь можно высказать предположение, что в английской и французской культурах оппозиция [P] ~ [-P], по-видимому, отсутствует (в немецкой, итальянской и других, кроме русской, славянских культурах, вероятно, существует нечто, напоминающее данную оппозицию, но однозначно утверждать что-либо в этой области до осуществления полноценного специального исследования мы, естественно, не беремся).

В каком-то смысле русская культурная оценочная оппозиция [P] ~ [-P] занимает место английского концепта *privacy*, как известно отсутствующего в русской культуре [Прохвачева 2000]: английская *privacy*, с одной стороны, достаточно жестко ограничивает тематику и тональность межличностной коммуникации, но, с другой стороны, после того как данное требование выполнено, говорящим предоставляется довольно большая свобода, в том числе в оценочных суждениях.

В русской коммуникации обсуждение по-настоящему важных и интимных тем (включая экстремальные оценочные суждения) разрешено, но именно в этой области существуют очень жесткие требо-

вания, обусловленные концептами *правда, искренность*, необходимостью *разговаривать как друзья, разговаривать по душам, открывать душу* и т. д. Отрицательно оценивается выбор типа общения и стоящих за ним приоритетов и ценностей, которые противоречат данной системе требований или просто отличаются от нее.

Разговорность, в основе которой лежит персональность общения, формирующая особую картину мира, есть явление универсальное, что доказывают многие исследования, например, западнославянских лингвистов [Anusiewicz 1989; Bartmiński 1991; Lubaś 1988; Umińska-Tytoń 1993; Witosz 2006]. Однако русская разговорность формирует глобальную оценочную шкалу [P] ~ [-P], далеко превышающую частные системы оценки, присущие отдельным семантическим полям или распространяющиеся на один функциональный стиль из многих.

Проявления данной оппозиции в области русской лексики (например, лексические оппозиции *мастер ~ профессионал, убийца ~ киллер, народ ~ электорат* и др.) отчасти изучались [Дементьев 2007a], однако необходимо подчеркнуть, что названная оппозиция имеет коммуникативную, а не языковую природу.

Подводя итог этим рассуждениям, которые строились в основном на материале лексики отметим, что, конечно, оппозиция [P] ~ [-P] в русской речевой культуре структурирует и жанры речи.

Многие лексемы в упоминавшихся оппозициях типа [P] ~ [-P] суть названия жанров: *допрос* противопоставлен «просто» *разговору*, а также *разговору по душам*; ср. также *разборку* и *разбирательство, анекдот* и *развлекательную миниатюру* и т. д.

В этом отношении показательны данные, выявленные Л. В. Балашовой [2007]: оценочное отношение к речевым жанрам у носителей жаргонной и просторечной речевых культур, зафиксированное в метафоре соответствующих вариантов русского языка. Л. В. Балашова убедительно показывает, что в жаргонно-просторечной картине мира в целом слабо представлена жанровая дифференциация речи и общения; единственным по-настоящему релевантным параметром, по которому противопоставляются речевые жанры, является противопоставление «официальной» и «неофициальной» сфер жизни и коммуникации, при этом абсолютно отрицательно оценивается не только все, связанное с представителями власти, но и сам факт вступления в официальные отношения.

Итак, *светская беседа* включается в оппозицию [Р] ~ [-Р] с РЖ *разговор по душам*, что обуславливает чрезвычайно важную коннотацию *светской беседы* в русском языке, не имеющую аналогов в других языках: в некоторых контекстах выражения *светская беседа*, *светский человек* передают положительную оценку, имплицитную высокую социальный статус, воспитанность, вежливость, хорошие манеры, утонченность; в других же контекстах на первый план выходит совершенно другая, отрицательная оценочность: имплицитно холодность, поверхностность, неискренность и даже фальшь (ср. выражения *светская болтовня*, *светский треп*, *светская тусовка*). (Как известно, подобного не происходит с лексемой *джентльмен*, которая, впрочем, в русской культуре является менее распространенной, чем *светский человек*.) *Светская беседа* является в целом культурно поддерживаемым и скорее положительно (или, по крайней мере, нейтрально) оцениваемым жанром в силу некоторых особенностей русской речевой культуры, о которых мы говорили выше, однако в силу других особенностей той же культуры это может быть отрицательно оцениваемый вид общения.

5.2.3. Флирт

Disce bonas artes, moneo, Romana juventus,

Non tantum trepidos ut tueare reos.

Quam populus indexque gravis lectusque senatus,

Tam dabit eloquo victa puella manus.

Sed lateant vires, nec sis in fronte disertus.

Effugiant voces verba molesta tuae.

Quis, nisi mentis inops, tenerae declamat amicae?

Saepe valens odii littera causa fuit.

Sit tibi credibilis sermo consuetaque verba...

Ovidi Nasonis. Artis Amatoriae

Римские юноши, вам говорю: не гнушайтесь наукой

Той, что учит в суде робких друзей защищать!

Ибо не только народ, не только судья и сенатор,

Но и подруга твоя сдастся на красную речь.

Будь, однако, не прост, храни про себя свою силу,

Не допускай на письме велеречивых словес.

Кто, коли он не глупец, перед милой витийствовать станет?

Часто единственный звук может родить неприязнь.

Будь убедителен, ласковым сделай привычное слово...

Овидий Назон. Наука любви

Флирт, или любовная речевая игра, — один из распространенных речевых (коммуникативных) жанров.

Разновидности флирта и особенности композиции относятся к значимым параметрам жанровой компетенции и известны практически всем взрослым носителям языка. Это доказывает, например, жанровая рефлексия, которую можно встретить как в разговорах, так и в письменных текстах, например: *⟨...⟩ теперь я занимаюсь живописью и музыкой, а не flirtation, хотя это последнее идет успешнее у меня, чем искусство* (Т. Л. Сухотина-Толстая). Показательно, что дочь писателя воспользовалась английским термином. В XIX в. слово *флирт* воспринималось как совершенно чуждое русскому языку (в каком-то смысле такое понимание сохраняется до сих пор: так, в ассоциативном эксперименте со школьниками стимул *флирт* чаще всего дает или нулевую реакцию, или неожиданные, но равно нерусские реакции типа *олайт*). В словаре В. И. Даля нет слова *флирт*, хотя к слову *кокетничать* даны 18 синонимов: *«кокетствовать, нравить кого-либо (нарочить), угодничать, умильничать, заискивать угодливыми приемами, миловидничать, пичужить, миловзорить или строить глазки, жеманничать, любезничать, прельщать, прелестничать, красоваться, рисоваться, казотиться, хорошиться, охорашиваться»*.

Коллективная рефлексия носителей языка над флиртом проявляется также в большом количестве шуток, анекдотов и других смеховых жанров, обыгрывающих те или иные аспекты флирта. Прежде всего это касается непрямого, косвенного характера коммуникации, передачи информации во флирте, осложненной интерпретации, которая во флиртовой ситуации часто оказывается более естественной и «простой», чем интерпретация, опирающаяся на буквальные значения.

Непрямой характер коммуникации во флирте является обязательной и, пожалуй, главной отличительной особенностью данного типа общения во всех его проявлениях, начиная с тривиальных случаев, описанных в литературе: *КОВБОЙ: Не хотите ли посмотреть конюшню? — ДЕВУШКА: Ах, я с детства обожаю конюшни!* [Берн 1988: 25]. Несоответствие двух типов интерпретации — поверхностных структур и скрытого сексуального содержания — обыгрывается в приводимых ниже примерах языковой игры.

Так, комизм может заключаться в том, что не прямое предложение понимается «слишком хорошо»:

- Девушка, вас можно пригласить на чашку кофе?
- Можно, но обещайте в постели не курить!

Непрямое предложение может усматриваться даже в репликах, не являющихся им.

В магазине девушка выкладывает на столик перед кассой, чтобы заплатить за покупки, 1 батон хлеба, 1 йогурт, 1 шоколадку, 1 тьюбик пасты и 1 зубную щетку.

Молодой симпатичный кассир говорит ей:

— Наверное, одна живешь...

Девушка кокетливо:

— А как ты догадался?

— Да уж больно ты страшная!

Парень с девушкой едут в автомобиле. Прекрасный летний день.

— Посмотри, — говорит он, — какая здесь высокая трава.

— На что ты намекаешь?!

Негативная реакция «приличной девушки» вызывает комический эффект потому, что ее интерпретация идет все-таки в «неприличном» направлении. Часто это направление вообще единственно возможное.

Едут в купе спального вагона мужчина и женщина. Смотрят друг на друга.

Женщина спрашивает:

— Простите, о чем вы сейчас думаете?

— О том же, о чем и вы.

— Какой нахал!

Будучи жанром очень древним, известным, флирт практически не рассматривался в науке как объект важный, значительный, интересный. Думается, что причину этого невнимания к флирту (или предубеждения против него) со стороны специалистов по вербальной коммуникации еще предстоит осмыслить.

Изучение флирта в России неразрывно связано с «эпохой гласности» (и, следовательно, насчитывает максимум двадцать лет), когда снимается запрет на некоторые книги и темы обсуждения, а внимание исследователей (конечно, прежде всего исследователей-популяризаторов, но не только) привлекают все новые, неожиданные объекты.

В 80-е г. начинают активно переводиться ранее запретные З. Фрейд, Д. Карнеги, Э. Берн, А. Пиз, М. Вислоцкая и др. Выходят книги интересных отечественных авторов, например «Введение в сексологию» И. С. Кона, содержащее разнообразные сведения по философии, антропологии, культурологии и этнографии. Как нам сейчас представляется, для осмысления феномена флирта наибольшую ценность имело положение И. С. Кона о том, что «европейский», «восточный», «африканский» и т. д. флирт является неотъемлемой частью национальной культуры: «Культура формирует эротический код, ритуал ухаживания и сексуальную технику» [Кон 1988: 121]. Позже эту идею И. С. Кона развивает Е. М. Уздина, исследующая национально-культурную обусловленность флирта: «Значительная часть жестов и сигналов национально и культурно обусловлена (...) подмигивание, прикосновение, приглашение на танец, этикетное действие, сопровождаемое дополнительной мимикой и жестом, могут обладать высокой семиотичностью и служить флиртовыми символами в одной национальной культуре и не являться таковыми в другой» [Уздина 2002: 292].

Особым достижением гласности стало массовое издание художественной эротической и научно-популярной сексологической литературы (прежде всего следует назвать журнал «СПИД-инфо», который сразу стал чрезвычайно популярным и остается таковым до сих пор, несмотря на жестокую конкуренцию со стороны многочисленных изданий, появившихся после распада СССР), в том числе практических пособий. В целом эти пособия ориентируют читателя на функциональность (ср., например, названия пособий, произвольно взятых из огромного многообразия книжных «развалов»: «Как выйти замуж», «Как соблазнить девушку», «Как очаровать мужчину», «100 способов понравиться», «1001 способ быть романтичным», «Мужчины, ко мне! (Правила удачной охоты)», «Амурный аферист: 6 примет лжеца») и оставляют довольно удручающее впечатление какой-то односторонности, тривиальности, например, «рекомендации психотерапевта Игоря Вагина»:

С самого начала знакомства нужно вести себя с женщиной, как с ребенком. Произносите имя собеседницы так, будто она ваша дочь (...) Слабый пол любит слушать рассказы об участии в военных действиях, драках, рискованных путешествиях и прочих авантюрах. Увы, женщины готовы терпеть хвастовство и блеф, лишь бы не было скучно (Д. Писаренко. Как соблазнить девушку? Аргументы и факты. 1996. № 35).

Автор (который выступает как «психотерапевт», т. е. авторитетно), с одной стороны, подменяет фатическое начало флирта функциональным, с другой стороны, ориентирует читателей на самый низкий уровень речевой культуры (см.: [Гольдин, Сиротина 1993]). В рамках просторечной речевой культуры данные приемы, конечно, могут быть и уместны, и эффективны (в определенной среде эффективным средством флирта вполне может быть и шлепок пониже спины).

Приблизительно в это же время выходит на русском языке книга Э. Берна «Игры, в которые играют люди», где цель «сексуальных игр», к которым относится флирт, определяется следующим образом: «Люди играют в сексуальные игры, чтобы дать выход своим сексуальным влечениям или побороть их. Все эти игры по своей сути представляют собой извращение сексуальных инстинктов, так как источником удовлетворения становится не половой акт, а критические транзакции, представляющие собой кульминацию игры» [Берн 1988: 103]. Смысл «игры», по Берну, состоит, во-первых, в наличии «выигрыша» у партнера, во-вторых, по этой причине, в скрытом характере транзакций. Отправителем скрытой транзакции всегда выступает символический Ребенок, в том числе (хотя это как будто бы несколько противоестественно) отправителем скрытой сексуальной транзакции во флирте.

Огромная популярность книги Берна у русскоязычных читателей вселяла надежду на скорое появление серии серьезных исследований любовной речевой игры. Но этого не произошло. Книга Берна (в общем-то, и не претендующая на «научность») по сей день остается фактически самым глубоким исследованием флирта.

В современной лингвистике существуют отдельные разработки, касающиеся отличий прямых комплиментов (унисон) и косвенных комплиментов во флирте. Так, Е. В. Зверева рассматривает специфику комплимента мужчины женщине (например, противопоставление в испанском языке комплиментов *кумплидо* и *пиропо* — последний является специфическим средством ухаживания за женщиной и отличается меньшей стандартизацией и наличием «имплицитно выраженного сексуального содержания» [Зверева 1995: 9]). По мнению О. С. Иссерс, прямой комплимент обычно оформляется в виде утверждения о наличии у слушающего (слушающей) какого-либо положительного признака (*У тебя такие огромные глаза*) либо утверждения-признания говорящего о положительной оценке этого

признака (*Мне нравятся твои огромные глаза*). Косвенный комплимент может иметь форму вопроса (*Тебе никто не говорил, что у тебя красивая улыбка?*), побуждения (*Ты говори, а я буду смотреть на тебя*), сравнения (*Ни у кого я не видел такой чертовщины в глазах*). О. С. Иссерс относит к косвенным также «дедуктивные», или «выводные», комплименты типа *Удивительно, но зеленоглазость является отличительным признаком только у женщин* [Иссерс 1997: 69–74].

Т. Баллмер и В. Бренненштуль выделяют среди английских глаголов, обозначающих речевые действия, особую группу *Erotically: charm* ‘очаровывать, пленять’; *flirt* ‘флиртовать, кокетничать, ухаживать, заигрывать’; *pay compliments* ‘говорить комплименты кому-либо’; *say sweet nothings* ‘говорить кому-либо милые пустяки’; *tease* — 1. ‘попытка раздражить’; 2. ‘поддразнивать, надоедать, приставать, домогаться, выпрашивать’ [Ballmer, Brennenstuhl 1981: 131].

В кандидатской диссертации Д. Л. Колоян [2006] осуществлено исследование речевого/поведенческого гипержанра *ухаживание* в его вербальных и невербальных проявлениях в русской и англо-американской коммуникации на основе лингвокультурологической и прагмалингвистической методик. Осуществлено специальное лексикологическое исследование номинаций (в том числе отглагольных) роли субъекта *ухаживания* (прежде всего мужчины), выявлена оценочная, стилистическая, словообразовательная и этимологическая структура данного лексико-семантического поля.

Определено место *ухаживания* в составе общего любовного дискурса и в общем пространстве жанрово структурированной коммуникации, в частности место *ухаживания* по отношению к *флирту* как гипержанра к жанру, при этом выявлены игровое начало *флирта* и ритуальная составляющая обоих жанров.

В большинстве случаев выводы исследовательницы сомнений не вызывают. Однако данное Д. Л. Колоян определение *ухаживания* и его места в любовном дискурсе («*Цель любовного дискурса — стремление к обладанию предметом любви и обретение (поддержание) взаимности, целостности и гармонии между коммуникантами*» (с. 27); при этом главное условие — «*открытость и искренность коммуникантов, наличие коммуникативной интенции как можно более полно выразить свои чувства партнеру*» (с. 9) может быть успешно отнесено только к одному из возможных типов *ухаживания*: данное определение не покрывает, например, этикетные разновидности *ухаживания*

(например, за столом принято *ухаживать* за соседкой справа), которые являются обязательными, как этикет в целом, и, по-видимому, не имеют ничего общего ни со сближением, ни с любовным дискурсом (ср. фразу: *Ну, ухаживайте за мной!* при невозможности **Флиртуйте со мной* и **Признавайтесь мне в любви*). Возможно, данный тип ухаживания не рассматривался автором на том основании, что это не любовный дискурс, но тогда, во-первых, следовало бы иначе сформулировать название диссертации (ухаживание в любовном дискурсе), а во-вторых, данное определение не покрывает и многие разновидности ухаживания в любовном дискурсе, например драматические ситуации, когда мужчина влюблен в замужнюю женщину, но при этом уважает ее мужа и не хочет мешать их семейному счастью: такой мужчина никогда не выразит того, что чувствует (и не помышляет о сближении), хотя *ухаживать* может чрезвычайно активно. В-третьих, данное определение неприменимо к семейному дискурсу: когда после свадьбы муж продолжает *флиртовать* с женой — это ненормально; но когда после свадьбы муж перестает *ухаживать* за женой — это ненормально в квадрате.

Исследование Д. Л. Коляйн осуществлено на художественном материале, что вполне понятно и оправдано для начального исследования. В то же время в будущем хотелось бы видеть анализ и другого — в частности, просторечного и жаргонного материала, что, на наш взгляд, сделает исследование на порядок интереснее и избавит от некоторой рафинированности и того светло-романтического взгляда, который иногда чувствуется в настоящем исследовании.

К сожалению, это практически все, что можно отнести к теоретическому осмыслению флирта и в России, и на Западе, где причиной едва ли может считаться отсутствие свобод.

Думается, целесообразно рассматривать флирт как жанр фатической коммуникации и как косвенный коммуникативно-речевой жанр.

Как и все фатические жанры ОС и ОД (см. § 3.4.1), флирт имеет непрямой характер, при этом совмещает два начала — флирт является жанром непланируемой не прямой коммуникации и жанром планируемой не прямой коммуникации (косвенным жанром). Флиртовые средства, будучи именно средствами ухаживания, относятся преимущественно к полю планируемой не прямой коммуникации. Однако во флирте есть и непланируемая не прямая коммуникация (собственно не прямая коммуникация), проистекающая из вариативности и творческого начала. Как отмечает Э. Берн [Берн 1988], «сексуальные игры»

(как и игры вообще) часто реализуют подсознательные стремления, сценарии. Ср. пример из «Мартина Идена» Д. Лондона.

⟨...⟩ *scarcely had he taken his position on the edge of the sidewalk when the two girls appeared. They were looking for him, he knew; and for the moment he could have cursed that in him which drew women. Their casual edging across the sidewalk to the curb, as they drew near, apprised him of discovery. They slowed down, and were in the thick of the crowd as they came up with him. One of them brushed against him and apparently for the first time noticed him. She was a slender, dark girl, with black, defiant eyes. But they smiled at him, and he smiled back.*

— Hello, — he said.

It was automatic; he had said it so often before under similar circumstances of first meetings. ⟨...⟩ The black-eyed girl smiled gratification and greeting, and showed signs of stopping, while her companion, arm linked in arm, giggled and likewise showed signs of halting.

⟨...⟩ едва он ⟨Мартин Иден⟩ занял свою наблюдательную позицию, как появились те две девушки. Он знал, что они ищут его, и в этот миг проклинал ту силу, которая притягивала к нему женщин. Сначала они как будто не заметили его, но он скоро понял, что это только маневр. Проходя ближе, они замедлили шаг, и наконец одна из них, проходя мимо, задела его плечом и оглянулась, делая вид, словно только сейчас его узнала. Это была стройная брюнетка с черными лукавыми глазами. Обе девушки опять улыбнулись ему, и он тоже улыбнулся им в ответ.

— Хелло, — сказал он.

Это было сказано совершенно машинально, как часто приходилось произносить это слово в подобных случаях. ⟨...⟩ Черноглазая девушка улыбнулась весело и вызывающе и, взяв под руку свою подругу, выразила желание остановиться; подруга хихикнула в знак согласия (Пер. С. Заяицкого).

Довольно трудно согласиться с переводом реплики *Hello — Хелло*: в русской речи *Хелло* не является нейтральной коммуникативной единицей, как в английской *Hello*. Видимо, этот факт заставил писателя сопроводить данную реплику Мартина Идена пояснением: *under similar circumstances of first meetings*. В русском переводе, в силу «флиртовой» маркированности реплики *Хелло*, такое пояснение было бы избыточным.

Ср. инициальные реплики во флирте персонажей рассказа В. Шукшина «Медик Володя»:

— Володя?.. Ой, здравствуй!

— Хелло! — воскликнул Володя. И сделал вид, что очень-очень

удивился, и остро почувствовал свою фальшь — и это «хелло», и наигранное удивление. От этого вопросы дальше возникали очень нелепые: «Каким ветром? Откуда? Куда?»

Вопрос о разновидностях и системе средств флирта как косвенного жанра может быть рассмотрен только в связи с вопросом более общего характера — об интенциональной природе флирта, а также типологии его разновидностей, варьируемых в зависимости от цели обращения к флирту.

Цель обращения к флирту может существенно варьироваться. В связи с этим можно выделить ряд разновидностей флирта.

Нередко гендерно маркированное общение может быть названо «флирт ради самого флирта». Цель сводится к получению удовольствия от игрового общения, и не имеется в виду ничего «более». Такой флирт представляет собой разновидность фатического общения. Как общение ради самого общения в целом может быть «положительным», т. е. гармонизирующим, и «отрицательным», т. е. конфликтным, так и флирт может быть «положительным» и «отрицательным». К «положительному» флирту относятся косвенные комплименты, скрытым образом выражающие симпатию, влечение к партнеру при фамильярности и даже грубости на поверхностном уровне:

— Ну и трепач ты! — весело сказала Настя, глядя в глаза Пашке.

Пашка ухом не повел.

— Откуда ты такой?

— Из Москвы, — небрежно бросил Пашка.

— Все у вас там такие?

— Какие?

— Такие... воображалы.

— Ваша серость меня удивляет, — сказал Пашка, вонзая многозначительный ласковый взгляд в колодезную глубину темных загадочных глаз Насти.

Настя тихонько засмеялась (В. Шукшин. «Классный водитель»).

Вторая разновидность фатического флирта связана с борьбой, удовольствием от тонких уколов противника, демонстрацией своего превосходства. Это своеобразный словесный поединок, пикировка, обмен колкостями (косвенными ударами).

– Nie lubię tylko żadnych wstydlivych przemilczeń. Nie widzę powodu, żeby udawać, że między nami nic nie było...

– Czego jeszcze nie lubisz?

– Tego wraku, tego rejsu i sztormu.

– I to wszystko?

– Nie lubię jeszcze brudnej wanny, słodkich legumin, kwasnego wina i głupich pytań.

Collins roześmiał się.

– O Boże, nareszcie z kimś mogę porozmawiać na luzie. Zmęczyło mnie już to śledztwo.

– Moje zdanie na ten temat znasz.

A ty czego nie lubisz?

– Karaluchów, Dudusia, nie domytych kobiet i zupy pomidorowej.

– Ja sie dzisiaj kapalam.

– Czy mam twoje słowa traktować jak propozycję?

– Powiedziałaś ci, że nie lubię głupich pytań.

– Nie wiem, do jakiego stopnia się zgrywasz.

– Wolalbyś, żebym opowiadała ci przez godzinę o tym, że się boję, że czuję się ogromnie samotna i zagubiona, że potrzebuję opieki, wtedy zacząłbyś mnie pocieszać, siadłbyś przy mnie, przytulił i marzył, żeby się zepsuło światło. Słuchałbyś z przyjemnością i wiarą, że jesteś nadzwyczajnym mężczyzną, że pierwszorzaz w życiu zdarzyło mi się coś równie ciekawego. Na pewno jeszcze przez delikatność oświadczyłbyś mi, że chociaż mąż mój zmarł tak niedawno, to rozgrzeszasz mnie i nie uważasz za ostatnią dziwkę (...). Collins czuł się zażenowany. Nie tak sobie wyobrażał dzisiejszy wieczór. Janey go onieśmiałła. Wiedziała o tym i bawiła się sytuacją... (J. Grodziński. Tajemniczy łowca szczurów).

— Не люблю стыдливых умолчаний. Не вижу причины притворяться, что между нами ничего не было.

— А еще чего ты не любишь?

— Эту развалину, этот рейс и шторм.

— Все?

— Не люблю еще грязной ванны, сладкого десерта, кислого вина и глупых вопросов.

Коллинз засмеялся.

— О Боже, наконец-то светский разговор! Меня уже измучило это расследование.

— Теперь ты знаешь мое мнение на этот счет. А ты чего не любишь?

— Тараканов, Дудуся, немых женщин и супа из помидоров.

— Я сегодня мылась.

— Должен понимать это как предложение?

— Я тебе сказала, что не люблю глупых вопросов.

— Не понимаю, сколько можно яснычить...

— А ты бы предпочел, чтобы я тебе сказала, что мне страшно, что чувствую себя одинокой и несчастной, что нуждаюсь в поддержке, тогда ты начал бы меня утешать, сел бы рядом, обнял и мечтал, чтобы погас свет. Слушал бы с удовольствием и верил, что ты исключительный мужчина, что я первый раз в жизни встретила такого. Наверное, еще по доброте душевной сообщил мне, что, хотя мой муж умер так недавно, ты отпускаешь мне грехи и не считаешь последней потаскухой (...).

Коллинз был сконфужен. Дженни лишила его уверенности. Знала это и от души забавлялась...

Однако понимать флирт только как фатический речевой жанр значило бы сужать его содержание. Часть поклонников данного жанра ожидают от флирта чего-то большего, чем сам флирт.

Вернер намедни сравнил женщин с заколдованным лесом, о котором рассказывает Тасс в своем «Освобожденном Иерусалиме». «Только приступи, — говорил он, — на тебя полетят со всех сторон такие страхи, что боже упаси: долг, гордость, приличие, общее мнение, насмешка, презрение... Надо только не смотреть, а идти прямо, — мало-помалу чудовища исчезают, и открывается перед тобой тихая и светлая поляна, среди которой цветет зеленый мирт. Зато беда, если на первых шагах сердце дрогнет и обернешься назад!» (М. Лермонтов. «Герой нашего времени»).

Такой флирт имеет ценность не сам по себе, а как начало, прелюдия или повод для «настоящей» любовной игры (которая, по данным сексологии, тоже может выступать как самоцель, но чаще все-таки является только прелюдией к половому акту).

Названные две цели, соответствующие двум разновидностям флирта, выступают в качестве глобальных макроинтенций, обуславливающих микроинтенции структурных элементов и стратегий флирта.

Первой микроинтенцией является сигнализирование объекту ухаживания «ты нравишься мне как лицо противоположного пола» (при этом сигнал должен быть косвенным). Средствами реализации данной интенции обычно выступают косвенные комплименты и косвенные предложения.

Семантику (глубинную структуру) косвенного комплимента А. Вежбицка определяет следующим образом:

«ФЛИРТ (FLIRT). Я говорю: я хочу, чтобы ты себе представил(а), что я говорю X.

Я думаю, что ты понимаешь, что, может быть, я этого совсем не думаю.

Я говорю это, потому что хочу, чтобы ты себе представил(а), что нравишься мне как лицо противоположного пола» [Вежбицка 1997: 108].

- *Nie wiedziałam, że ty palisz, Tadziu.* — Я не знала, что ты куришь, Та-
 – *Zupełnie wyjątkowo, ale czyż nie jest дек.*
to szczególna chwila, na którą tak dlu- — В совершенно исключительных
go czekałem? (J. Albrecht. «Zaręczu- случаях, но разве сейчас не та осо-
 ny w Pink House»)). — *бенная минута, которой я так дол-
 го ждал?*

Подобную семантику («говорю это, потому что хочу, чтобы ты себе представил(а), что нравишься мне как лицо противоположного пола») имеют и косвенные предложения:

- *Почему в одиночестве?* (В. Шукшин. «Хмырь»).

Вторая микроинтенция связана с желанием понравиться самому. Данная цель также достигается косвенно. Можно, допустим, защитить девушку от хулигана. Но когда мальчик дергает девочку за косу — это уже явно не прямое средство понравиться. (Объективно это, конечно, вообще нельзя считать средством понравиться, но мальчишка подсознательно надеется на лучшее.) Кстати, более взрослые «наивные» пользователи жанром обычно тоже не имеют в виду «вторую цель», связанную с интересами адресата.

Дополнительно преследуются еще две цели: «сохранить свое лицо» и «сохранить лицо» адресата. Для мальчишки, на которого смотрят насмешливые сверстники-наблюдатели, избежать возможных эмоциональных потерь при попытке вступления в разговор вообще часто является главной целью, отсюда подчас отчаянное желание не показать девочке, что она нравится. Ср. один из «вредных советов» Г. Остера:

*Девчонок надо никогда
 Нигде не замечать
 И не давать проходу им
 Нигде и никогда.
 Им надо ножки подставлять,
 Пугать из-за угла,
 Чтоб сразу поняли они:
 До них вам дела нет.
 Девчонку встретил — быстро ей
 Показывай язык.
 Пускай не думает она,
 Что ты в нее влюблен.*

Флирт, как косвенный жанр, предоставляет говорящему весьма удобную возможность: адресант никогда не может быть уличен в неблаговидном, или непрестижном, или стыдном мотиве, интенции, смысле. Ср. рефлексию Т. Л. Сухотиной-Толстой по поводу только что закончившегося вечера, на котором она занималась флиртом:

⟨...⟩ мы говорили о разговоре веером, но тогда он поспешил уйти. Кто-то сказал: что открыт его значит “Je vous aime” (‘Я люблю вас’). ⟨...⟩ У меня в этот вечер был веер, и Мецгерский все им играл. Я боялась, что он его сломает, и попросила мне его отдать. Он протянул его, потом вдруг что-то вспомнил, взял назад и медленно его передо мной открыл. Я сделала вид, что ничего не видала.

Значение знакового действия ‘Я люблю вас’ только что стало известно адресату. Поэтому информация передается, несмотря на реакцию: *Я сделала вид, что ничего не видала*. Но адресант не может быть уличен в том, что он открыл веер с символическим значением, и в этом состоит выгодное для адресанта отличие неконвенционального знака от произнесенной вслух или написанной фразы *Je vous aime*.

Сохранить лицо адресата — собственно риторическая задача, с решением которой часто связан успех флирта в целом: именно при неправильном риторическом воплощении жанра очень легко обидеть адресата уже самим фактом флирта с ним, тем более если флирт примитивный.

В зависимости от распределения ролей во флирте на начальном этапе общения различаются две разновидности: во-первых, флирт начинается после того, как участники увидели и положительно оценили друг друга как представителей противоположных полов. Таким образом, сам факт «ты мне нравишься» уже не требует выяснения или обсуждения, по крайней мере для этого не нужно прилагать дополнительных усилий. Первые реплики/коммуникативные ходы имеют косвенный характер, но их истинный смысл хорошо понятен обоим партнерам и не вызывает неприятия.

Wychodząc Bolcio mrugnął porozumiewawczo do Marcysi. Uśmiechnęła się życzliwie. Spodobał jej się ten wesoly, sympatyczny chłopak. (Z. Zeydler-Zborowski. «Krzyżówka z “Przekroju”»).

Выходя, Болчо многозначительно подмигнул Марцысе. Она доброжелательно улыбнулась. Ей понравился этот веселый, красивый парень.

Во-вторых, флирт выступает в роли своеобразного заменителя начального контакта. Допустим, первое впечатление было не совсем благоприятное либо обстановка в целом не способствует игре — во всяком случае, один из партнеров вначале не намеревается заниматься флиртом. Инициальные реплики имеют целью расположить партнера к игре, поэтому они косвенны несколько иным образом.

Nieznajoma zareagowała na tę zaczepkę bez niechęci, traktując ten sposób zawierania znajomości na plaży jako coś zupełnie naturalnego (Z. Zeydler-Zbrogowski. «Koty Leokadii Kościelnej»). *Незнакомка среагировала на это предложение без неприятия, восприняв такой способ знакомства на пляже как нечто совершенно естественное.*

Сущность флирта связана с выражением симпатии, влечения к партнеру, осуществляемым скрытым, косвенным образом. Непременно косвенный характер флирта проявляется во всех рассматриваемых примерах.

(1) Женщина-кондуктор (МУЖЧИНЕ, КОТОРЫЙ, РАСПЛАЧИВАЮСЬ ЗА БИЛЕТ, СТАВИТ НА ГРЯЗНЫЙ ПОЛ СУМКУ). *Давайте / поддержку //*

Мужчина. *⟨Не надо⟩*

Ж. *Давайте // Вы думаете / я тяжести не поднимала / если я кондуктор / ничего тяжелее билета? // И бачки поднимала // все //*

М. *8 часов работаете?*

Ж. *Больше //*

М. *Столько машин / на Ленинской // Как на велосипеде // С такой работой не разжиреешь*

Ж. (ПРОДОЛЖАЕТ). *12 часов // с обедом 13 //*

М. *Я говорю / с такой работой не разжиреешь //*

Ж. *А я никогда не была жирная // 16 лет работала поваром // не была //*

В ответ на общую сентенцию *с такой работой не разжиреешь* (содержащую импликацию выражения сочувствия) женщина переводит разговор на характеристику своей внешности *я никогда не была жирная*, тем самым переключая общение в межличностную, интимную и несколько несерьезную тональность. Косвенность этого хода заключается в том, что, будучи по форме связан с предыдущей репликой (анафора *жирный*), входящей в зону преимущественно информативной речи, по смыслу это наивная похвальба, относящаяся к

зоне фатической речи. В реплике мужчины *с такой работой не разжиреешь* довольно-таки трудно усмотреть косвенный комплимент внешности. Женщина же, отгалкиваясь от коннотативной многозначности: «разжиреть» — 1. ‘мало работать, бездельничать’; 2. ‘стать некрасивой’, — реагирует на ситуацию как на косвенный комплимент (флирт), который она принимает.

(2) Женщина (ЗНАКОМОМУ МУЖЧИНЕ, КОТОРЫЙ СОБИРАЕТСЯ НАДЕТЬ ЕЕ СПОРТИВНЫЕ БРЮКИ; ОЧЕНЬ СЛАДКИМ, «ДЕТСКИМ», КАПРИЗНЫМ ГОЛОСОМ). Как же ты их оденешь? // Я такая маленькая/худенькая/у меня животик вон какой плоский/а ты вон какой //

Мужчина. Конечно // Что же ты его так втянула-то? //

Ж. (СОВЕРШЕННО ДРУГИМ ТОНОМ; АГРЕССИВНО). Ну/ты не очень-то умничай! //

Первая реплика женщины содержит целый ряд косвенных комплиментов и косвенной похвалы («флиртовые» намеки на близость через подчеркнутое сопоставление: ты мужчина и щедро наделен мужскими качествами, я женщина и наделена замечательными женскими качествами). Ирония мужчины воспринимается чрезвычайно отрицательно, хотя ответное вербальное противодействие несколько утрированно преувеличено, что также наводит на мысль об иронии (женщина довольно полная, и ее реплика *я такая маленькая/худенькая/у меня животик вон какой плоский* воспринимается как шутка, хотя, возможно, не задумывалась как таковая). Реплика «не умничай» парадоксальным образом фиксирует качество «неподходящее» для флирта.

Распространенной разновидностью флирта является флирт мужчины-начальника с женщиной-подчиненным.

(3) А. А вы что здесь делаете? // Я/кажется вам все подписал //

Б. Ловлю В // Уже несколько часов бегая за ним // Где ни появлюсь/сообщают/только что был и вышел // Поэтому уж я решила подождать здесь // Сюда он уже точно придет //

А. На его месте/я бы за вами бегал // (ЦИТИРУЕТ):

Нет, поминутно видеть вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вам долго, понимать

*Душой все ваше совершенство,
Пред вами в муках замирать,
Бледнеть и гаснуть... вот блаженство!*

Б. (НЕСКОЛЬКО ОПЕШИВ). Ну/если вы/в такое время способны/после рабочего дня/так с ходу и к месту/читать такие большие отрывки... // Это очень хорошо //

А. Ну/если я утрачу эту способность/что тогда вообще останется? //

Маркером косвенности этого примера является не только гипертрофированная форма комплимента, но и его очевидная неуместность в данной обстановке (конец рабочего дня, большое скопление людей).

В письме А. Чехова художнице А. Хотьяинцевой достаточно странно выглядят торжественно-патетические характеристики, если не предположить цели языковой игры с флиртовым содержанием:

⟨...⟩ разве Вы писали мне недавно? Я ничего не получил, *великая художница земли русской*, и Вы напрасно наказываете меня — пишете так коротко (11 дек. 1897 г.).

Как уже отмечалось, в современном жанроведении при исчислении степени косвенности жанра успешно применяется полевой подход. Жанр понимается как поле, ядро которого составляют единицы, наиболее явно (т. е. прямо) выражающие полеобразующую содержательную категорию. Периферию поля составляют косвенные единицы.

При рассмотрении разновидностей флирта следует учитывать разную семиотическую природу используемых в них средств. Можно выделить три типа единиц, сопоставимых с иконическими, индексальными и символическими знаками Ч. Пирса.

1. Поведенческие единицы с пониженной семиотичностью — донести женщине сумку, защитить от хулигана, вскопать огород, отдать свой пиджак, если она замерзла, и др. — прямая и непосредственная помощь. Назовем первую группу единиц «заботой». Защитить девушку от хулигана, собственно, вообще не флирт, если все серьезно и нет места игре. Впрочем, этот поступок вполне может быть наполнен флиртовыми смыслами, если превращается в игру или даже некое подобие спектакля (так Д'Артаньян в кинофильме, рисуясь, защищает свою избранницу от злодеев-гвардейцев, то картинно падая, то пере-

ходя в наступление) — в этом случае, конечно, непосредственная «забота» отходит на второй план.

2. Действия знакового характера, связь означающего и означаемого в которых является мотивированной, — допустим, букет цветов, а также разнообразные комплименты (прямые). Некоторые знаковые жесты второго типа описывает А. Пиз (в американской культуре): например, приоткрытые губы символизируют набухающие возбужденные женские половые губы, а поигрывание ногой в туфельке — движение члена в женском лоне [Пиз 1992: 174–176]. По данным [Weaver 1996: 222], желающий понравиться должен переместиться ближе к интересующей его особе, улыбнуться, глядя прямо в глаза и не жестикулируя руками. Назовем эту группу «ухаживанием».

3. Флиртовые символы. Ср. сложную систему «искусства флирта», хорошо известную в XVIII–XIX вв. и почти забытую сейчас: «Существовал не только словесный, но и жестикуляционный и даже знаковый флирт, когда определенные жесты и знаки (цвет писчей бумаги, наклеенная вверх ногами, в правой или левой части конверта, почтовая марка и т. д.) означали зашифрованные послания или многозначительные намеки влюбленных. В те времена любой подаренный цветок выражал свою, присущую только ему любовную символику» [Вислоцкая 1991: 18]. Отметим, что в современной европейской культуре из символов третьего типа получили распространение только «валентинки» (специальные открытки на день святого Валентина). Окационными средствами этого типа могут выступать подмигивание, легкое прикосновение, этикетное действие, сопровождаемое дополнительной мимикой или жестом, — например, приглашение на танец или даже предложение чаю:

— *Алиса, можно я налью вам в мою любимую чашку?*

Флин затуманил взгляд, как бы намекая на возможность особой близости, могущей возникнуть от такого интимного контакта с его возлюбленной посудой. Прелестная Алиса улыбнулась (Т. Толстая. «Факир»).

В других культурах флиртовая символика может представлять собой значительно более сложно организованную систему. Так, в одном из южноафриканских племен «ухаживание» состоит в том, что при первой встрече юноша дергает девушку за платье, таким образом при-

глашая провести с ним вечер. Несколько часов они сидят молча, пока жених наконец не пробормочет: «Не хочешь ли ты, чтобы наши стада овец паслись вместе?» [Швейгер-Лерхенфельд 1998: 454–455]. Американский этнолог Маргарет Мид в книге «Взросление на Самоа» отмечает, что в добрых отношениях самоанцы строго придерживаются всех условностей ухаживания. Условности же касаются скорее языка, чем действия. Юноша клянется, что он умрет, если девушка откажет ему в своих милостях, вместе с тем романтическая любовь, связанная с идеалами моногамии, незнакома самоанцам [Мид 1988: 133–134]. Назовем третью группу «*кокетничанием*».

Флиртовые средства третьего типа в чистом виде встречаются достаточно редко — образно говоря, язык любви слишком ароматен, чтобы быть безразличным к телу знака. Это подтверждается многочисленными данными по антропологии и этнографии.

Так, Б. Малиновский, рассматривая обычаи и обряды у первобытных народов, отмечает преимущественно флиртовые средства второго типа. В очерке «Балома: духи мертвых на Тробрианских островах» Малиновский описывает ухаживания на Туме — *катуйауси*: в поиске любовных приключений незамужние девушки одной деревни отправляются группами в другую деревню и там спят с юношами этой деревни. Любой одинокий мужчина, которому понравилась одна из этих девушек, делает ей (через посредника) какой-то маленький подарок (гребень, какие-нибудь украшения из раковин или кольца из черепашье панциря), подарок вручается ей со словами «*кам паку*». Если подарок принимается, то эти двое принадлежат друг другу на одну ночь [Малиновский 1998: 243]. В очерке «Матрилинейный комплекс и миф» он пишет: «У этих любвеобильных людей искусство нравиться, привлекать и соблазнять представителей противоположного пола связано с демонстрацией красоты, удали и артистических способностей. Слава хорошего танцора, хорошего певца, воина имеет свой сексуальный аспект (...) Но над всеми способами соблазнения здесь повсеместно возвышается самое что ни на есть прозаическое и грубое искусство магии, исключительно почитаемой туземцами (разрядка моя. — В. Д.)». Интересно, что, хотя главной составляющей флирта у первобытных народов являются не собственно флиртовые умения, а магия (*кайроиво*), сами магические заклинания и прочие ритуальные действия основываются на флиртовых средствах (преимущественно второго типа): «Первое заклинание связано с ритуальным купанием в море. Заклинание произносится над губчатыми листьями, которые туземцы используют как аналог

нашему купальному полотенцу, обтирая и высушивая ими кожу. Купающийся вытирает кожу заколдованными листьями, а затем бросает их в воду. Подобно тому как листья на волнах то поднимаются вверх, то опускаются вниз, “нутро” любимой будет страстно волноваться. Иногда этого заклинания бывает достаточно; если же нет, то отвергнутый влюбленный прибегает к более сильному средству. Вторая формула произносится над орехом бетеля, который влюбленный затем жует и выплевывает в направлении своей возлюбленной. Если и это не приносит результата, тогда третье заклинание, еще более сильное, чем два предыдущих, произносится над каким-нибудь деликатесом вроде ореха бетеля или табака, и часть этого зелья затем дают съесть, пожевать или выкурить возлюбленной. Еще более решительная мера — произнести магическую формулу в раскрытые ладони, а затем попытаться прижать их к груди любимой» [Там же: 267–268].

Очевидно, что ядро поля собственно флирта/ухаживания составляет вторая группа единиц, первую же и третью группы можно понимать как периферию флирта.

Флирт, оставаясь непрямой коммуникацией, из-за преобладания знаков второго типа обычно не представляет никакой сложности для интерпретации, которая часто осуществляется практически автоматически.

Так, в фильме А. Коренева и В. Азерникова «По семейным обстоятельствам» в дом, где живут Лида и Игорь, приходит по вызову симпатичная девушка из бюро добрых услуг.

Д е в у ш к а (с легкой улыбкой). *Вас приветствует бюро добрых услуг.* (Глядя пристально на молодого человека, иронично.) *Так кому няня-то нужна? Тебе, что ли?*

Оба улыбаются; у мужа смущенно-довольный вид.

Л и д а (решительно закрывает дверь перед гостьей, выставляя ее из квартиры). *Нет, девушка, нам няня не нужна. Извините.* (Слегка ударяет мужа половником по голове.)

Названная особенность флирта также хорошо подтверждается следующим примером.

Молодая женщина, героиня романа Н. Fielding «Дневники Бриджит Джонс», влюблена в своего начальника, он же не обращает на нее внимания. Страстно желая привлечь своего избранника, Бриджит,

отправляясь на работу, надевает сверхкороткую обтягивающую юбку. В этот же день она получает по электронной почте письмо от шефа:

Message Jones

You appear to have forgotten your skirt. As I think is made perfectly clear in your contract of employment, staff are expected to be fully dressed at all times.
Cleave.

Письмо к Джонс

Кажется, вы забыли дома юбку. По моему в вашем контракте черным по белому указано, что все служащие обязаны быть полностью одеты в рабочее время.
Клив (Пер. Г. Багдасарян).

«Hah! Undeniably flirtatious!» — восхищается девушка, прочитав этот текст, и немедленно отвечает игривым, призывным посланием:

Message Cleave

Sir, am appalled by message. Whilst skirt could reasonably be described as a little on the skimpy side (thrift being ever our watchword in editorial), consider it gross misrepresentation to describe said skirt as absent, and considering contacting union.
Jones.

Письмо к Кливу

Сэр, я возмущена вашим письмом. Да, мою юбку можно справедливо назвать узкой (смотри «экономия» в словаре). Но все же считаю грубой ошибкой называть ее отсутствующей, рекомендую запросить мнение профсоюза.
Джонс.

Однако, отправив это письмо, Бриджит задумывается и приходит в ужас.

Must be furious. Maybe he was being serious about the skirt. Oh God oh God. Have been seduced by informality of messaging medium into being impertinent to boss.

Наверное, он в бешенстве. Может, он вовсе не шутил насчет юбки? Господи, господа. Сбилась с пути истинного и вздумала нахальничать с шефом из-за неофициальности электронной почты.

Следует отметить, что у девушки были основания для обоих предположений. Как уже отмечалось, косвенная природа флирта делает его исключительно удобным средством общения в ситуациях, когда речь заходит о щекотливых материях, когда не хочется признаваться в том, что считается предосудительным или просто не совсем одобряется социумом, наконец, когда есть необходимость «сделать вид, что ничего не было».

Пожалуй, первая реакция Бриджит была все-таки более естественной (и, как становится ясно в дальнейшем, верной), и не только потому, что влюбленная девушка в любом поведении предмета своего обожания видит эротический призыв. Это направление интерпретации более естественно в силу другой важной особенности РЖ флирта. Низкая степень косвенности во флирте, малая доля непланируемой не прямой коммуникации, преобладание знаков с низкой семиотичностью (иконы и индексы, в которых тело знака более значимо, чем символическое означаемое) в значительной степени ограничивают множественность интерпретации. Конечно, уже сама по себе короткая юбка в качестве предмета обсуждения между начальником и подчиненной — весьма красноречивое эротическое тело знака; кроме того, это их первое общение по электронной почте.

Низкая степень косвенности, минимальная осложненность интерпретативной деятельности адресата речи во флирте не означают несущественности данного признака. В этом отношении, например, комплимент, конечно, универсальное средство ухаживания, но только комплимент *косвенный*, со скрытым сексуальным содержанием. Ср.:

- *Справная девка, — сказала старуха Саше, — ты ей катетку подари, она и погуляет с тобой.*
- *Что значит катетка?*
- *Ну, платок по-вашему.*
- *Интересно, — усмехнулся Саша (А. Рыбаков. «Дети Арбата»).*

В данном разговоре два несомненных заменителя: 1) «катетка» в подарок символизирует предложение; 2) слово «погуляет» употреблено с эвфемистической целью — имеется в виду, по всей видимости, интимная близость.

Собственно флиртовым действием является только 1; 2 же — прямая коммуникация (хотя она и не может быть названа прямо). Степень косвенности 1 невысока, поскольку это икона — знак второго типа. Допустим, если бы Саше было сказано «попрыгай перед ней на левой ноге, она и погуляет с тобой», тогда это был бы символ в чистом виде. «Катетка» же слишком напоминает плату. С другой стороны, «катетка» и не то же самое, что, допустим, ведро картошки (единица первого типа), которое в качестве «флиртового» подарка едва ли дало бы желаемый результат.

Флирт как речевой жанр является производным от флирта как жанра поведенческого. Показательно существование невербального

флирта, косвенность которого точно так же проявляется в неконвенциональности используемых средств невербальной коммуникации, которые в принципе могут быть поняты двояко: и в «флиртовом» значении, и совершенно нейтрально, как в следующем примере.

Nowa pacjentka... do połowy obnizona leżała na sofce... Bezpośrednio przyłożyłem ucho do jej kształtnych piersi. Dalibóg i tym razem usłyszałem mało. Nasze serca — jej i moje — tłukły wesołego galopada, a ja coraz śmielej wędrowałem uchem po aksamitnej, przytulnej powierzchni. Z całą pewnością przerwałbym tą bezczelną nieco wędrówkę, gdybym wyczuł ze strony pacjentki najmniejszy chociaż protest. Ale wręcz przeciwnie, jej rozkoszne drżenie i kocie, pieszczotliwie dyskretne ruchy przyprawiały mnie o zawrót głowy. Niedwuznacznie przy tym podstawiała mi to jedną, to znów drugą pierś... (W. Korabiewicz. «Złowiłem zycie»).

Новая пациентка лежала на диванчике в полубожаженном виде. Я развязно приложил ухо к ее красивым грудям. Видит Бог, я и таким образом услышал немного. Наши сердца — ее и мое — выстукивали вместе веселый галоп, а я все смелей путешествовал ухом по бархатистой, гладкой поверхности. С полной уверенностью прервал бы это несколько наглое путешествие, если бы почувствовал со стороны пациентки хотя бы самый слабый протест. Но наоборот, ее сладострастное вздрагивание и по-кошачьи ласковые движения совсем вскружили мне голову. При этом она недвусмысленно подставляла мне то одну, то другую грудь...

Косвенный характер флирта обусловлен рядом факторов, часть которых связана с успехом актуальной коммуникации (синхронные факторы), другая же часть имеет свои истоки в истории национальной культуры и часто является весьма опосредованной и неочевидной.

Первым из **синхронных факторов** является отмеченный Э. Берном игровой характер флирта.

Кстати, если в книге «Игры, в которые играют люди» косвенность понимается только как скрытые транзакции, связанные с нацеленностью на выигрыш в игре-единоборстве, то во второй книге Э. Берна «Секс в человеческой любви», вышедшей через два года после первой книги «Игры, в которые играют люди», дается более сложное объяснение роли косвенности во флирте — как «переключение», характерное для «драма-треугольника» С. Карпмана «жертва» → «преследователь», «спаситель» → «жертва»:

Д ж у д и т. *Вы думаете, я поправлюсь?*
В р а ч. *Я полагаю, да.*

Д ж у д и т. *Почему Вы думаете, что все знаете?*

толкование:

Д ж у д и т. (говорит как беспомощный маленький Ребенок). *Помоги мне, о Великий!*

В р а ч. (говорит как могущественный Родитель). *Я, Великий, могу помочь тебе.*

Д ж у д и т. (говорит как нахальный Ребенок). *Да брось ты, задавака!* [Берн 1990: 68–70].

Второй фактор синхронного типа присущ той разновидности флирта, которую мы определили выше как фатическую (флирт ради самого флирта) и которая, как и фатика в целом, находится в сложных отношениях с передаваемой и н ф о р м а ц и е й. По причине низкой семиотичности средств фатической коммуникации отсутствует и явное противопоставление отмеченных трех групп флиртовых средств общения.

Факторы исторического характера. Истоки косвенности флирта, как и светской беседы, объединяют эти жанры с древнейшими формами «несерьезных» действий, ритуалов, основанных на карнавальном совмещении сакрального и непристойного, молитвы и божбы, имени Бога и имени дьявола. В общем виде это соединение «высокого» и «низкого», жизни и смерти.

Как отмечает О. М. Фрейденберг, чаще всего символическое единение жизни и смерти (отсюда — еды, плача, смеха, совокупления и убийства) осуществлялось в древних обрядах плодородия. Запреты, накладываемые на отношения между полами, тогда отменялись либо оборачивались своей противоположностью. Ср. праздник богини плодородия и хлеба Деметры, культ Аполлона-Айглета, а также земледельческие шествия — «комосы», когда глава шествия (Фалес) оплодотворял Землю-женщину [Фрейденберг 1997: 103–117]. Амбивалентную природу жанров похвалы/проклятия в средневековой городской культуре всесторонне рассмотрел М. М. Бахтин в книге о Франсуа Рабле [Бахтин 1990]. Ср. приводимые выше данные Б. Малиновского о способах соблазнения на Тробрианских островах и огромной роли в них «прозаического и грубого искусства магии».

Одной из главных исторических причин косвенности европейского флирта является общая антисексуальность христианской культуры, отмеченная И. С. Коном. В культурах антисексуального типа все связанное с сексуальными отправлениями и влечением замалчивалось, отрицалось, называлось другими именами [Кон 1988: 109]. Это явление лежит в основе фрейдовской концепции сублимации:

сексуальные желания, вступающие в противоречие с жесткими требованиями цивилизации, вытесняются в подсознание и могут проявляться только косвенным образом (в обмолвках, описках, снах, юморе и т. п.) [Фрейд 1990].

Национальная культура определяет как объем дозволенного в поведении и речи (прежде всего положение женщины в обществе), так и семиотику флирта (характер значения символов). Так, стоит мужчине придержать дверь открытой, пропуская вперед себя женщину-японку — она воспримет это как показатель глубокого влечения; француженка в подобных обстоятельствах отметит только, что человек хорошо воспитан. По данным Б. Х. Бгажнокова, у адыгов «путник (конный или пеший), увидев женщину, колющую дрова, обязан был войти во двор и, вежливо, но настойчиво отстранив женщину, взять у нее топор и приняться за работу; справившись с делом, он мог продолжить свой путь. Встретив женщин в пути, мужчина всегда обязан был проводить их до пункта назначения» [Бгажноков 1983: 39].

После этого короткого исторического экскурса мы хотели бы высказать несколько соображений о некоторых новых тенденциях в развитии флирта (ухаживания) в современной России (шире — современном изменившемся, компьютеризированном и чатизированном мире). Нам думается, можно говорить не только о некоторых новых частных особенностях флирта, но и о весьма существенных трансформациях жанра, как и системы фатической коммуникации в целом.

Так, многие фатические речевые жанры в современном русском обществе подвергаются трансформации в сторону неестественного повышения косвенности. Например, *флирт* и *розыгрыш* косвенным естественным образом, но *small talk*, вообще фатическая интенция отнюдь не предполагают дополнительной заботы о сокрытии цели общения. Действительность же такова, что косвенных средств требуют те фатические речевые жанры, для которых косвенные средства несвойственны. Стремление к вступлению в контакт, к получению удовлетворения от общения в речи людей прикрывается требованиями службы, бизнеса или иной необходимостью, потому что общение ради самого общения социально непрестижно. Многочисленные пособия по речевому этикету, правилам хорошего тона, светскому общению, флирту и т. д. ориентируют читателя на функциональность даже в фатических жанрах (см. выше).

Тенденцией, противоположной названной, стало появление нескольких новых сфер фатического общения.

Представляет интерес вторичный (трансформированный в опосредованных сферах общения) флирт в саратовской газете бесплатных объявлений «Кому что...» (специальная рубрика «Послания», существующая с 1992 г.).

Наиболее очевидной причиной «непрямоты» общения, осуществляемого посредством объявлений в рубрике «Послания», является требование, предъявляемое редакцией газеты к авторам объявлений: нельзя сообщать имена и адреса, номера телефонов и машин (хотя, впрочем, можно назначить встречу заинтересовавшему человеку или предложить писать до востребования предъявителю паспорта).

Преобладающей в «Посланиях» является фатическая цель. Нам не удалось найти ни одного примера общения через «Послания», которое преследовало бы только информативную цель. Отметим, что сфера общения через газетные объявления использовалась для передачи зашифрованных сообщений еще в XVIII–XIX в. Ср. «Записки о Шерлоке Холмсе» А. Конана Дойля.

⟨...⟩ There only remained an envelope with some small newspaper slips inside it. Holmes shook them out on the table, and at once I saw by his eager face that his hopes had been raised.

— What's this, Watson? Eh? What's this? Record of a series of messages in the advertisements of a paper. «Daily Telegraph» agony column by the print and paper. Right-hand top corner of a page. No dates — but messages arrange themselves. This must be the first:

«Hoped to hear sooner. Terms agreed to. Write fully to address given on card. Pierrot».

Next comes:

«Too complex for description. Must have full report. Stuff awaits you when goods delivered. Pierrot». ⟨...⟩

Finally:

«Monday night after nine. Two taps. Only ourselves. Do not be so suspicious. Payment in hard cash when goods delivered. Pierrot».

⟨...⟩ Оставался еще конверт с какими-то газетными вырезками. Холмс разложил их на столе, и по его загоревшимся глазам я понял, что появилась надежда.

— Что это такое, Уотсон, а? Газетные объявления и, судя по шрифту и бумаге, из «Дейли телеграф» — из верхнего угла правой полосы. Даты не указаны, но вот это, по-видимому, первое:

«Надеялся услышать раньше. Условия приняты. Пишите подробно по адресу, указанному на карточке. Пьерро».

А вот второе:

«Слишком сложно для описания. Должен иметь полный отчет. Оплата по вручении товара. Пьерро». ⟨...⟩
И наконец, последнее:

«В понедельник вечером после девяти. Стучать два раза. Будем одни. Оставьте подозрительность. Оплата наличными по вручении товара. Пьерро» (пер. Н. Дехтеревой).

Объявления в газете «Кому что...» практически не используются для передачи зашифрованной информации. Причиной не востребоваемости газеты для подобных целей является, по-видимому, малочисленность круга читателей «Кому что...», а также малая оперативность еженедельника (послание публикуется лишь через месяц-два после поступления в редакцию).

Природа «Посланий» также благоприятствует флирту — типу по определению не прямой фатической коммуникации. «Послания» оказываются очень удобным средством для достижения обеих флиртовых целей (см. выше): 1) показать объекту, что он нравится; 2) понравиться самому. (Впрочем, виртуальный характер общения через «Послания» несколько противоречит сексуальной природе флирта, для которого столь важен «аромат тела» знака). В целом флирт посредством «Посланий» является вторичным речевым жанром по отношению к первичному жанру — непосредственному флирту, рассмотренному выше.

***Бето!** Где мне тебя найти? Я уже потеряла надежду на нашу встречу. Отзовись, прошу!!! И станешь самым счастливым! **Марисабель Вильереаль** («Кому что...», спецвыпуск № 1, ноябрь 1993 г.).*

Прозрачные намеки: имена *Бето* и *Марисабель Вильереаль* (аллюзия к телесериалу «Богатые тоже плачут») — и экспликации: *наша встреча; Отзовись, прошу; станешь самым счастливым* — сообщают тексту невысокую степень косвенности.

Вторым членением по цели высказываний внутри общей фатической интенции в «Посланиях» является противопоставление; 1) общения через «Послания», целью которого является живое общение, т. е. не само общение через «Послания», и 2) общения, целью которого является само виртуальное общение через «Послания», и не имеется в виду ничего более (это проявляется прежде всего в том, что в такого рода высказываниях речь не идет о личной встрече).

Назовем эти две группы «Посланий» для удобства «Посланиями-1» и «Посланиями-2». Прежде чем рассматривать подробнее эти группы, отметим, что цель (1) или (2) «Посланий» с высокой степенью «непрямоты» никогда нельзя идентифицировать с абсолютной уверенностью (например, цель безадресного стихика или афоризма). Думается, что сам автор далеко не всегда знает эту цель.

Как и первичному флирту, «Посланиям» присуща и непланируемая, и планируемая непрямая коммуникация. Обе группы посланий

варьируют множество разновидностей, различающихся ролью/степенью непланируемой непрямой коммуникации и ролью планируемой непрямой коммуникации/степенью косвенности, при этом «Посланиям-2» присуща преимущественно непланируемая непрямая коммуникация, «Послания-1» же различаются прежде всего степенью косвенности речевых средств, направленных на достижение цели — осуществлении неvirtуального флиртового общения.

Естественно, что предложенное членение «Посланий» условно. Многие «Послания» трудно отнести к какой-то одной из групп, например:

Тане, что живет на улице Перспективной и у которой красивые, призывно-томные карие глаза и две восхитительные родинки возле губ. Просьба к тебе. Покрась волосы в белый цвет! Тебя хотят видеть белокурой. Случайно и мимолетно сведенные судьбой... («Кому что...», спецвыпуск № 1, ноябрь 1993 г.).

Общение вне газеты как будто бы уже состоялось, но призыва к новой встрече нет. Таким призывом к встрече не является выражение *тебя хотят видеть белокурой* в неопределенно-личной форме 3-го лица. Подпись *Случайно и мимолетно сведенные судьбой* также эксплицирует кратковременность общения. Эксплицированные качества внешности и эмоциональные оценки (*красивые, призывно-томные карие глаза и две восхитительные родинки возле губ*) сами по себе не являются показателями ни фатической, ни флиртовой интенции; в то же время замечание *тебя хотят видеть белокурой* вполне может быть истолковано девушкой как отрицательная оценка ее внешности (впрочем, флирт не исключает насмешки и прочих дисгармонических средств).

Рассмотрим одну сюжетную диалогическую линию внутри «Посланий-1» — **линию «Красивого блондина на иномарке»**. Данную линию составляют, во-первых, послание самого *Красивого блондина на иномарке*, во-вторых, отклики от девушек, желающих познакомиться с ним, и, в-третьих, метапослания/рефлексия. Отметим, что откликов от девушек, желающих познакомиться с *Блондином*, было около ста, аллюзий к нему (метапосланий) — более тысячи.

Девушки! В свои 22 года я уже устал от одиночества, надоели постоянные вечеринки, «девушки легкого поведения». А так хочется познакомиться с верной, доброй и одинокой девушкой для серьезных отношений. Неужели такие перевелись? Красивый блондин на иномарке («Кому что...» от 5.05.94 г.).

Отклики девушек. Их можно разделить на ряд групп по нарастанию степени косвенности:

1) послания, в которых содержатся прямые положительные оценки и согласие встретиться, а также — что не менее характерно — прямое сообщение о наличии у себя всех искомых качеств:

***Красивому блондину на иномарке.** Мне очень понравилось ваше послание. Хотя мне только 16 лет, я уже, как и вы, устала от одиночества. Я имею все качества, какими должна обладать порядочная девушка. Я уверена, что мы найдем с вами общий язык. Предлагаю встретиться. Место и время встречи за вами. С нетерпением жду вашего ответа. **Оленька** («Кому что...») от 23.06.94 г.*

2) послания с косвенной формой, очень близкой к некоторому жанровому **стандарту**: «хорошие девушки есть». Данная форма часто сопровождается сообщением о наличии у себя искомых качеств и предложением встречи:

***Красивый блондин на иномарке** («КЧ» № 18)! Такие девушки не перевелись. И если ты действительно устал от лживой любви и хаоса жизни, то я — та девушка, которую ищешь. Если хочешь, давай встретимся. В свои 17 лет я не меньше устала от хамства и ограниченности ума большинства людей, интересы которых сводятся к узкому ряду вещей. Ты хочешь настоящей любви, значит, стремишься к совершенству. Значит, выше этого. **Дочь Неба (Наталья)** («Кому что...») от 16.06.94 г.*

Более косвенной является форма без эксплицитного предложения встречи (но оно вполне однозначно прочитывается из экспликации *Я одна из таких*):

***Красивому блондину на иномарке.** Не сомневайся! Хороших девушек много. Просто им недоступно общество парней на иномарках. Я одна из таких. Симпатичная блондинка — **Иринка** («Кому что...») от 23.06.94 г.*

Еще бóльшая степень косвенности проявляется в посланиях, где отсутствует не только предложение встречи, но и экспликация своих достоинств:

***Красивому блондину на иномарке, 22 г.!** Верные, добрые, порядочные девушки не перевелись, ты просто не там ищешь. Порядочные в машины не садятся. **Лара** («Кому что...») от 23.06.94 г.*

3) послания с выражением сочувствия и понимания (все остальное лишь подразумевается, от чего послание становится менее однозначным):

Красивому блондину на иномарке. Одиночество — это самое тяжелое время, когда ты молод и полон сил. Ужасно осознавать, что вокруг тебя нет никого, кому можно верить и доверять, да просто провести приятно время. Все это угнетает, надоедает, и жизнь кажется пустой. Но не надо падать духом. Ты еще молод.
Светлана («Кому что...» от 23.06.94 г.).

4) послания с выражением сомнений и легкой критикой (что скорее всего можно понимать просто как немного более высокую степень косвенности, поскольку предполагается ответ):

Красивому блондину на иномарке. Знаешь, мне кажется, что тебе будет скучно и неинтересно с такой девушкой. Ведь ты привык к веселой и разгульной жизни (как ты пишешь). Сможешь ли ты быть после нее верным и добрым? Ответь, пожалуйста.
Ангелика, 19 лет («Кому что...» от 23.06.94 г.).

5) наконец, послания с прямой критикой без указания или намека на возможность встречи. Отметим единичность таких посланий:

Симпатичный блондин на иномарке! Пишешь, что тебе надоело вечеринки, девушки легкого поведения. Но сам рассчитываешь на что, если упомянул иномарку? Я думаю, это не самое главное.
Светлячок («Кому что...» от 28.07.94 г.).

Красивый блондин на иномарке! Ты пишешь, что тебе надоело так жить. Но вы все, на иномарках, стремитесь так жить. И для вас существуют только девушки легкого поведения, под которых вы замазываете всех.
Иринка-картинка. («Кому что» от 28.07.94 г.).

Истинные мотивы писавших, естественно, нам неизвестны, однако у обоих приведенных посланий есть общее качество — фамильярно-ласковая форма псевдонимов (*Светлячок* и *Иринка-картинка*), что позволяет предположить в них, как и в предыдущих группах ответных текстов, флиртовую цель.

Думается, что ближе всего к жанровому канону группа 2 — об этом говорит удельный вес таких посланий, а также то, что в такой

форме отвечали и другие девушки другим адресатам. Поэтому рассмотрим подробнее именно эту форму.

Стереотип интерпретации: формула «1) есть хорошие девушки (обязательно в не прямой форме 3 лица множ. ч.) → 2) ты должен действовать» содержит смысл: 'я говорю о себе, таким хорошим человеком являюсь именно я, но при этом я не хвалю себя прямо'. Это классическая форма косвенного предложения — институционального речевого хода во флирте. В какой-то степени она запрограммирована формой стимула: риторический вопрос *Неужели такие перевелись?* является косвенным предложением и потому предполагает скорее умеренно косвенный, чем прямой ответ. Кроме того, ответный характер данного стереотипа определяется уже самой фатической сферой общения. Добавим, что данный риторический вопрос содержит неявно выраженную обобщенно-адресатную характеристику. Несоответствие этой характеристики и гармонической (флирт-унисон) фатической цели обуславливает не прямой характер обращенности.

Переходим к следующей группе посланий, имеющих не прямой характер. Природа их «непрямоты» несколько иная.

Аллюзии. Аллюзии к «линии Блондина» исключительно разнообразны. Многие послания содержат аллюзии в неявном виде; коммуникативная цель таких посланий может быть определена только предположительно. Можно выделить такие разряды посланий-аллюзий, как, например, рефлексия, иронические аллюзии, «подражатели» и «подражатели от противного», однако данные группы очень условны.

Подражатели.

Казалось бы, все есть: квартира, машина, дача, девушки обращают внимание. Но нет той, которая оценила бы мою душу, а не туго набитый кошелек. Девушки! Есть ли среди вас та, красивая, добрая, бескорыстная? Парень на «девятке», 27 лет («Кому что...» от 08.09.94 г.).

Надоела одинокая жизнь. Хочется найти нежную и любящую девушку, чтобы полюбить ее раз и навсегда, чтобы отправиться с ней в путешествие в любую точку мира. Мальчик с голубыми глазами на «Volvo» («Кому что...» от 28.07.94 г.).

Мальчик с голубыми глазами на «Volvo» тоже получил довольно много положительных откликов (хотя значительно меньше, чем *Блондин*). В целом же, поскольку появление его послания совпало с разгаром дискуссии по поводу *Блондина*, оно было встречено смехом:

Внимание!!! Начинается великое сражение! Кто больше получит посланий: «Красивый блондин на иномарке» или «Мальчик с голубыми глазами на “Volvo”»? Между прочим, последний может и победить. Ведь еще неизвестно, что за иномарка у блондина. А вдруг «запорожец»? («Кому что...» от 08.09.94 г.).

*Голубоглазому мальчику на «Вольвочке» («КЧ» № 30). Не успел отиуметь красивый блондин на иномарке, как появились вы: наверное, чувство юмора совсем покинуло вас и вы рассчитываете на что-то «серьезное». Отставить смех в зале! Мальчику захотелось большого чувства! {...} **Насмешница** («Кому что...» от 1.09.94 г.).*

Метапослания и рефлексия. Метапослания можно разделить на две группы: формально адресованные самому *Блондину* и адресованные откликнувшимся девушкам. По содержанию эти две группы мало отличаются друг от друга, имея одну и ту же реальную адресованность (девушкам), одну и ту же тональность (дисгармоническая, насмешливая) и тематическое содержание (жанровая рефлексия, упрек и насмешка).

***Блондин на иномарке!** Можно, я посмеюсь вместе с тобой (и, может быть, с твоей иномаркой) над 30 посланиями в «КЧ» № 25. Вначале было интересно, а затем скучно. Правда? Эх, девочки, вот и все, что вам нужно, просто обидно за вас. Все тридцать стали торговаться, показывать свои достоинства. Но все это не то. Правда? Ведь есть послания более красивые, интересные, содержательные, чем просто «блондин на иномарке» {...} **Аня**, 22 г. 9 мес. («Кому что...» от 28.07.94 г.).*

***Милый «Красивый блондин на иномарке»!** Я не читала твоего послания, зато с живейшим интересом прочла бурный поток ответов на него. И искренне умилилась. Это надо же, какая трогательная отзывчивость и участие к ближнему! Какой альтруизм, самоотверженность, возвышенность! Какое стремление протянуть руку помощи! У тебя богатый выбор. Тут и «верные и добрые девочки», а вовсе не «эти разодетые и намалеванные куклы», {...} и «разочарованные в жизни» 16-летние искательницы «порядочных и верных парней», и 17-летние, «оставшие от хамства и ограниченности ума большинства людей, интересы которых сводятся к узкому ряду вещей», истинные Дети Скрамности, утверждающие, что уж они-то знают, что такое настоящая любовь, совершенство, которые «выше этого» (милое, непосредственное Дитя Неба, Наталия,*

*советую вам прочитать на 22 странице того же номера «КЧ», где опубликовано ваше послание, послание Карины, 22 г.), и т. д. и т. п. Букет, как видишь, бесподобен. Чистые порывы бескорыстных душ трогают до слез. Впрочем, как говорится — как аукнется, так и откликнется. Тебя, я думаю, поняли те и так. Ведь твоя рука, изливая на бумагу порывы истомленной, мятущейся от «лживой любви и хаоса жизни» души, не забыла начертать небрежное: «красивый блондин на иномарке». **Регина** («Кому что...» от 11.08.94 г.).*

Метаобщение по поводу *Блондина*, перерастающее в долгие виртуальные дискуссии, относится уже к общению-2:

***Регине**, обобщившей послания «красивому блондину на иномарке». Молодец! Из вас выйдет великий критик (не хуже Добролюбова). {...} Давно этого ждал. **Ваши соратник по взглядам (Роман)**, 19 лет («Кому что...» от 22.09.94 г.).*

К **иронии** в метапосланиях относится 1) ироническая номинация (типа употребления *честные и непорочные* по отношению к девушкам, откликнувшимся на «иномарку») и 2) ирония как реализация начального дисгармонического игрового импульса:

***Девчонки!** Хотите, секрет открою? У блондина нет никакой машины, да и некрасивый он совсем. При встрече он говорит, что пошутил. Жаль, не вижу я ваши лица в этот миг. Просадочка вышла, зря старались! **Хаммерсита** («Кому что...» от 22.09.94 г.).*

Ирония реализуется только в процессе своеобразного контакта с непосредственным адресатом-жертвой или формально дистанцированным третьим участником игры (*Чистые порывы бескорыстных душ трогают до слез*).

Примеры иронии с более сложным механизмом интерпретации. Иронический смысл послания становится ясен только в контексте всей линии «Красивого блондина на иномарке», кроме того, послание никогда не может быть с абсолютной уверенностью прочтено как ироническое (высокая степень косвенности):

***Всем девушкам, ответившим красивому блондину на иномарке.** Не секрет, иномарки не в моде. Куча недостатков, а вот вертолет — это да!!! **Странный брюнет на вертолете цвета мокрого асфальта.** P.S. По городу не летаю! («Кому что...» от 11.08.94 г.).*

Определить цель данного послания как только выражение иронии можно лишь с долей неуверенности. Еще два примера, которые трудно однозначно интерпретировать: неявная аллюзия, подражательство с целью попользоваться успехом *Блондина*, подражательство от противного или ирония (и тогда — «общение-2»)?

Девчонки! За неимением иномарки предлагаем инолодку. Предлагаем отдых на любом острове. Два Робинзона за 19 («Кому что...» от 11.08.94 г.).

Красивый блондин на «Запорожце», который устал от девушек легкого поведения и бесконечных глупых вечеринок, ищет верную любимую девушку. Откликнитесь! Т.Н.Д. («Кому что...» от 28.07.94 г.).

Автор последнего послания точно воспроизвел весь алгоритм послания *Блондина-1* (композиция, лексика, синтаксические клише), заменив лишь одну лексему, обозначающую, однако, самый главный смысловой элемент «беспронитывного» послания, — иномарку на «запорожец».

Таким образом, «линия Красивого блондина на иномарке» сыграла значительную роль в формировании соответствующего жанрового канона. Новые «Послания-1», преследующие сходную цель, уже не могут не учитывать опыт *Красивого блондина на иномарке*. Хотя основная часть метапосланий имела отрицательный характер (от иронии и упреков до почти откровенной брани), роль в становлении стандарта все это сыграло не отрицательную, а положительную. Жанровая рефлексия подвергла обсуждению и критике (а тем самым, как ни парадоксально, — закреплению) жанровый стандарт, при этом очень показательно появление **прогнозов** (правый контекст фрейм-модели):

Девчонки, забудьте про «блондина на иномарке». Не удивлюсь, если скоро появится американский бизнесмен, уставший от одиночества и американских девушек. Имейте самолюбие! <...> Серосиний («Кому что...» от 18.08.94 г.).

Стоит отметить и такую важную часть рефлексии, как **жанровый пуризм**:

Парни, а вам не надоело? Сначала «блондин на иномарке» (надо отдать ему должное, ведь этот прикол он придумал), потом пошли «мальчик с голубыми глазами на “Volvo”», «обожатель прекрасной

го пола», а теперь еще добавился «парень на “девятке”», 27 лет». И всем нужны красивые, добрые, бескорыстные. Уже становится не смешно (...) Когда в следующий раз захотите поприкалываться — не пишите больше в «КЧ», не оскверняйте. **Ангелок** («Кому что...» от 03.11.94 г.).

В целом «линия Красивого блондина на иномарке» привела к созданию следующего стереотипа: «приманки» в такой форме эффективны, но только для самых молодых, наивных и в то же время расчетливых девушек. Вступать в такого рода отношения стыдно. Однако самым важным выводом для исследователя должен быть назван все-таки другой: жанр вторичного опосредованного флирта объективно существует и осознается как таковой массовым читателем.

Итак, рассмотренные примеры обнаруживают ряд особенностей, отличающих их от первичного, или непосредственного, флирта. Тем не менее, несмотря на эти особенности, основные признаки флирта (такие, как косвенный характер используемых речевых средств, планируемая непрямая коммуникация, фатический характер общения и игровое начало) сохраняются.

В то же время некоторые новые признаки заставляют считать, что характер флирта (и даже семантика лексем *флирт*, *флиртовать*, *flirt*, *flirtation*) изменился в целом значительно сильнее.

Нам думается, здесь можно говорить не только о некоторых частных новых особенностях жанра, оставшегося в целом и главным прежним, но и о весьма существенных трансформациях, которые затрагивают даже важнейшие признаки флирта. Так, современный флирт утрачивает не только изощренную технику (что отмечалось многими исследователями, например упоминавшейся нами М. Вислоцкой), но и в значительной степени игровой характер и даже косвенность.

Приведем еще один пример из уже цитированного произведения самого последнего времени — романа Н. Fielding «Дневники Бриджит Джонс». Если предыдущий пример из этого произведения доказывал скорее, что современный опосредованный флирт по E-mail в целом сохраняет все основные признаки первичного, непосредственного флирта, то нижеследующая ситуация общения наводит на весьма серьезные размышления.

Huh. Had dream date at an intime little Genoan restaurant near Daniel's flat.

'Um . . . right. I'll get a taxi,' I blurted awkwardly as we stood in the street afterwards. Then he lightly brushed a hair from my forehead, took my cheek in his hand and kissed me, urgently, desperately. After a while he held me hard against him and whispered throatily, 'I don't think you'll be needing that taxi, Jones.'

The second we were inside his flat we upon each other like beasts: shoes, jackets, strewn in a trail across the room.

'I don't think this skirt's looking at all well,' he murmured. 'I think it should lie down on the floor.' As he started to undo the zip he whispered, 'This is just a bit of fun, OK? I don't think we should start getting involved.' Then, caveat in place, he carried on with the zip. Had it not been for Sharon and the fuckwittage and the fact I'd just drunk the best part of a bottle of wine, I think I would have sunk powerless into his arms. As it was, I leapt to my feet, pulling up my skirt.

'That is just such crap,' I slurred. *'How dare you be so fraudulently flirtatious,* cowardly and dysfunctional? I am not interested in emotional fuckwittage. Goodbye.'

It was great. You should have seen his face. But no I am home I am sunk into gloom. I may have been right, but my reward, I know, will be to end up all alone, half-eaten by an Alsatian.

Ах! У нас с Дэниелом было свидание, о которых мечтают, в маленьком генуйском ресторанчике, недалеко от его квартиры.

— Э-э-э... ну что же. Я поищу такси, — неловко пробормотала я, когда мы наконец выбрались на улицу. Тогда он нежно откинул с моего лба волосы, погладил меня по щеке и впился в меня захватывающим дух поцелуем. Немного погодя он прижал меня к себе и хрипло прошептал:

— А по-моему, не нужно тебе никакого такси, Джонс.

Очутившись в его квартире, мы набросились друг на друга, как дикие звери: туфли, пальто — все было в беспорядке расшвыряно по комнате.

— По-моему, эта юбка очень плохо выглядит, — шептал он, — ей стоит прилечь на пол.

Расстегивая молнию на моей юбке, он на секунду замешкался и пробормотал:

— Мы просто немножко побалуемся, да? Нам не стоит заводить серьезные отношения, — и предупредив таким образом, вновь взялся за мою молнию. Если бы не Шерон, и не «затрахивающие мозгов», и не большая половина только что выпитой бутылки вина, я бы беспомощно повисла на его руках. Но вместо этого я вскочила на ноги и быстро оправала юбку:

— Все это — настоящее дерьмо, — заплетающимся языком заявила я, — *как ты смеешь так фальшиво, трусливо и подло флиртовать со мной?* Нечего эмоционально затрачивать мне мозги. До свиданья.

Это было здорово. Надо было видеть его лицо. Но сейчас, когда я дома, — предо мною мрак. Может, я и была права, но я уверена, что в конечном итоге наградой мне будет одиночество и мой собственный, наполовину обглоданный немецкими овчарками труп.

Довольно странно, что поведение Дэниела названо *флиртом* — трудно даже представить эротические желания, выраженные более прямо. Однако дефиниция, которую с легкостью нашла для поведения шефа Бриджит, кажется для нее вполне естественной.

По-видимому, такая трансформация (или расширение) семантики лексемы *флирт* в современной речи (особенно в речи молодежи) — свершившийся факт: практически все подборки, чаты, форумы, предлагаемые в интернете на стимулы *флирт*, *flirt*, включают огромное количество подобных абсолютно прямых, полностью лишенных игрового начала сексуальных смыслов, интенций и призывов (*Эротическое общение для тебя*; *Send me your naked pictures*).

Напротив, найти что-либо в традиционном значении (флирт-игра, флирт-намеки, словесный поединок в любовной игре, флирт-«динамика») в современных интернет-ресурсах крайне сложно.

Складывается впечатление, что флиртом теперь называется все то в гендерно маркированном поведении мужчины и женщины, что просто выходит за рамки собственно полового акта, или же... слово *флирт* превращается в эвфемизм прямого наименования полового акта! Современный флирт теряет отношение и к утонченной игре (по сравнению с салонным флиртом XVIII–XIX вв.), и к любой игре, теряет значительную часть или всю свою косвенность.

Итак, вторичные опосредованные сферы фатического общения имеют уже сложившийся или складывающийся репертуар вторичных речевых жанров, которые состоят в сложных отношениях с первичными РЖ. Главное измерение данной сложности проходит по линии непрямой коммуникации.

Нами были рассмотрены три РЖ, все из которых являются отчетливо фатическими жанрами. Они значительно различаются, относясь к разным участкам типологии ФРЖ: жанр, характеризующийся улучшением межличностных отношений и низкой (иногда нулевой) степенью косвенности (отрезок ОВ), являющийся в наименьшей степени фатическим и одновременно наиболее серьезным; жанр без изменения межличностных отношений, с умеренной косвенностью (точка О); жанр с улучшением межличностных отношений, с высокой степенью косвенности (отрезок ОД).

Из данных трех жанров первый — *разговор по душам* — представляет значительную ценность для русской речевой культуры и детально проработан. Жанры *светской беседы* и *флирта* в русской

культуре проработаны значительно меньше — ср., например, с английским *small talk* и формами ухаживания в «куртуазных» французской, итальянской или польской культурах.

При этом для последних двух жанров, в значительной степени косвенных, собственно текст, передаваемая информация вторичны по сравнению с фатическими, контактными смыслами — так, во флирте сам по себе текст часто выглядит нелепым, неуклюжим или грубым, может содержать ортологические и коммуникативно-речевые ошибки.

Жанр *анекдота*, к рассмотрению которого мы переходим, в этом отношении резко противопоставлен флирту. Анекдот — тоже фатический жанр, при этом относится к тому же участку типологии ФРЖ, что и флирт, — отрезку OD. Однако фатическая природа анекдота гораздо менее выражена (вероятно, в данном случае вообще следует говорить о другом РЖ — *рассказывании анекдота*), зато именно правильно построенный текст анекдота, наоборот, выходит на первый план.

5.2.4. Анекдот семидесятых (текст и жанр)

О диахроническом изучении анекдотов

Исследователи, заложившие основы диахронического изучения русского народного анекдота [Карасик 1997, 2002, 2007; Шмелева, Шмелев 1999, 2002, 2005; Седов 2005; Слышкин 2004; Норман 2003, 2007], обычно выделяют следующие этапы развития данного жанра:

- подготовительный/«нулевой» период: 20–50-е гг. XX в. — анекдот складывается как жанр устной русской речи в условиях сильнейшего сопротивления официальной словесности;
- первый период: 60–70-е гг. — расцвет жанра русского народного анекдота («рассказывания анекдота», по выражению А. Д. и Е. Я. Шмелевых), а также неофициальной смеховой анекдотной культуры в России/СССР в целом;
- некий промежуточный период: перестройка — в названных работах это наименее ясный период, по-видимому представляющий собой постепенный переход от первого этапа ко второму;
- второй период: постперестроечные 1990–2000-е гг. — упадок жанра¹³.

Целью настоящего исследования не является существенное переосмысление или улучшение этой периодизации. По нашему мнению,

¹³ Противоположная точка зрения представлена в: [Давыдов 2007].

она может быть даже принята в своих основных чертах, хотя некоторые ее пункты не выдерживают критики даже при начальном осмыслении.

Так, во-первых, *анекдоты* существовали много раньше, хотя в несколько ином значении: *анекдот* как произошедшая в действительности комическая история [Курганов 1997; Чиркова 1997]. Ср. сборник 1857 г. «Забавные изречения, смехотворные анекдоты, или Домашние остроумцы» (Отдел рукописей РНБ. Ф. 608): сборник составили 58 текстов, и некоторые из них очень похожи на *анекдоты* в современном значении, например: *Мне так хвалил тебя твой учитель грамматики, сказал папенька только что вышедшей из института дочери, а скажи-ка мне множественное число от яйца. Да что же тут трудного, возразила поспешино девушка, муды.* Во-вторых, анекдоты и сейчас, в XXI в., продолжают чутко откликаться на все более или менее значительные изменения в жизни: продолжают появляться не только уже относительно широко изученные серии анекдотов о новых русских [Шмелева 2003], но и, например, о чеченской войне, русских «деловых» женщинах, гибели «Курска», пожаре на Останкинской телебашне, Гарри Поттере, наконец, о Путине [Архипова 2006]. В-третьих, перестройка — очень сложный период, еще совершенно недостаточно изученный именно с точки зрения анекдотов: данный период отмечен появлением новых тем анекдотов (СПИД, талоны на водку, неуставные отношения в армии) и персонажей анекдотов (кооператор, сталинист-бюрократ, гомосексуалист, наркоман, рэкетир и отчасти уже новый русский), анекдоты начинают массово публиковать и рассказывать в юмористических телепередачах (в том числе анекдоты антисоветские, политические, эротические, национальные; анекдоты про Брежнева, Горбачева, Ленина, Сталина — здесь, естественно, до поры до времени существовали ограничения). Однако с точки зрения анекдотов это время прошло прежде всего под знаком э к с п е р и м е н т а в области формы. Так, в новых телепередачах (или возрожденных, таких, как КВН) анекдоты не только рассказывают, но и показывают и разыгрывают; появляется не только «Джентльмен-шоу», но и «Маски-шоу» — в результате сотрудничества и отчасти соперничества этих телепередач в русскую речь на короткое время входит слово *гэг* и даже *гэг-анекдот* — к сожалению, данное интересное явление не прижилось ни на телевидении, ни в речи, хотя в каком-то смысле стало родоначальником многих жанровых форм на нынешних развлекательных телеканалах (прежде всего «Комеди клуб»). Думается, ученым (в том числе лингвистам) еще предстоит осмыслить все стороны такого важного и сложного явления, как перестроечные анекдоты.

Примем в качестве рабочей гипотезы и в дальнейшем будем исходить из того, что, во-первых, в диахронии действительно можно выделить два этапа развития жанра анекдота (60–70-е гг. — период расцвета; 1990–2000-е гг. — период упадка); во-вторых, основные механизмы комического, типы обыгрываемых культурно-семиотических (в том числе лингвистических) явлений [Attardo 1994; Raskin 1985; Бергсон 1992; Минский 1988; Карасик 1997; Гридина 1996; Санников 1999; Седов 2005; Норман 2003; Дементьев 2003], по-видимому, имеют панхронический характер.

Очевидно, что для систематического изучения анекдотов в диахронии должна существовать разработанная методика, включающая прежде всего четкие представления о сборе/отборе и обработке материала. Увы, данный пункт является самым слабым местом обсуждаемого направления: в целом необходимо признать, что диахронический речевой материал представлен совершенно неудовлетворительно.

Здесь следует отметить, что данная проблема остается нерешенной для диахронического изучения речи в целом: как известно, до появления звукозаписывающих устройств, т. е. до начала XX в., отдельные особенности устной речи фиксировались лишь писателями (это лишь отчасти была типизация, гораздо чаще — стилизация [Кожевникова 1970; Полищук, Сиротинина 1979; Рябова 1983]); при этом до 30–40-х гг. XIX в. традиция отображения признаков устной речи в русской художественной литературе не существовала вообще [Сиротинина 1995].

В случае диахронического изучения анекдотов эта проблема стоит еще более остро, поскольку в существующих доступных (опубликованных) записях текстов разговорной речи 70-х г., осуществленных лингвистами-коллоквиалистами [Земская 1979; Земская, Китайгородская, Ширяев 1981; Инфантова 1973; Лаптева 1976; PPP 1970; PPP 1973; PPP 1978; PPP 1981; PPP 1983; Сиротинина 1974; Теория и практика разговорной речи 1974], нам не удалось найти ни одного полноценного примера. Разумеется, это не означает, что их нет вообще, однако несомненно: названные ученые, к сожалению, не считали обсуждаемый жанр ни серьезным, ни интересным объектом исследования, достойным фиксации и сохранения для будущих диахронических исследований.

С другой стороны, данная задача как будто бы несколько упрощается тем, что со временем складывается традиция записи

а не к до то в, при этом, по-видимому, эта традиция сильно (даже губительно) повлияла на всю «анекдотную культуру»: анекдот как жанр исключительно устной словесности переживает расцвет в 60–70-е гг.; анекдот как жанр, который записывают, публикуют массовыми тиражами в виде сборников и продают, переживает упадок в 1990–2000-е гг.

Период, о котором идет речь, — время так называемого застоя, когда, с одной стороны, проявления свободной и просто неофициальной мысли подавлялись и были недопустимы в официальной печати (а к средствам официальной, партийной печати относились в советские издательства, за исключением одного самиздата); с другой стороны, именно в это время «анекдотная культура» достигла наивысшего расцвета.

«Начиная с двадцатых годов XX в., с исчезновением свободной печати рассказывание анекдотов (преимущественно политических) становится распространенным жанром повседневной коммуникации. Основываясь на опубликованных в последние годы дневниках и воспоминаниях, мы можем с уверенностью заключить, что антисоветские анекдоты рассказывали в самых разных социальных слоях, в том числе и в среде “интеллектуальной элиты” — писателей, профессоров и т. п. Когда рассказывание анекдотов стало еще и несколько менее опасным (в шестидесятые — семидесятые годы прошлого века), анекдоты стали массовым жанром повседневной коммуникации, во многом заменившим рассказывание политических новостей. При этом все типы анекдотов: бытовые, этнические, анекдоты о каких-то профессиональных или социальных группах — были по сути своей “антисоветскими”, именно поэтому их и рассказывали» [Шмелева, Шмелев 2005: 294].

Итак, сегодня мы можем говорить об анекдотах 70-х, опираясь на воспоминания как других людей, так и собственные, — каждый лингвист-коллоквиалист знает степень достоверности такого типа материала, а также на редкие и непоследовательные, хотя иногда и яркие случаи отображения рассказывания анекдотов в художественной литературе, фильмах, записях немногочисленных телепередач.

Официально анекдоты в СССР не издавались вообще. Здесь следует отметить, что существовавшие в это время бесцензурные издания (а это зарубежные издания и самиздат) не оставили данный жанр без внимания, однако, по нашему мнению (впрочем, мы не пре-

тендуем на настоящую компетентность в данном вопросе), представили данный материал в целом значительно беднее, чем это могло бы быть.

Так, сборник «Тысяча двести анекдотов», составленный С. Карачевцевым (сборник был впервые издан в Париже в первые послевоенные годы; впоследствии он переиздавался также в Париже, а в перестроечные годы — в Риге), представлял в основном анекдоты 1930-х гг. и был ориентирован прежде всего на анекдоты в первом значении (произошедшая в действительности комическая история, исторический, литературный анекдот и подоб.); сборник «1001 избранный советский политический анекдот», составленный Ю. Телесиним (Самиздат/Тенафли: Эрмитаж, 1986), представлял только политические анекдоты. По-видимому, анекдот считали несерьезным, не заслуживающим внимания ученых жанром и по ту и по другую сторону «железного занавеса»...

Наконец, на фоне полного отсутствия публикаций в СССР высоко ценились всевозможные тетрадки с самостоятельно сделанными рукописными записями анекдотов — как известно, записи анекдотов Юрия Владимировича Никулина (например, его книга «Почти серьезно...») существенно обогатили позднесоветскую русскую культуру и по своей ценности вполне сопоставимы с материалами, собранными В. И. Далем в XIX в.

Есть, однако, один источник, до сих пор незаслуженно обойденный вниманием исследователей, который дает материал для диахронического изучения анекдотов, представляет русскую советскую анекдотную культуру если и не вполне всесторонне и объективно, то все же по-своему очень ярко.

Мы имеем в виду советский юмористический журнал «Крокодил» (а именно рубрику «Улыбки разных широт»), который в 70-е гг. был единственным легальным изданием, где регулярно публиковались анекдоты. Мы исходим из того, что это уникальный материал, дающий возможности для серьезного филологического и лингвистического исследования.

Мы не рассматриваем анекдоты, опубликованные в других советских газетах и журналах, в частности «Литературной газете» или «Огоньке», во-первых, по причине единичности таких публикаций; во-вторых, потому, что они практически ничем не отличались от публикуемых в рубрике «Улыбки разных широт». Практически ничем не отличались от них и разыгрываемые в юмористической телепередаче «Кабачок “13 стульев”» короткие жанрово-ролевые сценки или

мини-монологи, под которые обычно отводились последние несколько минут каждой телепередачи.

Итак, единственным более или менее доброкачественным и надежным материалом для диахронического изучения анекдотов остается рубрика «Улыбки разных широт» (далее — УРШ) в журнале «Крокодил».

Рубрика «Улыбки разных широт» в журнале «Крокодил»: общая характеристика

Рубрика «Просто анекдот», включающая 5–10 анекдотов в одном номере, появляется в журнале «Крокодил» во второй половине 60-х г. (а именно с 1966); в 1971 г. она уступает место рубрике «Улыбки разных широт», которая, в свою очередь, в 1988 г. заменяется рубрикой “el Cocodrilo... Krokodyl... Krokotile... Krokodil... the Crocodile...”, просуществовавшей до августа 1991 г., до есть до конца советского периода. Следует отметить, что рубрики «Просто анекдот» и «Улыбки разных широт» значительно отличались: последняя кроме анекдотов обычно включала 2–3 юмористических рассказа, перепечатанных из зарубежных изданий, карикатуры, афоризмы и т. д.; рубрики «Улыбки разных широт» и «el Cocodrilo...» не отличалась ничем, кроме названия.

Журнал «Крокодил» выходил 36 раз в году (три номера в месяц), в среднем в рубрике «Улыбки разных широт» печаталось от 2–3 (редко; так, только два анекдота было в № 8 за 1971 г.) до 12–15 (так, в № 31 за 1975 г. и № 1 за 1973 г. их было 13, в № 10 за 1972 г. и в № 25 за 1978 г. — 14, а в № 22 за 1978 г. — 16) анекдотов; следует отметить, что номера, где вообще не было анекдотов, встречались очень редко (например, № 9 за 1971 г., № 10 за 1975 г., № 27 за 1977 г., № 36 за 1979 г.); без анекдотов обычно были тематические номера, специально посвященные каким-либо общественно-политическим событиям или датам, например Году ребенка (№ 35 за 1979 г.) или просто «миру животных» (№ 17 за 1971 г.). Кроме того, анекдоты, как правило, не печатались в номерах, где рубрика «Улыбки разных широт» представляла какое-нибудь юмористическое издание из социалистической страны, например, в № 30 за 1975 г. был представлен чехословацкий журнал «Дикобраз», в № 13 за 1979 г. — болгарский журнал «Стыршел», в № 20 за 1979 г. — польский журнал «Шпильки», в № 28 за 1979 г. — журнал «Ойленшпигель» (ГДР). В № 19 за 1977 г. вся рубрика «Улыбки разных широт» посвящена Габрово, габровские

же и анекдоты (их 4). целый номер 13 за 1975 г. был посвящен тридцатилетию победы в Великой Отечественной войне — и в рубрике «Улыбки разных широт» были анекдоты тех лет (военные). Иногда были тематические номера и тематические же анекдоты, например антиникотиновые (№ 29 за 1974 г.). Иногда в УРШ были тематические подборки анекдотов. Так, в № 1 за 1972 г. была подборка «Взрослые и дети». Кроме того, было несколько национальных подборок анекдотов: в № 6 за 1972 г. — о шотландцах, в № 13 за 1972 г. — о жителях Восточной Фрисландии, в № 36 за 1973 г. — о Черногории, а в № 15 за 1974 г. представлены новые габровские анекдоты.

В УРШ довольно последовательно отражаются важнейшие события зарубежной жизни (точнее — важные для отношений между СССР и капиталистическими странами) и — опосредованно — внутренние, например:

- война во Вьетнаме и марионеточный режим в Сайгоне:

Американские солдаты во Вьетнаме.

— Эй, Майкл, не завидуешь ли ты Джиму? Вы ровесники, а он уже сержант.

— Да, но он вышел из тюрьмы на год раньше меня (1971, № 15);

- американский президент — универсальная мишень советской сатиры 70-х г.; какой именно президент — уже не столь важно, например Никсон в следующем анекдоте (1971) позднее мог быть заменен на Картера, Рейгана и т. д.:

— Довольны ли вы Никсоном, Майкл?

— Великолепный президент! Он внес покой в мой дом!..

— Каким образом?

— С тех пор как он стал президентом, вся моя семья целыми днями на улице — демонстрирует против его политики. А дома тишина и порядок... (1971, № 6);

- политика апартеида в ЮАР:

Действие происходит в ЮАР. В церковь входит негр. Служащий говорит ему:

— Ты разве не знаешь, что сюда неграм вход запрещен?

— Но я пришел мыть пол...

— Хорошо, но если я только замечу, что ты молишься... (1975, № 32);

- энергетический кризис на Западе:

- Ты слышал, Ганс, как сильно подорожал бензин?
- А тебе-то чего беспокоиться? Машины ведь у тебя нет.
- Но у меня есть зажигалка (1973, № 13).

Таким образом, в наше распоряжение попадает в целом совсем немаленький (конечно, относительно: в ином современном сборнике анекдотов больше) и весьма представительный материал — около 2 тыс. анекдотов за 10 лет (точнее, 9: с 1971 по 1979 г.).

Строго говоря, не вполне правомерно относиться к десятилетию как к абсолютно однородному периоду. Хотя 70-е — действительно самое стабильное десятилетие советской истории, мы отдаем себе отчет в том, что эта однородность все же относительна.

В частности, для рассматриваемой рубрики имели значение колебания в цензурных ограничениях, т. е. свобода слова (она чаще всего прямо проявлялась в количестве бесклассовых анекдотов с «обыкновенными» персонажами), что определялось прежде всего международной политикой СССР: период войны во Вьетнаме (1965–1973); время Хельсинки и «Союза»—«Аполлона» (1975); новый виток гонки вооружений конца 70-х, предшествовавший соглашению ОСВ. Наконец, с самого конца 1979 г. — очередной идеологический зажим, связанный с последним и самым жестоким периодом холодной войны: войной в Афганистане, Олимпиадой-80 и ее бойкотом — зажим, ставший для УРШ тоже последним: «Крокодил» переживает упадок, оправиться от которого, по нашему мнению, уже не смог фактически до перестройки. Поэтому мы сознательно исключаем из рассмотрения хронологически относящийся к семидесятым 1980 г.

Прежде чем переходить непосредственно к исследованию анекдотов на материале рубрики «Улыбки разных широт» в журнале «Крокодил», необходимо решить три теоретических вопроса: во-первых, записи анекдотов в УРШ по форме и содержанию весьма непохожи на те записи анекдотов, которые находим в огромных количествах в издаваемых большими тиражами специальных сборниках и Интернете в 1990-е и 2000-е гг.; во-вторых, они непохожи на... русский анекдот вообще: в рубрике «Улыбки разных широт» подчеркивалась и н о с т р а н н о с т ь анекдотов (этим отчасти оправдывалось и название рубрики); в-третьих, неясно, в какой степени вообще можно изучать русский народный анекдот (точнее, *рассказывание* анекдота) — уст-

ный жанр, который сейчас активно изучается в лингвистике, — опираясь на *записи* анекдотов, с точки зрения А. Д. и Е. Я. Шмелевых [1999, 2002], в русской речевой культуре существуют два взаимосвязанных, но разных жанра — жанр устной речи *рассказывание анекдота* и жанр письменной речи *текст анекдота*, записанный и/или опубликованный, или *собственно анекдот* (далее — соответственно РЖ_{рас}-А и РЖ_{соб}-А).

Мы не претендуем на то, чтобы решить все эти проблемы и противоречия; выскажем лишь несколько предварительных соображений.

Разумеется, анекдоты в журнале «Крокодил» имели свою специфику, которая в целом достаточно сильно отличала данную рубрику от соответствующего устного жанра неофициальной культуры: были безусловно исключены оппозитивные по отношению к официальной идеологии и просто острозлободневные, а также — по большей части — национальные и сексуальные анекдоты; кроме того, большинству представленных анекдотов был придан «зарубежный» колорит (в этом отношении смена рубрик с «Просто анекдот» на «Улыбки разных широт» была естественной и закономерной: если в рубрике «Просто анекдот» анекдоты о заграничных реалиях преобладали, то в рубрике «Улыбки разных широт» о заграничных реалиях были уже все анекдоты) — такое впечатление создавалось за счет «не наших» имен (*Джон, Джимми, Пьер, Билл, Питер, Вилли, Жак, Свен, Мери/Мэри, Эльза, Моника*); обращений (*сэр, герр, синьор/сеньор и синьора, мсье, мадам, фрекен, фройляйн, фру*; часто — *сударыня*); «иностранных» реалий (названия валют: *доллары и центы, франки, фунты стерлингов*; названия городов: *Нью-Йорк, Париж*; топонимы: *собор Парижской Богоматери, Люксембургский сад, Лазурный берег*; марки машин: *«Линкольн», «Фиат»*; политические партии: *консерваторы и либералы; небоскребы; свободная продажа оружия*) и представителей буржуазного общества (*президенты, диктаторы, банкиры, миллионеры и их жены, гангстеры, мафиози, безработные, шоу-звезды, спортсмены-профессионалы, священники, миссионеры, «ястребы» войны и солдаты-наемники*).

Среди них выделяются реалии социалистических стран: названия валют: *форинты, левы, злотые*; названия городов: *Краков, Сопот, Закопане*; имена: *Янош, Иржичек, Пепичек, Юзеф, Ферко, Петко*; обращения: *пан, пани*, присущие нациям соцлагеря: полякам, чехам, словакам, болгарам, венграм, румынам.

Здесь следует сказать несколько слов о русских/советских реалиях в рубрике «Просто анекдот» конца 60-х г. — их было немного, далеко не в каждом номере был хотя бы один анекдот с эксплицируемыми реалиями (хотя, впрочем, сам факт, что такие реалии м о г л и б ы т ь, безусловно, заставлял иначе воспринимать и те анекдоты, где просто не было иностранных реалий).

В качестве «наших» реалий чаще всего фигурируют имена — показательно, что чаще всего детские — *Вася* (1967, № 10; 1968, № 16), *Петя* (1967, № 20, 26), *Вова* (1966, № 2), *Коля* (1969, № 3), *Вася* и *Сергея* (1968, № 3), *Юрочка* (1968, № 10), *Люба* (1967, № 17). Интересно, что, даже когда речь идет явно о взрослых, имена обычно тоже уменьшительные, персонажи анекдотов как бы уподобляются детям (конечно, это совершенно не случайно): *Петенька* (1970, № 27), *Ваня* и *Петя* (1968, № 22), *Вася* (папа и сын) (1969, № 21), *Егор* (солдат) (1968, № 34), *Юра* (молодожен) (1968, № 34), *Федя* (алкоголик) (1969, № 8). Редко называют взрослых по фамилии: *Кукушкина* (1969, № 31), совсем редкий случай — по имени и отчеству: *Мария Петровна* (1968, № 18).

К русским/советским реалиям относятся также деньги: *рубли* (1969, № 30) — и клички животных: *Шарик* (собака) (1967, № 16).

Целый номер (1969, № 32) был посвящен колхозам — и все анекдоты были о «колхозной жизни», с упоминанием таких реалий, как *райцентр, правление, зоотехник, молодой агроном*. Кроме того, «нашу» действительность подчеркивала сама форма речи — действительно, трудно представить при описании иностранных реалий следующие выражения: *в дымину пьяный, старушки судачат на заваulinке, зазря, строгача дали, Наш-то председатель из района вернулс...*

Содержательные отличия новых (80–90-е гг.) записей анекдотов от УРШ очевидны: записываются и публикуются огромные пласты политических, сексуальных, национальных, садистских анекдотов, — однако и по форме современные записи анекдотов — с многочисленными элементами разговорной речи, невербальной коммуникации, элементами изобразительности и звукоизобразительности, матом (см. ниже) — резко отличаются от УРШ.

Что касается третьего противоречия, нам представляется существенным мнение К. Ф. Седова, что речевой жанр *анекдот* существует принципиально м е ж д у художественной литературой и повседневным общением [2005: 3]; как литературный РЖ анекдот изучался: [Чиркова 1997].

К. Ф. Седов, вслед за А. Д. и Е.Я. Шмелевыми, подчеркивает важность и з о б р а з и т е л ь н о г о начала в процессе рассказывания анекдота: «Рассказывание анекдота — это не повествование, а представление, производимое единственным актером» [Шмелева, Шмелев 1999: 133]; в анекдоте «коммуникация строится таким образом, будто говорящий и слушающий в момент порождения речи одновременно созерцают изображаемые события. (...) Стоит хоть немного изменить тональность, добавить нарративно-аналитических элементов, и обаяние рассеивается. (...) В многочисленных сборниках анекдотов, которые наполнили сейчас книжный рынок, исконный дискурс чаще всего невольно олитературируется составителями, что убивает вкус, обаяние анекдота» [Седов 2005: 4–5].

По нашему мнению, едва ли сказанное К. Ф. Седовым можно относить ко в с е м современным записям анекдотов; но применительно к УРШ это, безусловно, так.

Итак, (1) в УРШ мы сталкиваемся с системой записи анекдота, еще не сформировавшейся в такой степени, как на рубеже 80–90-х гг.; на особенности записи анекдотов в 1970-е гг. наложил огромный отпечаток фактический запрет на отражение особенностей разговорной речи в СМИ, что резко отличает данный период от кажущейся безграничной экспансии разговорности в речь СМИ конца 80-х — начала 90-х; (2) это по большей части жанр русского народного анекдота, а «иностранность» — лишь маска.

Наш комментарий, а также порядок расположения примеров, по сути, классификация, — ср.: [Санников 1999: 37]), наверное, разочарует многих (если не всех): мы не претендуем ни на оригинальную классификацию, ни даже на выдерживание единых для всего материала принципов классификации. Выделяются, как и во многих классификациях, типы анекдотов по темам (об империалистах, муже и жене, начальниках, детях, эротические); жанрово-стилевым особенностям (исторические, литературные, абсурдные, «черный юмор»); семиотическим механизмам комического (обыгрывающие каламбуры, языковую игру, нарушения логики, эффект обманутого ожидания); по сложности интерпретационных механизмов... Основную же цель мы видим в том, чтобы по возможности адекватно представить рубрику УРШ 70-х гг., которая как раз в к л ю ч а л а почти все это кажущееся безграничным — и таким современным! — многообразие.

Типы анекдотов в «Улыбках разных широт»

Материал, представленный в УРШ, действительно чрезвычайно разнообразен с жанровой точки зрения (по цели, стилю, форме, композиции) — так, это может быть: собственно текст анекдота, по своим структурным особенностям напоминающий РЖ_{рас} А; анекдот-нарратив, максимально приближающийся по своей структуре к жанрам письменной художественной речи: юмористический рассказ, притча и т. д.; анекдот в первом значении, т. е. литературные, исторические и т. д. анекдоты; жанрово-ролевая сценка; каламбур, языковая игра; афоризм; тост; загадка; пародия на объявление, рекламу; текст, начинающийся как строчка из дневника, первая строка энциклопедии, из переписки...

Все эти тексты печатались в единообразной манере (месторасположение: последняя страница/последний разворот, шрифт); следует отметить, что, хотя слово «анекдот» не фигурировало в названии рубрики/подрубрики (не было вообще никаких других названий, кроме «Улыбки разных широт»), несомненно, предполагалось, что все это анекдоты. (Кстати, точно так же обстоит дело во многих современных сборниках анекдотов: наряду с собственно текстами анекдотов публикуются — чаще всего без каких-либо особых рубрик — практически все перечисленные жанрово-текстовые образования, что не мешает всем им быть идентифицированными как анекдот — как составителями, так и пользователями/читателями. По мнению А. Д. и Е. Я. Шмелевых, большинство таких жанровых образований вообще не могут считаться анекдотами [Шмелева, Шмелев 2002: 29–30], что вызывает сомнения.)

Следует отметить, что слово *анекдот* обычно не использовалось в рубрике УРШ, за редкими исключениями: как уже говорилось, иногда журнал помещал национальные подборки анекдотов, и слово *анекдот* использовалось, например в № 15 за 1974 г. были *новые габровские анекдоты*.

Однажды, в первый год выхода рубрики УРШ (№ 19 за 1971 г.) данное слово прозвучало применительно к самой рубрике — в ответе на «письмо разгневанного читателя», посвященное именно анекдотам:

Давнишний подписчик «Крокодила» Николай Александрович Машанов прислал нам сердитое письмо, смысл которого вкратце сводится к требованию: «Дашь анекдоты!» От лица жителей своего поселка Николай Александрович просит срочно (4 раза),

бязательно (2 раза), немедленно (1 раз) восстановить отдел «Просто анекдот». Те три-четыре анекдота, которые мы печатаем в каждом номере, представляются Николаю Александровичу нищенским, голодным смехо-пайком.

Ну, раз читатели страдают от отсутствия анекдотов, спешим им на выручку. Извольте:

«НЕ ПРОСТО АНЕКДОТ»

(далее следуют 11 анекдотов).

Итак, среди анекдотов, публикуемых в рубриках «Улыбки разных широт» и «Просто анекдот», встречаем следующие жанровые образцы:

- анекдот в первом значении, т. е. литературные, исторические и т. д. анекдоты:

Бернард Шоу, роясь однажды в букинистической лавке, обнаружил первое издание одной из своих пьес. На книжке было написано: «Роберту Фуксу с уважением от Бернарда Шоу». Драматург купил книгу и вновь послал ее Роберту Фуксу, присовокупив: «Вновь подтверждаю свое уважение. Шоу» (1975, № 22);

- анекдот-нарратив, максимально приближающийся по своей структуре к жанрам письменной художественной речи: юмористическому рассказу, притче и т. д.:

Дюран получил письмо от своего друга-врача. Почерк у врача был столь ужасен, что Дюран не мог разобрать ни слова. Вспомнив, что аптекари славятся умением разбираться в самых неразборчивых почерках, он направился в ближайшую аптеку и протянул письмо. Аптекарь посмотрел на письмо, взял с полки бутылочку с микстурой и сказал:

— С вас восемь франков, мсье (1976, № 24);

- жанрово-ролевая сценка:

Муж за завтраком читает газету. Жена сидит напротив.

Он (из-за газеты). Ты что-то сказала?

Она. Ничего. Это было вчера (1977, № 12);

- пародия на объявление, рекламу:

Выдержка из проспекта одного отеля: «Наш курорт — самый подходящий для всех, кто жаждет тишины и одиночества. Люди, стре-

мещающиеся к уединению, тысячами съезжаются к нам со всех уголков земного шара» (1978, № 5);

Реклама в маленькой деревенской гостинице: «У нас прекрасное место, тишина, чистый воздух. Если вы и здесь не сможете крепко спать, значит, вас мучает совесть» (1977, № 3);

- рецензия:

Из рецензии на кинофильм: «У фильма неожиданный конец: он обрывается как раз в тот момент, когда начинаешь думать, что он никогда не кончится» (1978, № 6);

- выступление адвоката:

Из речи адвоката:

— Господа присяжные заседатели, господин судья! Мой клиент признался, что воровал. Это ценное и искреннее признание. Я бы даже сказал, что оно свидетельствует о необыкновенно цельной и глубокой натуре, человеке смелом и честном. Но возможно ли, господа, чтобы человек, обладающий такими редкостными качествами, был вором? (1978, № 14);

- из газеты:

Одна из американских газет писала: «Неправда, что в США уровень преступности наивысший для всех времен и народов. Во времена Каина и Авеля численность преступников на душу населения составляла пятьдесят процентов» (1972, № 15).

Как уже говорилось, в УРШ встречаются анекдоты, основанные на разнообразных механизмах комического, обыгрывающие разные культурно-семиотические явления.

На наш взгляд, особенно интересны представленные в УРШ в большом количестве абстрактные (это может показаться странным, поскольку в позднесоветскую эпоху еще боялись упреков в «формализме») и абсурдные анекдоты, требующие для понимания значительных интерпретативных усилий читателя.

- Анекдоты, строящиеся на логическом абсурде:

— Неужели ты действительно веришь, что твой муж ходит каждое воскресенье на рыбную ловлю, как он тебе говорит?

- Верю.
- А почему ты думаешь, что он тебя не обманывает?
- Потому что он всегда возвращается без рыбы (1976, № 1).

— Мой лосьон для волос творит просто чудеса, — сказал парикмахер клиенту. — Посмотрите, каким я был раньше. — И он снял парик (1977, № 29);

- абстрактные анекдоты:

- Кто это там идет нам навстречу, Карл?
- Если я не ошибаюсь, то это фрекен Янссон, а если я ошибаюсь, то фрекен Люндгрэн! (1975, № 31.)

- Почему ты опоздал?
- Я поздно вышел из дома.
- Почему ты не вышел раньше?
- Было уже поздно выходить раньше (1975, № 2).

Маленький мальчик спросил в зоопарке:

- Почему у жирафа такая длинная шея?
- Видишь ли, — сказал сторож, — голова жирафа находится столь далеко от его тела, что такая шея ему просто необходима (1973, № 5).

- анекдоты, построенные на эффекте обманутого ожидания:

В бар вошел шикарно одетый человек с дорогой сигарой в зубах. Он огляделся по сторонам и сказал присутствующим:

— Двадцать лет уже, как я уехал из этого городка. И знаете, когда я уезжал, в кармане у меня было всего пятьдесят центов, которые мне одолжил Джим Конноли. Кстати, жив он еще?

— Жив, жив, — прошамкал старый Джим Конноли, пробираясь вперед.

— Рад тебя видеть, Джимми, — сказал человек с сигарой. — Одолжи мне еще пятьдесят центов, и я буду должен тебе как раз доллар (1976, № 20).

- В УРШ относительно много антирелигиозных анекдотов, в своем атеистическом пафосе иногда доходящих до кощунства:

— Господин судья, — взволнованно сказал секретарь суда, — ваш щенок изжевал и проглотил половину судебной библии. Что делать?

— Гм... — проворчал судья, — пусть свидетели теперь целуют щенка, начальство ни за что не раскошелится на новую Библию (1979, № 26).

- Как ни странно, в УРШ есть даже эротические (особенно по меркам 70-х) анекдоты:

Хорошенькая секретарша — клерку:

— Я, конечно, могла бы рассказать вам, как я добилась прибавки, но не думаю, чтобы это вам помогло... (1978, № 33.)

Взволнованная десятиклассница спрашивает у матери:

— Как ты считаешь, правильно это, когда парень в первый же вечер требует от девушки самых интимных услуг?

— О боже! — стонет испуганная мать. — И что же он потребовал от тебя?

— Чтобы я сделала за него математику! (1978, № 14.)

- Наконец, присутствует даже черный юмор:

— Господин капитан, наши ребята поймали неприятельского лазутчика. Прикажете его повесить?

— Ни в коем случае! С виселицы он может разглядеть расположение наших войск! (1978, № 20.)

Людоед просыпается среди ночи. Ему не спится, его мучают сомнения: «Зачем я живу? Что я успел сделать полезного и нужного? Неужели вот так и пройдет вся жизнь?..»

— Чего ты не спишь? — спрашивает проснувшаяся жена людоеда.

— Понимаешь, сомнения одолевают...

— Сколько раз я тебе говорила — не ешь на ночь интеллигентов!.. (1972, № 33.)

Анекдоты, основанные на языковой игре, в целом достаточно редки в УРШ: вероятно, отчасти потому, что обыгрываться должен русский язык, а это уменьшило бы «иностранный аромат» рубрики. Данный тип представлен лишь единичными примерами:

- обыгрывание лексической многозначности и омонимии:

Один прохожий обращается к другому:

— Простите, у вас не найдется спички?

Тот начинает хлопать себя по карманам пиджака и брюк и затем вдруг с грустью говорит:

— Боже, какой же я *худой*! (1978, № 13.)

— Луиджи, служанка упала с лестницы и сломала себе ногу.

— Ох уж эти служанки, все они *ломают*! (1976, № 26);

- обыгрывание лексико-морфологической многозначности и омонимии:

Муж искал в сарае пилу, не найдя ее, крикнул:

— Жена, где наша старая *пила*?

И сразу же раздался голос тещи:

— Если я и *пила*, то не такая уж старая! (1977, № 28);

- обыгрывание стилистических коннотаций/значений совместно с нестандартным словообразованием:

Скачут два ковбоя. Вдруг зашевелились кусты у дороги. Один ковбой выхватывает кольт. Другой ему говорит:

— Не волнуйся, Билл, это же *Неуловимый* Джо.

— Почему *Неуловимый*? Его так трудно поймать?

— Да нет, просто он никому не нужен (1971, № 21);

- активизация внутренней формы фразеологического единства и метафор:

— Скажите, музыка — ваша специальность?

— Нет, я играю, чтобы *убить время*.

— Должен признать, что вы выбрали превосходное оружие (1977, № 9);

— Обвиняемый, вы назвали свою соседку коровой, так?

— Нет, господин судья, я только сказал ее дочери, что она *телка* (1972, № 10);

- обыгрывание форм (русского) словообразования:

Возмущенная покупательница говорит продавцу в отделе сыров:

— Я не понимаю, что вы мне сказали об этом сыре, — он *прислан* из Швейцарии или *выслан* оттуда? (1978, № 22);

- обыгрывание грамматической категории рода глагола:

Сын спрашивает отца:

— Как можно отличить зайца от зайчихи?

— Берешь зайца или зайчиху за уши и опускаешь на землю. Если *побежал*, — значит, заяц, а если *побежала*, — значит, зайчиха (1972, № 35).

Обыгрывание жанрово-ролевых аспектов общения:

- я-темы и ты-темы:

Знаменитая киноактриса:

— А теперь хватит говорить обо мне. Поговорим о вас. Расскажите мне, пожалуйста, как я вам понравилась в последнем фильме (1973, № 1);

- ритуальные приветствия/прощания, благодарности и т. п.:

Мсье Дюран обнаружил маленький ресторан, где он прежде никогда не обедал. Расплатившись, Дюран направился к хозяину ресторана:

— Мсье, мне хотелось бы обнять вас!

— Вам так понравилась моя кухня?

— Нет, кухня отвратительная. Я хотел бы обнять вас на прощание: моей ноги здесь больше не будет (1975, № 35);

- манипуляция:

— Не стыдно ли вам попрошайничать? Вы достаточно сильны, чтобы работать!

— Я это знаю, мадам. И вы достаточно красивы, чтобы сниматься в кино, но предпочитаете скромную жизнь...

— Подождите, я поищу что-нибудь для вас на кухне... (1970, № 27);

- интенциональные диады: «похвала ~ осуждение»:

Джек с друзьями все время играл на гитаре и пел.

— Как было бы хорошо, если вас показывали бы по телевидению, — вздохнула его мать.

— Вот видишь! — воскликнул Джек. — А раньше ты все время ворчала...

— Да, но тогда я могла бы вас выключить! (1978, № 14);

- «информативная коммуникация ~ оскорбление»:

Полисмен помог подняться с земли пьяному, пострадавшему в драке.

— Вы можете охарактеризовать человека, который вас ударил? — спросил он.

— Я как раз этим и занимался, когда он набросился на меня (1975, № 16).

В целом весьма показательны относительно многочисленных случаи обыгрывания различных аспектов *непрямой коммуникации*: косвенные иллокутивные акты и манипуляция, интенциональные диады и несобственное употребление речевых жанров, выводные непрямые смыслы и дополнительные (иногда значительные) интерпретативные усилия, необходимые для понимания передаваемого содержания. Большинство таких анекдотов относятся к сложным анекдотам, поскольку адресату/читателю, естественно, необходимо проделать все те же интерпретативные операции, что и персонажам анекдотов; чаще всего комический эффект таких анекдотов строится именно на том, что смысл, скрытый за нейтрально-вежливыми языковыми формами, все же обнаруживается, например:

- буквальное понимание косвенных форм (прежде всего вежливых); в следующем примере обыгрывается буквальное понимание косвенной угрозы:

— Я в последний раз спрашиваю: когда вы вернете мне долг?

— Как хорошо, что вы больше не будете задавать мне этот дурацкий вопрос! (1979, № 4);

- соотношение косвенных иллокутивных актов и манипуляции:

Супруги разговаривают на кухне:

— Если гости не уйдут до полуночи, я накручу волосы на бигуди и надену ночной халат. Как ты думаешь, поймут они намек?

— Не волнуйся. Если не поймут, я начну рассказывать им, как тете делали резекцию желудка (1975, № 34);

- косвенное «деликатное» уведомление (о чем-то неприятном):

Когда началось сокращение штатов, директор, отличавшийся своей тактичностью, вызвал к себе одного служащего.

— Я просто не представляю себе, как мы будем обходиться без вас, — вздохнул он, — но, во всяком случае, с первого числа мы сделаем такую попытку (1973, № 13);

- колкости:

Ссора двух голливудских звезд:

— Не строй из себя леди! Ты же не знаешь даже, кто были твои мать и бабушка!

— Действительно, о моей бабушке говорят разное. Может быть, даже моя бабушка — это ты? (1974, № 3.)

- Наконец, могут обыгрываться гендерные жанрово-ролевые особенности даже такой специфической коммуникации, как... рассказывание анекдота!

На корабле.

— Успокойтесь, господа, успокойтесь! Только без паники! Никакой опасности, никакого кораблекрушения нет! Я посадил в шлюпки женщин и детей только для того, чтобы рассказать мужчинам один новейший пикантный анекдот! (1974, № 26.)

Как хорошо видно, выделенные здесь типы анекдотов с трудом могут претендовать на полную адекватность, как и на последовательность использования единых принципов классификации при выделении типов.

Собственно, перед нами стояла другая задача: мы хотели продемонстрировать, что даже анекдоты, публикуемые в подцензурном партийном издании, в условиях сверхжестких идеологических ограничений, когда свобода слова забрана сразу несколькими цензурными решетками, — даже такие анекдоты распределить по ограниченному числу типов нисколько не легче, чем анекдоты в целом. Иными словами, в УРШ представлено почти полное типологическое многообразие анекдотов (разумеется, за исключением открыто антисоветских, которых просто не могло быть; но, как видим, косвенным, неявным образом вполне антисоветские идеи выражались совсем нередко), соответствующее многообразие самой жизни.

Принципы записывания анекдотов в 70-е гг.: проблема адекватности

В данном разделе мы возвращаемся к идее о том, что на рубеже XX–XXI вв. изменилось представление об анекдоте и его месте

в жизни. Во-первых (данная точка зрения здесь не обсуждается), анекдот стал менее популярным жанром и даже стал ассоциироваться с непрестижными формами общения и низким уровнем жизни — ср. тиражируемый в некоторых новых изданиях образ малосимпатичных «совков»-неудачников, травящих анекдоты на кухне хрущевской квартиры под дешевую водку и плохую закуску.

Во-вторых, изменилось представление о записи анекдота: заслуживает внимания сам факт, что анекдот стал ассоциироваться с тем, что записывают и читают, и восприниматься как письменный жанр. Сегодня, пожалуй, уже сложился отчетливый образ такого нового «потребителя» анекдотов — современного русского человека, желающего посмеяться и идущего для этой цели не на коммунальную кухню, а в киоск, где продают развлекательные издания, специализированные журналы и даже сборники анекдотов. Появилась уже целая индустрия, а следовательно, правила записи анекдотов.

Как мы уже говорили, текстовая структура анекдотов, опубликованных в рубрике «Улыбки разных широт», резко отличается, с одной стороны, от устного рассказывания анекдотов, с другой — от манеры записи анекдотов в постсоветских сборниках анекдотов и других изданиях.

По нашему мнению, изучение манеры записи анекдотов в рубрике «Улыбки разных широт» поможет понять и некоторые особенности РЖ_{соб}А — письменного речевого жанра.

В целом при записывании анекдотов можно выделить три ориентира, определяющих формальные особенности текста:

1) записывание, ориентированное на нарратив — это полное абстрагирование от особенностей РЖ_{рас}А и устной речи в целом;

2) на формальные особенности РЖ_{рас}А — это отражение в письменном тексте как особенностей устного непосредственного общения (т. е. ситуации рассказывания анекдота), так и структурных особенностей собственно РЖ_{рас}А (согласно А. Д. и Е. Я. Шмелевым, основу РЖ_{рас}А составляют следующие структурные элементы: метатекстовый ввод; изобразительные/иконические элементы вербальной и невербальной коммуникации; зачиновый глагол в форме наст. вр., несов. вида [2002]);

3) на некую промежуточную манеру — она исходит из того, что целью коммуникативной ситуации «составитель ~ читатель» является рассмешить читателя посредством данного письменного текста;

для успешного же достижения этой цели не годится текст ни «совершенно письменный», ни механически записанный «совершенно устный» — текст РЖ_{соб}А должен обеспечивать оптимальное зрительное восприятие, при этом включать некоторые особенности ситуации эффективного устного рассказывания анекдотов, в частности изображение и разыгрывание вместо описания.

Мы полагаем, что, когда А. Д. и Е.Я. Шмелевы говорили о резкой противопоставленности РЖ_{рас}А и РЖ_{соб}А, они не принимали во внимание третью манеру: она еще только начинала складываться в конце 80-х — начале 90-х гг., когда (насколько нам известно) было осуществлено исследование Шмелевых; все же существовавшие до этого времени публикации типа УРШ (а также их суррогатная устная замена — озвучивание в телепередачах «Кабачок “13 стульев”», «Утренняя почта») были действительно резко противопоставлены РЖ_{рас}А. По нашему мнению, в 80-е гг., когда данная манера начала складываться, на нее наложила определенный отпечаток манера записи анекдотов в УРШ.

Конечно, в 70-е гг. дистанция между человеком и официальным словом была всегда. В каком-то смысле она особенно чувствовалась в случае анекдотов. Нет никаких сомнений в том, что официальная риторика и идеология активно не жаловали РЖ_{рас}А, как и всю устную анекдотную культуру: отрицался сам факт существования РЖ_{рас}А как «свободного» (т. е. антисоветского) жанра, а значит, безусловно отрицалась какая-либо связь всего того, что может быть опубликовано на страницах легального подцензурного издания, с нелегальными «непечатными» текстами.

Можно назвать по крайней мере три способа решения этой нелегкой идеологической задачи. Во-первых (в отличие от рубрики «Просто анекдот»), составители УРШ как бы исходили из того, что русский/советский РЖ_{рас}А не существует, а все в УРШ — не более чем импортный юмор, перепечатываемый из зарубежных журналов.

Во-вторых, анекдот в УРШ представлялся как жанр принципиально чисто литературный, т. е. письменный художественный, по отношению к которому возможные ситуации его устного рассказывания выступают как факультативные, а вовсе не первичные и базовые (ср. с приведенной точкой зрения К. Ф. Седова). Показателен следующий пример, где анекдот в рубрике «Просто анекдот» сравнивается с рассказом:

Встречаются два писателя.

— Как обстоит дело с сатирическим романом, который ты послал в журнал?

— Представь себе, редакция зверски его сократила и поместила в разделе «Просто анекдот» (1969, № 3).

Конечно, в данном анекдоте на первый план выходит именно различие жанров романа и анекдота, смешна сама ситуация смешения этих жанров, но весьма показательно, что жанры названы в одном контексте: подразумевается, что предельно уменьшенный по объему сатирический роман — это другой письменный юмористический текст, т. е. анекдот. Таким образом, между данными жанрами существуют только количественные различия, а такое положение вещей означает не что иное, как их настоящее генетическое сходство.

Действительно, по форме многие анекдоты в УРШ напоминают эссе, новеллы, притчи и другие художественные тексты: характер их структуры строго нарративный, они строятся подчеркнуто неизобразительно:

Один крупный биржевой магнат с Уолл-стрита влюбился в актрису и в течение многих месяцев ухаживал за ней. Решив на ней жениться, он предусмотрительно нанял частного детектива, чтобы выяснить, с кем общается его невеста, какое у нее прошлое и прочие данные из ее биографии. Через некоторое время он получил отчет от детектива, где сообщалось, что мисс Блэнк пользуется прекрасной репутацией. Ее прошлое безупречно, она встречается только с уважаемыми людьми. Лишь в последнее время она начала бывать в обществе одного бизнесмена, у которого весьма подозрительная репутация (1974, № 4).

Третий способ уже прямо касается формы записи анекдотов: складывается впечатление, что в УРШ делалось все, чтобы текст в таком виде было невозможно или максимально неудобно рассказать в ситуации непосредственного устного общения. Для этой цели широко использовались такие присущие письменной, книжной речи особенности лексической, синтаксической и стилистической структуры, как сложные и сверхсложные предложения, например сложноподчиненные предложения с последовательным подчинением нескольких придаточных (*Это значит, что вы чувствуете себя хорошо только тогда, когда вы себя чувствуете плохо; Потому что, если бы ты*

сказала, что четыре, я бы рассказала тебе отличный анекдот), сложноподчиненные предложения с параллельным подчинением нескольких придаточных (*вы взяли 25 фунтов, чтобы проголосовать за консерваторов, и точно такую же сумму, чтобы проголосовать за либералов*), сложные предложения с разными типами связи (*Сын учится безобразно, и я не уверен, кончит ли он школу вообще; Вот так всегда: ждут до последнего момента, прежде чем обратиться к врачу*), а также сложные подчинительные конструкции в рамках простого предложения (*это замечательное средство для борьбы против облысения*), осложнения причастными, деепричастными оборотами, вводными конструкциями, прямой и косвенной речью, выбор лексически и стилистически малоупотребительных, книжных и архаичных единиц.

Показательно, что сложноподчиненные предложения с последовательным и параллельным подчинением нескольких придаточных, смешанные типы сложных предложений и даже совершенно нехарактерные для русской разговорной речи причастные и деепричастные обороты используются в речи не только автора, но и персонажей анекдота.

Действительно, практически невозможно представить озвучивание следующих текстов:

По дороге домой пьяный замечает астронома-любителя, *обозревающего* небо в телескоп, *установленный* на треноге. Пьяница тоже решил взглянуть на небо и тотчас же увидел *падающую* звезду.

— Потрясающе! — *с восхищением* воскликнул он, *обращаясь* к астроному. — Вы, *наверное*, самый лучший снайпер в городе!.. (1977, № 3.)

Разговор отца с сыном:

— Что нового слышно в школе?

— *Представляешь, папа*, у нас, *оказывается*, очень завистливый учитель.

— С чего ты взял?

— Вот уже который раз, *выгоня* меня из класса, он говорит: «*Ах, если бы я был твоим отцом!*» (1973, № 8).

Речи в УРШ присуша и з б ы т о ч н о с т ь (не только с точки зрения норм разговорной речи и естественного непосредственного общения, но и с точки зрения большинства разновидностей письменной речи, например художественного или публицистического стиля): экс-

плицируются слова автора, как правило, наличествует эксплицитный речевой глагол, выбор которого отличается повышенной, присущей книжной речи вариативностью. В каком-то смысле лексическое богатство речи как средство описательности, а не изобразительности тоже призвано противопоставить _{соб}А в УРШ и _{рас}А в естественном общении:

Моряк, выброшенный на необитаемый остров, поймал попугая и научил его разговаривать. Однажды вечером попугай прилетел к своему хозяину страшно возбужденный.

— Там женщина, — *вопил* он, — и такая прекрасная!

Взволнованный моряк бросился за попугаем, *который летел и кричал*:

— Какие глаза, босс! А какая фигура!

Наконец попугай сел на ветку и *указал клювом*:

— Вот она, босс!

— Ах ты, чертов мошенник, — *в сердцах выругался моряк*, — ведь это же попугаиха! (1977, № 13.)

За обедом у общих знакомых встретились две подруги, давно не видевшие друг друга.

— О, ты носишь очки! — *радостно воскликнула одна*. — А знаешь, это очень здорово: они скрывают твои морщины вокруг глаз.

— Что ты! Наоборот, благодаря очкам я великолепно вижу теперь твои, — *парировала подруга* (1973, № 12).

Эта избыточность становится особенно заметной при сравнении с лаконизмом современных записей анекдотов (можно искать разные причины такого лаконизма — начиная от «лаконизма» самих отношений); при этом нет и лексического разнообразия (речевой глагол *говорит* повторяется 3 раза!):

Двое в подъезде. Она говорит: — Дорогой, выкрути лампочку. Тот выкрутил, она говорит: — Хочешь, в рот возьму? Он говорит: — Ты че, дура, она ж горячая (анекдот скачан с: <http://anekdot.ru>).

Конечно, данное речевое явление связано с общим состоянием русской культуры, норм речи и представлений о допустимом в ней, в частности с тем, что официальная и неофициальная культура в России позднесоветского периода были противопоставлены чрезвычайно сильно. Официоз захлестывал все виды и жанры СМИ; в целом это привело к тому, что любая письменная речь на страницах советских

СМИ воспринималась как официальная и из нее изгонялись любые проявления как личного отношения автора, так и разговорности [Сиротинина 2003; Хорошая речь 2001; Коньков 2002].

Попутно, по-видимому, так решалась еще одна задача — представить данный юмор как иностранный не только посредством «не наших» реалий, но и за счет некоторой общей неестественности построения текста, который напоминал переводные тексты.

В то же время в УРШ иногда находим анекдоты, по своей структуре соответствующие РЖ_{рас} А, — например, вполне могли (и могут) быть рассказаны следующие тексты:

Двое полицейских садятся в патрульную машину.

— Эй, Джо, — говорит старший, — я сейчас включу мигалку.

Выйди, погляди, работает ли она.

— Работает! — кричит Джо. — Ой, не работает! Опять работает. Ой, опять не работает... (1978, № 7.)

Звонок в дверь. Хозяйка открывает дверь и видит мужчину, который говорит заплетающимся голосом:

— Мммм-ойщика окон не ввв-вызывали?

— Да, прошу вас.

Через несколько минут опять раздается звонок, и человек в дверях говорит:

— Мммм-ойщика окон не ввв-вызывали?

— Да, прошу вас, — говорит хозяйка, — там, кстати, один ваш коллега уже работает.

— Дд-да ннн-нет, — пошатываясь, отвечает человек. — Это я выпал из окна (1974, № 21).

Данные тексты содержат элементы изобразительности (включая речевую маску пьяного: *Мммм-ойщика окон не ввв-вызывали?*, *дд-да ннн-нет*); присутствует и зачиновая фраза со вступительно-изобразительным глаголом в форме наст. вр., несов. вида, по мнению А. Д. и Е. А. Шмелевых необходимая для успешного РЖ_{рас} А.

Кроме того, находим отдельные признаки разговорности (прежде всего разговорный порядок слов) в текстах анекдотов в УРШ (почти исключительно — в речи персонажей):

- постпозиция подлежащего: *И попался ей в салате маленький червячок;*

- препозиция дополнения: *Бороду можете отпустить дома, а не на работе;*
- постпозиция наречия с разрывом составного глагольного сказуемого: *Через полчаса вы сможете уже двигать ногами;*
- препозиция наречного элемента идиомы: *кухня в бедрах узковата; Если вы такие умные, что же вы строим не ходите?*

В целом же приметы PPP — очень редкое явление в УРШ.

Что касается вступительно-изобразительных глаголов в форме наст. вр., несов. вида, по мнению А. Д. и Е. Я. Шмелевых необходимых для успешного рассказывания анекдота, их доля в текстах УРШ всего лишь около четверти. Совершенно не соответствуют представлениям Шмелевых о зачиновой фразе, например, такие анекдоты:

Он был совсем еще начинающим грабителем. Он направил пистолет на жертву и сказал:

— Руки вверх или...

— Что — или?

— Не сбивайте меня, это моя первая работа... (1977, № 2.)

Два альпиниста взбирались на гору в Швейцарии и попали под снежный обвал. Их нашла собака сенбернар, к шее которой был привязан маленький бочонок с коньяком.

— Ура! — закричал один из альпинистов. — К нам пришел лучший друг человека!

— А посмотри, какая большая собака притащила его! — добавил другой (1973, № 20).

Новые же записи анекдотов обычно содержат все отмечаемые Шмелевыми особенности (точнее, особенности удачного рассказывания анекдота):

Приходит мужик в бар, который находится на вершине башни. *Значит*, заходит туда и видит, что никого нет, лишь один парень *такой весь в черном за столиком сидит и водку стаканами пьет без записки* и закуски. *Ну*, мужику интересно стало, подходит к нему и спрашивает: — Парень, ты *что это* водку без закуски стаканами пьешь? Тот ему отвечает: — Да вот *жизнь самоубийством хочу покончить*, прыгаю с башни и не разбиваюсь. Мужик не поверил, ну тот *взял выпил* стакан и спрыгнул, через несколько минут опять вер-

нулся и говорит: — Попробуй, у тебя тоже получится. Мужик выпил стакан, прыгнул и разбился. После этого подходит официант к парню в черном и говорит: — Ну ты, БЕТМАН, и сука, когда напьешься (анекдот скачан с: <http://anekdot.ru>).

Запись воспроизводит особенности речи рассказчика, который не описывает, а изображает занятную ситуацию: *Значит, заходит туда и видит, что никого нет, лишь один парень такой весь в черном за столиком сидит и водку стаканами пьет без заливона и закуски.* Нет избыточности, которая могла бы отвлечь от главного (даже лексическое богатство здесь нежелательно, лучше монотонность), за исключением плеоназма *такой весь в черном*, который также способствует изобразительности. В то же время это именно запись, т. е. РЖ_{соб}А, а не механически воспроизведенный устный текст так, для выделения ключевого слова *БЕТМАН* использовано такое средство письменной речи, как прописные буквы.

Образ персонажа анекдотов в журнале «Крокодил»

Классовый / политический образ

Наиболее очевидной в УРШ является ярко-отрицательная оценка политического врага — высмеиваются империалисты, воротилы бизнеса, разжигатели войны, расисты, убийцы и т. д.:

- продажный генералитет:

На дипломатический прием в Вашингтоне уругвайский военный атташе явился в мундире, сплошь увешанном орденами и медалями.

— Наверное, вам дорого пришлось заплатить за свои награды? — спросила его одна из приглашенных дам.

— Семьдесят пять песо за все, — ответил генерал (1976. № 13);

- наемные убийцы:

Два мафиози в Сицилии получили задание убить третьего. Он должен был появиться в шесть вечера у входа в кафе. Они ждали его до восьми.

— Надеюсь, — сказал один из мафиози, — с ним не случилось ничего плохого (1978, № 25).

Что касается коррумпированности и идиотизма чиновников в

мире капитала, им достается по-своему не меньше, чем гоголевскому персонажу, у которого унтер-офицерша сама себя высекла:

Мэр города частенько путал свои деньги с чужими и запускал руку в муниципальную кассу. Неожиданная ревизия обнаружила недостачу в шестнадцать тысяч долларов. На вопрос ревизора, что он может сказать в свое оправдание, мэр ответил:

— Ну что я скажу... Очень, знаете, трудно с этими деньгами... Они так похожи... (1977, № 3);

- нечестные торговцы:

Заклучив выгодную сделку, торговец земельными участками обнаружил, что проданный им клиенту участок земли на самом деле находится под водой.

— Что делать? — спросил он шефа. — Вернуть деньги?

— Ни в коем случае! Если вы умеете работать, вы еще продадите ему парочку скафандров и моторную лодку (1978, № 1);

- невежественные и жадные предприниматели (даже если это не торговцы, а представители нейтральных профессий, например редактор газеты:

Известный скрипач прочитал заметку о своем концерте в маленьком городке и, возмущенный, явился к редактору газеты:

— Я три раза говорил вашему репортеру, что играю на настоящем Страдивариусе, а в газете об этом ни слова!

Редактор снисходительно улыбнулся:

— А вы что хотели? Вот когда ваш мистер Страдивариус или как там его решит рекламировать свои скрипочки через мою газету по десяти центов за строчку, тогда дайте знать (1979, № 8).

Наиболее отвратительны нувориши, которые стали презирать свой собственный социальный класс, после того как выбились из грязи в князи:

— С тех пор как Джеймс разбогател, он стал страшным снобом.

— А в чем это выражается?

— Да хотя бы в том, что он отказывается ехать в том же автомобиле, что и его шофер! (1978, № 9.)

— Кем собирается стать твой сын, Луиджи?

— Он твердо решил разбогатеть и уже начал смотреть на меня, как на бедного родственника (1978, № 17).

Торгашеский дух убивает все человеческое, например дружбу:

Поздно вечером, выходя из бара, подвыпивший парикмахер обнимает своего приятеля.

— И помни, Жан, что бы с тобой ни случилось — пусть сгорит твой дом, пусть уйдет от тебя жена, пусть заболеют твои дети, — приходи ко мне, и я всегда побрею тебя бесплатно! (1977, № 35.)

Конечно, миллионеры потеряли все человеческое, и никого не тронут их слезы — они крокодиловы:

Горестный рассказ бедняка о своих несчастьях произвел на миллионера глубочайшее впечатление. Он позвонил слуге и, утирая слезы, жалобным голосом сказал:

— Джон, выведи этого беднягу. Он разрывает мне сердце (1974, № 7).

Обличается бесчеловечность платных врачей:

— Ф-фу, — облегченно вздохнул хирург, выходя из операционной. — Подумать только, еще какой-нибудь день или два — и мой пациент выздоровел бы и без меня! (1976, № 17);

• идиотизм полицейских (вполне сопоставимый с высмеиваемым в современных русских анекдотах идиотизмом военных):

— Идиоты! Упустили преступника прямо из-под носа! — кричит инспектор Браун. — Разве вы не перекрыли все выходы из кино, как я приказал?

— Мы перекрыли, сэр, но, по-видимому, этот тип удрал через вход, — ответил сержант (1972, № 21);

• проституция:

— Я слышал, мадам, ваша дочь уехала в Париж. Вы не боитесь соблазнов, которые искушают юную девушку в этом городе?

— Нет, нет, я совершенно спокойна. Дочь написала, что уже состоит под надзором полиции (1975, № 3);

• ужасные телепередачи, которые смотрят дети (в 70-е г. это тоже совсем не наша проблема... до поры до времени):

— Джейн? А с кем же ты оставила дочку?

— О, я посадила ее перед телевизором и сказала ей: «Ты не волнуйся, крошка. Как только вот эта леди задушит вон ту леди, мамочка придет!» (1978, № 18);

- расчетливые наследники, желающие смерти родственников:

Адвокат телеграфировал своему клиенту: «Сегодня ночью во время сна скончалась ваша тетя, оставив вам большое состояние. Что заказать: похороны, бальзамирование или кремацию?»

В ответ он получил телеграмму: «Закажите все, не хочу рисковать» (1976, № 17);

- браки по расчету:

Пожилая богатая женщина вышла замуж за молодого.

— И как это ты смогла женить его на себе, Робёрта? — удивляются подруги.

— Я ему сказала, что мне семьдесят лет, хотя мне всего пятьдесят восемь (1977, № 35);

- слишком легкое отношение к браку и разводу:

— С кем это ты здоровалась?

— Это третий муж первой жены моего второго мужа! (1977, № 24.)

Осуждается невежество — особенно, конечно, нуворишей, например:

- плохое знание основных достижений мировой культуры:

Некий американский миллионер, коллекционер автомобилей и картин, вернулся из поездки в Голландию.

— Ты знаешь, дорогая, — сказал он жене, — мне удалось приобрести *Рубенса*.

— Неужели, милый? А сколько в нем лошадиных сил? (1973, № 8);

- в частности, стыдно не знать, когда жил Шекспир:

Американская туристка посетила дом, где родился Шекспир. На обратном пути, стоя на железнодорожной платформе, она сказала подруге:

— Подумать только, Джейн, что на этой же самой платформе стоял когда-то бессмертный гений! (1978, № 20);

- хотя и признается, что читать много классики нереально:

— Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу тебе, кто ты!

— Интересно... Я вот читаю Гомера, Овидия, Платона...

— Ты — лжец! (1977, № 33.)

• Положительными чертами наделяются представители класса угнетенных — лучшие из них умны, остроумны, обладают чувством собственного достоинства и бросают своим противникам — угнетателям — интеллектуальный вызов, на который те не могут ответить. Это тип солдата Швейка, Ходжи Насреддина, образ работника, насмехающегося над работодателем-эксплуататором, который относится к ключевым не только в русском фольклоре и исключительно востребован в советской пропаганде:

Мастер нагрузил тачку нового работника доверху свинцовыми трубами. Работник почесал затылок.

— Пожалуй, стоит, сэр, — сказал он, — еще прикрепить мне под мышку пару бетонных блоков.

— Это зачем?

— А чтобы я не пустился бегом (1978, № 33).

Ходжа Насреддин теперь имеет точный социальный и географический адрес: это современный английский шахтер (в 1979 г. премьер М. Тэтчер жестоко расправилась с бастующими шахтерами — СССР, естественно, поддерживал последних):

Один английский шахтер продал за десять шиллингов свой старый велосипед. На другой день к нему явился сборщик налогов и предъявил счет на семь шиллингов.

— Неужели я должен заплатить семь шиллингов из вырученных десяти? — недоверчиво спросил шахтер.

— Да, таков закон. Вы только подумайте, сколько денег нужно правительству на военные нужды, на расходы по социальному обеспечению, модернизацию железных дорог...

— Скажите, — перебил чиновника шахтер, — а что бы делало правительство, если бы я не продал свой старый велосипед? (1979, № 12.)

• В то же время не вызывают сочувствия бедные, слишком хорошо приспособившиеся к нравам мира капитала:

— Ужасно, наверное, быть калекой, — говорит сострадательная женщина, опуская монету в шляпу нищего.

— Увы, мадам...

— Но еще хуже, наверное, быть слепым?

— Гораздо хуже, — вздыхает нищий. — Когда я был слепым, мне кидали в шляпу черт знает что... (1978, № 7.)

То, о чем здесь идет речь, нищие проделывали еще в Средневековье, а вот в следующих двух анекдотах — додумались только при развитом капитализме:

Нищий протягивает две шляпы — по одной в каждой руке — и объясняет удивленному прохожему:

— Понимаете, синьор, жизнь дорожает, вот и пришлось открыть филиал (1977, № 25).

Дама спрашивает у нищего, не стыдно ли ему просить подавание на улице.

— Вы правы, мадам, — ответил нищий. — Я уже давно подумываю о том, чтобы открыть контору по сбору подаваний (1976, № 18).

Следует особо остановиться на **национальных анекдотах**. Конечно, сами по себе национальные стереотипы, обыгрываемые в анекдотах, не имеют никакого отношения к общественно-политическому строю. Однако для советского общества, в котором полностью решен национальный вопрос (по крайней мере, так утверждает официальная идеология), любые национальные проблемы воспринимаются как примета капитализма.

• Так, в УРШ довольно много анекдотов о шотландцах — большинство, конечно, о их жадности (и это совпадает с анекдотами о шотландцах, которые рассказывают англичане, немцы, скандинавы и т. д.), а жадность, как известно любому строителю коммунизма, есть пережиток капитализма, т. е. классовое качество:

Шотландец посылает приятелю телеграмму следующего содержания: «Наилучшие пожелания по случаю Нового года и твоего дня рождения за 1977–1987 г.». (1977, № 34).

В редакцию одной эдинбургской газеты пришло письмо читателя: «Если вы немедленно не перестанете печатать анекдоты о скупости шотландцев, то я с завтрашнего дня перестану одалживать вашу газету у соседа» (1972, № 1).

- Впрочем, есть и другие качества шотландцев, кроме скупости, достойные высмеивания в анекдотах:

— Неправда, что все шотландцы черствые люди, — сказал старый шотландец. — Мы вот недавно играли с друзьями в покер, и один из них вдруг схватился за сердце и упал. Больше он не поднялся. И, смею вас уверить, мы приняли это очень близко к сердцу — кончили партию стоя (1975, № 14);

- О многолетних итальянцах:

Беседуют два итальянца:

— Когда я женился, ни у меня, ни у моей жены не было ничего. Даже на свадьбу пришлось занять.

— А теперь?

— Теперь у нас пятеро ребятишек! (1977, № 30);

- О «некуртуазных» шведах:

— Утверждение, что шведские мужчины — плохие джентльмены, не соответствует действительности. Сегодня, например, я видел своими глазами, как один швед прикрывал своим зонтиком от дождя даму, пока она меняла колесо у автомобиля (1977, № 17);

- Насмешка над американскими туристами, относящаяся к распространенным сюжетам мирового юмора (характерно, что интеллектуальный вызов им бросает вполне «адекватный», остроумный и симпатичный гид — житель некой «страны вулканов»):

Заглядывая в кратер вулкана, американский турист замечает:

— Похоже на ад, не правда ли?

Гид в изумлении всплескивает руками:

— Ох уж эти американцы! Все они видели, всюду побывали! (1976, № 24);

- Много анекдотов посвящено габровцам. В целом анекдоты о габровцах можно оценить двояко. С одной стороны, одно из чаще все-

го высмеиваемых их качеств — жадность, и в этом отношении анекдоты о габровцах похожи на анекдоты о шотландцах.

Ср. следующие два анекдота:

В Эдинбурге встретились два приятеля.

— Ты не мог бы одолжить мне один фунт?

— К сожалению, дружище, у меня нет при себе денег.

— А дома?

— Спасибо, все здоровы! (1970, № 8.)

— Петко, не одолжишь мне десять левов?

— С удовольствием бы, но у меня при себе нет ни стотинки.

— А дома?

— Дома все благополучно, спасибо (1978, № 26).

С другой стороны, Болгария — страна социалистическая, дружественная (пожалуй, даже самая дружественная из социалистических стран; как уже говорилось, УРШ иногда посвящала болгарским юмористическим изданиям целые специальные выпуски, например в № 15 за 1974 г., № 20 за 1979 г.), Габрово же в Советском Союзе считалось мировой столицей юмора. Поэтому преобладает веселый, доброжелательный юмор; кроме того, постоянно подчеркивается, что анекдоты о габровцах рассказывают прежде всего сами габровцы, например:

Подросток-габровец решил намекнуть отцу, чтобы тот ссудил его деньгами.

— Папа, я видел во сне, что ты дал мне десять левов.

— Великолепно, мое дитяtko. За то, что ты у меня такой примерный сын, можешь эти деньги оставить себе (1974, № 15).

Впрочем, классовых анекдотов, хотя они, естественно, сразу обращают на себя внимание (особенно с точки зрения современного читателя), далеко не большинство — в противном случае, конечно, рубрика пользовалась бы значительно меньшей популярностью, чем это было на самом деле.

Бесклассовый персонаж

В самой многочисленной группе анекдотов в УРШ представлен бесклассовый (иногда наднациональный) образ «просто человека», которого читатель может идентифицировать с собой, — иногда он вы-

зывает насмешку, иногда — сочувствие и даже симпатию. Во многих таких анекдотах отсутствуют какие-либо национальные приметы, но даже когда они есть, они не слишком мешают идентификации. Прежде всего такие персонажи появляются, когда речь заходит на общечеловеческие «вечные» темы: семья и роли в семье, мужчины и женщины, непослушные дети, общение влюбленных, женские сплетни, домашние животные...

- Конфликты между мужем и женой:

- Почему вы всегда ссоритесь с женой на улице?
- Потому что дома моя жена жаждет покоя (1977, № 4).

- Что ты подарила мужу ко дню рождения?
- Серебристую лису.
- А он тебе?
- Рыболовные снасти (1979, № 25).

Глубокой ночью жена будит мужа.

- Что случилось? — испуганно вскрикивает тот.
- Ничего особенного. Просто я не могу понять, как ты можешь спокойно спать, получая такую маленькую зарплату (1975, № 22).

- Вечная пара: строгий отец и нагловатый, но остроумный ухажер дочери:

Отец открыл дверь и увидел, что его дочь стоит вместе со своим приятелем на пороге. Он мрачно заметил молодому человеку:

- В нашем доме мы гасим свет точно в одиннадцать часов вечера!

- Благодарю вас, — ответил молодой человек, — это будет очень любезно с вашей стороны (1975, № 17).

- В следующем анекдоте в данной паре партнеры как бы поменялись местами: остроумный отец и простоватый молодой человек:

Звонит телефон. Трубку поднимает отец трех дочерей. Не успел он открыть рот, как голос в трубке ласково спросил:

- Это ты, моя лягушечка?

- Нет, — ответил отец, — это говорит владелец пруда (1978, № 3).

- Общение влюбленных:

Влюбленная парочка зашла в ресторан поужинать. Они буквально пожирают друг друга глазами:

— Ты такая сладкая, я бы съел тебя всю...

— И я тоже...

Подошедший официант кашлянул и спросил:

— А запивать чем-нибудь будете? (1978, № 31.)

- Смешение жанров: намеки (предложение руки) ищут там, где их нет:

— Простите, фройляйн, но вы вконец измучили меня: я потерял сон и покой... — говорит молоденькой девушке ее сосед.

— Я не могу так сразу ответить вам, — смущается девушка, — поговорите сначала с моим папой.

— Как? Разве он тоже целыми днями играет гаммы на рояле? (1978, № 3.)

- «Отцы и дети»: дети разоблачают демагогию родителей, но сами охотно прибегают к ней:

— Папа, почему у тебя нет автомобиля?

— Потому что у меня нет денег на его покупку. Но если ты будешь прилежно учиться в школе, то наверняка сможешь купить себе автомобиль, когда станешь взрослым!

— Папа, почему же ты в школе был таким ленивым? (1973, № 2.)

Маленькая девочка спрашивает у своего отца:

— Папа, почему ты не хочешь со мной играть?

— Потому что у меня нет времени.

— Почему у тебя нет времени?

— Потому что я работаю.

— А почему ты работаешь?

— Чтобы зарабатывать деньги.

— А зачем зарабатывать деньги?

— Чтобы тебя кормить.

Маленькая девочка подумала и сказала:

— Ты знаешь, мне сейчас не хочется есть, так что ты можешь смело поиграть со мной (1973, № 7).

- Ряд комических ситуаций по яркости и выразительности могут посоперничать с записанными К. И. Чуковским:

В зоопарке перед клеткой со львами маленький мальчик спрашивает отца:

— Пап, если выбежит лев и съест тебя, мне на каком автобусе ехать домой? (1975, № 21.)

— Люси, детка, сходи к мяснику и посмотри, есть ли у него свиные ножки.

Через полчаса девочка возвращается.

— Ну что, видела? — спрашивает мать.

— Нет, я ждала-ждала, но он так и не снял ботинки, а попросить я постеснялась... (1976, № 24.)

— Не тяни руку через стол, Питер. Что, у тебя нет языка?

— Язык есть, но ведь руки длиннее... (1971, № 24.)

• Впрочем, дети 70-х, в отличие от тех, о которых писал Чуковский, не только охотно прибегают к демагогии и манипуляции, но и заражены пагубной телецивилизацией, как в следующем анекдоте:

Учитель обращается к непослушному мальчугану:

— Скажи, Свен, ты хоть когда-нибудь слушаешь голос своей сестры?

— А по какому каналу его передают? (1978, № 8.)

• Весьма безрадостная ситуация полного взаимонепонимания:

— Что тебе купить на день рождения, Пепичек?

— Пластинки, бабушка.

— Но я не знаю какие...

— А ты попроси, чтобы тебе дали послушать. Те, которые больше всего тебе не понравятся, те и купи мне (1978, № 25).

• Обыгрывается по-своему очень печальное наблюдение о детях и школе:

— Послушай, сынок, вот в газете пишут, что лось напал на учителя.

— А как лось догадался, что это учитель? (1975, № 7.)

• Размышление о воспитании детей, роли в нем правды и этикета:

Мама учит сына правилам поведения:

— Сынок, когда я спрашиваю тебя, кто пришел, нельзя говорить:

«Всего лишь папа», — даже если действительно пришел всего лишь папа (1975, № 1).

- Совершенно по-детски разговаривают с родителями и вполне совершеннолетние дети:

Молодой человек очень волновался перед своей свадьбой, и отец напрасно уговаривал его соблюдать спокойствие.

— Тебе хорошо говорить, папа, — сказал сын, — ты ведь женился на маме, а не на чужой женщине (1979, № 7).

Женщины:

- сплетни и женская солидарность:

Подруги разговаривают:

— Надеюсь, ты никому не рассказала о моей встрече с Николасом?

— Разумеется, нет, моя дорогая, ведь я же не знала, что это секрет! (1975, № 19.)

— Лизхен, ты ведь обещала, что никогда не выдашь мою тайну, а сама...

— Но, Ингрид, я не выдала твою тайну. Я просто обменяла ее на другую (1978, № 2);

- злословие:

— О Ядвиге я не могу сказать ничего плохого...

— Тогда поговорим о ком-нибудь другом (1972, № 19);

- женщины, для которых их внешность важнее, чем интеллектуальные и духовные качества (ср. современные анекдоты о блондинках):

— Врач прописал мне очки и сказал, что я смогу читать только в них, — говорит подруге девушка.

— Покажи-ка очки.

— Уж не думаешь ли ты, что я действительно буду надевать очки? Лучше я брошу читать! (1978, № 6.)

Наконец, необходимо отметить еще одну группу анекдотов: когда бесклассовый персонаж наделяется **положительными** качествами.

Показательно существование двух типов таких персонажей: а) бесклассового (и как бы наднационального) «человека вообще»: симпатичного, безобидного, разумного, разделяющего общечеловеческие ценности, наделенного чувством юмора (нередко тонким); б) наделенного характерными национальными отличительными признаками, принципиально иного. Прежде всего симпатию читателя завоевывают три совсем «не наших» качества: как правило, такой персонаж «не по нашему» **вежлив**, не просто ироничен, а **самоироничен** и — самое главное — наделен «несоветским» обостренным **чувством собственного достоинства**.

Такому персонажу свойственна симпатичная **самоирония** (обычно не относимая к характерным признакам русской ментальности и поведения):

Знаменитый хирург говорит больному:

— Это очень простая операция. Через полчаса вы сможете уже двигать ногами. Через час будете бегать вокруг кровати. А вечером пойдете пешком до дома.

— А можно мне хоть во время операции немножко полежать? (1975, № 34.)

— Доктор, с некоторых пор я стал наблюдать за собой странное явление: я разговариваю сам с собой.

— Ну, это вряд ли можно считать болезнью.

— Может быть, доктор, но вы не знаете, до чего я скучный собеседник (1975, № 16).

• Особенно ценится («не наше») **чувство собственного достоинства** в сочетании с умением иронично пресекать необоснованные претензии:

Начинающий парикмахер брил клиента и несколько раз его порезал. Бедняга обратился к парикмахеру:

— Если вы честный человек, дайте бритву и мне, чтобы я мог зашищаться! (1973, № 24.)

— На что жалуетесь, синьор?

— Доктор, а вы сами не видите?

— Если хотите, я могу сходить за ветеринаром. Только он умеет ставить диагноз, не задавая вопросов (1978, № 13).

Пьяный посетитель вваливается в фотоателье:

- Пж-ж-жалуйста... сделайте мне гру-уп-упповой портрет...
- С удовольствием, синьор. Расположитесь, пожалуйста, полукругом (1978, № 27).

Следующие анекдоты должны оставить у читателя впечатление, что на Западе чувство собственного достоинства (при безупречной вежливости) — примета речи женщин:

В ресторане девушка закуривает сигарету. Сидящая рядом старушка язвительно говорит:

- Вам не помешает, если я буду есть бифштекс?
- Ничуть, — отвечает девушка. — Конечно, при условии, что вы не будете заглушать оркестр (1975, № 28);

- детей:

Мальчик в автобусе чихал и громко сопел носом, что очень раздражало сидевшую рядом даму. Наконец она спросила:

- Мальчик, у тебя есть носовой платок?
- Да, мадам. Но мне не позволяют одалживать его чужим (1973, № 16);

- стариков:

К глубокому старцу вызвали врача.

— К сожалению, я не чудотворец, — сказал врач. — Я не могу омолодить вас.

— Я и не прошу, чтобы вы меня омолаживали, — ответил старик. — Я только хочу иметь возможность стариться и дальше (1973, № 17).

В Советском Союзе, как и во всех не слишком благополучных социумах, это были, как известно, фактически бесправные группы населения, уважение к которым со стороны властей (и, увы, со стороны самых широких групп взрослых мужчин) лишь декларировалось: *«Молодым везде у нас дорога, / Старикам везде у нас почет»*.

Интересны речевые характеристики такого персонажа, который и говорит не так, как гомо советикус: чаще всего «не наш» колорит передается гипертрофированной (с точки зрения советского читателя) «не нашей» **вежливостью и этикетностью речи**, а также нерусской экспрессией (*О,...!; О да!; именно так; Да, именно так*). Во всяком случае, в большинстве анекдотов вежливость сама по себе не высмеи-

валась, зато вполне могла породить у советского читателя комплекс неполноценности или что-то вроде ностальгии.

- Даже к нищему здесь обращаются *мсье*:

Нищий спит на скамейке в Люксембургском саду в Париже. В десять часов вечера его будит сторож:

— Вставайте, *мсье*, уже собираются закрывать ворота.

— Спасибо, что предупредили, старина, скажите им, пусть закрывают, но только потише, у меня очень чуткий сон (1977, № 14).

- Даже хозяйка (да еще *голливудская кинозвезда*), отдавая горничной весьма категоричный приказ (об этом свидетельствуют *быстро* и *приказывает*), говорит *пожалуйста*:

На шикарном вилле голливудской кинозвезды начался пожар.

— *Быстро* вызовите корреспондентов телевидения, радио и репортеров из всех газет, — *приказывает* хозяйка горничной. — Да, еще не забудьте, *пожалуйста*, вызвать пожарных (1977, № 1).

- Даже когда человек явно возмущен, он говорит *пожалуйста* и *простите*:

Гражданин является в химчистку и с возмущением говорит заведующему:

— Вот, полюбуйтесь, *пожалуйста*, на вашу работу!

— Не понимаю, на что вы жалуетесь, — удивляется заведующий. — Отличные шорты, прекрасная работа, ни одного пятнышка.

— *Простите*, но я сдавал в чистку брюки (1971, № 3).

- Впрочем, высмеивается чрезмерная неуместная вежливость:

Тщедушный господин в ресторане робко коснулся руки человека, надевавшего пальто.

— Извините меня, — проговорил он. — Вы случайно не мистер Смайли?

— Нет! — фыркнул тот.

— Понимаете, дело в том, что я мистер Смайли, а вы сейчас надеваете мое пальто! (1974, № 8.)

- Этому представлению о всеобщей гипертрофированной вежливости, якобы присущей западному миру в целом, противоречит

анекдот, в котором явно подразумевается, что вежливость (по крайней мере, в общении на дорогах) все-таки очень редкое явление в западном мире (на то, что это скорее западный мир, указывает и такая реалья, как *полицейский*):

На пешеходном переходе лежит человек. Рядом стоит машина. Полицейский достает блокнот и спрашивает у водителя:

— Рассказывайте, как вы его сбили.

— Я его не сбивал. Я просто остановился и показал ему рукой, что он может перейти. Бедняга, наверное, так удивился, что упал в обморок (1976, № 18).

- В следующем анекдоте прямо подразумевается, что в «мире чистогана» (где есть *владельцы ресторанов*) и вежливость выступает как средство обмана, манипуляция:

Владелец ресторана обращается к официанткам:

— Сегодня вы должны быть особенно вежливыми.

— К нам придет какая-нибудь важная особа? — поинтересовались девушки.

— Нет, — ответил хозяин. — Сегодня у нас очень жесткое мясо (1972, № 21).

- Естественно, высмеивается иезуитская вежливость «джентльменов», которая не мешает «джентльмену» быть грабителем:

Два джентльмена встречаются ночью на окраине большого города.

— Простите, сэр, вы не видели поблизости полицейского?

— Нет, не видел.

— Благодарю вас. В таком случае будьте любезны отдать мне ваш кошелек (1973, № 18);

- и такое бессмысленное «достоинство»:

Грабитель — прохожему:

— Кошелек или жизнь! И пошевеливайся!

— Вот что, — ответил прохожий, — грабить себя я еще позволю, но кричать на меня — никогда! (1978, № 28.)

«Почти наши»

Здесь, в отличие от предыдущего раздела, собраны не те анекдоты, где фигурирует бесклассовый и безнациональный «общечеловеческий» персонаж, а те, в которых персонажу (в некоторых случаях он наделяется иностранным именем и помещается в чужое окружение, в некоторых — нет) приписываются именно те качества, которые обычно отмечаются как ключевые для русского/советского человека; упоминаемые же иностранные реалии воспринимаются только как маска.

• Прежде всего, конечно, обращают на себя внимание анекдоты о пьяницах.

Было бы нелепо утверждать, будто пьяницы существовали только в СССР (тем более что сверхправильная, подчеркнута книжная и не по-нашему вежливая речь указывает скорее на иностранность персонажа):

По улице идет изрядно подвыпивший господин и обращается к проходящей мимо девушке:

— Скажите, мадемуазель, сколько у меня на лбу шишек?

— Три, — испуганно отвечает девушка.

— Благодарю вас, — пробормотал пьяный, — значит, до дома мне осталось еще пять фонарных столбов... (1972, № 21.)

Все же в большинстве таких анекдотов «наш человек» вполне узнаваем (естественно, если отбрасывать такие реалии, как имена: *Мэри, Джон*, обращения: *синьора*, деньги: *лиры*):

Муж, возвращающийся с охоты, звонит жене с вокзала:

— Мэри, это я. Еду домой.

— Как охота, милый?

— Все нормально. Месяц не будем покупать мяса.

— Ты убил лося?

— Нет, пропил зарплату (1978, № 7).

— Эх, Джон, если бы вернуть все те деньги, которые я пропил за всю жизнь...

— И что бы ты с ними сделал?

— Пропил бы... (1979, № 10.)

— Нет, вы только полюбуйтесь на эту синьору, — возмущался муж, — в доме ни капли спиртного, а она последние лиры истратила на еду! (1978, № 32.)

• Наконец, во многих анекдотах высмеиваются недостатки, присущие преимущественно социалистическому обществу. Конечно, в тех случаях, когда речь шла о братских странах социализма, все было в порядке. Но когда читателя отсылали явно к западным странам (имена: *Джон, Джонс*, обращения: *мсье, сэ, мистер, мадам, сирьор, господин* и *господа*, должности: *управляющий, муниципальный инспектор, мелкий служащий в офисе*), только «железный занавес» мог помешать понять, что качества, приписываемые здесь западному обществу, вообще говоря, ему совершенно не присущи. Некоторые из таких анекдотов, в которых «сочетается несовместимое», сегодня воспринимаются как совершенно нелепые:

- «квартирный вопрос»:

— Нам действительно необходимо получить новую квартиру, господин муниципальный инспектор!

— Посмотрим, посмотрим...

— У нас так текут потолки, что во время дождя приходится приделывать к телевизору автомобильные стеклоочистители, чтобы разглядеть изображение на экране... (1973, № 2);

- проблема сдачи жилья и жуликоватых прорабов:

Рабочий, задыхаясь, врывается в контору прораба:

— Ой, беда! Дом, который мы ремонтируем, вот-вот рухнет.

— Говорил вам, несчастные, не снимайте лесов, пока не оклеите комнаты обоями! (1973, № 9);

- призыв в армию и необоснованные претензии призывников — общая проблема, но это У НИХ воюют:

Джона призвали на военную службу. На комиссии спросили, какой род войск он хотел бы избрать.

— Я хотел бы служить во флоте, — ответил Джон.

— Отлично! Будете служить на подводной лодке.

— Ни в коем случае!

— Но почему же?

— Потому что я привык спать с открытой форточкой! (1973, № 2.)

(То, что после войны во Вьетнаме в США была отменена всеобщая воинская повинность, в советских изданиях, естественно, никак

не считалось «их» достоинством — чаще всего об этом просто молчали.)

- Проблема отпуска для бюджетников:

— Я вызвал вас для того, чтобы узнать, хорошо ли вы переносите жару, можете ли длительное время находиться в духоте и под прямыми лучами солнца.

— Что вы, шеф, я этого не переношу...

— Все ясно: пойдете в отпуск в декабре (1975, № 4);

- проблемы с общественным транспортом:

В автобусе молодой человек уступает свое место пожилой даме:

— Садитесь, мадам.

— Благодарю вас, мсье, сидите. Еще настоитесь, когда состаритесь (1977, № 16).

— Доктор, что мне делать, я очень прибавил в весе за последнее время.

— Попробуйте больше двигаться, герр Кушке.

— Я и так хожу на работу пешком.

— Это слишком маленькая физическая нагрузка. Попробуйте ездить на работу на автобусе в часы пик (1976, № 33);

- проблемы со службами сервиса:

В автомобильной мастерской.

— Я слежу за этим механиком уже четверть часа. Прекрасный работник! Не пролил за это время ни одной капли масла, чисто вытер руки, прежде чем сесть за руль, плавно включил сцепление и очень осторожно выехал из гаража. Сразу видно, любит человек технику.

— Да, синьор, тем более что это была его собственная машина! (1977, № 9);

- плохое обслуживание в ресторанах:

Человек, сидящий в ресторане, несколько раз безуспешно пытается получить от официанта стакан воды. Наконец, отчаявшись, он обращается к соседу по столу:

— Как вы думаете, что я должен сделать, чтобы мне все-таки принесли воды?

— Попробуйте поджечь себя (1975, № 17).

• Чиновники-бездельники, как известно, примета скорее социализма, не говоря уже о юбилеях, наградах... (впрочем, была еще ГДР, где, кстати, тоже было обращение *герр*):

Уходит на пенсию высокопоставленный государственный чиновник, и в связи с этим его награждают почетной медалью. Друзья и знакомые поздравляют его с наградой. Одна дама спрашивает:

— Скажите, герр Хартман, что вы такое делали, если удостоились столь высокой награды?

— Ничего, мадам, но я делал это так долго! (1977, № 15.)

— Я хотел бы купить часы для нашего учреждения, — говорит, обращаясь к продавцу, покупатель.

— Прикажете настенные или будильник? (1971, № 14.)

Формализуемые русской пословицей *Я начальник — ты дурак* отношения между выше- и нижестоящими:

Управляющий сделал выговор посыльному за опоздание. Тот сказал:

— Я никогда не приходил в контору позже вас!

— Ты что, управляющий?

— Нет...

— Тогда чего же ты рассуждаешь, как идиот? (1978, № 9.)

Естественно, выводится смысл, который однозначно делает дураком именно начальника:

— Мистер Браун, почему вы приходите на работу небритым? Какой у вас вид!

— Видите ли, я отпускаю бороду.

— Бороду можете отпускать дома, а не на работе! (1971, № 2.)

Впрочем, смеяться над начальством — это не очень-то по-советски (во всяком случае, с официальной точки зрения). В целом больше соответствовали духу советской идеологии анекдоты, где начальник вызывает симпатию. Так, положительно оценивается умение пресечь манипуляцию и демагогию подчиненного, например поставить на место оправдывающегося пьяницу (так и представляешь ситуацию партийного или профсоюзного собрания!):

— Я не был пьян, — оправдывался шофер перед судом. — Я только выпил.

— Это совсем другое дело, — сказал судья. — Вот почему я приговариваю вас не к семи дням тюрьмы, а только на одну неделю (1974, № 28).

Только в 60-е г. встречаются анекдоты с противоположным смыслом: даже подозреваемый в алкоголизме может себе позволить держаться с достоинством:

— Трудно определить, что у вас за болезнь. Вероятно, это из-за алкоголя.

— Хорошо, доктор, я приду, когда вы будете трезвым... (1968, № 26.)

Увы, иррациональный нерассуждающий страх перед начальством — наша проблема (отображаемая в русской литературе со времен Чехова, Некрасова, Гоголя, Фонвизина, Радищева). Такой страх убивает все человеческое, и прежде всего — достоинство (которого как будто бы у «не наших» персонажей анекдотов в рубрике «Улыбки разных широт» больше):

Мелкий служащий ушел из офиса на полчаса раньше. Придя домой, он еще в передней почувствовал запах дорогой сигары, а заглянув осторожно в щелочку двери, увидел жену в объятиях шефа. Он повернулся и стремглав помчался обратно на службу. Едва отдышавшись, он сказал сослуживцам:

— Уф, едва не засыпался! (1978, № 15.)

В этом отношении показательно положение А. Д. и Е. Я. Шмелевых о собирательном образе русского персонажа русских анекдотов: «Русские в русских анекдотах бывают представлены как пьяницы, готовые на все за бутылку; они ленивы, абсолютно равнодушны к работе, к профессиональному успеху, к семье и детям, к сексу; превыше всего они ценят застольное общение с друзьями» [Шмелева, Шмелев, 2002: 75].

Аспект, сформулированный Шмелевыми, представляется нам верным (естественно, если брать в качестве материала все анекдоты, а не только представленные в журнале «Крокодил»), но недостаточным — по нашему мнению, способности реального «анекдотного русского» не сводятся только к пьянству и застольному — опять же пьяному — общению с друзьями.

Так, для реконструкции реального образа «анекдотного русского» имеют значение «наблюдения», сделанные юмористом **М. Н. Задорновым**¹: в них выступает не знающий удержу ни в чем — ни в хорошем ни в плохом, нецивилизованный, по этой причине иногда агрессивный и драчливый («энергия без вектора»), пьющий, вороватый носитель «*соображалки*», необходимой для выживания в нечеловеческих условиях, замечательного чувства юмора и высокой истинной духовной культуры. Все эти качества подаются сатириком обычно в сравнении — чаще всего вызывающим симпатию автора «нашим» противопоставляются американцы, которые здесь тупые, мыслящие узко и прямолинейно, «компьютерные», оторванные от реальной жизни, воспринимающие мир как телевизионное шоу, лишённые чувства юмора, самодовольные без малейших на то оснований, ведущие сверхкомфортный образ жизни, по-настоящему не верящие в Бога, разделяющие потребительскую и абсолютно безнравственную идеологию и оттого пришедшие к духовной и интеллектуальной деградации.

Тут я должен сделать комплимент российским зрителям: только в России, благодаря российскому зрителю, существуют сатирики с грустными лицами. Правда. И это мне очень нравится. Потому что на Западе сатирик, или юморист, выступая, должен скорчить рожу. Т. е. все шутки по первой сигнальной системе рефлексов собачек Павлова: сказал и так — ху-ху-ху! Этот, ясно, с юмором выступает. Российский зритель должен все-таки сначала подумать, потом засмеяться. Мне это очень дорого, я вам должен сказать. ... Что есть в русском зрителе и чего нет в западном — это наше достоинство. Он смеется, ухажатывается, потом уходит и говорит: как это все грустно!... Многие не знали... (смех) ...вот, смотрите, мне и договаривать не надо, а ведь я рожу не корчил...²

¹ Кстати, на ура принимаемые аудиторией. Как известно, это загадочное явление — огромную популярность сатирических монологов М. Н. Задорнова у русской аудитории при том, что жестоко высмеиваются многие качества именно русского человека, — чаще всего объясняют тем, что Задорнов-де идеально передает «точку зрения русского человека».

² Использовались видеозаписи: «От Путча до Путина», «Египетские ночи», «Записки Отморозка», Концерт 2004 («Не дайте себе засохнуть»); аудиозаписи: «Фантазии», «Дриньки», «День Смеха», а также книги М. Н. Задорнова: «Вдруг откуда ни возьмись» (М.: Эксмо, 2005), «Задорнов и К^о» (М.: Эксмо, 2005), «Этот безумный, безумный, безумный мир...» (М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2006).

Тогда практически любое сравнение с «нашими» оказывается в нашу пользу:

Мы гораздо достойнее, чем та западная жизнь, которую нам навязывают: соображалка, образование, воспитание...

...я через два дня улетел в Австралию — и вот удивительное ощущение от цивилизованной страны сразу после нашей... знаете, там скучно! У нас жизнь кипит, а они как-то очень рационально живут. У нас путч, хунта, у нас гнилье везут, у нас жизнь кипит, у нас вообще радости больше. У нас не жизнь, а радость сплошная с утра до вечера. Они всего этого лишены там.

Что мне нравится у нас — это, когда иностранцы попадают к нам, они людьми у нас становятся, они меняются, Россия их меняет... Я двух немцев возил по России — людьми стали! Через месяц подрались. Влюбились в девчонку Варю. Варя! Если бы вы видели! Кустодиевская девушка. Две одинаковые части тела: щеки и бедра. Розовое все это! Она пленила двух этих немцев, этих особей мужского пола, тем, что она готовила суп. Вы знаете, нигде в мире ведь суп не готовят. Из мозговой косточки, с трупным ядом! Только наши, вкусно безумно. А главное, она утром открывала пиво обручальным кольцом: хэп! Вот это дело. Эх, они в нее втрескались по-нашенски, синяков надавали друг другу.

Интересно, что парадоксальным образом постоянно отмечается практичность русских, причем такая, по сравнению с которой американцы выглядят инфантильными неумехами: не могут воспользоваться элементарным умывальником, найти выключатель в гостиничном номере, самостоятельно надеть наволочку на подушку... Но это практичность, которая принципиально не может способствовать профессиональной карьере, поскольку практическая сметка направлена против нечеловеческого государства, власти, чиновников. Чаще всего такая сметка оборачивается умением ориентироваться в парадоксальном и абсурдном, невозможном для выживания и алогичном мире и вороватостью русских (конфликт с государством — но за родину!):

Я всегда утверждал, что родина и государство — понятия разные. Мы, в отличие от американцев, это понимаем. К примеру, когда мы не платим налоги, этим мы выражаем свое отношение за родину против государства. Т. е. мы хотим, чтобы деньги остались на родине.

Россия — лучшая в мире родина! Но самое несуразное государство.

Анекдоты, рассмотренные нами, хорошо подтверждают идеи Задорнова.

Так, «соображалка без вектора» может быть блестяще проиллюстрирована следующими черноватыми анекдотами:

Приехал мужик к своему другу в деревню. Как положено, выпили, закусили студнем. Вышли на крыльцо покурить. Мужик смотрит — поросенок на протезах ходит. Удивился очень и у хозяина спрашивает: — Слышь, Вань, а чего это у тебя поросенок на протезах? — Стану я из-за двух тарелок студня скотину резать!

Сидят четыре гробовщика, первый говорит: — А давайте мертвых хоронить без гробов, меньше материала будет уходить. Второй предлагает: — А давайте хоронить не горизонтально, а вертикально, меньше места будет занимать. Третий: — А давайте трупы хоронить по пояс, памятники ставить не надо. Четвертый: — А если они еще за руки возьмутся, то классная ограда получится!!! (анекдоты скачаны с: <http://anekdot.ru>).

В УРШ 70-х г. подобные персонажи не представлены вообще. Это кажется вполне понятным: «соображалка» и «энергия без вектора» были единственным способом выжить в тоталитарном обществе, противостоять официальной лживой, агрессивной и абсурдной идеологии, а даже намекнуть на такое положение вещей в подцензурном журнале было бы немыслимо (за редкими исключениями, когда антисоветски настроенному автору или редактору удавалось обмануть цензуру, но данная проблема выходит за пределы задач настоящего исследования³). Не представлена в УРШ 70-х г. и такая отмеченная А. Д. и Е. Я. Шмелевыми черта «анекдотного русского», как любовь к застольному общению с друзьями.

³ Вероятно, можно усмотреть некий намек на «Малую землю» Брежнева в анекдоте:

Маленький Пьер говорит маленькой Жанне:

— Давай играть в войну.

— А как это делать?

— Очень просто. Я буду генералом, ты будешь машинисткой, и я буду диктовать тебе свои мемуары (1979, № 14).

Но есть одно исключение — как уже говорилось, среди анекдотов, опубликованных в «Крокодиле» в конце 60-х г., целый номер (1969, № 32) был посвящен колхозам. Поскольку в этом номере благодаря заявленной теме было разрешено шутить над «очень нашими» — колхозными — реалиями, удивительным образом немедленно просочились и анекдоты именно о «соображалке без вектора» совершенно по М. Задорнову — направленной, как и полагается соображалке, против абсурдных форм советской (особенно сельско-колхозной) действительности:

По району пронесся слух, что из области едет очень строгий ревизор. Все приготовились его встретить. Приезжает он в первый колхоз.

- Чем кормите кур?
- Отборной пшеничкой.
- Что?! Колхозный хлеб разбазариваете?!

Приезжает во второй.

- Чем кормите кур?
- Да чем попало. Все больше песочком.
- Что?! Колхозную птицу гробите?!

В третьем не растерялись:

- А мы выдаем каждой курице наличными, согласно ведомости.

Молодой агроном, только что прибывший в колхоз, говорит местным старожилам:

— Я человек сугубо городской. Не представляю, как я буду жить в деревне...

- Ничего, через месяц привыкнете.
- Правда? Ну, тогда я этот месяц проживу еще в городе!

Две старушки судачат на завалинке.

— Наш-то председатель из района вернулся. Говорят, ему там какого-то строгача дали...

- И зазя дали. Все равно пропьет.

В 1970 г. «Крокодил» уже не посвящал подборки анекдотов советским реалиям, хотя отдельные анекдоты о советской действительности были (среди них были и анекдоты о «соображалке»):

В магазине:

— Не подберете ли вы мне недорогой костюм — рублей за семьдесят, но чтобы выглядел на сто двадцать?

— К сожалению, нет. Но у нас есть костюмы за шестьдесят, которые выглядят на все сорок пять (1970, № 23).

В мясном магазине позади прилавка висит огромное зеркало. Покупатель спрашивает директора:

— Зачем вы повесили здесь зеркало?

— Чтобы покупательницы не смотрели на весы (1970, № 9).

В дальнейшем «Крокодил», как правило, воздерживался от столь опасных экспериментов. Даже в тех случаях, когда были подборки юмора народов СССР, составители старательно избегали «скрытых стрел». Так, № 35 за 1972 г. был весь посвящен 50-летию СССР, и главной темой всех материалов номера было единство наций, населяющих страну. В этом номере последний разворот был занят: 1) литовским юмором (10 анекдотов) и 2) украинскими народными ушмешками (12 анекдотов), где было немало очень советских реалий (в том числе *колхозы*), но уже без «соображалки без вектора»...

Образ читателя анекдотов в журнале «Крокодил»

По-видимому, именно образ читателя, стоящий за собирательным образом персонажа анекдота, о котором шла речь в предыдущем разделе (а также за собирательным образом составителя рубрики), обуславливает основные отличия УРШ как от естественного непосредственного рассказывания анекдотов, так и от современных записей анекдотов: цель первых состояла в том, чтобы воспитать читателя в духе идей коммунизма, тогда как вторых — только рас-смешить. Человек, смеющийся над анекдотами в УРШ, должен проделывать все мыслительные операции, предусмотренные для него составителями. Читатель — «наш человек», и он может не иметь ничего общего с персонажем, относительно которого часто выводится уничижительный смысл.

Сразу же обращает на себя внимание **противоречивость** образа читателя.

Как уже говорилось, одна из главных (хотя и не всегда явных) задач, стоящих перед составителями состояла в том, чтобы представить образ читателя не как бесклассового носителя анекдотной речевой культуры и анекдотной коммуникативной компетенции, а как убежденного строителя коммунизма. Для этого было необходимо привести его к вынесению вполне определенных оценок (прежде всего политических в области международных отношений). Например, читатель

вслед за составителями (сочинителями?) анекдотов, подобных следующему, должен прийти к однозначному выводу, что существующая в социалистических государствах цензура н у ж н а (в противном случае читателя захлестнул бы поток порнографии), кроме того, — что она лучше, действеннее западной безыдейной цензуры:

Цензор после просмотра фильма:

— И вы еще утверждаете, что ваш фильм имеет образовательное значение! Чему же он учит?

— Как чему? — удивляется режиссер. — Разве он не помогает изучать анатомию женщин? (1974, № 7.)

В целом составители исходили из принципа «делу — время»: читатель, добравшийся до последней страницы журнала «Крокодил», должен быть уже достаточно проинформирован и воспитан: во-первых, прочитал о важнейших внутренних и международных событиях (и вынес им партийную оценку) в «серьезных» советских изданиях, таких, как «Правда»; во-вторых прочитал материалы, помещенные на предыдущих страницах «Крокодила» (а это прежде всего отклики на ближайшие по времени решения партии и правительства, колонка редактора, отдел международной жизни, очерки и фельетоны), и тоже вынес партийную оценку всевозможным «отдельным недостаткам социалистического общества»: хапугам, несунам, бюрократам и — особенно — империалистам в отделе международной жизни. (Парадокс заключался в том, что абсолютное большинство читателей начинали читать свежую прессу именно с журнала «Крокодил» и именно с последней его страницы.)

Конечно, декларируемый образ «очень советского читателя» не соответствовал действительности.

Так, во-первых, как уже говорилось, среди анекдотов было немало и о «совершенно наших» — читатель, смеющийся над, по сути, реалиями своей жизни (бюрократы, малогабаритные квартиры, плохой сервис), максимально близок к реальному носителю русской анекдотной компетенции.

Во-вторых, в УРШ было немало весьма «трудных» (например абстрактных, абсурдных) анекдотов, где для понимания требуются значительные интерпретативные усилия и... расширенная, обостренная жанровая (анекдотная) компетенция!

Ясно, что читатель УРШ должен иметь очень большой опыт понимания и рассказывания подобных текстов, т. е. опыт устного непосред-

ственного рассказывания реальных (а не тщательно отобранных по признаку, насколько они в интересах социалистического строя) анекдотов, и иметь обширную анекдотную жанровую компетенцию для того, чтобы правильно понять, например, такие сложные анекдоты:

На лондонском стадионе «Уэмбли» проходит футбольный матч века сборная Англии — сборная мира. Цены на билеты совершенно фантастические, и тем не менее стадион забит до отказа. В самой дорогой ложе сидит дама, рядом с ней свободное место, однако на все просьбы болельщиков, желающих занять его, она отвечает:

— Никогда! Это место моего покойного мужа...

— Но ведь мужа уже нет, пригласили бы хоть кого-нибудь из родственников...

— К сожалению, все родственники сейчас на его похоронах (1973, № 1).

Жена посылает мужу, уехавшему в отпуск на Лазурный берег, телеграмму: «Не забудь, что ты женат». Через несколько дней она получает ответ: «Телеграмма вручена с опозданием» (1976, № 33.)

На пляже:

— Дядя, папа просит вас одолжить штопор.

— Хорошо, малыш, передай, что я сейчас приду (1968, № 16.)

Наконец, те же читатели «Крокодила» по-доброму подсмеивались над бесклассовыми по-человечески симпатичными персонажами.

Таким образом, в УРШ складывается достаточно искусственный образ читателя, как искусственна сама рубрика анекдотов в официальном подцензурном издании — попытка соединить смех истинно народный и свободный, по своей природе противостоящий официальной точке зрения, всей официальной культуре, с жестко идеологически направленной сатирой [Бахтин 1990].

В комических текстах, не ограниченных жесткими идеологическими рамками, образы персонажа и читателя гораздо ближе друг к другу: как известно, больше всего человеку свойственно смеяться над теми, на чье место он может поставить себя самого, каким бы злым ни было высмеивание.

Если не говорить о политическом воспитании строителя коммунизма, каковое, естественно, декларировали в качестве приоритетной цели все советские издания, очень важно, что читателя УРШ вообще **воспитывали** — как правило, ненавязчиво обучали, передавали массу

полезной неповседневной информации: расширяли географический кругозор, знакомили с новостями культуры, литературы, живописи, музыки. Вероятно, считалось, что читатель естественным образом будет обращаться к справочникам, словарям, энциклопедиям, встретив, например, необщепотребительное слово:

Пожилая дама рассказывает знакомым:

— Когда я была совсем маленькой, меня сбила автомашина...

— Может быть, *фиакр*? — поправила ее одна из присутствующих (1978, № 11).

• Все ли знают, что Вашингтон — столица штата Джорджия? Тем, кто не знает, ненавязчиво сообщают эту информацию в анекдоте:

Конгрессмен из штата Джорджия приехал в Нью-Йорк. Вечером он спустился поужинать в ресторан при отеле, и официант почтительно протянул ему меню. Конгрессмен читать его не стал, дал официанту три доллара и сказал:

— Принесите мне приличный ужин.

Ужин действительно оказался хорошим, и конгрессмен каждый раз поступал так же. И вот настал последний вечер в Нью-Йорке, и конгрессмен сказал официанту, что возвращается *в Вашингтон*.

— Ну что же, сэр, — сказал официант, — спасибо вам, а если вы или кто-нибудь из ваших друзей, которые не умеют читать, приедут к нам, пусть просто спросят Дика (1979, № 8).

• Следующий анекдот по количеству информации, незаменимой для советского туриста, отправляющегося на курорт в соцстрану (в каких городах какие гостиницы и какие расположены на море), можно сравнить только со специальным справочником:

Двое мужчин беседуют в баре.

— Что-то давненько я вас не видел. Куда-нибудь ездили?

— Да, был в Сопоте.

— И в какой гостинице останавливались?

— В «Гевонте».

— Но ведь «Гевонт» в Закопане!

— Что вы говорите! Теперь я понимаю, почему никто не мог мне сказать, как пройти к морю! (1975, № 21.)

По-видимому, данный текст был полезен советскому читателю — полезен настолько, что составители не обратили внимания на то, что

этот анекдот — слово в слово — воспроизводился во второй раз (первый — в 1968 г., № 2).

Итак, читателя УРШ в целом совершенно невозможно представить коммунистическим «рыцарем без страха и упрека», однозначно разделяющим все идеи и решения коммунистической партии и советского правительства.

Наоборот, перед нами предстает ироничный, грустный и несколько циничный стоик, носитель здравого смысла: достаточно пессимистически смотрящий на окружающую действительность и недостаточно сильный, чтобы противодействовать ей, — но при этом вполне симпатичный, помнящий о своем человеческом достоинстве и страдающий от его дефицита. Иногда чудаковатый и всегда человечный. Вероятно, испытывающий смутное чувство зависти к коммуникативным умениям западного человека. Он только отчасти похож на образ «русского», рисуемый как Шмелевыми, так и Задорновым (см. выше): он интеллигентнее и тоньше и не безразличен ко всему. Он изъясняется на литературном языке, вежлив (или, по крайней мере, пассивно знаком со всеми тонкостями сразу нескольких европейских систем этикета), относительно хорошо образован: в области основных достижений мировой культуры, экономической географии; в свободное же время занимается самообразованием по учебникам и энциклопедиям.

Образ такого читателя во многом совпадает со стереотипным образом «кухонного» интеллигента 70-х — какого находим, например, в книгах Ю. Трифонова и Ю. Нагибина, бардовских песнях... Он слишком слаб, чтобы становиться диссидентом (открытый конфликт с властью не для него; он может даже для виду вполне просоветски высказываться) — хотя может быть близок к диссидентам по своим убеждениям.

Впрочем, на диссидента обобщенный читатель «Крокодила» походил отчасти и так же, как и на убежденного строителя коммунизма. Как уже было сказано, главной отличительной особенностью образа читателя УРШ является его противоречивость, тогда как основные моральные принципы диссидентов не были противоречивы. В то же время, как известно, к настоящим диссидентам относилась ничтожно малая доля населения СССР — как и ничтожно малая доля населения по-настоящему разделяла планы партии и верила в коммунизм.

Как ни парадоксально, обобщенный читатель «Крокодила» ближе всего столь же противоречивой фигуре «среднего» гражданина СССР, который, естественно, с презрением отвергал абсурдные идеи офици-

ального марксистско-ленинского учения и разделял в целом общечеловеческие, а не интернационально-коммунистические ценности, но который при этом не противоречил власти открыто, мог даже состоять в КПСС, «с правильных позиций» выступать на партсобраниях и (что особенно важно) мог вполне сочувственно следить за некоторыми решениями властей и солидаризироваться с некоторыми оценками западных людей, систем, идеологий.

Итак, проведенное исследование анекдотов, опубликованных в советском журнале 70-х годов, позволяет сделать некоторые выводы.

Безусловно, данное явление воспринималось бы как совершенно чуждая в новой действительности: если бы все эти анекдоты были напечатаны в современных сборниках, это вызвало бы недоумение читателей. Совсем невозможно представить рассказывание большинства из них в современном устном общении.

В то же время весьма поучительно проследить, как юмор естественным образом сметает всяческие границы, — это хорошо видно даже на примере нескольких этапов эволюционирования ${}_{\text{соб}}A$ в «Крокодиле»:

- в 60-е г., когда стала выходить рубрика «Просто анекдот», первым «глотком свободы» стал сам факт публикации анекдотов в подцензурном партийном издании;

- в это же время или чуть раньше — во времена, когда не существовало ни традиций записи ${}_{\text{соб}}A$, ни традиций отображения (в СМИ) особенностей разговорной речи, — начинает складываться своеобразная манера записи анекдотов, т. е. их фиксации и сохранения надолго;

- позднее, когда данный жанр стал опасно приближаться к объективному отображению абсурда советской действительности — и отображению, естественно, критическому (как представляется, знаковым здесь стал № 32 за 1969 г. — подборка «колхозных» анекдотов в рубрике «Просто анекдот»), последовал запрет на все отечественные анекдоты и рубрику «Просто анекдот» в целом;

- но и в рубрике УРШ в 70-е г. анекдоты постоянно стремились освободиться от этого ограничения, охватывая многочисленные стороны своей, а не чужой действительности и используя «заграничные» реалии в качестве масок.

Вывод формально-структурного характера, к которому мы приходим, состоит в том, что изменились отношения между рассказыванием анекдота (${}_{\text{рас}}A$) и его записью (${}_{\text{соб}}A$), а точнее — произошло формирование манеры записи. Если раньше эта манера практически

ничем не отличалась от описательной формы, характерной для традиционных, т. е. письменных, художественных произведений, — что, естественно, было резко противопоставлено ${}_{\text{рас}}A$, то новая манера уже значительно ближе к жанру ${}_{\text{рас}}A$, но не совпадает с ним полностью. И в формирование этой манеры, несомненно, внесла определенный вклад рубрика «Улыбки разных широт».

Заключение

Трудно найти область жизни человека и общества, к которой не имели бы отношения речевые жанры. Передача, хранение и получение информации различных типов и свойств, духовная и материальная человеческая культура, оценочная деятельность и система базовых жизненных ценностей и основанных на них частных оценок, внутренний мир человека в целом, в том числе психология, мышление и внутренняя речь, сфера эмоций, внутренняя структура общества, включая семейную и микрогрупповую, политическую, экономическую, художественное эстетическое творчество — вот далеко не все аспекты.

Конечно, в этой книге были даны ответы не на все вопросы теории речевых жанров.

Собственно, нерешенных вопросов гораздо больше, и все время возникают новые — это связано как с развитием других, смежных наук и взаимодействием ТРЖ с ними, так и с главным: жанры существуют и до сих пор исследованы недостаточно.

Объективная сложность речевых жанров, единиц гораздо менее четких и определенных, чем единицы и нормы языка, — их близость к единицам непрямой коммуникации, в которой понимание высказывания требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата, обуславливает невозможность их адекватного описания в ставшей традиционной в лингвистике конца XX в. системно-структурной терминологии.

До сих пор далеко не ясны механизмы, которые помогают носителю языка ориентироваться в бесконечно многообразных ситуациях общения, правильно понимать содержательные позиции собеседников в тех случаях, когда ни конкретная языковая форма реплик, ни их последовательность не имеют ничего общего с теми, с которыми он уже сталкивался в своей речевой практике. Не решена принципиальная для жанроведа-лингвиста проблема соотношения речевых жанров и языка. В частности, нередко высказываемая лингвистами идея «ключевых» слов, опорных реплик или типических интенций не может быть эффективно применена во многих случаях, поскольку известные заранее «ключевые» конструкции и речевые фигуры могут вообще не встретиться во вполне гладко протекающем речевом общении.

Наконец, многие коммуникативные смыслы не поддаются полному исчислению и обычно ускользают при системно-структурном лингвистическом анализе — это могут быть не только какие-то мар-

гинальные семантические компоненты, дополнительные коннотации и т. п., но и принципиально важные для общения смыслы. Часто адекватная интерпретация коммуникации невозможна без учета эстетической значимости речи.

В этом отношении одна из наиболее очевидных особенностей настоящего исследования, которую можно понимать как его недостаток, заключается в том, что почти не обсуждаются жанры художественной речи.

Объясняющие потенции бахтинской концепции для анализа именно художественных текстов должны быть очень существенны. Одно из фундаментальных положений концепции речевого жанра Бахтина состоит в общей словесной природе таких разных высказываний / жанров, как *реплика в устном диалоге, военная команда, роман*.

Думается, что исследователь, поставивший перед собой цель проанализировать художественные тексты через призму жанроведческих идей, выявить и систематизировать общие особенности речевых жанров организации художественных и нехудожественных текстов, может добиться очень интересных и несамоочевидных результатов.

В то же время существует богатая традиция изучения художественных жанров (начиная с Аристотеля), и, по-видимому, обзор работ по этим жанрам был бы уместен и полезен в настоящей монографии.

Впрочем, именно благодаря уже относительно хорошей изученности данного явления мы позволили себе освободить книгу от такого рода обзора, тем более что это значительно утяжелило бы исследование в целом. Конечно, у аристотелевского жанроведения можно усмотреть немало общего с идеями Бахтина, однако чаще линии взаимного притяжения неочевидны.

Полное раскрытие всех названных потенций ТРЖ и конкретный анализ художественной речи через посредство РЖ — дело будущего. Следует отметить, что в современном литературоведении и лингвистике художественной речи использование коммуникативных идей, к сожалению, редкое явление. Несмотря на то что еще А. А. Потебня отмечал аналогию между художественным текстом и словесным образом [Потебня 1976: 450], методы анализа дискурса лишь относительно недавно стали применяться в исследованиях по художественной коммуникации [Rimmon-Kenan 1987; Штайн 2002; Плеханова 2005; Степанов 2005].

Ср. статьи И. А. Тарасовой, Е. В. Ермаковой и Т. В. Бердниковой в шестом выпуске сборника «Жанры речи» [2009], в которых затра-

гивается данный аспект проблемы «жанр и язык»: речь идет о тех возможностях, которые речевые жанры и язык предоставляют автору для выражения эстетических смыслов. Названные авторы пришли к речевым жанрам от стилистики художественной речи (Саратовской школы под руководством М. Б. Борисовой).

Зато в монографии подробно рассмотрен аспект проблемы речевых жанров, который представляется одним из наиболее принципиальных, — отношение РЖ и языка в функциональном, информационном, коммуникативном, семиотическом и историко-культурном планах.

Следует отметить, что статистические данные в § 5.2.1 и 5.2.2, обработанные при помощи корпусно-поисковой системы «Integrum», представляют собой часть самостоятельного исследования.

Думается, что в заключении необходимо сказать несколько слов о том, что можно было бы определить как общегуманитарный или общепрофессиональный итог проделанной работы.

Начиная работу над этой монографией, автор не считал необходимым специально останавливаться на таких общих вопросах, как: «Что такое коммуникация?», «Как соотносятся вербальная и невербальная коммуникация?», «Как соотносятся коммуникативная и некоммуникативная деятельность человека?» (во второй главе обсуждаются лишь отдельные аспекты этих проблем). С одной стороны, это на уровень повысило бы дискуссионную составляющую монографии, и без того немаленькую (начиная с принципиальной дискуссионности любой попытки дать однозначный ответ на вопрос: «А что думал по данному поводу Бахтин?»). С другой стороны, на названные лингвофилософские вопросы автор уже попытался ответить в своей монографии «Непрямая коммуникация» (М.: Гнозис, 2006).

Однако, как нам сейчас представляется, подводя итог, невозможно обойти некоторые общие вопросы.

Жанры «(...) даны нам почти так же, как нам дан родной язык» [Бахтин 1996: 181], и они принимают участие в жизни человека — развитии, информировании, общении — тоже почти так же, как язык.

Нами было показано, что и по своей природе (как коммуникативные аттракторы) РЖ близки языку: как и язык, они упорядочивают речь и коммуникацию при помощи механизмов, имеющих характер образцов, моделей и схем. Различия между этими моделями имеют тонкий, во многом статистический и относительный характер: это абстрактные и жесткие модели инвариантно-вариантного типа (язык) и «живые» узуальные нормы прототипного типа (речевые жанры).

Этот выявленный аспект и функция речевых жанров — служить организации человеческого взаимодействия, «выпрямлению» коммуникации — представляется нам очень важным. В этом смысле на первый план выступает сущностная связь речевых жанров с явлениями прямой / непрямой коммуникации.

Жанры, как универсальный аттрактор и средство индивидуации, как носители стандартных знаний, являются главным основанием речевой системности, в значительной степени автономной по отношению к языковой. Выполнение одной только речевой системности — а она присуща практически любой речи — без участия языка есть не-прямая коммуникация (в результате порождаются аномальные с точки зрения языка высказывания). В то же время существуют собственно не-прямые жанры — косвенные РЖ, которые, впрочем, в своем большинстве жестко формализованы, будучи ориентированы на единственную интерпретацию.

Сам язык представляет собой сложную систему лексических и грамматических значений, сложившуюся из естественных когнитивных и коммуникативных потребностей человека, для удовлетворения которых было недостаточно средств не-прямой коммуникации.

Существенная роль в развитии языка принадлежит жанрам: язык возникает сразу как формализованная знаковая система. «Нечто» предшествующее языку развивалось тоже в сторону формализации, причем формализации жанрового типа. Ее было еще недостаточно для того, чтобы это «нечто» стало языком. Формализация жанрового типа предшествует языковой так же, как речь в целом предшествует языку.

В филологических науках именно естественный человеческий язык, обусловленный и мотивированный выполняемыми языком когнитивной и коммуникативной функциями, традиционно считается тем универсальным орудием, при помощи которого можно выразить практически все. Речежанровая неязыковая системность тогда должна пониматься как вторичные, косвенные способы выражения тех смыслов, для первичного и более точного выражения которых существуют «настоящие», основные средства — средства языка. Очевидно, что такое понимание РЖ необоснованно сужает его границы.

Существует целый ряд смыслов, которые не могут быть переданы средствами языка даже в незначительной степени (это большинство фатических смыслов, за исключением вежливости, художественные

смыслы, а также не получившие формального выражения в условиях спонтанной коммуникации интенциональные состояния общения, сообщения и воздействия), но которые успешно кодирует речевая системность.

Отметим, что развитие языка неверно было бы понимать как только «выпрямление» непрямого общения: если научный и деловой дискурс подтверждают это положение, то художественный и обиходно-бытовой дискурс иллюстрируют скорее то, что выпрямление есть лишь временный момент в развитии изгиба. НК отражается во всех языках (обычно как сведения о недостатках, исправление которых и есть основная задача языка).

Не менее существенно то, что во всех языках существуют особые риторические приемы использования НК, эксплуатации ее свойств для достижения различных эффектов, т. е. планируемая непрямота общения, хорошо изученная в виде отдельных проявлений, например косвенные речевые акты, манипулирование, вежливые не прямые обращения. Понятие речевого жанра вновь оказывается необходимым объясняющим механизмом в данном случае: правилами речевого жанра (косвенного речевого жанра) эффективно охватывается степень обязательного участия НК в конкретном случае коммуникации, осуществляемой посредством данного жанра.

В лингвистике накоплено очень много знаний о языке и речи. Естественно, что основным объектом лингвистики выступает язык. Соответственно, прямая коммуникация, источником системной организации которой является язык, выступает главной разновидностью коммуникации. Однако возможен такой взгляд на коммуникацию, при котором прямая коммуникация не считается «самым главным» в ней. Именно коммуникация, в которой источником системной организации является не собственно язык, а жанры речи, позволяет людям гибко устанавливать адекватность значения и смысла, т. е. понимать друг друга с той степенью достаточности, которая и требуется в каждом конкретном случае.

Как нам представляется, следующим шагом в изучении речевых жанров должно стать осмысление конкретных механизмов интерпретации речи разных типов и в разных сложных сферах общения, для понимания которых недостаточно одних правил языка и жестких невербальных коммуникативных систем.

Все это делает жанроведческие исследования актуальными в новом веке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ДЕ — диалогическое единство

ЖРС — жанрово-ролевые сценки

КА — коммуникативный акт

КИ — коммуникативный идеал

НК — непрямая коммуникация

НК-1 — непланируемая непрямая коммуникация

НК-2 — планируемая непрямая коммуникация

ПК — партнеры по коммуникации

РА — речевой акт

РЖ — речевой жанр

РпД — разговор по душам

РР — разговорная речь

РРР — русская разговорная речь

СБ — светская беседа

ТРА — теория речевых актов

ТРЖ — теория речевых жанров

УРШ — рубрика «Улыбки разных широт» в журнале «Крокодил»

ФРЖ — фатический речевой жанр:

ОА — отрезок на графике, изображающем типологию ФРЖ; на нем располагается группа ФРЖ, характеризующихся ухудшением межличностных отношений и низкой степенью косвенности

ОВ — группа ФРЖ, характеризующихся улучшением межличностных отношений и низкой степенью косвенности

ОС — группа ФРЖ, характеризующихся ухудшением межличностных отношений и высокой степенью косвенности

ОД — группа ФРЖ, характеризующихся улучшением межличностных отношений и высокой степенью косвенности

т. О — точка на графике, изображающем типологию ФРЖ; на ней располагается группа праздноречевых жанров

ЯЛ — языковая личность

Библиография

- Абиева 2008 — *Абиева Н. А.* Степень отклонения от истины в электронном дискурсе // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. М., 2008.
- Абиева, Гайшина 2006 — *Абиева Н. А., Гайшина О. В.* Игровая стратегия построения нарратива в электронном художественном тексте // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. М., 2006.
- Абрамов 1902 — *Абрамов Н.* Дар слова. СПб., 1902.
- Абрамова 2003 — *Абрамова Т. В.* Диалогическое единство «просьба — реакция» (на материале русского и английского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003.
- Абрахамс 2003 — *Абрахамс Р. Д.* Особенности речевого общения афроамериканцев. Язык улицы // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003.
- Абросимова 2006 — *Абросимова Е. А.* Семиотика бардовской песни: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2006.
- Авдосенко 2003 — *Авдосенко Е. В.* Коммуникативно-прагматическая категория назидания в поучающем дискурсе в современном немецком языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2003.
- Акименко 2005 — *Акименко Н. А.* Лингвокультурные характеристики английского сказочного дискурса: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.
- Аксиологическая лингвистика 2003 — Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении. Волгоград, 2003.
- Акулова 2007 — *Акулова Е. В.* Русские и немецкие объявления о знакомстве: трехкомпонентная фреймовая модель // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Андреева 2008 — *Андреева И. В.* Опровержение в институциональном дискурсе: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
- Алефиренко 2005 — *Алефиренко Н. Ф.* Концепт и значение в жанровой организации речи: когнитивно-семасиологические корреляции // Жанры речи. Саратов, 2005. Вып. 4. Жанр и концепт.
- Алефиренко 2007 — *Алефиренко Н. Ф.* Речевой жанр, дискурс и культура // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Алещанова 2000 — *Алещанова И. В.* Цитация в газетном тексте (на материале современной английской и российской прессы): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.
- Алпатов 1995 — *Алпатов В. М.* «Марксизм и философия языка» и история языкознания // ВЯ. 1995. № 5.

- Алпатов 1998 — *Алпатов В. М. М. М. Бахтин и В. В. Виноградов: опыт сопоставления личностей // Бахтинские чтения. III. Витебск: Изд-во Витебского ун-та, 1998.*
- Алпатов 2002 — *Алпатов В. М. Проблема речевых жанров в работах М. М. Бахтина // Жанры речи. Вып. 3. Саратов, 2002.*
- Алпатов 2005 — *Алпатов В. М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2005.*
- Андреева 2008 — *Андреева И. В. Опровержение в институциональном дискурсе: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.*
- Андрієнко 2005 — *Андрієнко Т. П. Мовленнєвий акт іронії в англійській мові (на матеріалі художньої літератури XVI та XX століть): Автореф. дисс. ... канд. філол. наук. Харків, 2002.*
- Анисимова 2004 — *Анисимова А. А. Лингвистические проекции конфликта (дескриптивный аспект): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004.*
- Анисимова 1998 — *Анисимова Т. В. К вопросу о типологии жанров речи // Языковая личность: жанровая речевая деятельность. Волгоград, 1998.*
- Анисимова 2000 — *Анисимова Т. В. Типология жанров деловой речи (риторический аспект): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Краснодар, 2000.*
- Антология речевых жанров 2007 — *Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007.*
- Антонова 2004 — *Антонова А. В. Интенция обещания и средства ее выражения в английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2004.*
- Антошинева 2003 — *Антошинева М. А. Жанр интервью в свете формирования новых коммуникативных условий // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. II. Теория и практика современной письменной речи // Мат-лы конф. Барнаул, 2003.*
- Апресян 1986 — *Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 3.*
- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д. Избранные труды. М., 1995. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография.*
- Артемова 2002 — *Артемова Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.*
- Арутюнова 1992 — *Арутюнова Н. Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.*
- Арутюнова 1994 — *Арутюнова Н. Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.*

- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
- Арутюнова 2003 — *Арутюнова Н. Д.* О движении, заблуждении и восхождении // Логический анализ языка: Космос и хаос. М., 2003.
- Архипенкова 2006 — *Архипенкова А. Ю.* Выражение совета в английской и русской коммуникативной культурах: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006.
- Архипов 1974 — *Архипов А. Ф.* Синтаксические особенности речевого жанра радиointервью (на материале радиовещания ГДР): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1974.
- Архипова 2006 — *Архипова А. В.* Речь Путина и языковая игра в анекдотах // Фольклор, постфольклор, быт, литература: Сб. ст. к 60-летию Александра Федоровича Белоусова. СПб., 2006.
- Архипова 2007 — *Архипова А. С.* Штирлиц подвел итоги: Особенности возникновения каламбуров в кинозависимых анекдотах // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М., 2007.
- Астафурова, Олянич 2007 — *Астафурова Т. Н., Олянич А. В.* Речевые жанры англосаксонского властного дискурса // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Ахутина 1989 — *Ахутина Т. В.* Порождение речи: нейролингвистический анализ синтаксиса. М., 1989.
- Багдасарян 2000 — *Багдасарян Т. О.* Тональный компонент модальности в коммуникации (на материале английского и русского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000.
- Багдасарян 2002 — *Багдасарян Т. О.* Тональность как компонент модели речевого жанра (на материале речевого жанра «угроза») // Жанры речи. Вып. 3. Саратов, 2002.
- Багрянская 2004 — *Багрянская Н. В.* Особенности коммуникативного поведения военнослужащих // Язык и национальное сознание. Вып. 5. Воронеж, 2004.
- Бажкова, Лурье, Шумов 2003 — *Бажкова Е. В., Лурье М. Л., Шумов К. Е.* Городские граффити // Современный городской фольклор. М., 2003.
- Байкулова 2001 — *Байкулова А. Н.* Семейная беседа // Хорошая речь. Саратов, 2001.
- Байрамуков 2001 — *Байрамуков Р. М.* Речевое действие угрозы в рассказах В. М. Шукшина: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2001.
- Байрамуков 2002 — *Байрамуков Р. М.* Соотношение первичных и вторичных жанров в художественной сфере общения // Stylistyka XI. 2002. Opole, 2002.
- Бакумова 2002 — *Бакумова Е. В.* Ролевая структура политического дискурса: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.

- Балакай 2001 — *Балакай А. Г.* Словарь русского речевого этикета. М., 2001.
- Баландина 2004 — *Баландина Н. А.* Дискурс переговоров в англоязычной деловой коммуникации: Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
- Балашова 1997 — *Балашова Л. В.* Метафора в жанре жития древнерусской литературы // *Жанры речи*. Вып. 1. Саратов, 1997.
- Балашова 2003 — *Балашова Л. В.* Вербальная коммуникация и ее отражение в идиоматике русского языка // *Прямая и непрямая коммуникация*. Саратов, 2003.
- Балашова 2007 — *Балашова Л. В.* Жанры «внелитературной речевой культуры» в зеркале метафоры // *Жанры речи*. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Балашова 2009 — *Балашова Л. В.* Номинации речевых жанров и их компонентов в современном русском языке // *Жанры речи*. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Балаян 1971 — *Балаян А. Р.* Основные коммуникативные характеристики диалога: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1971.
- Балаян 2006 — *Балаян Э. В.* Роль метафоры в формировании языковой картины мира (на материале современного молодежного жаргона): Дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.
- Балли 1961 — *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961.
- Баранникова 1995 — *Баранникова Л. И.* Формирование современной научной парадигмы в лингвистике. Функциональный подход к языку // *Язык и общество*. Вып. 10. Саратов, 1995.
- Баранов 1997 — *Баранов А. Г.* Когнитивность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности // *Жанры речи*. Саратов, 1997.
- Баранов, Мирошниченко 2007 — *Баранов А. Г., Мирошниченко Л. Н.* «Значимость» и «личностный смысл» в когнитивно-культурологической модели жанра // *Жанры речи*. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Баранов, Крейдлин 1992 — *Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е.* Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // *ВЯ*. 1992. № 2.
- Барнет 1985 — *Барнет Вл.* Проблемы изучения жанров устной научной речи // *Современная русская устная научная речь*. Т. I. Общие свойства и фонетические особенности. Красноярск, 1985.
- Барсукова 2007 — *Барсукова М. И.* Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007.
- Баташева 2008 — *Баташева Л. А.* Языковые особенности текстов либретто // *Проблемы речевой коммуникации*. Вып. 8. Саратов, 2008.

- Бахтин 1927 — *Волошинов В. Н.* (Бахтин М. М.) Фрейдиизм. М., 1993.
- Бахтин 1929 — *Волошинов В. Н.* (Бахтин М. М.) Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М., 1993.
- Бахтин 1963 — *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
- Бахтин 1979 — *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Бахтин 1990 — *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Бахтин 1996 — *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // М. М. Бахтин Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М., 1996.
- Бацевич 2000 — *Бацевич Ф. С.* Про один тип прагматичних аномалій, або чим можна зіпсувати натяк? // Мовознавство. 2000. № 2—3.
- Бацевич 2005 — *Бацевич Ф. С.* Речевой жанр и коммуникативный смысл // Жанры речи. Вып. 4. Саратов, 2005.
- Бгажноков 1983 — *Бгажноков Б. Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.
- Безменова 2001 — *Безменова Л. Э.* Функционально-семантические и прагматические особенности речевых актов (на материале комплиментов в современном английском языке): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2001.
- Безугла 2007 — *Безугла Л. Р.* Вербалізація імпліцитних смислів у німецькомовному діалогічному дискурсі. Харків: ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2007.
- Бейлинсон 2001 — *Бейлинсон Л. С.* Характеристики медико-педагогического дискурса (на материале логопедических рекомендаций): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
- Беликов 2001 — *Беликов В. И.* Уголовный жаргон в системе русских социолектов // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы. М., 2001.
- Белл 1980 — *Белл Р.* Социоллингвистика: цели, методы и проблемы. М., 1980.
- Белова 2002 — *Белова А. Д.* Поняття «стиль», «жанр», «дискурс» у сучасній лінгвістиці // Вісник КНУ ім. Т. Шевченка. Вип. 32. Іноземна філологія. 2002.
- Белова 2003 — *Белова Л. А.* Армейские письма как лингвистический источник // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. II. Теория и практика современной письменной речи // Мат-лы конф. Барнаул, 2003.

- Белозерова Е. В. 2007 — *Белозерова Е. В.* Реклама как жанровый метаконцепт (на материале современной русской лингвокультуры): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007.
- Белозерова Е. М. 2007 — *Белозерова Е. М.* Дискурсивные свойства речевого акта намекания (на материале современного немецкого языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Харьков, 2007.
- Белоусов 1998 — *Белоусов А. Ф.* «Садистские стишки» // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. М., 1998.
- Белоусов 2003 — *Белоусов А. Ф.* Современный анекдот // Современный городской фольклор. М., 2003.
- Белоусова 2006 — *Белоусова Н. П.* Основные характеристики слогана как субжанра современного российского рекламного дискурса: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2006.
- Белошапкива, Саранцацрал 1994 — *Белошапкива В. А., Саранцацрал Ц.* Выражение побуждения к совместному действию // Русский язык за рубежом. 1994. № 4.
- Белунова 2000 — *Белунова Н. И.* Текст дружеского письма творческой интеллигенции конца XIX — первой четверти XX в. как объект лингвистического исследования (коммуникативный аспект): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 2000.
- Бенвенист 1974 — *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
- Бергсон 1992 — *Бергсон А.* Смех. М., 1992.
- Бердникова 2005 — *Бердникова А. Г.* Речевой жанр благодарности: когнитивный и семантико-прагматический аспекты: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005.
- Бердникова 2009 — *Бердникова Т. В.* Диалогизм жанра молитвы в структуре лирического стихотворения // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Бердяев 1998 — *Бердяев Н. А.* Философская истина и интеллигентская правда // Н. А. Бердяев Духовный кризис интеллигенции. М., 1998.
- Березович 2007 — *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. // Традиционная духовная культура славян. Современные исследования. М., 2007
- Берн 1988 — *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. М., 1988.
- Берн 1990 — *Берн Э.* Секс в человеческой любви. М., 1990.
- Бесемерес 2009 — *Бесемерес М.* Разные языки, разные эмоции? Взгляд через призму автобиографической литературы // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Беспалова 2008 — *Беспалова Е. В.* Научно-педагогический интернет-справочник: дискурсивные характеристики и жанровая организация //

- Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 6. Орел, 2008.
- Бех, Савилова, Сайкова 2002 — *Бех Н. Н., Савилова И. В., Сайкова Н. В.* Школьные изложения и тип языковой личности // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. I. Проблемы письменной речи и развитие языкового чувства // Мат-лы конф. Барнаул, 2002.
- Боброва 1991 — *Боброва В. М.* Отказ и возражение как жанры негативной реакции // Семантические и прагматические аспекты высказывания. Новосибирск, 1991.
- Бобырева 2007a — *Бобырева Е. В.* Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): Дисс. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2007.
- Бобырева 2007b — *Бобырева Е. В.* Вторичные жанры религиозного дискурса: проповедь и исповедь // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 5. Орел, 2007.
- Богданов 1986 — *Богданов В. В.* Молчание как нулевой речевой акт и его роль в вербальной коммуникации // Языковое общение и его единицы. Калинин, 1986.
- Богданов 1990 — *Богданов В. В.* Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. Л., 1990.
- Богин 1997 — *Богин Г. И.* Речевой жанр как средство индивидуации // Жанры речи. Саратов, 1997.
- Богушевич 1985 — *Богушевич Д. Г.* Единица, функция, уровень // К проблеме классификации единиц языка: Монография. Минск: Вышэйшая школа, 1985.
- Богушевич 1988 — *Богушевич Д. Г.* Опыт классификации эпизодов вербального общения // Языковое общение: процессы и единицы. Калинин, 1988.
- Бойко 2005 — *Бойко О. В.* Создание и интерпретация «непрямых» высказываний конфликтной языковой личностью // Жанры речи. Вып. 4. Жанр и концепт. Саратов, 2005.
- Бозрикова 2007 — *Бозрикова С. А.* Жанр анекдота: стереотипность содержания // Текст. Дискурс. Жанр // Мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. Балашов, 2007.
- Бонецкая 1995 — *Бонецкая Н. К.* Философия диалога М. Бахтина // Риторика. 1995. № 1.
- Борботько 1981 — *Борботько В. Г.* Элементы теории дискурса. Грозный, 1981.
- Борботько 1996 — *Борботько В. Г.* Игровое начало в деятельности языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.

- Боргер 2004 — *Боргер Я. В.* Комплексный анализ речевых актов негативной реакции: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004.
- Борисов 1992 — *Борисов С. Б.* Девичий рукописный любовный рассказ в контексте школьной фольклорной культуры // Школьный быт и фольклор. Ч. 2. Девичья культура. Таллин, 1992.
- Борисов 1996 — *Борисов С. Б.* Прозаические жанры девичьих альбомов // НЛО. 1996. № 22.
- Борисов 2002 — *Борисов С. Б.* Рукописный девичий рассказ. М., 2002.
- Борисова 2001 — *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург, 2001.
- Борисова 2002 — *Борисова И. Н.* Нарратив как диалогический жанр // Жанры речи. Вып. 3. Саратов, 2002.
- Борисова, Корх 2007 — *Борисова И. Н., Корх С. С.* Прагматический потенциал жанра заговора: цветовой код // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Бочарова 2003 — *Бочарова Т. И.* Поздравительная речь в системе изучения непринужденного монологического высказывания // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. II. Теория и практика современной письменной речи // Мат-лы конф. Барнаул, 2003.
- Бровкина 2000 — *Бровкина Ю. Ю.* Газетное рекламное объявление как речевой жанр: (Риторический аспект): Автореф дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2000.
- Бугаева 2005 — *Бугаева И. В.* Особенности жанра послания — в церковных СМИ // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 2. Орел, 2005.
- Бугаева 2006 — *Бугаева И. В.* Молитва как особый жанр современной православной публицистики // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 4. Орел, 2006.
- Бугаева 2008 — *Бугаева И. В.* Жанр современной миссионерской притчи в религиозном дискурсе // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 6. Орел, 2008.
- Булаховский 1975 — *Булаховский Л. А.* Исторический комментарий к русскому литературному языку. М., 1975.
- Булыгина, Шмелев 1997 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Бурвикова 1981 — *Бурвикова (Зарубина) Н. Д.* Закономерности линейной структуры монологического текста: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1981.
- Бушуева 2006 — *Бушуева Л. А.* Поступки и их имена (на материале русского и английского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.

- Бырдина 1985 — *Бырдина Г. В.* Конструктивная роль исходной реплики в диалогическом вопросе-ответном единстве: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1985.
- Быценко 2004 — *Быценко Т. А.* Когнитивный анализ прагматических разновидностей РА экспрессива негативной модальности // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. 2004. № 609.
- Бюлер 1993 — *Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1993.
- Вайнрайх 1972 — *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1972. Вып. 6. Языковые контакты.
- Вакуров, Кохтев, Солганик 1978 — *Вакуров В. Н., Кохтев Н. Н., Солганик Г. Я.* Стилистика газетных жанров. М., 1978.
- Валуйская 2002 — *Валуйская О. Р.* Глубина текста как лингвистическая категория (на материале английского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.
- Вальтер 2008 — *Вальтер В. Ю.* Речевой жанр «колкость» как средство отрицательного эмоционального воздействия на адресата речи // Филологические этюды. Вып. 11. Ч. III. Саратов, 2008.
- Варзонин 1994 — *Варзонин Ю. Н.* Коммуникативные акты с установкой на иронию: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 1994.
- Вартанова 2006 — *Вартанова Н. Г.* Структурно-семантические и функциональные особенности жанра рекламного интервью в русских и французских СМИ: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов на Дону, 2006.
- Васильев 2005 — *Васильев Л. М.* Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Уфа, 2005.
- Васильева 2001 — *Васильева О. Ю.* Одический жанр XVIII века: прагматическая интерпретация: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2001.
- Вахрушев 2003 — *Вахрушев В. С.* О теории жанра и об истории его изучения // Приключения жанра. Балашов, 2003.
- Вахрушев 2007 — *Вахрушев В. С.* Жанры в системе русской массовой культуры // Текст. Дискурс. Жанр // Мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. Балашов, 2007.
- Вашкау 2008 — *Вашкау Н. Э.* Образ другого как образ врага: по письмам немецких солдат периода Второй мировой войны // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире-2. Т. 2. Волгоград, 2008.
- Вежбицкая 1985 — *Вежбицка А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.
- Вежбицкая 1993 — *Вежбицка А.* Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // ВЯ. 1993. № 4.

- Вежбицкая 1996 — *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Вежбицкая 1997 — *Вежбицкая А.* Речевые жанры // *Жанры речи.* Вып. 1. Саратов, 1997.
- Вежбицкая 1999 — *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Вежбицкая 2001 — *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
- Вежбицкая 2002 — *Вежбицкая А.* Русские культурные скрипты и их отражение в языке // *Русский язык в научном освещении.* М., 2002. № 2 (4).
- Вежбицкая 2003 — *Вежбицкая А.* Культурная обусловленность категорий «прямота» vs. «непрямота» // *Прямая и непрямая коммуникация.* Саратов, 2003.
- Вежбицкая 2005 — *Вежбицкая А.* Универсальные семантические примитивы как ключ к лексической семантике (сфера эмоций) // *Жанры речи.* Вып. 4. Саратов, 2005.
- Вежбицкая 2007 — *Вежбицкая А.* Англоязычные сценарии против «давления» на других людей и их лингвистические манифестации // *Жанры речи.* Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Вежбицкая, Годдард 2002 — *Вежбицкая А., Годдард К.* Дискурс и культура // *Жанры речи.* Вып. 3. Саратов, 2002.
- Векшин 2009 — *Векшин Г. В.* Жанр и функциональный стиль: языковое и речевое (о некоторых двусмысленностях в функциональной стилистике) // *Жанры речи.* Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Вендлер 1985 — *Вендлер З.* Иллокутивное самоубийство // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. 16. М., 1985.
- Верещагин, Костомаров 1976 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура // *Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного.* М., 1976.
- Верещагин, Костомаров 2000 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* «Крайности сходятся» (о тождестве противоположных речеповеденческих тактик) // *Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий* // Тез. докл. Всерос. науч.-метод. конф. Екатеринбург, 2000.
- Верещагин, Костомаров 2005 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы. М., 2005.
- Викторова 1999 — *Викторова Е. Ю.* Коммуникативы в разговорной речи (на материале русского и английского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999.
- Винарская, Мерзлякова 1980 — *Винарская Е. Н., Мерзлякова Л. В.* Инто-

- национные структуры речи и методика обучения иностранному языку // Сб. науч. тр. МГПИИЯ. Вып. 151. М., 1980.
- Виноградов 1963 — *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
- Виноградов 1976 — *Виноградов В. В.* О поэзии Анны Ахматовой // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. М., 1976.
- Винокур 1929 — *Винокур Г. О.* Культура языка. М., 1929.
- Винокур 1990 — *Винокур Г. О.* Филологические исследования. М., 1990.
- Винокур 1990 — *Винокур Т. Г.* Полилог // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Винокур 1993а — *Винокур Т. Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.
- Винокур 1993б — *Винокур Т. Г.* Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
- Вислоцкая 1991 — *Вислоцкая М.* Искусство любви. М., 1991.
- Власова 2005 — *Власова Е. В.* Речевая агрессия в печатных СМИ (на материале немецко- и русскоязычных газет 30-х и 90-х гг. XX в.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005.
- Водоватова 2007 — *Водоватова Т. Е.* Тавтологические высказывания: к проблеме смысла // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Войтак 2002 — *Войтак М.* Индивидуальная реализация жанрового образца проповеди // Стереотипность и творчество в тексте. Вып. 5. Пермь, 2002.
- Войтак 2003 — *Войтак М.* Религиозный стиль в генологической перспективе // Стереотипность и творчество. Вып. 6. Пермь, 2003.
- Волкова 2005 — *Волкова Н. А.* Высмеивание и аргументирование: проблема взаимодействия речевых жанров: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005.
- Волконский 1912 — *Волконский С.* Разговоры. СПб., 1912.
- Волохонский 2007 — *Волохонский В. Л.* Психологические механизмы и основания классификации блогов // Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet/Под ред. В. Л. Волохонского, Ю. Е. Зайцевой, М. М. Соколова. СПб.: СПбГУ, 2007.
- Волошинов 1993 (1929) — *Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка. М., 1993.
- Вопросы стилистики 1998 — Вопросы стилистики. Саратов, 1998. Вып. 27. Человек и текст.
- Вопросы стилистики 1999 — Вопросы стилистики. Саратов, 1999. Вып. 28. Антропоцентрические исследования.

- Воробьева 2007 — *Воробьева К. А.* Специфика иронии среди других языковых средств комизма // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М., 2007.
- Габидуллина 2000 — *Габидуллина А. Р.* Анекдот с точки зрения прагматингвистики // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. 6. Донецк: Донеччина, 2000.
- Гавранек 1967 — *Гавранек Б.* Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Гаврилова 2006 — *Гаврилова Н. В.* Критика // Антология концептов. Т. 4. Волгоград, 2006.
- Гайда 1986 — *Гайда Ст.* Проблемы жанра // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая организация. Пермь, 1986.
- Гайда 1999 — *Гайда Ст.* Жанры разговорных высказываний // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999.
- Гайкова 2003 — *Гайкова О. В.* Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации (на материале английского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.
- Гак 1972 — *Гак В. Г.* Повторная номинация и ее стилистическое использование // Вопросы французской филологии. М., 1972.
- Гак 1982 — *Гак В. Г.* Прагматика, узус и грамматика // Иностранный язык в школе. 1982. № 5.
- Гак 1998 — *Гак В. Г.* Языковые преобразования. М., 1998.
- Галактионова 1995 — *Галактионова И. В.* Средства выражения согласия/несогласия в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1995.
- Галичкина 1998 — *Галичкина Е. Н.* Жанровые характеристики компьютерного дискурса // Языковая личность: жанровая речевая деятельность // Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 6—8 октября 1998. Волгоград, 1998.
- Галичкина 2001 — *Галичкина Е. Н.* Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
- Гальперин 1981 — *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- Гаспаров 1996 — *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Гастева 1990 — *Гастева Н. Н.* Диалогическое единство в разговорной речи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1990.
- Гастева 1997 — *Гастева Н. Н.* Диалогические единства с констатирующей исходной репликой в речевом жанре дружеской беседы // Жанры речи. Вып. 1. Саратов, 1997.

- Гачев 1993 — *Гачев Г.* Образы Индии: Опыт экзистенциальной культурологии. М., 1993.
- Геращенко 2006 — *Геращенко Т. Б.* «Todesanzeige» («извещение о смерти») как особый тип текста в немецком языке // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе.* Вып. 3. Орел, 2006.
- Герман 2000 — *Герман И. А.* Лингвосинергетика. Барнаул, 2000.
- Гиндин 1988 — *Гиндин С. И.* Речевые жанры и языковое сознание // *Языковое сознание: Тез. IX Всесоюз. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации.* М., 1988.
- Гиндин 1994 — *Гиндин С. И.* Речевые действия и речевые произведения // *Логический анализ языка. Язык речевых действий.* М., 1994.
- Гиндин 2008 — *Гиндин С. И.* Уличные объявления как предмет лингвистического изучения и как инструмент развития речи // *Язык современного города: Тез. докл. междунар. конф. (8-е Шмелевские чтения).* М., 2008.
- Гловинская 1993 — *Гловинская М. Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект.* М., 1993.
- Гловинская 2000 — *Гловинская М. Я.* Убеждения, уверения и доказательства в русском языке // *Проблемы речевой коммуникации.* Саратов, 2000.
- Гогтишвили 1996 — *Гогтишвили Л. А.* Комментарии // *М. М. Бахтин Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов.* М., 1996.
- Годдард 2007 — *Годдард К.* «Играй лучше, Мартина!» (ирония «с каменным лицом» и этнопрагматика австралийского варианта английского языка) // *Жанры речи.* Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Годдард 2009 — *Годдард К.* «Следуй путем рисового поля»: семантика пословиц в английском и малайском языках // *Жанры речи.* Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Голев 2004 — *Голев Н. Д.* Акт о хищении двигателей // *Юрислингвистика-5. Юридические аспекты права и лингвистические аспекты языка.* Барнаул, 2004.
- Голев, Лебедева 2000 — *Голев Н. Д., Лебедева Н. Б.* Речевой жанр ссоры и конфликтные сценарии (на материале рассказов В. М. Шукшина) // *Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии.* Барнаул, 2000.
- Голанова 2008 — *Голанова Е. И.* Структурно-стилистическая организация текстов (на примере речевого жанра «беседа») // *Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков.* М., 2008.
- Голованова 2009 — *Голованова Е. И.* Посвящение как жанр научного дискурса // *Жанры речи.* Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Гольдин 1978 — *Гольдин В. Е.* Этикет и речь. Саратов, 1978.

- Гольдин 1983 — *Гольдин В. Е.* Речь и этикет. М., 1983.
- Гольдин 1986 — *Гольдин В. Е.* К проблеме системного представления функций языка // Язык и общество. Отражение социальных процессов в лексике. Саратов, 1986.
- Гольдин 1987 — *Гольдин В. Е.* Обращение: теоретические проблемы. Саратов, 1987.
- Гольдин 1997a — *Гольдин В. Е.* Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Вып. 1. Саратов, 1997.
- Гольдин 1997b — *Гольдин В. Е.* Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: Дисс. ... докт. филол. наук. Саратов, 1997.
- Гольдин 1999 — *Гольдин В. Е.* Проблемы жанроведения // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999.
- Гольдин 2001 — *Гольдин В. Е.* Ассоциативный эксперимент как речевая игра // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию Михаила Викторовича Панова. М., 2001.
- Гольдин 2003 — *Гольдин В. Е.* Проблема варьирования культурных концептов // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста. Ч. 1. Волгоград, 2003.
- Гольдин, Дубровская 2002 — *Гольдин В. Е., Дубровская О. Н.* Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий // Жанры речи. Вып. 3. Саратов, 2002.
- Гольдин, Сиротинина 1993 — *Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б.* Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Вып. 25. Саратов, 1993.
- Гончаренко 2008 — *Гончаренко Н. В.* Суггестивные характеристики медицинского дискурса: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
- Горбач, Минеева 2000 — *Горбач Л. В., Минеева С. А.* Жанры в образовательной деятельности. По материалам проблемно-целевых семинаров в школе № 149. Пермь, 2000.
- Горбачева 2006 — *Горбачева Е. Н.* Спор как лингвокультурный концепт: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
- Горбачева 2007 — *Горбачева Е. Н.* Дискурсивная реализация коммуникативных концептов. Волгоград, 2007.
- Горбачева 2009 — *Горбачева Е. Н.* Речевой жанр «пари»/«betting»: дискурсивные и лингвокультурные характеристики // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Горелов 1980 — *Горелов И. Н.* Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.
- Горелов, Седов 1998 — *Горелов И. Н., Седов К. Ф.* Основы психолингвистики. М., 1998.

- Горошко 2006 — *Горошко Е. И.* Интернет-коммуникация: проблема жанра // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 4. Орел, 2006.
- Горошко 2007 — *Горошко Е. И.* Теоретический анализ интернет-жанров: к описанию проблемной области // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Горошко, Саенко 2005 — *Горошко Е. И., Саенко А. Н.* Гендер и жанр (попытка рефлексии) // Жанры речи. Вып. 4. Саратов, 2005.
- Горошко, Саенко 2006 — *Горошко Е. И., Саенко А. Н.* Жанровая экология Интернета // Наукові записки Луганського національного університету. Вип. 6. Т. 3. Серія «Філологічні науки»: Зб. наук. праць. Норми та парадокси свідомості й мислення. Луганськ, 2006.
- Горшков 2000 — *Горшков А. И.* Лекции по русской стилистике. М., 2000.
- Грайс 1985 — *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.
- Грачев 1997 — *Грачев М. А.* Русское арго. Н. Новгород, 1997.
- Гридина 1996 — *Гридина Т. А.* Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.
- Гришаева 1998 — *Гришаева Л. И.* Анекдот как способ фиксации социальных норм и морально-этических ценностей социума // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск, 1998.
- Гришечкина 2002 — *Гришечкина Г. Ю.* Соотношение факторов жанровой специфики и предметной области текста научной рецензии: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Орел, 2002.
- Гришкин 1973 — *Гришкин И. И.* Понятие информации: Логико-методологический аспект. М., 1973.
- Гусар 2004 — *Гусар М. В.* Лингвокогнитивный и коммуникативно-прагматический аспекты частных газетных объявлений: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 2004.
- Гусева 2006 — *Гусева О. А.* Влияние аргументативной ситуации на жанровое оформление публичной речи политика (на материале американской президентской риторики) // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 4. Орел, 2006.
- Гуц 1997 — *Гуц Е. Н.* К проблеме типичных речевых жанров языковой личности подростка // Жанры речи. Вып. 1. Саратов, 1997.
- Гюлюмянц 2004 — *Гюлюмянц К. М.* Польско-русский фразеологический словарь: В 2 т. Минск, 2004.
- Давкова 1994 — *Давкова И. Э.* Отраженная речь при диалоговом взаимодействии: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1994.
- Давыдов 2007 — *Давыдов А.* Возвращение анекдота // Огонек. 2007. № 41.

- Давыдова 2003 — *Давыдова Т. А.* Речевой акт упрека в английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2003.
- Дамм 2003 — *Дамм Т. И.* Малоформатные комические речевые жанры современной российской газеты (лингвостилистический аспект): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2003.
- Данилов 1999 — *Данилов С. Ю.* Тактика *молчания* в речевом жанре *проработки* // Вопросы стилистики. Вып. 28. Саратов, 1999.
- Данилов 2001 — *Данилов С. Ю.* Речевой жанр *проработки* в тоталитарной культуре: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001.
- Данилов 2002 — *Данилов С. Ю.* О канонах внутрижанровой интеракции (на материале речевого жанра «проработка») // Жанры речи. Вып. 3. Саратов, 2002.
- Даулетова 1997 — *Даулетова В. А.* Вербальные средства создания автоимиджа в политическом дискурсе (на материале английской и русской биографической прозы): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997.
- Девкин 1979 — *Девкин В. Д.* Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М., 1979.
- Дейк 1989 — *Дейк ван Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Дейк, Кинч 1988 — *Дейк ван Т. А.* и *Кинч В.* Стратегия понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1988.
- Дементьев 1995 — *Дементьев В. В.* Жанровая структура фатической коммуникации: Дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1995.
- Дементьев 1997 — *Дементьев В. В.* Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике // ВЯ. 1997. № 1.
- Дементьев 1999а — *Дементьев В. В.* Фатические речевые жанры // ВЯ. 1999. № 1.
- Дементьев 1999б — *Дементьев В. В.* Вторичные речевые жанры: онтология непрямой коммуникации // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999.
- Дементьев 2000 — *Дементьев В. В.* Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов, 2000.
- Дементьев 2001 — *Дементьев В. В.* Основы теории непрямой коммуникации: Дисс. ... докт. филол. наук. Саратов, 2001.
- Дементьев 2002 — *Дементьев В. В.* Коммуникативная генристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // Жанры речи. Вып. 3. Саратов, 2002.
- Дементьев 2003 — *Дементьев В. В.* Креативная формализация речи // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении. Волгоград, 2003.

- Дементьев 2004а — *Дементьев В. В.* Речежанровое воплощение дружбы в русском и польском языках // Польский язык среди других славянских языков: IV Супруновские чтения. Минск, 2004.
- Дементьев 2004б — *Дементьев В. В.* Гендер и жанр: мужской и женский варианты русского речевого жанра *разговор по душам* // *Stylistyka XIII*. 2004. Opole, 2004.
- Дементьев 2004с — *Дементьев В. В.* Власть и жанры русской фатической речи // Текст. Дискурс. Стилль. СПб., 2004.
- Дементьев 2005 — *Дементьев В. В.* О поэтике человеческого общения // *Stylistyka XIV*. 2005. Opole, 2005.
- Дементьев 2006 — *Дементьев В. В.* Непрямая коммуникация. М., 2006.
- Дементьев 2007а — *Дементьев В. В.* Об одной оценочной системе в русском языке // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 7. Саратов, 2007.
- Дементьев 2007б — *Дементьев В. В.* Аспекты проблемы «жанр и культура» // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Дементьев, Рогачева 2006 — *Дементьев В. В., Рогачева Н. Б.* Сопоставление культур через посредство категории «коммуникативный идеал» // *Stylistyka XV*. 2006. Opole, 2006.
- Дементьев, Седов 1998 — *Дементьев В. В., Седов К. Ф.* Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов, 1998.
- Дементьев, Фенина 2005 — *Дементьев В. В., Фенина В. В.* Когнитивная генристика: внутрикультурные речежанровые ценности // Жанры речи. Вып. 4. Саратов, 2005.
- Дементьева 2000 — *Дементьева Е. Ю.* Речевые жанры в сфере торговли // Языковая структура и социальная среда. Воронеж, 2000.
- Демидова 2000 — *Демидова М. Б.* Современные тактики реализации речевого жанра 'знакомство' // Языковая структура и социальная среда. Воронеж, 2000.
- Демьянков 1981 — *Демьянков В. З.* Прагматические основы интерпретации высказывания // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Вып. 4. Т. 40. 1981.
- Денисюк 2004 — *Денисюк Е. В.* Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.
- Деннингхаус 1999 — *Деннингхаус С.* Под флагом искренности: лицемерие и лесть как специфические явления речевого жанра «притворство» // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999.
- Деннингхаус 2002 — *Деннингхаус С.* Теория речевых жанров М. М. Бахтина в тени прагмалингвистики // Жанры речи. Вып. 3. Саратов, 2002.
- Дешеева 2008 — *Дешеева В. В.* Театральность и агональность в жанре

- телешоу // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире-2. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2008. Т. 1.
- Дмитриева 2002 — *Дмитриева Е. Ф.* Частно-официальное письмо-просьба как жанровая разновидность и форма реализации естественной письменной речи // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. I. Проблемы письменной речи и развитие языкового чувства // Мат-лы конф. Барнаул, 2002.
- Дмитриенко 2007 — *Дмитриенко Г. В.* Вербальная инвектива в англоязычном лексическом субстандарте: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Пенза, 2007.
- Добровольский 2007 — *Добровольский Д. О.* Семантика усмешки // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М., 2007.
- Добрушина 2006 — *Добрушина Н. Р.* Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения // ВЯ. 2006. № 2.
- Долинин 1978 — *Долинин К. А.* Стилистика французского языка. Л., 1978.
- Долинин 1998 — *Долинин К. А.* Проблема речевых жанров через сорок пять лет после статьи Бахтина // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. СПб., 1998.
- Долинин 1999 — *Долинин К. А.* Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999.
- Донец 2009 — *Донец П. Н.* Экскурсия по городу как жанр дискурса // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Доценко, Шляхова 2003 — *Доценко Т. И., Шляхова С. С.* Граффити или граффито? // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. II. Теория и практика современной письменной речи // Мат-лы конф. Барнаул, 2003.
- Драздаускене 1969 — *Руткаускайте-Драздаускене М.-Л. А.* Можно ли объективно выделить речь в контактоуставливающей функции? // Вестник МГУ. Филология. Вып. 2. 1969.
- Драздаускене 1970 — *Руткаускайте-Драздаускене М.-Л. А.* Контактоуставливающая функция речи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1970.
- Дружинин, Савченко 1996 — *Дружинин В. Н., Савченко И. А.* Анекдот как зеркало русской семьи // Психологическое обозрение. 1 (2), 1996.
- Дубровская 2001 — *Дубровская О. Н.* Имена сложных речевых событий в русском и английском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001.
- Дубровская 2007 — *Дубровская О. Н.* Речевые жанры, речевые события и новые средства коммуникации // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.

- Дубровская 2003 — *Дубровская Т. В.* Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русском и английском речевом общении: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003.
- Дубровская, Кормилицына 2002 — *Дубровская Т. В., Кормилицына М. А.* Некоторые прагматические характеристики речевых жанров «осуждение» и «обвинение» // *Жанры речи*. Вып. 3. Саратов, 2002.
- Дудник 1977 — *Дудник Л. В.* Сарказм как средство речевого воздействия // *Виды и функции речевой деятельности*. М., 1977.
- Дускаева 2004 — *Дускаева Л. Р.* Диалогическая природа газетных речевых жанров: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Санкт-Петербург, 2004.
- Дымарский 1993 — *Дымарский М. Я.* Грамматика текста и норма текстовости // *АРТ: Альманах исследований по искусству*. Вып. 1. Саратов, 1993.
- Дымарский 2009 — *Дымарский М. Я.* Новое старое в жанре официального наименования, или Еще раз про «новояз» // *Жанры речи*. Вып. 6. Жанр и язык. Саратов, 2009.
- Дьякова 2006 — *Дьякова Е. Ю.* К вопросу о жанрах образовательного дискурса // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе*. Вып. 4. Орел, 2006.
- Дьякова 2007 — *Дьякова Л. Н.* Русская авторская песня в лингвистическом и коммуникативном аспектах: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2007.
- Дьякова, Стернин 2005 — *Дьякова Л. Н., Стернин И. А.* Жанр разговора по душам и русская авторская песня // *Жанры речи*. Вып. 4. Жанр и концепт. Саратов, 2005.
- Дьячкова 2000 — *Дьячкова И. Г.* Высказывания-похвалы и высказывания-порицания как речевые жанры в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2000.
- Евтушенко 2006 — *Евтушенко О. А.* Институциональный концепт «порицание» в английской и русской лингвокультурах: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
- Елина 1997 — *Елина Е. А.* Социолингвистический аспект речи персонажей-военных (на материале русской прозы XIX — начала XX вв.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1997.
- Емельянова 2004 — *Емельянова Н. А.* Речевой жанр «жалоба» в различных типах дискурса в английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
- Енина 1999 — *Енина Л. В.* Современные российские лозунги как сверхтекст: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999.
- Ермакова 1996 — *Ермакова О. П.* Вербализованная ирония в естествен-

- ном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.
- Ермакова 1999 — *Ермакова О. П.* Концепты *совесть* и *стыд* по данным языка // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург, 1999.
- Ермакова 2000 — *Ермакова О. И.* Отражение особенностей речевого поведения пользователей компьютерных сетей в письменной форме компьютерного жаргона (www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogue/2000-1/75.htm).
- Ермакова 2005 — *Ермакова О. П.* Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005.
- Ермакова 2008 — *Ермакова О. П.* Тенденции к развитию энантиосемии. Ирония как источник энантиосемии // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX—XXI веков. М., 2008.
- Ермолаева 2005 — *Ермолаева Е. Н.* Концепт CONFLICT и его объективация в лексико-семантическом пространстве современного английского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2005.
- Ермолаева 2006 — *Ермолаева Е. Н.* Конфликт // Антология концептов. Т. 4. Волгоград, 2006.
- Жаворонок 1998 — *Жаворонок С. И.* Девичьи рукописные любовные рассказы // Русский школьный фольклор. М., 1998.
- Жанры речи 1997 — Жанры речи. Вып. 1. Саратов: Колледж, 1997.
- Жанры речи 1999 — Жанры речи. Вып. 2. Саратов: Колледж, 1999.
- Жанры речи 2002 — Жанры речи. Вып. 3. Саратов: Колледж, 2002.
- Жанры речи 2005 — Жанры речи. Саратов: Колледж, 2005. Вып. 4. Жанр и концепт.
- Жанры речи 2007 — Жанры речи. Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Жанры речи 2009 — Жанры речи. Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Жельвис 1997а — *Жельвис В. И.* Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М., 1997.
- Жельвис 1997б — *Жельвис В. И.* Инвектива в парадигме средств фатического общения // Жанры речи. Вып. 1. Саратов, 1997.
- Жельвис 2002 — *Жельвис В. И.* Вербальная дуэль: история и игровой компонент // Жанры речи. Вып. 3. Саратов, 2002.
- Жинкин 1982 — *Жинкин Н. И.* Речь как проводник информации. М., 1982.
- Жирмунский 1936 — *Жирмунский В. М.* Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.
- Жичкина [http](http://flogiston.ru/articles/netpsy/refinf) — *Жичкина А.* Социально-психологические аспекты общения в Интернете (<http://flogiston.ru/articles/netpsy/refinf>).

- ЖР 1995 — Живая речь уральского города. Тексты. Екатеринбург, 1995.
- Жура 2006 — *Жура В. В.* Запрос информации в жанре медицинской консультации // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс. Волгоград, 2006.
- Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 — *Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
- Занадворова 2001 — *Занадворова А. В.* Функционирование русского языка в малых социальных группах (речевое общение в семье): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001.
- Зверева 1995 — *Зверева Е. В.* Коммуникативно-речевая ситуация «Комплимент»: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1995.
- Земская 1979 — *Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.
- Земская 1988 — *Земская Е. А.* Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. М., 1988.
- Земская, Китайгородская, Розанова 1993 — *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
- Земская, Китайгородская, Ширяев 1981 — *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь: общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
- Земцова 2006 — *Земцова Л. А.* Искусствоведческая рецензия как жанр массово-информационного дискурса: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
- Зигманн 2003 — *Зигманн Ж. В.* Структура современного политического дискурса: речевые жанры и речевые стратегии: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003.
- Зильберт 1986 — *Зильберт Б. А.* Социопсихолингвистическое исследование текстов радио, телевидения, газеты. Саратов, 1986.
- Зимняя 1976 — *Зимняя И. А.* Психолингвистическая схема смыслового восприятия // Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976.
- Золотова 1982 — *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Зотева 2001 — *Зотева Т. С.* Диалогическое единство в жанре просьбы и его эволюция в английской драме XVI–XX вв.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001.
- Ивакина 1997 — *Ивакина Н. Н.* Профессиональная речь юриста. М., 1997.
- Иванова 2007 — *Иванова Е. П.* Жанровое своеобразие словаря как ком-

- позитного текста // Текст. Дискурс. Жанр: Мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. Балашов, 2007.
- Иванова 2001 — *Иванова Ю. М.* Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
- Иванова 2008 — *Иванова Ю. М.* Стратегии взаимного влияния в жанре текстовой РПГ (role-playing game) // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире-2. Т. 1. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2008.
- Иванчикова 1987 — *Иванчикова Е. А.* Жанровые формы речи газетной публицистики (Опыт типологии текстов) // Стилистика русского языка: Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. М., 1987.
- Иванчук 2005 — *Иванчук И. А.* Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры. СПб.; Саратов, 2005.
- Ивин 1983 — *Ивин А. А.* По законам логики. М., 1983.
- Извекова 2006 — *Извекова М. Г.* Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса: Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
- Имас 2001 — *Имас А. В.* Выражение благодарности в немецком языке (на материале литературных и лексикографических источников с XVII по XX в.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001.
- Имшинецкая 2007 — *Имшинецкая И. А.* Речевой стиль коммерческой рекламы в его жанровых разновидностях: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007.
- Инфантова 1973 — *Инфантова Г. Г.* Очерки по синтаксису современной русской разговорной речи (пособие для спецкурса). Ростов на Дону, 1973.
- Иньиго-Мора 2008 — *Иньиго-Мора И.* Политическое телеинтервью: нейтралитет и провоцирование // Политическая лингвистика. № 1 (24). Екатеринбург, 2008.
- Ионова 2006 — *Ионова С. В.* Аппроксимация содержания вторичных текстов: Дисс. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2006.
- Иссерс 1997 — *Иссерс О. С.* Коммуникативная тактика комплимента в русской разговорной речи // Городская разговорная речь и проблемы ее изучения. Вып. 2. Омск, 1997.
- Иссерс 1999 — *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск, 1999.
- Иссерс 2003 — *Иссерс О. С.* Тактики выведывания информации (когнитивный аспект) // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003.
- Истомина 2008 — *Истомина А. Е.* Фельетон как жанр политического дискурса: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
- Ицкович 2007 — *Ицкович Т. В.* Православная проповедь как тип текста: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.

- Йокояма 1992 — *Йокояма О.* Теория коммуникативной компетенции и проблематика порядка слов в русском языке // ВЯ. № 6. 1992.
- Казачкова 2006 — *Казачкова Ю. В.* Выражение сочувствия в русском и английском речевом общении (жанровый аспект): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.
- Какзанова 2006 — *Какзанова Е. М.* Жанр инструкции по эксплуатации в немецком научном дискурсе // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 3. Орел, 2006.
- Какорина 2008 — *Какорина Е. В.* СМИ и интернет-коммуникация (интернет-форум как новый коммуникативно-речевой жанр) // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М., 2008.
- Капанадзе 1988 — *Капанадзе Л. А.* О жанрах неофициальной речи // Разновидности городской устной речи. М., 1988.
- Капанадзе 1989 — *Капанадзе Л. А.* Семейный диалог и семейные номинации // Язык и личность. М., 1989.
- Карабан 1989 — *Карабан В. И.* Сложные речевые единицы. Прагматика английских асиндетических полипредикативных образований. Киев, 1989.
- Карабыков 2006 — *Карабыков А. В.* Речевой жанр клятвы в истории культуры // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике: Мат-лы I Междунар. науч. конф. (Кемерово, 29–31 августа 2006 г.): В 4 ч. Ч. 3. Кемерово, 2006.
- Карапетян 2001 — *Карапетян Е. А.* Экспрессивно-семантическая структура русской лирической песни как жанровой формы художественной речи и лексические средства ее формирования: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2001.
- Карасик 1992 — *Карасик В. И.* Язык социального статуса. М., 1992.
- Карасик 1996 — *Карасик В. И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность. Культурные концепты. Волгоград, 1996.
- Карасик 1997 — *Карасик В. И.* Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи. Вып. 1. Саратов, 1997.
- Карасик 2002 — *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- Карасик 2007 — *Карасик В. И.* Языковые ключи. Волгоград, 2007.
- Карасик 2008 — *Карасик В. И.* Рутинное и креативное общение: функции, типы, способы // Язык. Культура. Общение: Сб. науч. тр. в честь юбилея заслуженного профессора МГУ им. М. В. Ломоносова С. Г. Тер-Минасовой. М.: Гнозис, 2008.
- Карасик, Слышкин 2007 — *Карасик В. И., Слышкин Г. Г.* Постулаты коммуникативной лингвистики // В. И. Карасик Языковые ключи. Волгоград, 2007.

- Караганова 2003 — *Караганова О. А.* Лингвистически релевантные нарушения педагогического дискурса: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.
- Караулов 1986 — *Караулов Ю. Н.* Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: VI конгресс МАПРЯЛ. М., 1986.
- Караулов 1987 — *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Карачевцев 1978 — *Карачевцев С.* Тысяча двести анекдотов. 2-е изд. Paris, 1978/Изд-во «Orient». Рига. Б. г. (очевидно, 1930-е гг.).
- Карзенкова, Салимовский 2005 — *Карзенкова Е. П., Салимовский В. А.* К экспликации понятия коммуникативной категории // Стереотипность и творчество в тексте. Вып. 9. Пермь, 2005.
- Карпова 2007 — *Карпова Т. Б.* Русская речь в неофициальном интернет-общении // *Stylistyka XVI*. 2007. Opole, 2007.
- Карчевски 2005 — *Карчевски Р.* Прагмакоммуникативные характеристики языковых средств выражения угрозы в английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Минск, 2005.
- Кагаева 2004 — *Кагаева Н. М.* Русский концепт *воля*: от словаря — к тексту: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.
- Катуков 2006 — *Катуков С. С.* Брань // Антология концептов. Т. 4. Волгоград, 2006.
- Кибрик 1991 — *Кибрик А. А.* Молчание как коммуникативный акт // Действие: лингвистические и логические модели: Тез. докл. М., 1991.
- Кибрик 1994 — *Кибрик А. А.* Когнитивные исследования по дискурсу // ВЯ. 1994. № 5.
- Кибрик 2003 — *Кибрик А. Е.* Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Кириллова 1999 — *Кириллова И. А.* Речевое действие «делиться» и его жанровое поле // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999.
- Киселева 1978 — *Киселева Л. А.* Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978.
- Киселева 1995 — *Киселева Л. А.* Речевые жанры в городском транспорте: фактор адресата // Филология-Журналистика'94: Научные материалы. Красноярск, 1995.
- Китайгородская 2003 — *Китайгородская М. В.* Активные социолингвистические процессы в сфере городских наименований: московские вывески // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003.

- Китайгородская, Розанова 1995 — *Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Русский речевой портрет: Фонохрестоматия. М., 1995.
- Китайгородская, Розанова 1999 — *Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.
- Китайгородская, Розанова 2001 — *Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Игровое поведение в коммуникативном пространстве города // *Stylistyka X*. 2001. Opole, 2001.
- Китайгородская, Розанова 2003 — *Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Современное городское общение: типы коммуникативных ситуаций и их жанровая реализация (на примере Москвы) // *Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация*. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Китайгородская, Розанова 2007 — *Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* К характеристике жанра современной эпитафии в социокультурном аспекте // *Жанры речи*. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Китайгородская, Розанова 2008 — *Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Ситуация в очереди в современном городском общении — «ушедшая натура»? // *Проблемы речевой коммуникации*. Саратов, 2008. Вып. 8. // *Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Современное состояние русской речи: эволюция, тенденции, прогнозы»*. Ч. 1.
- Клейменова 2006 — *Клейменова М. Г.* Стилистическая дифференциация текстов политической антирекламы // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе*. Вып. 3. Орел, 2006.
- Клочко 2001 — *Клочко Л. И.* Похвала в ряду родственных речевых актов в английском языке. Харьков, 2001.
- Ключевский 1989 — *Ключевский В. О.* Курс русской истории // В. О. Ключевский. Соч.: В 9 т. Т. 5. М., 1989.
- Кобзеева 2006 — *Кобзеева О. В.* Стилижанрообразующая роль аксиологических значений и средств их выражения во вторичных жанрах современной русской речи: научной рецензии, театральной рецензии, отзыве: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2006.
- Ковалева 1980 — *Ковалева Л. М.* К вопросу о выделении единицы, объединяющей последовательность предложений в тексте // *Сб. науч. тр. МГПИИЯ*. Вып. 151. М., 1980.
- Ковалева 2002 — *Ковалева Н. А.* Русское частное письмо XIX века (Коммуникация. Жанр. Речевая структура): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2002.
- Кожевникова 1970 — *Кожевникова Кв.* Спонтанная устная речь в эпической прозе (на материале современной русской художественной литературы). Praha: Universita Karlova, 1970.

- Кожевникова 1979 — *Кожевникова Кв.* Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста. М., 1979.
- Кожина 1993 — *Кожина М. Н.* Стилистика русского языка. М., 1993.
- Кожина 1996 — *Кожина М. Н.* Целый текст как объект стилистики текста // *Stylistyka IV*. 1996. Opole, 1996.
- Кожина 1999а — *Кожина М. Н.* Стиль и жанр: их вариативность, историческая изменчивость и соотношение // *Stylistyka VIII*. Opole, 1999.
- Кожина 1999б — *Кожина М. Н.* Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // *Жанры речи*. Вып. 2. Саратов, 1999.
- Козинцев 2007 — *Козинцев А. Г.* Юмор: до и после иронии // *Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма*. М., 2007.
- Козлов 1999 — *Козлов Е. В.* Коммуникативность комикса (в текстуальном и семиотическом аспектах): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
- Козловская 2007 — *Козловская Н. В.* Прецедентные феномены литературного происхождения в лингвокультурном пространстве современного Петербурга (на материале городских вывесок) // *Русская литература в формировании современной языковой личности*. Матлы конгресса. Санкт-Петербург, 24–27 октября 2007 г. Литература в формировании языковой личности: этапы и варианты/Под ред. П. Е. Бухаркина, Н. О. Рогожиной, Е. Е. Юркова: В 2 ч. Ч. I. СПб.: МИРС, 2007.
- Колегаева 2004 — *Колегаева А. В.* Специфика интерактивного единства «комплимент-реакция» в английском языке (на материале художественных произведений и кинофильмов): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004.
- Колокольцева 2001 — *Колокольцева Т. Н.* Специфические коммуникативные единицы диалогической речи: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Саратов, 2001.
- Колосов 2004 — *Колосов С. А.* Конструирование социальной ненависти в дискурсе: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004.
- Коляян 2003 — *Коляян Д. Л.* Ухаживание как тип коммуникативного поведения // *Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения*. Волгоград, 2003.
- Коляян 2006 — *Коляян Д. Л.* Ухаживание как тип коммуникативного поведения: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
- Колшанский 1983 — *Колшанский Г. В.* Коммуникативные основы адекватной интерпретации семантики текста // *Содержательные аспекты предложения и текста*. Калинин, 1983.
- Колшанский 1984 — *Колшанский Г. В.* Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.

- Комина 1984 — *Комина Н. А.* Коммуникативно-прагматический аспект английской диалогической речи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Калинин, 1984
- Комиссарова 2005 — *Комиссарова Т. С.* Новогоднее обращение как жанр политического дискурса (сравнительный анализ обращений В. В. Путьина и Г. Шредера) // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе*. Вып. 2. Орел, 2005.
- Коморова 2005 — *Коморова Д. Ф.* Прагмалингвистические особенности пожелания в немецком и русском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.
- Компанцева 2006 — *Компанцева Л. Ф.* Электронные доски объявлений как жанровый формат виртуального дискурса: когнитивно-прагматический аспект // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе*. Вып. 3. Орел, 2006.
- Кон 1988 — *Кон И. С.* Введение в сексологию. М., 1988.
- Коньков 2002 — *Коньков В. И.* СМИ как речевая система // *Мир русского слова*. № 5. М., 2002.
- Кормилицына 1988 — *Кормилицына М. А.* Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи. Саратов, 1988.
- Кормилицына, Шамьенова 1999 — *Кормилицына М. А., Шамьенова Г. Р.* Категория вежливости в оценочных речевых жанрах // *Жанры речи*. Вып. 2. Саратов, 1999.
- Коротеева 1998 — *Коротеева О. В.* Дефинирование как один из жанров педагогического дискурса // *Языковая личность: жанровая речевая деятельность*: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 6–8 октября, 1998. Волгоград, 1998.
- Коротеева 1999 — *Коротеева О. В.* Дефиниция в педагогическом дискурсе: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
- Косицкая 2005 — *Косицкая Ф. Л.* Письменно-речевые жанры рекламного дискурса моды в аспекте межъязыковой контрастивности (на материале французских и русских каталогов моды): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.
- Костина http — *Костина И. В.* Светская беседа: опыт теоретического осмысления: http://www.uspu/yar.ru/vestnik/novye_Issledovaniy/24_4.
- Костомаров 2005 — *Костомаров В. Г.* Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М., 2005.
- Кочетова 1999 — *Кочетова Л. А.* Лингвокультурные характеристики английского рекламного дискурса: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
- Кочкин 2003 — *Кочкин М. Ю.* Политический скандал как лингвокультурный феномен: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.

- Кошанский 1836 — *Кошанский Н.* Частная риторика. СПб., 1836.
- Кравченко 1992 — *Кравченко А. В.* Вопросы теории указательности: эгоцентричность, дейкитичность, индексальность. Иркутск, 1992.
- Кравченко 1999 — *Кравченко А. В.* Классификация знаков и проблема взаимосвязи языка и знания // ВЯ. 1999. № 6.
- Кравченко 2003 — *Кравченко А. В.* Что такое коммуникация? Очерк биокогнитивной философии языка // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003.
- Красильникова 1995 — *Красильникова Л. В.* Диалогическая структура научного дискурса в жанре научной рецензии: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1995.
- Красноперова 2005 — *Красноперова Ю. В.* Дискурсивные стратегии участников интервью: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2005.
- Крейдлин, Самохин 2003 — *Крейдлин Г. Е., Самохин М. В.* Слухи, сплетни, молва — гармония и беспорядок // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. М., 2003.
- Крейдлин, Шмелева 2007 — *Крейдлин Г. Е., Шмелева Е. Я.* Вербальные и невербальные элементы анекдота // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М., 2007.
- Крестинский 1989 — *Крестинский С. В.* Коммуникативная нагрузка молчания в диалоге // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989.
- Крылова, Со Ын Ен 2000 — *Крылова О. А., Со Ын Ен.* Понятие жанра: принципы выделения и изучения жанров речи // Лингводидактический поиск на рубеже веков: Юбилейный сборник. М., 2000.
- Крылова 2006 — *Крылова Т. В.* Кокетничать, заигрывать, флиртовать: игровые аспекты в общении между мужчинами и женщинами // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. М., 2006.
- Крысин 1989 — *Крысин Л. П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
- Крюков 2001 — *Крюков Д. В.* Социолингвистические характеристики писем английской аристократии Викторианской эпохи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
- Кубрякова 1993 — *Кубрякова Е. С.* Возвращаясь к определению знака // ВЯ. № 4. 1993.
- Кубрякова 1994 — *Кубряков Е. С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // ВЯ. 1994. № 4.
- Кудрина 2007 — *Кудрина Н. А.* Особенности композиционной организации французской научной статьи // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 5. Орел, 2007.

- Кузнецова 1996 — *Кузнецова О. Н.* Признание в любви: нестереотипность стереотипа // Семантика языковых единиц: Докл. V Междунар. конф. Т. II. М., 1996.
- Кузьмина 2003 — *Кузьмина М. В.* Компьютерный вид общения «чат» как жанр естественной письменной речи: основные характеристики // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. II. Теория и практика современной письменной речи // Мат-лы конф. Барнаул, 2003.
- Кукушкина 1989 — *Кукушкина Е. Ю.* «Домашний язык» в семье // Язык и личность. М., 1989.
- Кулинич, Бусоргина 2007 — *Кулинич М. А., Бусоргина Н. Ю.* Типология речевых жанров в англо-американском письмовнике // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Курганов 1997 — *Курганов Е.* Анекдот как жанр. СПб., 1997.
- Курчакова 2007 — *Курчакова Н.* Формы самопрезентации в блоге // Личность и межличностное взаимодействие в сети «Internet»/Под ред. В. Л. Волохонского, Ю. Е. Зайцевой, М. М. Соколова. СПб.: СПбГУ, 2007.
- Курченкова 2000 — *Курченкова Е. А.* Культурно-языковые характеристики текстов газетных объявлений: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.
- Кусов 2004 — *Кусов Г. В.* Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
- Кусов 2005 — *Кусов Г. В.* Оскорбление // Антология концептов. Волгоград, 2005. Т. 2.
- Кыркунова 2007 — *Кыркунова Л. Г.* Официально-деловые тексты в аспекте функционально-смысловых типов речи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007.
- Лаврентьева 2006 — *Лаврентьева Е. В.* Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.
- Ладыженская 1986 — *Ладыженская Т. А.* Живое слово. М.: Просвещение, 1986.
- Лакофф 2007 — *Лакофф Р.* Прагматика публичного извинения // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Лалетина 2007 — *Лалетина А. О.* Гороскоп как гендерно-маркированный медиа жанр // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 5. Орел, 2007.
- Ланских 2008 — *Ланских А. В.* Речевое поведение участников реалити-шоу: коммуникативные стратегии и тактики: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.

- Лапинская, Карачун, Попова 2000 — *Лапинская И. П., Карачун Т. С., Попова С. Е.* Жанры поздравлений. К постановке проблемы // Языковая структура и социальная среда. Воронеж, 2000.
- Лаптева 1976 — *Лаптева О. А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
- Ларина 2004 — *Ларина Е. Г.* Лингвопрагматические особенности токшоу как жанра телевизионного дискурса (на материале американских телевизионных программ): Автореф дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
- Ларина 2003 — *Ларина Т. В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М., 2003.
- Ларина 2009 — *Ларина Т. В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009.
- Лассвелл, Блюменсток 2007 — *Лассвелл Г., Блюменсток Д.* Методика описания лозунгов // Политическая лингвистика. № 3 (23). Екатеринбург, 2007.
- Лафарг 1930 — *Лафарг П.* Язык и революция. М., 1930.
- Лебедева 2003 — *Лебедева Н. Б.* К построению жанровой типологии (на материале естественной письменной речи) // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. II. Теория и практика современной письменной речи // Мат-лы конф. Барнаул, 2003.
- Лебедева 2007 — *Лебедева Н. Б.* Жанры естественной письменной речи // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007.
- Лебедева, Тюкаева 2007 — *Лебедева Н. Б., Тюкаева Н. И.* Граффити студенческое // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007.
- Леви-Стросс 1983 — *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1983.
- Левонтина 1994 — *Левонтина И. Б.* Время для частных бесед // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.
- Левонтина 2009 — *Левонтина И. Б.* Особые события в современном русском языке (о названиях жанров времяпрепровождения *вечеринка* и *событие*) // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Левшун 1992 — *Левшун Л. В.* Проповедь как жанр средневековой литературы (на материале проповедей в древнерусских рукописных и старопечатных сборниках): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1992.
- Лемяскина 1999 — *Лемяскина Н. А.* Коммуникативное поведение младшего школьника (психолингвистическое исследование): Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Воронеж, 1999.

- Леонтьев 1969 — *Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
- Леонтьев 1999 — *Леонтьев В. В.* «Похвала», «лесть» и «комплимент» в структуре английской языковой личности: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
- Лившиц 2001 — *Лившиц Т. Н.* К вопросу о жанровых разновидностях рекламных текстов // Восточноукраинский лингвистический сборник: Сб. науч. тр. Вып. 7. Донецк, 2001.
- Лимарева 1998 — *Лимарева Т. Ф.* Прагматический аспект иронии // Современные проблемы школьной и вузовской педагогики. М.; Краснодар, 1998.
- Липко 2006 — *Липко Ю. Г.* Коммуникативно-прагматические аспекты дискурса жалобы в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006.
- Лихачев 1979 — *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
- Личностные аспекты языкового общения 1989 — *Личностные аспекты языкового общения.* Калинин, 1989.
- Логический анализ языка 2000 — *Логический анализ языка. Языки этики.* М., 2000.
- Логический анализ языка 2006 — *Логический анализ языка. Концептуальные поля игры.* М., 2006.
- Логический анализ языка 2007 — *Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма.* М., 2007.
- Лосский 1991 — *Лосский Н. О.* Условия абсолютного добра. М., 1991.
- Лотман 1992 — *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. М., 1992.
- Лотман 1994 — *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994.
- Лотман, Успенский 1994 — *Лотман М. Ю., Успенский Б. А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Б. А. Успенский Избр. тр. Т. 1. М., 1994.
- Луковникова 2006 — *Луковникова О. Ю.* Объяснение в научной и эстетической сферах использования языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006.
- Лю Сун 2008 — *Лю Сун.* Жанр «надпись на надгробном камне и погребальном венке» в русской и китайской лингвокультурах // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире-2. Т. 1. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2008.
- Ма Яньли 2005 — *Ма Яньли.* Застольный ритуал и концепт «застолье» в китайской и русской лингвокультурах: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.

- Ма Яньли 2006 — *Ма Яньли*. Застолье // Антология концептов. Т. 4. Волгоград, 2006.
- Майданова 1996 — *Майданова Л. М.* Практическая стилистика жанров СМИ. Заметка, интервью, статья. Екатеринбург, 1996.
- Макаров 1990 — *Макаров М. Л.* Коммуникативная структура текста. Тверь, 1990.
- Макаров 1992 — *Макаров М. Л.* Выбор шага в диалоге: опыт эксперимента // Слово и текст в психолингвистическом аспекте. Тверь, 1992.
- Макаров 1998 — *Макаров М. Л.* Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.
- Макаров 2003 — *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. М., 2003.
- Макаров 2005 — *Макаров М. Л.* Жанры в электронной коммуникации: quo vadis? // Жанры речи. Вып. 4. Саратов, 2005.
- Малиновский 1998 — *Малиновский Б.* Магия, наука и религия. М., 1998.
- Маринин 1996 — *Маринин Ю. Н.* Речеконтекст «поздравления» (на материале текста поздравительной открытки): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1996.
- Маркова 2003 — *Маркова Л. Ф.* Когнитивная идентификация речевого жанра: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.
- Мартемьянов 1981 — *Мартемьянов Ю. С.* Об исчислении словарных входов. II // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 19. М., 1981.
- Мартынова 2005 — *Мартынова И. А.* Некоторые аспекты дискурсивной дистрибуции речевого акта угрозы в англоязычной лингвокультуре // Филология и культура: Мат-лы V Междунар. науч. конф. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005.
- Матвеева 1990 — *Матвеева Т. В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск, 1990.
- Матвеева 1994 — *Матвеева Т. В.* Непринужденный диалог как текст // Человек – текст – культура. Екатеринбург, 1994.
- Матвеева 1995 — *Матвеева Т. В.* К лингвистической теории жанра // Collegium. № 1—2. Киев, 1995.
- Матвеева 1996 — *Матвеева Т. В.* Тональность разговорного текста: три способа представления // Stylistyka V. Opole, 1996.
- Матвеева 1997 — *Матвеева Т. В.* К вопросу о ритме как жанрообразующем признаке в разговорной речи // Жанры речи. Саратов, 1997.
- Матюхина 2004 — *Матюхина Ю. В.* Развитие системы фатической метакommunikации в английском дискурсе XVI–XX вв.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Харьков, 2004.
- Меламедова 2008 — *Меламедова Е. А.* Авторское выражение благодар-

- ности в свете теории речевых жанров // Вестник СамГУ. 2008. № 5/2 (64).
- Меликян 2000 — *Меликян С. В.* Речевой акт молчания в структуре общения: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000.
- Мельчук 1995 — *Мельчук И. А.* Русский язык в модели «Смысл → Текст». М.; Вена, 1995.
- Мечковская 2009 — *Мечковская Н. Б.* Жанры афористики и градация высказываний по степени идиоматичности // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Мид 1988 — *Мид М.* Культура и мир детства. М., 1988.
- Милехина 2001 — *Милехина Т. А.* Светская беседа // Хорошая речь. Саратов, 2001.
- Милованова 1998 — *Милованова Ж. В.* Жанрово-речевые особенности педагогического дискурса // Языковая личность: жанровая речевая деятельность: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 6—8 октября. 1998. Волгоград, 1998.
- Миляева 2004 — *Миляева И. В.* Отрицательный директив в коммуникативно-целевом аспекте: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Орел, 2004.
- Минский 1979 — *Минский М.* Фреймы для представления знаний. М., 1979.
- Минский 1988 — *Минский М.* Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1988.
- Мироненко 2005 — *Мироненко М. В.* Шутник как коммуникативный типаж: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.
- Митьки 1990 — Митьки, описанные Владимиром Шинкаревым и нарисованные Александром Флоренским. Л., 1990.
- Митягина 2008 — *Митягина В. А.* Социокультурные характеристики коммуникативного действия (на материале немецкого и русского языков): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2008.
- Митягина 2009 — *Митягина В. А.* Коммуникативные действия в академическом дискурсе: экзамен как жанр // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Михайлов 2003 — *Михайлов С. Н.* Жанры естественной письменной русской речи в сфере электронной коммуникации // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. II. Теория и практика современной письменной речи // Мат-лы конф. Барнаул, 2003.
- Михайлова 1999 — *Михайлова Е. В.* Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.

- Михальская 1992 — *Михальская А. К.* Пути развития отечественной риторики: утрата и поиски речевого идеала // НДВШ. Филологические науки. 1992. № 3.
- Михальская 1996 — *Михальская А. К.* Основы риторики. Мысль и слово. М., 1996.
- Мишланов 2003 — *Мишланов В. А.* Молитва как речевой жанр // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003.
- Мищенко 1999 — *Мищенко В. Я.* Комплімент в мовленнєвій поведінці представників англомовних (британської та американської) культур: Автореф. дисс. ... канд. філол. наук. Харків, 1999.
- Москаева 2008 — *Москаева Е. А.* Параметры коммуникативной ситуации «разговор с позиции силы» // Филологические этюды. Вып. 11. Ч. III. Саратов, 2008.
- Москальская 1981 — *Москальская О. И.* Грамматика текста. М., 1981.
- Москвин 2005 — *Москвин В. П.* К соотношению понятий «речевой жанр», «текст» и «речевой акт» // Жанры речи. Вып. 4. Саратов, 2005.
- Москвин 2006 — *Москвин В. П.* Стилистика русского языка. Теоретический курс. Ростов на Дону, 2006.
- Мурзин, Штерн 1991 — *Мурзин Л. Н., Штерн А. С.* Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.
- Налимов 2003 — *Налимов В. В.* Вероятностная модель языка: о соотношении естественных и искусственных языков. Томск; М., 2003.
- Невинская 2006а — *Невинская М. Д.* Концептуальная оппозиция «народ — власть» в политическом дискурсе: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
- Невинская 2006б — *Невинская М. Д.* Письмо в газету как жанр политического дискурса // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс. Волгоград, 2006.
- Ненарокова 2006 — *Ненарокова М. Р.* Раннесредневековая латинская проповедь: взаимодействие жанров // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 4. Орел, 2006.
- Нестеров [http](http://flogiston.ru/articles/netpsy/netemotions) — *Нестеров В.* К вопросу об эмоциональной насыщенности межличностных коммуникаций в Интернете (<http://flogiston.ru/articles/netpsy/netemotions>).
- Нестеров, Нестерова [http](http://flogiston.ru/articles/netpsy/nesterov) — *Нестеров В., Нестерова Е.* Карнавальная составляющая как один из факторов коммуникативного феномена чатов (<http://flogiston.ru/articles/netpsy/nesterov>).
- Неудачина 2007 — *Неудачина Л. В.* Прагматика языка «застолья» (на материале английского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2007.
- Никитина 2005 — *Никитина Л. Б.* Образ-концепт «homo sapiens» через

- призму жанров русской речи *сентенция, портретирование, одобрение, порицание* // Жанры речи. Вып. 4. Саратов, 2005.
- Никишина 2007 — *Никишина Е. А.* Письмо в газету в эмиграции и в СССР в 20—30-е гг. XX века: письма-благодарности // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Николаева 1978 — *Николаева Т. М.* Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М., 1978.
- Николаева 1988 — *Николаева Т. М.* Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
- Никонорова 2005 — *Никонорова О. Г.* Малые рекламные жанры в прагматическом, когнитивном и ортологическом аспектах (на примере бегущей строки): Дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2005.
- Новый объяснительный словарь синонимов 2004 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 2004.
- Норман 1987 — *Норман Б. Ю.* Язык: знакомый незнакомец. Минск, 1987.
- Норман 1991 — *Норман Б. Ю.* Лингвистика каждого дня. Минск, 1991.
- Норман 2000 — *Норман Б. Ю.* Лингвистика и юмор (вместо предисловия) // Лингвисты шутят. Specimina philologiae slavicae. Bd. 126. München, 2000.
- Норман 2002 — *Норман Б. Ю.* Жанр разговорника: между текстом и языком // Жанры речи. Вып. 3. Саратов, 2002.
- Норман 2003 — *Норман Б. Ю.* К анализу анекдота как жанра непрямой коммуникации // Прямая и непрякая коммуникация. Саратов, 2003.
- Норман 2006 — *Норман Б. Ю.* Игра на гранях языка. М., 2006.
- Норман 2007 — *Норман Б. Ю.* Жанр шутливых объявлений в маршрутных такси // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Норман 2009 — *Норман Б. Ю.* Номинативное предложение в функции резюме (на материале художественных текстов) // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Одинцов 1980 — *Одинцов В. В.* Стилистика текста. М., 1980.
- Олешков 2007 — *Олешков М. Ю.* Системное моделирование институционального дискурса (на материале устных дидактических текстов): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Нижний Тагил, 2007.
- Олянич 2004 — *Олянич А. В.* Презентационная теория дискурса: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2004.
- Орлов 2003 — *Орлов О. М.* Проблемы типологии устных деловых жанров речи // Русская словесность. 2003. № 1.
- Орлова 1968 — *Орлова М. Н.* О характере соотношения вопроса и ответа

- в диалогической речи // Вопросы синтаксиса русского языка. Вып. 29. Уфа, 1968.
- Орлова 1995 — Орлова Н. В. Прагматика, стилистика, риторика смежных речевых жанров // Речь города: Тез. докл. Всероссийск. межвузовск. науч. конф. Омск, 1995.
- Орлова 1997 — Орлова Н. В. Жанры разговорной речи и их «стилистика обработка». К вопросу о соотношении стиля и жанра // Жанры речи. Вып. 1. Саратов, 1997.
- Орлова 1999 — Орлова Н. В. Коммуникативная ситуация — речевой жанр — языковая личность (на материале «Книги отзывов и предложений») // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999.
- Орлова 2007 — Орлова Н. В. Культурная обусловленность динамики жанра (на материале советов в журнальных публикациях разных эпох) // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Осетрова 2000 — Осетрова Е. В. Слухи в речевой и языковой действительности // Активные языковые процессы конца XX века: Тез. докл. междунар. конф. (IV Шмелевские чтения). М., 2000.
- Остин 1986 — Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
- ОТВ 1989 — Общение. Текст. Высказывание. М.: Наука, 1989.
- Отрощенко, Дегтярева 2000 — Отрощенко Е. Г., Дегтярева В. Г. Рецензия как жанр профессиональной речи пиармена // Языковая структура и социальная среда. Воронеж, 2000.
- Оцуп 1994 — Оцуп Н. Серебряный век русской поэзии // Н. Оцуп. Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах. СПб., 1994.
- Падучева 1985 — Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.
- Палкевич 2001 — Палкевич О. Я. Языковой портрет феномена иронии (на материале современного немецкого языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2001.
- Панкратова 2005 — Панкратова О. А. Лингвосемиотические характеристики спортивного дискурса: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.
- Панов 1962 — Панов М. В. Русский язык и советское общество. Проспект: Алма-Ата, 1962.
- Панченко 2006 — Панченко Н. Н. Донос как речевой жанр // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс. Волгоград, 2006.
- Панченко 2007 — Панченко Н. Н. Сплетни как жанр бытового общения // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Паперно 1978 — Паперно И. А. О реконструкции устной речи из пись-

- менных источников. Кружковая речь и домашняя литература в пушкинскую эпоху // Уч. записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 442. Тарту, 1978.
- Паповянец 2004 — *Паповянец Э. Г.* Перлокутивная функция речевого акта угрозы // Ювілейні четверті Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація: Мат-ли міжнар. науково-метод конфер. Харків: Харків. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна, 2004.
- Парсамов 1999 — *Парсамов В. С.* Язык и стиль «Русской Правды» // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999.
- Парсамова 2004 — *Парсамова В. Я.* Языковая личность ученого в эпистолярных текстах на материале писем Ю. М. Лотмана: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Саратов, 2004.
- Парсамова 2005 — *Парсамова В. Я.* «Жанр ... еще не родился» (к вопросу о жанровом самосознании Ю. М. Лотмана) // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 2005.
- Паршина 2005 — *Паршина О. Н.* Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: Дисс. ... докт. филол. наук. Саратов, 2005.
- Пастухов 2002 — *Пастухов А. Г.* Сорт текста «объявление о приеме на работу» в анализе коммуникативной ситуации // Проблемы подготовки специалистов социально-культурной сферы в условиях реформирования профессионального образования в России. Орел, 2002.
- Пастухов 2004 — *Пастухов А. Г.* Объявление о вакансии: между жанром и сортом текста // Жанры, типы и сорта текста. Вып. 1. Орел, 2004.
- Пастухов 2005 — *Пастухов А. Г.* Предметно-логическая основа в журнальных микротекстах (на примере типа текста «Musikkritik») // Профессиональное и нравственное становление специалистов социокультурной сферы России: традиции, преемственность и перспективы развития. Орел, 2005.
- Пастухов 2007 — *Пастухов А. Г.* Жанрово-стилистические особенности речевого жанра «portrait» (сравнительный анализ немецких, английских и русских текстов) // Дискурсивный континуум: текст — интертекст — гипертекст. Самара, 2007.
- Пастухов 2009 — *Пастухов А. Г.* Политический памфлет: (не)умирающий жанр? // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Петелина 1985 — *Петелина Е. С.* Некоторые особенности речевых актов похвалы и лести // Синтагматический аспект коммуникативной семантики. Нальчик, 1985.
- Петров, Герасимов 1988 — *Петров В. В., Герасимов В. И.* На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1988.

- Петрова 2000 — *Петрова Т. И.* Инсценированный квазидialog как особый жанр детской речи (на материале речи детей 6–8 лет): Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Владивосток, 2000.
- Пешков 1995 — *Пешков И. В.* Подступы к типологии речи. Аристотель и Розеншток-Хюсси: (о)познание времени или время говорить? // Риторика. № 1. М., 1995.
- Пешковский 1938 — *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
- Пиз 1992 — *Пиз А.* Язык телодвижений. Н. Новгород, 1992.
- Пименова 2009 — *Пименова М. В.* Особенности концептуализации жизни в мемуарах (на примере «Воспоминаний» П. Н. Милюкова) // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Писарек 1993 — *Писарек Л.* Сопоставительное изучение речевых актов // *Studia Rossica Posnaniensia*. 1993. С. 24.
- Плеханова 2005 — *Плеханова Т. Ф.* Дискурсивно-диалогическая организация художественного текста: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Минск, 2005.
- Плешакова 1997 — *Плешакова В. В.* Русские благопожелания (опыт типологии и истории): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997.
- Плисов 2005 — *Плисов Е. В.* Проповедь как тип текста: коммуникативно-функциональный аспект (на материале немецкого языка) // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 2. Орел, 2005.
- Плотникова 2000 — *Плотникова С. Н.* Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). Иркутск, 2000.
- Плотникова 2003 — *Плотникова С. Н.* Непрямое общение в беседе // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003.
- Подберезкина 1994 — *Подберезкина Л. З.* Речевые жанры в корпоративном общении (методологический аспект) // Филология-Журналистика'94.
- Подъяпольская 2007 — *Подъяпольская О. Ю.* Эпистолярный текст в аспекте жанроведения... // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 5. Орел, 2007.
- Ползунова 2008 — *Ползунова М. В.* «Объяснение в любви» как сложный речевой жанр: лексика, грамматика, прагматика: Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. Екатеринбург, 2008.
- Поливанов 1968 — *Поливанов Е. Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Полищук, Сиротинина 1979 — *Полищук Г. Г., Сиротинина О. Б.* Разговорная речь и художественный диалог // Лингвистика и поэтика. М., 1979.

- Полякова 1999 — *Полякова Е. В.* Письмо-упрек // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999.
- Полякова 2001 — *Полякова Е. В.* Отрицательная оценка в русских письмах: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001.
- Полякова 2007 — *Полякова Е. С.* Реализация категории оценки в жанре этического кодекса // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 5. Орел, 2007.
- Попова 1995 — *Попова Е. А.* Культурно-языковые характеристики политического дискурса (на материале газетных интервью): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1995.
- Попова 2005 — *Попова Е. С.* Рекламный текст и проблемы манипуляции: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
- Попова 2002 — *Попова Т. И.* Телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте. СПб., 2002. (Филологические исследования).
- Поройкова 1976 — *Поройкова Н. И.* Функционирование средств выражения согласия — несогласия в диалоге // Функциональный анализ грамматических категорий и единиц. Л., 1976.
- Поспелова 2001 — *Поспелова А. Г.* Речевые приоритеты в английском языке: Дисс ... докт. филол. наук. СПб., 2001.
- Поспелова, Шустрова 2003 — *Поспелова А. Г., Шустрова Е. Н.* Косвенные коммуникативные единицы, связанные с манипулированием и мистификацией // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003.
- Потебня 1976 — *Потебня А. А.* Эстетика и поэтика. М., 1976.
- Походня 1989 — *Походня С. И.* Языковые виды и средства реализации иронии. Киев: Наукова думка, 1989.
- Почепцов 1981 — *Почепцов Г. Г.* Фатическая метакоммуникация // Семантика и прагматика синтаксических единств. Калинин, 1981.
- Почепцов 1986 — *Почепцов Г. Г.* Молчание как знак // Анализ знаковых систем: история логики и методологии науки. Киев, 1986.
- Почепцов 1990 — *Почепцов Г. Г.* (мл.)/ Слухи как семиотический феномен // Логика, психология и семиотика: аспекты взаимодействия. Киев, 1990.
- Прибыткова 2004 — *Прибыткова С. А.* Семантико-прагматические особенности электронной рецензии как вторичного текста (на материале английского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004.
- Привалова 2007 — *Привалова И. В.* Речевые жанры сквозь призму культурных измерений // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Проблемы речевой коммуникации 2004 — Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Си-

- ротининой. Саратов, 2004. Вып. 4. Власть и речь.
- Прозоров 1997 — *Прозоров В. В.* Молва как филологическая проблема // Жанры речи. Вып. 1. Саратов, 1997.
- Прозоров 2002 — *Прозоров В. В.* Крылатые выражения и ситуации // Жанры речи. Вып. 3. Саратов, 2002.
- Прозоров 2009 — *Прозоров В. В.* Очередь за дефицитом как речевой жанр // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Прокофьев 1988 — *Прокофьев Г. Л.* Ирония как прагматический компонент высказывания (на матер. англ. яз.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1988.
- Проничев 1996 — *Проничев В. П.* Комплимент как средство создания речевого комфорта // Аспекты речевой конфликтологии. СПб., 1996.
- Пропп 1976 — *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность. М., 1976.
- Прохватилова 1994 — *Прохватилова О. А.* Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград, 1994.
- Прохвачева 2000 — *Прохвачева О. Г.* Лингвокультурный концепт «приватность» (на матер. американского варианта англ. яз.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.
- Прямая и непрямая коммуникация 2003 — Прямая и непрякая коммуникация. Саратов, 2003.
- Пузикова 2007 — *Пузикова З. Г.* Функционально-стилевые варианты доказательства в русском литературном языке начала XXI в.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007.
- Пчелинцева 2003 — *Пчелинцева М. С.* Взаимодополняемость вербально-визуальных элементов информации в семиотическом пространстве рекламного дискурса: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003.
- Рабенко 2008 — *Рабенко Т. Г.* Благодарность: модель речевого общения и языковые средства ее реализации // Труды по когнитивной лингвистике. Кемерово, 2008. Серия «Концептуальные исследования». Вып. 10.
- Рабинович 2007 — *Рабинович Е. Л.* Выражение интеллектуального превосходства в русской и английской лингвокультурах (на материале интернет-форумов) // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Радченко 2005 — *Радченко В. В.* Архитектоника делового письма (сопоставительный анализ английской, немецкой и русской деловой корреспонденции): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2005.
- Ранних 1994 — *Ранних Н. А.* Речевой акт пожелания и способы его выражения в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1994.

- Ратмайр 2003 — *Ратмайр Р.* Прагматика извинения: сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М., 2003.
- Рахилина 2000 — *Рахилина Е. В.* О тенденциях в развитии когнитивной семантики // ИАН СЛЯ. 2000. Т. 59. № 3.
- Рейманкова 1977—1978 — *Рейманкова Л.* К вопросу о языке интервью // *Rusky jazyk*. 28. 1977—1978.
- Рехтин 2005 — *Рехтин Л. В.* Речевой жанр инструкции: полевая организация: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005.
- Рикер 1995 — *Рикер П.* Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995.
- Рогалева 2005 — *Рогалева О. С.* Брачное объявление как речевой жанр рекламного дискурса (коммуникативно-прагматический и когнитивный аспекты): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2005.
- Рогачева 2007 — *Рогачева Н. Б.* Новые приоритеты в русском интернет-общении: на материале жанра блога // *Жанры речи*. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Рогачева 2009 — *Рогачева Н. Б.* Язык и стиль вторичных речевых жанров: на материале интернет-общения // *Жанры речи*. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Рождественский 1978 — *Рождественский Ю. В.* О правилах ведения речи по данным пословиц и поговорок // *Паремиологический сборник*. М., 1978.
- Розанова 2003 — *Розанова Н. Н.* Сфера религиозной коммуникации: храмовая проповедь // *Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация*. М., 2003.
- Романенко 1997 — *Романенко А. П.* Канцелярит: риторический аспект (о книге К. И. Чуковского «Живой как жизнь») // *Риторика*. 1997. № 1(4).
- Романенко, Санджи-Гаряева 2002 — *Романенко А. П., Санджи-Гаряева З. С.* Общелингвистические основания советской жанровой системы // *Жанры речи*. Вып. 3. Саратов, 2002.
- Романова 2008 — *Романова О. В.* Адресованность и интертекстуальность газетного интервью как жанра журналистского дискурса: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.
- Романова 2008 — *Романова О. Н.* Лингвосомиотическая стереотипизация персонажей в кинотексте молодежной комедии: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
- Ромметвейт 1972 — *Ромметвейт Р.* Слова, значения и сообщения // *Психолингвистика за рубежом*. М., 1972.
- Ростова 2007 — *Ростова А. Н.* Записка школьная // *Антология речевых жанров: повседневная коммуникация*. М., 2007.

- Ростоцкая 2007 — *Ростоцкая Е. Б.* Специфика коммуникации в телевизионном ток-шоу // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе*. Вып. 5. Орел, 2007.
- PPP 1970 — *Русская разговорная речь*. Саратов, 1970.
- PPP 1973 — *Русская разговорная речь*. М., 1973.
- PPP 1978 — *Барина Г. А., Земская Е. А., Капанадзе Л. А., Красильникова Е. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978.
- PPP 1981 — *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
- PPP 1983 — *Русская разговорная речь*. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
- Рудов 2005 — *Рудов П. А.* Информативный диалог конфликтного типа: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005.
- Рудова 2008 — *Рудова Ю. В.* Жанровый статус медицинского буклета: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
- Руссинова 2006 — *Руссинова Т. В.* Особенности функционирования запрета (на матер. русск. и англ. яз.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.
- Русский семантический словарь 2003 — *Русский семантический словарь/Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. III. Имена существительные с абстрактным значением. Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество.* М.: Азбуковник, 2003.
- Рытникова 1996 — *Рытникова Я. Т.* Семейная беседа: обоснование и риторическая трактовка жанра: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1996.
- Рытникова 1997 — *Рытникова Я. Т.* Семейная беседа как жанр повседневного речевого общения // *Жанры речи*. Вып. 1. Саратов, 1997.
- Рябова 1983 — *Рябова Л. Г.* Разговорность речи персонажей (способы создания, авторское своеобразие): Автореф. дисс. канд. филол. наук. Саратов, 1983.
- Рябцева 2007 — *Рябцева Н. К.* Металингвистика межкультурного делового общения: от стиля к жанру // *Жанры речи*. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Савицкайте 2006 — *Савицкайте Е. Р.* Дискурсивные характеристики прогностических текстов (на материале немецких гороскопов): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006.
- Сажина 2008 — *Сажина Е. В.* Отклики читателей как жанр англоязыч-

- ного полемического дискурса // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 6. Орел, 2008.
- Салимовский 1999а — *Салимовский В. А.* Функционально-стилистическая традиция изучения жанров речи // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999.
- Салимовский 1999б — *Салимовский В. А.* Жанры речи: рецензия на первый выпуск сборника «Жанры речи» // *Stylistyka VIII*. 1999. Opole, 1999.
- Салимовский 2000 — *Салимовский В. А.* Жанры речи как функционально-стилистический феномен // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.
- Салимовский 2001 — *Салимовский В. А.* Некоторые эвристические следствия из жанроведческого подхода в стилистике: проблема стилей языка и стилей речи // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2001.
- Салимовский 2002а — *Салимовский В. А.* Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь, 2002.
- Салимовский 2002б — *Салимовский В. А.* Есть ли у жанроведения границы в пределах коммуникативной лингвистики? // Жанры речи. Вып. 3. Саратов, 2002.
- Санников 1999 — *Санников В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- Саранцацрал 1993 — *Саранцацрал Ц.* Речевые акты побуждения, их типы и способы выражения в русском языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1993.
- Сахарова 2006 — *Сахарова О. В.* Реализация игровых стратегий и тактик трикстера в коммуникативном пространстве Киева // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. М., 2006.
- Сахарова 2007 — *Сахарова О. В.* Адресованная ирония (языковые механизмы комического в эпиграммах) // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М., 2007.
- Святогор 1960 — *Святогор И. П.* О некоторых особенностях синтаксиса диалогической речи. Калуга, 1960.
- Святогор 1967 — *Святогор И. П.* Типы диалогических реплик в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1967.
- Седов 1997 — *Седов К. Ф.* Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ссора», «комплимент», «колкость» // Жанры речи. Саратов, 1997.
- Седов 1998 — *Седов К. Ф.* Анатомия жанров бытового общения // Вопросы стилистики. Вып. 27. Саратов, 1998.

- Седов 1999 — *Седов К. Ф.* Становление дискурсивного мышления языковой личности. Психо- и социолингвистический аспекты. Саратов, 1999.
- Седов 2000 — *Седов К. Ф.* Речевое поведение и типы языковой личности // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.
- Седов 2001 — *Седов К. Ф.* Жанр и коммуникативная компетенция // Хорошая речь. Саратов, 2001.
- Седов 2002 — *Седов К. Ф.* Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров // Жанры речи. Вып. 3. Саратов, 2002.
- Седов 2003 — *Седов К. Ф.* Агрессия как вид речевого воздействия // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003.
- Седов 2005 — *Седов К. Ф.* Психолингвистика в анекдотах. М., 2005.
- Седов 2006а — *Седов К. Ф.* Жанры «праздноречевой» коммуникации: *болтовня, светская беседа, разговор по душам* // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 6. Саратов, 2006.
- Седов 2006б — *Седов К. Ф.* Нейтральные жанры в коммуникативном пространстве современной России // *Stylistyka XV*. 2006. Opole, 2006.
- Седов 2007а — *Седов К. Ф.* Психолингвистический аспект изучения речевых жанров // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007.
- Седов 2007б — *Седов К. Ф.* Анекдот // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007.
- Седов 2007с — *Седов К. Ф.* Разговор // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007.
- Седов 2007d — *Седов К. Ф.* Ссора // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007.
- Седов 2007е — *Седов К. Ф.* К основаниям лингвистики индивидуальных различий (о принципах речевого портретирования) // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 7. Саратов, 2007.
- Седов 2007f — *Седов К. Ф.* Дискурсно-жанровое членение речи как альтернативная стилистика // Текст. Дискурс. Жанр // Мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. Балашов, 2007.
- Седых 2004 — *Седых А. П.* Языковая личность и этнос: национально-культурные особенности коммуникативного поведения русских и французов. М., 2004.
- Серебрякова 2002 — *Серебрякова Р. В.* Национальная специфика речевых актов комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002.
- Серкова 1978 — *Серкова Н. И.* Предпосылки членения текста на сверхфразовом уровне // ВЯ. 1978. № 8.

- Серль 1986 — *Серль Дж. Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
- Серль 1987 — *Серль Дж. Р.* Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык. М., 1987.
- Серль, Вандервекен 1986 — *Серль Дж. Р., Вандервекен Д.* Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. М., 1986.
- Сибирякова 1996 — *Сибирякова И. Г.* Тематическое структурирование разговорного диалога: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 1996.
- Сибирякова 1997 — *Сибирякова И. Г.* Тема и жанр в разговорной речи // Жанры речи. Вып. 1. Саратов, 1997.
- Силантьев 2004 — *Силантьев И. В.* Текст в системе дискурсных взаимодействий // Критика и семиотика. Вып. 7. Новосибирск, 2004.
- Синдаловский 2003 — *Синдаловский Н. А.* Хроника Санкт-Петербурга: годы, события, легенды. СПб.: Норинт, 2003.
- Сиротинина 1974 — *Сиротинина О. Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.
- Сиротинина 1994 — *Сиротинина О. Б.* Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек — текст — культура. Екатеринбург, 1994.
- Сиротинина 1995 — *Сиротинина О. Б.* Разговорная речь в системе литературного языка и разговорность в истории русской художественной речи // Stylistyka IV. Opole, 1995.
- Сиротинина 1999 — *Сиротинина О. Б.* Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999.
- Сиротинина 2003 — *Сиротинина О. Б.* Речевая культура // Стилистический энциклопедический словарь. М., 2003.
- Сиротинина 2008 — *Сиротинина О. Б.* Речь города: проблемы, аспекты и трудности изучения // Язык современного города: Тез. докл. междунар. конф. (8-е Шмелевские чтения). М., 2008.
- Скрбнев 1985 — *Скрбнев Ю. М.* Введение в коллоквиалистику. Саратов, 1985.
- Слышкин 1999 — *Слышкин Г. Г.* Лингвокультурные концепты прецедентных текстов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
- Слышкин 2000 — *Слышкин Г. Г.* От текста к символу. М., 2000.
- Слышкин 2004 — *Слышкин Г. Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2004.
- Слышкин 2005 — *Слышкин Г. Г.* Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // Жанры речи. Вып. 4. Саратов, 2005.

- Слышкин 2007 — *Слышкин Г. Г.* Лингвокультурный концепт «страшное» в смеховой картине мира // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М., 2007.
- Сметюк 1994 — *Сметюк И. Н.* Диалогический текст: коммуникативно-динамический и лингводидактический аспекты (на материале английского и русского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 1994.
- Смирнов 2004 — *Смирнов Ф. О.* Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2004.
- Со Ын Ен 2000 — *Со Ын Ен.* Речевой жанр современного церковно-религиозного послания: Автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 2000.
- Соковнин 1974 — *Соковнин М. В.* О природе человеческого общения: опыт философского анализа. Фрунзе, 1974.
- Соколов 2002 — *Соколов К. Б.* Анекдот и официальная картина мира // Между обществом и властью: массовые жанры от 20-х к 80-м годам XX века. М., 2002.
- Солганик 1978 — *Солганик Г. Я.* Введение // В. Н. Вакуров, Н. Н. Кохтев, Г. Я. Солганик. Стилистика газетных жанров. М., 1978.
- Соловьева 2007 — *Соловьева А. А.* Речевой жанр «совет» в разных типах дискурса (на материале современного английского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007.
- Соловьева 1965 — *Соловьева А. К.* О некоторых общих вопросах диалога // ВЯ. 1965. № 6.
- Соловьева 2006 — *Соловьева Ю. Г.* Обвинение // Антология концептов. Т. 4. Волгоград, 2006.
- Соломоник 1995 — *Соломоник А.* Семиотика и лингвистика. М., 1995.
- Соссюр 1977 — *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977.
- Старобинский 2002 — *Старобинский Ж.* Поэзия и знание: история литературы и культуры. Т. 1. М., 2002.
- Стексова 1992 — *Стексова Т. И.* Угроза как речевой жанр // Функциональный анализ значимых единиц русского языка. Новокузнецк, 1992.
- Стексова 2004 — *Стексова Т. И.* Функционально-стилевые варианты речевого жанра просьбы // Проблемы интерпретационной лингвистики: интерпретаторы и типы интерпретации. Новосибирск, 2004.
- Стексова, Боброва 1991 — *Стексова Т. И., Боброва В. М.* Ситуация речевого несогласия (семантико-структурный аспект) // Функциональный анализ значимых языковых единиц в парадигматике и синтагматике. Новосибирск, 1991.
- Степанов 2005 — *Степанов А. Д.* Проблемы коммуникации у Чехова. М., 2005.

- Степанов 2003 — *Степанов В. Н.* Провокативный дискурс социально-культурной коммуникации. СПб., 2003.
- Степанов 2006 — *Степанов В. Н.* Провокативные жанры в текстах массовой коммуникации // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе*. Вып. 4. Орел, 2006.
- Степанов 1997 — *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
- Стернин 1996 — *Стернин И. А.* Светское общение. Воронеж, 1996.
- Стернин 2001 — *Стернин И. А.* Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.
- Стернин 2003 — *Стернин И. А.* Почему русский человек не любит светское общение? // *Прямая и непрямая коммуникация*. Саратов, 2003.
- Стернин 2006 — *Стернин И. А.* Можно ли упростить стилистическую парадигму для рядового носителя языка? // *Язык художественной литературы*. Литературный язык: Сб. ст. к 80-летию Мары Борисовны Борисовой. Саратов, 2006.
- Стернин 2009 — *Стернин И. А.* Речевой жанр «общение на отдыхе» // *Жанры речи*. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Стернин, Шилихина 2001 — *Стернин И. А., Шилихина К. М.* Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж, 2001.
- Стрельникова 2005 — *Стрельникова М. А.* Национальные особенности речевого жанра телеинтервью в российской и американской коммуникативных культурах: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005.
- Суркова 2008 — *Суркова Е. В.* Жанр конференции в научном и научно-учебном дискурсе // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе*. Вып. 6. Орел, 2008.
- Сусов 1983 — *Сусов И. П.* К предмету прагмалингвистики // *Содержательные аспекты предложения и текста*. Калинин, 1983.
- Сусов 1989 — *Сусов И. П.* Личность как субъект языкового общения // *Личностные аспекты языкового общения*. Калинин, 1989.
- Суханова, Суханов 2002 — *Суханова Е. М., Суханов М.* Письмо как жанр естественной письменной речи // *Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты*. Ч. I. Проблемы письменной речи и развитие языкового чувства // *Мат-лы конф.* Барнаул, 2002.
- Суханова 1984 — *Суханова И. Д.* Композиционно-структурные и лингвистические параметры текстов жанра коммерческой корреспонденции английского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984.
- Сухих, Зеленская 1997 — *Сухих С. А., Зеленская В. В.* Репрезентативная сущность личности в коммуникативном аспекте реализаций. Краснодар, 1997.

- Сухих, Зеленская 1998 — *Сухих С. А., Зеленская В. В.* Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. Краснодар, 1998.
- Сыщиков 2000 — *Сыщиков О. С.* Имплицитность в деловом дискурсе (на материале английских коммерческих писем): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.
- Тамарченко 1982 — *Тамарченко Н. Д.* Художественный диалог и проблема завершения реалистического романа // Жанр и проблема диалога. Махачкала, 1982.
- Тарасенко 1999 — *Тарасенко Т. В.* Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1999.
- Тарасов 1974 — *Тарасов Е. Ф.* Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации // Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
- Тарасов 1977 — *Тарасов Е. Ф.* Место речевого общения в коммуникативном акте // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.
- Тарасова 2007 — *Тарасова И. А.* Коммуникативная модель жанра «поэтическое послание»: инвариант и культурные трансформации // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Тарасова 2009 — *Тарасова И. А.* Жанр дневника в поэзии Георгия Иванова // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Татарникова 2004 — *Татарникова Н. М.* Координация первичного и вторичного речевых жанров в официально-деловом стиле (на примере допроса и протокола допроса): Автореф. дисс... канд. филол. наук. Кемерово, 2004.
- Татару, Гипсон 2007 — *Татару Л. В., Гипсон П. Л.* Текст и дискурс как основа межличностной и межкультурной коммуникации // Текст. Дискурс. Жанр: Мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. Балашов, 2007.
- Текст. Дискурс. Жанр 2007 — Текст. Дискурс. Жанр. // Мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. Балашов, 20—21 сентября 2007 г. Балашов; Николаев, 2007.
- Телесин 1986 — *Телесин Ю.* 1001 избранный советский политический анекдот. Самиздат/Тенафли: Эрмитаж, 1986.
- Теория и практика разговорной речи 1974 — Теория и практика разговорной речи. Горький, 1974.
- Теплицкая 1984 — *Теплицкая Н. И.* Диалог с позиции теории актуального членения // Филологические науки. 1984. № 4.
- Тестоедова 2004 — *Тестоедова Т. В.* Молитва как речевой жанр и ее раз-

- новидности // Лингвистика и межкультурная коммуникация: Мат-лы регион. науч. конф. Поволжья и Северо-Кавказского региона. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2004.
- Толстая 2006 — *Толстая С. М.* Постулаты московской этнолингвистики // *Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury*. № 18. Lublin, 2006.
- Трипольская 1997a — *Трипольская Т. А.* Речевой жанр уничижения и самоуничижения в эмотивно-оценочном дискурсе языковой личности // *Функционирование языка в различных речевых жанрах (Лиманчик — 97)* // Мат-лы Всерос. науч. конф. Вып. 2. Ростов на Дону, 1997.
- Трипольская 1997b — *Трипольская Т. А.* Семантико-прагматическое описание похвалы и комплимента // *Актуальные проблемы русистики: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф.* Екатеринбург, 1997.
- Трипольская 1998 — *Трипольская Т. А.* Речевой жанр самооценки с позиций когнитивной лингвистики // *Языковая компетенция: грамматика и словарь. Ч. 2. Проявление языковой компетенции говорящих в построении высказываний различных типов.* Новосибирск, 1998.
- Троицкий 1999 — *Троицкий Ю. Л.* Эпистолярный дискурс в России XIX века: пощечина, розыгрыш, дуэль // *Традиция и литературный процесс.* Новосибирск: СО РАН, 1999.
- Трофимова 2006 — *Трофимова Н. А.* Речевые акты извинения в диалогическом дискурсе // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе.* Вып. 4. Орел, 2006.
- Троянская 1982 — *Троянская Е. С.* Лингвистическое исследование немецкой научной литературы. М., 1982.
- Троянская 1986 — *Троянская Е. С.* Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей // *Общие и частные проблемы функциональных стилей.* М., 1986.
- Тряпицына 1999 — *Тряпицына Е. В.* Категория точности художественного текста: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
- Туманян 1985 — *Туманян Э. Г.* Язык как система социолингвистических систем. М., 1985.
- Тупикова 2003 — *Тупикова С. Е.* Развитие бытового речевого этикета как функционально-семантической универсалии (на мат-ле художественных текстов XIX–XX вв.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.
- Тырникова 2003 — *Тырникова Н. Г.* Общее и специфически национальное в речевом этикете (на материале русского и английского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003.
- Тырыгина 2008 — *Тырыгина В. А.* Восемь признаков жанра // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе.* Вып. 6. Орел, 2008.
- Тюкаева 2005 — *Тюкаева Н. И.* Студенческое граффити как жанр есте-

- ственной письменной русской речи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005.
- Тютенко 1999 — *Тютенко А. А.* К проблеме лингвопрагматического анализа намека // *Вісник Харків. держ. ун-ту.* 1999. № 435.
- Уваров 1992 — *Уваров М. С.* Текст как исповедь // *Язык и текст: онтология и рефлексия: Мат-лы к I Междунар. филос.-культуролог. чтениям.* СПб., 1992.
- Уваров 1998 — *Уваров М. С.* Архитектоника исповедального слова. СПб.: Алетейя, 1998.
- Уздина 2002 — *Уздина Е. М.* О национально-культурной обусловленности флирта // *Жанры речи.* Вып. 3. Саратов, 2002.
- Универсалоук 2008 — *Универсалоук Е. А.* Открытое письмо как дискурсивная модель социального диалога в области иммиграции в Италии // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе.* Вып. 6. Орел, 2008.
- Урванцев 2006 — *Урванцев К. Г.* Жанры современной теле- и радиорекламы (риторический аспект): Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
- Урысон 1997 — *Урысон Е. В.* Архаичные представления в русской языковой картине мира: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1997.
- Успенский 1965 — *Успенский Б. А.* Структурная типология языков. М., 1965.
- Успенский 1996 — *Успенский Б. А.* Мифологический аспект русской экспрессивной этимологии // *Б. А. Успенский. Избранные труды.* Т. 2. М., 1996.
- Ухова 2001 — *Ухова Л. В.* Речевые средства реализации авторского намерения в жанре телеинтервью (на материале программ К. Прошутинской «Мужчина и женщина» и А. Караулова «Момент истины»): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2001.
- Фатеев 2007 — *Фатеев П. С.* Ворчание как речевой жанр // *Филологические этюды.* Вып. 10. Ч. III. Саратов, 2007.
- Федорова 1991 — *Федорова Л. Л.* Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // *ВЯ.* 1991. № 6.
- Федосюк 1988 — *Федосюк М. Ю.* Неявные способы передачи информации в тексте. М., 1988.
- Федосюк 1993 — *Федосюк М. Ю.* «Стиль» ссоры // *Русская речь.* 1993. № 5.
- Федосюк 1996 — *Федосюк М. Ю.* Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» // *Русская разговорная речь как явление городской культуры.* Екатеринбург, 1996.
- Федосюк 1997а — *Федосюк М. Ю.* Нерешенные вопросы теории речевых жанров // *ВЯ.* 1997. № 5.

- Федосюк 1997b — *Федосюк М. Ю.* Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // *Жанры речи*. Вып. 1. Саратов, 1997.
- Федосюк 1997c — *Федосюк М. Ю.* Семантика существительных речевой деятельности и теория жанров речи // *Русское слово в языке, тексте и культурной среде*. Екатеринбург, 1997.
- Федотовских 2005 — *Федотовских Т. Г.* Листовка как жанр политического дискурса: когнитивно-прагматический анализ: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
- Фенина 2005 — *Фенина В. В.* Речевые жанры *small talk* и *светская беседа* в англо-американской и русской культурах: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005.
- Филимонова 2003 — *Филимонова О. Е.* Выражение восхищения в текстах разных жанров // *Антропоцентризм в языке и речи*. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003.
- Филиппов 2008 — *Филиппов В. О.* Дзен-буддийские коаны: приближение к истине по сути посредством удаления от нее по форме // *Логический анализ языка. Между ложью и фантазией*. М., 2008.
- Филиппова 2005 — *Филиппова М. М.* Ирония и сарказм в английском языке и культуре (пособие для студентов гуманитарных вузов). М.: МАКС Пресс, 2005.
- Филлмор 1983 — *Филлмор Ч.* Основные проблемы лексической семантики // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 12. М., 1983.
- Филлмор 1988 — *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 23. М., 1988.
- Филонова 1998 — *Филонова Ю. Ю.* Когнитивные и прагмалингвистические особенности опосредованных деловых переговоров на морском транспорте: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1998.
- Формановская 1989 — *Формановская Н. И.* Речевой этикет и культура общения. М., 1989.
- Формановская 1998 — *Формановская Н. И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998.
- Формановская 2003 — *Формановская Н. И.* Объявление — реклама — рекламное объявление (к уточнению характеристики жанра) // *Проблемы речевой коммуникации*. Вып. 3. Саратов, 2003.
- Фрейд 1925 — *Фрейд З.* Остроумие и его отношение к бессознательному. М., 1925.
- Фрейденберг 1997 — *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.
- Функциональная стратификация языка 1985 — *Функциональная стратификация языка*. М., 1985.

- Хаймс 1975 — *Хаймс Д. Х.* Этнография речи // Новое в лингвистике. Вып. 7. М., 1975.
- Хвощевский 2002 — *Хвощевский Р. В.* Натяк як мовленнєва стратегія: Автореф. дисс. ... канд. філол. наук. Киев, 2002.
- Хейзинга 1992 — *Хейзинга Й.* Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.
- Хесс-Люттих 2007 — *Хесс-Люттих Эрнест В. Б.* Коммуникативные функции жанра модерации в передачах частных радиостанций Швейцарии // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 5. Орел, 2007.
- Химик 2000 — *Химик В. В.* Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб., 2000.
- Химик 2004 — *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.
- Хоанг Ань 1993 — *Хоанг Ань.* Высказывания со значением разрешения и запрещения в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1993.
- Холквист 1997 — *Холквист М.* Внутренняя речь как социальная риторика // Риторика. 1997. № 1.
- Хомский 1962 — *Хомский Н.* Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962.
- Хорешко 2005 — *Хорешко О. Н.* Жанровый аспект положительной оценки лица: Дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005.
- Хорошая речь 2001 — Хорошая речь. Саратов, 2001.
- Хохлова 2004 — *Хохлова Н. В.* Способы и средства реализации коммуникативной категории угрозы в русском и английском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
- Храковский, Володин 1986 — *Храковский В. С., Володин А. П.* Семантика и типология императива: русский императив. Л., 1986.
- Хэнкс 2007 — *Хэнкс В. Ф.* Диалог как средство обращения в христианство и миссионерский дискурс в колониальном Юкатане // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Царикевич 2007 — *Царикевич Н. В.* Социопрагматика текста брачного рекламного объявления (сравнительно-сопоставительный анализ русских и немецких текстов брачных рекламных объявлений): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2007.
- Чалбышева 2006 — *Чалбышева А. В.* Прагмалингвистический аспект речевых жанров научного стиля (на материале немецких и русских текстов подъязыка физики): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов на Дону, 2006.
- Чарняк 1983 — *Чарняк Ю.* Умозаключения и знания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. М., 1983.

- Чарыкова 2007 — *Чарыкова О. Н.* Жанровые разновидности текстов газетной рекламы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 5. Орел, 2007.
- Чахоян 1979 — *Чахоян Л. П.* Синтаксис диалогической речи современного английского языка. М., 1979.
- Чейф 1983 — *Чейф У.* Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. М., 1983.
- Чекменева 1986 — *Чекменева Н. А.* Речевые акты взаимного неодобрения со значением спора и ссоры в современном английском языке // Речевые акты в лингвистике и методике. Пятигорск, 1986.
- Человеческий фактор в языке 1991 — Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., 1991.
- Человеческий фактор в языке 1992 — Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.
- Черватюк 2006 — *Черватюк И. С.* Власть как коммуникативная категория: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
- Черемисина 1990 — *Черемисина С. Н.* Textoобразующая функция тезиса в композиционно-речевой форме «рассуждение» // Textoобразующие потенции языковых единиц и категорий. Барнаул, 1990.
- Черкасова 2006 — *Черкасова И. С.* Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации в русских и немецких объявлениях о знакомстве: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
- Чернявская 2004 — *Чернявская В. Е.* Интерпретация научного текста. СПб., 2004.
- Черник 2002 — *Черник В. Б.* Фатические речевые жанры в педагогическом дискурсе и тексте урока: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
- Чигридова 1999 — *Чигридова Н. Ю.* Речевое поведение коммуниканта в жанре деловых эпистолярных: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
- Чинова 1999 — *Чинова Л. Н.* Просьба о прощении и принесение извинения // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999.
- Чиркова 1997 — *Чиркова О. А.* Поэтика современного народного анекдота: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997.
- Чубарян 1994 — *Чубарян Т. Ю.* Семантика и прагматика речевых жанров юмора: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1994.
- Чуковский 1990 — *Чуковский К. И.* Живой как жизнь // К. И. Чуковский. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1990.
- Шалина 2007 — *Шалина И. В.* Культурный сценарий «супружеская измена» (по разговорам-воспоминаниям носителей уральского просторечия) // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.

- Шамьенова 2001 — *Шамьенова Г. Р.* Вежливость как качество хорошей речи // Хорошая речь. Саратов, 2001.
- Шанский, Боброва 1994 — *Шанский Н. М., Боброва Т. А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1994.
- Шапир 2007 — *Шапир М. И.* Донос: социолингвистический аспект. Игра словами как средство языковой политики. // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. М., 2006.
- Шаповалова 2007 — *Шаповалова Н. Г.* ОРФО-арт: карнавальное общение в виртуальной реальности // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Шарифуллин 2002 — *Шарифуллин Б. Я.* Русская татуировка: герменевтика и прагматика синкретического жанра письменной речи // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. 1. Барнаул, 2002.
- Шарифуллин 2008 — *Шарифуллин Б. Я.* Речезанровое пространство города и тексты городской среды // Язык современного города: Тез. докл. междунар. конф. (8-е Шмелевские чтения). М., 2008.
- Шаронина 1995 — *Шаронина М. Г.* Семиотические аспекты тостов: исторические корни и современность // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. 3-я междунар. науч. конф. 29 мая — 4 июня. Тез. докл./Челяб. гос. ун-т, РАН, Ин-т востоковедения и др. Челябинск, 1995. Ч. 3. Фольклор и этнография народов России. Взаимодействие музыкальных культур.
- Шатуновский 1991 — *Шатуновский И. Б.* «Правда», «истина», «искренность», «правильность» и «ложь» как показатели соответствия/несоответствия содержания предложения мысли и действительности // Логический анализ языка: культурные концепты. М., 1991.
- Шатуновский 2007 — *Шатуновский И. Б.* Ирония и ее виды // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М., 2007.
- Шахнарович 1979 — *Шахнарович А. М.* Психолингвистические проблемы овладения общением в онтогенезе // Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, А. М. Шахнарович. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979.
- Шаховский 2005 — *Шаховский В. И.* Ложь (вранье) как речевой жанр (к теории жанрообразующих признаков) // Жанры речи. Вып. 4. Саратов, 2005.
- Шведова 1960 — *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
- Швейгер-Лерхенфельд 1998 — *Швейгер-Лерхенфельд А. Ф.* Женщина, ее жизнь, нравы и общественное положение у всех народов земного шара. М., 1998.

- Шевченко [http](http://flogiston.ru/articles/netpsy/shevchenko) — *Шевченко И.* Некоторые психологические особенности общения посредством Internet (<http://flogiston.ru/articles/netpsy/shevchenko>).
- Шевченко 2009 — *Шевченко И. С.* Гибридная природа извинения: когнитивно-прагматический анализ // *Жанры речи*. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Шейгал 2000а — *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000.
- Шейгал 2000б — *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2000.
- Шейгал 2002 — *Шейгал Е. И.* Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // *Жанры речи*. Вып. 3. Саратов, 2002.
- Шейгал 2004 — *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. М., 2004.
- Шейгал 2005 — *Шейгал Е. И.* Параметры доверительного общения // *Человек в коммуникации: аспекты исследования*. Волгоград, 2005.
- Шейгал 2006 — *Шейгал Е. И.* Концепты и категории дискурса // *Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс*. Волгоград, 2006.
- Шейгал, Черватюк 2007 — *Шейгал Е. И., Черватюк И. С.* Типы жанров и градация коммуникативной власти // *Жанры речи*. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Шемарова, Гайсина 2005 — *Шемарова В. А., Гайсина Р. М.* Встреча, приветствие, прощание, расставание // *Антология концептов*. Т. 2. Волгоград, 2005.
- Шемякина 2004 — *Шемякина А. В.* Стратегии персонализации в институциональном дискурсе (на материале английских и русских перформативных высказываний): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
- Шенк 1980 — *Шенк Р.* Обработка концептуальной информации. М., 1980.
- Шибанова 2004 — *Шибанова Е. А.* Концептуальное пространство брачных объявлений (на материале русского и французского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
- Шидо 2002 — *Шидо К. В.* Рекламный слоган как особый жанр английских рекламных текстов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2002.
- Ширинкина 2000 — *Ширинкина М. А.* Жанры текстов толкования в деловом стиле // *Стереотипность и творчество в тексте*. Вып. 3. Пермь, 2000.
- Ширинкина 2001 — *Ширинкина М. А.* Вторичный деловой текст и его жанровые разновидности: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2001.

- Ширяев 2000 — *Ширяев Е.Н.* Структура интенциональных конфликтных диалогов разговорного языка // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000.
- Шлейхер 1960 — *Шлейхер А.* Немецкий язык (извлечения) // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. М., 1960.
- Шмелев 2002 — *Шмелев А. Д.* Русская языковая модель мира. М., 2002.
- Шмелева 2003 — *Шмелева Е. Я.* Речевой портрет «нового русского» как героя анекдота и литературного персонажа // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М., 2003.
- Шмелева, Шмелев 1999 — *Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д.* Рассказывание анекдота как жанр современной русской речи: проблемы вариативности // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999.
- Шмелева, Шмелев 2002 — *Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д.* Русский анекдот: текст и речевой жанр. М., 2002.
- Шмелева, Шмелев 2005 — *Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д.* Русский анекдот в двадцать первом веке (трансформации речевого жанра) // Жанры речи. Саратов, 2005. Вып. 4. Жанр и концепт.
- Шмелева 1990 — *Шмелева Т. В.* Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика. № 2. Berlin, 1990.
- Шмелева 1992 — *Шмелева Т. В.* Повседневная речь как лингвистический объект // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1992.
- Шмелева 1995a — *Шмелева Т. В.* Речевой жанр: опыт общелингвистического осмысления // Collegium. № 1—2. Киев, 1995.
- Шмелева 1995b — *Шмелева Т. В.* Речевой жанр: несложившаяся традиция отечественной филологии // Филология-Журналистика'94: Науч. мат-лы. Красноярск, 1995.
- Шмелева 1997 — *Шмелева Т. В.* Модель речевого жанра // Жанры речи. Вып. 1. Саратов, 1997.
- Шмелева 2004 — *Шмелева Т. В.* Речеведение в современной русистике // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и мат-лы II Междунар. конгресса исследователей рус. яз. М., 2004.
- Шмелева 2007 — *Шмелева Т. В.* Жанроведение? Генристика? Генология? // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007.
- Штайн 2002 — *Штайн К. Э.* Язык. Поэтический текст. Дискурс // Stylistyka XI. Opole, 2002.
- Шустрова 2008 — *Шустрова Е. Н.* Лингвистическая интерпретация стратегии мистификации в англоязычном речевом общении: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.

- Щедровицкий 1975 — *Щедровицкий Г. П.* Исходные представления и категориальные средства теории речевой деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем проектирования. М., 1975.
- Щербаков 2005 — *Щербаков А. В.* Речевой жанр и смежные понятия // Стереотипность и творчество в тексте. Вып. 9. Пермь, 2005.
- Щипицина 2008 — *Щипицина Л. Ю.* Проблема первичности и вторичности жанров компьютерно-опосредованной коммуникации // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 6. Орел, 2008.
- Щурина 1997 — *Щурина Ю. В.* Шутка как речевой жанр: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новгород, 1997.
- Щурина 1999 — *Щурина Ю. В.* Речевые жанры комического // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999.
- Юганов, Юганова 1997 — *Юганов И., Юганова Ф.* Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60–90-х годов). М., 1997.
- Юнаковская 2009 — *Юнаковская А. А.* Комплимент как часть общения обиходно-разговорной сферы (на материале г. Омска) // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Язык и власть 2003 — Язык и власть: Межвуз. сб. науч. трудов/Под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов, 2003.
- Язык и общество 1995 — Язык и общество. Саратов, 1995. Вып. 10. Функциональный подход к языку как признак современной научной парадигмы.
- Язык о языке 2000 — Язык о языке. М., 2000.
- Языковая личность 1996 — Языковая личность: культурные концепты. Волгоград, 1996.
- Языковая личность 2001 — Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации. Волгоград, 2001.
- Якобсон 1985 — *Якобсон Р.* Избранные работы. М., 1985.
- Яковлева 2003 — *Яковлева Е. А.* Разновидности городской письменной речи: уличные объявления как речевой жанр // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. II. Теория и практика современной письменной речи: Мат-лы конф. Барнаул, 2003.
- Ярмаркина 2001 — *Ярмаркина Г. М.* Обыденная риторика: просьба, приказ, предложение, убеждение, уговоры и способы их выражения в русской разговорной речи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001.
- Ярмаркина 2002 — *Ярмаркина Г. М.* Жанр просьбы в неофициальном общении: риторический аспект // Жанры речи. Вып. 3. Саратов, 2002.
- Ярмульская 2006 — *Ярмульская И. Ю.* Духовное послание в документо-ведческом и стилистическом освещении: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.

- Яцко 1998 — Яцко В. А. Рассуждение как тип научной речи. Абакан, 1998.
- Adamzik 1995 — Adamzik K. Textsorten—Texttypologie. Eine kommentierte Bibliographie. B. 12. Munster: Nodus Publ., 1995.
- Anusiewicz 1989 — Anusiewicz J. Potoczność jako sposób doświadczania świata i jako postawa wobec świata // *Jezyk a kultura*. № 5. Wrocław, 1989.
- Argyle, Furnham, Graham 1981 — Argyle M., Furnham A., Graham J. A. Social Situation. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981.
- Arnold, Miller http — Arnold J., Miller H. Gender and Web Home Pages: <http://ess.ntu.ac.uk/miller/cyberpsych/cal99.html>.
- Askehave, Nielsen 2005 — Askehave I., Nielsen A. E. What are the Characteristics of Digital Genres? Genre Theory from a Multi-modal Perspective // Proceedings of the 38th Hawaii International Conferences on System Sciences, 2005.
- Attardo 1994 — Attardo S. Linguistic Theories of Humor. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1994.
- Ballmer, Brennenstull 1981 — Ballmer Th., Brennenstull W. Speech act classification: A study in the lexical analysis of English speech activity verbs. Berlin etc., 1981.
- Barnet 1970 — Barnet V. Jaky je lingvisticky status hovorove rustiny? // *Ceskoslovenska rusistika*. № 2. 1970. XV.
- Bernstein 1979 — Bernstein B. Social Class, Language and Socialization // *Language and Social Context: Selected Readings*. Harmondsworth, 1979.
- Bhatia 1993 — Bhatia V. K. Analysing Genre: Language Use in Professional Settings. London: Longman, 1993.
- Bickmore http — Bickmore T. A computational model of small talk // <http://web.media.mit.edu/~bickmore/Mas962b/>.
- Blum-Kulka, House, Kaspar 1989 — Blum-Kulka S., House J., Kaspar G. Cross-cultural pragmatics. Norwood: Ablex, 1989.
- Breure http — Breure L. Development of the Genre Concept. Available on: <http://www.cs.uu.nl/people/leen/GenreDev/GenreDevelopment.html>.
- Brown, Yule 1983 — Brown G., Yule G. Discourse analysis. L., Cambridge, 1983.
- Chaika 1989 — Chaika E. Language: The Social Mirror. 2nd ed. Cambridge, 1989.
- Clark 1996 — Clark H. H. Using language. Cambridge, 1996.
- Cohen, Olshtain, Rosenstein 1981 — Cohen A. D., Olshtain E., Rosenstein D. S. Advanced EFL Apologies: What Remains to Be Learned? // *International Journal of the Sociology of Language*. 1981. 27.
- Crowston, Williams 2000 — Crowston K., Williams M. Reproduced and Emer-

- gent Genres of Communication on the World Wide Web // The Information Society. 2000. Vol. 6.
- Daneš 1970 — *Daneš F.* Zur linguistischen Analyse der Textstruktur // *Folia Linguistica*. 1970. № 4.
- Danet, Herring 2007 — *Danet B., Herring S.* The Multilingual Internet: Language, Culture and Communication Online (Eds). N. Y.: Oxford University Press, 2007.
- Deetz 1994 — *Deetz S. A.* Future of the discipline: The challenges, the research, and the social contribution // *Communication Yearbook*. Vol. 17. Thousand Oaks, 1994.
- Dobrzyńska 1992 — *Dobrzyńska T.* Gatunki pierwotne i wtórne (Czytając Bachtina) // *Typy tekstów/Zbiór studiów*, red. T. Dobrzyńska. Warszawa: IBL, 1992.
- Dönninghaus 2001 — *Dönninghaus S.* Sprechakt und Kommunikationsgenre (Theoretische Aspekte der sprachlicher Interaktion) // K. Böttger, S. Dönninghaus, R. Marzari. (Hrsg). Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV) 4. München, 2001. Die Welt der Slaven. Sammelbände/Сборники. 12.
- Erickson 2000 — *Erickson T.* Making Sense of Computer-Mediated Communication (CMC): Conversations as genres, CMC Systems as Genre Ecologies // *Proceedings of the 33rd Hawaii International Conferences on System Sciences*. 2000.
- Eysenck 1993 — *Eysenck M. W.* Principles of Cognitive Psychology. Hove, UK; Hillsdale. N. J., 1993.
- Firbas 1971 — *Firbas J.* On the concept of communicative dynamism in the theory of functional sentence perspective // *Sbornik praci filosofickej fakulty brnenske university*. A(19). Brno, 1971.
- Fox 2005 — *Fox K.* Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. L.: Hodder & Stoughton, 2005.
- Fritz 1982 — *Fritz G.* Kohärenz. Grundfragen der Dialoganalyse. Tübingen, 1982.
- Gajda 1982 — *Gajda S.* Podstawy badań stylistycznych nad językiem naukowym. Warszawa; Wrocław, 1982.
- Gajda 1991 — *Gajda St.* Gatunki wypowiedzi potocznych — Język potoczny jako przedmiot badań językoznawczych. Opole, 1991.
- Ghita 1993 — *Ghita A.* Pragmatic Aspects of the Ironic Dialogue // *Dialoganalyse IV*. Teil 1. Tübingen: Niemeyer, 1993.
- Goffman 1972 — *Goffman E.* Relations in Public: Microstudies of the Public Order. Harmondsworth, 1972.
- Grice 1971 — *Grice H. P.* Meaning // *Readings in the Philosophy of Language*. Englewood Cliffs, N. J., 1971.

- Grice 1975 — *Grice H. P.* Logic and conversation // Syntax and Semantics. Vol. 3/Speech Acts Ed. by P. Cole, J. Morgan. N. Y., etc., 1975.
- Gülich 1985 — *Gülich E.* Konversationsanalyse und Textlinguistik. Koreferat zum Beitrag von Werner Kallmeyer // E. Gülich, T. Kotschi (Hrsg). Grammatik, Konversation, Interaktion. Beitrage zum Romanistentag 1983, Tübingen, 1985.
- Hall 1977 — *Hall E. T.* Beyond cultures. Garden City, N. Y.: Anchor Press/Doubleday, 1977.
- Hall 1990 — *Hall E. T.* The Hidden Dimension. Garden City, N. Y: Doubleday, 1990.
- Hall, Hall 1990 — *Hall E. T., Hall M. R.* Understanding Cultural Differences. Yarmouth, Me: Intercultural Press Inc., 1990.
- Harris 1991 — *Harris Z. S.* Theory of Language and Information: A Mathematical Approach. Oxford; N. Y., 1991.
- Harweg 1968 — *Harweg R.* Pronomina und Textkonstitution. Munchen, 1968.
- Haverkate 1990 — *Haverkate H. A.* Speech Act Analysis of Irony // Journal of Pragmatics. 1990. Vol. 14.
- Heinemann 1982 — *Heinemann W.* Textlinguistik heute Entwicklungen, Probleme, Aufgaben // Wissenschaftliche Zeitschriften der Karl-Marx-Universität Leipzig, 1982, Gesellschaft und sprachwissenschaftliche Reiche, h. 3.
- Herbert 1989 — *Herbert R. K.* The Ethnography of English Compliments and Compliment Responses: A Contrastive Pragmatics. W. Oleksy (Ed.). Amsterdam, 1989.
- Herring 2004 — *Herring S.* Slouching toward the ordinary: current trends in computer-mediated communication // New Media and Society. London: Sage Publications, 2004.
- Herring http — *Herring S.* A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse: <http://languageatinternet.de/articles/761>.
- Herring, Scheidt, Bonus 2004 — *Herring S. C., Scheidt L. A., Bonus S., Wright E.* Bridging the Gap: A Genre Analysis of Weblogs // Proceedings of the 37th Hawaii International Conference on System Sciences. 2004.
- Hofstede 1997 — *Hofstede G.* Cultures and organizations: Software of the Mind. N. Y.: McGraw-Hill, 1997.
- Holmes 2003 — *Holmes J.* Small talk at work: potential problems for workers with an intellectual disability // Research on Language and Social Interaction, 2003. 36 (1).
- Huchkin 1997 — *Huchkin Th.* Cultural Aspects of Genre Knowledge // AILA Review: Applied Linguistics Across Disciplines/Edited by Anna Mauranen and Kari Sajavaara. № 2 (published in 1997 by Catchline, UK). 1995/6.

- Hymes 1972 — *Hymes D.* Models of the interaction of language and social life // *Directions in Sociolinguistics: Ethnography of Communication* (eds J. J. Gumperz and D. Hymes). N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1972.
- Hymes 1977 — *Hymes D.* Foundations in Sociolinguistics. An Ethnographic Approach. L., 1977.
- Integrum: точные методы и гуманитарные науки. М., 2006.
- Isenberg 1968 — *Isenberg H.* Überlegungen zur Texttheorie // ASG-Bericht2. Berlin, 1968.
- Jorgensen 1996 — *Jorgensen J.* The functions of sarcastic irony in speech // *Journal of Pragmatics*. 1996. Vol. 26.
- Kaplan, Manners 1972 — *Kaplan D., Manners R. A.* Culture Theory. Englewood Cliffs, 1972.
- Kotloff 2003 — *Kotloff H.* Responding to irony in different contexts: on cognition in conversation // *Journal of Pragmatics*. 2003. Vol. 35.
- Lapp 1992 — *Lapp E.* Linguistik der Ironie. Tübingen: Narr, 1992. 189 S. Literaturverz.: S.
- Laver 1975 — *Laver J.* Communicative functions of phatic communication // A. Kendon, R. M. Haris, M. R. Key (eds). *The Organisation of Behaviour in Face-to-Face Interaction*. The Hague: Mouton, 1975.
- Leech 1983 — *Leech G. N.* Principles of Pragmatics. L.; N. Y., 1983.
- Lewandowska-Tomaszczyk 1989 — *Lewandowska-Tomaszczyk B.* Praising and Complimenting // *Contrastive Pragmatics/W. Oleksy* (ed.). Amsterdam, 1989.
- Lindemann 1987 — *Lindemann P.* Kohärenz in mündlicher interaktionaler Kommunikation // *Strategien und Prinzipien sprachlicher Kommunikation*. Berlin, 1987.
- Lubas 1988 — *Lubas W.* O istocie potoczności i jej przejawach w tekstach słowiańskich // *Socjolingwistyka*. 1988. № 8.
- Łaszkiewicz 2003 — *Łaszkiewicz H.* Pojęcie honoru w Carstwie Moskiewskim i w Rzeczypospolitej w XVI–XVII wieku // *Dusza polska i rosyjska: Spojrzenie współczesne*. Łódź, 2003.
- Müller 1984 — *Müller K.* Rahmenanalyse des Dialogs // *Aspekte des Sprachverstehens*. Tübingen, 1984.
- Malinowski 1972 — *Malinowski B.* Phatic Communion // *Communication in Face-to-Face Interaction*. Harmondsworth, 1972.
- Manes 1983 — *Manes J.* Compliments: A Mirror of Cultural Values // *Sociolinguistics and Language Acquisition/N. Wolfson, E. Judd* (Eds). Rowley, 1983.
- McCarthy 2003 — *McCarthy M.* Spoken language and the notion of genre // M. McCarthy. *Spoken language and applied linguistics*. UK: Cambridge University Press, 2003 (reprinted from 1998). P. 26–47; 62–63.

- Mervis, Rosch 1981 — *Mervis C., Rosch E.* Categorisation of natural objects // Annual Review of Psychology, 32. 1981.
- Miller, Arnold 2003 — *Miller H., Arnold J.* Self in Web Home Pages: Gender, Identity and Power in Cyberspace // Towards Cyber Psychology: Mind, Cognitions and Society in the Internet Age. Amsterdam: IOS Press, 2003.
- Ożóg 1990 — *Ozog K.* Zwroty grzecznościowe współczesnej polszczyzny mowionej (na materiale języka mowionego mieszkańców Krakowa). Warszawa; Krakow, 1990.
- Peirce 1960 — *Peirce C. S.* Elements of logic // Collected papers of Charles Sanders Peirce. Vol. 2. Cambridge, MA, 1960.
- Pisarkowa 1975 — *Pisarkowa K.* Składnia rozmowy telefonicznej. Wrocław, 1975.
- Pomerantz 1978 — *Pomerantz A.* Compliment Responses: Notes on the Co-Operation of Multiple Constraints // Studies in the Organization of Conversational Interaction. / J. Schenkein (ed.). N. Y., 1978.
- Raskin 1985 — *Raskin V.* Semantic Mechanisms of Humor. Dordrecht, 1985.
- Rimmon-Kenan 1987 — *Rimmon-Kenan S.* (ed.). Discourse in Psychoanalysis and Literature. L.; N. Y., 1987.
- Rosch 1977 — *Rosch E.* Human categorization // N. Warren (ed.). Studies in cross-cultural psychology. Vol. 1. N. Y.: Academic press. 1977.
- Sacks 1975 — *Sacks H.* Everyone has to lie // M. Sanches, B. G. Bluont (eds) Sociocultural Dimintions of Language Use. N. Y.: Academic Press, 1975.
- Saville-Troike 1989 — *Saville-Troike M.* The Ethnography of Communication. 2nd ed. Oxford: Basil Blackwell, 1989.
- Schank, Abelson 1977 — *Schank R. C., Abelson R. P.* Scripts, Plans, Goals and Understanding: An Inquiry into Human Knowledge Structures. Hillsdale. N. J., 1977.
- Schiffrin 1994 — *Schiffrin D.* Approaches to Discourse. Oxford; Cambridge, 1994.
- Schneider 1988 — *Schneider K. P.* Small Talk: Analysing Phatic Discourse. Marburg: Hitzeroth, 1988.
- Schröder http — *Schröder H.* Tabus in der Wirtschaft. Anredeformen, Indirektheit und Small Talk Themen in Kontakten mit amerikanischen und japanischen Geschäftsleuten // http://www.inst.at/studies/s_0701_d.htm.
- Shannon, Weaver 1949 — *Shannon C., Weaver W.* The Matematical Theory of Communication. Urbana, 1949.
- Shepherd, Watters 1998 — *Shepherd M., Watters C. R.* The Evolution of Cybergenres // Proceedings of the 31st Annual Hawaii International Conference on System Sciences. 1998.
- Small talk 2000 — Small talk/Ed. J. Coupland. Harlow: Longman, 2000.

- Sperber, Wilson 1995 — *Sperber D., Wilson D.* Relevance: Communication and Cognition. Oxford; Cambridge, 1995.
- Steinitz 1968 — *Steinitz R.* Nominale Pro-Formen // ASG Bericht 2. Berlin, 1968.
- Stiles 1981 — *Stiles W.* Classification of Intersubjective Illocutionary Acts // Language in Society. 1981. Vol. 10.
- Storkan 1980 — *Storkan K.* Publicistické zánry. Praha, 1980.
- Tannen 1986 — *Tannen D.* That's not what I meant: How conversational style makes or breaks your relations with others. N. Y., 1986.
- Taylor 1989 — *Taylor J. R.* Linguistic categorization: Prototypes in linguistic theory. Oxford, 1989.
- Tench 2003 — *Tench R.* Public Relations Writing Genre-Based Model // Corporate Communication. № 2. 2003. Vol. 8.
- Umińska-Tytoń 1993 — *Umińska-Tytoń E.* Z problematyki kształtowania się stylu potocznego // Stylistyka II. Opole, 1993.
- Viehweger 1976 — *Viehweger D.* Semantische Merkmale und Textstruktur // F. Danes, D. Viehweger (Hrsg). Probleme der Textgrammatik (= Studia grammatica XI). Berlin, 1976.
- Viehweger 1984 — *Viehweger D.* Kohärenz-Interaktion der Module (Vervielfältigung). Berlin, 1984.
- Weaver 1996 — *Weaver H. R. L.* Understanding Interpersonal Communication. Harper Collins College Publishers, 1996.
- Wierzbicka 1983 — *Wierzbicka A.* Genry mowy // Tekst i zdanie. Zbiór studiów. Wrocław, 1983.
- Wierzbicka 1987 — *Wierzbicka A.* English Speech Act Verbs: A semantic dictionary. Sydney: Academic, 1987.
- Wierzbicka 1991 — *Wierzbicka A.* Cross-Cultural Pragmatics: The semantics of human interaction. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991.
- Wierzbicka 1999 — *Wierzbicka A.* Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Wierzbicka 2005 — *Wierzbicka A.* In defense of 'culture'. Theory and Psychology. Special issue on 'culture' / Ed. by H. J. Stam. 15(4) 2005.
- Witosz 2006 — *Witosz B.* Potoczność jako wartość w dzisiejszej kulturze // Stylistyka XV. Opole, 2006.
- Wodak 1996 — *Wodak R.* Disorders of discourse. L., N. Y.: Longman, 1996.
- Wodak 1986 — *Wodak R.* Language Behavior in Therapy Groups. Berkeley, 1986.
- Wojtak 2004 — *Wojtak M.* Gatunki prasowe. Lublin, 2004.
- Wolfson 1983 — *Wolfson N.* An Empirically Based Analysis of Complimenting in American English // Sociolinguistics and Language Acquisition / N. Wolfson, E. Judd (eds). Rowley, 1983.

-
- Yates, Orlikowski 1999 — *Yates J., Orlikowski W. J., Okamura K.* Explicit and implicit Structuring of Genres in Electronic Communication: Reinforcement and Change of Social Interaction // *Organization Science*, 1999. Vol. 10. № 1.

Предметный указатель

- автономность (личности) 351
агрессия коммуникативная:
 инициативная 58, 59, 74, 120, 263,
 279, 282, 317, 343, 359, 360, 377
 инструментальная 58, 59, 74, 120,
 282, 377
агрессор 59, 271
агрессор-манипулятор 59, 271—272
адресант 52, 94, 161, 166, 195, 206—
 207, 410
адресат 26—28, 33—34, 46, 50, 53—54,
 60, 79, 88, 92—93, 104, 107, 109—
 110, 113, 117, 119, 126, 128, 130,
 151, 161—163, 175—178, 192—197,
 200—202, 207—209, 242, 265—
 267, 276, 330, 339, 344—345, 347,
 409—411, 418, 427, 429, 452, 493,
 508, 523
адресованность 28, 347, 541
аксиологический 71, 210, 250
актант 111, 113
активные коммуникативные действия
 44, 122, 126—129, 145, 201, 204,
 210, 401, 414, 418
актуализатор 271—272
актуализация 98, 197
амбивалентный 164—165, 254, 258,
 324
амплификация 130
анафора 84, 411
«анкета речевого жанра» 47, 52—53,
 61—62, 107, 110—113, 126, 159,
 174
антифразис 340
аппроксимация 66, 183—184, 521
асимметрия 89, 92, 191
аспект коммуникативного поведения
 8, 12—14, 43, 50, 53, 78—80,
 105—123, 128—129, 169, 206, 241,
 274—276
ассоциация 148, 184, 187, 235
аттрактор 83—103, 161, 197—199, 305,
 495—496
аудитория 38, 104, 273
базовые ценности 242, 306, 493
барьеры в общении 279
безэквивалентный 261, 264, 324
бессознательный 207, 208, 380, 550
буферное пространство 92
бытийный диалог 14, 67, 157, 238, 278
бытовой диалог 38, 44, 67, 80, 85, 105,
 110, 130—131, 145, 148, 156—158,
 160, 163—164, 167, 226, 238, 271,
 278, 447, 535, 542
валентность:
 семантическая 194
 синтаксическая 25, 194,
 прагматическая 25, 26, 28
вариант 39, 73, 78, 89—90, 96, 136, 147,
 291, 397, 512
вариативность / варьирование 78—79,
 94—96, 115, 178, 190, 199—201,
 222, 272, 275, 380, 405—406, 458,
 513, 525, 555
вежливость 126, 172, 202—204, 257,
 263, 311—312, 352, 357, 377, 398,
 474—476, 496, 527, 529, 553
вектор 32, 135—137, 226—227
вектор-ускорение 32, 226—228, 347—
 348
виртуальный 39, 47, 102, 140, 169, 200,
 274—288, 423—424, 526, 553
внутренняя речь 13, 551
внутренняя форма:
 слова 139, 360, 386, 450
 ситуации общения 139, 147, 341
внутрижанровые стратегии и тактики
 12, 59, 148—149, 243
внутринациональная речевая культура:
 жаргонная 152, 257, 398
 литературно—жаргонизирующая
 396
 просторечная 152, 257, 398
 фамильярно—разговорная 172
 элитарная 64, 521
воздействие речевое 27, 70, 119, 156,
 162, 175—176, 497, 518, 521, 524,
 543, 546, 549—550

- вокатив 26
- высказывание 8, 9, 13, 14, 19, 23—29, 34—40, 43—46, 53, 60, 80, 85, 88, 91—93, 95, 98, 101, 109, 123—129, 131—132, 146—153, 159, 161—168, 170, 175, 177—182, 193—209, 213, 223, 226—228, 244—245, 253, 260, 265, 271, 291, 307, 310, 342, 347, 358—359, 368, 423, 493—496, 500—507, 510, 511, 516, 518, 535, 539, 548, 551, 554
- гедонистическое общение 148, 242, 392
- гендерный 122, 274, 336, 406, 433, 453, 528
- гетерокультурные информанты 122
- гибридное образование 92, 345, 554
- гипержанр 41, 57, 59, 83, 148—149, 152, 171, 403
- гиперонимические отношения 143
- гипертема 30—31, 240
- градуируемость / шкальность 85, 92, 196, 214, 225
- грамматикализация 165, 207
- двусмысленность 136, 509
- демагогия 296, 470—471, 480, 534
- десемантизация 160
- деятельность 19, 33, 42, 53, 63, 77, 98, 105, 110, 113—114, 123, 128, 134, 145, 147, 149, 157, 236, 382, 493, 495, 503, 506, 530
- «детонирующая запятая» 222
- диада семантическая 5, 80, 166, 174—185, 196, 207, 210, 235, 341, 451, 452
- диалект 55, 99, 104, 168—169, 256, 340, 360—361, 513, 519
- диалог 7, 8, 22, 25—29, 33—39, 42, 44, 46, 48, 52—55, 65, 67, 80, 93—96, 105, 115—120, 123, 127—130, 140, 145, 150—151, 156—163, 167, 199, 208, 210—213, 226—228, 237, 271, 278, 291, 296, 305, 310, 327—329, 332, 344—347, 370, 376, 494, 503, 506—507, 519, 522, 528, 531, 537—538, 541, 544, 547—549, 552—553
- диалогическая реакция 25, 46, 144, 543
- диалогическое единство 13, 23, 25, 28, 46, 65, 83, 500, 508, 511, 520, 528
- диахрония 264, 434—439
- диктум 111—113, 131
- динамическая структура речевого жанра 31—33, 226—228, 347
- динамические переходы фатических речевых жанров 224—226, 228—235
- директив 26, 60, 176, 532
- дискурс:
- бытовой 38, 44, 67, 80, 85, 105, 110, 130—131, 145, 148, 156—158, 160, 163—164, 167, 226, 238, 271, 278, 447, 535, 542
 - бытийный 14, 67, 157, 238, 278
 - гедонистический 148, 242, 392
 - деловой 69, 72, 96, 112, 130, 132, 156, 236—237, 240, 242, 501, 503, 547, 548, 554
 - институциональный 14, 66, 71, 105, 168, 191, 218, 239, 240, 243, 360, 427, 501, 518
 - компьютерный 69, 242, 278—282, 511, 519, 528, 556
 - медицинский 65—66, 71, 191, 241—244, 295, 520, 541
 - научный 66, 68—69, 72—74, 130, 132—135, 137, 146, 156, 158, 164, 168, 235, 240—244, 250, 268, 287, 299—301, 497, 504, 514, 522, 524, 526—530, 532, 542, 547—549, 551, 552
 - охотничий 241, 295
 - педагогический 66, 68—70, 191—192, 243—244, 504—523, 527, 532
 - персональный 14, 38, 44, 66—67, 80, 85, 105, 110, 130—131, 145, 148, 156—158, 160, 163—164, 167, 226, 237—238, 271, 278—279, 447, 535, 542
 - политический 58, 60, 66—71, 74—75, 141, 150—151, 158, 164, 240—244, 267, 297—300, 302—303, 493, 501, 502, 515, 520—523, 526, 533, 536, 554

- рекламный 50, 65, 68—71, 73, 119, 141, 240—242, 273—274, 282—285, 299—302, 505, 507—508, 524, 526, 530, 534, 538—540, 551—554
- религиозный 58, 66, 68—69, 184—185, 191, 240—243, 300, 506—507, 510, 540, 545
- ритуальный 14, 66, 68, 190—191, 241, 383, 521
- сказочный 70, 242, 500
- телевизионный 70, 242, 529, 541
- фатический 14, 64—65, 115, 117—120, 160—161, 173, 195, 208—235, 242—244, 278, 287, 294, 305—492
- философский 236, 238
- художественный 14, 22, 65, 81, 103, 160, 164, 169, 185—186, 238—242, 283, 294, 494—497, 500, 502, 522, 524, 537, 547, 548
- дискурсивное мышление 59, 65, 251, 543
- диссонанс 212, 214, 296
- дисфемизм 91
- доброжелательность 336
- доминанты жанра 308, 340—341, 343—344, 365, 374, 380
- жанрово-ролевая сценка 291, 438, 445—446
- «жанровое пространство»:
«верх» 94, 161
«низ» 59, 161
- жанровые переходы в речевой цепи 224—226, 228—235
- жанроид 83, 148—149
- жаргонизирующая речевая культура 396
- заголовок 70, 82, 186—188
- знаки естественные 89—91
- значение 24, 37, 58, 86—94, 97, 103, 122, 133, 135, 145—146, 149, 161, 163—165, 168—185, 192—196, 199—200, 207—208, 251, 270, 307, 314, 320—321, 325—326, 338, 340, 351, 270, 307, 314, 320—321, 325—326, 338, 340, 351, 358, 365—366, 368—369, 375, 377—378, 385, 388—389, 392—393, 399, 410, 421, 433, 435, 438, 445—446, 450, 496—497, 500, 517, 524, 540—541, 551—552
- игра 18, 26, 60—61, 68, 91, 103, 119, 169, 194, 236, 237, 240, 263, 279, 281, 285, 289—291, 343—345, 354, 375, 391, 398—434, 444—445, 449, 500, 502, 505, 506, 513, 514, 516, 519, 524, 527, 530, 534, 542, 553
- идиома 252, 255, 307, 308, 325, 460, 503
- идиоматизация 98, 100—101, 325, 503, 532
- изосемические структуры 193—194
- изотопия 84
- иконические языковые средства 92, 413
- иллокутивно-перформативный критерий 26, 159, 163
- иллокутивное вынуждение 28, 85, 145, 503
- иллокутивное самоубийство 225, 509
- иллокутивный акт 13, 18, 27, 83—85, 145, 162, 176, 195, 452
- иллокутивный компонент 18, 60, 93, 127, 132, 163, 171
- иллокуция 98, 179
- импликатура 197, 227, 411
- импликации 84, 253
- имплицитность 69, 91, 547
- импозиции 29, 85
- инвариант 90, 184, 547
- инвектива 169, 180, 222, 298, 517, 519
- инвективная языковая личность 59, 271
- индекс 209, 314, 418
- индивидуальные нормы коммуникативного поведения 122, 275
- инерция 32, 226
- инконсистентные высказывания 175
- инокультурные информанты 122
- институциональное общение 14, 66, 71, 105, 168, 191, 218, 239, 240, 243, 360, 427, 501, 518

- «интеллигент» 67, 388, 490, 505
интенциональное состояние 83, 95, 162, 176—184, 198, 207, 222, 497, 544
интенциональный диалог 93—94, 555
интенция 28, 51, 52, 68, 79, 83, 92, 98, 109, 131, 177, 181, 207, 226, 228, 403, 408—410, 421, 423—424, 433, 501
интеракция 13, 41, 80, 125, 148, 515
интеракционная модель коммуникации 53, 103
интернет-общение 69, 242, 278—282, 511, 519, 528, 556
интерпретативная активность 53, 193, 196—197, 199, 208, 447, 452, 487, 493
интерпретативный ход 177, 283
интерпретация 7, 17, 23, 47, 51, 79, 91—92, 95, 103, 120, 122, 162, 166, 177, 178, 181—183, 194—195, 198, 206—208, 214, 242, 290, 341, 399, 400, 416, 418, 427, 429, 494, 496, 506, 508, 525, 552, 555
интертекст 283
интертекстуальный 69, 81, 130, 183, 283, 532, 540
интимность 172, 202, 353, 361
инференционная модель коммуникации 103
информатика 160, 210, 227, 235
информация культурная 264, 310, 488—489
информация энциклопедическая 493
информация языковая 175, 493
иронические высказывания 91, 172, 195, 275
ирония 21, 49, 97, 121, 144, 166, 172, 175, 179, 181, 183, 200, 214, 219, 224, 227—228, 231—232, 264—265, 280—281, 285, 297, 340—341, 343, 345, 365, 384, 412, 416, 427, 429—430, 490, 508, 511—512, 518—519, 525, 530, 535, 538—539, 542, 550, 553
иррациональный 381, 481
искренность 127, 253, 258, 307, 310, 352, 391, 397, 403, 516
- канал связи 81, 169, 175, 185, 275, 279
карнавализация 164—165, 315, 390, 395, 420, 533, 553
картина мира:
языковая 7, 57, 97, 254, 256, 258, 269—270, 305, 307, 383, 391, 393, 397, 503, 520, 549
культурная 21, 250—251, 254, 269—270, 307, 350, 382—383, 397, 545
категория истинности 243
классицизм в литературе 82
ключевые слова 10, 27, 307, 308, 325, 350, 391—392, 461, 509
когнитивный 8, 13, 21, 33, 40, 67, 70, 75, 84, 93, 132, 184, 193, 228, 248—258, 503, 508, 514, 516, 523, 526, 527, 531—532, 534, 539, 540, 548, 550, 554
когниция 13, 556
код 87, 88, 90—92, 101, 137, 174, 238, 255, 261, 278, 354, 401, 507
кодовая модель коммуникации 88
коллективный 117, 276, 344, 346, 347, 399
комическое обыгрывание 222, 314—315, 336, 399, 436, 444, 447, 449—453, 466, 471
коммуникатив 509
коммуникативная инициатива 7, 104, 119, 347
коммуникативная категория 70, 83—85, 89, 379, 500, 523, 552
коммуникативная компетенция 21, 32, 40—41, 57, 59, 63, 103, 147, 228, 270, 271, 480, 522, 543
коммуникативная континуальность 360, 393
коммуникативная неудача 46, 163, 434
коммуникативная норма 47, 122, 259, 260, 350
коммуникативная оппозитивность 360—361
коммуникативная прагматика 17—18, 20, 26, 43, 52, 55, 79, 104, 125, 161, 168, 511, 522, 528, 533, 535, 537—538, 540, 552
коммуникативная семантика 250, 377, 536

- коммуникативная сфера 58, 81, 141, 185
- коммуникативная ценность 7, 83, 248—258, 263, 308, 311
- коммуникативное действие 77, 94, 122, 161, 210, 241, 375, 495, 532
- коммуникативное поведение 7, 122, 272, 317, 388, 502, 529, 543
- коммуникативное событие 13, 104—106, 110, 114, 123—124, 138—140, 147
- коммуникативный вклад 344
- коммуникативный динамизм 29, 83—84, 172
- коммуникативный идеал 272, 312—313, 324, 349, 358, 380, 516
- коммуникативный концепт 21, 83, 252, 287, 315
- коммуникативный лидер 272, 345
- коммуникативный смысл 163, 173, 198—200, 207, 255, 261, 493, 504
- коммуникативный ход 83, 410
- коммуникативные допущения 122
- коммуникативные нормы 47, 122, 259, 260, 350
- коммуникативные обстоятельства 104, 177, 181
- коммуникативные табу 340
- коммуникативные традиции 122
- коммуникативный императив 122
- коммуникативный признак 34, 53, 88, 104—123
- коммуникативный факт 122
- коммуникативный фактор 25, 307, 350
- композиция 10, 34—36, 39, 43, 45, 52, 63, 125, 130, 133, 144, 147, 149, 170, 195, 252, 258, 261, 342—343, 347, 399, 430, 445
- компонентного анализа методика 47, 103—123, 164
- компрессат междометного типа 545
- компрессия 130, 183
- конвенциональность 87, 94—95, 161—163, 171, 173, 194—196, 198, 207, 214—215, 252, 255, 410
- конвенциональные косвенные речевые акты 161—162, 171, 173, 194—196, 207, 214—215, 252, 410
- коннектор 83
- коннотативный 192, 250, 382, 388, 412, 450, 494
- коннотация ценностная 381—397
- консистентные высказывания 175
- конституциональные характеристики 30, 32, 143
- контактоустанавливающие формы 160, 517
- контекст 29, 35, 46, 52, 60, 84, 95, 111, 114, 128, 137, 140, 147, 172, 176, 192, 194, 207, 315—324, 366—379, 398, 430, 501
- конфликт 271, 292, 297, 349, 469, 483, 490, 519
- конфликтность 59, 98, 120, 272, 406, 506, 512, 541
- конфликтный диалог 149, 160, 224, 227, 263, 361, 555
- конформный 271
- конформный манипулятор 271
- концепт коммуникативный 21, 83, 252, 287, 315
- концепт:
- образная составляющая 85, 252
 - понятийная составляющая 252
 - ценностная составляющая 7, 83, 248—258, 263, 308, 311
- концептуальный 40, 70, 89, 192, 240—251, 381, 533, 554
- кооперативность 59, 160, 226, 309, 336 «кооперативный актуализатор» 98, 271—272
- косвенный речевой акт 91, 95, 161—162, 166, 171, 173, 176, 178—179, 194—195, 201, 205, 207, 213, 214, 226, 340, 452, 497, 544
- кросс-культурный 10, 259
- культура 10, 37, 38, 40, 41, 52, 58, 63, 65, 73, 79, 99, 100, 121, 126, 141, 156, 173, 202—203, 214, 218, 235, 237, 245, 247—273, 294, 304—314, 324—325, 327—328, 335, 343, 349—351, 355—366, 378—379, 381, 390—398, 401, 414, 419—421, 433—434, 437—438, 442, 455, 458, 464, 486, 488, 490, 493, 502—503, 505, 507—510, 513, 515—516, 522,

- 529—533, 539—540, 543—545, 549
 культурная обусловленность 273, 401, 509, 535
 культурная память 364
 культурная ценность 67, 69—70, 83, 108, 141, 152—190, 242, 243, 248—259, 263—264, 270, 281—283, 305—309, 315, 321, 324—330, 338—339, 347, 349—355, 358—364, 366—369, 377, 378, 381, 386, 388, 390, 392, 393, 397, 473, 490, 493, 506, 514, 516
 «культурный шок» 82, 214, 335
 культуры: «горячие» и «холодные», высокодистантные и низкодистантные, высококонтекстные и низкоконтекстные, полихронемные и монокхронемные 259
 куртуазность 59, 351, 434, 467
 лакуна текстовая / семантическая 39, 80, 82
 лакунарность 80
 лингвистическая генристика 21, 43—52, 54—55, 96, 253, 515
 лингвокультурный типаж 21, 67
 локус 117
 локуция 18, 96
 макростратегия 83—84
 максима 256, 258
 манипулирование 21, 120, 151, 175, 273, 298, 451—452, 471, 476, 480, 497, 516, 538
 манипулятор 271, 386
 межличностная близость 169, 212, 275, 338, 350, 380, 412, 418
 метатекст 36, 119
 метатекстовый ввод 454
 метафора 89, 97, 101, 103, 171, 175, 228, 312, 334, 383, 450, 503
 метаязык 7, 41, 88, 100, 156, 196, 276, 289
 метонимия 97, 171
 микростратегия 83
 модель 7, 11, 12, 18, 21, 25, 27, 29—32, 35, 39, 47, 51—53, 59—61, 66, 83—84, 88—89, 93, 96, 101—107, 109, 112—116, 121, 130, 137, 140, 143—144, 146—148, 150, 152—153, 161, 166, 171, 174, 177, 183—185, 193, 196, 209—210, 217, 226—228, 243—244, 250—251, 253, 260, 268, 271, 277, 285, 361—362, 430, 495, 500, 503, 530, 532—533, 536, 539, 547, 555
 модель инвариантно-вариантная 39, 51, 89, 102, 147, 184, 495
 модельная личность 21, 67
 модус 236
 моральные нормы поведения 243, 255
 наблюдатель 114, 139, 178, 211, 409
 надресат 33
 направленность речи 73, 209
 нарративная / аналитическая речевая стратегия 235, 444
 невербальные компоненты коммуникации 41, 81, 89, 103, 122—124, 147, 151, 175, 193, 195—196, 205, 242, 255, 260, 274, 279, 282, 342, 352, 403, 418—419, 443, 495, 497, 513, 527
 незавершенный текст 187
 неизосемические структуры 193—194
 неинформативное общение 283
 неискренность 146, 218, 253, 318, 389, 398, 537
 нейтрализация культурных коннотаций 172
 нейтрализация фатических жанров 172
 неконвенциональный 86—87, 95, 161—163, 195—196, 252, 255, 410
 ненормативное коммуникативное поведение 105, 122
 неопределенность 80, 86, 88, 92, 95, 232, 380
 непланируемая непрямая коммуникация 206—207, 213—214, 225—226, 380, 404, 418, 424
 непосредственный (контакт) 24, 34, 79—80, 103, 114—115, 158, 163—164, 172—173, 186, 231, 272—274, 278, 293—294, 348, 353, 413—414, 423, 431, 454, 456—457, 486

- несобственный 452
«нетикет» 282
номенклатура 157
номинационные / тематические цепи
84, 282
норма речевая 61, 83, 86, 150,
217, 230, 259—260, 272, 278, 313—
315, 338, 350—352, 358, 3362, 495
норма текстовости 185, 518
нормативное коммуникативное
поведение 105, 122
- образ** 63, 64, 89—90, 109—112, 130,
137, 175, 242, 281, 324, 339, 350,
454, 461—491, 408, 511, 512, 533
обращение 49, 50, 202—203, 212, 298,
312—313, 360, 442, 477—478, 480,
497, 513, 526
обстановка 103, 139, 321, 358, 411, 413
**общекультурные нормы языкового
поведения** 255, 366
окказиональный 93, 105, 222, 414
онтолингвистика 63, 272, 288
онтологический 161, 167, 251
оппозитивность коммуникативная
360—361
ориентация 41, 68, 86, 115, 363, 392
ответная позиция 25, 34—35, 44
откровенность 300, 319, 327
открытость 258, 310, 311, 327, 336, 403
отображение 326, 362 436—437, 491
«отпечатки диалогичности» 27
оценка отрицательная 65, 112, 253, 254,
257, 315, 320—322, 349, 352, 362,
374, 382, 384, 387, 389, 397—398,
424, 461, 538
оценка положительная 310, 382, 388
- память жанра** 165, 167, 171, 364
парадигматика речевого жанра 27, 94,
138
параметр 12—14, 22, 29, 47, 60, 78,
100, 103—123, 133—134, 174, 190,
275—276, 278, 324, 357, 397, 399,
533, 546, 554
параметр коммуникативного поведения
12, 14, 103—123, 554
параметр ситуации общения 13, 100,
103—123, 133—134, 190, 275—276,
533
параметризация 13, 47, 103—123
паремиология 100, 254
партийность 387, 437, 487
переакцентуация 121, 165—168, 172,
172, 174, 283
переакцентуация речевого жанра 121,
165—168, 172, 172, 174, 283
перлокуция 18, 128, 536
персональность 279, 381—398
перформатив 36, 96, 108, 132, 227, 266,
501
«петля» 28, 83
письменная речь 19, 34, 64, 85, 105,
113—115, 141, 156, 158, 164, 168,
186—190, 239, 240, 278, 290, 294,
399, 442, 445, 446, 454—458, 461,
491, 517, 519, 526, 528—529, 532,
546, 548—549, 553, 556
планируемая непрямая коммуникация
206—208, 213—214, 225—226, 340,
380, 404, 423, 497
планируемый 206—208, 213—214,
225—226, 340, 380, 404, 423, 497
поведение 7, 23, 26, 37—38, 59, 64, 67,
69, 70, 104, 114—115, 119, 122, 124,
150, 163, 202—203, 209, 213, 237,
240, 244, 255, 263, 268, 272, 285,
317, 324, 335—336, 343—344, 350,
352, 362—365, 380, 394, 421, 433,
473, 503, 510, 519, 524, 528—529,
543, 552
поведение коммуникативное 7, 23, 37,
59, 64, 67, 69, 70, 114—115, 122,
124, 202—203, 209, 213, 240, 244,
263, 268, 272, 285, 317, 335—336,
343—344, 352, 363—365, 380, 394,
433, 503, 510, 519, 524, 528—529,
543, 552
поведенческие нормы 242, 255
поговорки 127, 158
«падонковский / албанский язык» 279
подтекст 192, 194
подтекстовое содержание 192, 194—
195
поле семантическое 97, 100, 146, 397,
403

- полевая структура речевого жанра 29, 89, 176, 225, 413, 540
- полилог 22, 117, 341, 345—347, 510
- полиморфизм языка 92
- политический 58, 60, 66—71, 74—75, 141, 150—151, 158, 164, 240—244, 267, 297—300, 302—303, 493, 501, 502, 515, 520—523, 526, 533, 536, 554
- последовательности категория 27—30, 44, 52, 94, 145
- пословицы 100, 127, 300, 512, 540
- постулат 7, 81, 178, 255, 522, 548
- постулаты коммуникативной лингвистики 7
- поступок 13, 37, 51, 58, 65, 108, 122—124, 138—139, 142, 176, 253, 382, 507, 513
- потребности 160, 169, 177, 227, 239, 255, 274, 282, 496
- поэтика человеческого общения 103, 516
- презентационный 66, 69, 252, 534
- пресуппозиция 81—82, 103
- прецедентный текст 101, 190, 314, 394, 523, 525
- привилегированность 267, 358
- притекстовое содержание 192, 195
- продуктивное коммуникативное поведение 122
- просодические структуры 85
- прототип 90, 102, 149, 184, 340, 495
- психолингвистика 31, 40, 41, 59, 63, 84, 87, 98—99, 149—150, 282—283, 288, 520, 529, 543, 553
- работа** 31, 117, 170, 180, 257, 385, 391
- развертывание текста 81, 84, 93, 183
- разговорный 8, 20, 22—25, 27—30, 37, 41, 44, 55, 59, 65, 68, 74, 87, 106, 114, 132, 135—136, 159, 160, 162, 167—168, 186, 190, 200, 262, 291, 314, 396—397, 436, 443—444, 457, 459, 491, 507, 509, 511, 515, 519, 520, 521, 529, 531, 534, 535, 541, 544, 549, 551, 555, 556
- ранжирование модели 59, 148
- рассогласование 92, 175, 178
- расширительное определение 13, 41, 129, 134, 143—153, 293
- рационально-эвристическая языковая личность 59
- рациональный 237, 381, 383, 385, 387, 392
- реактивные коммуникативные действия 59, 111
- регистр 7, 236, 390
- реклама 50, 65, 68—71, 73, 119, 141, 240—242, 273—274, 282—285, 299—302, 505, 507—508, 524, 526, 530, 534, 538—540, 551—554
- репрезентативная / изобразительная речевая стратегия 235
- референция 26, 103
- рецептивное коммуникативное поведение 122
- речевая культура 64, 152, 257, 172, 398, 521
- речевая стратегия 7, 12, 57, 59, 60, 64, 65, 67, 69, 70, 81, 83—84, 102, 114, 124, 146, 148—151, 183, 235, 242—243, 252, 257, 280, 283, 307, 350, 408, 500, 503, 506, 515, 520, 521, 527, 528, 536, 542, 554, 555
- речевая тактика 7, 12, 41, 53, 57, 59, 60, 64, 65, 67, 83, 114, 124, 137, 146, 148, 151, 183, 252, 257, 267, 280, 283, 350, 379, 503, 509, 515, 516, 521, 528, 536, 542
- речевое воздействие 27, 70, 119, 156, 162, 175—176, 497, 518, 521, 524, 543, 546, 549—550
- речевое портретирование 21, 58—59, 271—272, 524, 543, 555
- речевое событие 13, 104—106, 110, 114, 123—124, 138—140, 147
- речевой / коммуникативный ход 83, 410
- речевой акт 13, 18, 27, 83—85, 91, 95, 145, 161—162, 166, 171, 173, 176, 178—179, 194—195, 201, 205, 207, 213, 214, 226, 340, 452, 497, 544
- речевые жанры:
 бытийного дискурса 14, 67, 157, 238, 278
 бытового дискурса 38, 44, 67, 80,

- 85, 105, 110, 130—131, 145, 148, 156—158, 160, 163—164, 167, 226, 238, 271, 278, 447, 535, 542
- вектор-ориентированные 226
- вторичные 36, 42, 53, 57, 60, 63, 64, 97, 102, 119, 128—132, 143, 145, 158—159, 163—176, 183—185, 196, 243, 252, 277, 278, 281, 283, 313, 349, 353, 422—434, 496, 506, 515, 524, 540, 556
- диалогические 7, 8, 22, 25—29, 33—39, 42, 44, 46, 48, 52—55, 65, 67, 80, 93—96, 105, 115—120, 123, 127—130, 140, 145, 150—151, 156—163, 167, 199, 208, 210—213, 226—228, 237, 271, 278, 291, 296, 305, 310, 327—329, 332, 344—347, 370, 376, 494, 503, 506—507, 519, 522, 528, 531, 537—538, 541, 544, 547—549, 552—553
- военного дискурса 157, 297, 440, 494
- жесткие жанры властного дискурса 191
- императивные 108, 110—112, 159, 284
- инерция-ориентированные 226
- информативные 14, 64, 108, 112, 118, 159, 167, 227—228, 235, 541
- комплексные 140, 144, 549
- конфликтные 149, 160, 224, 227, 263, 361, 555
- косвенные 14, 53, 95—96, 166, 171—174, 206—235, 340, 379—380, 398—434, 452, 496, 497
- культурно неподдерживаемые 252, 254
- культурно поддерживаемые 252, 254, 314, 398
- монологические 14, 22, 34, 43, 115—119, 127, 138, 144, 148, 152, 159, 211, 239, 328—335, 482, 507
- мягкие жанры властного дискурса 191
- нериторические 41, 53, 58, 94—95, 161, 163, 252, 272, 544
- отрицательного эмоционального воздействия 119, 288, 508
- официальные 91, 387, 397
- оценочные 108, 159
- педагогического дискурса 66, 68—70, 191—192, 243—244, 504—523, 527, 532
- первичные 36, 42, 53, 57, 60, 63, 64, 97, 102, 130—132, 143, 145, 158—159, 163—176, 183—185, 243, 252, 277, 278, 313, 349, 353, 496, 556
- перформативные 159
- побудительные 108, 110—112, 159, 284
- политического дискурса 58, 60, 66—71, 74—75, 141, 150—151, 158, 164, 240—244, 267, 297—300, 302—303, 493, 501, 502, 515, 520—523, 526, 533, 536, 554
- положительного эмоционального воздействия 119, 288
- праздноречевые: личностно нейтральные, личностно ненейтральные 115, 160, 212, 215, 217—218, 225, 267, 305, 312, 340—398, 543
- простые 14, 64, 145, 158, 161, 164, 170
- публицистические 158, 164, 168
- риторические 14, 41, 53, 58, 59, 94—95, 161, 163, 167, 213, 252, 272, 273, 283, 350, 544
- сложные 14, 64, 145, 158, 164, 170
- фатические 14, 64—65, 115, 117—120, 160—161, 173, 195, 208—235, 242—244, 278, 287, 294, 305—492
- художественные 14, 22, 65, 81, 103, 160, 164, 169, 185—186, 238—242, 283, 294, 494—497, 500, 502, 522, 524, 537, 547, 548
- элементарные 144—145, 170
- этикетные 108, 111, 156, 204, 287, 294, 547
- речевые наполнители 160
- ритор 63

- риторический 10, 14, 22, 41, 53, 58—59, 64, 70, 87, 89, 94—95, 161, 163, 167, 213, 228, 252, 272—273, 282—284, 309, 323, 341, 342, 350, 410, 427, 497, 507, 521, 540, 541, 544, 549, 556
- ритуал 114, 169, 190—191, 199, 242, 244, 255, 260, 351, 362, 415, 420, 530
- ритуальный дискурс 14, 66, 68, 115, 126, 163, 190—191, 199, 212, 241, 381, 383, 521
- самоирония 327, 473
- свергывание текста 183
- сверхфразовое единство 13, 148
- «свет» 214, 228, 313—314, 321, 340—398
- семантика 17, 30, 43, 47—48, 51, 90, 93, 96, 100—101, 104, 121, 128, 141—142, 146, 174, 225, 228, 251, 253—254, 335, 351, 368, 374, 382—386, 391—392, 408—409, 431, 433, 509, 512, 517, 525, 535, 540, 550, 551, 552
- семантическая двойственность 27
- семантическая когерентность текста 28, 84, 172, 282
- семантические знаковые системы 87
- семантический примитив 10, 212, 259, 289—290
- семиотика 52, 69, 74, 102, 421, 500, 545, 554
- семиотические знаковые системы 87
- символ 88, 90, 92, 279, 324, 390, 394, 401, 414, 421, 544
- синтагматика речевых жанров 27, 94, 138
- ситуативные нормы 105, 110
- ситуация 7, 8, 13, 14, 20, 28, 33, 34, 35, 37, 38, 41, 46, 52, 54, 55, 60, 77—78, 80, 82—84, 88—89, 91, 93, 95, 98, 100, 103, 106, 109—110, 118—119, 122—124, 129—134, 137—140, 142, 146—147, 149—150, 152, 161, 172, 178, 183, 190, 195—197, 199—204, 207—208, 210, 218, 227—228, 230—231, 238, 240, 243, 253, 255, 262, 275, 285, 291, 321, 341, 347, 352, 360, 383, 399, 404, 412, 417, 431, 454—456, 493, 514, 520, 524, 533, 535—536, 539, 545
- ситуация общения 7, 8, 13, 14, 20, 28, 33, 34, 35, 37, 38, 41, 46, 52, 54, 55, 60, 77—78, 80, 83—84, 88—89, 91, 93, 95, 98, 100, 103, 106, 109—110, 118—119, 122—124, 129—134, 137, 139—140, 146—147, 149, 152, 161, 172, 183, 190, 195—197, 199—204, 207—208, 210, 218, 227—228, 230—231, 238, 240, 243, 253, 255, 262, 275, 285, 291, 321, 341, 347, 352, 360, 383, 399, 404, 412, 417, 431, 454—456, 493, 514, 520, 524, 533, 535—536, 539, 545
- скрытая трансакция 236, 402, 419
- сложное речевое событие 13, 58, 65, 139—142, 517
- слот фрейма 111
- событие 13, 104—106, 110, 114, 123—124, 138—140, 147
- сокращенный код 278
- социальный символизм 122
- социальный статус 40, 110, 120, 169, 214, 237, 239—240, 262, 340, 350—351, 360, 363, 365, 383, 398, 522
- социолингвистика 40, 81, 104—105, 152, 240, 244, 504
- спонтанный 14, 24, 44, 94, 163, 187, 328, 497, 524
- стандартная коммуникативная ситуация 83, 122
- степень косвенности 172, 209, 213—235, 305, 413, 418, 424—426, 429, 433
- стереотип 23, 100, 112, 117, 119, 173, 263, 270, 336, 427, 431, 466, 514, 528
- стилизация 79, 283, 436
- стилистика 20, 21, 72, 77, 79, 130, 132—137, 152, 282, 287, 389, 495, 503, 508, 510, 514, 517, 525—526, 531, 533—535, 542, 543, 545
- стилистический вектор 135—136
- стиль 7, 13, 34—36, 60, 72, 73, 81, 83,

- 84, 96, 104, 105, 125, 129—137, 143, 167, 172, 175, 278, 379, 383, 389, 397, 457, 509, 510, 521, 525, 529, 540
- стиль функциональный 13, 72, 83, 96, 129—137, 172, 383, 389, 397, 457, 509, 525
- структурализм в науке 19, 21, 22, 64
- субжанр (жанроид) 53, 57, 59, 83, 148, 149, 157, 283, 505
- суггестивность 71, 261, 513
- сценарий коммуникативный 83, 84, 93, 111, 114, 256, 265—266, 308, 314, 381, 509, 512, 552
- текстовый структуратор 28
- текстоид 187, 190, 544
- текстотип 84
- тема 28—31, 34—36, 39, 45, 47, 48, 51, 80, 83, 84, 117, 118, 125, 130, 147, 149, 160, 168, 172, 185—187/ 189, 211, 214, 228, 231, 240, 258, 275, 278, 279—282, 306, 310, 312, 314, 318—319, 327—328, 335—337, 340—342, 347—348, 352—353, 357—359, 377, 379—380, 396, 400, 444, 451, 569, 485—486, 544
- тематическая петля 282
- (тематическая) цепь 84, 282
- темо-рематическая прогрессия 29, 83, 84
- типаж лингвокультурный 21, 67
- типизация 97, 166, 185, 436
- типологический признак 114, 155, 160, 161, 206, 213, 254, 259, 260, 272, 312, 349, 379
- тональность 11, 13, 41, 67, 81, 83, 117—121, 143, 270, 281, 306, 327, 347, 375, 379, 411, 428, 444, 502, 531
- топология коммуникативного события 114
- точка напряженности 222
- трансакция 83, 236, 402, 419
- троп 91, 175, 194—196
- узуальная норма 173, 185, 495
- узус 87, 93, 161, 171, 185, 511
- улучшение межличностных отношений:
- в прямой форме 218—219
 - в косвенной форме 215—216, 223
- универсальный 10, 12, 17, 60, 160, 218, 235, 257, 259, 261, 263, 264, 267, 289, 307, 389—390, 397, 418, 496, 509
- унисон 212, 214, 215, 303, 402, 427
- упоминание 165, 307, 443
- упорядочивание коммуникации 85, 197
- употребление 30, 35, 102, 136, 143, 163, 165, 166, 173, 202, 382, 389, 391, 395, 429, 452
- уровень речевой компетенции 115, 228, 271
- утилитарные нормы поведения 255
- ухудшение межличностных отношений:
- в прямой форме 218
 - в косвенной форме 219—223
- Факультативные характеристики** 30, 32, 129, 192, 202, 205, 226, 455
- фамильярность 172, 353, 406
- фасцинация 120, 197
- фатика 160, 210, 227, 235
- фатическая центробежность 228, 312
- фатическая центростремительность 228
- фациент 113
- филогенез 90
- фокус контраста 84
- формализация 53, 54, 57, 63, 87, 88, 90, 92, 94, 101, 198, 214, 340, 391, 496, 515
- формализация жесткая 185—197, 264, 324, 496
- формализация мягкая 185—197, 264, 289
- формализованный код 87, 88, 91, 92, 496
- формальная логика 18, 21, 89
- формулы речевого этикета 83, 200, 205, 338
- фрейм 9, 13, 29, 40, 83, 84, 89, 98, 113, 123, 143, 149, 251, 430, 500, 532, 550

- функции языка:
 поэтическая 118
 фатическая 116—117, 118—119
 функциональная перспектива 83—84
- «хорошая речь» 40—41, 59—60
- хронология коммуникативного
 события 114
- художественный диалог 160, 278, 288,
 291, 436, 524, 537, 544, 547
- цель коммуникативная 13, 18, 27, 60,
 83—85, 98, 127, 145, 162, 163, 171,
 176, 179, 195, 452
- цензура 275, 441, 453, 484
- ценность 67, 69—70, 83, 108, 141, 152—
 190, 242, 243, 248—259, 263—264,
 270, 281—283, 305—309, 315, 321,
 324—330, 338—339, 347, 349—355,
 358—364, 366—369, 377, 378, 381,
 386, 388, 390, 392, 393, 397, 473,
 490, 493, 506, 514, 516
- ценность внутрикультурная
 речежанровая 248—258
- ценность коммуникативная 7, 83, 248—
 258, 263, 308, 311
- центрированный 98, 271
- цитация 69, 283, 500
- шкала «жесткость vs. свобода» 185—
 205
- шкала межличностной близости 212—
 235
- шкала прямой/непрямой коммуникации
 197—235
- шкалирование 85, 92, 196, 214, 225
- эвфемизм 30, 91, 433
- экзистенциальное общение 147, 305,
 326, 335
- экспектация 82, 103
- эксплицитный 24, 112, 184, 215, 227,
 284, 341, 425, 458
- экспрессия 33, 35, 88, 166, 172, 194,
 230, 285, 374, 375, 388, 390, 474,
 508
- элитарность 358, 363, 365, 367
- эллиптические конструкции 194, 196
- эмотивность 66
- эмоциональность 99, 119, 160, 265
- энциклопедический 23, 292, 544
- энциклопедия речевых жанров 11, 248,
 269, 287—305
- этикет 23, 51, 65, 83, 108, 111, 115, 156,
 160, 180—181, 199—205, 208, 218,
 260, 269, 282, 294, 310, 340, 343,
 352, 358, 359, 375, 380, 401, 404,
 414, 421, 471, 474, 490, 503, 512,
 513, 547, 548, 550
- этикет речевой 23, 51, 65, 83, 108, 111,
 115, 156, 160, 180—181, 199—205,
 208, 218, 269, 294, 310, 340, 343,
 352, 358, 359, 375, 380, 421, 471,
 474, 490, 503, 512, 513, 547, 548,
 550
- этимология 97, 252, 326, 403, 549, 553
- этнография речи 137, 551
- эффективность коммуникации 60, 104,
 105, 282, 283
- юмористический 314, 435, 438, 445,
 468
- ядерное предложение 193—196
- языковая игра 18, 26, 60—61, 68, 91,
 103, 119, 169, 194, 236, 237, 240,
 263, 279, 281, 285, 289—291,
 343—345, 354, 375, 391, 398—434,
 444—445, 449, 500, 502, 505, 506,
 513, 514, 516, 519, 524, 527, 530,
 534, 542, 553
- языковая картина мира 7, 57, 97, 254,
 256, 258, 269—270, 305, 307, 383,
 391, 393, 397, 503, 520, 549
- языковая личность 18, 21, 40—41, 59,
 60, 64, 65, 69, 98, 103, 110, 169, 184,
 209, 210, 212, 270—273, 276, 281,
 305, 339, 354, 357, 506, 514, 522,
 523, 530, 536, 543, 546, 556
- «Я»-тема 30, 451

Указатель речевых единиц

- акафист 184, 242
акт о хищении 294, 512
альбом девичий 294, 301, 507, 519
анекдот 67, 69, 101, 115, 147—148, 156, 223, 288, 294, 304, 314, 336, 343, 397, 399, 434—492, 502, 505, 506, 511, 514, 517, 522, 523, 527, 528, 534, 543, 545, 547, 555
аргументирование 50, 295, 510
«аська» в электронной коммуникации 42, 295
афоризм 100—101, 295, 343, 423, 439, 445
- байки охотничьи** 295
балагурство 295
бегущая строка 284, 295
беседа:
 деловая 55, 69, 156, 295
 доверительная 295, 313, 554
 дружеская 22, 164, 169, 218, 295, 305, 341, 344—345, 353—355, 379—380, 511
 светская 65, 95, 98, 101, 115, 148, 160, 161, 169, 195, 214, 228, 230, 235, 295, 304, 310, 313, 318, 321, 338, 339, 340—398, 420, 421, 433, 526, 532, 543, 546, 550
 семейная 115, 148—149, 218, 295, 379, 502, 522, 541
благодарность 49, 108, 125, 131, 145, 156, 169, 178, 204, 261, 295, 451, 505, 521, 534, 539
благопожелание 295, 537
благословение 49, 293
блог / ЖЖ (живой журнал) 169, 275, 277—281, 285, 295, 510, 528, 540
болтовня 22, 42, 48, 97, 98, 148—149, 169, 173, 211—212, 218, 271—272, 277, 295, 336, 349, 353, 354, 357—358, 375, 398, 543
божба 49, 164, 262, 420
брань 48, 49, 169, 292, 295, 430, 519, 523
- брюзжание 48, 49, 292, 295
буклет медицинский 71, 295, 541
бурлеска 167, 173
бытовой диалог 38, 44, 67, 80, 85, 105, 110, 130—131, 145, 148, 156—158, 160, 163—164, 167, 226, 238, 271, 278, 447, 535, 542
бытовой рассказ 45, 117, 148, 157, 186—187
- велеризм** 167, 173
внушение 293
возглас 49
возражение 25, 49, 295, 506
воинский устав 156
вопрос 24—28, 45—48, 50, 80, 94, 108—109, 125—127, 138, 145, 156, 161—162, 167, 171, 173, 175—179, 186—187, 196, 201, 277, 239, 293, 332, 338, 342, 403, 427, 508, 534
ворчание 48, 49, 100, 292, 295, 549
вранье 42, 48, 144, 297, 298, 553
врать как сивый мерин 170
встреча 103, 105, 199, 228, 292, 295, 309, 357, 414, 423—426, 554
выведывание информации 295, 521
вывески городские 295, 523
вывести на чистую воду 222
выражение восхищения 178, 203, 295, 550
- выражение интеллектуального превосходства 263, 295
выражение сочувствия 65, 272, 295, 339, 411, 426, 522
высмеивание 48, 292, 295, 510
выступление в суде 131, 163, 167, 295
выступление на митинге 156
выяснение отношений 14, 115, 212, 218, 410
- газетное сообщение о текущих событиях 185
газетный отчет 156
газетный фельетон 68, 156, 303, 487

- голосование 68
гороскоп 285, 295, 528, 541
граффити 113, 296, 502, 517, 529, 548
- дебаты 60, 68, 70, 302, 521
деловое соглашение 49, 50, 68, 156, 293
дерзость 48, 292, 296
«дефинирование» 42, 144, 296, 526
диалог, имеющий целью установление или регулирование межличностных отношений 159—169, 212—235
диалог «кондуктор – пассажир» в городском транспорте 296, 411
диалог «покупатель – продавец» в сфере розничной торговли 239, 296
дипломатическая нота 169, 173
дискуссия 68, 126, 129, 141, 144, 145, 156, 168, 227, 277, 296, 341, 347, 428—429
дискуссия в прессе 68, 296
диссонанс 212, 214, 296
дневник 145, 169, 278, 296, 437, 445, 547
доказательство 73, 100, 296
донос 49, 152, 146, 296, 535, 553
допрос 48, 140, 296, 397, 547
«доставание» 221
дружеская лирика 169, 313
дружеское письмо 65, 79, 145, 156—157, 164, 268—269, 299—300, 313, 413, 417, 504, 505, 508, 517, 524, 539, 546
дуэль 64, 200, 296, 351, 548
- жалоба 48, 49, 70, 81—82, 100, 109—113, 156, 162, 292, 296, 518, 530
жития святых 296, 503
- заговор враждебный 67, 296
заговор магический 261, 296, 507
законодательный акт 156
занимательный рассказ 343
записка школьная 79, 152, 296, 540
запрет 49, 55, 65, 112, 287, 296
запрос 112, 520
зарок 49
заседание суда 104, 141
- застолье 149, 161, 292, 296, 481, 530—531, 533
заявление 147, 296
злопожелание 296
знакомство 213, 296, 516
зов 49, 50
- извещение 512
извинение личное 48, 49, 100, 108, 125, 156, 169, 200—205, 253, 293, 296, 540, 547, 548, 554
извинение публичное 267, 296, 528
издевка 200, 215, 219, 296
излияние 293, 354
изложение школьное 296, 506
инаугурационная речь 68, 285, 296
инаугурационное обращение 64, 68, 296, 554
инвектива 169, 180, 222, 296, 517, 519
инструкция 49, 119, 145, 168, 283, 522, 540
инструкция по эксплуатации 296, 522
интервью:
газетное 69, 283, 297, 301, 302, 501, 502, 508, 527, 531, 538, 540, 546, 549
с политиком 60, 68, 297
с политологом 68, 297
интимное общение 328, 335, 361
информативный диалог 14, 64, 108, 112, 118, 159, 167, 227—228, 235, 541
информационная заметка 68
ирония 21, 49, 97, 121, 144, 166, 172, 175, 179, 181, 183, 200, 214, 219, 224, 227—228, 231—232, 264—265, 280—281, 285, 297, 340—341, 343, 345, 365, 384, 412, 416, 427, 429—430, 490, 508, 511—512, 518—519, 525, 530, 535, 538—539, 542, 550, 553
исповедь в непосредственном общении 49, 131, 167, 218, 326, 328, 349
исповедь в церкви:
католическая 297
православная 131, 167, 185, 243, 297, 324, 506
исповедь публицистическая 131, 167

- капризничание 48, 292, 297
 карикатура политическая 70, 297, 439, 501
 каталог моды 297, 526
 квитанция об оплате 297
 клевета 49, 224
 клятва 49, 145, 262, 297, 522
 клюза 49, 293
 «Книга отзывов и предложений» 297, 535
 коан (жанр богослужения в буддизме) 297, 550
 колкость 49, 148, 220, 225, 244, 297, 406—407, 453, 508, 542
 колонка комментатора 68, 297
 команда:
 военная 157, 297, 494
 врачебная 191, 297
 комикс 69, 297, 525
 коммюнике 297
 комплимент 14, 49, 69, 98, 109, 115, 122, 146, 147, 156, 169, 175, 178, 212, 214, 215, 220, 223, 244, 253, 254, 294, 297, 338, 346, 402, 403, 406, 408, 412—414, 418, 521, 525, 530, 539, 542, 543, 548, 556
 конституция 297
 консультация медицинская 191, 241, 244, 297, 520
 контактоустанавливающие формы 160, 517
 конфликт 149, 160, 224, 227, 263, 271, 292, 297, 349, 361, 469, 483, 490, 519, 555
 красивое / художественное вранье 297
 критика 49, 144, 151, 292, 297, 426, 511
 «крохотки» 79
 кулинарный рецепт и презентация 185, 297, 301
 кулуары 48
 лекция 129, 156, 168, 297
 лесть 14, 49, 69, 109, 146, 244, 253, 297, 516, 530, 536
 либретто 102, 297
 ликование 292, 298
 лирическое стихотворение 147, 156, 198, 239, 505
 листовка 298, 550
 ложь (вранье) 42, 48, 144, 298, 553
 лозунг:
 на демонстрации 273, 298, 518, 529
 политический 68, 298
 манипулирование 21, 120, 151, 175, 273, 298, 451—452, 471, 476, 480, 497, 516, 538
 мистификация 298, 538, 555
 «многозначительное молчание» 501
 «модерация» 298, 551
 молва 48, 292, 298, 527, 539
 молитва 64, 97, 166—169, 184, 242, 243, 298, 362, 420, 505, 507, 533, 547
 молчание 218, 292, 298, 501, 506, 515, 523, 532, 538
 мольба 48, 100, 168, 292, 298
 монография 101, 168, 298, 300
 моральная поддержка 272, 298, 338
 на бабах разводить 170
 нагоняй 49, 293
 назидание 49, 298, 500
 наказ 49, 293
 накладная 298
 намек 21, 50, 298, 412, 414, 423, 426, 433, 470, 505, 549
 напоминание 293
 напутствие 49, 293
 наставление 49, 293
 нарратив 68, 298, 445, 446, 454, 500, 507
 насмешка 49, 298, 314, 424, 428, 467
 негодование 292, 298
 «недосказанность» 265, 328
 неодобрение 49, 522
 несогласие 25, 50, 115, 210, 298, 511, 538, 545
 нести ерунду 170
 неформальное общение 115
 нотация 49, 293
 нравouchение 293
 обвинение 49, 65, 132, 151, 215, 218, 292, 298, 518, 528, 545
 обмен записочками 169
 обмен мнениями 167

- обращение новогоднее 298, 526
 обсуждение 48, 50, 140, 298, 339, 352, 410
 объявление 49, 69, 119, 277, 298, 445—446, 512, 514, 528, 550, 556
 объявление брачное 70, 273, 299, 540, 551, 554
 объявление о вакансии 299, 536
 объявление о знакомстве 70, 277, 285, 299, 422—431, 500, 552
 объявление о приеме на работу 299, 536
 объявление рекламное 282—285, 299, 507, 550, 551
 объявление шутивное в маршрутных такси 285, 534
 объявлений доски электронные 285, 299, 526
 объяснение научное 49, 59, 72, 156, 169, 205, 253, 299, 530
 объяснительная записка 152, 299
 одобрение 49, 146, 299, 338
 окрик 49, 293
 опасение 299, 517
 операция хирургическая 191, 299
 оправдание 292, 299, 346, 528
 опровержение 71, 111, 168, 299, 500, 501
 оскорбление 70, 151, 164, 165, 175, 213, 215, 218, 279, 287, 299, 452, 528
 осуждение 45, 48, 49, 51, 65, 132, 292, 299, 338, 451, 518
 ответ на уроке 243, 299
 отказ 49, 111, 145, 163, 299, 506
 «отклики читателей» 299, 541
 откровение 321
 «открытое письмо» 299, 549
 отповедь 293
 отречение 108, 293
 отрицание 94, 165, 179, 195, 390
 отчетный доклад 68, 141, 156
 официальная речь 156
 очередь 299, 539
- памфлет** 68, 299, 536
 парламентские дебаты 68
 партийная программа 68, 299
 пасторское обращение 184, 242
- перебранка 48, 293, 391
 переговоры деловые 48, 273—274, 299, 359, 503, 550
 передовая статья в газете 68, 156, 299
 перебивать косточки 169
 переписка:
 деловая 277, 299, 522
 личная 60, 65, 158, 169, 185, 278, 299, 445, 537
- песня:**
 авторская / бардовская 299, 313, 490, 500, 518
 лирическая 198—199, 299, 522
 «пикировка» 48, 293, 406
- письмо:**
 армейское 299, 504
 в газету 261—262, 300, 533—534
 деловое 268, 300, 539
 коммерческое 300
 личное 65, 79, 145, 156—157, 164, 268—269, 299—300, 313, 413, 417, 504, 505, 508, 517, 524, 539, 546
 с фронта 300, 508
 частно—официальное 300, 517
- письмовник 261, 268, 300, 528
 плакат городской 300
 побуждение 50, 51, 94, 176, 300, 403, 505, 542
 побуждение к совместному действию 300, 505
 повествование 94, 115, 145, 160, 300
 поговорка 127, 158
 подсказка 293
 пожелание 49, 115, 158, 300, 526, 539
 поздравление 49, 69, 108, 111, 125, 145, 156, 158, 159, 169, 201, 204, 261, 300, 259, 531, 547
 показать, где раки зимуют 222
 показать Кузькину мать 222
 полемика 68
 политическая антиреклама 300, 524
 попрек 49, 300
 порицание 42, 48, 49, 292, 300, 518, 533—534
- послание:**
 духовное 300
 поэтическое 300, 313, 547

- президента о положении в стране 68, 300
- церковно—религиозное 70, 300, 507, 545, 556
- постановление 293
- посул 49, 293
- поучение 49, 55, 109, 293, 328
- похвала 14, 69, 144, 146, 164, 178, 179, 223, 253, 300, 420, 451, 518, 524, 530, 536, 543, 548
- похвальба 48, 100, 109, 146, 156, 212, 215, 245, 253, 292, 300, 411, 412
- поцелуй 169
- предвыборные дебаты 70, 521
- предостережение 45, 49, 125, 145, 156, 300, 517
- предписание 293
- предсказание 48, 49, 292, 300
- предупреждение 49, 293
- презентация 283, 297, 300, 301, 359, 363
- репринтерство 293
- прескриптивный диалог 117—119, 159
- приветствие 47, 49, 115, 125, 144—145, 158—159, 199—200, 292, 300, 451
- приговор 49, 293
- придирки 48, 49, 146, 253, 292, 300
- признание:
- в любви 49, 109, 131, 163, 167, 212, 214, 218, 227, 300, 528
 - в суде 131, 163, 167
- призыв к откровенности 300
- приказ 25, 30, 50, 59, 65, 109—110, 125—126, 138, 152, 156, 178, 300, 475, 556
- пример, приведение примера 301
- примечание 293
- присяга 145, 293
- притворство 42, 144, 301, 516
- притча 184, 243, 343, 445, 446, 456
- притча миссионерская 301, 507
- причитание 49
- прогноз 49, 112
- прокламация 156
- проклятие 49, 164, 420
- проповедь:
- в межличностном общении 126, 218, 324, 349, 537
 - литературная 301, 529
 - храмовая 184—185, 242—243, 506, 510, 521, 539, 540
- проработка 140, 301, 515
- пророчество 292, 301
- просьба 47—49, 50, 59—60, 65, 94—96, 100, 109, 112, 125, 131, 138, 144, 156, 159, 162, 163, 166, 167, 169, 171, 175—179, 201, 227, 287, 292, 293, 301, 500, 520, 545, 556
- просьба о прощении 301, 552
- прощание 115, 120, 125, 158, 292, 301, 451, 554
- прощение 48, 49, 204, 292, 301
- псалмы 168, 184, 242—243
- «пустые» разговоры 163—164, 214
- р**
- разводить бодягу 170
- разговор 25, 27, 29, 30, 46, 48, 59, 80, 89, 127, 145, 152, 156, 163—164, 170, 186—190, 200, 203, 211—212, 217—218, 221, 229, 231, 237, 253, 258, 301, 340—398, 399, 409, 411, 418, 510, 533, 543, 552
- разговор по душам 98, 101, 115, 148, 149, 215, 218, 226, 228, 235, 239, 271, 272, 301, 304, 305—339, 349, 350, 353, 356, 357, 379, 380, 397, 398, 433, 516, 518, 543
- разговор с позиции силы 301, 533
- разговорник 64, 301, 534
- разоблачение 293
- разрешение 48—50, 112, 156, 301, 551
- разрыв отношений 115, 215, 216, 227, 336
- раскаяние 201, 204, 205, 292, 301
- распоряжение 156, 293
- рассказ любовный в девичьем рукописном альбоме 294, 301, 507, 519
- рассказ-пластинка 115, 301
- реалити-шоу 301, 330, 528
- рекламное интервью 283, 301, 508
- рекомендация 48, 49, 69, 292, 301
- реплика в романе 166
- репортаж политический 68
- репортаж спортивный 50, 301
- рецензия в PR 285, 301

- рецензия:
 искусствоведческая 70, 185, 301, 447, 520
 научная 301, 514, 524, 527
 рецепт кулинарный 185, 297, 301
 рецепт медицинский 293
 речь на презентации 301
 речь поздравительная 301
 речь предвыборная 301
 решение проблемы в малой группе 301
 розыгрыш 163, 183, 214, 215, 225, 302, 421, 548
 роман 14, 34, 44, 53, 79, 158, 164, 166, 456, 494, 547
 ропот 49
 ругань 49, 292, 302
 рукоприкладство 169
 рыдание 292, 302
- садистские стишки 302, 505
 самооценка 302, 548
 самоуничтожение 181, 302
 сарказм 49, 200, 302, 518, 550
 свадьба 141, 227
 сговор 293
 сделка с дьяволом 302
 сентенция 48, 302, 338, 343, 411, 533—534
 сказать подлинную правду 169
 скандал межличностный 14, 46
 скандал политический 68, 70, 302, 526
 словарь 302, 520—521
 слово вступительное 302
 слово ответное 302
 слоган 65, 302, 505, 554
 слухи 48, 292, 302, 527, 535, 538
 соболезнование 125, 201, 204, 302, 547
 совет 46, 48—50, 71, 100, 110, 138, 159, 178, 268, 283, 292, 302, 326, 338, 409, 502, 545
 совет в журналах 268, 302, 535
 совещание 156, 302
 согласие 25, 49—51, 111, 112, 115, 302, 338, 425, 511, 538
 соглашение 49, 50, 68, 156, 227, 293
 сплетня 48, 211, 228, 262, 302, 354, 375, 469, 472, 535
 сплетничество 335—336, 349, 353
- спор 46, 50, 70, 115, 144, 156, 159, 168—169, 253, 262, 287, 292, 302, 315, 342, 360, 513, 552
 ссора 14, 48, 96, 98, 115, 126, 144, 146, 148, 149, 156, 168—169, 212, 214, 215, 218, 223, 226, 228, 253, 302, 315, 512, 542, 543, 549, 552
 статья:
 научная 146, 302, 527
 проблемная 68
 аналитическая 68
 публицистическая 156, 299, 302, 531
 судебная речь 156
- татуировка 553
 театральная афиша 185
 текст закона 68, 302
 теледебаты 60, 68, 70, 302, 521
 теленитервью 302, 521, 538, 546, 549
 телешоу 302, 517
 ток-шоу 70, 285, 302, 529, 541
 толкование 49, 303, 554
 торжественная ода 41, 508
 тост 95, 147, 149, 156, 303, 343, 345, 445, 553
 точить лясы 170
 традиционное радиообращение 68
- убеждение 59, 65, 144, 303, 549, 556
 уверение 48, 49, 292, 303
 уговоры 49, 59, 65, 144, 303, 549, 556
 угроза 48, 49, 55, 70, 100, 121, 125, 131, 145, 146, 152, 156, 167, 169, 173, 175, 221—222, 253, 292, 303, 452, 502, 523, 531, 536, 545, 551
 указ 68
 указ президента 68, 303
 уловка 303
 ультиматум 131, 167, 227, 293
 унисон 212, 214, 215, 303, 402, 427
 уничтожение 303
 указание 293
 укор 48, 49, 292, 303
 упрашивание 293
 упрек 48, 49, 100, 112, 175, 228, 292, 303, 428, 430, 515, 538
 усмешка 303, 517

- утешение 144, 303, 549
 уточнение 293
 ухаживание 70, 303, 401—404, 414—418, 421, 434, 525
- фельетон:**
 газетный 68, 156, 303, 487
 политический 68, 71, 303, 521
- флирт 95, 97, 101, 115, 147, 148, 156, 163, 164, 175, 183, 195, 212, 214, 215, 223, 225, 226, 228, 233, 235, 303, 304, 335, 340, 380, 398—434, 527, 549
- форум в электронной коммуникации 169, 273, 278, 279, 285, 303, 433, 522
- хвалебные молитвословия 184, 242
 ходатайство 131, 163, 167
- церковная служба** 104
- частная переписка** 60, 65, 158, 169, 185, 278, 299, 445, 537
- чат в электронной коммуникации 42, 169, 273, 278, 285, 303, 528, 533
- шутка** 46, 49, 55, 115, 156, 167, 173, 212, 215, 233, 303, 309, 343, 346, 412, 556
- шутливая эпитафия 165
 шутовство 303
- экзамен 167, 173, 191, 192, 303, 532
 эпитафия 262, 303, 524
 этический кодекс 303, 538
- юбилейная речь** 68, 208, 303
- ябедничество** 48, 292, 303
- conflict** 303, 519
- deadpan jocular irony** 264, 294, 303, 512
dialogos миссионерские 264, 304, 551
dowcip 304
- edict** 304
- ICQ** 42, 295
- job interview** 294, 304
- kawał** 294, 304, 309
- meaningful talk** 160
Musikkritik 294, 304
- podanie** 304
pogadanka 156, 294, 304
portrait 304, 536
- role-playing game** 304, 521
- small talk** 65, 115, 210, 211, 214, 215, 217, 218, 225—226, 228, 232—235, 267, 273—274, 294, 304, 312, 340, 349, 351, 353—354, 356—360, 379, 391, 421, 434, 550, 557, 559, 561
- Todesanzeige** 294, 304, 512

Указатель имен

- Абиева Н. А. 275, 500
Абрамов Н. 342, 500
Абрамова Т. В. 301, 500
Абрахамс Р. Д. 391, 500
Абросимова Е. А. 299, 500
Авдосенко Е. В. 298, 500
Азерников В. 416
Акименко Н. А. 70, 242, 500
Акулова Е. В. 56, 58, 263, 285, 299
Алещанова И. В. 69, 302, 500
Алпатов В. М. 19, 33—36, 38, 56, 71, 157, 159
Андреева И. В. 71, 168, 241, 295, 299, 500
Андреева С. В. 64
Андрієнко Т. П. 144, 297, 501
Анисимова А. А. 297, 501
Анисимова Т. В. 41, 144, 156, 295—296, 298—302, 501
Антонова А. В. 298, 501
Антошинцева М. А. 297, 501
Апресян Ю. Д. 26, 100, 292, 295—296, 298—303, 307, 501
Артемова Е. А. 70, 241, 297, 501
Арутюнова Н. Д. 71, 108, 142, 156, 159—160, 167—168, 212, 218—219, 293, 298, 305, 307, 392, 501, 502
Архипенкова А. Ю. 302, 502
Архипов А. Ф. 297, 502
Архипова А. В. 294, 435, 502
Архипова А. С. 294, 502
Астафурова Т. Н. 157, 294, 304, 502
Ахматова А. А. 194, 510
Ахутина Т. В. 31, 502
- Бабенко Н. С. 75**
Багдасарян Т. О. 120, 121, 303, 502
Багрянская Н. В. 297, 502
Бажкова Е. В. 296, 502
Байкулова А. Н. 58, 65, 295, 306, 502
Байрамуков Р. М. 167, 219, 303, 502
Баклагина Л. 321—322
Бакумова Е. В. 241, 502
Балабанов А. 327
Балакай А. Г. 202, 503
- Баландина Н. А. 503
Балашова Е. Ю. 56
Балашова Л. В. 15, 41, 56—58, 97, 151, 152, 255, 257, 296, 397, 503
Балаян А. Р. 212—214, 227—228, 296, 303, 305, 503
Балаян Э. В. 390, 503
Балли Ш. 503
Баранникова Л. И. 249, 503
Баранов А. Г. 8, 40, 61, 144—145, 149, 170—171, 503
Баранов А. Н. 28, 93, 503
Барина Г. А. 541
Барнет В. 23, 72, 168, 302, 503
Барсукова М. И. 65, 297, 503
Баташѐва Л. А. 297, 503
Бахтин М. М. 8—11, 13, 18—26, 28, 30, 33—40, 42—46, 51—55, 61, 63, 75, 78, 85—87, 92—93, 99, 102, 103, 124, 126—131, 144—145, 147, 150, 152, 153, 155—159, 161, 163—168, 170, 172, 173, 183, 185, 190—192, 198, 210—212, 249, 262, 267, 276, 278, 282, 288, 294, 310, 342, 344, 353, 390, 420, 488, 494, 495, 501, 504, 506, 517
Бацевич Ф. С. 93, 298, 504
Бгажноков Б. Х. 421, 504
Безменова Л. Э. 297, 504
Безруков С. 366
Безугла Л. Р. 298, 504
Бейлинсон Л. С. 69, 241, 244, 504
Беликов В. И. 390, 504
Белл Р. 23, 504
Белова Л. А. 299, 504
Белозерова Е. В. 71, 282, 505
Белозерова Е. М. 298, 505
Белоусов А. Ф. 288, 294, 302, 502, 505
Белоусова Н. П. 282, 302, 505
Белошاپкова В. А. 300, 505
Белунова Н. И. 300, 505
Бельмондо Ж. 387
Бенвенист Э. 87, 91—92, 201, 207, 505
Бергсон А. 436, 505
Бердникова А. Г. 295, 505

- Бердникова Т. В. 56, 298, 494, 505
 Бердяев Н. А. 305—306, 505
 Берн Э. 91, 236, 399—402, 405, 419, 505
 Бесемерес М. 99, 505
 Бех Н. Н. 296, 506
 Белова А. Д. 136, 504
 Блумфилд Л. 249
 Блюменсток Д. 298, 529
 Боас Ф. 255, 260
 Боброва В. М. 295, 298, 299, 506, 545
 Боброва Т. А. 383, 553
 Бобырева Е. В. 66, 69, 167, 184—185, 241—243, 297, 301, 506
 Богданов В. В. 298, 506
 Богин Г. И. 62, 92, 95, 506
 Богушевич Д. Г. 26, 209, 506
 Бозрикова С. А. 294, 506
 Бойко О. В. 298, 506
 Бондарев Ю. 365
 Бонецкая Н. К. 210—211, 506
 Бопп Ф. 249
 Борботько В. Г. 27, 236, 240, 506
 Боргер Я. В. 219, 507
 Борисов С. Б. 294, 507
 Борисова И. Н. 8, 40—41, 52, 62, 74, 105—106, 110, 114—116, 124, 137—138, 296, 298, 300, 306, 507
 Борисова М. Б. 495, 546
 Бочарова Т. И. 301, 507
 Брандес М. П. 132
 Брежнев Л. И. 435, 484
 Бровкина Ю. Ю. 282, 299, 507
 Бугаева И. В. 298, 300, 301, 507
 Булаховский Л. А. 389, 507
 Булгаков М. А. 91
 Бульгина Т. В. 300, 303, 307, 309, 507
 Бунин И. А. 222
 Бурвикова Н. Д. 27, 507
 Бурлюк Д. 79
 Бусоргина Н. Ю. 261, 268—269, 300, 528
 Бушуева Л. А. 65, 138, 507
 Бырдина Г. В. 27, 508
 Быценко Т. А. 299, 508
 Бюлер К. 104, 106, 199, 255, 508
- Вайнрайх У.** 259, 394—395, 508
Вакуров В. Н. 132, 297, 302, 508
- Валуйская О. Р. 70, 295, 508
 Вальтер В. Ю. 297, 508
 Вандервекен Д. 26, 544
 Варзонин Ю. Н. 179, 297, 340, 508
 Варламова Е. 318
 Варганова Н. Г. 282, 301, 508
 Васильев Л. М. 50—51, 508
 Васильева О. Ю. 41, 508
 Вашкау Н. Э. 300, 508
 Вежбицкая А. 10, 20, 21, 26, 40, 41, 43, 47, 55, 62, 90, 100, 125—126, 156, 171, 212, 222, 247, 256, 259, 261, 264—266, 289, 297, 304, 307—311, 314, 324, 339, 361, 392, 394, 408, 508, 509
 Векшин Г. В. 41, 136—137, 509
 Вендлер З. 225, 509
 Вепрева И. Т. 74
 Верещагин Е. М. 23, 178, 258, 292, 298—300, 509
 Викторова Е. Ю. 29, 57, 509
 Винарская Е. Н. 211—212, 509
 Виноградов В. В. 19, 21, 130, 135, 194, 249, 501, 510
 Винокур Г. О. 77, 389, 510
 Винокур Т. Г. 14, 18, 23, 160, 210, 212—213, 235, 510
 Вислоцкая М. 401, 414, 431, 510
 Власова Е. В. 57—59, 65, 296, 510
 Водоватова Т. Е. 83, 510
 Войтак М. 297, 298, 301, 510
 Волкова Н. А. 295, 510
 Волконский С. 342, 510
 Володин А. П. 202, 551
 Волохонский В. Л. 295, 510
 Волошинов В. Н. 18, 19, 33, 38, 123, 147, 165—166, 501, 504, 510
 Воля П. («Снежок») 375
 Воробьева К. А. 297, 511
 Высоцкий В. С. 336
- Габидуллина А. Р. 294, 511
 Гавранек Б. 389, 394, 511
 Гаврилова Н. В. 297, 511
 Гайда Ст. 40, 93, 144—146, 170, 197, 511
 Гайкова О. В. 70, 301, 511
 Гайсина Р. М. 295, 300, 301, 554

- Гайшина О. В. 275, 500
Гак В. Г. 27, 28, 174, 511
Галактионова И. В. 302, 511
Галичкина Е. Н. 69, 242, 511
Гальперин И. Р. 192, 511
Гаспаров Б. М. 39, 511
Гастева Н. Н. 23—25, 30, 57, 65, 295, 306, 511
Гачев Г. 357, 512
Гашек Я. 394
Герасимов В. И. 249, 536
Герашенко Т. Б. 304, 512
Герман И. А. 86, 89, 512
Гиндин С. И. 71, 298, 512
Гловинская М. Я. 71, 146, 292, 295—296, 298—302, 512
Гоголь Н. В. 82, 356, 395, 462, 481
Гоготишвили Л. А. 19, 38, 512
Годдард К. 10, 41, 100, 256, 259, 261, 264—265, 300, 303, 309, 509, 512
Голанова Е. И. 295, 512
Голев Н. Д. 294, 297, 302, 512
Голованов Я. К. 364
Голованова Е. И. 300, 512
Гольдин В. Е. 11, 15, 23, 40, 42, 47, 55—58, 123, 138—140, 146, 169, 180, 181, 199, 201, 236, 342, 344, 360, 402, 512, 513
Гончаренко Н. В. 71, 297, 298, 513
Гончаров И. А. 354, 356, 386
Горбач Л. В. 41, 296, 299, 513
Горбачев М. С. 345, 435
Горбачева Е. Н. 41, 70, 75, 262, 287, 295, 299, 302, 303, 513
Горелов И. Н. 83, 123, 150, 199, 513
Горошко Е. И. 17, 41, 274—276, 303, 514
Горшков А. И. 134, 514
Горький М. 82
Грайс Г. П. 255, 256, 258, 514
Гранин Д. 365
Грачев М. А. 390, 514
Грибоедов А. С. 349
Гридина Т. А. 236, 295, 436, 514
Гришаева Л. И. 294, 514
Гришечкина Г. Ю. 301, 514
Гришкин И. И. 209, 514
Гумбольдт В. 63, 123, 249, 260
Гусар М. В. 298, 514
Гусева О. А. 303, 514
Гуц Е. Н. 61, 514
Гюлумянц К. М. 325, 514
Давкова И. Э. 28, 514
Давыдов А. 434, 514
Давыдова Т. А. 303, 515
Даль В. И. 438
Дамм Т. И. 303, 515
Данелия Г. 223
Данилов С. Ю. 52, 62, 219, 298, 301, 515
Даулетова В. А. 241, 515
Даштоян Е. Н. 57, 59, 65
Девкин В. Д. 23, 515
Дегтярева В. Г. 285, 301, 535
Дейк ван Т. А. 28, 29, 40, 89, 301, 515
Дементьев В. В. 32, 38, 41, 53, 56, 57, 61, 64, 65, 103, 193, 206, 259, 272, 288, 294, 295, 301—304, 312, 349, 360, 397, 436, 515, 516
Дементьева Е. Ю. 296—298, 516
Дементьева О. 322
Демидова М. Б. 296, 516
Демьянков В. З. 23, 516
Денисюк Е. В. 298, 516
Дённингхаус С. 42, 43, 61, 144, 247, 297, 301, 516
Дешеева В. В. 302, 516
Джигурда Н. 366
Дмитриева Е. Ф. 300, 517
Дмитриева О. А. 67
Дмитриенко Г. В. 296, 517
Добровольский Д. О. 303, 517
Добрушина Н. Р. 299, 300, 517
Долинин К. А. 40, 61, 93, 124, 133, 247, 517
Донец П. Н. 303, 517
Достоевский Ф. М. 33, 182, 200, 203, 211, 306, 309—311, 354, 504
Доценко Т. И. 296, 517
Драздаускене М.-Л. А. 160, 211, 342, 517
Дружинин В. Н. 294, 517
Друзь А. 359
Дубровская О. Н. 56—58, 62, 65, 138—141, 304, 513, 517

- Дубровская Т. В. 56, 65, 298, 299, 518
 Дудник Л. В. 302, 518
 Дускаева Л. Р. 72, 73, 302, 518
 Дымарский М. Я. 41, 96, 186, 299, 518
 Дьякова Е. Ю. 303, 518
 Дьякова Л. Н. 299, 301, 313, 518
 Дьякова Т. В. 70
 Дьячкова И. Г. 42, 300, 518
- Евтушенко О. А. 300, 518
 Егорова И. Ю. 71
 Екатерина II 351, 352
 Елина Е. А. 297, 518
 Ельцин Б. Н. 131, 167
 Емельянова Н. А. 70, 219, 296, 518
 Енина Л. В. 298, 518
 Ермакова Е. В. 494
 Ермакова О. И. 274, 275, 519
 Ермакова О. П. 71, 296, 297, 307, 518, 519
 Ермолаева Е. Н. 303, 519
 Ерофеев В. В. 306
 Ерофеева Т. И. 72
- Жаворонок** С. И. 294, 301, 519
 Жельвис В. И. 62, 64, 169, 180, 219, 222, 296, 360, 519
 Жинкин Н. И. 23, 28, 519
 Жирмунский В. М. 267, 519
 Жичкина А. 274, 519
 Жура В. В. 297, 520
- Задорнов М. Н. 482, 485, 490
 Зализняк А. А. 392, 393, 520
 Занадворова А. В. 295, 520
 Захарова Е. П. 56, 57
 Зверева В. 368
 Зверева Е. В. 297, 340, 402, 520
 Зеленская В. В. 105, 546
 Земская Е. А. 39, 71, 159, 295, 436, 520, 541
 Земцова Л. А. 70, 301, 520
 Зигманн Ж. В. 298, 520
 Зильберт Б. А. 301, 520
 Зимняя И. А. 31, 520
 Золотова Г. А. 193—194, 520
 Зотеева Т. С. 41, 56, 58, 65, 287, 293, 301, 520
- Ивакина** Н. Н. 296, 520
 Иванова Е. П. 302, 520
 Иванова Ю. М. 70, 302, 304, 521
 Иванчикова Е. А. 302, 521
 Иванчук И. А. 57, 58, 64, 353, 521
 Ивин А. А. 88, 521
 Иглесиас Э. 316
 Извекова М. Г. 191, 241, 521
 Имас А. В. 295, 521
 Имшинецкая И. А. 73, 282, 521
 Инфантова Г. Г. 436, 521
 Иньиго—Мора И. 302, 521
 Ионова С. В. 66, 167, 183—184, 521
 Иссерс О. С. 175, 219, 295, 297, 403, 521
 Истомина А. Е. 71, 241, 303, 521
 Ицкович Т. В. 301, 521
- Йокояма** О. 29, 522
- Казачкова** Ю. В. 56—58, 65, 156, 295, 522
 Кайда Л. Г. 132
 Какзанова Е. М. 296, 522
 Какорина Е. В. 303, 522
 Капанадзе Л. А. 44—45, 148, 306, 522, 541
 Каплуненко А. М. 75
 Карабан В. И. 27, 522
 Карабыков А. В. 297, 522
 Карапетян Е. А. 299, 522
 Карасик В. И. 7, 14, 15, 39—41, 62, 66, 67, 69, 71, 103, 120, 130, 135, 157, 178, 190, 191, 236—241, 250, 255, 260, 288, 292, 296, 302, 307, 314, 434, 436, 522
 Каратанова О. А. 70, 241, 243, 303, 523
 Караулов Ю. Н. 523, 549
 Карачевцев С. 438, 523
 Карачун Т. С. 300, 529
 Карзенкова Е. П. 85, 523
 Карнеги Д. 401
 Карпман С. 419
 Карпова Т. Б. 523
 Карчевски Р. 303, 523
 Катаева Н. М. 393, 523
 Катукос С. С. 295, 523

- Кашкин В. Б. 74
Кибрик А. А. 249, 298, 523
Кибрик А. Е. 259, 523
Кинч В. 28, 515
Кириллова И. А. 56, 61, 295, 523
Киселева Л. А. (Ленинград) 27, 523
Киселева Л. А. (Красноярск) 296, 523
Китайгородская М. В. 8, 22, 40, 45, 46, 56, 71, 78, 80, 116—120, 162, 210, 254, 262, 268, 294, 295, 299—301, 303, 337, 348, 520, 523, 524, 541
Клейменова М. Г. 300, 524
Клоков В. Т. 57
Клочко Л. И. 300, 524
Ключевский В. О. 351, 524
Кобзеева О. В. 167, 524
Ковалева Л. М. 27, 524
Ковалева Н. А. 300, 524
Кожевникова Кв. 185, 291, 524, 525
Кожина М. Н. 41, 43, 52, 53, 62, 72, 125, 128, 129, 131, 170, 389, 525
Козинцев А. Г. 297, 525
Козлов Е. В. 69, 297, 525
Козловская Н. В. 295, 525
Колегаева А. В. 297, 525
Колокольцева Т. Н. 29, 57, 64, 525
Колосов С. А. 219, 525
Колоян Д. Л. 70, 303, 403—404, 525
Колшанский Г. В. 23, 525
Комаров Е. Н. 70
Комина Н. А. 23, 25, 526
Комиссарова Т. С. 298, 526
Коморова Д. Ф. 262, 300, 526
Компанцева Л. Ф. 285, 299, 526
Кон И. С. 401, 420, 526
Конан Дойль А. 422
Коньков В. И. 459, 526
Корнев А. 416
Кормилицына М. А. 24, 57, 61, 298, 518, 526, 538, 556
Корнейко С. 323
Коротеева О. В. 42, 69, 144, 296, 303, 526
Корх С. С. 261, 296, 507
Косицкая Ф. Л. 297, 526
Костина И. В. 295, 526
Костомаров В. Г. 23, 134—136, 178, 258, 292, 298—300, 509, 526
Кохтев Н. Н. 132, 297, 302, 508
Кочетова Л. А. 69, 242, 526
Кочкин М. Ю. 70, 241, 302, 526
Кошанский Н. 342, 527
Кравченко А. В. 17, 75, 90, 92, 199, 250, 527
Красильникова Е. В. 541
Красильникова Л. В. 301, 527
Красноперова Ю. В. 297, 527
Крейдлин Г. Е. 28, 93, 298, 302, 503, 527
Крестинский С. В. 298, 527
Крылова О. А. 300, 527, 527
Крылова Т. В. 71, 292, 295—297, 299—303, 527
Крысин Л. П. 105, 136, 527
Крюков Д. В. 69, 300, 527
Кубрякова Е. С. 92, 249, 527
Кудлаева А. Н. 72
Кудрина Н. А. 302, 527
Кузнецова Н. И. 57
Кузнецова О. Н. 300, 528
Кузьмина В. В. 57
Кузьмина М. В. 303, 528
Кулинич М. А. 261, 268—269, 300, 528
Курганов Е. 288, 294, 435, 528
Курчакова Н. 295, 528
Курченкова Е. А. 69, 298, 528
Кусов Г. В. 70, 219, 251, 299, 528
Кыркунова Л. Г. 73, 299, 528
Лаврентьева Е. В. 298, 299, 528
Ладыженская Т. А. 41, 296, 299—302, 528
Лакофф Р. 266—267, 296, 528
Лалетина А. О. 285, 295, 528
Ланских А. В. 301, 528
Лапинская И. П. 300, 529
Лаптева О. А. 23, 436, 529
Ларина Е. Г. 70, 285, 302, 529
Ларина Т. В. 202—203, 242, 255, 257, 300, 529
Лассвелл Г. 298, 529
Лафарг П. 267, 529
Лебедева Н. Б. 113, 296, 297, 302, 512, 529
Леви-Стросс К. 23, 259, 529
Левонтина И. Б. 295, 302, 341, 342, 392, 393, 520, 529

- Левшун Л. В. 301, 529
 Лемякина Н. А. 74, 529
 Ленин В. И. 435
 Леонов Н. 365
 Леонтьев А. А. 31, 530
 Леонтьев В. В. 69, 219, 262, 297, 300, 530
 Лермонтов М. Ю. 395, 408
 Лившиц Т. Н. 282, 299, 530
 Лимарева Т. Ф. 297, 530
 Липко Ю. Г. 296, 530
 Лихачев Д. С. 307, 530
 Лондон Д. 405
 Лосский Н. О. 311, 530
 Лотман Ю. М. 60, 65, 163, 174, 296, 351—352, 361—362, 530, 536
 Луковникова О. Ю. 72, 287, 299, 530
 Лукьяненко С. В. 278
 Лурье М. Л. 296, 502
 Лысакова И. П. 132
 Лю Сун 298, 530
- Ма** Яньли 296, 530—531
 Майданова Л. М. 132, 302, 531
 Макаров М. Л. 23, 29—31, 42, 52, 82, 103, 209, 226, 275, 295, 301, 531
 Малиновский Б. 211, 260, 304, 305, 415, 531
 Мандельштам О. Э. 91
 Маринин Ю. Н. 69, 300, 531
 Маркова Л. Ф. 17, 40, 70, 251, 297, 531
 Мартемьянов Ю. С. 289, 531
 Маргынова И. А. 303, 531
 Матвеева Т. В. 28, 30, 40, 41, 61, 74, 160, 219, 531
 Матюхина Ю. В. 41, 531
 Меламедова Е. А. 295, 531
 Мелетинский Е. М. 251
 Меликян С. В. 298, 532
 Мельчук И. А. 289, 532
 Мечковская Н. Б. 100, 295, 532
 Мерзлякова Л. В. 211—212, 509
 Мид М. 415, 532
 Милёхина Т. А. 58, 64, 295, 342, 353, 532
 Милованова Ж. В. 42, 144, 273—274, 532
- Миляева И. В. 296, 532
 Минеева С. А. 41, 296, 299, 513
 Минский М. 40, 436, 532
 Мироненко М. В. 303, 532
 Мирошниченко Л. Н. 532
 Митягина В. А. 303, 532
 Михайлов С. Н. 532
 Михайлова Е. В. 69, 241, 532
 Михалков Н. С. 359
 Михальская А. К. 342, 533
 Мишланов В. А. 298, 533
 Мищенко В. Я. 219, 533
 Москаева Е. А. 301, 533
 Москальская О. И. 27, 533
 Москвин В. П. 56, 125, 127, 533
 Мурзин Л. Н. 26, 29, 72, 533
- Назарова** Р. З. 56
 Налимов В. В. 92, 533
 Наумова Е. 321
 Невинская М. Д. 300, 394, 533
 Ненарокова М. Р. 301, 533
 Нестеров В. 274, 533
 Нестерова Е. 274, 533
 Неудачина Л. В. 138, 533
 Никитина Л. Б. 41, 299, 300, 302, 533—534
 Никишина Е. А. 261, 300, 534
 Николаева Т. М. 85, 296, 534
 Никонова О. Г. 282, 284, 295, 534
 Никулин Ю. В. 438
 Норман Б. Ю. 41, 64, 96, 198—199, 203, 236, 285, 288, 294—295, 299, 301, 434, 436, 534
- Овидий Назон** 398
 Одинцов В. В. 29, 534
 Окуджава Б. Ш. 393
 Олешков М. Ю. 303, 534
 Олянич А. В. 66, 69, 71, 157, 242, 252, 294—304, 502, 534
 Орлов О. М. 294, 295, 534
 Орлова М. Н. 23, 27, 534—535
 Орлова Н. В. 40, 41, 61, 130—132, 163, 167, 268, 297, 302, 535
 Оруэлл Дж. 396
 Осетрова Е. В. 302, 535
 Остер Г. 409

- Остин Дж. Л. 20, 26, 34, 124—125, 128, 145, 161, 535
 Отрошенко Е. Г. 285, 301, 535
 Оцуп Н. 386, 535
- Падучева Е. В.** 199, 535
 Палкевич О. Я. 144, 535
 Панкратова О. А. 70, 301, 535
 Панов М. В. 156, 260—261, 293, 513, 535
 Панченко Н. Н. 362, 296, 302, 535
 Паперно И. А. 313, 535
 Паповянец Э. Г. 303, 536
 Парсамов В. С. 56, 58, 536
 Парсамова В. Я. 56, 60, 65, 536
 Паршина О. Н. 56—58, 60, 64, 150—151, 301, 536
 Пастухов А. Г. 73, 299, 304, 536
 Пелевин В. О. 278
 Пельш В. 364
 Петелина Е. С. 219, 297, 536
 Петр I 142, 314, 350, 351, 362, 393—395
 Петров В. В. 249, 536
 Петрова Т. И. 272, 537
 Петрушевская Л. С. 217
 Пешков И. В. 38, 537
 Пешковский А. М. 23, 537
 Пиз А. 401, 414, 537
 Пименова М. В. 298, 537
 Пирс Ч. 17, 52, 413
 Писарек Л. 296, 537
 Писаренко Д. 401—402
 Плеханова Т. Ф. 494, 537
 Плешакова В. В. 295, 537
 Плисов Е. В. 301, 537
 Плотникова С. Н. 75, 295, 537
 Подберезкина Л. З. 537
 Подьяпольская О. Ю. 299, 537
 Познер В. 60, 359
 Ползунова М. В. 300, 537
 Поливанов Е. Д. 267, 537
 Полищук Г. Г. 291, 436, 537
 Полякова Е. В. 62, 65, 299, 300, 303, 538
 Попова Е. А. 69, 241, 538
 Попова Е. С. 298, 538
 Попова С. Е. 300, 529
 Попова Т. И. 302, 538
- Поройкова Н. И. 302, 538
 Пospelова А. Г. 161, 178, 179, 255, 298, 538
 Потebня А. А. 494, 538
 Походня С. И. 297, 538
 Почепцов Г. Г. 26, 302, 538
 Прибыткова С. А. 167, 301, 538
 Привалова И. В. 41, 56—58, 259, 538
 Пришвин М. М. 385
 Прозоров В. В. 56, 298, 299, 539
 Прокофьев В. 387
 Прокофьев Г. Л. 297, 539
 Проничев В. П. 297, 539
 Пропп В. Я. 23, 539
 Прохвятилова О. А. 301, 539
 Прохвачева О. Г. 357, 396, 539
 Пузикова З. Г. 73, 296, 539
 Путин В. В. 359, 482, 502
 Пушкин А. С. 169, 195, 312, 313, 353, 395
 Пушкина О. 315
 Пчелинцева М. С. 274, 539
- Рабенко Т. Г.** 539
 Рабинович Е. Л. 56, 58, 263, 295, 539
 Радченко В. В. 300, 539
 Разинкина Н. М. 132
 Ранних Н. А. 300, 539
 Ратмайр Р. 296, 540
 Рахилина Е. В. 249, 540
 Рейманкова Л. 297, 540
 Рехтин Л. В. 296, 540
 Рикёр П. 104, 540
 Рогалева О. С. 282, 299, 540
 Рогачева Н. Б. 56, 58, 272, 278, 280, 295, 516, 540
 Рождественский Ю. В. 255, 540
 Розанова Н. Н. 8, 22, 40, 45, 46, 56, 71, 78, 80, 116—120, 162, 210, 254, 262, 268, 294, 295, 299—301, 303, 337, 348, 520, 524, 540
 Романенко А. П. 56, 63, 395, 540
 Романова О. Н. 71, 299, 540
 Роммтвейт Р. 23, 540
 Ростова А. Н. 296, 540
 Ростockая Е. Б. 302, 541
 Рудова Ю. В. 71, 295
 Руссинова Т. В. 56, 58, 65, 287, 296, 541

- Руткаукайте-Драздаускене М.-Л. А. см. Драздаускене М.-Л. А.
Рыбаков А. Н. 418
Рытنيкова Я. Т. 62, 74, 295, 306, 342, 541
Рябова Л. Г. 436, 541
Рябцева Н. К. 41, 267—268, 541
- Савилова И. В. 296, 506
Савицкайте Е. Р. 285, 295, 541
Савченко И. А. 294, 517
Саенко А. Н. 17, 41, 275, 276, 514
Сажина Е. В. 299, 541
Сайкова Н. В. 296, 506
Салимовский В. А. 8, 41, 42, 56, 61, 63, 72, 77, 85, 132—134, 152, 247, 297—298, 301, 523, 542
Самохин М. В. 302, 527
Санджи-Гаряева З. С. 56, 63, 540
Санников В. З. 236, 290, 292, 295, 436, 444, 542
Саранцацрал Ц. 300, 505
Сахарный В. В. 72
Сахарова О. В. 297, 542
Святогор И. П. 23, 25, 542
Седов К. Ф. 8, 15, 36, 40—42, 54, 56—59, 61, 64, 98, 123, 135, 148—150, 161, 171, 220, 224, 235, 236, 271, 272, 288, 294—302, 306, 339, 434, 443, 513, 516, 542, 543
Седых А. П. 307, 543
Сепир Э. 249, 255, 260
Серебрякова Р. В. 300, 543
Серкова Н. И. 27, 28, 543
Серль Дж. Р. 20, 26, 85, 128, 145, 161, 174, 176, 544
Сибирякова И. Г. 30, 41, 62, 74, 544
Силантьев И. В. 74, 544
Синдаловский Н. А. 395, 544
Сиротинина О. Б. 15, 24, 29, 40—41, 55, 56, 58, 59, 62, 94, 105, 110, 161, 186—191, 213, 291, 396, 402, 436, 513, 537, 544
Скробнев Ю. М. 23, 544
Слышкин Г.Г. 7, 17, 41, 66, 69, 71, 236, 250—251, 269, 288, 294, 434, 522, 544, 545
Смирнов Ф. О. 273, 545
- Со Ын Ён 300, 527, 545
Собчак К. 367, 368
Соковнин М. В. 23, 545
Соколов К. Б. 294, 510, 528, 545
Солганик Г. Я. 132, 297, 302, 508
Солженицын А. И. 79
Соловьёва А. А. 71, 302, 545
Соловьёва А. К. 219, 342, 545
Соловьёва Ю. Г. 298, 545
Соломоник А. 87—90, 545
Сосюр Ф. де 19, 20, 63, 77, 87, 123, 173, 545
Сталин И. В. 435
Старобинский Ж. 356—357, 545
Стексова Т. И. 298, 301, 303, 545
Степанов А. Д. 18, 288, 295, 494, 545
Степанов Ю. С. 258, 307, 392, 546
Стернин И. А. 74, 85, 121—122, 136, 295, 298, 319, 340, 350, 380, 518, 546
Стрельникова М. А. 262, 302, 546
Стриж К. 367
Стругацкие А. Н. и Б. Н. 387
Сусов И. П. 17—18, 546
Суханов М. 300, 546
Суханова Е. М. 300, 546
Суханова И. Д. 300, 546
Сухих С. А. 105, 546—547
Сухотина—Толстая Т. Л. 399, 410
Сыщиков О. С. 69, 547
- Тамарченко Н. Д. 27, 547
Тарасенко Т. В. 156, 204, 294, 300, 302, 547
Тарасов Е. Ф. 104—105, 547
Тарасова И. А. 56, 57, 296, 300, 494, 547
Татарникова Н. М. 167, 296, 547
Телесин Ю. 438, 547
Теплицкая Н. И. 29, 547
Тестоедова Т. В. 298, 547
Толстая С. М. 548
Толстая Т. 414
Толстой Л. Н. 309—312, 340, 353
Топоров В. Н. 251
Трипольская Т. А. 300, 302, 548
Трифонов Ю. В. 365, 490
Троицкий Ю. Л. 296, 302, 548
Трофимова Н. А. 296, 548

- Троянская Е. С. 132, 301, 302, 548
Трушкин А. 336—337
Тряпицына Е. В. 241, 548
Туманян Э. Г. 249, 548
Тушикова С. Е. 57, 58, 65, 200, 262, 548
Тырникова Н. Г. 200, 548
Тюкаева Н. И. 296, 549
Тютенко А. А. 298, 549
- Уваров М. С. 297, 306, 324, 549
Уздина Е. М. 303, 401, 549
Универсалюк Е. А. 299, 549
Уорф Б. 255, 260, 267
Урванцев К. Г. 70, 144, 282—283, 549
Урысон Е. В. 292, 298, 302, 303, 307, 549
Успенский Б. А. 169, 259, 361—362, 530, 549
Ухова Л. В. 302, 549
- Ф**атеев П. С. 295, 549
Федорова Л. Л. 549
Федосюк М. Ю. 8, 40, 45, 47, 61, 71, 92, 93, 109, 119, 125, 127, 140, 144, 146, 156, 170, 192, 193, 247, 253, 254, 288, 291, 294, 297, 300, 302, 303, 306, 549, 550
Федотовских Т. Г. 298, 550
Фенина В. В. 41, 56—58, 65, 217, 262, 295, 304, 358—360, 516, 550
Фёрс Дж. 260
Филимонова О. Е. 295, 550
Филиппов В. О. 297, 550
Филиппова М. М. 296, 297, 302, 550
Филлмор Ч. 40, 89, 550
Филонова Ю. Ю. 299, 550
Флоренский А. 220—221, 532
Фоменко Н. 367
Фонвизин Д. И. 352, 481
Формановская Н. И. 71, 219, 299—301, 342, 550
Фрай Н. 251
Фрейд З. 401, 420—421, 550
Фрейденберг О. М. 169, 420, 550
Фриске Ж. 366
- Хаймс Д. Х. 137, 551
Хвощевский Р. В. 298, 551
- Хейзинга Й. 236—237, 391, 551
Хесс-Люттих Э. В. Б. 298, 551
Хижняк С. П. 56
Химик В. В. 103, 551
Хоанг Ань 296, 301, 551
Холквист М. 42, 150, 551
Хомский Н. 193, 551
Хорешко О. Н. 57, 65, 244—245, 264, 297, 551
Хотяинцева А. 413
Хохлова Н. В. 70, 219, 303, 551
Храковский В. С. 202, 551
Хуциев М. М. 326
Хэнкс В. Ф. 264, 304, 551
- Ц**арикевич Н. В. 262, 299, 551
- Ч**албышева А. В. 302, 551
Чарняк Ю. 90, 551
Чарыкова О. Н. 282, 552
Чахойян Л. П. 27, 552
Чейф У. 90, 552
Чекменева Н. А. 302, 552
Черватюк И. С. 156, 191, 264, 299, 303, 552
Черемисина С. Н. 30, 552
Черкасова И. С. 70, 285, 299, 552
Черник В. Б. 303, 552
Чернявская В. Е. 75, 298, 302, 552
Чехов А. П. 81—82, 162, 288, 311, 413, 481, 545
Чигридова Н. Ю. 69, 299, 300, 552
Чинова Л. Н. 56, 62, 296, 301, 552
Чиркова О. А. 69, 288, 294, 435, 443, 552
Чубарян Т. Ю. 303, 552
Чудинов А. П. 74
Чуковский К. И. 395, 470, 540, 552
- Ш**алина И. В. 74, 257, 261, 552
Шамьенова Г. Р. 56, 61, 203, 526, 553
Шанский Н. М. 383, 553
Шапир М. И. 296, 553
Шаповалова Н. Г. 56, 58, 275, 553
Шарифуллин Б. Я. 298, 553
Шаронина М. Г. 303, 553
Шатуновский И. Б. 297, 392, 553
Шахнарлович А. М. 272, 553

- Шаховский В. И. 42, 66, 144, 298, 553
 Шварц Е. Л. 223, 385
 Шведова Н. Ю. 23, 48, 541, 553
 Швейгер-Лерхенфельд А. Ф. 415, 553
 Швыдкой М. 318
 Шевченко И. 274, 554
 Шевченко И. С. 296, 554
 Шейгал Е. И. 15, 39, 64, 66—69, 71, 85, 191, 244, 264, 295—299, 302—303, 554
 Шемарова В. А. 295, 300, 301, 554
 Шемякина А. В. 241, 554
 Шенк Р. 90, 554
 Шибанова Е. А. 70, 554
 Шидо К. В. 65, 302, 554
 Шилихина К. М. 85, 546
 Шинкарёв В. 220, 532
 Ширинкина М. А. 72, 167, 296, 303, 554
 Ширяев Е. Н. 93, 436, 520, 541, 555
 Шлейхер А. 198, 555
 Шляхова С. С. 296, 517
 Шмелев А. Д. 39, 71, 104, 147, 199, 288, 294, 297, 300, 303, 305, 307, 309, 326, 336, 392, 393, 434, 437, 442, 444, 445, 454, 455, 459, 460, 481, 484, 490, 507, 520, 555
 Шмелева Е. Я. 39, 71, 147, 288, 294, 336, 434, 437, 442, 444, 445, 454, 455, 459, 460, 481, 484, 490, 435, 527, 555
 Шмелева Т. В. 22, 40, 43, 47, 52, 55, 60, 61, 71, 107—113, 116, 125, 126, 131, 155, 159, 174, 247—248, 253, 269, 288, 293, 555
 Штайн К. Э. 494, 555
 Штерн А. С. 29, 72, 533
 Шукшин В. М. 216, 219, 224, 228, 231—233, 361, 406, 409, 502, 512
 Шумов К. Е. 296, 502
 Шустрова Е. Н. 298, 538, 555
- Щедровицкий Г. П.** 31, 556
Щербаков А. В. 133, 556
Щурина Ю. В. 55, 61, 167, 236, 303, 556
- Элиаде М.** 251
- Юганов И.** 390, 556
Юганова Ф. 390, 556
Юнаковская А. А. 297, 556
Юнг К. Г. 251
- Яacobson Р.** 116, 174, 255, 556
Яковлева Е. А. 298, 556
Ярмаркина Г. М. 41, 52, 56, 59, 65, 94, 300, 556
Ярмульская И. Ю. 70, 300, 556
Яцко В. А. 302, 557
- Abelson R. P.** 90, 561
Adamek W. 328
Adamzik K. 261, 557
Albrecht J. 409
Anusiewicz J. 397, 557
Argyle M. 104, 557
Arnold J. 274—275, 557, 561
Askehave I. 275, 557
Attardo S. 436, 557
- Ballmer Th.** 27, 29, 31, 226, 403, 557
Bareja St. 332
Barnet V. 23, 557
Bernstein B. 238, 557
Bhatia V. K. 274, 557
Bickmore T. 217, 274, 557
Blum—Kulka S. 256, 557
Brennenstull W. 27, 29, 31, 226, 403, 557
Breure L. 274, 557
Brown G. 159, 160, 219, 557
- Chaika E.** 219, 557
Clark H. H. 103, 557
Cohen A. D. 219, 557
Coupland J. 561
Crowston K. 275, 557
- Daneš F.** 29, 558, 562
Danet B. 274—275, 558
Deetz S. A. 209, 558
Dobrzyńska T. 168, 559
Dönninghaus S. 43, 125, 558
- Erickson T.** 274, 558
Eysenck M. W. 90, 558

- Filding** H. 416, 431
Firbas J. 29, 558
Fox K. 217, 391, 558
Fritz G. 31, 558
- Gajda** St. 144—146, 558
Goffman E. 219, 391, 558
Graham J. A. 557
Grice H. P. 558—559
Grodziński J. 407
Güllich E. 31, 559
- Hall** E. T. 259, 559
Hall M. R. 259, 559
Harris Z. S. 209, 559
Harweg R. 28, 559
Heinemann W. 28, 559
Herbert R. K. 219, 559
Herring S. C. 274—275, 559
Hofstede G. 259, 559
Holmes J. 217, 559
House J. 256, 557
Hymes D. 104, 137, 560
- Isenberg** H. 28, 560
- Jeruta** R. 224
- Kaspar** G. 256, 557
Korabiewicz W. 419
- Łaszkiwicz** H. 259, 560
Laver J. 217, 560
Leech G. N. 217, 256, 256, 560
Lewandowska-Tomaszczyk B. 219, 560
Lindemann P. 31, 560
Lubaś W. 397, 560
- Malinowski** B. 305, 560
Manes J. 219, 560
Manners R. A. 560
McCarthy M. 560
Mervis C. 90, 561
Miller H. 274—275, 557, 561
Müller K. 31, 560
- Nielsen** A. E. 275, 557
- Őzóg** K. 202, 561
Orlikowski W.J. 275, 563
- Peirce** C. S. 92, 561
Pomerantz A. 219, 561
- Raskin** V. 436, 561
Rimmon-Kenan S. 494, 561
Rosch E. 90, 561
- Sacks** H. 217, 561
Saville-Troike M. 309—310, 561
Schank R. C. 90, 561
Schiffirin D. 53, 103, 209, 391, 561
Schneider K. P. 217, 561
Schröder H. 217, 561
Shannon C. 88, 561
Shepherd M. 275, 561
Sperber D. 103, 196, 562
Steinitz R. 28, 562
Stiles W. 26, 562
- Tannen** D. 391, 562
Taylor J. R. 90, 562
Tench R. 274, 562
- Umińska-Tytoń** E. 397, 562
- Viehweger** D. 28, 31, 562
- Watters** C. R. 275, 561
Weaver II R. L. 414, 562
Weaver W. 88, 561
Wierzbicka A. 10, 289, 562
Williams M. 275, 557
Wilson D. 103, 196, 562
Witosz B. 397, 562
Włodarczyk J. 329—330
Wodak R. 241, 562
Wojtak M. 297—298, 562
Wolfson N. 219, 560, 562
- Yates** J. 275, 563
Yule G. 159, 160, 219, 557
- Zaorski** J. 332
Zeydler-Zborowski Z. 98, 219, 220, 410, 411

Вадим Викторович Дементьев

ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректор Л. Яковлева

Оригинал-макет подготовлен В. Адаменко

Художественное оформление переплета А. Муллиной

Подписано в печать 23.03.2010. Формат 60 × 90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 37,5. Тираж 800. Заказ №

Издательство «Знак».
№ государственной регистрации 1027701010435.
Phone: **959-52-60** E-mail: **Lrc.phouse@gmail.com**
Site: **<http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>**

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (499) 255-77-57, тел.:(499) 246-05-48, e-mail: gnoxis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский проезд, 2, стр. 1
(Метро «Парк культуры»)

Вадим Викторович Дементьев родился в 1966 году. Окончил Саратовский государственный университет (русское и английское отделения). Здесь же защитил кандидатскую (1995) и докторскую (2001) диссертации. Профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Автор книг: «Социопрагматический аспект теории речевых жанров» (в соавторстве с К. Ф. Седовым) (Саратов 1998), «Непрямая коммуникация и ее жанры» (Саратов 2000), «Непрямая коммуникация» (Москва 2006), «Анекдоты семидесятых» (Москва 2010).

Жанрами речи занимается с 1988 года. Кроме этого, в сфере его научных интересов находятся лингвистическая аксиология, теория дискурса, непрямая коммуникация, фатическая коммуникация.

ISBN 978-5-9551-0409-6

МОСКВА

2010